

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1875 г.
Л. И. И.

Р Slav 236.4 ($\frac{1875}{2}$)

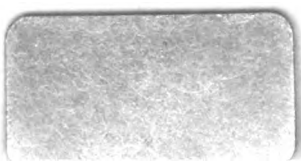
ПРОВЕРЕНО
1940 г.

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

1875

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ФЕВРАЛЬ.

1875.

ДѢЛО

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ЧУЖОЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ. Романъ. Часть II.
(Гл. I—VI). В. ЛЬТНѢВА.
- II. ГОЛОДЬ. Стихотвореніе. (Съ англійскаго). В. И. СЛАВЯСКАГО.
- III. ЗАКОНЪ И ЖЕНА. Романъ. (Гл. XIX—XXIX.) УИЛЬЯМЪ КОЛЛИНЗА.
- IV. ИСКУШЕНІЕ. Стихотвореніе. (Изъ К. Рюге). Г. А. МИХАЙЛОВА.
- V. ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ЦЮРИХѢ.
(Ст. первая). ЭЛИ ТРИГО.
- VI. ВЕЗПОКОЙНЫЙ. Стихотвореніе. ПЕТРА БЫКОВА.*
- VII. РАЗВИТІЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ XVI —
XIX ВѢКА. (Ст. вторая). С. СТАВРИНА.
- VIII. *.* Стихотвореніе. ОМУЛЕВСКАГО.
- IX. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА И ЕГО ЛИТЕРА-
ТУРА. (Окончаніе). Д. Л. МОРДОЗЦЕВА.
- X. ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ ПРЕССА. А. МИХАЙЛОВА.
- XI. ТОСКА ПО РОДИНѢ. Стихотвореніе. (Изъ Ф.
Колле). М. И.

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХІІ. ВЕЗСИЛЕ ТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ. Н. ИЗЫКОВА.

(Собраніе сочиненій А. П. Островскаго. Спб., 1874. 8 томовъ.)

ХІІІ. КНЯЗЬ ВИСМАРЕЪ. Біографическій очеркъ.

(Продолженіе). Э. ТРИГО.

Затруднительное положеніе Бисмарка передъ началомъ войны 1866 года.— Покушеніе на жизнь Бисмарка.— Недодуманность и опрометчивость Австріи.— Ловкость прусскаго министра-президента.— Разгромленіе ГанOVERA и Гессена.— Арестъ Пфортена.— Побѣды въ Богеміи.— Уничтоженіе Германскаго Союза.— Усиленіе прусской территоріи.— Торжество Бисмарка надъ прусскимъ парламентаризмомъ.— Безсиліе новой оппозиціи въ парламентѣ.— Сношенія Бисмарка съ Наполеономъ ІІІ.— Переговоры о присоединеніи Бельгіи къ Франціи.— Отказъ Бисмарка въ вознагражденіи Наполеону ІІІ.— Бисмаркъ подготавливаетъ Германію къ войнѣ съ Франціей.— Люксамбургскій вопросъ.— Колѣбанія и неловкость Наполеона ІІІ.— Новая побѣда Бисмарка, вызвавшая неудовольствіе въ Германіи.— Бисмаркъ ловко проводитъ Наполеона ІІІ.— Приготовленія къ войнѣ Пруссіи и бездѣйствіе Франціи.— Французская нація не желала войны.— Свиданіе Наполеона ІІІ съ Бисмаркомъ послѣ сѣданскаго пораженія.

ХІV. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. (Продолженіе.) И. ГРАЧОЛИ.

Опасенія практическихъ людей за истощеніе каменно-угольныхъ колей и за погибель, вмѣстѣ съ углемъ, современной цивилизаціи.— Вѣроятный расчетъ этого истощенія.— 6 столѣтій отдѣляютъ насъ отъ каменно-угольнаго кризиса.— Повсемѣстное возвышеніе заработной земледѣльческой платы.— Прогрессирующее увеличеніе цѣны на жизненные продукты.— Вопросъ общественной гігіены, поставленный докторомъ Пэйферомъ на конгрессѣ „Общества для усовершенствованія соціальныхъ знаній“.

ХV. ВЭКЕРЪ - ПАША И ЕГО ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АФРИКУ. В. Т.

ХVІ. ГОГОЛЕВСКІЙ ПЕРІОДЪ. С. СТАВРИНА.

(Публичныя лекціи Ореста Миллера: Русская литература послѣ Гоголя (за исключеніемъ драматической). Спб., 1874.)

ХVІІ. НОВЫЯ КНИГИ.

Русское общество въ настоящемъ и будущемъ. (Чѣмъ намъ быть?) Ростислава Фадѣева. Изданіе газеты „Русскій Міръ“. Спб. 1874.— Сущность настоящаго и случай къ будущему. Современныя замѣтки Вячеслава Прохорова. Воронежъ, 1874.— Трудное время и чаяніе дней благихъ, Петра Смышляева. Орелъ. 1874.— Что дѣлать намъ вообще? Поручика Держановскаго. Архангельскъ. 1874.— Съ береговъ Ангары. Вопро-

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

№ 2.

ИМВ. № 24484

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

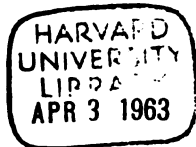
ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1875.

Р. 16799

Δ
Р. № 236.4 ($\frac{1875}{2}$)

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 февраля 1875 г.

ЧУЖОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Дни проходили за днями; свѣжая весна смѣнилась жаркимъ лѣтомъ. Домъ Громовыхъ оживился прїѣздомъ Хабарова, который внесъ элементъ новизны и интереса въ ихъ нѣсколько однообразную жизнь.

Валерія, противъ собственнаго ожиданія, встрѣтила его съ теплымъ порывомъ прежней привязанности; старая ихъ размолвка была совершенно забыта. Громовъ съ прибытіемъ Хабарова какъ-будто очутился совсѣмъ въ своей тарелкѣ: онъ привыкъ постоянно совѣтоваться съ нимъ обо всемъ, хотя и воображалъ, что помогаетъ Хабарову своими совѣтами.

Гостю отвели, по его желанію, павильонъ съ двумя комнатами въ саду, и онъ часто, не стѣсняясь, просиживалъ тамъ цѣлые дни, занимаясь писаніемъ и чтеніемъ.

Иногда къ нему приходилъ туда Бѣляевъ, хотя и не питавшій къ нему особенной симпатіи вслѣдствіе нѣкоторыхъ эпизодовъ прошлаго, но его невольно привлекало общество человѣка одного съ нимъ круга и однихъ понятій.

— Меня удивляетъ, сказала ему однажды Бѣляевъ, — зачѣмъ вы прїѣхали сюда.

— А что? спросилъ Хабаровъ.

— Гостить у Громова! Я не знаю, что можно взять за это! пожалъ плечами Бѣляевъ.

— Конечно, онъ несносенъ, но я все-таки благодаренъ ему, что онъ пригласилъ меня. Здѣсь единственное мѣсто, гдѣ я могу писать въ эту минуту,—именно здѣсь, въ этомъ павильонѣ, съ зеленью подъ окнами, съ шумомъ деревъ вокругъ меня. Въ Петербургѣ я не могъ писать, на меня нападала тоска, хандра, я становился вполнѣ бездарнымъ!

— Вы могли ѣхать за-границу.

— За-границу?.. Да развѣ тамъ не одно и то-же? Тамъ и по-смотреть-то ничего нельзя одному—всегда кругомъ толпа. Нѣтъ, я лучше предпочитаю наше русское, широкое, степное уединеніе. Взгляните сюда: сколько тутъ простора, шири и глади!

Хабаровъ глядѣлъ въ окно, изъ котораго разстилалась безконечная панорама полей, пастбищъ, рощъ, рѣки, опять полей, до тѣхъ поръ, пока все сливалось съ горизонтомъ. Въ глазахъ Хабарова разлился мягкій, задумчивый блескъ. Бѣляевъ глядѣлъ на него съ тайнымъ удивленіемъ, и какое-то странное чувство стѣснило ему грудь. Онъ привыкъ смотрѣть на природу съ точки зрѣнія утилитаризма и готовъ былъ находить смѣшными воззрѣнія Хабарова, но его невольно останавливало и поражало то спокойное наслажденіе, которое было написано въ каждой чертѣ лица Хабарова.

„Онъ чувствуетъ живѣе меня, думалъ онъ, — а я, по крайней мѣрѣ, пятнадцатью годами моложе его!“

Хабаровъ всталъ и взялся за шляпу. Бѣляевъ молча взялъ свою и вышелъ первый.

Былъ десятый часъ утра. Юньское солнце стояло высоко на небѣ и подъ его лучами все казалось сверкающимъ и отбрасывающимъ отъ себя снопы пламени: крыша громовскаго дома, пестрые цвѣтники сада и въ особенности широкая рѣка, надъ которой, прилегая къ рѣшетѣ сада, тихо колыhalось украшенное пунцовой бахромой и кистями полотно щегольской купальни.

Въ этомъ святилищѣ, герметически замкнутомъ отъ всякаго нескромнаго глаза, находилась въ эту минуту, погружившись въ воду по самыя плечи, хозяйка дома, Валерія. Она сидѣла на ступеняхъ лѣстницы, ведущихъ на дно купальни и скрывавшихся подъ водою; запрокинувъ назадъ голову, полузакрывъ глаза и пустивъ обѣ руки по поверхности воды, она имѣла видъ какого-то стран-

наго, бѣлаго, огромнаго цвѣтка, — до того нѣженъ и блѣденъ былъ цвѣтъ ея кожи, отгѣненный блестящими черными косами, тяжелой массой лежавшими у нея на затылкѣ. Минуть десять она сидѣла такъ, неподвижно и безмолвно, занятая тревожными думами и машинально прислушиваясь къ однообразному плеску воды вокругъ себя. Вдругъ ее заставилъ вздрогнуть стукъ въ дверь.

— Это я, мамаша, послышался голосъ ея падчерицы; — можно къ вамъ?

И, не дожидаясь отвѣта, Юлія появилась въ купальнѣ, стукнувшись головою о дверь.

— Однако ты безцеремонна! сказала ей Валерія, нехотя усмѣхаясь.

— Да случай такой, мамаша! Я прямо къ вамъ побѣжала. Вы послушайте-ка, что...

— Погоди, я сейчасъ выйду. Поддай мнѣ простыню...

Но Юлія, ничего не слушая въ своемъ волненіи и не замѣчая, что стоитъ на совершенно мокрыхъ доскахъ, продолжала:

— У меня Любочка нынче ночевала и что только она мнѣ рассказывала... только она съ меня честное слово взяла, чтобъ никому ни пол-слова, ни одной живой души, ни одному человѣчку...

— Стало быть, я, по-твоему, не человѣкъ? разсмѣялась Валерія, накидывая на себя длинный и широкій батистовый пеньюаръ.

— Да вы-то что-же! вамъ-то, я думаю, можно, отвѣчала Юлія.

Валерія, которой она заслоняла дорогу къ двери, съ усиленіемъ толкнула ее въ эту дверь и онѣ обѣ вопли во второе отдѣленіе купальни. Это былъ будуаръ, устланный мягкимъ ковромъ и уставленный пунцовыми диванами. Посреди стѣны красовалось огромное венеціанское зеркало; по обѣимъ бокамъ его стояли высокіе душистые олеандры. Яркое солнце, пробиваясь сквозь спущенныя пунцовыя драшировки, разливало въ комнатѣ какой-то жаркій, фантастическій колоритъ.

— Ну? небрежно сказала Валерія, опускаясь на диванъ напротивъ зеркала и начиная расплетать свои влажныя косы.

— Ахъ, мамаша, ну такія страсти! А мы-то съ вами ничего не знали, такая эта Любина сестра!...

— Что такое? что Любина сестра?

— Да вотъ эта Анюта, Анна Федоровна. Вы представьте, мамаша, что она...

Юлія наклонилась и, захлебываясь отъ восторга, что въ ея власти такая тайна, прошептала:

— Она своего ребенка убила!

Валерія выпрямилась и уронила гребень на колѣни.

— Что ты, Юля, бредишь, что-ли?

— Хоть у самой Любы спросите, я вамъ ее хоть сейчасъ позво. Она домой пошла, да ее догнать можно.

— Ну, что-же она тебѣ рассказывала?

— А! вамъ все хочется знать! возразила торжествующая Юлія;— это она мнѣ по дружбѣ сказала, такъ ужь, разумѣется, я ея дружбѣ не измѣню, хоть меня на куски рѣжь!

— Теперь я вижу, что все вздоръ, сказала Валерія, снова принимаясь убирать волосы:—никогда Люба тебѣ ничего такого-бы не сказала про свою родную сестру.

— А вотъ-же и ошиблись! Ужь мнѣ-то она не скажетъ! Да она мнѣ всю свою душу выложила, всю подноготную открыла. И какъ она плакала!

— О чемъ-же она плакала?

— Чудныя вы, мамаша, ей-богу! Какже не плакать-то, когда такая сестра? Если она ужь своего ребенка рѣшилась убить, такъ сестру-то она и подавно убьетъ!

— Я этому ничему не вѣрю, сказала Валерія;—если-бъ я знала, какъ все это было...

— Дѣло вотъ какъ было, заговорила Юлія, садясь на диванъ и безцеремонно наваливаясь на свою мачиху, такъ что та принуждена была отодвинуться:— Люба еще въ это время въ институтѣ была...

— Ну вотъ, видишь, стало быть не при ней.

— Что-же, что не при ней? за то ей тетя все рассказывала.

— Какая тетя?

— Есть у нихъ такая тетка, тоже Аленина по фамиліи, зовутъ ее Настасья Дмитріевна. Она изъ-за этого къ нимъ теперь и не ѣздитъ. Она сама Любѣ говорила: „Посуди сама, говоритъ, Люба, могу-ли я ѣздить къ вамъ. Противъ тебя я ничего не имѣю, но сестру твою я видѣть не могу“. И тутъ вотъ она ей открыла, что когда Анюта кончила курсъ гимназіи, то она—это тетка-то—поѣхала за ней везти ее къ отцу. И заѣхали онѣ на какое-то богомолье. И тутъ Анюта ночью куда-то пропала. А еще прежде

этого кто-то влѣзалъ въ окно... и по коридору Анюта съ кѣмъ-то шла.

— И изъ всего этого ты заключила, что она убила ребенка? гдѣ-же тутъ про ребенка? насмѣшливо спросила Валерія.

— Какія вы, ей-богу, безтолковыя, мамаша! Ну, вотъ ночью-то, какъ она пропала, это она ходила своего ребенка топить.

— Гдѣ-же она родила его? спросила Валерія, чрезвычайно заинтересованная разсказомъ, хотя и не выказывала этого.

— Стало быть ужъ гдѣ-нибудь родила, отвѣчала Юлія;— а въ рѣкѣ-то его нашли, поэтому и узнали.

— Навѣрное узнали, что это она?

— А то кто-же! Ее на этой самой дорогѣ видѣли, она чуть живая шла, точно мертвая. И какъ пришла, говорить тетка, такъ тутъ-же слегла. Въ родѣ горячки сдѣлалось. И все это она бредила, что ребенка кидаетъ въ воду, а ее за руку кто-то хватаетъ... Тутъ ужъ тетка, чтобъ сплетней еще какихъ не вышло, поскорѣе съ ней уѣхала и такъ больную ее къ отцу и привезла.

— Кто такая эта тетка? сказала Валерія въ раздумьи.— Когда-же Люба ее видѣла?

— Видѣла она ее у какихъ-то общихъ родныхъ. И Анюта была тутъ. И какъ начала эта тетка пунить ее въ глаза, какъ начала! все ей припомнила...

— Неужели? что-же Анюта?

— Ничего! даже глазомъ не сморгнула. Люба говоритъ: если-бы со мной это, я-бы мертвая упала, а ей какъ съ гуся вода! Такая безчувственная, просто каменная!

— И она не отрекалась? съ любопытствомъ спросила Валерія.

— Ничуть не отрекалась. Тетка всячески ее стыдила; все хотѣла пронять; что-же вы думаете?— такъ и не проявляла; съ ней самой, съ теткой-то, сдѣлалась истерика, а Анюта какъ ни въ чемъ.

Валерія сдѣлала надчерипѣ еще нѣсколько вопросовъ и, убѣдившись, что она больше ничего не знаетъ, крѣпко задумалась, не слушая больше болтовни Юліи на ту-же тему. Услышанныя свѣдѣнія были для нея очень важны; причина тому была не простое любопытство: она лежала гораздо глубже. Три недѣли, послѣдовавшія за пріѣздомъ ея въ Завьялово, пролетѣли для Валеріи въ лихорадочныхъ волненіяхъ. Въ душѣ ея было смятеніе и хаосъ; она

сама не могла ясно разобрать своихъ чувствъ, и ярче другихъ изъ нихъ выдѣлялось одно: равнодушное, враждебное отношеніе къ Анютѣ Алениной. Это была смѣсь зависти, ревности и въ то-же время уваженія и страха, потому что Валерія не была изъ тѣхъ мелочныхъ натуръ, которыя отвергаютъ всѣ достоинства въ томъ, кто имъ не нравится. Напротивъ, она чувствовала, что если-бъ судьба не поставила ихъ обѣихъ въ такое положеніе антагонизма, то ничья дружба не была-бы для нея желательнѣе дружбы Анюты, и никому такъ охотно, какъ ей, она не повѣрила-бы всѣхъ тайнъ своего неутомнаго, необузданнаго сердца. Но съ первыхъ-же дней между ними сталъ Бѣляевъ. Бѣляевъ свободно видался съ Анютой во всякое время въ ея собственномъ домѣ, гулялъ съ нею по оврагамъ и рощамъ, собиралъ вмѣстѣ травы, и въ ихъ обоюдномъ обращеніи Валерія замѣчала съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе короткости. Анюта казалась спокойной и довольной и ничего не боялась, тогда какъ Валерія должна была слѣдить за каждымъ своимъ словомъ, взглядомъ, и не смѣла облегчить себя даже намекомъ ревности... Сколько разъ, когда Анюта, уходя отъ нея вечеромъ, просила Бѣлева проводить ее до дому и они уходили вдвоемъ на глазахъ у всѣхъ, Валерія, блѣдная отъ ярости, убѣгала въ свою комнату, не ручаясь за себя, что съ ея губъ не сорвутся безумные слова и упреки... Тогда она накидывала на голову черную мантилью, пробиралась чернымъ ходомъ на заросшую репейникомъ тропинку и убѣгала по ней къ тому мѣсту, куда должны были выдти Анюта и Бѣляевъ. Долго она слѣдила за ними глазами, удерживая жгучія слезы смертельно оскорбленной гордости. Чтобъ этотъ человѣкъ, который прежде обладалъ ею вполне, могъ до такой степени забыть или пренебречь этимъ счастьемъ, чтобъ на ея глазахъ предаваться другой любви,—это доводило Валерію почти до изступленія.

Но съ прїѣздомъ Хабарова отношенія еще болѣе усложнились. Валерія увидѣла съ удивленіемъ, что этотъ пожившій на свѣтѣ и уже не первой молодости человѣкъ заговаривается съ Анютой по цѣлымъ часамъ, читаетъ ей самъ свои романы, горячо спорить съ нею,—однимъ словомъ, отбиваетъ ее у Бѣлева. Вмѣсто того, чгобъ радоваться этому послѣднему обстоятельству, Валерія испугалась: это было новымъ доказательствомъ могущества ея соперницы.

„Что-же въ ней такое? думала она; — Люба лучше ея лицомъ и моложе... но она на половину не такъ опасна“.

На этихъ думакъ засталъ ее разговоръ Юліи и произвелъ на нее сильное впечатлѣніе. Она теперь владѣла тайной Анюты, она имѣла нравственный верхъ надъ нею.

— Гдѣ Хабаровъ? спросила она у падчерицы.

— Мы сейчасъ съ Любой видѣли, какъ онъ взялъ рукопись подъ мышку и отправился черезъ рощу, должно быть къ Аленинымъ.

Морщинка неудовольствія легла на гладкомъ лбу Валеріи. Она не успѣла еще изгладиться, какъ послышались шаги, приближавшіеся къ павильону; дверь отворилась и появилась огромная, тучная фигура Громова, а за нимъ шелъ Бѣляевъ.

Валерія растерялась. Вся покраснѣвъ и поспѣшно запахивая свой пеньюаръ, она сказала мужу:

— Абрамъ Николаичъ, я не одѣта... Развѣ тебѣ не сказали въ домѣ, что я пошла купаться?..

— Я нарочно и пришелъ сюда къ тебѣ, отвѣчалъ Громовъ.

— Какже ты привелъ гостя чуть не ко мнѣ въ купальню? вспыхнула она, свертывая и развертывая свои волосы дрожащими руками.

— А вотъ я проучить тебя хотѣлъ. Ты имѣешь дурную привычку съ утра не одѣваться; такъ вотъ я нарочно привелъ доктора—пусть онъ полюбуется на твое неряшество. А тебѣ теперь стыдно!

Валерія задыхалась отъ гнѣва, досады и униженія. Вдругъ она обратилась къ Бѣляеву съ сверкающими глазами:

— Чего-же вы стоите? какъ вы можете не уйти, когда вы видите, что ваше присутствіе меня оскорбляетъ, меня... хозяйку дома! Вѣдь я раздѣта! вѣдь вы ворвались въ мою купальню!

Бѣляевъ пожалъ плечами и сдѣлалъ шагъ назадъ, но генераль безцеремонно отодвинулъ его отъ двери плечомъ, и вслѣдъ затѣмъ загремѣлъ его бѣшеный голосъ:

— Въ твою купальню? да развѣ у тебя есть что-нибудь твое? Здѣсь все мое, ты этого не забывай!—Онъ погрозилъ пальцемъ.— И какъ ты смѣла доктору сказать, что онъ ворвался, — не онъ ворвался, а я его привелъ!

— Какъ-же ты смѣлъ его привести сюда? прокричала Валерія въ сильномъ возбужденіи.

Генераль побагровѣлъ отъ гнѣва; длинные усы его затряслись.

— Я—мужъ, да не смѣю къ женѣ вводить кого хочу! Да мнѣ что за дѣло, что ты раздѣта! Ты мнѣ вздумала указывать, какъ съ тобой обращаться? Это ты разнымъ тамъ нигилизмамъ выучилась... Равенство тамъ какое-то нашли между мужемъ и женою... Такъ я тебѣ докажу, на чьей сторонѣ право: захочу, такъ приведу къ тебѣ гостей, когда...

Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилась дикая фраза Громова, если-бъ Бѣляевъ не выступилъ между нимъ и Валеріей, которая, вся дрожа отъ волненія, униженія и гнѣва, упала на диванъ.

— Довольно, генераль, сказалъ онъ рѣшительно: — съ женщинами такъ говорить нельзя.

— Это почему нельзя? спросилъ Громовъ, вытаращивая глаза съ глупымъ удивленіемъ.

— Я вамъ говорю, что нельзя, серьезно возразилъ Бѣляевъ; — посмотрите, что вы сдѣлали съ вашей женой. Намъ обоимъ надо уйти отсюда.

Генераль опѣшилъ. Съ нимъ никто еще не говорилъ такимъ тономъ.

— Что-же, больна? заговорилъ онъ въ недоумѣніи; — зачѣмъ-же уйти-то?.. Вы, доктора, нынче такіе мудреные... Отчего-же это говорить-то теперь нельзя стало?

— Ай! мамашъ дурно! пронзительно закричала Юлія, суетясь и схватывая со столика хрустальный графинъ съ водою и стаканъ.

Бѣляевъ взялъ его у нея и поднесъ Валеріи. Она дрожала такъ сильно, что зубы ея колотились о стекло и она едва могла проглотить воду.

Озабоченный видъ и серьезное лицо доктора почему-то сильно подѣйствовали на Громова. Онъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ при немъ.

— Охъ, ужъ эти мнѣ бабьи слезы да истерики! сказалъ онъ, махая рукой; — вѣрите-ли, докторъ, я ста тысячъ-бы не взялъ, чтобъ быть въ вашей должности. Возитесь съ ними—это, я вамъ скажу... Ну, вы тутъ побудьте, а я пошлю горничныхъ. Спиртовъ, что-ли, какихъ надо?.. Юлія, не отходи!

Съ этими словами генераль поспѣшилъ улизнуть, потому что не зналъ, какъ обращаться съ женой: ему хотѣлось ее ругать, но при докторѣ было совѣстно.

Лишь только дверь затворилась за нимъ, какъ Валерія встала, взяла изъ шкапа большую шаль и завернулась въ нее, потомъ обратилась къ Юліи и сказала ей тихо и повелительно:

— Уйди, мнѣ нужно быть одной съ докторомъ.

— Къ чему это? развѣ я могу вамъ помѣшать? я отроду никогда никому не мѣшала, возразила она.

— Уйди! повторила Валерія, блѣднѣя и стискивая руки.— О, проклятая порода! прошептала она въ сторону.

— Мнѣ папаша велѣлъ остаться здѣсь, упрямилась Юлія; — только я, конечно, не потому остаюсь, что онъ велѣлъ, обратилась она къ Бѣляеву;— я знаю, что отецъ не имѣетъ никакого права приказывать дочери; у родителей одни убѣжденія, у насъ— другія, мы и въ институтѣ положили не уступать...

Она не кончила своей тирады: Валерія подошла къ ней и, устремивъ на нее горящій взглядъ, сказала съ страстнымъ порывомъ:

— Уйдешь ты или нѣтъ?

Въ ея голосѣ слышалось приближеніе бури. Юлія отступила.

— Что это, мамаша... вы хоть кого напугаете! сказала она, понизивъ голосъ и пятясь къ двери.

Валерія протолкнула ее и заперла дверь на крючокъ. Бѣляевъ стоялъ неподвижный и блѣдный. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе, нарушаемое только ихъ прерывистымъ дыханіемъ. Потомъ Валерія поднесла руки къ лицу и опустила на диванъ. Сквозь ея сжатые пальцы показались слезы... Въ ея позѣ было столько подавленности и горя, что Бѣляева захватило за сердце.

— Валерія Павловна! выговорилъ онъ дрогнувшимъ, растеряннымъ голосомъ.

Ее охватило робкое и сладкое чувство при звукѣ его голоса: быть съ нимъ наединѣ въ первый разъ, въ этомъ уединенномъ павильонѣ, слышать его голосъ, въ которомъ, ей казалось, звучали и робость, и нѣжность, и подавленное чувство,— доставляло ей тайное, жгучее наслажденіе. Если-бъ онъ теперь бросился къ ея ногамъ... тогда пусть пришесть-бы мужъ, пусть убилъ-бы ее, пусть выгналъ... Все то, чему она еще вчера придавала огромную важность, казалось ей теперь такъ ничтожно, такъ пусто передъ вопросомъ: любитъ-ли, понимаетъ-ли ее Бѣляевъ, желаетъ-ли онъ возобновить съ нею прежнія отношенія?..

Затаивъ дыханіе, закрывъ глаза руками, Валерія ждала. Ей чу-

дились жаркія руки, касающіяся ея рукъ, шопотъ три года сдерживаемой страсти...

Но все это только чудилось. Когда она отняла руки отъ лица, Бѣляевъ стоялъ на томъ-же мѣстѣ, взволнованный, правда, но болѣе смущенный, чѣмъ разнѣженный. Валерія вспомнила про свои вины передъ нимъ, вспомнила про Аюту; сердце ея облилось горечью и снова въ ней забушевали гнѣвъ, себялюбіе и уязвленная гордость.

— Вы пришли любоваться на мое униженіе? заговорила она жестко;—вамъ мало было преслѣдовать меня вашимъ знакомствомъ въ гостиной,—вы хотѣли еще забраться въ мое послѣднее убѣжище и оскорбить меня какъ женщину!...

— Вы обращали на меня такъ мало вниманія, возразилъ Бѣляевъ,—что я привыкъ считать, что на мое знакомство съ вашимъ мужемъ вы смотрите совершенно равнодушно. А сюда я зашелъ нечаянно и противъ воли...

— О, конечно! прервала съ ироніей Валерія;—женщина, которая унизилась до того, чтобъ принадлежать вамъ когда-то, такъ презрѣнна въ вашихъ глазахъ, что вы не предполагаете въ ней ни женскаго стыда, ни чувства, ни даже возможности чувствовать обиду!.. Съ ней можно все себѣ позволить: колоть ей глаза своимъ присутствіемъ, завязывать интриги на ея глазахъ... Опасаться нечего: при первомъ словѣ протеста съ ея стороны можно открыть глаза мужу, сказать ему, что его жена презрѣнная, гадкая, лживая тварь... Такъ-ли, Павелъ Ильичъ?

— Валерія Павловна, возразилъ Бѣляевъ съ глубокимъ волненіемъ, но серьезно и твердо,—вы не думаете и не можете думать того, что говорите. Я слишкомъ хорошо васъ зналъ, чтобъ допустить хоть на одну минуту, что вы можете судить такъ возмутительно о комъ-бы то ни было... тѣмъ болѣе обо мнѣ. Я понимаю, какъ вамъ тяжело прошедшее, и я спѣшу вамъ сказать, что оно навсегда, окончательно изглажено...

Валерія откинула голову назадъ и зажала уши съ такимъ порывомъ отчаянія и страсти, что Бѣляевъ вздрогнулъ.

— Если это такъ, то не оскорбляйте-же меня на каждомъ шагу! вскричала она;—развѣ вы не видите, что вы со мной дѣлаете? развѣ вы не видите, что вы меня убиваете?

Ея напряженный взглядъ устремился прямо въ лицо Бѣляеву,

жадно ища въ немъ отзыва на эти страстные слова. Онъ понялъ ихъ, потому что поблѣднѣлъ еще болѣе и глаза его опустились въ землю.

— Приказывайте мнѣ, сказалъ онъ слабымъ голосомъ:— я все исполню... все, что вамъ угодно... все, что можетъ васъ успокоить...

Валерія горько, болѣзненно засмѣялась.

— О моемъ спокойствіи не заботьтесь! вы его нарушить не можете. Я удивляюсь одному... какъ вы не понимаете, до какой степени мнѣ противно ваше присутствіе... ваше пошлое поведеніе въ моемъ домѣ... Вы... вы... вы...

Она векочила внѣ себя, съ пылающимъ лицомъ и помутившимися отъ гнѣва глазами.

— Ступайте вонъ отсюда!.. вонъ!.. Сейчасъ, сію минуту, чтобъ я васъ не видала... слышите! Или я позову мужа и все ему скажу... все... и тогда...

— И тогда будетъ новая комедія genre burlesque! сказала съ безпощадной, злою насмѣшкой Бѣляевъ, выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія ея послѣдними словами.— Это любопытно! Я-бы желалъ быть на этомъ представленіи; пригласите меня, Валерія Павловна.

Бѣляевъ вышелъ. За нимъ раздался не то крикъ, не то стонъ, но онъ, не оборачиваясь, шель быстрыми шагами впередъ.

II.

Между тѣмъ генераль Громовъ, направившись черезъ садъ къ дому съ намѣреніемъ послать къ женѣ горничныхъ со спиртами и примочками, увидѣлъ въ цвѣтникѣ Лизавету Петровну Бѣляеву, набравшую букетъ.

Тутъ надо объяснить, что эта особа, въ ожиданіи устройства сельской школы, проживала у Громовыхъ. Генераль кичился древнимъ гостепріимствомъ и, сверхъ того, имѣлъ слабость къ молоденькимъ женщинамъ. Сначала онъ было-ужаснулся воззрѣніемъ Лизаветы Петровны, но послѣ двухъ-трехъ разговоровъ наединѣ съ нею совершенно успокоился и сообщилъ своему довѣренному, камердинеру Терентію, что „это нашего поля ягода, а это она только

прикидывается“. Валерія была рада подсунуть мужу какое-нибудь развлеченіе, чтобъ онъ меньше приставалъ къ ней, но для большаго успѣха притворилась, что ревнуетъ, и это подстрекнуло Громова пригласить къ себѣ въ домъ Лизавету Петровну. Вотъ уже три недѣли, какъ она жила тутъ, на подобіе птицъ небесныхъ, не сѣя, не пожиная и не собирая въ житницы, т. е. вовсе не думая о будущемъ. Впрочемъ, она усердно рассказывала всѣмъ, знакомымъ и незнакомымъ, сосѣдямъ, крестьянамъ и всѣмъ встрѣчнымъ, что она неутомимо хлопочетъ о вступленіи въ должность сельской учительницы и каждый день борется съ разными препятствіями. Въ это утро она встала въ девять часовъ, напилась чаю съ экономкой, поспорила съ нею о нуждахъ народа и пошла въ садъ, съ нетерпѣніемъ ожидая минуты, когда хозяйка дома выйдетъ изъ купальни, чтобъ въ свою очередь понѣжиться въ свѣтлыхъ, свѣжихъ струяхъ рѣки.

Въ короткомъ дикомъ платьѣ, въ бѣломъ фартучкѣ и кружевной косыночкѣ на головѣ, Лиза такъ мило порхала между цвѣтами, что Громовъ тотчасъ направился къ ней, шагая прямо черезъ кусты и, какъ слонъ, ломая все на пути. Онъ тутъ-же забылъ, зачѣмъ шелъ въ домъ, такъ-какъ ему всегда было очень трудно держать въ умѣ двѣ идеи за разъ.

Лиза, очень хорошо замѣтившая еще издали его приближеніе, наклонилась надъ цвѣтущимъ кустомъ далѣе и дѣлала видъ, что съ восхищеніемъ его разсматриваетъ. Надо сказать, что, подмѣтивъ съ первыхъ-же дней слабую струну генерала и его умильные взгляды, она съ наслажденіемъ принялась играть на этой знакомой струнѣ. Болѣе-же всего ее восхищала мысль, что она теперь приспособляетъ свои таланты не для какой-нибудь пошлой цѣли пустого кокетства, но для успѣха „великаго дѣла“. Такъ, по крайней мѣрѣ, называла она это, разсуждая сама съ собой. Вотъ почему она нисколько не стѣснялась дарить Громова обольстительными улыбками и быть въ его присутствіи чрезвычайно оживленной. Такъ и теперь на щекахъ ея вспыхнулъ непритворный румянецъ, когда Громовъ подошелъ къ ней.

— Ахъ, это вы! вскрикнула Лиза, торопливо обертывая къ нему улыбающееся личико;—ну, я сейчасъ убѣгу, я не въ такомъ костюмѣ...

И она съ наивной граціей хлопнула обѣими руками по своему

холстинковому переднику, причесть изъ-подъ короткаго платья заманчиво выставился кончикъ узенькой ножки.

— Ну, ужь нѣтъ! извините, не пущу! загремѣлъ генераль, на-двигаясь на нее всѣмъ туловищемъ и распутивъ опахаломъ свои богатырскія руки. — И вѣдь нашла отговорку: не такъ одѣта!.. прелесть!.. фартучекъ... ботиночки... чего еще?..

Лиза смѣялась.

— Помилуйте, у васъ надо все со шлейфами, въ шелку... Какъ же, генеральскій домъ!

— Богъ съ ними, со шлейфами, сказалъ онъ;—а вотъ, чтобъ ножка была видна—это я люблю!

— Ай! вскрикнула Лиза и присѣла за розовый кустъ;—оглянитесь: Фелисата Петровна смотритъ на насъ изъ окна и точно съѣсть меня хочетъ!

Громовъ захохоталъ. Лизавета Петровна непритворно боялась его тещи, которая, дѣйствительно, ненавидѣла ее такъ, что нисколько не стѣснялась бранить ее всѣмъ и обвинять въ разныхъ ужасахъ.

— Ахъ, уйдемте, уйдемте отсюда, шептала Лиза; — вы меня заслоните отъ нея, Абрамъ Николаевичъ!

— Уйдемъ въ бесѣдку, успокоивалъ онъ ее.

Проходя туда, Лиза сказала громко, съ цѣлью, чтобъ ея слова достигли до подслушивающей Фелисаты Петровны:

— Однако, генераль, когда-же будутъ готовы скамьи и доски для школы? вѣдь я жду.

— А вамъ что за дѣло? я за это взялся, я столяру зака-залъ, и все вамъ представлятъ.

— Ну, да Богъ съ ними, со скамейками, игриво замѣтила Лиза, проходя дальше;—вѣдь мнѣ только и пожуировать, пока я свободна, а тамъ, какъ засяду за ученье, только вы меня и видѣли!

Они сѣли въ бесѣдкѣ изъ акацій, куда не проникали яркіе лучи солнца. Генераль наклонился къ Лизѣ и сказалъ любовно:

— Это, значить, вы хотите, чтобы я остался сиротой?

— Какъ сиротой?

— Я безъ васъ осиротѣю, когда вы станете съ ребятишками заниматься. Неужели вы меня промѣняете на нихъ?

Его огромное лицо съ чертами, точно выдѣланными изъ глины

неискусной рукой, наклонилось къ ней такъ близко, что Лиза съ нѣкоторымъ страхомъ отшатнулась.

— И что вамъ за охота съ этимъ связываться, продолжалъ Громовъ;— да что говорить! это не надолго, вы сейчасъ замужъ выйдете.

— Я уже з... хотѣла-было сказать вѣтреная Лиза и, испугавшись, что чуть-было не проговорилась, закашлялась и сказала:

— Что, Валерія Павловна вышла изъ купальни? Я хотѣла пойти послѣ нея.

Генераль ударилъ себя по лбу.

— Ахъ, какая исторія, вообразите, сказалъ онъ, вставая: — съ жепой сейчасъ была дурнота и я оставилъ у нея доктора...

— Павла Ильича? спросила Лиза, слышшая родственницей Бѣляева;— вы посылали за нимъ?

— Нѣтъ, онъ тутъ у больныхъ былъ, а я его и повелъ въ купальню. Для шутки больше я это сдѣлалъ, посмѣяться хотѣлъ надъ женой, а она вдругъ—хлопъ!.. Кто-же это узнаетъ? послѣ этого и пошутить нельзя...

— Вотъ какъ! насмѣшливо сказала Лиза; — такъ вы сначала привели сами доктора къ вашей женѣ въ купальню, а потомъ оставили его одного съ ней... Снисходительный вы мужъ, какъ я вижу!

Лиза засмѣялась, но въ душѣ ей было досадно. При всемъ ея равнодушіи къ Бѣляеву, она никогда не забывала, что онъ ей мужъ.

Генераль побагровѣлъ; его словно что-то кольнуло.

— И совсѣмъ не одну я ее оставилъ, возразилъ онъ съ сердцемъ: — тамъ Юлія съ ними. Вы мнѣ повѣрьте, Лизавета Петровна, я на человѣка что взгляну, то знаю, что у него умъ. Вашъ братецъ, Павелъ Ильичъ, не такой, чтобъ ему *этого* думать... то-есть насчетъ женщинъ что-нибудь такое... В локину я сейчасъ распознаю; у волокиты приемы совсѣмъ другіе... этотъ—я вамъ откровенно скажу—прекраснѣйшій человѣкъ, а съ женщинами онъ противъ нашего брата на десять процентовъ теряетъ. Потому не умѣетъ, обращенія не знаетъ... Глаза въ землю, слова сквозь зубы точно цѣдить, застѣнчивъ эдакъ какъ-то. Ну, и не тово...

Громовъ видимо хотѣлъ себя ободрить, осуждая Бѣляева, но

намекъ Лизы, какъ отравленная стрѣла, вонзился и засѣлъ ему въ сердце. Онъ тотчасъ быстрыми шагами, почти бѣгомъ, пошелъ къ купальнѣ.

Лиза, посидѣвъ немного, зѣвнула и встала, чтобъ тоже идти въ купальню, но побоявшись найти тамъ Валерію съ матерью, раздумала.

„Куда-же-бы мнѣ пойти? спрашивала она себя мысленно; — пойду къ Ленинымъ; кажется, тамъ Хабаровъ“.

Она направилась къ калиткѣ, ведущей въ молодой кустарникъ, постепенно переходящій въ рощу, но едва она сдѣлала нѣсколько шаговъ по узкой дорожкѣ, какъ калитка сзади ея снова хлопнула. Это Бѣляевъ выходилъ изъ сада послѣ бурнаго разговора съ Валеріей въ купальнѣ.

Лиза немного смутилась. Она давно не видала Бѣляева, потому-что съ намѣреніемъ избѣгала его, боясь его насмѣшекъ. Она поспѣшила вынуть изъ кармана книгу; и, заложивъ ее пальцемъ, подала Бѣляеву другую руку.

— Здравствуйте, Лизавета Петровна, сказалъ онъ, слегка улыбаясь;— что вы здѣсь подѣлываете?

— Вотъ читаю „О поземельной собственности“, насилу улучила время; я совсѣмъ захлопоталась эти дни, измучилась.

— Все въ школѣ? много учениковъ?

— Не знаю, еще сколько будетъ, отвѣчала Лиза, краснѣя; — общають очень много.

— Развѣ вы еще не начинали?

— Я, вѣроятно, начну съ завтрашняго дня.

Несмотря на занимавшія его постороннія мысли, Бѣляевъ не смѣялся.

— Я увѣренъ, что вы начнете, сказалъ онъ;— но какіе-же у васъ до сихъ поръ хлопоты? о чемъ?

— Вы все равно не поймете, если я вамъ и скажу, возразила она горячась;— надо заказать скамьи, столы, надо купить аспидныя доски, грифеля, мѣлки...

— Бумаги, перьевъ, азбуки, катехизисъ, прервалъ Бѣляевъ, считая по пальцамъ; — но если на каждую покупку положить по дю, то все-таки выйдетъ только семь дней.

— Я думаю, я каждый день по десяти разъ хожу въ эту школу, смотрю, придумываю, прилаживаю, какъ-бы все устроить.

Одни споры съ этимъ невѣждой дьякономъ, который тамъ завѣдуетъ, чего стоятъ! Убѣждаешь его три часа битыхъ, доказываешь ему истину, ясную, какъ солнце, и все-таки онъ стоитъ на своемъ!.. Я-бы посмотрѣла, какъ-бы ты посидѣлъ въ моей кожѣ!

— Лизавета Петровна, я прошу васъ слѣдить за собой, когда вы обращаетесь ко мнѣ, замѣтилъ Бѣляевъ, понизивъ голосъ;—мы здѣсь не одни. Смотрите на эту парочку.

Дѣйствительно, впереди ихъ, подъ деревьями, красиво отдѣляясь на зеленомъ фонѣ травы, показались: Люба, вся въ бѣломъ, и Аркадій Озеровъ въ юнкерской формѣ. Они были заняты отысканіемъ земляники, которая только-что начинала показываться; но въ промежуткахъ собиранія они быстро поднимали головы и начинали горячо о чемъ-то спорить. Издали можно было даже разобратъ обиженный тонъ юнкера и сдержанный шопоть Любы. Сошедшись, обѣ пары поздоровались другъ съ другомъ.

Люба приподнялась съ колѣнъ вся розовая и сказала Бѣляеву, какъ-бы оправдываясь:

— Я ночевала у Громовыхъ и пошла-было домой, но прельстилась земляникой... Хочу набрать для Анюты.

— А я только сейчасъ подошелъ, вмѣшался юнкеръ, крутя усы и какъ-то особенно скосивъ глаза, чтобы не глядѣть на Бѣялева.

Легкая усмѣшка скользнула на губахъ доктора, но ему некогда было останавливаться. Онъ порывался уйти отъ всего этого общества: онъ спѣшилъ къ Анютѣ, надѣясь найти ее одну. Но чрезъ нѣсколько минутъ Люба догнала его и, въ краснорѣчивомъ молчаніи, подала ему вѣтку земляники.

— Что это? спросилъ удивленный Бѣляевъ, останавливаясь.

— Это? развѣ вы не видите?.. Это первыя ягоды земляники, къ которымъ никто еще не прикасался, и я-бы желала, чтобы вы...

Ея нѣжныя щеки вдругъ вспыхнули и голубые глаза робко опустились, когда она нерѣшительно проговорила:

— Я-бы желала, чтобы вы съѣли первыя ягоды изъ моихъ рукъ...

— Неужели? сказалъ Бѣляевъ, удерживая насмѣшливую улыбку;—хотя это, можетъ быть, имѣетъ какое-нибудь символическое значеніе, но я не стану ѣсть эти ягоды, потому-что я ихъ не люблю.

— Возьмите, проговорила Люба, не поднимая глазъ.

Бѣляевъ пожалъ плечами.

— Что-же мнѣ дѣлать, когда я не люблю землянику! Я самъ знаю, что это дикій вкусъ, но неужели вы станете меня принуждать?..

Люба уронила вѣтку земляники и медленно отстала.

— Однако, послушайте, господа, сказала Лизавета Петровна:— начинается страшная жара, надо идти скорѣе.

— Да, да, согласился Бѣляевъ и зашагалъ впередъ.

Тогда Аркадій подошелъ къ Любѣ съ ироническимъ посмѣиваніемъ и заговорилъ голосомъ, дрожащимъ отъ досады:

— Что, грибъ скушали? видно, не вкусно?.. и изъ-за чего вы хѣзете къ этому лекаришкѣ?

Люба гнѣвно вскинула на него глазами и хотѣла что-то отвѣтить, но видя, что первая пара еще не довольно далеко отошла, она удержалась и, вся покраснѣвъ, крѣпко сжала губы.

— Вѣдь это, я вамъ скажу, чистая картинка была, продолжалъ Озеровъ, злобно хохоча;—вы къ нему, а онъ отъ васъ!.. И глазки такіе сдѣлали, и губки сложили, а онъ носъ воротить. Ахъ ты, чортъ! комедія... чистый спектакль — хоть деньги не плати!..

— Это что такое? вспыхнула вдругъ Люба, остапавливаясь и почти задыхаясь отъ гнѣва; — какъ вы смѣете такъ говорить со мною? Кто вамъ позволилъ разсуждать о томъ, чего вы не понимаете и понять не въ состояніи? Прошу васъ попридержать вашъ языкъ.

Надо замѣтить, что Люба съ первыхъ-же дней знакомства отложила всякое попеченіе разыгрывать передъ Аркадіемъ роль нѣжной, чувствительной натуры. Она какъ-то инстинктомъ угадала, что на такомъ высокомъ діапазонѣ ихъ знакомство вовсе не могло держаться. За то теперь вдвоемъ съ нимъ она была совершенно на распашку и находила даже особенное удовольствіе въ томъ, чтобъ не сдерживать себя ни въ выраженіи чувствъ, ни въ выборѣ словъ.

— Съ чего вы такъ на меня накинулись? заговорилъ Аркадій, нѣсколько струсивъ, но пытаясь взять Любу за руки;—и что это такое, чего я не понимаю? Ужасно какъ трудно понять! скорѣе-же я вамъ могу объяснить, чего вы не понимаете.

— Довольно! я не хочу больше васъ слушать, надменно сказала Люба и быстро пошла впередъ.

— Послушайте, Любовь Федоровна, говорилъ Аркадій, слѣдуя за ней, — я потому вамъ это говорю, что мнѣ больно глядѣть, какъ вы унижаетесь передъ этимъ надутымъ докторомъ. Развѣ вы не видите, что онъ къ вашей сестрѣ слѣшитъ, а вы хотите разстроить ихъ свиданіе.

Люба вспыхнула и поблѣднѣла. Этого она не могла слышать.

— Оставьте меня въ покоѣ, говорятъ вамъ! вскричала она измѣнившимся голосомъ. — Съ какого права вы ко мнѣ пристали?.. вы мнѣ ни свать, ни братъ! докончила она, съ какимъ-то наслажденіемъ выговаривая вульгарныя слова, такъ рѣдко употреблявшіяся въ ея изящной и иногда вычурной рѣчи, когда она говорила съ другими.

— Это еще неизвѣстно, останемся-ли мы всегда чужими, замѣтилъ Аркадій съ заискивающей улыбкой; — вы, вѣроятно, должны быть увѣрены въ моемъ расположеніи...

— Пойдите прочь съ вашимъ расположеніемъ.

Люба, въ самомъ дѣлѣ, не могла простить ему намека на Анюту. Это была ея больная струна. Она хотѣла во что-бы то ни стало прослыть за поэтическую страдальицу, за „младшую сестру“, терпящую горькую участь отъ зависти старшей, и, въ то-же время, чтобъ ее считали такой великодушной, что она готова отказаться отъ всего для этой сестры. Поведеніе Бѣльева чрезвычайно усложняло и затрудняло эту роль для Любы, но она сочла-бы за страшное униженіе отказаться отъ нея и покориться мысли, что ея красота, при всей своей неоспоримости, не имѣетъ всепобѣждающихъ свойствъ.

Между тѣмъ Аркадій заглядывалъ ей въ лицо, не зная, чѣмъ ее умиловить; но Люба гордо шла впередъ, съ лицомъ разгнѣванной богини. Въ одной рукѣ она держала букетъ земляники, другая рука висѣла вдоль тѣла. Глаза Аркадія невольно обратились на эту руку и въ головѣ его зашевелилась игривая мысль. Онъ съ намѣреніемъ задѣлъ за руку Любы; она не отняла ее и продолжала идти молча.

„Вѣрно, хочеть помириться, подумалъ Аркадій; — нарочно подставляетъ, чтобъ я взялъ... Рѣшиться или нѣтъ?“

Онъ откачнулся немного въ сторону и пристально смотрѣлъ то въ лицо Любы, то на ея руку.

„Все не отнимаетъ, думалъ онъ; — попробую пожать... Что же, пожать или нѣтъ? почему не сдѣлать ей удовольствія...“

Онъ тихо дотронулся до руки Любы, одинъ за однимъ взялъ ея пальцы и пожалъ.

Тутъ Люба, до сихъ поръ молчавшая, высвободила свою руку и, медленно повернувъ къ нему лицо, отчетливо проговорила:

— Вашъ поступокъ возмутителенъ.

— Что-же тутъ возмутительнаго? самодовольно усмѣхнулся Аркадій;—мнѣ пріятно пожать вамъ руку—и я жму.

Люба взглянула на него съ такимъ выраженіемъ гнѣва, что онъ невольно отступилъ.

— Ну, извините, пробормоталъ онъ, и мысленно прибавилъ:—какова капризная дѣвочка! За что разозлилась? Развѣ за то, что нескоро взялъ руку? Да и я дуракъ, мнѣ-бы надо ее обнять... Въ другой разъ я такъ и сдѣлаю.

Вдругъ Люба обратилась къ нему съ пылающимъ лицомъ.

— Какъ-же вы смѣете жать мою руку, когда вы сейчасъ сказали мнѣ въ глаза, что меня всѣ презираютъ, а въ Анюту влюблены! развѣ это не возмутительно?

— Я этого вовсе не говорилъ.

— Нѣтъ, вы именно намекнули, что вы сами готовы влюбиться въ Анюту и Бѣляевъ влюбленъ, а я жалкое, униженное существо.

— Никогда! Клянусь, боюсь, даю честное слово, что я на это не намекалъ. Что за нелѣпость! Ваша Анюта мизинда вашего не стоитъ!

— Развѣ я могу вамъ повѣрить?

— Отчего-же?

— Оттого, что за минуту вы говорили другое, будто я разстроиваю чье-то свиданіе... будто я завидую...

— Это я все вралъ. Ну, право, вралъ, съ досады.

— Съ какой-же досады?

— Да вотъ что Бѣляевъ тутъ все подвертывается... Чортъ его знаетъ, гдѣ вы, тутъ и онъ!

Люба улыбнулась.

— Ужъ я-то его не ищу, замѣтила она. — А что онъ отка-

зался отъ земляники—на это есть особенная причина... Я вамъ ее не скажу, потому что вы себя дурно вели.

— Простите, Любовь Федоровна, я больше не буду. Дайте ручку.

— Не теперь,—надо прежде, чтобъ вы искупили свою вину.

Они подходили къ воротамъ аленинскаго дома, куда уже прошли прежде нихъ Бѣляевъ и Лиза.

Посреди двора стояла старая Аграфена, отгоняя хворостиной гусей и кидая кормъ цыплятамъ.

— Что, старушенція, жива еще—не померла? закричалъ ей Озеровъ.

Аграфена не разслышала, но недоброжелательно посмотрѣла на юнкера.

— Какъ-же ихъ не кормить-то, отвѣчала она:—миѣ дѣла много, это вамъ дѣлать-то нечего...

Озеровъ и Люба скрылись въ дверь дома.

III.

Анюта Аленина, не предчувствуя нашествія гостей, сидѣла съ Хабаровымъ въ маленькой, уютной диванной съ опущенными на окнахъ бѣлыми сторами. У Анюты въ рукахъ было шитье, а возлѣ Хабарова стоялъ недопитый и забытый имъ стаканъ кофе. Онъ только-что прочелъ ей послѣднія главы своего романа, и на лицахъ ихъ обоихъ еще лежало сіяніе того фантастическаго міра, въ который они оба уносились во время этого чтенія. Хабаровъ чувствовалъ себя счастливымъ и вполне удовлетвореннымъ: въ первый разъ въ своей жизни онъ нашелъ сочувствіе и пониманіе въ такой сферѣ своего умственнаго міра, гдѣ онъ до сихъ поръ всегда былъ одинокъ. Его воззрѣнія какъ писателя, его понятія о творчествѣ всегда вызывали на лицахъ его собесѣдниковъ такое странное выраженіе недоумѣнія, смущенія и неловкости, что онъ мало-по-малу отвыкъ высказываться на этотъ счетъ. Но съ перваго-же разговора съ Анютой, съ первыхъ ея словъ о его романахъ, съ перваго взгляда на ея лицо при чтеніи онъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ натурой, сродной ему въ отношеніи пониманія искусства.

Встрѣча съ Анютой поразила его своею неожиданностью. Онъ

почти забылъ о странномъ эпизодѣ, случившемся три года назадъ въ Троицкомъ монастырѣ, и едва могъ скрыть свое изумленіе и волненіе, когда, пріѣхавъ къ Громовымъ, узналъ въ этой спокойной, всѣми уважаемой дѣвушкѣ ту самую личность, которая одна, на зарѣ, кралась къ рѣкѣ съ преступной ношей...

Но всего болѣе его изумило поведеніе Анюты. Она, очевидно, также узнала его—онъ ясно увидалъ это—и, вмѣсто того, чтобъ смущаться, бояться и избѣгать его, она какъ-будто признала въ немъ человѣка, оказавшаго ей услугу и неспособнаго измѣнить ея тайнѣ. Дѣйствительно, Анюта получила хорошее мнѣніе о немъ при той роковой встрѣчѣ: онъ показался ей симпатичнымъ и честнымъ. И теперь, у Громовыхъ, его смущеніе при видѣ ея и деликатная забота не подавать вида ей самой, что онъ узналъ ее, живо ее тронули. Тогда она, напротивъ, дала ему понять, что не хочетъ скрываться отъ него, потому-что вѣрить ему. Ничто не могло болѣе плѣнить и покорить Хабарова, какъ это чувство довѣрчивости, которое дышало во всемъ обращеніи Анюты. Ея мнимая тайна, вмѣсто того, чтобъ отталкивать его отъ нея, связывала его съ нею какими-то узами покровительства и нѣжнаго со-страданія.

Такъ и въ это утро, сидя напротивъ нея и отдыхая отъ волновавшаго его чтенія, онъ глядѣлъ въ ея проникнутое мыслью лицо, въ ея чудесные глаза и думалъ:

„Если-бъ ты мнѣ открыла все, что ты пережила и переживала, любила-ли ты, была-ли ты обманута, была-ли ты вполнѣ счастлива... и что ты чувствуешь теперь, — какъ-бы я цѣликомъ переложилъ твою душу на бумагу!..“

Анюта подстерегла его взглядъ и улыбнулась. Она поняла, что онъ думаетъ о томъ происшествіи, и легкая краска дѣвственной гордости выступила на ея щекахъ.

— Вы, кажется, сочиняете новый романъ? сказала она.

— Нѣтъ, я возсоздаю старый, отвѣчалъ Хабаровъ, вставая и откидывая со лба свои еще густые, но сѣдѣющіе кудри.— Изъ новаго времени взять нечего: жизнь перестала давать впечатлѣнія. Впрочемъ, вы слишкомъ молоды, чтобъ чувствовать это.

— О, нѣтъ, возразила Анюта: — для молодости еще замѣтнѣе та пустота, что отсутствіе жизни, которое видишь всюду вокругъ себя.

— Нѣтъ, не говорите этого, перебилъ онъ съ жаромъ: — вы не испытали ужаса того чувства, когда... человекъ еще въ полной силѣ своего развитія, своихъ способностей... думая, что онъ идетъ къ осуществленію идеаловъ и разумныхъ цѣлей, приходитъ... какъ-бы вамъ выразить это?.. приходитъ въ душный, темный склепъ, гдѣ сидятъ другіе люди и говорятъ, что именно этотъ склепъ и есть норма общества, потому-что тутъ никому не можетъ быть ни лучше, ни хуже другихъ!

Хабаровъ сѣлъ, упершись локтями въ колѣни, и положилъ голову на руки.

— Я не понимаю васъ хорошенько, сказала Анюта: — что вы хотите сказать этимъ склепомъ?

— Развѣ вы не знаете духа нашего времени: посредственность господствуетъ во всемъ и стремится подвести подъ свой низкій уровень все, что только выдается въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Вотъ этотъ-то уровень я и называю склепомъ.

— Чуть-ли это не теорія Лизаветы Петровны? сказала Анюта, улыбаясь.

— Да; Лизавета Петровна проповѣдуетъ ее открыто, какъ проповѣдуютъ ее всѣ, кого гложетъ червякъ зависти. Эта теорія, въ крайнемъ своемъ проявленіи нивелирующая все до уровня массы, вмѣсто того, чтобы массу поднять на высоту лучшихъ современныхъ стремленій, очень удобна для людей ограниченныхъ. Что-же касается талантовъ и образованныхъ людей, то имъ нѣтъ мѣста на этомъ пиру.

— Но должны-же они искать выхода, горячо возразила Анюта.

— Выхода! задумчиво повторилъ Хабаровъ; — но *идти* онъ? Если-бъ только кто-нибудь зналъ, *куда* идти! Въ этомъ-то и бѣда. Бывало прежде, въ дни юности и идеаловъ, когда жизнь давила меня чѣмъ-нибудь, я зналъ, въ чемъ состоитъ это давленіе, я начиналъ борьбу противъ извѣстнаго зла, я стремился къ извѣстной, опредѣленной цѣли. Эту цѣль я считалъ *добромъ*. Конечно, я не всегда достигалъ ея, но только потому, что она казалась мнѣ слишкомъ далека и идеальна для нашего поволѣнія. И я еще глубже проникался своей завѣтной мечтой, еще упорнѣе стремился къ этой цѣли. Но теперь... теперь.

— Что-же теперь? спросила Анюта, напряженно слушая.

— Чего-же достигать, когда все достигнуто... но какъ! отвѣ-

чалъ Хабаровъ почти шопотомъ и какъ-будто пугаясь своихъ собственныхъ словъ;—я нѣкогда мечталъ о гармоніи общественныхъ отношеній, о томъ счастіи челоѳчества, которое теперь представляется мнѣ какимъ-то горячечнымъ сномъ больного мозга, а тогда казалось вполне осуществимымъ идеаломъ. Я часто задумывался надъ вопросомъ: почему-же это счастіе невозможно въ коллективной жизни людей, когда оно возможно въ частномъ быту? Почему оно покупается такъ дорого и каждая частичка его берется, что-называется, съ бою, когда безконечное совершенство челоѳка лежитъ въ самомъ основаніи его умственного и нравственного существа? Съ этой точки зрѣнія я смотрѣлъ сквозь розовые очки на свою собственную дѣятельность и на общественное движеніе... Я горячо вѣрилъ, что всякій шагъ впередъ, всякая смѣлая попытка на этомъ пути, дѣлаются-ли они гениальнымъ умомъ въ кабинетѣ ученаго или скромнымъ труженикомъ въ бѣдной мастерской, заслуживаютъ нашего полнаго сочувствія. И такъ-какъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, талантъ, образованіе, энергія мысли были путеводными звѣздами для челоѳчества, свѣтившими ему среди страшныхъ сумерокъ, то приниженіе ихъ до невѣжественнаго уровня было-бы величайшимъ несчастіемъ для будущихъ поколѣній.

Хабаровъ въ волненіи зашагалъ по комнатѣ, потомъ опять возвратился къ Анютѣ и продолжалъ:

— Пусть общество караетъ предрасудки, пусть не преклоняется ни передъ деньгами, ни передъ знатностью; но если къ гению, таланту, къ борцу за истину оно будетъ относиться равнодушно и безучастно, то какія-же будутъ послѣдствія? Тогда изъ массы исчезнутъ всѣ, кто давалъ ей направленіе, кто сосредоточивалъ въ себѣ всѣ ея хорошія стремленія, кто былъ ея представителемъ, и—что-же въ ней останется?.. Стадо животныхъ! .

— Такъ вы думаете, что и гениальные люди не въ силахъ плыть противъ теченія? спросила Анята.

— Да, потому-что единичныя силы, какъ-бы онѣ ни были велики, не могутъ бороться противъ стихійнаго теченія толпы... Никакой голосъ не разбудитъ окружающей его пустыни и никакая сила не устоитъ противъ всеобщаго индифферентизма.

— Бѣляевъ объяснялъ мнѣ это иначе, задумчиво сказала Анята,—но его объясненіе было сбивчиво и неясно.

— Бѣляевъ—это особый типъ нашего времени, прервалъ Ха-

баровъ;—это скептикъ, которому прежде всего нуженъ опытъ и фактъ, чтобы вѣрить существованію самой идеи. Не сравнивайте его со мной: онъ никогда не зналъ, что значить вѣрить въ себя, въ свои силы, что такое *любить* всѣмъ существомъ, что такое негодовать горячо и сочувствовать безгранично... Но я перешелъ все это богатство ощущеній, я упивался отъ полноты этой жизни!.. И что-жь? мнѣ говорятъ, что всѣ эти ощущенія и убѣжденія происходили просто отъ привычки, воспитанія и обстановки.

— Но вы не вѣрите этому? спросила Анюта, глядя на него пристально и съ любопытствомъ.

Онъ поднялъ свою голову съ красивыми, сѣдѣющими кудрями и глаза его блеснули юношескимъ, живымъ блескомъ.

— Не вѣрю! сказалъ онъ съ какой-то сосредоточенной силой;— пока человѣкъ дышетъ, онъ долженъ жить и пользоваться всѣмъ, что природа вложила въ его организмъ. Пока мнѣ остается это— (онъ положилъ руку на свою рукопись)—я не могу не вѣрить, я не упаду духомъ. Я не могу не признавать врожденныхъ способностей, когда у меня въ душѣ встаютъ, независимо отъ моей воли, образы за образами, мысли за мыслями!..

— Говорятъ, будто любовь теперь выродилась въ какую-то новую, разсудительную, методическую форму...

— Вздоръ! какое мнѣ дѣло, что малокровное поколѣніе разучилось любить, но я чувствую, что сердце мое тоже и любить по-прежнему.

Хабаровъ всталъ; лицо его сіяло, во всемъ существѣ дышала такая неуеротимая жажда жизни, что она невольно сообщилась и Анютѣ, которая смотрѣла на него большими, точно очарованными глазами.

— Знаете-ли, заговорилъ онъ снова, садясь напротивъ нея и не сводя съ нея взгляда, освѣщеннаго электричествомъ страсти:— знаете-ли, что я никогда не растрчивалъ своей души на пошлыя связи. Можетъ быть, вамъ говорили про меня, что я человѣкъ развратный. Я не разувѣряю никого, но вамъ я скажу, что я не знаю, что такое продажная ласка, что я никогда не испыталъ другихъ объятій, кромѣ искреннихъ и любящихъ. За то и теперь мое сердце осталось такъ-же молодо и чисто въ этомъ отношеніи, и теперь я могу любить такъ-же полно и всецѣло, какъ назадъ тому двадцать лѣтъ.

Онъ говорилъ тихо, но съ такой, почти необузданной страстью, что Анюта чуть не затрепетала отъ страха... Но этотъ страхъ былъ полонъ какого-то ѣдкаго, пріятнаго ощущенія новизны и интереса. Слова Хабарова шипѣли, пѣнились и ударили въ голову, какъ буеть шампанскаго.

Въ эту минуту, поднявъ нечаянно глаза, Анюта увидѣла въ зеркалѣ напротивъ себя блѣдное, искаженное какимъ-то горькимъ чувствомъ лицо... лицо Бѣльева. Она обернулась, и въ то-же время вся компанія: Лизавета Петровна, Люба и Озеровъ вошли вслѣдъ за Бѣлевымъ. Всѣ они побросали шляпы, бросились на стулья, жалуясь на жару, и начали обмахиваться платками и просить пить. Хабаровъ, еще весь поглощенный предыдущимъ разговоромъ, разсѣянно взглянулъ на нихъ и продолжалъ ходить по комнатѣ, почти не замѣчая ихъ. Анюта, немного смущенная этимъ шумнымъ нашествіемъ, не находила словъ, чтобы занимать гостей.

— Анюта, твердила Люба, — вели принести молока, мы всѣ хотимъ пить. Слышишь, Анюта?

— Скажи Аграфенѣ, отвѣчала та.

— Аннѣ Федоровнѣ некогда о насъ думать, вмѣшался Озеровъ съ дерзкой усмѣшкой;— не беспокойте ее. Давайте-ка я самъ распоряжусь на ледникѣ: дѣло-то вѣрнѣе будетъ!

Онъ пошелъ вслѣдъ за Любой, которая звала Аграфену.

— Ну-ка, старуха, поворачивайся, фамиллярно сказалъ онъ, ударяя няню по спинѣ;— давай намъ ключи, мы твои старья кости не станемъ тревожить... пора имъ въ могилу!

Аграфена гнѣвно отшатнулась и, смѣривъ его съ головы до ногъ презрительнымъ взглядомъ, отвѣчала:

— Что ты, батюшка, сумасшедшій, что-ли?

— Ахъ, няня! возразила Люба, качая головой.

— Помилуй, какже это ни съ того, ни съ сего подойти и по спинѣ прямо хватить: „давай ключи!“ Я еще изъ ума не выжила, чтобъ встрѣчному-поперечному ключи давать.

— У, чортъ! [сказалъ Аркадій, выходя вслѣдъ за Любой въ сѣни;— какъ это вы такую ветхость держите? Я-бы ее давно по боку.

— Это Анюта, прошептала Люба.

— Я знаю, что она. Не нравится мнѣ ваша Анюта! Она, знаете, иногда такъ посмотритъ, что... ужъ я ее когда-нибудь отбрю!

Выходите-ка вы поскорѣе замужъ, Любовь Федоровна, а то, смотрите, она прежде васъ выскочить, да и скрутить васъ тогда!

Люба слушала, меланхолично улыбаясь.

Отперли ледникъ; подошла Аграфена съ дѣвчонкой; дѣвчонка полѣзла внизъ, а за ней незамѣтно юркнулъ Озеровъ, который, несмотря на храбрость на словахъ, боялся Аграфены. Тамъ онъ началъ съ любопытствомъ раскрывать горшки и заглядывать въ кадки, мысленно высчитывая, сколько можетъ дать Аленинымъ молочный скопъ.

— И я къ вамъ, раздался голосъ Лизаветы Петровны, которая прибѣжала съ стаканомъ;—дайте мнѣ холоднаго молока, прямо съ ледника!

Между тѣмъ Люба, наполнивши до краевъ маленькую хрустальную кружку и взявъ изъ ящика апельсинъ, возвратилась въ домъ.

Послѣ того, какъ всѣ ушли на ледникъ, между Анютой, Хабаровымъ и Бѣляевымъ царствовало глубокое молчаніе. Бѣляевъ былъ очень блѣденъ и сидѣлъ съ такимъ лицомъ, какъ-будто ему на голову обрушился камень. Не было ничего особеннаго въ томъ, что онъ нашелъ Хабарова вдвоемъ съ Анютой, но онъ вошелъ именно въ такую минуту, когда ихъ оживленный разговоръ и выраженіе ихъ лицъ навели его въ первый разъ на серьезную мысль о томъ, что Хабаровъ равнодушенъ къ Анютѣ. Бѣляевъ зналъ, что у этого человѣка въ рукахъ страшная сила: способность страстно хотѣть и идти къ своей цѣли, устраняя всѣ препятствія.

Хабаровъ отлично понималъ все, что происходило въ умѣ доктора. Съ своей обычной наблюдательностью онъ давно замѣтилъ, что Бѣляевъ равнодушенъ къ Анютѣ. Но не это занимало его теперь, когда онъ съ задумчивымъ огнемъ въ глазахъ слѣдилъ за вошедшими. Его интересовалъ внутренній міръ Анюты, его изумляла ея необыкновенная скрытность. Напрасно онъ пытался проникнуть въ тайну ея души, подстеречь на лицѣ ея слѣды изломанной жизни, горькаго прошедшаго, тайныхъ угрызений. „Вѣдь она не то, чѣмъ всѣ здѣсь считаютъ ее, думалъ онъ;—она женщина, она мать... Отчего-же всѣ впечатлѣнія ложатся на нее какъ на дѣвственную почву? Отчего, когда я самъ иногда смущаюсь при какомъ-нибудь сопоставленіи, похожемъ на то, что случилось съ нею, она улыбается такою гордой, ясной улыбкой и кажется такой недоступной?.. Однако, она гадаетъ, что скрыться отъ меня нельзя. Что-же это за игра?“

Хабаровъ зорко принялся наблюдать за Анютой. Она сидѣла съ ярко-разгорѣвшимися щеками, машинально свертывая и развертывая свою работу, но ясно было, что не приходъ Бѣльева волновалъ ее: она вся еще была поглощена предъидущимъ разговоромъ.

— Вы прямо изъ Ключей? разсѣянно спросила она Бѣльева.

— Нѣтъ, я отъ Громовыхъ, отвѣчалъ онъ, закуривая сигару.

— А!.. значительно сказала Анюта и посмотрѣла на него такъ пристально, что при воспоминаніи сцены съ Валеріей Бѣльевъ покраснѣлъ.

— Я на минуту зашелъ, 'Абрамъ Николаевичъ меня встрѣтилъ и повелъ къ себѣ, пробормоталъ онъ, самъ не зная зачѣмъ.

— А, вы къ Абраму Николаевичу! замѣтила Анюта съ легкой иронической улыбкой.

Бѣльевъ вспыхнулъ. [Хабаровъ] всталъ и началъ нетерпѣливо ходить по комнатѣ.

— Павелъ Ильичъ! раздался изъ залы мелодическій голосъ. Онъ поспѣшилъ [на зовъ. За дверью стояла Люба съ растрепавшимися волосами, въ которыхъ запутался будто нечаянно бѣлый цвѣтъ земляники, и молча предлагала ему кружку свѣжаго, пѣнившагося молока.

— Благодарю, Любовь Федоровна; вы, кажется, знаете, что я молока не пью, сказалъ докторъ серьезно, хотя по всему лицу его пробѣжала неумолимая улыбка. Его отчасти тѣшило и пріятно забавляло упорное преслѣдованіе молодой дѣвушки, но онъ ясно видѣлъ ея игру. Тщеславное кокетство и упрямое желаніе привлечь на свою сторону всѣхъ поклонниковъ слишкомъ ясно сквозили изъ всѣхъ маневровъ юной и еще ненавострившейся въ этомъ искусствѣ героини.

Люба между тѣмъ отставила кружку и подала Бѣльеву апельсинъ, устремивъ на него голубые глаза, въ неопреодолимости которыхъ она, очевидно, не сомнѣвалась. Бѣльевымъ овладѣло неудержимое желаніе подразнить ее, и онъ молча, съ едва сдерживаемой улыбкой, отказался отъ апельсина.

Тогда Люба медленно и картинно уронила апельсинъ и, качая головой, грустно проговорила:

— Въ третій разъ!

— Отчего-же вы не говорите „непреклонный“? спросилъ Бѣльевъ, принимая на себя серьезный видъ.

Почувъвъ насмѣшку, Люба встрепенулась и сказала съ наивнымъ изумленіемъ:

— Что такое „непреклонный“? что вы хотите этимъ сказать?

— Вѣдь это сцена изъ Монте-Кристо. Тамъ героиня испытываетъ героя, врагъ онъ ей или нѣтъ—предлагаетъ ему виноградъ и персикъ; онъ отказывается, она роняетъ плоды и говоритъ: „непреклонный“. И вамъ-бы такъ надо сказать.

— Монте-Кристо? отвѣчала Люба съ неудовольствіемъ;—я еще не родилась, когда онъ былъ написанъ.

— Но вѣдь вы навѣрное съ тѣмъ намѣреніемъ предлагали мнѣ ѣсть и пить, чтобъ испытать, не врагъ-ли я? Ну, пожалуй, я, такъ и быть, насильно съѣмъ апельсинъ... хотя я долженъ сказать по правдѣ, что онъ мнѣ противенъ...

Люба стояла глубоко уязвленная. Эта поэтическая сцена, на которую она возлагала столько надеждъ, угрожала принять комическій оборотъ. Но она рѣшилась, по крайней мѣрѣ, съ честью отступить съ поля сраженія. Принявъ позу полную достоинства и съ дѣтскимъ граціознымъ смущеніемъ опуская глаза, какъ-будто желая скрыть блестящія на нихъ слезинки, она заговорила дрожащимъ голосомъ:

— Я не знаю, отчего вы такъ недоброжелательно принимаете мое простое, естественное желаніе услужить вамъ... Можетъ быть, я, точно, неловко или некстати его выразила, но вѣдь я не свѣтская дѣвушка... я многого не знаю. Я знаю только одно, что вы, можетъ быть, забыли, что, когда я была больна, вы пришли, приняли участіе... Вамъ я обязана...

— Ужь не жизнью-ли? шутливо перебилъ Бѣляевъ.

Она съ грустнымъ упрекомъ покачала головой; слезинки на глазахъ сдѣлались крупнѣе и блестящѣе...

— Озеровъ идетъ, сказалъ Бѣляевъ, затрудняясь какъ кончить этотъ разговоръ.

— Ахъ, этотъ Озеровъ, это грубое созданіе! вскричала Люба;—если-бъ вы знали, какъ онъ мнѣ противенъ... Я даже боюсь его, у него такіе порывы! Но я не властна не принимать его, поймите это.

— И землянику не властны съ нимъ не собирать? поддразнилъ Бѣляевъ.

Неудержимая улыбка раскрыла губки Любы при сладкой мысли, что ее ревнуютъ.

— Вы меня совсѣмъ не понимаете, Павелъ Ильичъ, сказала она, притворно вздыхая. — Ахъ, не вѣрьте ничему, что вамъ про меня скажутъ. Когда-нибудь вы узнаете меня лучше.

Закончивъ такъ блистательно этотъ разговоръ, Люба скрылась. Бѣляевъ равнодушно посмотрѣлъ ей вслѣдъ и пошелъ опять въ диванную.

— Что это за рукопись? спросилъ онъ, садясь къ столу и перелистывая тетрадь; — это, кажется, вашъ новый романъ, Хабаровъ?

IV.

— Да, отвѣчалъ Хабаровъ, — но онъ еще не конченъ.

— Меня всегда поражаетъ въ вашихъ романахъ, сказалъ Бѣляевъ, — разнообразіе типовъ и обстановки. Признаюсь вамъ, я никакъ не могу уловить личности автора въ вашихъ произведеніяхъ; только-что я убѣждаюсь, что такой-то герой осуществляетъ въ себѣ характеръ, идею и воззрѣнія автора, какъ является другой герой, противоположный, который тоже какъ-будто говоритъ отъ имени автора.

— Я, право, не знаю, возразилъ Хабаровъ, — почему такъ распространено убѣжденіе, будто по сочиненіямъ можно судить о частной жизни и характерѣ автора.

— Мнѣ кажется, что это дѣйствительно трудно отдѣлать, сказалъ Бѣляевъ.

— Нисколько, если только вы признаете творчество; творчество вовсе не обязано сообразоваться съ данной обстановкой; оно можетъ отрѣшиться отъ дѣйствительности и посреди холода и голода создать картины роскоши, тепла и наслажденія жизнью, и наоборотъ.

— Я не думаю, чтобъ это вышло такъ вѣрно, какъ то, что человѣкъ самъ испыталъ, замѣтилъ Бѣляевъ.

— Какъ! возразила Анюта, — а Байронъ, писавшій свои мрачныя поэмы, наслаждаясь въ Венеціи, а Гете, создавшій Вертера среди своего счастливаго, семейнаго кружка... А знаменитая Кер-

реръ-Бель! вспомните, какія жгучія страницы она оставила по себѣ, каждый взмахъ ея пера какъ-будто пропитанъ блаженными воспоминаніями знойныхъ свиданій, задушевныхъ разговоровъ, свѣжестью первой любви! А между тѣмъ она вела одинокое, безотрадное существованіе, была некрасива и никѣмъ не любима.

— Такъ по-вашему выходитъ, что фантазія выше идеи? сказалъ Бѣляевъ.

— Позвольте, мягко перебилъ Хабаровъ, — надо опредѣлить ясно, о чемъ мы говоримъ. Вы сомнѣваетесь, чтобъ авторъ могъ создать живыя и яркія картины того, чего самъ не испыталъ; но я нахожу, что вы ошибаетесь. Ему и не нужно описывать дѣйствительно-случившееся: у него въ головѣ другая жизнь, хотя вымышленная, но психически вѣрная съ дѣйствительностью. Въ томъ и разница, что идея можетъ быть у всякаго умнаго человѣка, а творчество — нѣтъ. Умный человѣкъ напишетъ дѣльную статью, выскажетъ множество полезныхъ, новыхъ мыслей, мастерски обрисуетъ какой-нибудь потрясающій эпизодъ, но это не будетъ процессъ творчества. А для романа необходимъ онъ одинъ.

— Такъ неужели вы хотите сказать, что творчество есть что-то бессмысленное, неподходящее ни подъ какіе разумные законы? спросилъ Бѣляевъ, начиная волноваться.

— Нѣтъ; но самобытное, являющееся не путемъ опыта и не путемъ анализа. По вашему мнѣнію, всѣ лица, много жившія и много издавшія на своемъ вѣку, должны были-бы сдѣлаться замѣчательными писателями, но факты доказываютъ противное. Повѣрьте мнѣ, что жизнь, полная приключеній и тревоженій, скорѣе вредитъ процессу творчества, нежели развиваетъ его, потому-что тутъ полетъ воображенія подавляется слишкомъ яркою дѣйствительностью.

— Мнѣ странно это слышать отъ васъ, потому-что ваша собственная жизнь... кажется, вовсе не подходитъ подъ это правило.

Хабаровъ нѣсколько минутъ не отвѣчалъ. Анюта смотрѣла на него вопросительно.

— Въ общихъ чертахъ—это правда, возразилъ онъ, наконецъ;—но знаете-ли вы, что я не могу *писать* и *жить* въ одно и то-же время. Я не писалъ по году, по два, по три, именно въ то время, когда жизнь захватывала меня своими волнами... Тогда

я не умѣлъ связать фразы. Только потомъ, когда наступала реакція, когда въ настоящемъ ничто меня не волновало, не привлекало, не сердило, въ мозгу моемъ начинали вставать, независимо отъ моей воли, картины и образы, вовсе не того, что я пережилъ, а иногда совсѣмъ противоположнаго.

Впродолженіи этого разговора Лизавета Петровна, Люба и Озеровъ воротились въ комнату и, прихлебывая молоко, слушали въ молчаніи. Лиза не вытерпѣла и вмѣшалась.

— Я вообще не читаю романовъ, сказала она; — но вотъ теперь, когда познакомилась съ вами, рѣшилась прочесть ваши сочиненія. Скажите, что за странная вамъ пришла мысль сдѣлаться романистомъ?

— Почему-же она странная? улыбаясь спросилъ Хабаровъ.

— Помилуйте, что-жъ это за дѣятельность! Трудиться за тѣмъ, чтобъ доставлять развлеченіе послѣ обѣда празднымъ людямъ! Идеи у васъ есть прекрасныя, — почему-бы вамъ не высказать ихъ просто, безъ всѣхъ этихъ романическихъ прикрасъ?

Хабаровъ засмѣялся.

— Ахъ, Лизавета Петровна, сказалъ онъ, — позвольте хоть празднымъ и пустымъ людямъ отдохнуть отъ чтенія *идей!* Съ моей стороны было-бы безсовѣстно и безжалостно прибавить еще мою лепту къ безчисленнымъ приношеніямъ этихъ идей на пользу общества. Оно давно уже вытвердило наизусть весь свой кодексъ, а легче-ли стало жить отъ этого?

— Ахъ, это все не то, возразила Лизавета Петровна; — эти явленія происходятъ единственно отъ разногласія въ обществѣ. Вотъ когда у всѣхъ будутъ одинаковыя убѣжденія, взгляды, мысли и вкусы, то никакихъ отклоненій больше не будетъ.

— Лизавета Петровна, прервала Анюта съ сверкающими глазами, — неужели васъ не пугаетъ — какое мертвое однообразіе было-бы тогда? куда ни повернись, вездѣ встрѣчать собственное отраженіе, знать заранѣе, что каждый скажетъ, никогда не слышать возраженія на свою мысль... Вѣдь это полный застои!

— Ахъ, какъ вы всегда впадаете въ крайности, замѣтила Лиза, съ неудовольствіемъ слушавшая ее; — съ вами вовсе нельзя говорить!

— Почему-же нельзя? горячо прервала ее Анюта. — Милъ говорить то-же самое, и вы не можете не вѣрить Милу. Онъ ста-

вить первымъ условіемъ прогреса — развитіе индивидуальности въ человѣкѣ.

— Я не отрицаю въ Милѣ великаго мыслителя, но не можетъ-же человѣческая мысль на-всегда остановиться на немъ, довольно рѣзко возразила Лизавета Петровна.

— Да, вмѣшался Бѣляевъ съ ѣдкой ироніей; — вы такъ далеко ушли, особенно съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь, что я считаю васъ способной отнестись критически даже къ Милю...

Жена его вся вспыхнула; насмѣшка попала въ нее мѣтло.

— Вы не можете знать моей дѣятельности, заговорила она поспѣшно и путаясь въ словахъ; — я вамъ никогда не говорила о ней, потому-что вы...

Она не dokonчила. Въ гостиную вошла горничная и объявила, что отъ Громовыхъ прислали человѣка просить къ нимъ какъ можно скорѣе доктора.

Бѣляевъ всталъ и пошелъ въ переднюю; всѣ высыпали за нимъ, кто изъ участія, кто изъ любопытства.

— Кто болѣнъ? спросилъ Бѣляевъ у лакея въ сѣрой ливреѣ съ красными нашивками.

— Ихъ превосходительство генеральша очень не хорошо себя чувствуютъ; просятъ поспѣшить.

— Но она была здорова утромъ. Я ее видѣлъ.

— И я, раздались голоса; — что-же такое съ нею?

— Не могу знать-съ; ихъ превосходительство генералъ въ большомъ безпокойствѣ.

— Но вѣдь вы были у нихъ сегодня? вы ее видѣли? спросила Анюта у Бѣляева, собравшагося уже идти.

— Да, отвѣчалъ онъ въ смущеніи, отыскивая шляпу.

— Не пойти-ли намъ всѣмъ, господа, навѣстить Валерію Павловну? предложила Анюта.

— Да, сказалъ какъ-то нерѣшительно Хабаровъ; — но только не лучше-ли переждать немного, пока кончится докторская консультація?..

Взглядъ его мелькомъ скользнулъ по Бѣляеву; тотъ нервнымъ движеніемъ нахлобучилъ шляпу на глаза и пошелъ къ двери.

— Стоитъ толковать о чемъ! сказалъ Аркадій, зѣвая; — пойдете-ка, Любовь Федоровна, потолкуемъ съ вами опять!

— У меня голова болитъ, отвѣчала-было Люба, но увидѣвъ,

что Вѣльева уже нѣтъ, допустила юнкера взять себя за руку и вести, будто насильно, въ гостиную.

— А вы куда, Лизавета Петровна? спросилъ Хабаровъ, видя, что она окутываетъ голову голубымъ крепомъ.

— Ахъ, у меня такъ много дѣла; я сюда зашла, думала спросить, нѣтъ-ли у Алениныхъ одной книги... Да нѣтъ, вѣроятно, нѣтъ... Я опять въ школу, я почти цѣлый день тамъ.

Она ушла. Хабаровъ искалъ глазами Анюту, но ея не было. Она медленно шла съ Вѣльевымъ вдоль изгороди сада, держа надъ головою бѣлый платокъ отъ солнца.

— Я не хочу скрывать этого отъ васъ, торопливо говорилъ Вѣлеевъ; — мое положеніе въ отношеніи къ Валеріи Павловнѣ нелегко. Вы понимаете, почему... Я знаю, что вы догадались. Теперь эта ея болѣзнь, это предстоящее свиданіе съ нею меня пугаютъ... Посовѣтуйте мнѣ, какъ поступать, что дѣлать!

— А вы расскажете подробности вашего свиданія? спросила Анюта и глаза ея блеснули лукавствомъ и женскимъ любопытствомъ.

— Если вы позволите, то я обѣщаю вамъ это.

— Смотрите-же! сказала она и слегка ударила его по плечу.

Онъ хотѣлъ нагнуть голову, чтобъ поцѣловать ея руку, но она уже исчезла.

Въ роскошной, погруженной въ полумракъ спальнѣ, гдѣ неподвижно лежала Валерія, раздавался плачущій голосъ Фелисаты Петровны.

— Другъ мой, скажи ты мнѣ, что это такое съ тобой?.. Я, право, съума сойду! Одна дочь и есть, и ту у меня взяли на тиранство, на горе!.. Валерочка, ты открой матери свою душу... что съ тобой этотъ аспидъ дѣлаетъ? Не прибилъ-ли ужъ онъ тебя?

Валерія, до сихъ поръ не отвѣчавшая ни словомъ, ни движеніемъ, подняла блѣдное лицо и сказала твердо:

— Мамаша, уйдите отсюда, я не могу васъ слышать!

— Чувствовало мое сердце, когда я не хотѣла тебя за него отдавать! всхлипывала Фелисата Петровна; — ты сама настояла, я

грѣха на свою душу не беру. Вижу я, моя голубушка, изъ-за чего у тебя на сердцѣ кипить. Я сама, нынче утромъ, прежде тебя подглядѣла, какъ эта чертовка рыжая передъ Абрамомъ Николаичемъ въ саду фінтила!

— Какая рыжая? машинально спросила Валерія.

— Лизка! У насъ и въ деревнѣ ей нѣтъ другого имени, какъ Лизка. Конечно, невесело, какъ шлюха на носъ сядетъ. Ужь что она нынче утромъ выдѣлывала! то ножицу свою возьметъ выставить, то платье ему показываетъ, какое на ней... Я сейчасъ поняла, о чемъ у нихъ разговоръ шелъ: все это она у него выпрашивала, чтобъ онъ ее съ ногъ до головы одѣлъ. Я чуть не побѣжала, лицо ей не распарала. Господи! да я подумать не могу... чтобъ эдакая... мою дочь...

Фелисата Петровна зарыдала. Валерія схватила колокольчикъ и зазвонила изо всей силы.

— Уведите мамашу, не пускайте ее ко мнѣ, сказала она вѣжавшимъ въ испугѣ горничнымъ и, въ лихорадочномъ ознобѣ, закуталась въ атласное бѣлое одѣяло.

Озерова ринулась вонъ изъ спальни и, встрѣтивъ подходящаго Громова, вдругъ бросилась ему въ ноги.

— Что такое? человѣкъ... человѣкъ, поднимай! раздался густой басъ Громова.

— Батюшка мой, Абрамъ Николаичъ! рыдала Фелисата Петровна, — ну, какъ она умереть! что мнѣ, горемычной, тогда дѣлать?.. Вы ужь меня не оставьте!

— Не оставляю... да вы меня пустите-же! чуть полу у сюртука не оторвали, что это!.. Право, съ этими бабами того и гляди самъ рехнешься, говорилъ генералъ, оправляя сюртукъ и смотря, какъ горничныя уводили его тещу.

— Господинъ докторъ изволили пожаловать, доложилъ слуга. За нимъ входилъ Бѣляевъ.

— Напророчили вы мнѣ! сказалъ ему Громовъ;—долго я буду помнить нынѣшній день. Ровно три года съ женой ничего этого не было, и такъ она у меня поправилась-было, пополнила... А то вѣдь въ началѣ, какъ я на ней женился, такъ она чуть-ли не полгода все чахла, все болѣла — отъ дурной пищи, конечно. Наслужу я ее откормилъ...

— Чѣмъ-же заболѣла Валерія Павловна?

— Это вы мнѣ, батюшка, скажите, чѣмъ она заболѣла! возразилъ Громовъ; — прихожу въ купальню вотъ тогда послѣ васъ— она бьется головой объ стѣну, рыдаетъ, стонетъ. Хочу за вами послать— она кричитъ: не надо. А у самой и ознобъ, и жаръ, и чортъ знаетъ что! Идите-ка, идите. Безъ меня она, пожалуй, васъ прогнать, а при мнѣ-то не посмѣетъ.

Они пошли.

Эта почти темная комната, бѣлая фигура женщины, лежавшей неподвижно на постели, неясныя фигуры двухъ горничныхъ, шептавшихся въ головахъ кровати, произвели потрясающее дѣйствіе на Бѣляева. Эта обстановка напомнила ему другую роковую ночь, которая чуть не свела его съ ума — тогда еще неопытнаго, въ первый разъ любившаго юношу, — и снова ему почудились раздражающіе вопли и стоны этой самой женщины, и на руки его какъ-будто снова легло маленькое, холодное, безжизненное тѣльце... Онъ вздрогнулъ съ головы до ногъ и остановился посреди комнаты, блѣдный какъ полотно.

Громовъ, между тѣмъ, уговаривалъ жену, чтобъ она позволила себя лечить, но, не получая отъ нея ни малѣйшаго отвѣта, начиналъ чувствовать нетерпѣніе и тоску, которыя всякій разъ овладѣвали имъ у постели больного. Онъ терпѣть не могъ больныхъ, терпѣть не могъ темноты въ комнатѣ, запаха лекарствъ и спиртовъ, а главное — той осторожности и тишины, которыя надо было соблюдать. Неуклюже повернувшись, онъ опрокинулъ столикъ съ стаканомъ и стклянками; хотѣлъ отступить назадъ — и наткнулся на кресло.

— Да здѣсь самъ чортъ ноги переломаетъ! закричалъ онъ, выходя изъ себя; — что это еще придумали занавѣси спустить? Могила, что-ли, хотѣли сдѣлать? склепъ, что-ли, какой?

— Тихе, повелительно остановилъ его Бѣляевъ, — тихе! ваша жена, кажется, и такъ безъ чувствъ.

— Ну, не умѣю я по-вашему, съ досадой зашепталъ Громовъ; — я лучше уйду. Пойду на новую конюшню смотрѣть лошадей; вы ко мнѣ туда приходите и мы потолкуемъ, какъ намъ ее лечить. Она безъ меня, пожалуй, лучше вамъ все скажетъ.

Однако, на порогѣ Громовъ остановился въ нерѣшимости, какъ-будто его засосала за сердце какая-то непріятная мысль. Онъ переводилъ глаза съ Валеріи на доктора, и серьезное, блѣдное лицо

Бѣляева все болѣе и болѣе успокоивало его насчетъ попытки волокитства съ его стороны. Подозвавъ горничныхъ, онъ строго приказалъ имъ не оставлять барыню ни на минуту.

Лишь только онъ сѣрлся за дверью, какъ горничныя также исчезли. Онѣ знали, что за каждое нарушеніе приказаній барина въ отношеніи его супруги онѣ получаютъ отъ нея щедрый подарокъ... Между ними и Валеріей никогда не было говорено ни слова объ этомъ; но обѣ стороны отлично понимали другъ друга.

Бѣляевъ первый прервалъ молчаніе.

— Чѣмъ вы нездоровы, Валерія Павловна? сказалъ онъ, стараясь придать себѣ озабоченный тонъ доктора; — я-бы желалъ по-мочь вамъ.

Она все молчала, но грудь ея начала высоко подниматься и безмолвныя, тихія слезы закапали на подушку. У Бѣляева голова закружилась; онъ съ отчаяніемъ оглянулся вокругъ, нѣтъ-ли тутъ горничныхъ, не идетъ-ли генераль... Напрасно, все было тихо.

— Я... я сейчасъ пропишу вамъ... рецептъ, сказалъ онъ, самъ не помня, что говорить, и шаря дрожащею рукой по этажеркѣ.

— Не нужно, Павелъ Ильичъ, я больна не тѣломъ — вы это знаете, отвѣчала Валерія съ невыразимой грустью и уныніемъ. — Я не хотѣла, чтобъ вы пришли; но теперь я рада, что могу говорить съ вами... въ первый и послѣдній разъ. Этотъ разговоръ никогда больше не возобновится... позвольте-же мнѣ...

Голосъ ея прервался. Она сильно поблѣднѣла и, казалось, старалась преодолѣть свое волненіе.

На ея блѣдномъ какъ мраморъ лицѣ не осталось и тѣни того надменнаго, прихотливаго выраженія, съ которымъ она всегда встрѣчала Бѣляева. Вся жизнь, казалось, ушла изъ этихъ глазъ, съ этого лба, съ этихъ губъ, подернутыхъ выраженіемъ страданія; всѣ черты какъ-будто оцѣпенѣли подъ гнетомъ подавляющаго горя. Невольная жалость стѣснила сердце Бѣляева.

— Позвольте мнѣ, продолжала Валерія, — обратиться къ вамъ съ просьбой больной... Больнымъ дозволяются нѣкоторыя прихоти. Мнѣ нужно, мнѣ необходимо спросить васъ объ одномъ предметѣ... но если вы будете отвѣчать мнѣ... тѣмъ ледянымъ тономъ... съ тѣмъ видомъ отчужденія и насмѣшки, какъ сегодня утромъ, я чувствую, что этого не выдержу. Я васъ прошу, какъ доктора... въ интересахъ вашей пациентки... забыть на четверть часа, что пе-

редъ вами та женщина, которая не заслуживаетъ отъ васъ ничего, кромѣ презрѣнія и ненависти... Отвѣчайте мнѣ такъ, какъ-бы отвѣчали въ прежнее время...

— Валерія Павловна... проговорилъ Бѣляевъ, заикаясь.

— Я знаю, что вы великодушны, и это для меня самое тяжелое наказаніе. Ну, слушайте...

Она приподнялась и откинула свои черные волосы; глаза ея заглялись какими-то страннымъ огнемъ.

— Вы должны разсказать мнѣ, что вы сдѣлали тогда съ ребенкомъ, заговорила она лихорадочно; — я съ тѣхъ поръ не видала васъ и все время томилась тоской узнать всѣ подробности. Скажите: онъ не ожилъ у васъ на рукахъ? онъ точно былъ мертвый? куда-же вы дѣвали его?

— Я бросилъ его въ рѣку, пробормоталъ Бѣляевъ, блѣднѣя.

Валерія затрепетала и глухо вскрикнула, какъ-будто ей сказали что-то ужасное.

— Въ рѣку! повторила она, задыхаясь и схватываясь за голову; — бросилъ въ рѣку... въ холодную, темную воду... его, моего милаго... моего первенца... въ рѣку!..

— Успокойтесь, ради Бога, говорилъ растроганный Бѣляевъ, взявъ ее за руки и сжимая ихъ: — онъ былъ мертвый, все равно его-бы похоронили...

— Да... простите меня, я безумная! сказала Валерія, какъ-бы приходя въ себя; — это нервы у меня такъ натянуты. Меня словно что-то ударило, когда вы сказали... Я знаю, что иначе нельзя было. Когда вы это сдѣлали? никто васъ не видалъ? Вы знали, что Хабаровъ слѣдилъ за вами?

— Зналъ. Онъ преслѣдовалъ меня по пятамъ. Но мнѣ удалось спрятаться въ одно мѣсто.

— Какое?

— Долго разсказывать. Это бесполезныя подробности. Однимъ словомъ, все кончено... благополучно; зачѣмъ вспоминать объ этомъ?

— Точно-ли благополучно?.. Какъ я боялась тогда за васъ!.. сколько слезъ, сколько слезъ... И ни у кого я не могла даже спросить про васъ, гдѣ вы, что съ вами...

Голосъ ея задрожалъ.

— Зачѣмъ вамъ это было? сказалъ Бѣляевъ съ горечью.

— Вы очень страдали? продолжала она тихо.

— Теперь я больше не страдаю.

Она глубоко вздохнула и посмотрѣла на него полными грусти и смиренія, прекрасными глазами.

— Я знаю... я чувствую, что вы очень страдали... прошептала она плачущимъ голосомъ; — иначе вы не были-бы ко мнѣ такъ жестоки!

— Я... жестокъ? въ волненіи сказалъ Бѣляевъ и наклонился поцѣловать ея руку; — мы въ такомъ положеніи, Валерія Павловна, что, ради вашего и моего спокойствія и счастья, надо какъ можно меньше говорить о прошедшемъ...

Онъ отеръ платкомъ лицо. Валерія зорко смотрѣла на него.

— Разстанемтесь друзьями, продолжалъ Бѣляевъ, чувствуя, что теряется, и спѣша кончить свиданіе; — дайте мнѣ пожать вашу руку, какъ другу... Поскорѣе: вашъ мужъ, вѣрно, скоро придетъ...

Въ глазахъ Валеріи мелькнуло что-то странное.

— Да, сказала она медленно; — но прежде, чѣмъ разстаться, вы должны узнать истину...

Ея губы сдѣлались бѣлы.

— Во всѣ эти три года не было дня, часа, когда-бы моя жизнь не была отравлена сравненіемъ между тѣмъ, что *было*, и тѣмъ, что я для себя выбрала... Но никогда, нѣтъ, никогда я не воображала заслужить отъ васъ такое презрѣніе... Я не могу перенести этого... это гложетъ... убиваетъ меня! Не будьте безжалостны! Простите, простите меня! Я не встану до тѣхъ поръ, пока вы не простите меня!..

И прежде, чѣмъ растерянный Бѣляевъ могъ предвидѣть ея движеніе, Валерія соскользнула съ постели на коверъ и обхватила его колѣни...

У него голова закружилась; онъ пытался поднять Валерію; руки ея распались сами собой и она, какъ безжизненная, опустилась лицомъ на коверъ, покрывая ноги Бѣляева длинными, блестящими прядями своихъ черныхъ волосъ. Самъ весь дрожа, онъ съ трудомъ приподнял ее и взялъ на руки, чтобы положить на постель. Ему почудилось, что она жарко прижимается къ нему, и воспоминанія прежней любви прошли по немъ томительнымъ трепетомъ. Въ ту минуту, какъ онъ опустилъ ея голову на подушку, она очнулась и, какъ въ бреду, проговорила:

— Что со мной?.. больна я?.. кто это возлѣ меня?.. Ахъ, это ты, Польш!.. Милый, милый!..

Ея обѣ руки обвились вокругъ его шеи и притянули къ ней его голову. Бѣляевъ, внѣ себя, въ смятеніи, въ отчаяніи и въ то-же время растроганный, польщенный, сдѣлалъ слабую попытку освободиться, но руки сжали его крѣпко, какъ добычу...

Раздался осторожный стукъ въ дверь.

— Сюда идутъ, прошепталъ Бѣляевъ, холодѣя отъ страха за нее. Валерія раскрыла глаза, не выпуская его изъ объятій.

— Ты любишь эту Анюту? проговорила она быстро;— не люби ее... оставь! Обѣщаешь?

— Сюда стучатся, повторилъ онъ.

— Обѣщаешь?.. Если нѣтъ, пусть насъ застанутъ такъ.

— Обѣщаю, прошепталъ побѣжденный, уничтоженный Бѣляевъ, наклоняясь съ поцѣлуемъ къ ея губамъ.

— Прикажете войти? спрашивалъ голосъ горничной за дверь.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Ихъ превосходительство идутъ домой изъ конюшни; какъ-бы не забранились, что при васъ никого нѣтъ.

Бѣляевъ вышелъ, шатаясь какъ пьяный.

V.

Лѣто все подвигалось къ своему зениту и въ воздухѣ становилось все знойнѣе и душнѣе. Погода стояла сухая; по дорогѣ постоянно клубилась пыль, застилая сѣрымъ покровомъ деревья и кусты. Только въ глубинѣ обширнаго громовскаго сада царствовала прохлада и свѣжесть; красные, розоватые и нѣжно-желтые яблоки пестрѣли на курттинахъ; огромный, какъ слива, крыжовникъ повисъ кистями вдоль дорожекъ. Кругомъ преобладалъ запахъ скошеннаго сухого сѣна, которое возвышалось небольшими стогами въ разныхъ концахъ сада.

Солнце было на закатѣ. Громовъ и Хабаровъ возвращались съ поля, куда они ходили смотрѣть всходы хлѣба.

— А хорошо, братъ, въ деревнѣ, говорилъ Громовъ: — куда сравнить съ Москвой или съ Питеромъ, тамъ теперъ и жизни не обрадуешься!

Хабаровъ въ разсѣянности не отвѣчалъ, но Громовъ продолжалъ хлалить деревню съ такимъ упорствомъ, что, наконецъ, Хабаровъ догадался, что онъ къ чему-то подговаривается.

— Да вѣдь ты уѣзжать никуда не собираешься? спросилъ онъ на удачу.

Генераль сморщился и замоталъ головою.

— Эта поѣздка у меня вотъ гдѣ сидитъ, сказалъ онъ, показывая на затылокъ.

— Какая поѣздка?

— Странный ты, право! А дюдю-то, князя Петра, такъ, что-ли, мнѣ оставить? На чужихъ рукахъ?

— Ахъ, да, да! вѣдь тутъ наслѣдство... понимаю, улыбаясь сказалъ Хабаровъ.

— А, понялъ, наставительно возразилъ генераль; — ты этихъ вещей не можешь такъ къ сердцу принимать: ты холостой. Вотъ побудь-ка на моемъ мѣстѣ, содержи семейство да вездѣ все одинъ, одна своя голова. Въ Петербургъ скачи къ дядѣ—опять все я-же!

— Да что тебѣ вдругъ вздумалось?

— Какое вдругъ! Меня давно мутитъ, какъ это такъ дядя, въ преклонные года... и никого изъ родныхъ съ нимъ нѣтъ.

— Около него есть родные, замѣтилъ Хабаровъ.

— Какіе это родные? закричалъ Громовъ, разсердившись и побавровѣвъ:— четверюродные братья-то? седьмая вода на кисель! Одинъ я только настоящій родной племянникъ: пріѣду—и всѣхъ ихъ за дверь вышвырну.

— Прекрасно! да зачѣмъ-же ѣхать теперь, а не осенью?

— А за тѣмъ, что грѣхъ. Я все такіе сны вижу: то сундукъ съ золотомъ передо мной стоитъ... то иконы будто-бы дядины пропали и я ихъ ищу. Все на мысль-то и наводитъ.

— Да ты, Абрамъ Николаевичъ, все что-то не то хочешь сказать, прервалъ Хабаровъ; — ты вѣдь хитрый, все окольными путями...

— Нѣтъ, я ничего, отвѣчалъ Громовъ, хохоча отъ удовольствія;—а ты вотъ подумаль-ли, на кого я домъ-то оставлю, кому жену повѣрю?

— Развѣ жену не возьмешь?

— Сохрани Богъ! Дядя чуть-было меня изъ-за нея не про-

гналъ; онъ не хотѣлъ, чтобъ я на ней женился. Теперь я ему хочу сказать, что я съ ней развелся. Взять-то мнѣ ее и нельзя, потому сейчасъ по всему Петербургу разнесется, что Громовъ съ женой пріѣхалъ; дядя и узнаетъ.

— Такъ ты хочешь оставить меня при женѣ сторожемъ? спросилъ Хабаровъ, постигнувши, наконецъ, политику Громова.

— Вздоръ какой! вотъ въ голову-то пришло! А я еще думалъ, ты со мной проѣдешь въ Петербургъ.

— Что-же, сказалъ Хабаровъ.

— А, вотъ ты и попался. Это, братъ, значить, что ты обижался, что я отъ тебя уѣзжаю. Дмитрій Ефимовичъ! это не по-дружески! Ты знаешь, что меня нужда гонитъ, а не моя воля. Если ты безъ меня не останешься въ домъ хозяиномъ на мѣсто меня, я это сочту за кровную обиду, и ѣхать ужъ мнѣ тогда нельзя!

— Ну, поѣзжай-себѣ съ Богомъ. Я останусь.

— Да ты не сердисься?.. Куда-жѣ ты?

— Я пойду туда, къ церкви. Я люблю это мѣсто.

— Иди, иди, сочинитель!

Громовъ пошелъ къ дому, весело ухмыляясь и любуясь самъ на себя, какъ искусно онъ подвелъ все къ тому, чтобъ Хабаровъ остался главой дома въ его отсутствіе. Иначе онъ терзался-бы мыслью, что жена его остается безъ присмотра и можетъ каждую минуту свернуть съ прямой дороги. На Хабарова-же, къ которому Валерія явно питала страхъ и уваженіе, онъ надѣялся какъ на каменную гору въ этомъ отношеніи.

Хабаровъ задумчиво направился къ бѣлѣвшему посреди зелени куполу маленькой домашней церкви. Она была обнесена оградой, за которой росла густая зеленая трава и нѣсколько красивыхъ, развѣсистыхъ вязывъ. Войдя въ калитку, Хабаровъ внезапно остановился: его слухъ поразило тихое, жалобное рыданіе. Посмотрѣвъ вокругъ себя и не видя никого, онъ обошелъ кругомъ церкви. Тамъ, прислонившись лицомъ къ холодной стѣнѣ, закутавшись съ головой въ черную мантилью, лежала въ травѣ женщина и тѣло ея вздрагивало отъ рыданій.

Хотя было уже довольно темно, Хабаровъ тотчасъ узналъ въ этой тоскующей, подавленной, приниженой женщинѣ хозяйку дома, — Валерію. Зная, какъ она горда и вспыльчива, Хабаровъ

подумаль-было уйти прежде, чѣмъ она увидѣла въ немъ нескромнаго свидѣтеля своихъ слезъ, но чувство жалости и великодушнаго участія одержало верхъ.

Онъ тихо взялъ ее за руку. Она вздрогнула и вырвала ее; потомъ, взглянувъ въ Хабарова сквозь слезы, застилавшія ея глаза, она съ внезапнымъ порывомъ бросилась къ нему на шею.

— Другъ мой! единственный другъ! лепетала она;—вы пришли ко мнѣ, вы меня не забыли... какъ другіе!..

Хабаровъ посадилъ ее на ступени крыльца и сѣлъ рядомъ.

— Что случилось съ вами? спросилъ онъ.

Она опустила глаза въ землю и молчала.

— Я несчастна, проговорила она наконецъ.

Грудь ея стала высоко подниматься; очевидно, въ ней разыгрывалась буря.

— Я несчастна... несчастна... несчастна! вскрикнула она, задыхаясь и срывая съ себя мантилью;—зачѣмъ вы спрашиваете... вы знаете!..

— Я могу предполагать и даже знать многое, возразилъ Хабаровъ тихо,—но я ничего не скажу до тѣхъ поръ, пока вы сами не дадите мнѣ позволенія читать въ вашей душѣ.

— Вы слишкомъ деликатны... такъ-что это даже похоже на полную безучастность, сказала она со вздохомъ;— вы всегда были слишкомъ добры, слишкомъ нѣжны ко мнѣ. Помните, три года тому назадъ, когда мы съ вами такъ бурно разстались... когда я не хотѣла сказать вамъ... помните, какъ вы со мной говорили... какъ отецъ, какъ братъ!.. А меня это только раздражало. Я не хотѣла вѣрить, чтобъ вы безкорыстно желали мнѣ добра... я думала, вы меня ревнуете и хитрите... Что дѣлать! я вполне понимаю только страсть: тихія чувства для меня недоступны.

— Но вѣдь не прошлое-же васъ волнуетъ? вы несчастны въ настоящемъ, прервалъ Хабаровъ.

— Да... и вы можете помочь мнѣ. Я люблю этого Бѣляева... того самаго—вы знаете!.. Я люблю его сильнѣе, чѣмъ прежде, а онъ на моихъ глазахъ любитъ другую!..

— Анюту Ленину?

— Ну-да; вотъ и вы это замѣтили. Да и какъ не замѣтить! Другъ мой! вы часто тамъ бываете, вы свободны, не то, что я плѣнница по рукамъ и по ногамъ, — узнайте мнѣ, на-сколько они

сблизились, узнайте, имѣтъ-ли онъ намѣреніе жениться на ней. Тогда... тогда надо будетъ открыть ему глаза.

— Открыть глаза Бѣляеву? что это значить?

— То, что эта женщина обманываетъ его, скрываетъ отъ него тайну своей жизни, сказала Валерія и голосъ ея вдругъ окрѣпъ и въ немъ послышалось мрачное торжество.

Хабаровъ сдѣлалъ невольное движеніе и придвинулся къ Валеріи.

— Почему вы знаете? какаѣ-же это тайна? спросилъ онъ.

— Анюта Аленина была матерью и убила своего ребенка, сказала Валерія рѣзко.

— Убила! невольно вскричалъ Хабаровъ, протестуя; — кто-же вамъ сказалъ, что она убила?

— Кто? спросите ея родную сестру, спросите тетку, спросите всѣхъ, кто былъ при этомъ скандалѣ.

Она повторила ему исторію, слышанную отъ Юліи. Хабаровъ былъ пораженъ. Судя по увѣренности и спокойствію Анюты, онъ былъ убѣжденъ, что ей удалось скрыть отъ всѣхъ свою тайну; теперь-же оказывалось, что она въ рукахъ людей, готовыхъ сдѣлать изъ нея страшное оружіе. Если-бъ Валерія была болѣе хладнокровна, она-бы тотчасъ замѣтила, какъ взволновала Хабарова ея новость.

— Вы это скажете Бѣляеву? настаивала Валерія;—я хлопочу не въ интересахъ своей любви, но я не хочу, чтобъ онъ сдѣлался жертвой такой женщины... которая способна убить своего ребенка.

Хабаровъ не слушалъ болѣе Валерію. Ему вдругъ пришла въ голову мысль, отъ которой вся кровь ударила ему въ голову. Что, если Бѣляевъ былъ прежде знакомъ съ Анютой, точно также, какъ съ Валеріей? Что, если ихъ интимное знакомство есть только продолженіе бывшей связи? На эту мысль навели его нѣкоторыя загадочныя слова между ними, намекавшія на какое-то таинственное прошедшее.

— Такъ вотъ какъ! такъ вотъ въ чемъ дѣло! повторялъ онъ мысленно, чувствуя, что кровь стучитъ ему въ виски. И, забывъ о горѣ Валеріи и даже объ ея существованіи, Хабаровъ порывисто всталъ и ушелъ отъ нея. Она звала его, онъ не слышалъ: также, какъ и она, онъ не понималъ никакихъ чувствъ внѣ (рай-она своей страсти.

Да, это была страсть, — та самая страсть, о которой онъ говорилъ Анютѣ, еще только предчувствуя ея приближеніе и весь трепеща отъ предвкушенія знакомыхъ, но вѣчно новыхъ ощущеній. Постоянныя бесѣды съ Анютой о его сочиненіяхъ влили въ него мало-по-малу этотъ сладкій ядъ; онъ дошелъ до того, что не умѣлъ писать безъ нея; каждую свою страницу онъ отдавалъ ей на судъ и послушно передѣлывалъ по ея указанію. А она?.. что-же это она дѣлаетъ? неужели она не видитъ, чѣмъ она сдѣлалась для Хабарова и что шутить съ огнемъ нельзя?..

Прійдя къ себѣ въ комнату, Хабаровъ увидаль на столѣ раскрытую рукопись и перо. Не заглянувъ въ нее, онъ схватилъ тетрадь и швырнулъ ее въ шкафъ, на нижнюю полку. Можно было угадать по его жесту, что теперь плоды столькихъ думъ и трудовъ для него гроша не стоятъ. Романъ воображенія отступалъ на послѣдній планъ передъ романомъ жизни.

Питаться одними тревожными размысленіями было не въ натурѣ Хабарова: прежде всего размысленіе вело его къ дѣйствию. Онъ снова взялъ шляпу и пошелъ пѣшкомъ въ Ключи къ Бѣляеву.

Случай благоприятствовалъ ему: при выходѣ изъ Завьялова онъ встрѣтилъ самого Бѣляева, возвращавшагося отъ больного.

Они поздоровались и пошли рядомъ по дорогѣ въ Ключи. Бѣляевъ молчалъ и сердце у него билось: онъ угадывалъ чутьемъ, что услышитъ отъ Хабарова что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное; присутствіе этого человѣка всегда производило на него тревожное впечатлѣніе, какъ-будто атмосфера страстей, желаній и сильныхъ ощущеній, носившаяся вокругъ Хабарова, вліяла на окружающихъ.

— Я шолъ къ вамъ, началъ Хабаровъ безъ всякихъ предисловій: — нужно было переговорить съ вами.

— О чемъ?

— Вы короткій знакомый Анны Федоровны Алениной?

При этомъ неожиданномъ вступленіи Бѣляевъ посмотрѣлъ на Хабарова съ изумленіемъ и недоумѣніемъ.

— Это, я полагаю, ни до кого не касается, возразилъ онъ холодно и враждебно; — что вамъ вздумалось объ этомъ спросить?

— Вотъ сейчасъ узнаете, отвѣчалъ Хабаровъ серьезно; — безъ важной причины я не сталъ-бы и спрашивать. Какъ хорошаго, короткаго знакомаго Анны Федоровны, я попросилъ-бы васъ передать ей одну вещь.

— Какую вещь?

— Что она должна остерегаться. Въ ея жизни былъ одинъ случай, который она, вѣроятно, не желаетъ, чтобъ знали. Надо предупредить ее, что ея тайна извѣстна.

— Какая-же тайна? И кому она извѣстна? отъ кого вы слышали? пробормоталъ Бѣляевъ, измѣнившись въ лицѣ.

— Мнѣ сказала Валеріа Павловна; такъ вы и можете передать, что это она мнѣ говорила.

Отъ Хабарова не укрылось тревожное изумленіе Бѣяева при имени Валеріа.

— Валеріа Павловна! повторилъ онъ, какъ-бы теряясь; — да что-же, наконецъ, такое она говорила? Какую она знаетъ тайну? перестаньте говорить загадками!

— Не могу: это тайна Анны Федоровны, а не моя. Скажите ей только, что дѣло идетъ о томъ, что случилось года три тому назадъ въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ.

Прошла минута молчанія. Оба собесѣдника переживали трудныя минуты.

„Ага! попало жѣтко! думалъ Хабаровъ; — нечего больше и добиваться. Я знаю все, что хотѣлъ знать!..“

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно было взглянуть на лицо Бѣяева, чтобъ увидѣть ясно, что эти слова поразили его какъ громомъ, — слѣдовательно, они имѣли для него значеніе; слѣдовательно, онъ зналъ, какой это былъ случай. А если онъ зналъ, то чего нельзя было вывести изъ этого?..

Бѣяевъ, встрѣтивъ Аюту спокойною и, повидимому, счастливою, совершенно успокоился насчетъ послѣдствій своего поступка; ему не приходило въ голову, что эти послѣдствія, какъ скрытая въ тѣлѣ зараза, могутъ по временамъ проявляться наружу въ болѣе или менѣе вредномъ видѣ. Это открытіе поразило его угрызненіемъ совѣсти, близкимъ къ отчаянію.

Но еще сильнѣе было тайное отчаяніе Хабарова, который нечаянно, какъ онъ думалъ, наналъ на слѣдъ тайны, разрушившей всѣ его надежды. А онъ уже всосались въ него, пустили глубокіе корни, которые вырвать нельзя было иначе, какъ съ болью и кровью...

Наконецъ Бѣяевъ очнулся и понялъ, что онъ не долженъ по-давать вида, что ему что-нибудь извѣстно.

— Меня очень удивляетъ все, что я отъ васъ слышу, сказали онъ холодно; — а больше всего то, что вы выбрали меня въ посредники въ этомъ дѣлѣ. Вы сами не меньше моего знакомы съ Анной Федоровной; отчего вы все это говорите мнѣ, а не ей?

„Оттого, что мнѣ *тебя* вывѣдать нужно“, могъ-бы отвѣчать Хабаровъ. Но онъ возразилъ мягко и крѣпко, вполне уже овладѣвъ собою, несмотря на горечь, кипящую въ душѣ:

— Легко сказать, Павелъ Ильичъ!.. Такія вещи щекотливо говорить въ глаза женщинѣ. Я не стану отдѣлываться общими фразами и прямо скажу, что эта задача мнѣ показалась слишкомъ трудной; я и прибѣгнулъ къ вамъ.

— Странно! ради эгоизма, ради соблюденія своего спокойствія замѣшивать посторонняго человѣка въ чужую тайну!

— Я не считалъ васъ постороннимъ человѣкомъ для Анны Федоровны, сказалъ Хабаровъ.

— Почему-же это? раздражительно возразилъ Бѣляевъ, готовый придратъ къ ссорѣ.

— Потому, что я знаю, что въ вашихъ рукахъ ея тайна свята и безопасна, отвѣчалъ Хабаровъ такъ искренно, что совершенно обезоружилъ Бѣляева; — потому, что я вижу и чувствую, что вы желаете ей добра, и поэтому я и не побоялся обратиться къ вамъ.

Бѣляевъ ничего не отвѣчалъ. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ молча, они разстались и пошли каждый своей дорогой.

VI.

Между тѣмъ въ семействѣ Алениныхъ происходила важная перемена. Аркадій Озеровъ, не сказавши ни слова своимъ роднымъ, предложилъ Любви Федоровнѣ Алениной руку и сердце. Къ удивленію Аюты и къ негодованію Аграфены, она приняла ихъ не колеблясь, хотя никакъ нельзя было предполагать, чтобъ она любила Озерова или чтобъ эта партія представлялась ей въ блестящемъ видѣ. На всѣ вопросы объ этомъ она загадочно молчала.

Дѣло въ томъ, что у Любы былъ свой расчетъ, котораго никто не могъ подозрѣвать. Она была себѣ-на-умѣ и вовсе не счи-

тала, какъ другіе, что беретъ на себя торжественное и почти неразрывное обязательство. Втихомолку, про себя она повторяла протонародную пословицу: „дурной женихъ хорошему дорогу кажетъ“, и оставляла за собою право отказать Озерову, когда вздумается. А покажѣтъ сколько наслажденій для самолюбія! Не прошло еще года послѣ ея выхода изъ института, а она уже невѣста—и невѣста прежде Аняты, прежде Юліи! И потомъ, если свадьба разойдется, все-таки всѣ будутъ знать объ этомъ и это придастъ ей романическій интересъ.

Получивъ согласіе Любы, Аркадій, зная, что со стороны матери его ожидаетъ гнѣвная сцена, догадался заручиться сильнымъ союзникомъ. Онъ повѣрилъ все это дѣло по секрету генералу, представивъ все въ такомъ видѣ, что отъ него одного зависить дать разрѣшеніе на эту свадьбу. Генераль растаялъ и ревностно вошелъ въ роль свата и благодѣтеля. Валерія приняла извѣстіе вполне равнодушно, а Фелисата Петровна тотчасъ впала въ сильнѣйшій нервный припадокъ, который, впрочемъ, просила скрыть отъ генерала.

Въ то утро, когда все это обнаружилось, Люба, ходившая въ пріятныхъ мечтахъ по комнатѣ, увидала вѣзжающій на дворъ кабріолегъ. Изъ него вышла Юлія Громова, вся красная и даже съ непричесанными волосами, подобранными подъ соломенную съ розаномъ шляпу.

— Что ты это, Любочка, заговорила она, едва войдя и всплеснувъ руками:—ты, говорятъ, замужъ выходишь?

— Да, выхожу, отвѣчала Люба, скрестивъ руки на груди въ живописной позѣ.

— Ты съума сошла!

— Почему это?

— Да какже! это тебѣ не я одна—всякій скажетъ. То ты мнѣ про Бѣляева рассказывала, что онъ тебѣ нравится, а теперь выходишь, что Аркадій. Тебя не поймешь!

— Чего-же тебѣ отъ меня нужно? слегка улыбаясь, спросила Люба.

Юлія въ волненіи сѣла на стулъ у окна и сняла шляпу.

— Развѣ такъ добрые люди дѣлаютъ? сказала она, отирая платкомъ раскраснѣвшееся лицо:—хоть-бы слово сказала, хоть-бы намекнула, такъ я, по крайней мѣрѣ, знала-бы... Ты знаешь-ли, что

Аркадій писалъ къ архіерею, просилъ разрѣшенія на мнѣ жениться?

— Когда это? насмѣшливо спросила Люба.

— Вотъ недавно; попадья сказывала моей Дуняшѣ, ужъ ей-то какже не знать: ея попъ тоже вѣдь подъ началомъ у архіерея. Ну, стало-быть не разрѣшили. Когда Аркадій за тебя посватался, я тутъ-же догадалась, что не разрѣшили.

— Не во снѣ-ли тебѣ это все привидѣлось?

— Вотъ еще, во снѣ! Послѣ этого и ты во снѣ теперь видишь, что выходишь замужъ.

— Можетъ быть; я, впрочемъ, и не дорожу этимъ особенно.

— Признаюсь, и дорожить-то нечѣмъ. Что за женихъ, который голъ, какъ соколъ. Да это еще въ полкъ съ нимъ надо ѣхать, наравнѣ съ солдатками придется жить... Наказаніе! я-бы тысячу не взяла.

— За что это вы не взяли-бы тысячу, Юлія Абрамовна? спросилъ внезапно вошедшій Аркадій.

— Ай! вскрикнула Юлія;—что это, какъ вы меня испугали!

— Давно-ли я сталъ для васъ такъ страшень?

— Вотъ я говорю Любѣ, что я о ней жалѣю, отвѣчала Юлія.

— Въ чемъ-же вы ее жалѣете?

— Такъ! ужъ я знаю, въ чемъ. Ужасно ты мнѣ жалка, Люба.

Прощайте!

Юлія вскочила и начала надѣвать шляпу.

— Куда-же вы? побудьте еще, говорилъ Аркадій.

— Нельзя, мнѣ много дѣла: у меня тамъ шьютъ приданое, надо за всѣмъ приглядѣть.

— Кому приданое—тебѣ? спросила Люба;—когда-же ты выходишь замужъ?

— Вотъ какъ выберу кого-нибудь изъ жениховъ. Ихъ много сватается, да мнѣ какъ-то все не хотѣлось. Въ этомъ мѣсяцѣ-то ужъ непремѣнно выйду.

— Какая вы скрытная и хитрая, Юлія Абрамовна! продолжалъ трунить Аркадій:—съ вами такъ интересно разговаривать. Посидите еще немного.

— Нѣтъ, у васъ своя невѣста есть, возразила Юлія, закатывая глаза съ покушеніемъ кокетничать, и прибавила:—развѣ пройти къ Анютѣ... гдѣ она?

Не дожидаясь отвѣта, она пошла въ комнату Аниоты. Та сидѣла передъ столомъ, окруженная книгами, тетрадами и исписанными листами, въ которые она такъ погрузилась, что не слыхала стука двери. Все это, что лежало передъ ней, — все это была душа Хабарова, перелитая на бумагу въ видѣ строкъ и буквъ. Съ жаднымъ наслажденіемъ, съ жгучимъ замираніемъ сердца Аниота доискивалась тайны этой души, этого ума, добиралась до его ощущеній, чувствъ, мнѣній и по временамъ сама набрасывала быстрыя замѣтки на бумагу. „Увидить-ли онъ ихъ когда-нибудь? думала она; — нѣтъ!.. развѣ только въ томъ случаѣ, если-бы... Зачѣмъ эта мысль постоянно стоитъ передо мною, и днемъ, и ночью!.. зачѣмъ она соблазняетъ меня!.. Что могу быть я для него, когда у него слава и извѣстность, и право выбора между всѣми... Онъ говоритъ, что любить южныхъ женщинъ, и я думаю...“

— Душечка Аниота! какая скучная сидитъ. Намъ съ тобой, видно, одна участь, послышался голосъ за ея плечомъ и массивныя бѣлыя руки Юліи обхватили шею Аниоты такъ крѣпко, что она не могла пошевелиться.

— Что съ тобой, Julie? спросила она наконецъ, освобождаясь.

Юлія шумно вздохнула, сѣла, подгорюнилась и начала медленнымъ и протяжнымъ голосомъ, въ родѣ причитанія:

— Вотъ тебѣ и другъ! вотъ и вмѣстѣ въ институтѣ были, и на одной скамейкѣ сидѣли, и всѣмъ я съ ней дѣлилась — пироги-ли, варенье-ли, ветчину-ли мнѣ изъ дома пришлютъ. Я-ли ее не ласкала, и вдругъ она такая фальшивая вышла!

— Ты сердита на Любу? засмѣялась Аниота, невольно забавляясь трагическимъ видомъ Юліи; — что-же вы съ ней дѣлили?

— Вѣдь ты не знаешь, зашептала Юлія, — вѣдь мы съ ней дали слово другъ другу, чтобъ одной прежде другой замужъ не выходить. Я и держу свое слово, всѣмъ женихамъ отказываю, всѣхъ жениховъ изъ-за нея прозѣвала, — а она вотъ какъ поступила. Молчкомъ, изподтишка!

Юлія успѣла уже составить себѣ эту фантазію и вполне вѣрила ей.

— Что у васъ говорятъ объ этомъ? спросила Аниота; — я слышала, что твой отецъ очень доволенъ?

— Папаша, извѣстно, какой... Если-бъ онъ умень былъ, а то вѣдь ума у него нѣтъ. Это всѣ въ Москвѣ говорили; мнѣ по сек-

ретен подружки сказали. Ну, а ты, Анюта, какъ это терпишь? и не стыдно тебѣ!

— Что-же я могу сдѣлать!

— А ужь что Люба про тебя намъ рассказывала! продолжала Юлія, опять понижая голосъ;—я прежде вѣрила, а теперь ни за что ей ни въ чемъ не повѣрю. Ужь такія низости, такія подлости, что я даже ночи не спала, какъ услышала!..

Тяжелое чувство мелькнуло во взглядѣ Анюты и она спросила, чтобъ пережѣнить предметъ разговора:

— У васъ всѣ будутъ дома сегодня?

— Къ вамъ хотѣли ѣхать вечеромъ, отвѣчала Юлія,—и папаша самъ хотѣлъ... Какже, вѣдь свать!.. Ахъ, что Люба про тебя мнѣ сказала, Анюта... такую вещь, такую... я даже не рѣшусь сказать.

— И не говори, прервала Анюта,—я и не желаю.

— Нѣтъ, ты представить себѣ даже не можешь. Въ родѣ того, что тебя-бы даже въ Сибирь могли сослать... Вотъ какая вещь.

Анюта сначала презрительно улыбнулась; но вдругъ легкій румянецъ выступилъ на ея щекахъ и брови сдвинулись.

— Преступленіе, стало быть? сказала она, болѣе говоря съ самою собою, чѣмъ съ Юліей.

— Да... гдѣ-то тамъ на богомольи, что-ли... И тетка тутъ какая-то ваша была...

— Знаю, прервала Анюта, порывисто вставая.—Пойдемъ въ гостиную, здѣсь жарко.

Увидѣвъ Любу съ Аркадіемъ, сидящихъ рядомъ на маленькой кушеткѣ, Юлія тотчасъ собралась ѣхать.

Аленины сѣли обѣдать и Озеровъ съ ними. Онъ входилъ въ полныя права жениха и завелъ съ Анютой дѣловой разговоръ о какихъ-то лугахъ. Къ концу обѣда пришелъ Бѣляевъ, серьезный, блѣдный и разстроенный.

— Пройдемтесь по саду, сказалъ онъ Анютѣ, когда вышли изъ-за стола.

Она взглянула въ окно. Надъ садомъ нависла синяя грозовая туча, дулъ порывистый вѣтеръ и все видимое пространство волыхалось, гнулось, шумѣло и какъ-будто суетилось, приготовляясь къ оборонѣ противъ бури.

— Дождь, можетъ-быть, и не пойдетъ, прибавилъ Бѣляевъ.

— Я не боюсь дожда, отвѣчала Анята,—я люблю такую погоду: послѣ жары такъ хорошо дышешь этимъ вѣтромъ.

Они сошли съ балкона и углубились въ алею изъ акацій. Молча дошли они до самаго конца ея, до того мѣста, гдѣ начиналась извилистая дорожка, окаймленная кустарниками и ведущая къ роднику. Анята задумчиво и тревожно прислушивалась къ треску вѣтвей и къ паденію яблокъ, которыя такъ и сыпались на куртины.

— Вотъ здѣсь, сказалъ Бѣляевъ, указывая на родникъ,—я въ первый разъ увидѣлъ васъ.

— Во второй, замѣтила Анята и стала спускаться къ роднику. Теперь онъ уже не такъ бурно и весело билъ изъ земли, какъ весною; незабудокъ кругомъ и въ поминѣ не было; по водѣ и по травѣ какъ-будто прошло знойное дыханіе, иссушившее ихъ.

— Какъ все пожелтѣло, поблекло отъ жаровъ и вѣтровъ, сказала грустно Анята,—и вода эта теперь не освѣжаетъ, какъ тогда, весною... точно и ее истомила страсть или горячка!.. прибавила она. улыбнувшись, и тихо проговорила стихи Гейне:

Жизнь—палящій, знойный день,
Смерть—прохладной ночи тѣнь.
Близокъ вечеръ, клонить сонъ,
Днемъ я знойнымъ утомленъ!

Она сѣла, прислонившись къ кусту калины, откинула голову назадъ и закрыла глаза, какъ-бы дѣйствительно утомленная. Бѣляевъ замѣтилъ, что она точно измѣнилась въ послѣдніе мѣсяцы. Округлость щекъ слегка опала, глаза сдѣлались глубже и все лицо приняло ту матовую, горячую блѣдность, которая изобличаетъ тлѣющій внутри огонь. Бѣляевъ нѣсколько разъ покушался сказать Анятѣ, что онъ ее любитъ, но его останавливало размышленіе: „развѣ она сама не видитъ этого и развѣ такіа вещи нужно говорить? Это только въ романахъ Хабарова герои объясняются на пламенномъ нарѣчій; трезвый взглядъ не допускаетъ всѣхъ этихъ театральныхъ изліяній“. И потомъ у него на груди какъ камень лежало неизбѣжное, рано или поздно, признаніе, что онъ женатъ. Мысль объ этомъ какъ-то сдавливала свободу его отношеній къ Анятѣ и онъ жалѣлъ, что такъ необдуманно согласился на этотъ бракъ. Но, съ другой стороны, онъ разсуждалъ, что никому нѣтъ

дѣла до его семейныхъ обстоятельствъ и было-бы не кстати упоминать о нихъ. Однако, несмотря ни на какія разсужденія, Бѣляевъ, сидя вдвоемъ съ Анютой у родника, при завывающемъ вѣтрѣ, подъ тяжелой, свинцовой тучей, весь дрожаль тѣмъ сладкимъ трепетомъ, который каждый человѣкъ испытываетъ хоть одинъ разъ въ жизни, если онъ человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова...

— Однако, зачѣмъ вы меня привели сюда? спросила Анюта, какъ-бы очнувшись.

— Я привелъ васъ за очень серьезнымъ дѣломъ, отвѣчалъ Бѣляевъ, собравшись съ духомъ;—вы сейчасъ сказали мнѣ, что когда я увидѣлъ васъ здѣсь, это было *во второй разъ*. Позвольте же мнѣ, если это не будетъ вамъ непріятно, говорить о *первомъ разѣ*, когда мы встрѣтились.

— Говорите, сказала Анюта;—сегодня, кажется, такой день, что все прошлое всплываетъ наружу.

— Какъ! до васъ уже дошло? съ испугомъ спросилъ Бѣляевъ.

— Я еще не знаю, про что вы говорите.

— Скажите мнѣ одно, продолжалъ Бѣляевъ съ волненіемъ,—вѣдь вы позволяете мнѣ говорить прямо... Въ ту ночь, когда я обѣщаль придти освободить васъ отъ залога, что было съ вами? куда вы дѣвали *это*? нашли его у васъ? кто-нибудь узналъ, что было въ сверткѣ?

— Прежде, чѣмъ спрашивать меня объ этомъ, возразила Анюта и черные глаза ея сверкнули,—вы-бы должны мнѣ объяснить, почему вы не пришли тогда?

— Ахъ, Анна Федоровна, когда я далъ это обѣщаніе, я былъ почти не въ своемъ умѣ. Развѣ мнѣ возможно было его исполнить? На слѣдующую ночь кругомъ гостинницы былъ караулъ; я десять разъ подходилъ, такъ что меня даже замѣтили. Что я могъ сдѣлать?.. Поправить бѣду было уже не въ моей власти. Но я страдалъ, Анна Федоровна, я жестоко страдалъ!

— Вѣрю, сказала Анюта,—я всегда думала, что вы не могли это сдѣлать хладнокровно.

— Но что-же было? скажите мнѣ, ради-Бога, какъ вы выпутались изъ этого?

— Я должна признаться вамъ, что мнѣ пришлось жутко, сказала Анюта тихо, и жаръ вступилъ ей въ лицо, глаза какъ-будто

смотрѣли куда-то въ глубину прошедшаго,—такъ жутко, что я могла-бы съума сойти... И тутъ случились неожиданные эпизоды... Какъ вамъ это покажется, что когда я совершила самое трудное, когда я бросила узелъ въ рѣку,—вдругъ выскакиваетъ человѣкъ, хватаетъ меня за руку и говоритъ: дѣтоубійца!

Бѣляевъ весь похолодѣлъ. Уничтоженный, онъ не рѣшался взглянуть на Анюту. Она продолжала, какъ-бы не замѣчая, что съ нимъ происходило.

— Какая это была странная, необыкновенная встрѣча! я никогда потомъ не забывала ее. Въ бреду горячки мнѣ все грезилась она.

— Что-же вамъ сдѣлалъ этотъ человѣкъ? съ ужасомъ спросилъ Бѣляевъ.

Анюта посмотрѣла на него и помолчала съ минуту.

— Этотъ человѣкъ былъ Хабаровъ, сказала она такимъ тономъ, какъ-будто одно это имя должно все объяснить.

Но на Бѣлева это имя произвело дѣйствіе электрическаго удара. Онъ вскопчилъ съ травы, на которой сидѣлъ.

— Хабаровъ? вскричалъ онъ, задыхаясь: — вы сказали: Хабаровъ?.. Нѣтъ, это невозможно, чтобъ такое вѣроломство... Стало быть, Хабаровъ все зналъ объ этомъ, и зналъ давно?

— Я вамъ говорю, какъ это было; Хабаровъ видѣлъ, какъ я бросила узелъ въ рѣку, и прямо заподозрилъ меня въ дѣтоубійствѣ. Но, разумѣется, онъ никому этого не сказалъ и я послѣ того свидѣлась съ нимъ только здѣсь.

— Никому не сказалъ! съ горечью повторилъ Бѣляевъ;—а теперь онъ угрожаетъ вамъ этой тайной... подлець!

— Какъ угрожаетъ? спросила Анюта, быстро приподнимаясь.

— Да! Онъ вчера пришелъ ко мнѣ нарочно и поручилъ передать вамъ, чтобъ вы остерегались, что происшествіе, случившееся въ Троицкомъ монастырѣ, извѣстно.

— Кому извѣстно?

— Онъ говоритъ, будто Валерія Павловна ему сказала... Я очень удивился, откуда она могла знать, но повѣрилъ. Теперь я вижу, что это была ловушка, что онъ хотѣлъ сдѣлать меня орудіемъ низкихъ угрозъ и что онъ солгалъ про Валерію Павловну...

Анюта прервала Бѣлева повелительнымъ жестомъ; глаза ея вспыхнули гнѣвомъ и она сказала энергично и рѣзко:

— Хабаровъ не лжетъ; помните это и не повторяйте больше. Пораженный Бѣляевъ замолчалъ и смотрѣлъ съ какимъ-то ужасомъ и замираніемъ сердца на преобразившееся лицо Анюты. Она продолжала:

— Разскажите мнѣ послѣдовательно, о чемъ онъ говорилъ съ вами. Бѣляевъ повиновался и передалъ весь разговоръ.

— Такъ-какъ Хабаровъ самъ зналъ обо всемъ, прибавилъ онъ, — и могъ лично объясниться съ вами, къ чему было замѣшивать въ это Валерію Павловну и меня?

— Конечно, потому, что Валерія Павловна дѣйствительно ему это сказала, возразила Анюта. — Онъ и говорилъ отъ ея имени, не выставляя себя. Насчетъ-же того, что онъ обратился къ вамъ, я не понимаю хорошенько его мотивовъ; но я *знаю*, что эти мотивы не могутъ быть низкіе и пошлые... Чтобъ Хабаровъ сталъ наносить удары въ темнотѣ, скрываясь за другого... чтобъ онъ сталъ грозить изподтишка!.. Павелъ Ильичъ, въ своемъ-ли вы были умѣ сейчасъ, что вамъ могла придти въ голову такая мысль!..

Щеки Анюты горѣли; она въ волненіи обрывала вѣтки и листья съ кустарника; на губахъ ея дрожала улыбка, отчасти презрѣнія, отчасти жалости.

Бѣляевъ, въ свою очередь, поблѣднѣлъ отъ гнѣва и возразилъ рѣзко:

— Я не женщина, чтобъ такъ слѣпо увлекаться и не хотѣть видѣть ни одного пятна на предпочитаемой личности. Я смотрю на Хабарова какъ на человѣка, а не какъ на кумиръ, до котораго коснуться — святотатство!

Въ послѣднихъ словахъ его слышалось столько горькаго, уязвленнаго чувства, что взглядъ Анюты смягчился.

— Мои слова доказываютъ только, что я считаю васъ способнымъ глубоко понимать всѣ хорошія стороны человѣческой природы, сказала она мягко и въ то-же время серьезно; — поэтому меня такъ удивило, что вы можете не колеблясь приписывать Хабарову низкія побужденія. Вы говорите, что смотрите на него какъ на человѣка; но развѣ онъ человѣкъ толпы? развѣ его можно мѣрять общими аршиномъ?.. Нѣтъ, Павелъ Ильичъ, тотъ, кто владѣетъ даромъ творчества, кто изучалъ людей, кто пишетъ такъ, что его книги ниспровергаютъ цѣлыя системы, того нельзя судить по тѣмъ-же правиламъ, какъ мелкія, обыденныя природы!

Анюта остановилась, чтоб перевести духъ: ея грудь высоко поднималась. Бѣляевъ угрюмо слушалъ.

— Я и не сужу о немъ такъ, возразилъ онъ;—его умъ, дѣйствительно, не изъ дюжинныхъ. Онъ *ярокъ*, если можно такъ выразиться... а васъ, я знаю, такъ и тянетъ ко всему яркому, нарядному, ослѣпляющему. Вы любите, чтобъ жизнь металась вамъ въ глаза обиліемъ красокъ и чтобъ этотъ блескъ не давалъ разглядѣть неизбѣжныхъ темныхъ сторонъ...

— Нѣтъ, я не скрываю отъ себя эти темныя стороны, но что же дѣлать, когда добро и зло такъ тѣсно связаны между собою, что если вырвать съ корнемъ одно, то вырвешь и другое. Да! я готова сознаться, что лучше предпочитаю соединеніе большихъ достоинствъ съ большими пороками, чѣмъ полное отсутствіе тѣхъ и другихъ. Въ первомъ случаѣ—это все-таки сила; во-второмъ—ничтожество!

— Это несправедливо, возразилъ задѣтый за живое Бѣляевъ:—отсутствіе зла не есть ничтожество; напротивъ, необходимо прежде уничтожить дурныя стороны человѣка, чтобъ могли развиться хорошія.

Анюта мрачно покачала головою.

— Не могу я завязать себѣ глаза, сказала она,—и не видѣть, что люди моего поколѣнія, при всемъ отсутствіи жестокихъ и злыхъ порывовъ, при всемъ гуманномъ и благородномъ образѣ мыслей, не въ силахъ создать себѣ идеала и страстно, самоотверженно стремиться къ нему. Многіе разочаровываются прежде, чѣмъ вступятъ на путь этихъ стремленій, и предпочитаютъ самоубійство, какъ самый легкій выходъ изъ борьбы. А для людей, какъ Хабаровъ, жизнь всегда имѣетъ цѣну!

Слова Анюты и тонъ ея голоса кольнули Бѣлева въ самое сердце и задѣли его больныя струны.

На этомъ мѣстѣ Анюта вдругъ услышала шорохъ и какъ-будто шопотъ неподалеку. Она оглянулась: никого не было видно, но за прозрачной сѣтью листвы просвѣчивало что-то пестрое, лиловое, розовое, черное... Показались руки въ перчаткахъ; наконецъ, кусты раздвинулись и пропустили Громова, Валерію, Любу съ Аркадіемъ и Хабарова.

VII.

— Такъ вотъ вы гдѣ! А мы васъ искали, искали... раздался голосъ Валеріи, которая стояла впереди и зоркимъ, сверкающимъ взглядомъ окидывала уединенно сидящую пару. Она была вся въ розовомъ и необыкновенно хороша собой. Длинные, черныя косы, особенно красиво уложенныя, придавали головѣ и лицу ея поразительную грацію.

— Абрамъ Николаичъ, что-же ты не поздравляешь? продолжала она и обняла Анюту.

Громовъ сдѣлалъ шагъ къ Анютѣ и наклонился надъ нею всѣмъ своимъ грузнымъ туловищемъ.

— Вы что-же это, барышня, изволите удаляться? заговорилъ онъ, выкатывая глаза съ лукавымъ видомъ;—или боитесь помѣшать жениху и невѣстѣ? Мы къ вамъ съ поздравленіемъ, а васъ и дома нѣтъ. Ну, да это не бѣда, коли въ пріятной компаніи!—И, наклонившись еще ближе къ ея лицу, онъ проговорилъ вполголоса, съ подмигиваніемъ: — Меня опять, что-ли, въ посаженные отцы?..

— Да полно тебѣ, прервала Валерія, у которой на щекахъ выступили два лихорадочныя пятна, — ты все о своемъ, а я увѣрена, что Анюта не скоро еще захочетъ выходить замужъ... не правда-ли?—Она обратилась къ Анютѣ и, обвивая ея талью рукою, прибавила какимъ-то шипящимъ шопотомъ:—Вѣдь гораздо пріятнѣе жить на свободѣ и любить кого пожелаешь?..

— Ну, зашпентались! махнулъ на нихъ рукою Громовъ;—это удивительное дѣло: какъ только сойдутся эти женщины, такъ сейчасъ шуры-муры! Вотъ вы, Любовь Федоровна, должны теперь учиться... Э-э! да вы никакъ ссоритесь съ женихомъ?..

Громовъ засталъ Любу на перебранкѣ шопотомъ съ Аркадіемъ, послѣ чего она отвернулась отъ него и явно не хотѣла говорить съ нимъ.

Люба казалась разстроенною и блѣднѣе обыкновеннаго. Ее неприятно поразило поэтическое tête-à-tête ея сестры съ Бѣляевымъ. Она все надѣялась, что послѣ ея нѣжныхъ заискиваній Бѣляевъ будетъ изумленъ, ошеломленъ ея помолвкой и непременно спросить у ней, какая причина заставила ее рѣшиться такъ скоро, такъ не-

ожиданно. И тогда... у Любы уже былъ сочиненъ рядъ отвѣтовъ на эту тему. Но Бѣляевъ, казалось, и не думалъ о ней, а Аркадій, какъ нарочно, приставалъ при всѣхъ съ пошлыми фамиллярностями, отъ которыхъ она краснѣла.

— Аркадій Павловичъ, продолжалъ Громовъ, — чѣмъ это ты разсердилъ невѣсту, и съ перваго-же дня? Ты знаешь, я ея опекунъ и защитникъ: я тебя на дуэль за это вызову!

— А вы забыли пословицу: „милые бранятся—только тѣшатся“, отвѣчалъ Аркадій съ дерзкой усмѣшкой и самоувѣренно обхватилъ талью Любы рукой, повертывая ее къ себѣ.

— Ха, ха, ха! захохоталъ генералъ; — молодецъ! это по-нашему!

Люба вспыхнула и хотѣла вырваться, но понявъ, что это нельзя сдѣлать безъ смѣшной и некрасивой борьбы, сочла за лучшее принять видъ жертвы и оскорбленной стыдливости. Голова ея опустилась на грудь, глаза наполнились слезами, лицо приняло выраженіе печали. Валерія посмотрѣла на брата съ недовольнымъ видомъ и Аркадій понялъ, что его роль не совсѣмъ выгодная.

— Это потѣха, ей-богу! говорилъ Громовъ, утѣшаясь этой сценой.—Хабаровъ, поди сюда, ты что-же не поздравляешь?

Хабаровъ стоялъ поодаль, спиною къ обществу, и лица его не было видно. Онъ держалъ въ одной рукѣ порт-сигаръ, а въ другой спичечницу и старался зажечь спичку о стволъ сухого дерева; но спички гасли въ его дрожащихъ рукахъ и онъ бросалъ ихъ одну за другою на землю. По блуждающему выраженію его взгляда, по нервному движенію рукъ можно было догадаться, что онъ самъ не помнитъ, что дѣлаетъ. Его какъ ножомъ въ сердце кольнула эта уединенная прогулка Анюты съ Бѣляевымъ въ самомъ отдаленномъ мѣстѣ сада, а ихъ кажущаяся интимность подтверждала всѣ его подозрѣнія. Онъ зналъ, онъ видѣлъ по ихъ лицамъ, что они говорили о томъ завѣтномъ предметѣ, который онъ, Хабаровъ, до сихъ поръ считалъ тайной, исключительно ввѣренной его чести. Но оказывалось, что для другого это не было тайной; другой свободно и фамиллярно могъ разспрашивать и допрашивать, и душа Анюты была ему открыта... „Кончено, все кончено!“ твердилъ самъ себѣ Хабаровъ, не находя другой формулы для выраженія гнѣва и отчаянія, наполнявшихъ его душу.

Громовъ напрасно звалъ его. Капля дождя, упавшая ему на лобъ, перемѣнила направленіе его мыслей.

— Однако пойдите, господа, сказалъ онъ: — смотрите, какая туча: уже дождь накрапываетъ. Это все вы, Анна Федоровна, виноваты; мы васъ искавши сюда зашли. Нехорошее время вы выбрали для гулянья.

— Отчего-же? сказала Валерія, соединяя въ одномъ взглядѣ Бѣляева и Аюту; — такое время нарочно и выбирается для гулянія... Пойдетъ дождь — можно переждать его гдѣ-нибудь подъ деревомъ... тѣснѣе прижаться другъ къ другу, докончила она язвительнымъ шопотомъ на ухо Аютѣ. Та холодно отвернулась и пошла къ дому.

Но не успѣло общество тронуться съ мѣста, какъ было застигнуто проливнымъ дождемъ, который вдругъ вылился на землю, какъ будто съ неба опрокинули цѣлый миліонъ ведеръ. Произошло общее смятеніе. Дамы подхватили платья и бросились бѣжать. Люба очутилась около Бѣляева, но только-что она успѣла сказать ему: „идите за мной“, какъ Аркадій втѣснился между ними и ею и, взявъ ее подъ руку, потянулъ впередъ. Громовъ прыгалъ прямо по грядкамъ спаржи, увязая въ ихъ рыхлой землѣ и крича женѣ, что сейчасъ пришлетъ ей платки и салоны. Валерія, пропустивъ мимо себя Хабарова и Аюту, съ страстной тревогой обратилась назадъ, остановила Бѣляева и крѣпко обвилась вокругъ его руки, прижавшись плечомъ къ его плечу. Въ глазахъ ея стояли слезы, когда она сказала:

— Понимаешь-ли ты, какъ я страдаю?.. Я не могу не ревновать. Я обнимала ее, но я ее ненавижу!..

— Чего-же ревновать, когда она меня не любитъ! вырвалось у Бѣляева не какъ отвѣтъ, но какъ выраженіе мучительно преслѣдовавшей его мысли. Валерія почувствовала это, но не сказала ни слова, затаивъ въ душѣ свое горе и гнѣвъ.

— Хочешь, я буду дѣйствовать за тебя? заговорила она вдругъ мягкимъ, ласкающимъ тономъ, пробуя съ женской хитростью слабыя струны его сердца, чтобъ незамѣтно забрать его въ свои руки: — я подружусь съ нею, стану говорить о тебѣ, расположу ее въ твою пользу... Хочешь?

— Зачѣмъ? сказалъ Бѣляевъ.

— За тѣмъ, что я хочу, чтобъ ты былъ счастливъ. Позволь мнѣ

быть чѣмъ-нибудь въ твоей жизни... Мнѣ' трудно жить такъ, безъ привязанностей, безъ интересовъ; не лишай меня послѣдней отрады— быть тебѣ полезной...

Она говорила такъ кротко и нѣжно, съ такой мольбой въ прекрасныхъ темно-сѣрыхъ глазахъ, что Бѣляевъ, дѣйствительно чувствовавшій нужду въ утѣшеніи, поднесъ къ губамъ руку, лежавшую на его рукѣ. Валерія тотчасъ-же послѣ этого повернула на дорожку, отдалявшую отъ дома; Бѣляевъ замѣтилъ это, но не противился, хотя потоки дождя шумно хлестали ихъ по лицу и по платью и ноги съ трудомъ могли двигаться по жидкой грязи. Но они оба не обращали на это вниманія.

— Нѣтъ, это все пустое, сказалъ онъ, невольно возвращаясь къ своей неотступной мысли:—мнѣ ничьихъ услугъ не нужно, и вы пожалуйста ничего не говорите Аннѣ Федоровнѣ.

— Отчего-же? ласково прервала Валерія;—мужчины такъ недогадливы; они совсѣмъ не понимаютъ, въ какой формѣ могутъ проявляться чувства женщины. Скажи мнѣ, какія отношенія между тобой и Анютой, и я, можетъ быть, помогу тебѣ разобрать...

— Никакихъ отношеній между нами нѣтъ, возразилъ онъ съ горечью;—мы говорили совсѣмъ не о любви, мы...

Онъ не могъ кончить, потому что въ эту минуту на нихъ налетѣли два лакея Громова съ плащами и платками, въ которые они проворно завернули Валерію. По ихъ испуганнымъ лицамъ можно было заключить, что они уже получили нагоняй отъ генерала за то, что не догадались сдѣлать это прежде.

Между тѣмъ въ домѣ было тепло, сухо и уютно. Въ залѣ уже ярко пылалъ каминъ и промокшее общество грѣлось передъ нимъ; хотя еще не стемнѣло, но вездѣ зажгли лампы, чтобъ разогнать невеселый сумракъ комнаты.

— А недурно тутъ у васъ, покровительственно говорилъ Громовъ, озираясь вокругъ и покачивая ногой:—ничего, посидѣть можно. А что, намъ дадутъ, эдакъ, чайку? съ ромомъ-бы теперь хорошо или съ коньякомъ!

— Сейчасъ подадутъ, отвѣчала Анюта, съ удивленіемъ замѣчавшая, что Хабаровъ совсѣмъ не подходитъ къ ней.

— Да мы, пожалуй, васъ совсѣмъ разоримъ! безцеремонно шутилъ Громовъ.—Валерія, ты что вдругъ приумолкла; ужь не простудилась-ли?

— Нѣтъ, сказала Валерія, которая, затаивъ дыханіе, наблюдала за Бѣляевымъ. Онъ прошелъ въ другую комнату, и тысячи предположеній зародились въ ея головѣ: не ждетъ-ли онъ, что Анюта придетъ къ нему?.. Анюта безпрестанно входила и выходила, отдавая приказанія. Валерія не выдержала и также пошла туда. Гостиная была пуста. Валерія прокралась въ коридоръ; тамъ тоже никого, но изъ столовой слышался шорохъ, какъ-будто шопоть... Блѣднѣя и задыхаясь, она ступила впередъ и заглянула въ полуотворенную дверь. Тамъ, у круглаго стола, закрывъ лицо руками и платкомъ, рыдала женщина, а въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ Бѣляевъ въ недоумѣніи и смущеніи.

Валерія вздохнула свободно, потому что узнала бѣлое платье, бѣлокурные волосы и живописно-граціозную позу Любы: это она сидѣла и плакала.

— Что съ ней? тихо спросила Валерія у Бѣляева.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ шопотомъ, пожимая плечами;—я зашелъ сюда выпить стаканъ воды, — вдругъ пришла она, бросилась на стулъ и начала плакать.

— Люба! сказала Валерія, наклоняясь къ ней.

Люба вдругъ съ воплемъ бросилась къ ней на шею и, какъ-будто не видя Бѣляева, спрятала лицо на ея груди и заговорила:

— Нѣтъ, я не могу такъ жить!.. Убейте меня, убейте... я слишкомъ страдаю!..

— Неужели эта ссора съ Аркадіемъ такъ васъ разстроила? спросила Валерія.

— Ради Бога, не говорите мнѣ о немъ... я не могу его видѣть... Вы не понимаете... никто не понимаетъ, что со мною!.. всѣ думаютъ, что я счастлива!

— Я пошлю къ вамъ Аркадія, сказала Валерія съ усмѣшкой недоувѣрія къ словамъ Любы и вышла.

— Вы здѣсь, Павелъ Ильичъ! вскричала Люба, какъ-будто сейчасъ только увидѣвъ Бѣляева;—вы слышали?.. но вѣдь вы презираете меня!

— Я, Любовь Федорвна?..

— И вы должны презирать меня. Какая-же порядочная дѣвушка можетъ полюбить Озерова, а вы даже не удивились, даже не спросили, почему я выхожу за него... Но если-бъ вы знали, что за-

ставило меня!.. Одинокая... безъ сочувствія, безъ ласки... Ахъ, если-бъ вы знали!..

Бѣляевъ находился въ страшномъ затрудненіи передъ плачущей красавицей, которая ломала свои бѣлыя руки и рыдала почти на его плечѣ. Его выручила Валерія, которая объявила, что Аркадія нигдѣ нѣтъ, и начала брызгать Любу водой.

Въ это время послышался стукъ сѣнной двери, и съ задняго крыльца явилась Лизавета Петровна въ мужскихъ сапогахъ и въ огромномъ платкѣ на головѣ. Каждый шагъ ея оставлялъ грязный слѣдъ на полу.

— Ахъ, устала, пѣшкомъ шла! сказала она, садясь на стулъ и отдыхая.

— Откуда? спросила Валерія.

— Изъ вашего дома; вы тоже хорошо со мной сдѣлали: двое ѣхали въ каретѣ и не могли меня взять!

— Во-первыхъ, вы, по обыкновенію, пропали, отвѣчала Валерія;— а во-вторыхъ, какже я могла предложить карету вамъ, когда вы считаете преступниками всѣхъ, кто ѣздитъ въ каретѣ!

Лиза сдѣлала видъ, что не слышитъ, и, смотря на Бѣляева, подававшего воду Любѣ, спросила:

— Что тутъ такое? Слезы!

— Съ женихомъ поссорилась, улыбаясь отвѣчала Валерія.

Лиза сдѣлала презрительную гримасу.

— Ужъ эти свадьбы! всѣхъ съума сводятъ, сказала она:— ваша Юлія Абрамовна тоже катается въ истерикѣ.

— Что-же это съ нею?

— Замужъ хочетъ выходить въ одинъ день съ Любой, а жениха нѣтъ. Фелисата Петровна также въ волненіи, вздыхаетъ, охаетъ, спрашиваетъ укусу, спирту. Я боялась даже тамъ оставаться... А впрочемъ, я припла по нужному дѣлу.

Она пошла въ залу; Валерія и Бѣляевъ послѣдовали за нею. Люба удалилась въ свою комнату. Къ ея изумленію и негодованію, она нашла тамъ Аркадія, который перебиралъ вещицы на ея столѣ, раскрывалъ книги и шарилъ вездѣ.

— Развѣ я позволяла вамъ входить въ мою комнату? гнѣвно вскричала она, забывъ свои слезы и обмороки.

— А какже, спокойно отвѣчалъ Аркадій:— я и прежде въ ней

бываль, а теперь, какъ женихъ, и подавно. Теперь это наша общая комната.

— Ваша наглость такъ велика, возразила Люба,— что стоило-бы сейчасъ-же прогнать васъ изъ дому. Что вы, воображаете, въ самомъ дѣлѣ, что я васъ люблю, что-ли?

— Странный вопросъ! иначе зачѣмъ-же вы-бы обѣщали мнѣ выйти за меня замужъ?

— А вы зачѣмъ на мнѣ женитесь? вы думаете, я такъ и повѣрю, что изъ чистой любви? А зачѣмъ вы разспрашивали у всѣхъ, сколько моей земли и сколько лѣсу?

Аркадій смутился.

— Не воздухомъ-же жить, сказалъ онъ; — глупо было-бы не интересоваться, что имѣетъ моя будущая жена!

— То, что она имѣетъ, останется ея, а не ваше. Не зарьтесь прежде времени на чужое добро. Идите отсюда, и если вы въ залѣ позволите себѣ, при всѣхъ, безцеремонное обращеніе со мной, то знайте, что я вамъ отказываю.

— Ахъ, чортъ! да какъ же мнѣ съ вами обращаться?

— Я васъ учить не стану. Ступайте.

— Да зачѣмъ я пойду?

— За тѣмъ, что я приказываю. Идите вонъ!

Смущенный и испуганный Аркадій вышелъ.

Между тѣмъ въ залѣ воздвигнуть былъ чайный столъ и Анюта сидѣла за нимъ. Громовъ толковалъ о чемъ-то у камина съ Лизаветой Петровной, которая показывала ему какое-то письмо.

— Мнѣ пишутъ изъ Москвы, говорила Лиза, оглядываясь на Бѣляева, какъ-бы приглашая его слушать, — чтобъ я немедленно пріѣзжала. Вотъ слушайте: „будьте здѣсь непремѣнно 25 числа, дѣло чрезвычайной важности...“ и въ концѣ — точки.

— Что-же значать эти точки? съ глубокомысленнымъ видомъ спросилъ генераль.

— Вѣроятно, что-нибудь недосказанное... это меня очень, очень тревожить; надо ѣхать, продолжала она, все обращаясь къ Бѣляеву.

— Отъ кого это письмо? равнодушно спросилъ онъ.

— Отъ одного... господина, уклончиво отвѣчала Лиза и задумалась.

Бѣляевъ не сталъ больше слушать и отошелъ.

— Какъ, зашепталъ Громовъ, наклоняясь къ Лизѣ и устремляя на нее свои круглые, свѣтлые глаза, — вы получили письмо отъ *го-сподина?*.. какой-же это господинъ? Гмъ, прекрасно! Понимаемъ. И вы думаете, я отпущу васъ къ нему? Никогда!

— Скажите пожалуйста! смѣялась, кокетничая, Лиза; — вы присваиваете себѣ какія-то права... Нѣтъ, я непремѣнно поѣду.

— Не иначе, какъ со мной, продолжалъ генералъ такимъ торжественнымъ шопотомъ, что обратилъ вниманіе всѣхъ; — я также ѣду надняхъ въ Петербургъ. То-есть это мои домашніе думаютъ, что мнѣ нужно по дѣламъ, поправился онъ; — но я собственно для васъ ѣду, чтобъ не спускать васъ съ глазъ... Я вѣдь васъ знаю!..

Онъ тихонько погрозилъ пальцемъ.

— Во-первыхъ, я ѣзжу въ третьемъ классѣ, замѣтила Лиза.

— Мы съ вами садимъ въ первомъ, только никому не говорите. У жены тонкій слухъ!.. вотъ она ходитъ съ докторомъ, а я знаю, что она прислушивается, что мы съ вами говоримъ.

Совѣщанія ихъ о поѣздѣ продолжались долго. Пришла Люба и томно сѣла въ большія кресла; Аркадій мрачно забился въ уголокъ. Не смѣя больше къ ней подступиться.

Анюта все сидѣла за чайнымъ столомъ. Когда она налила первые стаканы чаю, Хабаровъ подошелъ и молча сѣлъ возлѣ нея. Его молчаніе производило на нее странное дѣйствіе: она почему-то не рѣшалась заговорить съ нимъ и чувствовала, что ею овладѣваетъ непонятное смущеніе. Наконецъ Хабаровъ рѣшительнымъ движеніемъ отодвинулъ отъ себя стаканъ и, опершись рукою на столъ, прямо взглянулъ ей въ глаза.

— Вы что-то хотите мнѣ сказать? спросила Анюта.

— Да, отвѣчалъ онъ рѣзко и отрывисто, и, несмотря на краткость этого отвѣта, въ немъ слышалось глубокое волненіе. Даже губы его слегка поблѣднѣли. У Анюты вся кровь прилила къ сердцу... Что онъ ей скажетъ? отчего такое странное обращеніе? Ожиданіе, страхъ и невольная, несознаваемая надежда на что-то невыразимо сладкое, чарующее, овладѣли ею...

— Только скажете-ли вы мнѣ правду? сказала Хабаровъ въ какомъ-то тяжеломъ раздумьи.

— Развѣ я лгала вамъ когда-нибудь? серьезно спросила Анюта.

— Нѣтъ, не то... Захотите-ли сказать *всю* правду?.. — Онъ про-

вель рукою по лбу и закрылъ глаза, какъ-бы передъ приближеніемъ чего-то страшнаго.—Бѣляевъ говорилъ вамъ то, что я поручилъ ему сказать? спросилъ онъ, наконецъ, рѣшительно.

— Да, отвѣчала Анюта, поднявъ на него глаза,—и меня удивило, почему вы поручили это ему, а не сказали мнѣ сами.

— Стало-быть, я дурно сдѣлалъ, что передалъ ему? спросилъ Хабаровъ, пристально глядя на Анюту.

— Особенно дурного ничего нѣтъ, но все-таки я не понимаю вашего мотива сообщать третьему лицу то, что было между мной и вами.

— Такъ Бѣляевъ не зналъ объ этомъ ничего? спросилъ Хабаровъ такимъ голосомъ, что Анюта вздрогнула и взглянула на него съ испугомъ; онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и глаза его сверкали неестественнымъ блескомъ.—Такъ я сказалъ ему вещь совершенно для него новую и неожиданную? Отвѣчайте мнѣ, Анна Федоровна!..

Анюта поняла, наконецъ, зачѣмъ онъ все это спрашиваетъ, и поблѣднѣла,—поблѣднѣла не отъ страха, не отъ смятенія, но отъ гнѣва и оскорбленной гордости. Ей не было дѣла до того, какъ Хабаровъ узналъ про участіе Бѣляева въ этомъ дѣлѣ; ее возмущало то, что онъ допрашиваетъ ее съ видомъ судьи и съ какимъ-то убѣжденіемъ въ ея виновности. Въ какой виновности?..

— Вы требуете отъ меня отвѣта, возразила она увѣренно и гордо, пристально смотря въ лицо Хабарова большими, серьезными глазами; — но развѣ я обязана отвѣчать на всѣ ваши вопросы? Зачѣмъ вамъ знать то, что вы спрашиваете? отвѣчайте прежде на это.

Отъ рѣзкаго движенія Хабарова упала серебряная ложечка и зазвенѣла на полу. Онъ былъ пораженъ видомъ и тономъ Анюты; но мысль, что весь гнѣвъ ея происходитъ оттого, что съ нея сорвали маску, выводила его изъ себя.

— Такъ вы не можете, вы не смѣете сказать?.. продолжалъ онъ съ горькой усмѣшкой.

— Чего? прервала она съ гнѣвомъ.

— Того, почему Бѣляевъ знаетъ про это происшествіе въ монастырѣ?.. вы не можете этого сказать?

— Я не могу сказать! Я могла-бы разгромить васъ однимъ словомъ; но если вы считаете, что ваша встрѣча со мною въ

одною критическою и безпомощною случаю моей жизни дала вамъ право смотрѣть на меня какъ на пропащую женщину, — вы не стоите, чтобъ я объяснялась съ вами. Думайте, что хотите, рассказывайте, что хотите!

Хабаровъ сдѣлался страшно блѣденъ: передъ глазами его проходили какъ-будто огненные нити. Онъ сознавалъ, что виноватъ передъ Анютой, что его допросъ неумѣстенъ, невеликодушень; но онъ-бы желалъ оскорбить и уязвить ее еще болѣе... за то, что она любитъ Бѣляева... Послѣ ея отказа объясниться онъ больше не сомнѣвался въ этомъ.

Разговоръ ихъ круто оборвался, потому-что онъ начиналъ привлекать вниманіе общества. Люба пересѣла поближе, чтобъ вслушаться; Бѣляевъ, несмотря на всѣ усилія Валеріи отвлечь его дальше отъ чайнаго стола, все стремился туда и часто отвѣчалъ невпопадъ, прислушиваясь къ долетавшимъ до него словамъ.

Выпивъ шесть стакановъ чаю съ ромомъ, Громовъ посоловѣлъ, отяжелѣлъ и сталъ собираться домой.

Когда всѣ простились и вышли въ переднюю, Хабаровъ сдѣлалъ видъ, что забылъ что-то въ залѣ, воротился, быстро подошелъ къ Анютѣ и кинулъ ей эту послѣднюю, отравленную стрѣлу, какъ выраженіе всѣхъ его страданій:

— Ребенка-то, по крайней мѣрѣ, не слѣдовало убивать.

VIII.

Отъѣздъ Громова совершился, наконецъ, съ необыкновенною торжественностью. Онъ созвалъ всю прислугу, прикащика, бурмистра, старосту, говорилъ имъ рѣчь, препоручалъ свою жену и, въ заключеніе, приказалъ повиноваться Хабарову, какъ самому себѣ. Валерію онъ держалъ въ своемъ кабинетѣ часа два, когда лошади уже были готовы, и пространно давалъ ей наставленія, какъ она должна держать себя въ его отсутствіе. Она вышла оттуда вся блѣдная, едва удерживаясь отъ нервнаго плача, — до такой степени длинная рѣчь генерала разстроила ее нервы.

— Валерія! всплеснула руками ея мать, увидѣвъ ее. — Что ты это такъ убиваешься! Господи помилуй, вы не на вѣкъ разстаетесь. Всего недѣля на двѣ.

— Ты двѣ недѣли пробудешь? спросила Валерія.

— Ну, матушка, это ужь я не могу тебѣ сказать, возразилъ мужъ строгимъ тономъ; — если и дольше пробуду, такъ что-же... вѣдь не къ юбкѣ-же твоей мнѣ себя пришить! Вотъ зимой поѣдешь со мной. Ну, прощай-же, будь умница!

Онъ поцѣловаль ее три раза въ губы и пошелъ садиться.

— Пиши, когда воротиться, закричала ему Валерія.

— Голубчикъ мой, зарыдала Фелисата Петровна, — моихъ дѣтей-то вы въ Петербургѣ навѣстите, скажите, что я имъ приказала молиться за васъ, благодѣтеля нашего! А то такъ пролягну, скажите имъ!..

— Хорошо, хорошо!.. Хабаровъ, я ужь на тебя надѣюсь. Ты, пожалуйста, держи всѣхъ построже.

— Надѣйся, надѣйся, отвѣчалъ Хабаровъ.

— Трогай, сказалъ Громовъ вучеру и шепнулъ своему довѣренному камердинеру, запиравшему дверцу кареты: — Не чаешь, какъ уѣхать! бѣда быть женатымъ!..

Камердинеръ осторожно улыбнулся и птицей взлетѣлъ на козлы, такъ, какъ умѣли взлетать только бывшіе крѣпостные. Но едва выѣхали за ворота и карета помчалась мимо рощи, Громовъ позвалъ опять: — Терентій!

Терентій, съ ловкостью акробата, перелетѣлъ съ козелъ на подножку и, держась руками за дверцы, ожидать въ такомъ положеніи приказаній или конфиденцій барина.

— Въ которомъ часу уѣхала Лизавета Петровна?

— Въ девять часовъ утра-съ.

— Что-же ей запрягли? Тарантасъ?

— Маленькій тарантасъ-съ; тройкой-съ.

— А кто съ ней поѣхалъ?

— Андрей-съ.

— Такъ мы ихъ догонимъ, что-ли?

— Въ Пѣтуховѣ, я полагаю, догонимъ-съ. Тамъ кормить станемъ.

— Хорошо, ступай.

Громовъ, строгій блюститель приличій и ненавистникъ слишкомъ рѣзкой откровенности, никогда-бы не позволилъ себѣ, въ глазахъ жены и домашнихъ, посадить съ собой рядомъ въ карету молодую

женщину. Поэтому онъ условился съ Лизой, что она выѣдетъ раньше его. До станціи было добрыхъ версть 70.

— Валерія, говорила между тѣмъ Фелисата Петровна, возвращаясь съ пылающимъ лицомъ изъ дѣвичей, — а ты и не знаешь, что мерзавка-то эта Лизка поѣхала съ нимъ тоже въ Москву? И на нашихъ лошадяхъ, въ нашемъ тарантасѣ! Грѣховодникъ старый! и онъ тебѣ ни слова не сказалъ?

— Очень мнѣ нужно, отвѣчала Валерія; — я вотъ все боюсь, чтобъ онъ не воротился...

Она пошла на самый верхній балконъ дома и начала смотрѣть оттуда на дорогу, вздрагивая и мѣняясь въ лицѣ каждый разъ, какъ тамъ поднималась пыль. До самаго вечера она не садилась обѣдать, потому-что не могла ѣсть: ей все казалось, что вотъ сейчасъ раздастся топотъ лошадей и явится огромная фигура.

Наконецъ, къ восьми часамъ вечера, она перешла отъ нервной тревоги къ нервной веселости и явилась къ обѣду съ распущенными длинными косами, откинутыми на спину, улыбающаяся, румяная, точно дѣвочка.

— Вы меня не узнаете? засмѣявшись сказала она Хабарову, который кинулъ удивленный взглядъ на ея прическу и костюмъ. — Я помолодѣла, я представляю себѣ, что я не замужемъ!

Мать съ ужасомъ дергала ее за платье.

— Въ двѣ недѣли не разгуляетесь, замѣтилъ Хабаровъ.

— Вы думаете? возразила она съ блестящими глазами. — Вы увидите! двѣ недѣли — это вѣчность... Цѣлыя двѣ недѣли свободы... Мнѣ кажется, что съ свободой ко мнѣ придетъ и счастье.

Тутъ Юлія, давно уже недоброжелательно поглядывавшая на мачиху, шумно бросила ложку въ тарелку, расплескавши супъ, и заговорила:

— Это ужъ ни на что не похоже: какъ только папаша со двора, такъ вы чуть не пляшете! Вы хоть-бы постыдились Дмитрія Ефимовича: онъ папашѣ все долженъ передать.

Валерія отъ души хохотала; Хабаровъ также усмѣхнулся.

— Я вамъ удивляюсь, Дмитрій Ефимовичъ, продолжала Юлія, краснѣя отъ досады; — васъ папаша поставилъ, чтобъ за порядкомъ смотрѣть, а вы первые хохочете. Это скоро житья не будетъ!

— Слушай, Julie, сказала Валерія, положивъ руку ей на плечо, — ты увидишь, какое тебѣ будетъ со мной житье. Мы съ тобой будемъ развѣзжать по гостямъ, приглашать къ себѣ всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ твой отецъ гналъ. И тогда ужь ты непременно найдешь себѣ жениха. Ты сама знаешь, какъ всѣ твоего отца боялся; ни ко мнѣ, ни къ тебѣ никто не смѣетъ подступиться при немъ, онъ насъ такъ и сторожитъ. А теперь всякій радъ будетъ посвататься, я тебя увѣряю.

— И правда! сказала Юлія, слушавшая раскрывъ ротъ, какъ волшебный сонъ. — А какъ-же Дмитрій Ефимовичъ-то? вѣдь онъ за папапу?

Валерія посмотрѣла на Хабарова съ странной улыбкой.

— Бѣдный Дмитрій Ефимовичъ! сказала она вполголоса. — Онъ только самъ за себя.

Хабаровъ нахмурилъ брови и не отвѣчалъ.

Послѣ обѣда, въ гостиной. Валерія подошла къ Хабарову и взяла его за руку.

— И по васъ прошла гроза? сказала она тихо. — Какъ вы ни умѣете владѣть собой, а отъ меня не скроете...

Хабаровъ блѣднѣлъ и молчалъ.

— Она васъ полюбитъ навѣрное, продолжала Валерія; — въ васъ столько молодости!.. отъ вашего лица, отъ вашихъ глазъ, отъ вашихъ рукъ такъ и пышетъ страстью. Когда-то вы были такимъ для меня...

— Ну, что-же изъ этого? нетерпѣливо перебилъ Хабаровъ.

— Ничего; я высчитываю ваши шансы на успѣхъ. Отбейте ее у Бѣляева... отбейте ее! прошептала она страстно, припадая къ его плечу. Хабаровъ молча освободился и вышелъ.

Онъ жилъ какъ въ горячкѣ со дня своей достопамятной ссоры съ Анютой и съ ужасомъ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ сильнѣе влюбляется въ нее. Прежде этого рокового разговора съ нею онъ могъ еще разсуждать о результатѣ своихъ чувствъ, взвѣшивать ихъ, анализировать; теперь-же, когда онъ больше не ходилъ къ Анютѣ и не говорилъ съ нею, его сжигало пламя, которое будто вырвалось наружу. Онъ не могъ ни писать, ни читать, ни говорить съ кѣмъ-бы то ни было; онъ жаждалъ одной Анюты, призывалъ ее съ тоскою и не могъ понять, съ какой стати,

съ какого права онъ осмѣлился допрашивать ее такимъ тономъ и такъ жестоко, такъ незаслуженно оскорбить ее.

Но это оскорбленіе не прошло даромъ. Анюта сдѣлалась ему какъ чужая; при рѣдкихъ встрѣчахъ она отвѣчала на его поклонъ точно незнакомая и глаза ея никогда не встрѣчались съ его взглядомъ. Изъ жизни Анюты пропалъ всякій интересъ. Все, чѣмъ она такъ усиленно и лихорадочно жила до сихъ поръ, исчезло. Ея нескончаемыя бесѣды съ Хабаровымъ о его сочиненіяхъ, разбираніе ихъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, поправки, придумыванія вмѣстѣ съ нимъ, ихъ общій восторгъ, когда удавалась какая-нибудь сцена, поглощали ее до того, что она только тогда замѣтила, какое мѣсто они занимали въ ея жизни, когда лишилась ихъ. Она была похожа на человѣка, который-бы смѣлымъ полетомъ рванулся въ пространство и не чувствовалъ-бы земли подъ ногами... и вдругъ рѣзко ударился-бы объ стѣну... Эта стѣна, какъ казалось Анютѣ, встала между нею и Хабаровымъ. Со всей нелогичностью любви, она говорила себѣ, что только капризь фантазіи могъ привлечь его на минуту къ ней, что онъ слишкомъ высоко стоялъ надъ нею въ умственномъ отношеніи, чтобъ не наскучить ее обществомъ. Поведеніе его съ нею въ послѣдній вечеръ она приписывала какимъ-нибудь наговорамъ Валеріи на нее. Можетъ быть, онъ думаетъ, что она была въ связи съ Бѣляевымъ... что это была грязная, низкая исторія, кончившаяся убійствомъ ребенка? Вся кровь бросалась въ голову Анюты при этой мысли: она была слишкомъ горда, чтобы оправдываться первой. Хабаровъ долженъ былъ самъ обратиться къ ней съ извиненіемъ и объясненіемъ, и тогда она сказала-бы ему всю истину. Если-же онъ этого не дѣлаетъ, пусть думаетъ, что хочетъ. Она похудѣла, перестала гулять и принялась съ какимъ-то машинальнымъ рвеніемъ помогать шить приданое для Любы.

— Вы все за работой, говорилъ ей Бѣляевъ, придя разъ вечеромъ къ ней; — у Громовыхъ гости, танцы, ваша сестра веселится. Отчего вы перестали туда ходить?

— Не каждый-же день, коротко отвѣчала она.

— Валерія Павловна все спрашиваетъ о васъ, хотѣла звать васъ съ собою къ Ильинымъ въ гости. У нихъ тамъ разныя катанія, кавалькады затѣваются, продолжалъ Бѣляевъ, желая втянуть въ разговоръ Анюту.

Она все молчала; потомъ положила работу на окно и сказала:

— Мнѣ все здѣсь опостылѣло, я хочу уѣхать отсюда. Въ Москвѣ я могу найти какое-нибудь занятіе, какъ вы думаете?

Бѣляевъ измѣнился въ лицѣ и пробормоталъ что-то незначительное. Опять искушеніе сказать Анянѣ, что онъ ее любитъ, овладѣло имъ; но тотчасъ-же призракъ жены всталъ между нимъ и ею; онъ вспомнилъ, что прежде всего долженъ покаяться въ своей скрытности, и непреодолимое смущеніе сковало ему уста. Что онъ предложитъ Анянѣ? На какую жизнь можетъ позвать ее, когда его спокойствіе зависитъ отъ прихоти такой женщины, какъ Лизавета Петровна?

— А вы знаете, сказала на другой день Валерія Хабарову, — что наша затворница Анянѣ также вчера провела вечеръ въ компаніи?

— Въ какой компаніи?

— Бѣляевъ сидѣлъ у нея. Вы помните, онъ вдругъ пропалъ посреди танцевъ?

— Помню.

Валерія стояла передъ зеркаломъ и свивала, и развивала, и рвала свои локоны.

— Это должно чѣмъ-нибудь кончиться, наконецъ, шептала она про себя.

И она стала ходить къ Анянѣ, стала почти силой привозить ее къ себѣ, такъ-что Бѣляеву не доставалось ни одной свободной минуты видѣть ее одну.

Валерія жила въ какомъ-то вихрѣ, какъ-будто доживала послѣдніе дни. Утромъ она ѣздила по сосѣдямъ, къ вечеру привозила ихъ къ себѣ, посылала въ городъ за 30 верстъ за музыкой и танцевала, танцевала до упаду. Ея веселость была похожа на отчаяніе.

Въ одно утро она получила письмо отъ мужа, съ увѣдомленіемъ, что онъ пріѣдетъ къ такому-то числу, и чтобъ за нимъ высылали наканунѣ лошадей.

У Валеріи задрожали руки.

— Конечно все! сказала она, глядя на Хабарова странными глазами и блѣднѣя; — онъ пишетъ — пріѣдетъ 15 августа; сколько дней еще осталось?

— Шесть дней, сказалъ Хабаровъ.

— Шесть дней — о, еще тутъ можно много успѣть! А тамъ ужь и конецъ!.. Я хочу до того дойти, чтобъ мнѣ пресытиться и роскошью, и деньгами, и тѣмъ, что всѣ мои желанія исполняются. Да, всѣ желанія, какія можно имѣть за деньги. Только вѣдь одни они и исполняются... такъ-ли, Хабаровъ?

— А послѣ пресыщенія что? спросилъ онъ.

Она махнула рукой и стала ходить по комнатѣ.

— Что-бы мнѣ придумать, чтобы доказать себѣ самой, что я наслаждаюсь богатствомъ, что я его *вкушаю*, *смакую*... Самое лучшее — распустить-бы жемчужину въ уксусъ и проглотить, какъ Клеопатра. Скажутъ подражаніе — глупо! Садъ я ужь весь перевернула, передѣлала, прудъ тамъ вырыли, мосты построили.

— Вотъ разозлится нашъ генераль, сказалъ Хабаровъ; — вамъ-бы ужь оставалось одно: разнести весь домъ по щепамъ, зеркала, картины, рояли — все это объ землю, отворить конюшни, скотные дворы, распустить и людей, и скоть, и въ такомъ видѣ встрѣтить мужа!

Валерія махнула рукой.

— Да что! если-бы даже сжечь это все, такъ и то ему ни почемъ, сказала она. — Сколько скирдъ-то у насъ наставлено на гумнѣ, сколько еще въ полѣ хлѣба осталось! Хоть-бы мужиковъ подучили украсть.

— Какъ это вы Бога не боитесь! заговорила Фелисата Петровна, выступая изъ другой комнаты; — у меня даже волосы дыбомъ встали, васъ слушавши! Дмитрій Ефимовичъ, образумьте вы ее: я даже больна сдѣлалась отъ страха и безпокойства... Что намъ отъ генерала будетъ?

— Очень я его боюсь! сказала Валерія.

— Ну, хоть Бога-то побойся.

— Отстаньте пожалуйста...

Фелисата Петровна всплеснула руками.

— Послушайте, продолжала Валерія, не слушая мать: — я сдѣлаю пикникъ въ самый день возвращенія Абрама Николаевича. Мы ему скажемъ, что это всѣ собрались его встрѣчать: онъ будетъ ужасно доволенъ. Знаете, около большой дороги этотъ лѣсокъ, тамъ, гдѣ проѣзжаютъ?

— Знаю; но тамъ мѣстоположеніе однообразное.

— Ничего; мы сдѣлаемъ изъ него паркъ. Сегодня-же пошлите рабочихъ вырубить широкія аллеи, и я хочу тамъ выстроить для этого пивника большую деревянную залу, безъ стѣнъ, а только полъ и потолокъ; кругомъ колонны. Вѣдь это можетъ быть готово въ шесть дней?

— Да, на скорую руку можно. Скажите прикащику, онъ все это устроитъ.

— Дмитрій Ефимовичъ, вы шутите, а она и въ самомъ дѣлѣ, обратилась къ нему въ ужасъ Озерова.

— Я вовсе не шучу, отвѣчалъ онъ;—я нахожу, что Валерія Павловна поступаетъ очень логично.

— Не въ меня мои дѣти, не въ меня! съ отчаяніемъ произнесла Озерова, качая головою;—ужъ какъ я ихъ приучала беречь копейку на черный день и во всѣхъ заискивать, а не то, чтобъ отъ себя отталкивать,—нѣтъ! имъ все тринь-трава, ничѣмъ не дорожатъ! Вотъ этотъ шелопаѣй Аркадій разгуливаетъ по саду, прибавила она, глядя изъ окна въ садъ;—привелъ съ собой невѣсту... Хороша невѣста!

— Вы Аркадіемъ не шутите, замѣтилъ Хабаровъ, также глядя въ окно:—онъ чистая ваша плоть и кровь. Посмотрите-ка, чѣмъ они занимаются съ невѣстой; сѣли на скамейку и разостлали на колѣняхъ какую-то бумагу... Отсюда не видать, но я пари держу, что это или планъ, или опись, или запродажная записка—что-нибудь въ этомъ родѣ.

Хабаровъ не ошибся. Озеровъ и Люба, пріютившись въ саду Громовыхъ на покатоности горы, подъ развѣсистымъ вѣтвомъ, прилежно изучали планъ аленинской усадьбы.

— Если мы ей отдадимъ землю за лѣсомъ, разсуждалъ Аркадій,—то какъ-же ей послѣ этого не уступить намъ домъ со всей усадьбой?

— Какъ! чтобъ я стала жить въ старомъ домѣ? ну, ужъ нѣтъ! прервала рѣшительно Люба;—я хочу выстроить новый, по своему собственному вкусу, а не по чужому.

— Да вѣдь это лишній расходъ.

— Такъ что-жь? я думаю, что я вольна распорядиться своими имѣніемъ, какъ хочу.

Ея тонъ чрезвычайно не понравился Аркадію.

— Однако, я полагаю, что мое мнѣніе тутъ что-нибудь да значить, сказалъ онъ; — нельзя меня принудить жить не такъ, какъ я хочу.

— Я знаю одно, прервала Люба: — что я сдѣлаю себѣ домъ и больше, и лучше, чѣмъ у Анюты. Я докажу ей, что умѣю распорядиться деньгами и что у меня также будутъ бывать гости... у меня, а не у нея! А теперь она воображаетъ, что она одна хозяйка и что всѣ приходятъ для нея.

— То-есть это кто-же всѣ? Бѣляевъ, что-ли? вы о немъ одномъ думаете, мрачно сказалъ Аркадій.

Люба покраснѣла.

— Что-жь, я не виновата, что Бѣляевъ продолжаетъ за мной ухаживать, отвѣчала она, опуская глаза.

— Я не вижу его ухаживанія, а вижу кое-что другое.

— Какъ вы смѣете это говорить? вспыхнула Люба.

— Смѣю, и даже скажу больше, продолжалъ Аркадій все мрачнѣе и мрачнѣе: — я замѣтилъ, что вы какъ-будто стараетесь показывать постороннимъ, что не дорожите мною, не любите меня... Я этой игры съ собой не позволю. Вы дали мнѣ слово, и вы увидите, что не такъ легко взять его назадъ.

Въ глазахъ Аркадія мелькалъ недобрый огонекъ. Люба испугалась и на глазахъ у нея навернулись слезы.

— Можно-ли такъ говорить! прошептала она; — что я вамъ сдѣлала?

Аркадій растаялъ; онъ свернулъ планъ и увелъ Любу гулять дальше по саду. Тамъ они встрѣтили Юлію въ бѣломъ пеньюарѣ, съ засученными рукавами; она сидѣла надъ грядкой съ редисами и ѣла ихъ, очищая зубами.

— Ахъ, Господи, вскричала она, вскочивъ и вся покраснѣвъ; — вы хоть-бы сказали, что вы тутъ будете ходить!

— А что? спросила Люба.

— Видишь, я не одѣта. Вѣдь это въ голову никому не придетъ, чтобъ спозаранку пришли гости въ садъ гулять.

— Развѣ я гость, Юлія Абрамовна? спросилъ Аркадій.

— Я почему знаю, кто вы такой, гость или нѣтъ.

— Да что ты нынче такая сердитая, Юля? спросила Люба.

— Какже, посуди сама: пріятно-ли-бы тебѣ было, если-бъ ты вышла въ свой садъ, безъ церемоніи, въ капотѣ, и стала-бы ѣсть редиску, и тебя-бы застали гости! Безъ папаши просто житья нѣтъ.

— Ну, извини пожалуйста.

Люба съ Аркадіемъ отошли, закрывая ротъ платкомъ, а Юлія пошла въ дому, бормоча про себя:

— Неужели ужъ у нихъ нѣтъ своего сада, гдѣ-бы гулять жениху съ невѣстой!

П. Лѣтневъ.

(Продолженіе будетъ.)

ГОЛОДЪ.

(Съ англійскаго.)

Народа бичъ неумолимый,
Врагъ неустайнаго труда,
Неотвратимый и незримый,
Изъ селъ идетъ онъ въ города!...

Въ его дыханьѣ чахнетъ поле,
За нимъ, сурова и блѣдна,
Повсюду царствуя на волѣ,
Сбираетъ жатву смерть одна.

Въ избушку каждую заглянетъ,
Проникнетъ въ каждую семью,
Пока добычи ей не станетъ
Въ безлюдномъ, брошенномъ краю.

* *
*

Склонясь предъ вами на колѣни,
Толпы голодные молчатъ...
Ни слезъ, ни жалобы ни тѣни...
Лишь о спасеньи молитъ взглядъ...

Уйдутъ однѣ — придутъ другія,
Еще блѣднѣе и нѣмѣй...
И только матери больныя
Протянуть къ вамъ своихъ дѣтей.

Отдайте все, прострите руки
Надъ этой чахлой и нѣмой,
Изнемогающей отъ муки
И беззащитною толпой...

В. И. Славянский.

ЗАКОНЪ И ЖЕНА.

РОМАНЪ

ВИЛЬКИ КОЛИНЗА.

ГЛАВА XIX.

Доказательства защиты.

Интересъ, возбужденный процесомъ, еще болѣе увеличился на четвертый день. Предстояло допросить свидѣтелей защиты; прежде всѣхъ явилась мать подсудимаго. Поднимая вуаль для принятія присяги, она взглянула на сына. Онъ залился слезами. Въ эту минуту общее сочувствіе къ бѣдной матери перешло и на несчастнаго сына.

Допрошенная старшиной адвокатовъ, м-съ Мокаланъ дала свое показаніе съ большимъ достоинствомъ и сдержанностью.

На вопросъ о частныхъ разговорахъ между нею и покойной невѣсткой, она отвѣчала, что покойная обращала особенное, ненормальное вниманіе на свою внѣшность. Она преданно любила мужа и главной заботой всей ея жизни было стараться придать себѣ какъ можно болѣе привлекательности. Она всегда горько оплакивала недостатки своей внѣшности и особенно цвѣта лица. Свидѣтельница слышала часто отъ покойной, что она рискнула-бы на все и перетерпѣла-бы всевозможныя страданія, чтобъ исправить свой цвѣтъ лица. „Всѣ мужчины, говорила она, — поддаются впечатлѣнію внѣшности, и мужъ любилъ-бы меня болѣе, если-бы у меня былъ лучшій цвѣтъ лица“.

На вопросъ, можно-ли вполне основываться на выдержкахъ изъ дневника ея сына, т.-е. можно-ли по этимъ выдержкамъ придти къ вѣрному заключенію о его характерѣ и о чувствахъ къ женѣ, м-съ Мокаланъ отвѣчала отрицательно, въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ.

— Отрывки изъ дневника моего сына, сказала она, — ужасная клевета, хотя она написана имъ самимъ. Какъ мать, я могу засвидѣтельствовать, что онъ, вѣроятно, писалъ эти слова въ минуты безсознательнаго отчаянія. Никто справедливо не можетъ судить о человѣкѣ по нѣсколькимъ словамъ, вырвавшимся у него въ минуту мрачнаго унынія. Неужели о моемъ сынѣ будутъ судить по такимъ безсознательнымъ словамъ только потому, что онъ ихъ не сказалъ, а написалъ? Перо въ настоящемъ случаѣ оказалось его смертельнымъ врагомъ, оно выставило его въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Конечно, я признаю, что онъ былъ несчастливъ въ своемъ бракѣ. Но я должна засвидѣтельствовать, что онъ велъ себя хорошо относительно жены. Они оба питали ко мнѣ полнѣйшее довѣріе и я видала ихъ отношенія другъ къ другу во всякое время. Поэтому, несмотря на ея жалобы, съ которыми она, повидимому, обращалась къ своимъ друзьямъ, я торжественно заявляю, что мой сынъ никогда не давалъ женѣ повода упрекать его въ жестокости или въ невниманіи къ ней.

Эти слова, произнесенныя твердо и ясно, произвели громадное впечатлѣніе. Лордъ-адвокатъ, понимая, что всякая его попытка ослабить это впечатлѣніе не удастся, удовольствовался двумя знаменательными вопросами:

— Говоря вамъ о своемъ нехорошемъ цвѣтѣ лица, сказалъ онъ, — упоминала-ли ваша невѣстка о мышьякѣ, какъ о цѣлебномъ средствѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала свидѣтельница.

Лордъ-адвокатъ продолжалъ:

— Предлагали-ли вы сами мышьякъ или говорили-ли вы съ нею объ этомъ средствѣ?

— Нѣтъ.

Лордъ-адвокатъ сѣлъ и м-съ Мокаланъ удалилась.

Слѣдующая свидѣтельница возбудила любопытство совершенно иного рода. Это была никто иная, какъ м-съ Бьюли. По сло-

вашъ отчета, это была чрезвычайно красивая, приличная и скромная особа, которая, казалось, чувствовала всю неловкость своего положенія въ глазахъ публики.

Первая часть ея показанія была почти повтореніемъ того, что говорила м-съ Мокаланъ, съ той только разницей, что, по ея словамъ, покойная однажды, расхваливая ея прекрасный цвѣтъ лица, спрашивала, какія она употребляла для этого косметическія средства. Такъ-какъ свидѣтельница не употребляла никакихъ косметическихъ средствъ и не имѣла о нихъ понятія, то она обидѣлась и между ними произошла временная холодность.

На вопросъ объ ея отношеніяхъ къ подсудимому, м-съ Бьюли съ негодованіемъ отрицала, чтобъ она и м-ръ Мокаланъ когда-либо подали покойной малѣйшій поводъ къ ревности. Она не могла уѣхать изъ Шотландіи, гдѣ гостила у многихъ сосѣдей м-ра Мокалана, не посѣтивъ его, самаго близкаго своего родственника. Поступить иначе было-бы неприлично и возбудило-бы всеобщее вниманіе. Она не отрицала, что м-ръ Мокаланъ ухаживалъ за нею, когда они оба не были еще женаты. Но съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ за другого, а онъ женился на покойной, м-ръ Мокаланъ никогда не упоминалъ о своихъ прежнихъ чувствахъ и отношеніи между ними были чисто - братскія. М-ръ Мокаланъ былъ джентльменъ и зналъ хорошо свои обязанности относительно жены и ея, м-съ Бьюли. Также и она никогда не рѣшилась-бы ступить ногой въ его домъ, если-бъ не питала къ нему полнѣйшаго довѣрія. Что-же касается показанія помощника садовника, то оно было ложное. Большая часть разговоровъ, переданныхъ имъ, никогда не происходила, а тѣ немногія слова, которыя дѣйствительно были произнесены, сказаны шуткой и она, свидѣтельница, какъ показалъ и самъ садовникъ, тотчасъ положила конецъ разговору. Вообще м-ръ Мокаланъ обращался съ женою очень заботливо и любезно. Онъ постоянно придумывалъ средства къ уменьшенію ея страданій отъ ревматизма, приковавшаго ее къ постели, и не разъ говорилъ о ней свидѣтельница съ искреннимъ сочувствіемъ. Когда покойная приказала мужу и свидѣтельница выйти вонъ изъ комнаты въ день ея смерти, м-ръ Мокаланъ сказалъ м-съ Бьюли: „Мы должны выпосить ея ревность. Бѣдная женщина! она страдаетъ, а мы сами знаемъ,

что не заслуживаемъ ея неудовольствія на насъ". Съ подобнымъ терпѣніемъ онъ выносилъ всѣ ея капризы и вспышки.

Главный интересъ передопроса м-съ Бьюли лордомъ-адвокатомъ заключался въ послѣднемъ вопросѣ, ей предложенномъ. Напомнивъ ей, что она, принимая присягу, назвала себя Еленой Бьюли, онъ продолжалъ:

— На судѣ прочтено письмо къ подсудимому, подписанное именемъ Елены. Посмотрите на это письмо и скажите: вы-ли его писали?

Прежде, чѣмъ свидѣтельница могла отвѣтить, старшина адвокатовъ протестовалъ противъ такого вопроса. Судъ призналъ правильнымъ его протестъ и не дозволилъ отвѣчать м-съ Бьюли. Вслѣдъ затѣмъ она удалилась. Услыхавъ о письмѣ и увидавъ его, она выразила нѣкоторое волненіе, которое присутствовавшіе растолковали различно. Однакожъ, вообще, показаніе м-съ Бьюли усилило впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ показаніемъ матери подсудимаго.

Слѣдующія свидѣтельницы, школьныя подружки м-съ Мокаланъ, сосредоточили на себѣ всеобщее вниманіе и добавили недостававшее звено въ цѣпи доказательствъ въ пользу защиты.

Первая изъ нихъ показала, что разговаривая съ покойной м-съ Мокаланъ, она упомянула о мышьякѣ, какъ о средствѣ исправить дурной цвѣтъ лица. Она никогда сама не употребляла этого средства, но читала о томъ, что поселанки въ Штиріи ѣдятъ мышьякъ для приданія свѣжести и здороваго, нѣжнаго оттѣнка цвѣту лица.

Вторая свидѣтельница, присутствовавшая при этомъ разговорѣ, подтвердила слова первой свидѣтельницы и прибавила, что она, по просьбѣ м-съ Мокаланъ, купила книжку, въ которой говорилось объ этомъ обычѣ штирійцевъ, и послала ее по почтѣ покойной.

Въ этихъ важныхъ показаніяхъ была только одна слабая сторона, которая указана на передпросѣ лордомъ-адвокатомъ.

Объ свидѣтельницы были спрошены, говорила-ли имъ покойная м-съ Мокаланъ, прямо или косвенно, о своемъ желаніи добыть мышьяку для исправленія своего цвѣта лица. Объ отвѣчали на этотъ знаменательный вопросъ отрицательно. М-съ Мокаланъ слы-

шала отъ нихъ объ этомъ средствѣ и приобрѣла книгу, но не говорила ни слова о своихъ намѣреніяхъ. Кромѣ того, она просила ихъ обѣихъ хранить втайнѣ этотъ разговоръ.

Всякій, даже не юристъ, могъ легко усмотрѣть недостатокъ доказательствъ со стороны защиты. Ясно было, что вся надежда на оправданіе подсудимаго заключалась въ доказательствѣ того факта, что ядъ перешелъ въ руки покойной или, по крайней мѣрѣ, что она твердо намѣревалась его приобрести. Въ этомъ случаѣ настойчивость подсудимаго, съ которой онъ твердилъ о своей невинности, была-бы подтверждена свидѣтельскими показаніями, хотя и косвенно. Но могла-ли защита представить такое доказательство, котораго не могъ обойти ни одинъ честный, разумный человѣкъ?

Многочисленные слушатели съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали появленія слѣдующаго свидѣтеля. Люди, кое-что знавшіе о процессѣ, шопотомъ говорили, что теперь будетъ допрошенъ старый другъ подсудимаго, м-ръ Декстеръ, о которомъ уже не разъ упоминалось.

Послѣ непродолжительнаго ожиданія въ толпѣ неожиданно произошло волненіе и слышались крики изумленія. Въ ту-же минуту судебный приставъ назвалъ по имени и фамиліи новаго свидѣтеля:

— Мизеримусъ Декстеръ.

ГЛАВА XX.

П р и г о в о р ъ .

Вызовъ новаго свидѣтеля возбудилъ общій хохотъ въ публикѣ, частью отъ страннаго его имени, а частью отъ инстинктивнаго расположенія грустно настроенной толпы пользоваться всякимъ случаемъ для минутнаго развлеченія. Строгое замѣчаніе предсѣдателя и угроза очистить залу засѣданія возстановили порядокъ.

Среди безмолвной тишины появился новый свидѣтель.

Быстро подвигаясь на креслѣ, которымъ онъ самъ искусно управлялъ, этотъ странный получеловѣкъ предсталъ передъ гла-

зами всѣхъ присутствующихъ. Плѣдъ, наброшенный на кресло, упалъ на полъ въ то время, какъ онъ пробирался черезъ толпу, и обнаружилъ, къ общему изумленію, голову, руки и туловище живого человѣка, совершенно лишеннаго ногъ. Для большаго контраста, лицо и туловище несчастнаго уроды были необыкновенно красивы и привлекательны. Длинные, шелковистые каштановые волосы ниспадали роскошными волнами на широкія, мощныя плечи. Лицо его дышало умомъ и энергіей. Большіе, прелестные, голубые глаза и нѣжныя руки съ длинными, тонкими пальцами походили скорѣе на женскіе, чѣмъ на мужскіе. Вообще онъ казался-бы нѣсколько женственнымъ, если-бъ ему не придавали мужественный видъ высокая грудь и большая, прекрасная борода, немного свѣтлѣе волосъ. Было странно видѣть, что такая великолѣпная голова и такое могучее туловище даны столь безпомощному созданію! Никогда, можетъ быть, природа, создавая человѣка, не дѣлала такой непростительной, жестокой ошибки!

Онъ принялъ присягу, конечно, сидя въ креслѣ, поклонился судьямъ и, назвавъ себя по имени, просилъ позволенія сказать нѣсколько словъ до начала своего показанія.

— Вообще всѣ смѣются, слыша мое странное имя, сказалъ онъ тихимъ, но яснымъ и звучнымъ голосомъ, такъ-что каждое его слово было слышно въ противоположномъ концѣ залы; — но я считаю долгомъ объяснить добрымъ людямъ, окружающимъ меня, что многія имена и, между прочимъ, мое имѣютъ значеніе. Такъ, напримѣръ, Александръ означаетъ по-гречески „помощникъ людей“, Давидъ по-еврейски — „достолюбимый“, Франкъ по-нѣмецки — „свободный“, а мое имя, Мизеримусъ, по-латыни — „наибѣднѣйшій“. Оно дано мнѣ отцомъ въ виду моего уродства, такъ-какъ я имѣлъ несчастье родиться уродомъ. Вы теперь не будете, не правда-ли, болѣе смѣяться надъ Мизеримусомъ? Господинъ защитникъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ старшинѣ адвокатовъ, — я къ вашимъ услугамъ и извиняюсь передъ судомъ, что на минуту задержалъ ходъ засѣданія.

Онъ произнесъ эти слова очень добродушно и съ необыкновенной граціей. Потомъ, отвѣчая на вопросы старшины адвокатовъ, онъ далъ свое показаніе ясно, опредѣлительно, безъ всякаго колебанія или утайки.

— Я гостилъ въ Глешинчѣ, когда умерла м-съ Мокаланъ,
„Дѣло“, № 2.

началъ онъ;—доктора Джеромъ и Гэль изъявили желаніе переговорить со мною наединѣ, такъ-какъ подсудимый тогда не былъ въ состояніи исполнять своихъ обязанностей хозяина дома. Доктора изумили и привели меня въ ужасъ заявленіемъ, что м-съ Мокаланъ умерла отъ яда. Они поручили мнѣ передать это роковое извѣстіе ея мужу и предупредили меня, что на слѣдующее утро будетъ произведено вскрытіе ея тѣла. Если-бъ судебный слѣдователь видѣлъ моего стараго друга въ ту минуту, когда я сообщилъ ему слова докторовъ, то онъ никогда не рѣшился-бы обвинять его въ убійствѣ жены. Вообще я считалъ это обвиненіе личнымъ оскорбленіемъ для моего друга и потому сопротивлялся захвату дневника и писемъ подсудимаго. Теперь, когда этотъ дневникъ предъявленъ на судѣ, я вполне согласенъ съ матерью моего друга, что дневникъ не бросаетъ вѣрнаго взгляда на подсудимаго. Дневникъ, когда онъ не составляетъ только перечня сухихъ фактовъ и чиселъ, всегда выказываетъ самую слабую сторону того человѣка, который его ведетъ. Въ девяти случаяхъ изъ десяти онъ въ дневникѣ высказываетъ всю свою самонадѣянность и суетность, которыхъ онъ никогда не обнаруживаетъ при другихъ. Я одинъ изъ самыхъ старыхъ друзей подсудимаго и торжественно заявляю, что никогда не считалъ его способнымъ писать вздоръ, до той минуты, какъ услышалъ сегодня отрывки изъ его дневника. Онъ, говорятъ, убилъ свою жену! Онъ, говорятъ, обращался съ женою невнимательно и жестоко! А я смѣю утверждать на основаніи двадцати-лѣтняго близкаго съ нимъ знакомства, что среди всѣхъ окружающихъ меня лицъ въ этой залѣ нѣтъ ни одного человѣка, менѣе способнаго, чѣмъ подсудимый, на убійство или жестокость. Я пойду далѣе. По моему мнѣнію, даже человѣкъ, способный на преступленіе или жестокость, никогда не имѣлъ-бы духа сдѣлать зло женщинѣ, преждевременный конецъ которой составляетъ предметъ настоящаго разбирательства. Я слышалъ показаніе невѣжественной и пристрастной сидѣлки Христины Ормсонъ относительно покойной м-съ Мокаланъ. Я, по личнымъ моимъ воспоминаніямъ, опровергаю каждое ея слово. М-съ Мокаланъ, несмотря на отсутствіе внѣшней красоты, была одной изъ самыхъ очаровательныхъ женщинъ, когда-либо мною видѣнныхъ. Она была вполне развитая женщина, въ лучшемъ значеніи этого слова. Я не видалъ ни у кого такой предестной улыбки и столь

граціозныхъ манеръ. Она пѣла прекрасно и играла на фортепьяно, какъ настоящій артистъ. Что касается ея ума, то я могу засвидѣтельствовать, что никогда не видывалъ ни мужчины, ни женщины (а послѣднее очень важно), которые не были-бы очарованы ея бесѣдой. Увѣрять, что съ такой женой подсудимый или, лучше сказать, несчастный мученикъ, стоящій передъ вами, обращался жестоко и, наконецъ, убилъ ее, — въ моихъ глазахъ все равно, что говорить: солнце не свѣтитъ днемъ и небо не находится надъ землею. Я знаю, что, по словамъ ея друзей, она горько жаловалась на обращеніе съ нею мужа, но припомните, что говоритъ лучшая и разумнѣйшая изъ ея пріятельницъ: „я полагаю, что твоя впечатлительная натура преувеличиваетъ невниманіе твоего мужа, на которое ты жалуешься“. Вотъ эти слова, по моему, выражаютъ всю правду. М-съ Мокаланъ имѣла впечатлительную, самонствязкую натуру поэта. Никакая земная любовь не была-бы достаточна для нея. Мелочи, которыя другими женщинами были-бы оставлены безъ вниманія, причиняли агонію ея утонченной, чувствительной натурѣ. Есть люди, которые рождаются несчастными. М-съ Мокаланъ принадлежала къ ихъ числу. Сказавъ это, я передалъ вамъ все, что знаю... Но нѣтъ, я еще прибавлю нѣсколько словъ. Не мѣшаетъ напомнить обвинителю, что смерть м-съ Мокаланъ въ денежномъ отношеніи была большой потерей для подсудимаго. Жена съ на ней, онъ настоялъ на томъ, чтобъ въ брачномъ контрактѣ все ея состояніе было закрѣплено за нею, а послѣ ея смерти — за ея родственниками. Доходъ съ этого состоянія оказывалъ ему большую помощь при покрытіи издержекъ на содержаніе великолѣпнаго дома въ Гленничѣ. Средства самого подсудимаго, даже съ помощью матери, было недостаточно для этого. Такимъ образомъ, я могу положительно удостовѣрить, что смерть жены лишила подсудимаго двухъ третей его дохода. А обвинитель, провозглашая его самымъ низкимъ и жестокимъ изъ людей, увѣрять, что онъ намѣренно убилъ жену, сохранить жизнь которой было въ его интересахъ! Излишне спрашивать меня, замѣтилъ-ли я въ обращеніи подсудимаго съ м-съ Бьюли что-нибудь оправдывающее ревность его жены. Я никогда не наблюдалъ внимательно за м-съ Бьюли и не поощрялъ подсудимаго распространяться о ней при мнѣ. Онъ вообще поклонникъ хорошенкыхъ женщинъ, но,

на-сколько мнѣ извѣстно, платоническій. Для меня совершенно непостижимо, чтобъ онъ могъ предпочитать м-съ Бьюли своей женѣ, развѣ онъ былъ сьумасшедшій, чего я никогда за нимъ не замѣчалъ. Что касается вопроса о мышьякѣ, то-есть вопроса о томъ, находился-ли онъ въ рукахъ м-съ Мокаланъ, то я могу показать кое-что, заслуживающее вниманія суда. Я присутствовалъ въ камерѣ судебного слѣдователя при осмотрѣ бумагъ и вещественныхъ доказательствъ, найденныхъ въ Гленичѣ. Несесеръ, принадлежавшій покойной м-съ Мокаланъ, былъ показанъ мнѣ послѣ того, какъ его осмотрѣлъ самъ слѣдователь. У меня чрезвычайно тонкое осязаніе и, дотронувшись до внутренней стороны крышки несесера, я почувствовалъ что-то жесткое подъ пальцами. Осмотрѣвъ внимательно крышку, я нашелъ въ ней, между внѣшней стороной и подкладкой, пустое пространство, въ которомъ находилась вотъ эта стеклянка.

Допросъ свидѣтеля былъ приостановленъ и представленная имъ секретная стеклянка сравнена съ другими, бывшими въ несесерѣ. Последнія были красивой формы и хорошаго стекла, а первая самая простая, обыкновенно употребляемая въ аптекахъ. Въ ней не было ни капли жидкости, ни атома твердаго тѣла. Она ничѣмъ не пахла и, что было всего непріятнѣе для защиты, на ней не было никакого ярлыка.

Аптекарь, продавшій вторую порцію мышьяка, былъ теперь снова вызванъ и подвергнутъ добавочному допросу. Онъ объяснилъ, что стеклянка была совершенно такая, въ какой онъ продалъ мышьякъ, но она точно также походила и на сотню другихъ стеклянокъ его аптеки. За отсутствіемъ ярлыка, на которомъ онъ собственноручно написалъ „ядъ“, онъ не могъ положительно подтвердить, что это была та самая стеклянка, которую съ мышьякомъ взялъ изъ его рукъ подсудимый. Несесеръ и вся спальня покойной были подвергнуты тщательному осмотру, но ярлыка съ таинственной стеклянки не оказалось нигдѣ. Легко можно было придти къ нравственному заключенію, что эта стеклянка была, по всей вѣроятности, та, въ которой заключался ядъ, но юридически этотъ фактъ не былъ ничѣмъ доказанъ.

Такимъ образомъ окончилась послѣдняя попытка защиты доказать, что ядъ, купленный подсудимымъ, перешелъ въ руки его жены. Книга, въ которой рассказывался обычай штирійскихъ по-

селянъ принимать мышьякъ для улучшенія цвѣта лица, была найдена въ комнатѣ покойной и представлена въ судъ. Но эта книга не могла доказать, что покойная просила мужа достать ей мышьяку. Скобланная бумажка съ бѣлыми крупинками, по показанію эксперта-химика, заключала въ себѣ мышьякъ. Но гдѣ-же было доказательство того факта, что м-съ Мокаланъ положила эту бумажку съ мышьякомъ въ шифоньерку, гдѣ она была найдена, и что она вынула изъ нея весь остальной мышьякъ? Вообще прямыхъ уликъ не было, а могли быть только предположенія.

Дальнѣйшее показаніе Мизеримуса Декстера касалось спеціальныхъ, неинтересныхъ предметовъ, и передпросъ его лордомъ-адвокатомъ заключался въ сущности въ умственной борьбѣ между ними, и, по общему мнѣнію, свидѣтель вышелъ побѣдителемъ. Я приведу только одинъ вопросъ и отвѣтъ, такъ-какъ они показались мнѣ очень важными для той цѣли, съ которой я читала процессъ.

— Я полагаю, м-ръ Декстеръ, замѣтилъ иронически лордъ-адвокатъ, — что вы имѣете свою теорію, по которой смерть м-съ Мокаланъ для васъ не тайна.

— Я могу имѣть свои идеи объ этомъ предметѣ, какъ и о всѣхъ остальныхъ, отвѣчалъ свидѣтель, — но смѣю спросить у суда, для чего я вызванъ — для объясненія теорій или для показанія фактовъ?

Я отиѣтила карандашемъ этотъ отвѣтъ. М-ръ Декстеръ былъ истинный другъ моего мужа и, повидимому, человѣкъ не дюжинный; поэтому его идеи могли имѣть громадное для меня значеніе, если-бъ онъ согласился мнѣ ихъ открыть.

Считаю нужнымъ прибавить, что я сдѣлала еще одну замѣтку по поводу этого показанія. Говоря о м-съ Бьюли, м-ръ Декстеръ выражался такъ легко и даже грубо, что, очевидно, онъ имѣлъ причины не любить эту женщину или не довѣрять ей. Въ этомъ отношеніи мнѣ также было крайне необходимо переговорить съ м-ромъ Декстеромъ и уяснить себѣ то, что судъ нашелъ недостойнымъ своего вниманія.

М-ръ Декстеръ былъ послѣдній свидѣтель, и когда кресло съ этимъ страннымъ полу-человѣкомъ уватилося въ отдаленный уголокъ залы, то лордъ-адвокатъ всталъ, чтобъ произнести обвинительную рѣчь.

Я прямо заявляю, что никогда не читала ничего такого недостойнаго и низкаго, какъ рѣчь этого знаменитаго юриста. Онъ безсовѣстно утверждалъ съ самаго начала, что вполне убѣжденъ въ виновности подсудимаго. Какое право имѣлъ онъ это говорить? Развѣ онъ рѣшалъ, кто виновать? Развѣ онъ былъ судьей и присяжнымъ? Произнеся приговоръ надъ обвиняемымъ своей собственной властью, онъ перетолковалъ въ дурную сторону всѣ самыя невинныя его поступки, придавая имъ неблаговидный характеръ. Такимъ образомъ, по его словамъ, Юстасъ поцѣловалъ въ лобъ свою бѣдную первую жену на ея смертномъ одрѣ съ цѣлю произвести благопріятное впечатлѣніе на доктора и сидѣлку. Потомъ, когда горе привело его въ отчаяніе, онъ только игралъ роль, а втайнѣ торжествовалъ. „Если-бы вы взглянули въ его сердце, говорилъ лордъ-адвокатъ,—то увидѣли-бы тамъ дьявольскую ненависть къ женѣ и страстную любовь къ м-съ Бьюли. Всѣ его слова были ложью, а всѣ его дѣйствія доказываютъ хитраго, бездушнаго злодѣя“. Вотъ въ какомъ духѣ говорилъ обвинитель противъ подсудимаго, безпомощно стоявшаго передъ судомъ. Если-бы я была на мѣстѣ мужа, то, во всякомъ случаѣ, бросила-бы въ него чѣмъ-нибудь. Теперь я могла только вырвать изъ книги тѣ страницы, на которыхъ излагалась его рѣчь, и, сдѣлавъ это, злобно истоптала ихъ. Хотя мнѣ нѣсколько стыдно за то, что я выместила свою злобу на ни въ чемъ неповинной бумагѣ, но мнѣ послѣ этого стало гораздо легче.

Пятое засѣданіе по дѣлу началось съ рѣчи защитника. О, какой контрастъ былъ между пламеннымъ краснорѣчіемъ старшины адвокатовъ и презрѣнными выходками лорда-адвоката!

Съ самаго начала знаменитый ораторъ взялъ вѣрную ноту.

— Я никому не уступаю въ сожалѣніи о покойной женѣ подсудимаго, сказалъ онъ, — но я утверждаю, что настоящій мученикъ въ этомъ дѣлѣ—ея мужъ. Какъ-бы много ни приходилось переносить бѣдной женщинѣ, но онъ страдалъ гораздо болѣе. Если-бы онъ не былъ добрѣйшимъ изъ людей и преданнѣйшимъ изъ мужей, онъ никогда не очутился-бы въ теперешнемъ страшномъ положеніи. Человѣкъ не столь утонченный возмѣлль-бы подозрѣніе насчетъ причинъ, побуждавшихъ жену просить его о покушкѣ яда, и благоразумно сказалъ-бы „нѣтъ“, видя всю нелѣпость выставляемыхъ ею предлоговъ. Но подсудимый на

такой человекъ. Онъ слишкомъ добръ къ женѣ, ему слишкомъ чужда всякая мысль причинить вредъ ей или кому-бы то ни было другому, чтобъ предвидѣть послѣдствія и опасности рокового исполненія ея просьбы. Что-жь изъ этого вышло? Онъ теперь находится передъ вами, на скамьѣ подсудимыхъ, по обвиненію въ убійствѣ, только потому, что по своему благородству онъ не подозрѣвалъ жену.

Старшина адвокатовъ точно такъ-же краснорѣчиво и неопровержимо отозвался о женѣ подсудимаго.

— Лордъ-адвокатъ, сказалъ онъ, — спрашивалъ съ горькой ироніей, прославившей его во всей Шотландіи, почему мы не могли доказать, что подсудимый отдалъ обѣ порціи яда своей женѣ. Я на это отвѣчу, что мы доказали, во-первыхъ, что покойная страстно любила мужа, во-вторыхъ, что она горько оплакивала недостатки своей наружности и особенно свой дурной цвѣтъ лица, и, въ-третьихъ, что ей было извѣстно о мышьякѣ, какъ о внутреннемъ средствѣ для поправленія цвѣта лица. Для людей, знающихъ хоть немного человѣческую натуру, этихъ доказательствъ достаточно. Неужели мой ученый другъ предполагаетъ, что женщины открыто говорятъ о секретныхъ средствахъ, въ которыхъ онѣ прибѣгаютъ для поддержанія или увеличенія красоты? Неужели онъ предполагаетъ, что женщина, желающая поправиться мужчинѣ, откроетъ ему или кому-нибудь другому, могущему ему передать, тайное средство, благодаря которому она надѣется его прельстить? Одна мысль о признаніи женщиной, что она приобрѣла хорошей цвѣтъ лица посредствомъ опасныхъ приемовъ яда, поражаетъ своей нелѣпостью. Конечно, никто не слыхалъ отъ м-съ Мокаланъ ни слова о мышьякѣ и никто не видѣлъ, чтобъ она его принимала. Свидѣтельскими показаніями доказано, что она не сообщила своего намѣренія попробовать дѣйствіе яда даже тѣмъ пріятельницамъ, которыя указали ей на это средство и дали ей книжку; напротивъ, она просила ихъ никому не говорить объ этомъ разговорѣ. Съ начала до конца бѣдная женщина свято сохраняла свою тайну, такъ-же точно, какъ она скрывала-бы отъ всѣхъ, если-бъ имѣла фальшивую косу или искусственные зубы. И вотъ ея мужъ теперь ждетъ, можетъ быть, смертнаго приговора только потому, что она поступила, какъ

истая женщина, какъ поступили-бы на ея мѣстѣ ваши жены, господа присяжные, въ отношеніи васъ самихъ.

Послѣ такого блестящаго краснорѣчія (сожалѣю, что не могу привести большихъ отрывковъ) скучно читать послѣднюю рѣчь, произнесенную по этому дѣлу, именно заключительное слово предсѣдателя.

Онъ объяснилъ присяжнымъ, что они не могли ожидать прямыхъ, положительныхъ доказательствъ по обвиненію въ отравѣ и должны довольствоваться косвенными уликами. Все это, вѣроятно, было справедливо, но, сказавъ присяжнымъ, что они могутъ основывать свой приговоръ на косвенныхъ доказательствахъ, онъ въ то-же время предупредилъ ихъ, чтобъ они не слишкомъ довѣряли подобнымъ доказательствамъ.

— Вы должны признать достаточнымъ доказательствомъ, сказалъ онъ, — только то, что вполне удовлетворяетъ и убѣждаетъ вашъ умъ, — не одно предположеніе, а безусловный, справедливый выводъ.

Но кто могъ сказать, что было безусловнымъ, справедливымъ выводомъ и что предположеніемъ?

Смущенные, вѣроятно, подобными словами предсѣдателя, присяжные цѣлый часъ разсуждали (женщины не думали-бы въ этомъ случаѣ и минуты) и, наконецъ, произнесли рутинный, боязливый шотландскій приговоръ:

— Не доказано.

Въ залѣ раздались слабыя рукоплесканія, которыя тотчасъ были остановлены предсѣдателемъ. Подсудимому объявили, что онъ свободенъ. Онъ медленно вышелъ изъ залы, какъ человѣкъ, пораженный глубокимъ горемъ: онъ не поднималъ глазъ съ полу и не отвѣчалъ никому изъ подходившихъ къ нему друзей. Онъ зналъ, какое неизгладимое пятно наложилъ на него этотъ приговоръ, ясно говорившій: „мы не утверждаемъ, что ты не совершилъ преступленія, въ которомъ тебя обвиняютъ, но заявляемъ только, что нѣтъ достаточныхъ доказательствъ для признанія тебя виновнымъ“. Вотъ къ какому позорному для моего мужа заключенію пришелъ судъ, и это заключеніе осталось-бы на-вѣки неизгладимымъ, если-бъ я не вмѣшалась въ дѣло.

ГЛАВА XXI.

Мое заключеніе.

При сѣрватоми свѣтѣ утра я дочитала отчетъ о дѣлѣ моего мужа, обвинявшагося въ отравленіи своей первой жены.

Я не чувствовала никакой усталости и, несмотря на столько часовъ, проведенныхъ въ чтеніи и серьезныхъ размышленіяхъ, ни мало не желала отдохнуть и уснуть. Это было очень странно, но я чувствовала, что какъ-будто только-что проснулась новой женщиной, съ новымъ умомъ и новыми чувствами.

Я теперь, наконецъ, понимала бѣгство Юстаса. Человѣку съ такими утонченными чувствами, какъ онъ, было невыносимо общество жены послѣ того, какъ она прочла его процессъ, извѣстный всему свѣту. Я это теперь вполне сознавала, но въ то-же время мнѣ казалось, что онъ могъ питать ко мнѣ полное довѣріе и рассчитывать, что моя любовь вознаградитъ его за всѣ страданія. Быть можетъ, онъ еще и возвратится? Между тѣмъ, въ ожиданіи этого возвращенія, я глубоко его сожалѣла и вполне его простила.

Несмотря на мой философскій взглядъ на дѣло, меня мучилъ вопросъ: любилъ-ли Юстасъ до сихъ поръ м-съ Бьюли или я изгнала изъ его сердца всякую мысль о ней? Какого рода красотою обладала эта женщина? Походили-ли мы хоть нѣсколько другъ на друга?

Окошко моей комнаты выходило на востокъ. Я подняла стору и, увидавъ, что солнце торжественно всходило на горизонтѣ, почувствовала непреодолимое желаніе подышать чистымъ воздухомъ. Я надѣла шляпу и шаль и, взявъ подъ мышку роковую книгу, вышла въ маленькій садикъ Бенджамина.

Успокоившись и возстановивъ свои силы прелестнымъ утреннимъ воздухомъ и окружавшимъ меня мирнымъ одиночествомъ, я теперь мужественно посмотрѣла въ глаза страшному вопросу — что мнѣ дѣлать?

Я прочла процессъ. Я еще прежде поклялась посвятить всю свою жизнь святой цѣли — доказать невинность моего мужа. Одинокая, беспомощная женщина, я должна привести въ исполненіе свою клятву. Но какъ мнѣ было поступить, съ чего начать?

Безспорно, въ моемъ положеніи самое смѣлое начало было и самымъ разумнымъ. Я имѣла основаніе считать, какъ уже говорила ранѣе, что лучшимъ помощникомъ въ моемъ дѣлѣ былъ Мизеримусъ Декстеръ, игравшій такую важную роль на судѣ. Конечно, онъ могъ отказать мнѣ въ помощи или, какъ дядя Старквэтеръ, признать меня за сумасшедшую; но я все-же рѣшилась попытать счастья и обратиться прежде всего къ этому странному, безногому человѣку, если онъ только былъ въ живыхъ.

Предположимъ, что онъ приметъ меня хорошо и выслушаетъ съ сочувствіемъ; но что-же онъ мнѣ скажетъ? Сидѣлка на судѣ показала, что онъ всегда говорилъ поспѣшно, отрывисто; поэтому онъ, вѣроятно, мнѣ скажетъ: „Что вы хотите дѣлать, чѣмъ могу я вамъ помочь?“

Были-ли у меня готовы отвѣты на эти простые вопросы? Да, если-бъ я посмѣла сознаться передъ кѣмъ-бы то ни было въ тѣхъ мысляхъ, которыя бродили въ моемъ умѣ. Да, если-бъ я рѣшилась повѣрить чужому человѣку подозрѣніе, возбужденное во мнѣ чтеніемъ процесса.

Я до сихъ поръ не дерзала высказывать этого подозрѣнія; но теперь это необходимо, такъ-какъ мое подозрѣніе привело къ результатамъ, которые составляютъ часть моего разсказа, часть моей жизни.

Окончивъ чтеніе процесса, я вполне согласилась въ одномъ важномъ вопросѣ съ мнѣніемъ моего врага и врага моего мужа, лорда-адвоката. Онъ назвалъ объясненіе смерти м-съ Мокаланъ, представленное защитой, грубымъ вымысломъ, въ которомъ ни одинъ разумный человѣкъ не могъ найти ничего вѣроятнаго. Не идя такъ далеко, какъ лордъ-адвокатъ, я, однако, не видѣла никакого основанія предположить, что бѣдная женщина приняла по ошибкѣ лишнюю дозу мышьяку. Я вѣрила, что она тайно сохраняла мышьякъ и пробовала или хотѣла испробовать его дѣйствіе на цвѣтъ лица. Но далѣе этого я идти не могла. Чѣмъ болѣе я думала, тѣмъ болѣе убѣждалась въ справедливости заключенія обвинителя, что м-съ Мокаланъ умерла отъ руки убійцы, хотя, конечно, онъ совершенно ошибался, вводя это преступленіе на моего мужа.

Мой мужъ былъ невиновенъ, слѣдовательно, кто-нибудь другой

былъ виновенъ, думала я. Кто-же изъ всѣхъ лицъ, находившихся въ то время въ Гленинчѣ, отравилъ м-съ Мокаланъ? Мое подозрѣніе прямо упало на женщину. А имя этой женщины—м-съ Бьюли.

Да. Я пришла къ этому поразительному заключенію, и въ моихъ глазахъ чтеніе процесса не могло имѣть другого результата.

Вспомните письмо къ м-ру Мокалану, прочтенное на судѣ и подписанное Еленой. Никакой разумный человѣкъ не могъ сомнѣваться, что оно было писано м-съ Бьюли, хотя судъ и позволилъ ей не отвѣчать по этому предмету. Это письмо, по моему мнѣнію, служило очевиднымъ показаніемъ ея настроенія во время пребыванія въ Гленинчѣ.

Что писала она м-ру Мокалану, когда была еще женою человѣка, которому дала слово прежде, чѣмъ узнала м-ра Мокалана? „При одной мысли, говоритъ она,—что ваша жизнь принесена въ жертву этой несчастной женщинѣ, сердце мое обливается кровью“. Далѣе она выражается такъ: „Если-бъ на мою долю выпало неизреченное счастье печься о лучшемъ и милѣйшемъ изъ людей, то какимъ-бы райскимъ счастьемъ мы пользовались, какіе-бы блаженныя часы проводили вмѣстѣ!“

Если эти слова не выражаютъ страстной, безстыдной для замужней женщины любви, то я рѣшительно ничего не понимаю въ человѣческихъ чувствахъ. Она такъ преисполнена мыслью о немъ, что думая о будущей жизни, она только помышляетъ о поцѣлуяхъ съ душой Мокалана. Въ подобномъ умственномъ и нравственномъ настроеніи, эта женщина дѣлается свободной послѣ смерти мужа. Какъ только дозволяютъ приличія, она начинаетъ выѣзжать въ свѣтъ и, между прочимъ, пріѣзжаетъ гостить въ домъ любимаго человѣка. Жена его лежитъ больная въ постели и въ домѣ нѣтъ другихъ гостей, кромѣ безногаго человѣка, двигавшагося съ мѣста на мѣсто только въ креслѣ. Такимъ образомъ, весь домъ и любимый ею человѣкъ находятся въ полномъ ея распоряженіи. Никакой преграды нѣтъ между нею и „неизреченнымъ счастьемъ печься о лучшемъ, милѣйшемъ изъ людей“, кромѣ бѣдной, больной, уродливой жены, къ которой м-ръ Мокаланъ не питалъ и не могъ питать ни малѣйшей любви.

Вполнѣ-ли нелѣпо было предпологать, что такая женщина, жившая такими побужденіями и окруженная такими обстоя-

тельствами, могла совершить преступленіе, если въ тому представлялся случай, общавшій ей безнаказанность?

Что она сама говорила въ своемъ показаніи на судѣ?

Она признавала, что имѣла разговоръ съ м-сь Мокаланъ, въ которомъ послѣдняя спрашивала ее о косметическихъ средствахъ, употребляемыхъ для улучшенія цвѣта лица. Не было-ли говорено еще чего-нибудь между ними? Не узнала-ли м-сь Бьюли объ опасной попыткѣ, которую хотѣла сдѣлать несчастная женщина для поправленія своего цвѣта лица? Намъ извѣстно только, что м-сь Бьюли не сказала объ этомъ ни слова.

А что показалъ садовникъ? Онъ слышалъ разговоръ между м-ромъ Мокаланомъ и м-сь Бьюли, который доказываетъ, что ей не была чужда мысль о возможности когда-либо сдѣлаться м-сь Мокаланъ, но она считала эту мысль столь опасной, что не желала прямо говорить объ этомъ съ кѣмъ-бы то ни было. Невинный м-ръ Мокаланъ хотѣлъ продолжать разговоръ, но м-сь Бьюли его остановила.

Теперь припомнимъ показаніе сидѣлки Христины Ормсонъ.

Въ день своей смерти м-сь Мокаланъ удалила ее изъ комнаты и послала внизъ. Оправившись отъ своего перваго таинственнаго припадка, она имѣетъ достаточно силъ, чтобы забавляться сочиненіемъ стиховъ. Сидѣлка оставалась внизу полчаса и, наконецъ, безпокоясь о томъ, что больная ее не звонитъ, пошла спросить совѣта у м-ра Мокалана. На терасѣ она услышала, что м-ръ Мокаланъ спрашивалъ, куда пропала м-сь Бьюли, а м-ръ Декстеръ отвѣчалъ ему, что не видалъ ея. Въ какое время исчезла м-сь Бьюли? Въ то самое, когда Христина Ормсонъ оставила м-сь Мокаланъ одну въ комнатѣ. Между тѣмъ послышался звонокъ, и очень сильный. Сидѣлка возвратилась въ комнату больной, въ одиннадцать часовъ безъ пяти минутъ или около этого времени, и нашла, что опасные симптомы, испугавшіе ее утромъ, повторились съ еще большей силой. Второй приемъ яда, бѣльшій, чѣмъ первый, былъ данъ несчастной женщинѣ во время отсутствія сидѣлки и, замѣтите, во время исчезновенія м-сь Бьюли. Сидѣлка, выскочивъ въ коридоръ, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, встрѣтила м-сь Бьюли, которая невнятно шла изъ своей комнаты. Намъ хотѣтъ увѣрить, что она только-что встала въ одиннадцать часовъ утра и отправлялась въ

комнату больной, чтобъ узнать объ ея здоровьи, но въ этомъ мало вѣроятности. Нѣсколько минутъ спустя м-съ Бьюли является вмѣстѣ съ м-ромъ Мокаланомъ въ комнату больной. Умиравшая бросаетъ на нихъ обоихъ странный взглядъ и проситъ ихъ уйти. М-ръ Мокаланъ принимаетъ это за капризъ больной, и прежде, чѣмъ удалиться, говоритъ сидѣлкѣ, что послано за докторомъ. Но что дѣлаетъ м-съ Бьюли? Она выбѣгаетъ, пораженная ужасомъ, какъ только на нее взглядываетъ м-съ Мокаланъ. Повидимому, и она имѣетъ совѣсть.

Неужели всѣ эти обстоятельства, доказанныя присяжными свидѣтельскими показаніями, не возбуждаютъ подозрѣнія?

Въ моихъ глазахъ возможно только одно заключеніе: м-съ Бьюли дала несчастной женщинѣ второй приемъ яда. Признавъ справедливость этого заключенія, самъ собою вытекаетъ второй выводъ, — что она же дала утромъ и первый приемъ яда. Какъ могла она это сдѣлать? Обратимся снова къ показаніямъ свидѣтелей. Сидѣлка признаетъ, что она спала отъ двухъ часовъ до шести и что вторая дверь изъ спальни больной была заперта на ключъ, который былъ вынутъ изъ замка, но кѣмъ — неизвѣстно. Кто-нибудь укралъ этотъ ключъ. Отчего не предположить, что это сдѣлала м-съ Бьюли?

Мнѣ остается только сказать нѣсколько словъ, чтобъ вполнѣ исчерпать всѣ мысли, тѣснившіяся въ то время въ моей головѣ.

Мизеримусъ Декстеръ, на вопросъ лорда-адвоката, признался, хотя и косвенно, что имѣлъ свой взглядъ на причину смерти м-съ Мокаланъ. Въ то-же время онъ говорилъ о м-съ Бьюли такимъ тономъ, который ясно доказывалъ, что онъ не питалъ къ ней дружескихъ чувствъ. Не подозрѣваль-ли онъ ее такъ-же, какъ я? Рѣшившись обратиться къ нему первому за совѣтомъ, я главнымъ образомъ руководствовалась желаніемъ предложить ему этотъ вопросъ. Если онъ дѣйствительно раздѣлялъ мое мнѣніе о м-съ Бьюли, то мнѣ становилась ясна моя будущая дѣятельность. Прежде всего мнѣ слѣдовало, скрывъ свою личность, розыскать м-съ Бьюли и, въ качествѣ незнакомки, постараться вывѣдать отъ нея все, что мнѣ было нужно.

Конечно, предстоявшій мнѣ путь былъ усѣянъ трудностями. Первая изъ нихъ заключалась въ отысканіи Мизеримуса Декстера.

Свѣжій утренній воздухъ, успокоивъ меня, возбудилъ желаніе

отдохнуть послѣ столь продолжительныхъ умственныхъ усилій. Меня стала одолѣвать дремота и, проходя мимо открытаго окна моей комнаты, я съ завистью взглянула на постель. Черезъ нѣсколько минутъ я уже лежала въ ней и вскорѣ крѣпко заснула, простившись на время со всѣми тревожными мыслями.

Меня разбудилъ слабый толчекъ въ дверь и голосъ добраго, стараго Бенджамина.

— Я боялся, что вы умрете съ голоду, сказалъ онъ, — если-бъ я далъ вамъ долѣе спать. Уже половина второго, и вашъ другъ пріѣхалъ къ вамъ завтракать.

Мой другъ? Какіе у меня были друзья? Мужъ былъ далеко, а дядя Старьвѣтеръ въ отчаяніи отказался отъ меня.

— Кто это? воскликнула я.

— Маіоръ Фицъ-Дэвидъ, отвѣчалъ Бенджаминъ.

Я вскочила съ постели. Мнѣ именно былъ нуженъ маіоръ Фицъ-Дэвидъ. Онъ зналъ всѣхъ на свѣтѣ и, какъ близкій пріятель моего мужа, конечно, былъ знакомъ съ его старымъ другомъ, Мизеримусомъ Декстеромъ.

Я должна сознаться, что обратила особое вниманіе на свой туалетъ и заставила себя немного ждать. Всякая женщина на моемъ мѣстѣ сдѣлала-бы то-же, если-бъ ей предстояло просить чего-нибудь у маіора Фицъ-Дэвида.

ГЛАВА XXII.

МАІОРЪ ДѢЛАЕТЪ ЗАТРУДНЕНІЯ.

Не успѣла я отворить двери въ столовую, какъ маіоръ поспѣшилъ ко мнѣ на встрѣчу. Онъ казался самымъ блестящимъ и юнымъ изъ пожилыхъ джентльменовъ въ своемъ синемъ фракѣ, съ любезной улыбкой на устахъ, съ рубиномъ на рукѣ и вѣчнымъ комплиментомъ на языкѣ. Вообще было пріятно смотрѣть на этого современнаго Дон-Жуана.

— Я не спрашиваю о вашемъ здоровьѣ, сказалъ онъ: — глаза даютъ мнѣ самый краснорѣчивый отвѣтъ. Въ ваши годы долгій сонъ — лучшій эликсиръ красоты. Побольше спать — вотъ простой рецептъ для сохраненія красоты и жизни.

— Я не такъ долго спала, какъ вы думаете, маіоръ, отвѣчала я.—По правдѣ сказать, я всю ночь читала.

Маіоръ Фицъ-Дэвидъ съ удивленіемъ поднялъ свои накрашенные брови.

— Какая счастливая книга васъ такъ заинтересовала? спросилъ онъ.

— Процесъ моего мужа по обвиненію его въ убійствѣ первой жены.

Улыбка маіора тотчасъ исчезла и, пораженный ужасомъ, онъ отступилъ шага на два.

— Не упоминайте объ этой страшной книгѣ! воскликнулъ онъ;—не говорите объ этомъ ужасномъ предметѣ! Какое дѣло красоты и граціи до процесовъ, судовъ и отравленій? Не оскверняйте своихъ прелестныхъ губокъ такими словами, мой прекрасный другъ! Не отгоняйте отъ себя красоты и граціи! Не обижайте старика, который только проситъ погрѣться подъ лучезарными лучами вашей улыбки. Завтракъ готовъ. Будемъ смѣяться, будемъ ѣсть.

Онъ подвелъ меня къ столу и началъ угощать съ видомъ человека, который считалъ питье и ѣду самымъ важнымъ дѣломъ въ жизни. Между тѣмъ Бенджаминъ поддерживалъ разговоръ.

— Маіоръ Фицъ-Дэвидъ привезъ вамъ новости, моя милая. Ваша свекровь, м-съ Мокаланъ, посѣтитъ васъ сегодня.

М-съ Мокаланъ посѣтитъ меня! Я тотчасъ обратилась къ маіору за дальнѣйшими свѣденіями.

— М-съ Мокаланъ слышала что-нибудь о моемъ мужѣ? спросила я.—Она привезетъ мнѣ вѣсточку о немъ?

— Кажется, она имѣла извѣстія о сынѣ, но навѣрно получила письмо отъ вашего дяди, отвѣчалъ маіоръ. — Что писалъ ей добрый Старквэтеръ—я не знаю, но немедленно по прочтеніи его письма она рѣшилась поѣхать къ вамъ. Я видѣлъ ее вчера на вечерѣ и старался узнать, явится-ли она къ вамъ другомъ или врагомъ, но все мои усилія были тщетны. Дѣло въ томъ, прибавилъ маіоръ тономъ наивнаго юноши, — что я рѣшительно не умѣю обращаться со старухами. Поэтому, прелестный другъ, довольствуйтесь моими добрыми намѣреніями. Я хотѣлъ вамъ услужить, но не успѣлъ.

Эти слова представляли мнѣ случай, котораго я ждала. Я тотчасъ имъ воспользовалась.

— Вы можете сдѣлать мнѣ большое одолженіе, если захотите, маіоръ, отвѣчала я.—Я желаю вамъ предложить одинъ вопросъ и, смотря по отвѣту, быть можетъ попрошу большой услуги.

Маіоръ Фицъ-Дэвидъ въ эту минуту подносилъ ко рту стаканъ съ виномъ; онъ вдругъ остановился, поставилъ стаканъ на столъ и взглянулъ на меня съ лихорадочнымъ любопытствомъ.

— Приказывайте, мой прелестный другъ, я вашъ—и только вашъ, отвѣчалъ дамскій поклонникъ; — что вы желаете у меня спросить?

— Знаете-ли вы Мизеримуса Декстера?

— Господи! вотъ неожиданный вопросъ. Знаю-ли я Мизеримуса Декстера? Я его знаю столько лѣтъ, что стыдно сознаться. Но зачѣмъ вамъ...

— Я желаю, чтобъ вы меня познакомили съ нимъ.

Мои слова такъ поразили маіора, что онъ поблѣднѣлъ, несмотря на штукатурку, покрывавшую его лицо. Его маленькіе сѣрые глаза впились въ меня съ испугомъ.

— Вы хотите познакомиться съ Мизеримусомъ Декстеромъ? сказалъ онъ тономъ человѣка, сомнѣвающагося въ своемъ слухѣ.— Не выпилъ-ли я слишкомъ много вашего славнаго вина, м-ръ Бенджаминъ? Не жертва-ли я какой-нибудь иллюзіи? Или дѣйствительно наша прелестная красавица выразила желаніе познакомиться съ Мизеримусомъ Декстеромъ?

Бенджаминъ посмотрѣлъ на меня также съ удивленіемъ и сказалъ серьезно:

— Кажется, вы это сказали, моя милая?

— Конечно. Что-же тутъ удивительнаго? возразила я.

— Это сумасшедшій! воскликнулъ маіоръ;—во всей Англій нельзя найти человѣка менѣе пригоднаго для общества дамы, особенно молодой. Слышали-ли вы объ его ужасномъ уродствѣ?

— Да, я слышала, но это меня не пугаетъ.

— Не пугаетъ! воскликнулъ онъ, — но вѣдь умственно онъ такой-же уродъ, какъ и физически. Сатирическое замѣчаніе Вольтера о характерѣ своихъ соотечественниковъ можно справедливо отнести къ Мизеримусу Декстеру. Онъ представляетъ смѣшеніе тигра и обезьяны. Смотри на него, то хочется вскрикнуть отъ

ужаса, то засмѣяться. Я не отрицаю, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ очень уменъ и блестящъ. Я знаю, что онъ никогда не сдѣлалъ ничего дурного и никого не обидѣлъ. Но все-же онъ сумасшедшій. Извините, если я задамъ вамъ дерзкій вопросъ: зачѣмъ вы желаете познакомиться съ Декстеромъ?

— Я хочу съ нимъ посовѣтоваться.

— О чемъ?

— О процесѣ моего мужа.

Маіоръ Фицъ-Дэвидъ громко застоналъ и обратился за минутнымъ утѣшеніемъ къ славному бургонскому вину Бенджамина.

— Опять этотъ страшный вопросъ! воскликнулъ онъ.— Отчего, м-ръ Бенджаминъ, она возвращается все къ одному и тому-же?

— Я должна настаивать на томъ, что составляетъ единственную цѣль и надежду всей моей жизни, отвѣчала я; — я имѣю основаніе полагать, что Мизеримусъ Декстеръ можетъ помочь мнѣ смыть съ мужа пятно, наложенное на него шотландскимъ приговоромъ. Несмотря на то, что онъ тигръ и обезьяна, я снова прошу васъ познакомить меня съ нимъ. Это нисколько васъ не обезпечитъ. Я не прошу васъ ѣхать со мною и вполнѣ удовольствуюсь письмомъ къ Декстеру.

Маіоръ знаменательно взглянулъ на Бенджамина и покачалъ головой. Бенджаминъ сдѣлалъ то-же.

— Она, кажется, настаиваетъ на своемъ, произнесъ Фицъ-Дэвидъ.

— Да, отвѣчала Бенджаминъ.

— Я не могу позволить ей ѣхать одной къ Декстеру, м-ръ Бенджаминъ, продолжалъ маіоръ,—это былъ-бы слишкомъ большой рискъ.

— Хотите, я съ ней поѣду, сэръ?

Маіоръ задумался. Бенджаминъ въ качествѣ моего покровителя, повидимому, не внушалъ ему довѣрія. Послѣ минутнаго размышленія онъ обратился ко мнѣ, какъ-бы осѣненный новой идеей:

— Мой прелестный другъ, будьте такъ милы, согласитесь на сдѣлку. Какого вы мнѣнія о хорошемъ обѣдѣ?

— Объ обѣдѣ? повторила я, не понимая его словъ.

— Да, продолжалъ маіоръ; — сдѣлаемъ маленькій обѣдъ у меня, такъ-какъ вы настаиваете на знакомствѣ съ Декстеромъ, а я не могу позволить вамъ видѣться наединѣ съ этимъ сума-

спешимъ. Единственное средство выйти изъ этого затрудненія — пригласить его на обѣдъ ко мнѣ. Кого-же мы еще позовемъ? Надо собрать цѣлую гирлянду красавицъ въ вознагражденіе за уродливость Декстера. Г-жа Мирлифлоръ еще въ Лондонѣ. Вы, я увѣренъ, сошлись-бы съ нею: она прелестна и очень походитъ на васъ твердостью характера. Да, мы пригласимъ г-жу Мирлифлоръ. А еще кого? Не пригласить-ли леди Кларинду? Вы не можете себѣ представить, м-ръ Бенджаминъ, какая это обаятельная особа! Она непременно вамъ понравится. Она такая симпатичная и очень похожа на нашего прелестнаго друга. Да, леди Кларинда будетъ обѣдать съ нами и я посажу васъ, м-ръ Бенджаминъ, рядомъ съ нею, въ доказательство моего уваженія къ вамъ. Не пригласить-ли мою молодую примадонну на вечеръ? Да, это будетъ хорошо. Ея красота поможетъ ступевать уродство Декстера. Отлично, все общество подобрано. Сегодня-же вечеромъ я посочѣтуюсь объ обѣдѣ съ поваромъ. Назначимте этотъ обѣдъ ровно черезъ недѣлю.

Я согласилась на его предложеніе, но не очень охотно, такъ-какъ, получивъ отъ него рекомендательное письмо, я могла-бы въ тотъ-же день отправиться къ Декстеру. А „маленькій обѣдъ“ заставлялъ меня терзаться неизвѣстностью еще цѣлую недѣлю. Однако, нечего было дѣлать. Маіоръ Фицъ-Дэвидъ, несмотря на его любезность, былъ такъ-же упрямъ, какъ я. Онъ, очевидно, рѣшилъ дать „маленькій обѣдъ“ и всякое сопротивленіе съ моей стороны было-бы тщетнымъ.

— Пожалуйста, м-ръ Бенджаминъ, не забудьте, я васъ жду въ восемь часовъ, повторилъ маіоръ;—запишите это на память.

Бенджаминъ исполнилъ желаніе Фицъ-Дэвида и бросилъ на меня знаменательный взглядъ. Ему не очень улыбалась мысль обѣдать съ человѣкомъ— „полу-тигромъ, полу-обезьяной“, и сидѣть подлѣ леди Кларинды. Все это было по моей винѣ и ему, бѣдному оставалось только повноваться.

— Ровно въ восемь, сэръ, повторилъ онъ, и прибавилъ: — сдѣлайте одолженіе, еще стаканчикъ вина.

Маіоръ всталъ и, любезно извинившись, сталъ собираться въ путь.

— Я не думалъ, что такъ поздно, сказалъ онъ;—я долженъ ѣхать; меня ждетъ одна пріятельница, прелестная особа. Вы

нежного похожи на нее, мой милый другъ; у васъ такой-же матовый цвѣтъ лица. Я обожаю матовый цвѣтъ лица. Она дѣлаетъ мнѣ честь совѣтоваться со мною о старинныхъ кружевахъ. Я въ нихъ знатокъ. Я изучаю все, что можетъ быть пріятнымъ или полезнымъ прекрасному полу. Вы не забудете нашего „маленькаго обѣда“? Возвратясь домой, я тотчасъ напишу приглашеніе Декстеру.

Съ этими словами онъ взялъ мою руку и, критически взглянувъ на нее, прибавилъ:

— Вы позволите мнѣ ее поцѣловать? Хорошенькія ручки—моя слабость. Вы должны меня простить, и я общаюсь надняхъ исправиться.

— Вы полагаете, маіоръ, что въ ваши годы можно откладывать раскаяніе? сказалъ какой-то неожиданный голосъ за нами.

Мы всѣ трое взглянули на дверь. На порогѣ стояла мать моего мужа съ сатирической улыбкой на устахъ.

Маіоръ Фицъ-Дэвидъ ни мало не смутился и немедленно отвѣчалъ:

— Годы, милая м-съ Мокаланъ, понятіе относительное. Нѣкоторые люди никогда не бываютъ молоды, а другіе никогда не старѣются. Я одинъ изъ послѣднихъ. Au revoir!

Съ этими словами неисправимый маіоръ послалъ рукой намъ поцѣлуй и вышелъ изъ комнаты. Бенджаминъ низко поклонился, отворилъ дверь и, пригласивъ въ бібліотеку меня и м-съ Мокаланъ, быстро удалился.

XXIII.

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПОСТУПОКЪ МОЕЙ СВЕКРОВИ.

М-съ Мокаланъ сѣла на диванъ, а я помѣстилась на креслѣ въ почтительномъ отъ нея разстояніи. Старуха улыбулась и знакомъ пригласила меня сѣсть къ пей поближе. Повидимому, она явилась ко мнѣ не какъ врагъ; мнѣ оставалось еще убѣдиться, была-ли она моимъ искреннимъ другомъ.

— Я получила письмо отъ вашего дяди, пастора, сказала она:—онъ меня просилъ васъ навѣстить, и я съ радостью (вы вскорѣ узнаете, почему) исполняю его желаніе. При иныхъ обстоятельствахъ

я сомнѣваюсь, милое дитя мое (какъ ни странно это сознаніе), рѣшилась-ли-бы я видѣться съ вами: мой сынъ поступилъ въ отношеніи васъ такъ непростительно, что мнѣ, его матери, совѣстно на васъ смотрѣть.

Говорила-ли она искренно? Я слушала ее и смотрѣла ей прямо въ глаза съ удивленіемъ.

— Вашъ дядя, продолжала м-съ Мокаланъ, — объяснилъ мнѣ въ своемъ письмѣ, какъ вы вели себя при этомъ страшномъ испытаніи и что вы намѣрены дѣлать послѣ исчезновенія Юстаса. Бѣдный пасторъ, кажется, очень пораженъ вашими планами. Онъ просилъ меня уговорить васъ бросить ваши теперешнія идеи и возвратиться къ нему въ домъ. Я нисколько не раздѣляю мнѣнія вашего дядя, моя милая. Какъ ни дики ваши планы, которые не могутъ увѣнчаться успѣхомъ, я удивляюсь вашему мужеству, вашей преданности и непоколебимой увѣренности въ моемъ бѣдномъ сынѣ, несмотря на его непростительное поведеніе. Вы, славная женщина, Валерія. Я нарочно пріѣхала, чтобъ вамъ это сказать. Поцѣлуйте меня, дитя мое. Вы достойны быть женою героя, а вышли замужъ за одного изъ самыхъ слабыхъ людей на свѣтѣ. Да простить меня Господь, что я такъ говорю о своемъ сынѣ. Но я держусь такого мнѣнія и должна его высказать.

Я не могла дозволить даже матери Юстаса дурно отзываться о немъ; для защиты мужа я нашла въ себѣ силы отвѣчать ей.

— Я горжусь вашимъ добрымъ мнѣніемъ, м-съ Мокаланъ, но мнѣ больно, простите за мою откровенность, что вы такъ дурно отзываетесь объ Юстасѣ. Я не могу согласиться, чтобъ мой мужъ былъ самымъ слабымъ изъ людей.

— Конечно, нѣтъ, отвѣчала старуха; — вы, какъ всѣ хорошія женщины, дѣлаете изъ мужа героя, заслуживаетъ-ли онъ этого или нѣтъ. Вашъ мужъ имѣетъ много хорошихъ качествъ и мнѣ они извѣстны лучше, чѣмъ вамъ. Но все его поведеніе, съ той минуты, какъ онъ вошелъ въ домъ вашего дяди, обнаруживаетъ, повторяю снова, самую непростительную слабость характера. Что, вы думаете, онъ сдѣлалъ въ концѣ концовъ? Онъ поступилъ въ челоуѣколюбивое братство и отправился на театръ войны въ Испанію съ краснымъ крестомъ на рукѣ, тогда какъ ему слѣдовало-бы на колѣняхъ просить прощенія у жены. Я не могу не

признать всего этого за доказательство самаго слабого характера. Другіе люди, быть можетъ, выразились-бы гораздо рѣзче.

Эти вѣсти поразили и испугали меня. Я могла покорно выносить временную разлуку съ мужемъ, но я съ женскимъ инстинктомъ возстада противъ того, чтобъ онъ подвергалъ свою жизнь опасности во время этой разлуки. Его поступокъ казался мнѣ очень жестокимъ, но я не хотѣла этого обнаружить его матери. Я старалась быть такой-же хладнокровной, какъ она, и твердо оспаривала ея доводы. М-съ Мокаланъ продолжала осуждать своего сына.

— Я всего болѣе обвиняю его въ томъ, что онъ васъ не понималъ. Если-бъ онъ женился на дурѣ, его поведеніе можно было-бы еще извинить. Онъ имѣлъ-бы основаніе скрывать отъ дуры свой первый бракъ и процессъ по обвиненію въ убійствѣ его жены, а когда эта дура открыла-бы случайно истину, то онъ поступилъ-бы благоразумно, удалившись прежде, чѣмъ она стала-бы подозрѣвать его въ желаніи отравить ее. Но вы не дура. Я убѣдилась въ этомъ съ перваго взгляда. Какъ-же онъ этого не понималъ? Отчего онъ съ самаго начала не повѣрилъ вамъ своей тайны и зачѣмъ похитилъ вашу любовь подъ вымышленнымъ именемъ? Зачѣмъ онъ вознамѣрился (по его собственному сознанію) увести васъ за границу, боясь, чтобъ кто-нибудь его не призналъ въ вашемъ присутствіи? Какой отвѣтъ можно дать на всѣ эти вопросы? Чѣмъ объяснить его непонятное поведеніе? Отвѣтъ и объясненіе одно. Мой бѣдный сынъ наслѣдовалъ—не отъ меня, а отъ отца,—чрезвычайную слабость характера, выражающуюся какъ въ его мнѣніяхъ, такъ и въ поступкахъ. Онъ, какъ всѣ слабые люди, очень упрямъ и неблагоразуменъ. Вы теперь знаете всю правду. Не краснѣйте и не сердитесь. Я его люблю не менѣе васъ. Я также вижу его достоинства и одно изъ нихъ заключается въ томъ, что онъ женился на женщинѣ съ умомъ и твердой волей, столь любящей и преданной ему, что она не дозволяетъ даже его матери находить въ немъ недостатки. Доброе, милое дитя мое, я люблю васъ за то, что вы меня ненавидите.

— О! сударыня, не говорите, что я васъ ненавижу! воскликнула я, хотя, въ сущности, въ эту минуту питала къ ней нѣчто въ родѣ ненависти;—и полагаю только, что вы смѣшиваете слабохарактернаго человѣка съ человѣкомъ деликатныхъ чувствъ. Нашъ милый, несчастный Юстасъ...

— Юстась человекѣкъ деликатныхъ чувствѣхъ, окончила мою фразу м-съ Мокаланъ.— Оставимъ этотъ споръ, моя милая, и перейдемъ къ другому предмету. Любопытно, будемъ-ли мы различнаго о немъ мнѣнія.

— Къ какому предмету, сударыня?

— Не называйте меня сударыней, а матушкой.

— Къ какому предмету, матушка? повторила я.

— Къ вашей рѣшимости разыграть роль высшаго апелляціоннаго суда и заставить весь міръ произнести новый, справедливый приговоръ по дѣлу Юстаса. Вы серьезно на это рѣшились?

— Да.

— Вы знаете, какъ я уважаю ваше мужество и любовь къ моему несчастному сыну, продолжала м-съ Мокаланъ послѣ минутнаго размышленія;—вы видите, что я говорю искренно, но не могу дозволить вамъ предпринять невозможное, рисковать вашимъ счастьемъ и репутаціей. Дитя мое, то, что вы задумали, не можетъ быть исполнено ни вами, ни кѣмъ другимъ. Бросьте всѣ ваши планы.

— Я вамъ очень благодарна, м-съ Мокаланъ...

— Матушка.

— Я вамъ очень благодарна, матушка, за ваше участіе, но я не могу бросить моихъ плановъ. Права-ли я или нѣтъ, одержу-ли я успѣхъ или потерплю поражение, но я рѣшила попытаться.

М-съ Мокаланъ посмотрѣла на меня внимательно, вздохнула и промолвила какъ-бы про себя:

— О! юность, юность! какое великое дѣло юность!

Потомъ, поборовъ возникшее въ ней мгновенно сожалѣніе объ ея исчезнувшей молодости, она неожиданно, почти грубо воскликнула:

— Что-же вы намѣрены дѣлать?

Въ эту минуту мнѣ вдругъ пришла въ голову мысль, что, вѣроятно, м-съ Мокаланъ могла меня познакомить съ Декстеромъ. Она должна была его знать, какъ стараго друга ея сына и частаго гостя въ Гленинчѣ.

— Я намѣрена посовѣтоваться съ Мизеримусомъ Декстеромъ, сказала я смѣло.

М-съ Мокаланъ воскликнула съ изумленіемъ:

— Вы съума сошли!

Я объяснила ей такъ-же, какъ маіору Фицъ-Дэвиду, что имѣла причины считать совѣты м-ра Декстера очень полезными для моего дѣла.

— А я имѣю причины полагать, отвѣчала м-съ Мокаланъ, — что весь вашъ планъ безумный, и потому вы совершенно основательно обращаетесь за помощью къ сумасшедшему. Не бойтесь, дитя мое, онъ вовсе не опасенъ и не причинитъ вамъ ни малѣйшаго вреда. Я хочу только сказать, что Мизеримусъ Декстеръ — послѣдній человѣкъ, у котораго должна была-бы спросить совѣта молодая женщина въ вашемъ грустномъ положеніи.

Не странно-ли было, что м-съ Мокаланъ повторила почти слово въ слово то, что сказалъ мнѣ маіоръ? Но это второе предостереженіе такъ-же мало на меня подѣйствовало, какъ первое, и только усилило мою рѣшимость поставить на своемъ.

— Ваши слова меня удивляютъ, сказала я: — показаніе м-ра Декстера на судѣ очень ясно и разумно.

— Конечно, отвѣчала м-съ Мокаланъ: — стенографы и редакторы газетъ придали его показанію приличную форму, но если-бы вы сами слышали его рѣчь, то или посмѣялись-бы надъ нимъ, или онъ сталь-бы вамъ противенъ, смотря по вашему настроенію. Онъ началъ свое показаніе довольно разумно и смиренно объяснилъ значеніе своего нелѣпаго имени, такъ что смѣхъ слушателей тотчасъ прекратился. Но чѣмъ далѣе онъ говорилъ, тѣмъ болѣе обнаруживалъ свое безуміе. Онъ смѣшивалъ въ своихъ словахъ разумныя замѣчанія съ нелѣпостями; его нѣсколько разъ призывали къ порядку и даже грозили подвергнуть штрафу за оскорбленіе суда. Однимъ словомъ, онъ попеременно себя выказывалъ то человѣкомъ разумнымъ, то сумасшедшимъ. Вообще трудно найти на свѣтѣ человѣка, который былъ-бы менѣе его способенъ на какіе-бы то ни было совѣты. Я надѣюсь, что вы не рассчитываете на меня для знакомства съ нимъ.

— Я именно на это рассчитывала, отвѣчала я; — но послѣ всего, что вы сказали, м-съ Мокаланъ, я, конечно, отказалась отъ этой мысли. Впрочемъ, я жертвую немногимъ. Мнѣ только придется подождать недѣлю до обѣда маіора Фицъ-Дэвида, на который онъ обѣщалъ пригласить м-ра Декстера.

— Какъ это походитъ на маіора! воскликнула моя свекровь; — со-

жалѣю васъ, если вы ему вѣрите. Вы, вѣроятно, просили его познакомиться васъ съ Декстеромъ?

— Да.

— Декстеръ его презираетъ, моя милая, и маюръ очень хорошо знаетъ, что онъ не приметъ его приглашенія. Фицъ-Дэвидъ не рѣшился прямо и честно отказать вамъ, а прибѣгнулъ къ хитрой уловкѣ.

Эта вѣсть была очень неутѣшительна, но я слишкомъ упорно держалась за свой планъ, чтобы могла признать себя побѣжденной.

— Дѣлать нечего, сказала я, — мнѣ придется написать м-ру Декстеру и просить его назначить мнѣ свиданіе.

— Если онъ согласится, то вы однѣ поѣдете къ нему? спросила м-съ Мокаланъ.

— Конечно, одна.

— Вы твердо на это рѣшились?

— Твердо.

— Я не позволю вамъ ѣхать одной.

— Снѣю васъ спросить, какъ вы мнѣ помѣшаете?

— Очень просто, я поѣду съ вами, упрямый ребенокъ. Я также бываю упорна, когда захочу. Но помните, что я не желаю ничего знать о вашихъ планахъ или принимать въ нихъ участіе. Мой сынъ и я покорились шотландскому приговору. Только вы хотите съизнова поднять всю исторію. Вы самонадѣянная, черезчуръ смѣлая женщина, но вы мнѣ нравитесь и я не пущу васъ безъ себя къ Декстеру. Надѣвайте шляпку.

— Какъ, теперь? спросила я.

— Да, моя карета у крыльца, и чѣмъ скорѣе мы покончимъ это дѣло, тѣмъ я буду спокойнѣе. Одѣвайтесь и не теряйте времени.

Я не заставила себя ждать и черезъ десять минутъ мы уже ѣхали къ Мизеримусу Декстеру.

Вотъ каковъ былъ результатъ перваго визита моей свекрови.

ГЛАВА XXIV.

Первый взглядъ на Мизеримуса Декстера.

Мы кончили завтракъ прежде, чѣмъ м-съ Мокаланъ пріѣхала въ коттеджъ Бенджамина. Послѣдующій мой разговоръ съ нею

(я передала его только въ краткомъ извлеченіи) продолжался до вечера; и когда мы сѣли въ экипажъ, то солнце уже садилось, а по дорогѣ насъ застали сумерки. Впродолженіи часа мы ѣхали по лабиринту узкихъ и грязныхъ улицъ сѣвернаго предмѣстья Лондона и, наконецъ, выбравшись изъ этого хаоса, мы очутились въ мѣстности, которая, судя по большимъ пустырямъ, была ни городомъ, ни деревней. Послѣ этой пустыни показались разбросанныя тамъ и сямъ группы небольшихъ мрачныхъ домиковъ, которые, казалось, перенесены были какимъ-то чудомъ изъ отдаленной деревни въ блестящую столицу. Окружающіе предметы становились все мрачнѣе и мрачнѣе, пока, наконецъ, экипажъ не остановился.

— Вотъ дворецъ принца Декстера, моя милая, сказала м-съ Мокаланъ своимъ обычнымъ рѣзкимъ, сатиричнымъ тономъ; — какъ вы его находите?

Я взглянула вокругъ себя и не знала, что отвѣтить.

Мы вышли изъ экипажа и стояли на песчаной дорожкѣ. Направо и налево отъ насъ виднѣлось нѣсколько новыхъ, еще строящихся домовъ. Повсюду валялись доски и кирпичи, а мѣстами возвышались лѣса. За ними, по другую сторону дороги, простиралось громадное незастроенное пространство. На этой обширной пустынѣ виднѣлись въ мистическомъ полумракѣ бѣлыя тѣни бродячихъ утокъ. Передъ нами, въ разстояніи двухъ сотъ футовъ или болѣе, возвышалась черная масса. Мало-по-малу я разглядѣла въ темнотѣ длинный, низенькій, старинный домъ, окруженный чернымъ заборомъ. Лакей повелъ насъ къ этому забору чрезъ валявшіеся на землѣ доски, кирпичи и всякаго рода обломки. Вотъ каковъ былъ дворецъ принца Декстера.

Въ черномъ заборѣ была калитка, а въ ней лакей съ трудомъ отыскалъ ручку отъ колокольчика. Онъ дернулъ ее изо всей силы, и, судя по звону, колокольчикъ былъ огромнаго размѣра, годный скорѣе для церкви, чѣмъ для простого дома.

Пока мы ждали у калитки, м-съ Мокаланъ сказала мнѣ, указывая на длинное, мрачное, старинное зданіе.

— Это одна изъ безумныхъ фантазій Декстера. Спекуляторы, строящіе дома въ этомъ новомъ кварталѣ, предложили ему за старый домъ нѣсколько тысячъ фунтовъ. Въ старину это было жилище мѣстнаго землевладѣльца, а Декстеръ купилъ его много

лѣтъ тому назадъ чисто изъ фантазіи. Его не привязываютъ къ этому мѣсту никакія семейныя воспоминанія; домъ еле держится, а предлагаемая сумма была-бы ему очень кстати. Но онъ отказался отъ всѣхъ предложеній и далъ спекуляторамъ слѣдующій письменный отвѣтъ: „Мой домъ представляетъ живой памятникъ красоты и живописности посреди уродливыхъ, пошлыхъ и подлыхъ построекъ уродливаго, пошлаго и подлаго вѣка. Я, господа, оставляю домъ за собою и пусть онъ послужить вамъ полезнымъ урокомъ. Возводи ваши презрѣнныя постройки вокругъ него, смотрите на этотъ памятникъ и краснѣйте, если вы можете, за дѣло своихъ рукъ“. Слыхали-ли вы когда-нибудь о такомъ нелѣпомъ письмѣ? Но тише, я слышу шаги въ саду. Это его двоюродная сестра. Я предупреждаю васъ, что она женщина, а то, пожалуй, вы въ темнотѣ примете ее за мужчину.

За калиткой раздался грубый, громкій голосъ, который я, конечно, никогда не приняла-бы за женскій.

— Кто тамъ?

— М-съ Мокаланъ.

— Что вамъ надо?

— Я желаю видѣть Декстера.

— Вы не можете его видѣть.

— Отчего?

— Какъ вы себя назвали?

— М-съ Мокаланъ, мать Юстаса Мокалана. Теперь вы понимаете?

Грубый голосъ что-то промчалъ и черезъ минуту калитка отворилась. Войдя въ садъ, я въ темнотѣ не могла разсмотрѣть женщины, впустившей насъ; я замѣтила только, что на головѣ у нея была мужская шляпа. Заперевъ за нами калитку, она, не говоря ни слова, повела насъ къ дому. М-съ Мокаланъ шла за нею очень свободно, видимо хорошо зная мѣстность, а я слѣдовала за ней какъ можно ближе.

— Славное семейство, нечего сказать, промолвила она попутно:—двоюродная сестра Декстера единственная женщина въ домѣ и она совершенная идиотка.

Мы вошли въ большую, низкую приемную, освѣщенную одною масляной лампой. На стѣнахъ висѣли картины, но въ полутемнотѣ ихъ невозможно было разсмотрѣть.

— Теперь скажите, произнесла м-съ Моваланъ, обращаясь къ безмолвной жевцинѣ въ мужской шляпѣ:—отчего мы не можемъ видѣть Декстера?

Жевщина взяла со стола листъ бумаги и подала его м-съ Моваланъ.

— Это писалъ господинъ, сказала она хриплымъ попитомъ, словно самое слово „господинъ“ пугало ее. — Возьмите и прочтите. Питомъ оставайтесь или уѣзжайте, какъ хотите.

Съ этими словами она отворила потайную дверь въ стѣпѣ, скрытую картинами, и исчезла, какъ призракъ.

М-съ Моваланъ подошла къ лампѣ и стала читать бумагу, поданную ей странной жевщиной. Я безъ церемоніи взглянула чрезъ ея плечо. На бумагѣ были написаны крупнымъ, твердымъ почеркомъ слѣдующія удивительныя слова:

„Объявленіе. — Мое громадное воображеніе работаетъ. Призраки героевъ являются передо мной. Я воскрешаю въ себѣ души всѣхъ великихъ покойниковъ. Мозгъ кипитъ въ моей головѣ. Всякій, кто нарушитъ мое одиночество при существующихъ обстоятельствахъ, рискуетъ своей жизнью.—Декстеръ“.

М-съ Моваланъ взглянула на меня съ саркастической улыбкой.

— Вы по-прежнему настаиваете на своемъ желаніи познакомиться съ нимъ? спросила она.

Ея насмѣшливый тонъ оскорбилъ мою гордость и я рѣшилась не отступать.

— Конечно, да, если я не подвергаю вашу жизнь опасности, отвѣчала я, указывая ей на бумагу.

Свекровь не удостоила меня отвѣтомъ, положила бумагу на столъ и пошла къ аркѣ, за которой видѣлась широкая деревянная лѣстница.

— Слѣдуйте за мной, сказала она, взбираясь въ темнотѣ по ступенямъ;—я знаю, гдѣ его найти.

Добравшись до первой площадки, мы увидели слабый свѣтъ масляной лампы, прикрѣпленной гдѣ-то надъ нами. На вторую площадку выходилъ маленькій коридоръ; и пройдя его, мы вошли чрезъ отворенную дверь въ круглую комнату, на каминѣ которой горѣла лампа. Стѣна, противоположная двери, была завѣшена драпировкой.

М-съ Мокаланъ отдернула ее и, махнувъ рукою, чтобъ я слѣдовала за нею, сказала мнѣ шопотомъ:

— Прислушайтесь.

За драпировкой была небольшая мрачная ниша, въ концѣ которой находилась затворенная дверь. Я стала прислушиваться: по ту сторону двери раздавался громкій голосъ, покрываемый отъ времени до времени какимъ-то страннымъ шумомъ и свистомъ колесъ. Эти диковинные звуки то страшно усиливались и заглушали громкій голосъ, то какъ-бы удалялись въ пространство и тогда голосъ бралъ верхъ. Надо было думать, что дверь была очень толста и массивна, такъ-какъ, несмотря на все мое вниманіе, я не могла различить словъ, произносимыхъ страннымъ голосомъ, и объяснить себѣ происхожденіе звуковъ, акомпанировавшихъ ему.

— Что тамъ происходитъ за дверью? спросила я шопотомъ у м-съ Мокаланъ.

— Подойдите и увидите, отвѣчала свекровь.

Она устроила драпировку такъ, чтобы свѣтъ лампы не падалъ на насъ, и, взявшись за ручку двери, тихонько отворила ее.

Изъ своего мрачнаго убѣжища я увидала въ открытую дверь длинную, низенькую комнату, еле освѣщенную догоравшимъ огнемъ въ каминѣ. Средина комнаты, находившаяся противъ двери, была освѣщена красноватымъ отблескомъ, а оконечности комнаты находились въ совершенномъ мракѣ. Не успѣла я всего этого сообразить, какъ странный шумъ и свистъ колесъ приблизились къ намъ. Мимо двери пронеслось высокое кресло на колесахъ; сидѣвшая въ немъ призрачная фигура, съ развѣвающимися волосами, приводила его въ движеніе съ удивительной быстротой.

— Я Наполеонъ при восходѣ аустерлицкаго солнца! громко восклицалъ онъ, катясь на своемъ креслѣ;—отъ одного моего слова престолы колеблются, короли исчезаютъ, народы содрагаются и тысячи людей погибаютъ на полѣ брани!

Черезъ минуту кресло исчезло въ темнотѣ, а когда оно снова возвратилось къ камину, то Декстеръ былъ уже новымъ героемъ.

— Я Нельсонъ! восклицалъ онъ;—я веду флотъ на враговъ при Трафальгарѣ. Я раздаю приказанія, пророчески сознавая свою побѣду и смерть. Я вижу мой апотеозъ: общественные похороны, слезы народа, могилу въ знаменитой церкви! Отдаленныя

поколѣнія помнятъ мое имя и поэты воспѣваютъ его въ безсмертныхъ стихахъ!

Снова колеса застучали и снова этотъ фантастичный, страшный призракъ, новый Центавръ, полу-человѣкъ и полу-кресло, вернулся къ намъ.

— Я—Шекспиръ, продолжалъ онъ дико декламировать:—я пишу „Лира“, величайшую изъ древнихъ и новыхъ трагедій. Я поэтъ изъ поэтовъ. Дайте свѣта, свѣта! Изъ моего умственного волкана течетъ поэтическая лава; дайте свѣта, свѣта! Дайте поэту всѣхъ временъ и народовъ записать свои безсмертные стихи!

Онъ опять понесся по комнатѣ и, приблизясь къ камину, увидалъ отворенную дверь. Въ эту минуту уголья вдругъ вспыхнули и освѣтили наши фигуры. Кресло съ шумомъ остановилось, но черезъ секунду, какъ дикій звѣрь, понеслось прямо на насъ. Мы едва успѣли отскочить, и кресло врѣзалось въ драпировку. Чудовищный призракъ остановилъ свою колесницу и взглянулъ черезъ плечо съ ужасающимъ любопытствомъ.

— Куда онъ исчезли? воскликнулъ онъ; — неужели я стеръ ихъ съ лица земли за дерзкое нарушеніе моего одиночества?

Глаза его дико искали насъ, и когда онъ увидалъ наши фигуры, спрятанныя за драпировкой, онъ мысленно возвратился къ Шекспиру и Лире.

— Гонерилья и Регана, продолжалъ онъ,—зачѣмъ вы, мои неестественныя дочери, злобныя чертовки, пришли сюда надо мною издѣваться?

— Ничуть не бывало, сказала свекровь спокойнымъ тономъ, словно говорила съ обыкновеннымъ человѣкомъ:—я вашъ старый другъ, и съ Мокаланъ, а съ собой я привезла вторую жену Юстаса Мокалана.

Не успѣла она произнести этихъ послѣднихъ словъ, какъ Декстеръ соскочилъ со стула съ громкимъ крикомъ ужаса, словно его поразили кинжаломъ въ сердце. Мы увидали въ воздухѣ голову и туловище, лишенное ногъ, а черезъ минуту это чудовищное существо упало на руки съ лѣвостью обезьяны. Потомъ, съ необыкновенной быстротой, онъ въ нѣсколько прыжковъ очутился у камина и тамъ, прижавшись въ уголокъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, промолвилъ десятки разъ:

— Сжальтесь надо мной, сжальтесь надо мной!

Вотъ какъ былъ человѣкъ, у котораго я хотѣла просить помощи и совѣта.

ГЛАВА XXV.

Второй взглядъ на Мизеримуса Декстера.

Совершенно разочарованная и, признаться сказать, чрезвычайно испуганная, я произнесла шопотомъ, обращаясь къ м-съ Мокаланъ:

— Я виновата, а вы правы, пойдите отсюда.

Слухъ Мизеримуса Декстера былъ чувствителенъ, какъ у собаки, и онъ услышалъ мои послѣднія слова.

— Нѣтъ, воскликнулъ онъ: — пройдите сюда со второй женой Юстаса Мокалана; я джентльменъ и долженъ передъ ней извиниться. Я изучаю человѣческую натуру и хочу ее видѣть.

Въ Декстерѣ произошла совершенная перемѣна. Онъ говорилъ теперь мягкимъ голосомъ и вздохнулъ истерически, какъ женщина, оуправляясь отъ долгихъ всхлипываній.

— Припадокъ его кончился, сказала м-съ Мокаланъ;—хотите уйти?

— Нѣтъ, отвѣчала я,—я готова остаться.

— Вы уже снова вѣруете въ него? спросила свекровь обычнымъ сатирическимъ тономъ.

— Я его болѣе не боюсь, отвѣчала я.

— Миѣ очень жаль, что я васъ напугалъ, произнесъ Декстеръ тѣмъ-же мягкимъ голосомъ; — нѣкоторые говорятъ, что я по временамъ схожу сума. Если это справедливо, то вы, вѣроятно, застали меня въ одну изъ такихъ минутъ. Сознаюсь, я дѣйствительно мечтатель. Мое воображеніе упосать меня на своихъ крыльяхъ и я страшно говорю и страшно поступаю. Въ подобныхъ случаяхъ, всякій, кто напоминаетъ миѣ о страшномъ процессѣ, заставляетъ меня переноситься въ прошлое и ощущать невообразимое первое страданіе. У меня очень нѣжное сердце, и потому, въ такомъ свѣтѣ, какъ нашъ, я несчастный человѣкъ. Сдѣлайте одолженіе, извините меня, пожалуйста и войдите въ комнату.

Ребенокъ не могъ-бы теперь бояться его, подошелъ-бы къ нему и пожалѣлъ его.

Въ комнатѣ становилось все темпѣе и темпѣе. Мы едва видѣли прижавшую къ камину фигуру Декстера.

— Вы не зажете огня? спросила м съ Мокаланъ;—или вы позволите вашей новой знакомой видѣть васъ внѣ вашего кресла?

Онъ поднесъ къ своимъ губамъ блестящій металлическій свистокъ, висѣвшій у него на шеѣ, и въ комнатѣ раздались рѣзкія, чисто-птичьи ноты. Черезъ минуту въ другомъ концѣ дома раздались точно такіе же звуки.

— Ариель сейчасъ придетъ, сказалъ онъ.—Успокойтесь, тетенька Мокаланъ, Ариель придастъ мнѣ приличный видъ.

Сказавъ это, онъ въ нѣсколько прыжковъ очутился въ другомъ концѣ комнаты.

— Подождите немного, продолжалъ онъ,—и вы увидите диковинку—„нѣжпую Ариель“.

Въ круглой комнатѣ раздались тяжелые шаги.

— Ариель, произнесъ Декстеръ самымъ мягкимъ голосомъ.

Къ величайшему моему изумленію, грубый, мужской голосъ женщины, встрѣтившей насъ и болѣе походившей на Калибана, чѣмъ на Ариеля, отвѣчалъ:

— Здѣсь.

— Дай мнѣ кресло, Ариель.

Женщина, такъ странно прозванная, отдернула занавѣси на двери, чтобъ освѣтить нѣсколько комнату, и, пододвинувъ кресло Декстеру, подняла его съ полу, какъ ребенка. Но прежде, чѣмъ она посадила его въ кресло, онъ самъ выскочилъ изъ ея рукъ и съ радостнымъ крикомъ опустился на свой обычный пьедесталъ, словно птица на вѣтку.

— Принеси лампу и зеркало, сказалъ Декстеръ, и, обращаясь къ намъ, прибавилъ:—извините, что я повертываю къ вамъ спину; но вы не должны видѣть моихъ волосъ прежде, чѣмъ ихъ приведутъ въ порядокъ. Ариель, щетку, гребень, духи.

Черезъ нѣсколько минутъ второй Ариель или, иначе сказать, двоюродная сестра Декстера явилась, держа въ одной рукѣ лампу, въ другой—зеркало, а въ зубахъ щетку. Теперь впервые я могла разсмотрѣть это странное созданіе, ея круглое, пухлое, безъ всякаго выраженія лицо, мутные глаза, толстый носъ и грубый

подбородокъ. Это полу-живое, полу-созвательное существо, походившее скорѣе на животное, чѣмъ на человѣка, было одѣто въ мужскую, матроскую куртку, на ногахъ ея были толстыя мужскіе сапоги и только красная шерстяная юбка и сломанный гребень въ курчавыхъ волосахъ напоминали, что она женщина. Этотъ странный камердинеръ, подавъ зеркало своему еще болѣе странному господину, принялся за дѣло.

Она причесала и надушила его волосы и бороду съ удивительною быстротою, хотя, повидимому, безсознательно. Несмотря на ея тупые взгляды и уродливыя ухватки, она исполняла свои обязанности очень старательно, а Декстеръ наблюдалъ за каждымъ ея движеніемъ, смотря въ зеркало. Онъ былъ слишкомъ поглощенъ этимъ занятіемъ, чтобы говорить, и только когда Ариэль, кончая прическу, встала противъ него, онъ, не оборачивая головы, произнесъ:

— Тетенька Мокаланъ, какъ зовутъ вторую жену вашего сына?

— А зачѣмъ вамъ знать ея имя? спросила свекровь.

— Мнѣ надо. Не могу-же я называть ее и-съ Мокаланъ.

— Отчего-же нѣтъ?

— Оттого, что это имя напоминаетъ мнѣ другую. А если я вспомню страшные гленинчскіе дни, то мое мужество исчезнетъ и я снова начну бѣсноваться.

Услыхавъ это, я поспѣшила сказать:

— Меня зовутъ Валерія.

— Это римское имя, сказалъ Мизеримусъ Декстеръ;—мнѣ оно нравится. У меня вообще римскій складъ ума, и если-бъ у меня были ноги, то я и физически походилъ-бы на римлянина. Я буду звать васъ, если позволите, и-съ Валерія.

Я поспѣшила выразить свое согласіе.

— Хорошо, продолжалъ Мизеримусъ Декстеръ;—видите-ли вы, и-съ Валерія, лицо существа, стоящаго противъ меня.

Онъ указалъ зеркаломъ на двоюродную сестру съ такимъ-же пренебреженіемъ, какъ-будто она была собака. Съ своей стороны, она также не обратила никакого вниманія на его оскорбительное движеніе и продолжала съ прежнимъ спокойствіемъ причесывать его бороду.

— Это лицо идіота, не правда-ли? продолжалъ онъ; — посмо-

трите на нее, она болѣе походить на растеніе, чѣмъ на человека. Въ капустѣ болѣе выраженія и жизни, чѣмъ въ этой дѣвушкѣ. Конечно, вы никогда не повѣрите, чтобъ въ такомъ полуразвитомъ созданіи скрывались умъ, гордость, преданность и любовь?

Мнѣ было совѣстно ему отвѣчать, хотя молодая дѣвушка съ прежней, непонятной, бессознательной апатіей продолжала заниматься туалетомъ своего господина, не обращая ни на что вниманія.

— Я открылъ въ этомъ созданіи любовь, гордость, преданность и другія благородныя чувства, сказалъ Мизеримусъ Декстеръ;— у меня въ рукахъ ключъ къ ея дремлющему уму. Смотрите на нее и слушайте, м-съ Валерія. Я назову ее по имени, которое я далъ ей изъ ироніи, а она привыкла къ нему, какъ собака къ ошейнику. Аріель!

Тупое лицо молодой дѣвушки вдругъ какъ-бы озарилось мыслью; ея механически двигавшіяся руки остановились.

— Аріель, ты научилась причесывать мои волосы и душить мою бороду?

— Да, да, да, отвѣчала она послѣшно, совершенно просіявъ;— и вы говорите, что я хорошо это дѣлаю, не правда-ли?

— Да; а желала-ли-бы ты, чтобы кто-нибудь другой исполнялъ твои обязанности?

Въ глазахъ ея свергнула жизнь и ея странный, мужской голосъ произнесъ нѣжно, гордо:

— Никто не дотронется до васъ, пока я жива.

— Даже эта леди? спросилъ Декстеръ, указывая на меня зеркаломъ.

Ея глаза свергнули гнѣвомъ и, грозя мнѣ гребнемъ, она воскликнула въ припадкѣ ревности:

— Пусть она дотронется до васъ, если смѣетъ! пусть она попробуетъ!

— Хорошо, моя нѣжная Аріель, сказалъ Декстеръ со смѣхомъ;— теперь довольно, ты можешь принять свою обычную личину. Окончи мой туалетъ.

Она снова пассивно принялась за свое дѣло. Блескъ ея глазъ и выраженіе лица мало-по-малу исчезли. Черезъ минуту ея лицо стало такъ-же бессознательно и безумно, какъ и прежде; руки ея

механически бѣгали по головѣ и бородѣ Декстера съ той безжизненной быстротой, которая такъ непріятно меня поразила съ самаго начала. Декстеръ, казалось, очень былъ доволенъ результатомъ своего опыта.

— Я полагалъ, что это васъ заинтересуетъ, сказалъ онъ. — Вы видите, что дремлющія умственные способности моей двоюродной сестры походятъ на сокровенные звуки музыкальнаго инструмента. Я дотрогиваюсь до клавишей—и они издають звукъ. Она очень довольна, когда я произвожу этотъ опытъ, но величайшее ея удовольствіе—слушать сказки, и чѣмъ запутаннѣе, чѣмъ сложнѣе сказка, тѣмъ она болѣе ее любитъ. Это очень забавно и я вамъ когда-нибудь доставлю это удовольствіе. Ну, прибавилъ онъ, смотря одобрительно въ зеркало,—теперь хорошо, ступай, Аріель.

Она вышла изъ комнаты, стуча своими тяжелыми сапогами и слѣпо повинаясь его волѣ, какъ безсловесное животное. Когда она проходила мимо меня, я сказала ей „прощайте“, но она даже не повела глазами, словно мои слова не произвели никакого впечатлѣнія на ея тупой мозгъ. Голосъ, который одинъ вліялъ на нее, теперь безмолствовалъ. Она снова стала тѣмъ безчувственнымъ, апатичнымъ существомъ, которое отворило намъ калитку.

— Валерія, сказала мнѣ свекровь,—скромный хозяинъ дожидается, чтобъ ты высказала о немъ свое мнѣніе.

Пока глаза мои были устремлены на его двоюродную сестру, онъ повернулъ кресло и находился теперь противъ насъ. Свѣтъ лампы падалъ прямо на него. Описывая его наружность во время процесса я невольно передала свое собственное впечатлѣніе, произведенное имъ на меня въ послѣдующую эпоху. Теперь я видѣла передъ собою блестящее, умное лицо, большіе, ясные голубые глаза, роскошные, вьющіеся каштановые волосы, длинныя, кѣжныя, бѣлыя руки и могучую грудь; все это уже описано мною ранѣе. Его уродство, уничтожавшее всю красоту верхней части тѣла, было скрыто роскошной пестрой, восточной одеждой, перекинутой черезъ кресло, какъ покрывало. На немъ была широкая черная бархатная куртка съ большими малахитовыми пуговицами, а на рукахъ кружевные манжеты, какія носили въ прошломъ столѣтіи. Я рѣшительно не видѣла въ немъ теперь никакихъ признаковъ сумасшествія и ничего отвратительнаго.

Единственный недостатокъ, который я нашла въ его лицѣ, заключался въ морщинкахъ, которыя образовывались у внѣшняго угла его глазъ, когда онъ улыбался или смѣялся, что представляло странный контрастъ съ его почти юношескимъ лицомъ. Ротъ, на-сколько борода и усы позволяли его разглядѣть, былъ небольшой и нѣжно очерченный. Носъ, строго-греческій, былъ, быть можетъ, слишкомъ тонокъ въ сравненіи съ полными щеками и массивнымъ, высокимъ лбомъ. Вообще, говоря о немъ съ точки зрѣнія женщины, а не фізіономиста, онъ былъ чрезвычайно красивъ. Живописецъ охотно списалъ-бы съ него Святого Іоанна, а молодая дѣвушка, не зная, что скрывала восточная одежда, сказала-бы, взглянувъ на него: „вотъ герой моихъ мечтаній“.

— Ну, м-съ Валерія, сказалъ онъ спокойно;—пугаю я васъ теперь?

— Конечно, нѣтъ, м-ръ Декстеръ.

Его голубые глаза, большіе, какъ у женщины, ясные, какъ у ребенка, впились въ меня съ такимъ страннымъ выраженіемъ, что я была поневолѣ заинтересована и поражена.

Въ его странномъ взглядѣ виднѣлось то безпокойное, тяжелое сомнѣніе, то открытое удовольствіе, которое убѣдило-бы суетную женщину, что она съ перваго раза побѣдила его. Вдругъ новое чувство овладѣло имъ. Глаза его померкли, голова опустилась и онъ сдѣлалъ правой рукою жестъ сожалѣнія. Онъ началъ бормотать что-то про себя, очевидно, переносясь мыслями въ прошедшее. Я только по временамъ могла разслышать отрывочныя слова, но и по нимъ я могла отчасти судить, что происходило въ умѣ этого страннаго человѣка.

— Лицо прелестное, говорилъ онъ,—но фигура не такъ красива. Не было на свѣтѣ такой великолѣпной фигуры, какъ у *меня*... Что-то... да, что-то напоминаетъ ея очаровательную грацію. Но въ чемъ именно нахожу я сходство? Быть можетъ, въ позѣ, быть можетъ, въ движеніяхъ. Бѣдный, погибшій ангелъ! Какая жизнь! какая смерть!

Сравнивалъ-ли онъ меня съ жертвой таинственнаго яда, съ первой женой моего мужа? Его слова, казалось, подтверждали это предположеніе. Если такъ, то, очевидно, повойница пользовалась его расположеніемъ. Нельзя было не вывести этого заключенія изъ его отрывистаго тона: онъ восхищался ею при жизни

и оплакивалъ послѣ смерти. Если-бы мнѣ удалось приобрести довѣріе этого страннаго человѣка, то къ чему это привело-бы? Полезно-ли было для меня или вредно это открытое имъ сходство между мною и первой женой мужа? Мое присутствіе утѣшало-ли его или, напротивъ, повергало въ отчаяніе? Я жаждала съ нетерпѣніемъ услышать еще что-нибудь о несчастной жертвѣ таинственной отравы, но онъ не произнесъ болѣе ни одного слова. Въ немъ произошла новая перемена. Онъ вдругъ поднялъ голову и сталъ смотрѣть вокругъ себя съ выраженіемъ человѣка, неожиданно пробужденнаго отъ глубокаго сна.

— Что я сдѣлалъ? я опять далъ волю моему уму. О! глининчскій домъ! прибавилъ онъ, какъ-бы про себя, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Неужели мысль о немъ не исчезнетъ никогда изъ моей головы? О! глининчскій домъ!

Къ величайшему моему разочарованію, м-съ Мокаланъ положила конецъ дальнѣйшей исповѣди Декстера. Что-то въ его тонѣ и выраженіяхъ, касавшихся дома ея сына, повидимому, ее оскорбило и она произнесла рѣзко, рѣшительно:

— Тише, мой другъ, тише, вы, кажется, сами не знаете, что говорите.

— Я не знаю, что говорю? повторилъ онъ, внимательно устремивъ взоры на меня, а не на мою свекровь;— о! вы близорукая старуха! Гдѣ ваши очки? Взгляните на нее! Развѣ вы не видите сходства въ ея фигурѣ, а не въ лицѣ съ первой женою Юстаса?

— Пустая фантазія, отвѣчала м-съ Мокаланъ: — я не вижу никакого сходства.

— Не говорите такъ громко, шопотомъ произнесъ онъ и схватилъ ее за руку.

— Я слышала, что вы оба говорили, сказала я; — вамъ нечего со мною церемониться, м-ръ Декстеръ. Я знаю, что мой мужъ женатъ во второй разъ и что первая жена его умерла самымъ трагическимъ образомъ. Я прочла его процессъ.

— Вы знаете жизнь и смерть мученицы! воскликнулъ Декстеръ, подкатившись въ креслѣ, и прибавилъ со слезами на глазахъ: — никто достойно не цѣнилъ ея, кромѣ меня. Никто, никто!

М-съ Мокаланъ нетерпѣливо соскочила со стула и отошла въ противоположный конецъ комнаты.

— Когда вы кончите вашъ разговоръ, Валерія, то поѣдите, сказала она:—нельзя такъ долго заставлять ждать людей и лошадей въ такой мрачной труппѣ.

Для меня было въ высшей степени важно продолжать начатый Декстеромъ разговоръ и потому я представилась, что не слышала послѣднихъ словъ м-съ Мокаланъ, а какъ-бы случайно положила руку на кресло Декстера съ цѣлью задержать его подлѣ себя.

— Ваше показаніе на судѣ вполне доказало, какъ вы глубоко уважали несчастную женщину, сказала я; — но я полагаю, м-ръ Декстеръ, что вы имѣете особый взглядъ на таинственную причину ея смерти.

До произнесенія мною этихъ словъ онъ пристально смотрѣлъ на мою руку, покоющуюся на креслѣ, а теперь неожиданно поднялъ глаза и взглянулъ на меня подозрительно и гнѣвно.

— Почему вы полагаете, что я имѣю особый взглядъ на это дѣло? спросилъ онъ рѣзко.

— Я прочла объ этомъ въ процессѣ, отвѣчала я:—генераль-адвокатъ, допрашивавшій васъ на судѣ, употребилъ почти тѣ-же самыя выраженія, какъ я въ настоящую минуту. Я нисколько не желала васъ оскорбить, м-ръ Декстеръ.

Лицо его мгновенно просіяло, онъ улыбнулся и взялъ меня за руку. Его рука была холодная; я невольно вздрогнула и отдернула свою руку.

— Прошу извиненія, сказалъ онъ: — я васъ не понялъ. Я, дѣйствительно, имѣю особый взглядъ на несчастную женщину, а вы, прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, —имѣете собственный взглядъ на ея жизнь или смерть?

Я жаждала услышать отъ него болѣе; полагая, что откровенность съ моей стороны можетъ побудить его къ тому-же, я отвѣчала:

— Да.

— Вы сообщали кому-нибудь ваши мысли? продолжалъ онъ.

— Нѣтъ, еще никому.

— Странно, произнесъ онъ, стараясь прочесть мои сокровенныя думы:—какой интересъ можете вы питать въ умершей женѣ

щинѣ, которую вы никогда не видали? Зачѣмъ вы задали мнѣ этотъ вопросъ? Вы съ какимъ-нибудь намѣреніемъ пріѣхали ко мнѣ?

— Да, отвѣчала я смѣло.

— Это намѣреніе имѣеть что-либо общее съ первой женою Юстаса Мокалана?

— Да.

— Съ ея жизнію?

— Нѣтъ.

— Съ ея смертію?

— Да.

Онъ неожиданно, съ дикимъ отчаяніемъ, всплеснулъ руками и потомъ схватился за голову, какъ-бы пораженный тяжелымъ ударомъ.

— Я не могу долѣе говорить объ этомъ сегодня, сказалъ онъ;—я отдалъ-бы все на свѣтѣ, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло, но теперь я недостаточно на это силенъ. Я не могу въ настоящую минуту вспомнить ужасное прошедшее и вызвать изъ могилы несчастную мученицу. Входя въ комнату, вы слышали мои восклицанія. У меня страшное воображеніе и по временамъ оно уноситъ меня Богъ знаетъ куда. Я дѣлаюсь актеромъ и разыгрываю роли всѣхъ когда-либо существовавшихъ героевъ. Я совершенно отождествляюсь съ даннымъ лицомъ и на время я дѣйствительно тотъ герой, которымъ себя воображаю. Я не могу удержаться отъ этого. Если-бъ я не давалъ воли своему воображенію въ подобномъ припадкѣ, я сошелъ-бы съума. Поэтому я предаюсь вполне увлекающимъ меня чувствамъ. Припадокъ продолжается иногда нѣсколько часовъ и послѣ него я совершенно ослабѣваю, а нервы приходятъ въ болѣзненно-напряженное состояніе. Возбудите во мнѣ въ подобныя минуты какія-либо мрачныя воспоминанія—и я въ состояніи кричать, упасть въ обморокъ. Вы слышали мой крикъ, но я не хочу, чтобы вы меня видѣли въ истерикѣ. Нѣтъ, м-съ Валерія, я не хочу испугать васъ, невинное отраженіе погибшаго созданія. Пріѣзжайте завтра днемъ. У меня есть лошадь и кабріолетъ. Аріель, моя нѣжная Аріель, умѣеть править. Она пріѣдетъ за вами къ тетенькѣ Мокаланъ. Мы поговоримъ обо всемъ завтра; я смерть этого желаю. Завтра я буду въ состояніи васъ слушать, я буду прили-

чень, уменъ и сообщителенъ. Теперь оставимъ этотъ разговоръ, этотъ слишкомъ интересный разговоръ. Я долженъ успокоиться или голова моя лопнетъ. Музыка—лучшее наркотическое средство для впечатлительнаго ума. Гдѣ моя арфа, гдѣ моя арфа?

Съ этими словами онъ быстро понесся на креслѣ въ противоположный конецъ комнаты, мимо м-съ Мокаланъ, которая возвращалась ко мнѣ.

— Ну, вы его видѣли, сказала она съ нетерпѣнiемъ,—и онъ достаточно себя выказалъ. Скучно смотрѣть на него долѣе; поѣдемте.

Кресло возвратилось гораздо медленнѣе. Декстеръ приводилъ его въ движеніе одной рукой, а другой держалъ маленькую арфу, скорѣе походившую на классическую лиру музъ и валлійскихъ бардовъ.

— Прощайте, Декстеръ, сказала м-съ Мокаланъ.

— Подождите, отвѣчалъ онъ, махая рукой:—пусть ее послушаетъ мое пѣніе. Я никогда не исполняю чужой музыки, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—я самъ сочиняю мотивъ и слова. Дайте мнѣ минуту подумать—и я вамъ сыграю и спою импровизацію.

Онъ закрылъ глаза и припалъ головою къ арфѣ, едва слышно перебирая пальцами по струнамъ. Черезъ минуту онъ поднялъ голову, взглянулъ на меня и быстро сыгралъ прелюдію. Это была дикая, монотонная музыка, то напоминавшая медленную, восточную пляску, то строгую гармонію старинныхъ гимновъ. Слова послѣдовавшей за тѣмъ пѣсни были такъ-же дики и такъ-же смѣло попирали, какъ музыка, всѣ правила искусства. Они, безъ всякаго сомнѣнія, были сочинены на случай и я была предметомъ пѣсни. Своимъ прекраснымъ теноромъ мой поэтъ пѣлъ обо мнѣ:

Зачѣмъ она пришла
Напоминать о прошлой,
Напоминать о мертвой,
И фигурой,

И походкой?

Зачѣмъ она пришла?
Привела-ль ее судьба,
Чтобъ старинку вспоминать,
Тайны прошлаго гадать,
Чтобъ мысли подѣлять

И сомнѣнье разрѣшить?
 Привела-ль ее судьба?
 Это будущность покажетъ:
 Скоро ночь пройдетъ,
 Скоро день придетъ—
 Все узнаю я,
 Все узнаетъ и она,—
 Это будущность покажетъ.

Произнося послѣднія слова, голосъ его ослабъ и пальцы едва перебирали струны. Вздволнованный умъ нуждался въ покоѣ и онъ мгновенно нашелъ его. Голова опустилась на кресло, глаза закрылись и онъ заснулъ, обнявъ арфу, какъ засыпаетъ ребенокъ, прижавъ къ груди любимую игрушку.

Мы вышли изъ комнаты на цыпочкахъ, чтобъ не нарушить мирнаго сна Мизеримуса Декстера, поэта, композитора и сумасшедшаго.

ГЛАВА XXVI.

МОЕ УПОРСТВО.

Въ пріемной насъ ждала полусонная Аріель. Не говоря ни слова и не смотря на насъ, она проводила насъ до калитки и заперла ее, когда мы сѣли въ экипажъ.

— Прощайте, Аріель, сказала я, взглянувъ черезъ заборъ.

Но я не получила никакого отвѣта, а только слышала, какъ удалялись ея тяжелые шаги и хлопнула дверь.

Лакей между тѣмъ зажегъ фонари у кареты и, держа одинъ изъ нихъ въ рукѣ, проводилъ насъ черезъ обломки, валявшіеся на улицѣ передъ домою.

— Ну, сказала свекровь, когда мы усѣлись въ карету, — вы видѣли Мизеримуса Декстера, и я надѣюсь, что вы довольны. Я должна отдать ему справедливость, что никогда въ жизни не видала его такимъ сумасшедшимъ, какъ сегодня. Какъ вы полагаете?

— Я не хочу съ вами спорить; но что касается меня, я не убѣдилась, что онъ сумасшедшій.

— Онъ не сумасшедшій! воскликнула м-съ Мокаланъ;— послѣ

его безумнаго ватанья въ креслѣ! не сумасшедшій послѣ его нелѣпаго опыта надъ несчастной двоюродной сестрой! Не сумасшедшій послѣ того, что онъ пѣлъ романсъ, сочиненный въ вашу честь, и заснулъ въ видѣ заключенія! О, Валерія! о, Валерія! Справедливо сказалъ древній мудрецъ, что „слѣпъ тотъ, кто не хочетъ видѣть“.

— Извините меня, м-съ Мокаланъ, я видѣла все то, о чемъ вы говорите, и, признаюсь, никогда въ жизни не была я такъ изумлена и поражена. Но теперь, когда первая минута удивленія прошла и я могу обо всемъ спокойно разсуждать, я сильно сомнѣваюсь, сумасшедшій-ли онъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Конечно, онъ слишкомъ рѣзко и открыто высказываетъ мысли и чувства, которыя мы скрываемъ, какъ слабость. Я сама, признаюсь, часто воображала себя въ лицѣ другого человѣка и чувствовала при этомъ нѣкоторое удовольствіе. Точно также дѣти, если они одарены воображеніемъ, любятъ представлять изъ себя колдуній, парицъ и пр. М-ръ Декстеръ, какъ всѣ дѣти, не скрываетъ этой странности, и если это доказательство безумія, то, конечно, онъ сумасшедшій. Но я замѣтила, что когда его воображеніе успокоивалось, онъ становился Мизеримусомъ Декстеромъ и не считалъ себя болѣе ни Наполеономъ, ни Шекспиромъ. Къ тому-же надо взять въ соображеніе, что онъ ведетъ такую уединенную, скучную жизнь. Я не могу научно доказать, какое вліяніе имѣетъ эта жизнь на особенность его характера, но полагаю, что всѣ его странности объясняются разстроеннымъ воображеніемъ, а его опытъ съ бѣдной родственницей и пѣніе экспромта представляютъ слѣдствіе чрезмѣрнаго самолюбія. Я надѣюсь, что мои слова не заставятъ васъ перемѣнить обо мнѣ ваше хорошее мнѣніе, но я должна сознаться, что посѣщеніе Мизеримуса Декстера доставило мнѣ большое удовольствіе и что онъ меня очень заинтересовалъ.

— Доказываетъ-ли ваша ученая рѣчь, что вы намѣрены поддерживать съ нимъ знакомство? спросила м-съ Мокаланъ.

— Я не знаю, что скажу завтра, но сегодня я чувствую желаніе его увидѣть еще разъ, отвѣчала я. — Когда вы отошли въ другой конецъ комнаты, я успѣла ему сказать нѣсколько словъ и убѣдилась, что онъ можетъ принести мнѣ большую пользу.

— Въ чемъ? перебила меня свекровь.

— Въ томъ, что составляетъ единственную цѣль моей жизни, хотя вы, къ сожалѣнію, этого не одобряете.

— И вы намѣрены оказать ему полное довѣріе, открыть вашу душу подобному человѣку?

— Да, если я завтра буду такого-же мнѣнія, какъ сегодня. Вѣроятно, это рискъ, но я должна рисковать. Я знаю, что должна быть осторожна, но осторожность не можетъ содѣйствовать достиженію моей цѣли.

М-съ Мокаланъ не возражала, но, открывъ мѣшокъ въ каретѣ, вынула изъ него коробочку со спичками и маленькій фонарь.

— Вы меня побуждаете показать вамъ послѣднее письмо вашего мужа изъ Испаніи, сказала она:— вы увидите, какого онъ мнѣнія о вашемъ капризѣ; вы убѣдитесь, бѣдный, заблуждающійся ребенокъ, что мой сынъ не стоитъ той бесполезной жертвы, которую вы хотите принести ради него. Зажгите спичку.

Я немедленно исполнила ея желаніе. Со времени отъѣзда Юстаса я жаждала получить отъ него извѣстія, которыя могли поддержать меня послѣ столькихъ разочарованій. Въ тому-же я не знала, думаль-ли обо мнѣ когда-нибудь Юстасъ во время своего произвольнаго изгнанія. Конечно, еще рано было надѣяться на то, чтобъ онъ сожалѣлъ о своемъ необдуманномъ бѣгствѣ.

Когда фонарь былъ зажженъ и повѣшенъ между двумя передними окнами, м-съ Мокаланъ подала мнѣ письмо своего сына. Нѣтъ большаго безумія, какъ безуміе любви, и потому, увидавъ почеркъ мужа, я едва удержалась, чтобъ не поцѣловать письмо.

— Вотъ, сказала она: — начните со второй страницы: она вся посвящена вамъ. Прочтите и, заклинаю васъ небожъ, образумьтесь, пока еще не поздно.

Я повиновалась и прочла слѣдующее:

„Могу-ли я писать о Валеріи? Да, я долженъ! Увѣдомьте меня объ ея здоровьѣ, о томъ, что она дѣлаетъ. Я постоянно думаю о ней. Не проходитъ дня, чтобы я не оплакивалъ ея потери. О! если-бъ она довольствовалась своимъ положеніемъ и не открыла-бы несчастной тайны! Она говорила, когда я ее видѣлъ въ послѣдній разъ, что намѣрена прочитать прощесъ. Исполнила-ли она это намѣреніе? Мнѣ кажется, матушка, что я умеръ-бы,

увидавъ ее послѣ того, какъ она узнала всѣ подробности позорнаго подозрѣнія, заклеившаго меня на вѣки. Подумайте только объ ея невинныхъ, чистыхъ глазахъ, устремленныхъ на человека, котораго обвиняли (а никогда совершенно не оправдали) въ самомъ поддѣйшемъ изъ убійствъ, и вы согласитесь со мною, что чувства этого человека въ подобную минуту должны быть ужасны, если только онъ не потерялъ всякій стыдъ и совѣсть. Я не могу хладнокровно даже писать объ этомъ. Неужели она все еще питаетъ надежду, бѣдный ангелъ? Неужели она мечтаетъ, что въ ея власти доказать всему свѣту мою невинность? О, матушка, употребите все ваше вліяніе, чтобъ она отказалась отъ этой идеи! Избавьте ее отъ униженій, разочарованій и оскорбленій, которымъ она можетъ совершенно невинно подвергнуться. Ради нея, ради меня, не жалѣйте никакихъ средствъ для достиженія этой справедливой, человеколюбивой цѣли. Я не пишу ей, потому что не смѣю. Не говорите ей ни слова обо мнѣ, когда увидите. Напротивъ, старайтесь, чтобъ она скорѣе забыла обо мнѣ. Единственное добро, которое я могу ей сдѣлать, чтобъ загладить свою вину, это — совершенно исчезнуть изъ ея жизни“.

Этими несчастными словами кончалось письмо. Я молча подала его свекрови.

— Если это не убѣдитъ васъ отказаться отъ своего намѣренія, то ничто не убѣдитъ, сказала она, складывая письмо; — во всякомъ случаѣ, намъ нечего больше говорить.

Я ничего не отвѣчала, а плакала подъ вуалемъ. Будущее казалось мнѣ очень мрачнымъ. Мой несчастный мужъ продолжалъ безнадежно заблуждаться. Единственной надеждой намъ оставалась только моя отчаянная рѣшимость попытать счастье. Если-бъ я нуждалась въ поддержкѣ своей рѣшимости противъ увѣщеваній всѣхъ моихъ друзей, то письмо Юстаса было-бы болѣе чѣмъ достаточно въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, онъ меня не забывъ, думалъ обо мнѣ и сожалѣлъ о разлугѣ со мною. Это было хотя нѣкоторымъ утѣшеніемъ. „Если Аріель прійдетъ за мною завтра, я съ нею отправлюсь къ Декстеру“, думала я.

М-съ Мокаланъ велѣла остановиться каретѣ у дома Бенджамина.

Прощаясь съ ней, я объяснила (ранѣе я не рѣшалась ей сказать этого), что на другой день м-съ Декстеръ пришлетъ за мною

къ ней свою двоюродную сестру въ кабриолетъ, и спросила, позволитъ-ли она мнѣ отправиться изъ ея дома или пришлетъ кабриолетъ къ Бенджамину. Я ожидала вспышки гнѣва, но была пріятно изумлена. Старуха сдѣлала усиліе надъ собою, доказывая тѣмъ, что я ей дѣйствительно правила, и сказала спокойно:

— Если вы непременно захотите завтра ѣхать къ Декстеру, то, конечно, вы отправитесь не изъ моего дома. Но я надѣюсь, что вы завтра будете благоразумнѣе.

На слѣдующій день, около полудня, у дома Бенджамина остановился кабриолетъ и мнѣ подали записку м-съ Мокаланъ.

„Я не имѣю никакого права контролировать ваши дѣйствія, писала мнѣ свекровь;— посылаю кабриолетъ, но надѣюсь, что вы въ немъ не поѣдете. Какъ-бы я желала убѣдить васъ, Валерія, въ томъ, что я вашъ истинный другъ. Ночью я много думала о васъ и упрекала себя, что не приняла болѣе дѣйствительныхъ мѣръ для предотвращенія вашего несчастнаго брака. Однако, что-же я могла сдѣлать? Сынъ признался мнѣ, что ухаживалъ за вами подъ вымышленнымъ именемъ, но не открылъ ни вашего имени, ни вашего адреса. Быть можетъ, я должна была принять мѣры, чтобъ васъ розыскать и открыть вамъ тайну сына, не боясь возстановить его противъ себя. Я думала, что честно исполнила свой долгъ, не давая согласія на вашу свадьбу и не присутствуя на ней. Но теперь уже поздно разсуждать объ этомъ. Не къ чему беспокоить васъ пустымъ раскаяніемъ старухи. Но, дитя мое, если съ вами случится что-нибудь дурное, то я буду считать себя, хотя и косвенно, виновной. Я нахожусь въ такомъ волненіи, что мнѣ необходимо вамъ писать, хотя я и не имѣю сообщить ничего интереснаго. Не ѣздите къ Декстеру! Меня всю ночь преслѣдовала мысль, что ваше посѣщеніе Декстера кончится дурно. Напишите, что не можете принять его приглашенія. Валерія, я твердо убѣждена, что вы горько раскаетесь въ своемъ поступкѣ, если поѣдете къ нему“.

Меня слишкомъ ясно предупреждали, мнѣ давали слишкомъ опредѣленный совѣтъ. Однако, ни предупрежденіе, ни совѣтъ на меня нисколько не подѣйствовали.

Я должна сознаться, что была тронута нѣжнымъ сочувствіемъ свекрови, но моя рѣшимость нисколько не поколебалась. Пока я жива, у меня не было другой мысли, другой цѣли, какъ узнать

отъ Мизеримуса Декстера его взглядъ на смерть первой жены моего мужа. Я считала его мнѣніе по этому предмету путеводной звѣздой среди мрака, въ которомъ я должна была пробираться. Я отвѣчала м-съ Моваланъ въ очень теплыхъ, благодарныхъ выраженіяхъ и, запечатавъ письмо, отправилась къ Декстеру.

ГЛАВА XXVII.

М-ръ Декстеръ дома.

Уличные мальчишки всего околотка окружали кабриолетъ, грубо выражая удовольствіе при видѣ Аріеля въ мужской шляпѣ и курткѣ. Лошадь стояла не спокойно, какъ-бы чувствуя вліяніе крика и шума, но возница съ бичомъ въ рукѣ сидѣла неподвижно. величественно, не обращая никакого вниманія на шутки и остроты, летѣвшія на нее со всѣхъ сторонъ.

— Здравствуйте, сказала я, подходя къ кабриолету.

— Садитесь, лаконически произнесла Аріель, и когда я утѣлась, она ударила лошадь и мы поѣхали.

Я рѣшилась во время всего путешествія не открывать рта зная по опыту, что отъ моей возницы нельзя было добиться ни слова. Но опытъ не всегда непогрѣшимъ. Послѣ получасовой безмолвной ѣзды Аріель вдругъ заговорила:

— Вы знаете, куда мы подѣзжаемъ? спросила она, смотря прямо передъ собою.

— Нѣтъ, отвѣчала я:—мнѣ эта дорога неизвѣстна. Куда-же мы подѣзжаемъ?

— Къ каналу.

— Такъ что-жь?

— Я думаю, не опрокинуть-ли васъ въ каналъ.

Это удивительное заявленіе требовало нѣкоторыхъ объясненій и я дерзнула спросить:

— Зачѣмъ вы хотите меня опрокинуть?

— Потому, что я васъ ненавижу, отвѣчала она съ холодной откровенностью.

— Что я вамъ сдѣлала?

— Какія у васъ дѣла съ моимъ господиномъ?

— Вы хотите сказать—съ м-ромъ Декстеромъ?

— Да.

— Я хочу переговорить съ нимъ.

— Неправда. Вы хотите занять мое мѣсто. Вы, негодная, хотите причесывать его голову и бороду.

Я теперь поняла, въ чемъ дѣло. Мысль, которую высказалъ шуткою Мизеримусъ Декстеръ наканунѣ, мало-по-малу усвоивалась ея тупымъ умомъ и, наконецъ, вылилась въ словахъ ровно черезъ пятнадцать часовъ.

— Я вовсе не желаю прикасаться къ его волосамъ и представляю это вамъ, сказала я.

Она взглянула на меня; ея толстое лицо покраснѣло и мутные глаза блестя отъ необычнаго усилія высказать свою мысль и понять отвѣтъ.

— Повторите ваши слова, и потише! воскликнула она.

Я исполнила ея желаніе.

— Подтвердите клятвой, произнесла она, все болѣе и болѣе волнуясь.

— Я совершенно серьезно (мы только-что подѣхали къ каналу) дала клятву.

— Теперь вы довольны? спросила я.

Она ничего не отвѣчала, легко вздохнула и во всю дорогу уже болѣе не смотрѣла на меня и не говорила ни слова. Мы проѣхали мимо канала и я избѣгла насильственного купанья. Миновавъ нѣсколько улицъ и пустырей, которые я смутно помнила, кабріолетъ повернулъ въ узкій переулокъ, гдѣ не могъ-бы проѣхать экипажъ большого размѣра, и остановился передъ оградой и воротами совершенно мнѣ неизвѣстными. Соскочивъ на землю, Аріель вынула изъ кармана ключъ, отперла ворота и ввела лошадь во дворъ стариннаго дома Декстера. Лошадь сама пошла въ сарай съ кабріолетомъ, а Аріель повела меня въ темную, пустую кухню. Потомъ, черезъ каменный коридоръ, мы достигли пріемной, куда мы наканунѣ вошли черезъ парадную дверь. Тутъ Аріель поднесла ко рту свистокъ, висѣвшій у нея на шеѣ, и огласила воздухъ рѣзкими, звонкими нотами, которыя были уже мнѣ знакомы.

— Подождите здѣсь, пока не услышите свистка господина, сказала она, въ послѣдній разъ открывая ротъ;— тогда вы можете идти наверхъ.

Итакъ, Декстеръ долженъ былъ меня свистнуть, какъ собаку,

и, что было гораздо хуже, я должна была повиноваться свистку. Я все-же ожидала, что Ариель извинится за такое безцеремонное обращеніе, но ни чуть не бывало: она молча обернулась и исчезла.

Подождавъ нѣсколько минутъ и не слыша условнаго сигнала, я стала разсматривать картины, висѣвшія на стѣнахъ и которыя наканунѣ я не могла видѣть въ темнотѣ. Подъ самымъ карнизомъ разноцвѣтная надпись объясняла, что всѣ онѣ были произведенія Декстера. Не довольствуясь поэзіей и музыкой, онъ занимался живописью. На одной стѣнѣ расположена была колекція картинъ, подъ общимъ названіемъ „Изображенія страстей“, а на другой: „Эпизоды изъ жизни Вѣчнаго Жиды“. Случайные зрители, подобные мнѣ, предувѣдомлялись надписью, что „м-ръ Декстеръ не имѣетъ въ виду лицъ, ищущихъ природы въ художественныхъ произведеніяхъ, а исключительно руководствуется своимъ воображеніемъ, такъ-какъ природа выводитъ его изъ себя“.

Удаливъ старательно изъ своей головы всякую мысль о природѣ, я начала прежде всего разсматривать картины, изображавшія человѣческія страсти.

Какъ ни мало я понимала въ живописи, но Мизеримусъ Декстеръ, повидимому, имѣлъ еще менѣе понятія о правилахъ этого искусства. Его картины можно было назвать скорѣе пачканьемъ, чѣмъ живописью. Болѣзненное, разстроенное воображеніе побуждало его изображать повсюду ужасы, и это составляло единственную замѣчательную черту всѣхъ его произведеній.

Первая изъ картинъ, изображавшихъ человѣческія страсти, была „Ненависть“. На берегу быстрой, пѣнящейся рѣки, подъ тѣнью громаднаго дерева лежалъ жертвецъ въ пестрой одеждѣ, а подлѣ стоялъ, также въ пестрой одеждѣ, человѣкъ съ поднятымъ мечомъ и съ злобной радостью слѣдилъ за крупными каплями крови, падавшими на землю съ лезвья меча. Вторая картина, „Жестокость“, раздѣлялась на нѣсколько отдѣленій. Въ первомъ изъ нихъ виднѣлась лошадь, которую страшно шпорилъ всадникъ, такъ-что изъ ея бока торчали внутренности; во второмъ — старикъ-ученный анатомировалъ живую кошку; въ третьемъ — два идолопоклонника любезно поздравляли другъ друга съ пыткой двухъ христіанъ, изъ которыхъ перваго жарили на рашперѣ, а другого повѣсили на деревѣ къ верху ногами, предварительно содравъ съ него кожу.

Не желая видѣть остальныхъ изображеній страстей, я перешла къ „Вѣчному Жиду“ на противоположной стѣнѣ. Вторая надпись уведомляла зрителя, что „Голандскій матросъ“ былъ никто иной, какъ Вѣчный Жидъ, продолжавшій свои скитанія по морямъ. Приключенія этой таинственной личности составляли предметъ цѣлаго ряда картинъ. Въ первой виднѣлась гавань на скалистомъ берегу: корабль стоялъ на якорѣ и кормчій распѣвалъ на палубѣ. Море катило черные, грозные валы; въ мрачныхъ облакахъ блестяла молнія, при свѣтѣ которой приближался къ берегу призрачный корабль. Несмотря на недостатки исполненія, эта картина доказывала въ ея творцѣ могущественное воображеніе и даже поэтическое чувство. Въ слѣдующей картинѣ призрачный корабль всталъ на якорь рядомъ съ дѣйствительнымъ судномъ, къ величайшему ужасу кормчаго. Вѣчный Жидъ вышелъ на берегъ; лодка его дожидалась, и въ ней гребцы были очень маленькаго роста, съ блѣдными лицами и въ черной, погребальной одеждѣ. Онъ, также весь въ черномъ, поднималъ руки къ небу и устремлялъ на него умоляющіе взгляды. Дикія, живыя существа суши и воды, тигры, единороги, крокодилы, морскія змѣи, акулы и пр. окружали таинственнаго странника, какъ-бы очарованные и прирученные его взглядомъ. Небо и море были одинаково черны. Молніи не было болѣе видно и вся сцена освѣщалась только слабымъ мерцаніемъ факела въ рукахъ духа мщенія, простиравшаго надъ Жидомъ свои громадныя крылья. Конечно, эта картина была очень дика по мысли, но произвела на меня сильное впечатлѣніе.

Пока я разсматривала это странное художественное произведеніе, наверху раздался громкій свистъ. Я вскрикнула отъ испуга—до того были напряжены мои нервы и такъ сильно вліяли на меня таинственная тишина, царившая въ домѣ, и мое странное положеніе въ данную минуту. Я хотѣла бѣжать; мысль остаться съ глазу на глазъ съ человѣкомъ, который нарисовалъ эти ужасныя картины, приводила меня въ ужасъ. Я принуждена была сѣсть на стулъ и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ не могла оправиться. Свистокъ раздался вторично, еще нетерпѣливѣе, чѣмъ прежде. Я встала и поднялась по лѣстницѣ во второй этажъ. Удалиться въ это мгновеніе было слишкомъ оскорбительно для моего достоинства, но сердце мое билось сильнѣе

обыкновеннаго и я должна признаться, что видѣла теперь совершенно ясно всю неосторожность моего поступка.

Въ передней комнатѣ надъ каминомъ было зеркало. Я остановилась на минуту, чтобъ взглянуть на себя.

Занавѣсъ, скрывавшая внутреннюю дверь, была частью отдернута и, несмотря на мои тихіе шаги, тонкій слухъ Декстера тотчасъ отгадалъ мое присутствіе.

— Это м-съ Валерія? произнесъ онъ тѣмъ нѣжнымъ теноромъ, которымъ онъ пѣлъ наканунѣ.—Пожалуйста войдите.

Я вошла во внутреннюю комнату.

Тихо, почти незамѣтно подвѣтилось ко мнѣ на встрѣчу кресло и Мизеримусъ Декстеръ протянулъ мнѣ руку. Голова его задумчиво поникла; большіе голубые глаза томно смотрѣли на меня. Ничто въ немъ теперь не напоминало дикаго, страшнаго существа, бывшаго одну минуту Наполеономъ, а другую—Шекспиромъ. Сегодняшній Декстеръ былъ задумчивый, меланхолическій, добродушный человѣкъ, который напоминалъ вчерашняго Декстера только своей странной одеждой. Теперь на немъ была розовая, шелковая, стеганая куртка, а покрывало, скрывавшее его уродство, было атласное, свѣтло-зеленаго цвѣта; наконецъ, на рукахъ у него были массивные золотые браслеты въ древнемъ вкусѣ.

— Какъ вы добры, что пріѣхали меня утѣшить и очаровать своимъ присутствіемъ, сказалъ онъ грустнымъ, мелодичнымъ голосомъ;—я нарочно надѣлъ самый красивый изъ моихъ костюмовъ. Не удивляйтесь; за исключеніемъ презрѣннаго, матеріальнаго XIX столѣтія, мужчины носили всегда, также, какъ женщины, пестрые и дорогіи матеріи. Сто лѣтъ тому назадъ джентльменъ былъ прилично одѣтъ въ розовомъ шелковомъ кафтанѣ. Полторы тысячи лѣтъ тому назадъ патриціи носили такіе-же браслеты, какъ мои. Я ненавижу варварское презрѣніе къ красотѣ и мелочную боязнь расходовъ, которые ограничиваютъ одежду современнаго джентльмена чернымъ сукномъ, а украшенія—однимъ кольцомъ. Я люблю быть блестящимъ и великолѣпнымъ, особенно когда принимаю красоту. Вы не знаете, какъ ваше общество для меня драгоцѣнно. Сегодня одинъ изъ моихъ грустныхъ дней; непрощенныя слезы выступаютъ на глаза, я тяжело вздыхаю и жажду состраданія. Только подумайте, какое я

несчастное существо! Бѣдный, одинокій, проклятый судьбою уродъ! Мое любящее сердце пропадаетъ даромъ, мои необыкновенныя способности остаются безъ употребленія. Жалко, грустно, страшно! Пожалѣйте меня, пожалѣйте меня.

Его глаза были полны слезъ состраданія о самомъ себѣ. Онъ смотрѣлъ на меня и говорилъ, словно больной ребенокъ, требующій ласки. Странно сказать, но я никогда въ жизни не чувствовала себя въ такомъ неловкомъ положеніи.

— Пожалуйста пожалѣйте меня, продолжалъ онъ, — не будьте жестоки. Я прошу немногаго. Прелестная м-съ Валерія, скажите, что вы меня сожалѣете.

Я исполнила его желаніе, но невольно покраснѣла.

— Благодарствуйте, отвѣчалъ Декстеръ смиренно; — вы мнѣ сдѣлали большое одолженіе, но не останавливайтесь на доброй дорогѣ. Погладьте мою руку.

Я старалась всѣми силами сдержать себя, но его послѣднія слова, произнесенныя самымъ серьезнымъ тономъ, показали мнѣ до того нелѣпными, что я расхохоталась.

Мизеримусъ Декстеръ взглянулъ на меня съ такимъ изумленіемъ, что мой хохотъ только еще усилился. Повидимому, это его нисколько не обидѣло. Оправившись отъ своего изумленія, онъ откинулся на спинку кресла съ выраженіемъ челоуѣа, критически слушающаго музыкальную пьесу. Когда я перестала смѣяться, онъ захопалъ въ ладоши и произнесъ съ видимымъ удовольствіемъ: „bis! bis!“

— Посмѣйтесь еще, сказалъ онъ прежнимъ дѣтскимъ тономъ; — веселая м-съ Валерія, у васъ музыкальный смѣхъ, а у меня музыкальное ухо. Посмѣйтесь еще.

— Мнѣ, право, совѣстно, м-ръ Декстеръ, отвѣчала я совершенно серьезно. — Пожалуйста извините меня.

Онъ ничего не отвѣчалъ и мнѣ показалось, что онъ даже не разслышалъ моихъ словъ. Его перемѣнчивая натура, повидимому, подверглась новой перемѣнѣ. Онъ пристально смотрѣлъ на мое платье и, очевидно, былъ погруженъ въ какія-то серьезныя думы.

— М-съ Валерія, сказалъ онъ вдругъ, — вамъ не покойно на этомъ стулѣ?

— Нѣтъ, не беспокойтесь, отвѣчала я, — мнѣ очень покойно.

— Извините меня, продолжалъ онъ, — но на противополож-

номъ концѣ комнаты стоитъ индійское плетеное кресло, которое будетъ для васъ несравненно покойнѣе. Простите меня, если я буду такъ грубъ, что не самъ подамъ вамъ кресло. На это есть причина.

У него была причина! Какую новую эксцентричную штуку хотѣлъ онъ выкинуть? Я встала и пошла за кресломъ, которое оказалось очень легкимъ. Возвращаясь, я замѣтила, что его глаза странно вшивались въ мое платье и, что еще было страннѣе, результатъ этого изслѣдованія, казалось, частью его интересовалъ, частью огорчалъ.

Я поставила кресло подлѣ него и только-что хотѣла сѣсть, какъ онъ снова послалъ меня въ противоположный конецъ комнаты.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ онъ, — возьмите со стѣны индійскій вѣеръ, онъ васъ предохранитъ отъ огня. Мы сидимъ очень близко отъ камина. Еще разъ простите, что я позволяю вамъ самимъ служить себѣ. Но, повѣрьте, у меня на это есть причина.

Вторично онъ настаивалъ на своей „причинѣ“. Любопытство побуждало меня исполнять его капризы такъ-же слѣпо, какъ Ариель. Я пошла за вѣеромъ и, возвращаясь, снова замѣтила, что онъ съ прежнимъ вниманіемъ и страннымъ выраженіемъ интереса и сожалѣнія смотрѣлъ на мое простенькое платье.

— Тысячу разъ благодарю васъ, сказалъ онъ; — вы совершенно невинно огорчили мое сердце, но все-же вы сдѣлали мнѣ много добра. Дайте мнѣ слово, что не обидѣтесъ, если я вамъ скажу всю правду.

Онъ хотѣлъ мнѣ объяснить свое странное поведеніе, и я никогда въ жизни не давала слова такъ охотно.

— Я грубо поступилъ, дозволивъ вамъ самимъ принести кресло и вѣеръ, продолжалъ онъ; — причина, побудившая меня къ этому, быть можетъ, покажется вамъ очень странной. Вы замѣтили, что я очень внимательно смотрѣлъ на васъ, пожалуй, даже слишкомъ внимательно?

— Да. Я думала, что вы разглядываете мое платье.

— Нѣтъ, произнесъ онъ, качая головой и грустно вздыхая, — я не смотрѣлъ ни на ваше платье, ни на ваше лицо. Ваше

плате мрачное. Ваше лицо — мнѣ все еще незнакомое. Но, милая м-съ Валерія, я хотѣлъ видѣть вашу походку.

Мою походку! Что-бы это значило? Куда опять умчалось его разстроенное воображеніе?

— Вы одарены рѣдкой для англичанки, красивой походкой, продолжалъ онъ. — Она имѣла хорошую походку. Я не могъ отказать себѣ въ счастья увидеть ее въ васъ. Вы для меня воскресили ее изъ мертвыхъ и я видѣлъ въ вашихъ движеніяхъ ея грацію. Простите меня, мое побужденіе было невинно и свято. Мое сердце обливается кровью и несказанно васъ благодарить.

Онъ умолялъ и поникъ головой на грудь; но черезъ минуту онъ снова ее поднялъ.

— Мы говорили о ней вчера вечеромъ, произнесъ онъ; — что я говорилъ, что вы говорили? Я помню очень смутно. Пожалуй-ста напомните мнѣ. Вы на меня не сердитесь, не правда-ли?

Я, вѣроятно, разсердилась-бы на всякаго другого, но не на него, потому-что слишкомъ жаждала снискать его довѣріе, особенно теперь, когда онъ самъ заговорилъ о первой женѣ Юстаса.

— Мы говорили, отвѣчала я, — о смерти м-съ Мокаланъ и...

— Да, да, перебилъ онъ меня съ жаромъ, наклоняясь ко мнѣ всѣмъ тѣломъ; — я удивлялся, какой интересъ могла имѣть тайна ея смерти. Скажите мнѣ, довѣрьте мнѣ ваши самыя сокровенныя мысли. Я умираю отъ нетерпѣнія узнать всю правду.

— Этотъ вопросъ интересуется меня еще болѣе, чѣмъ васъ. Счастье всей моей жизни зависитъ отъ объясненія ея таинственной смерти.

— Боже милостивый! Отъ чего? воскликнулъ онъ. — Подождите, я выхожу изъ себя, а я долженъ сохранить все свое хладнокровіе. Дѣло слишкомъ серьезное. Подождите минуту.

Онъ открылъ изящную, маленькую корзинку, висѣвшую на ручкѣ его кресла, и вынулъ канвовую работу со всѣми принадлежностями. Я смотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Женщины, сказалъ онъ, — очень благоразумно собираются съ мыслями, занимаясь рукодѣльемъ. Зачѣмъ-же мужчинамъ отказывать себѣ въ такомъ прекрасномъ, простомъ способѣ успокоивать нервы и приводить въ порядокъ мысли? Я слѣдую благоразумному примѣру женщинъ. Позвольте мнѣ, м-съ Валерія, собраться съ мыслями.

Онъ серьезно расправилъ канву и принялся за работу съ необыкновенной, чисто-женской быстротой.

— Ну, сказалъ черезъ нѣсколько минутъ м-ръ Декстеръ,—я готовъ. Вы говорите, а я буду работать. Пожалуйста начинайте.

Я повиновалась ему.

XXVIII.

Во мракѣ.

Съ такимъ человѣкомъ, какъ Мизеримусъ Декстеръ, и съ такой цѣлью, какъ моя, нельзя было останавливаться на полдорогѣ. Я должна была или открыть ему всецѣло мой планъ, или прискаты какой-нибудь предлогъ для приличнаго отступленія. Въ моемъ критическомъ положеніи полумѣры были невозможны, даже если-бъ я была до нихъ охотница. Поэтому я рискнула и сразу объяснила ему, въ чемъ дѣло.

— Вы до сихъ поръ ничего не знаете обо мнѣ, м-ръ Декстеръ, сказала я;—вы, я полагаю, не знаете, что мы съ мужемъ теперь не живемъ вмѣстѣ?

— Къ чему говорить о вашемъ мужѣ? сказалъ онъ холодно, не поднимая глазъ отъ своей работы.

— Это необходимо, отвѣчала я,—иначе нельзя объяснить то дѣло, по которому я обращаюсь къ вамъ.

— Вы не живете съ вашимъ мужемъ, повторилъ онъ, вздохнувъ;—что-же, Юстасъ васъ бросилъ?

— Онъ повинулъ меня и уѣхалъ за границу.

— Безъ всякой надобности?

— Безъ всякой.

— Назначилъ онъ срокъ своего возвращенія?

— Если Юстасъ будетъ упорствовать въ своемъ теперешнемъ мнѣніи, онъ никогда не вернется.

Онъ въ первый разъ поднялъ голову отъ работы и съ интересомъ взглянулъ на меня.

— Неужели ссора такая серьезная? спросилъ онъ. — Вы разошлись по обоюдному согласію, прелестная м-съ Валерія?

Тонъ, которымъ онъ произнесъ эти слова, мнѣ не понравился. Его взглядъ убѣдилъ меня, что, быть можетъ, я напрасно рискнула на свиданіе съ нимъ наединѣ, и я напомнила ему, скорѣе интонаціей голоса, чѣмъ словами, о томъ уваженіи, которое онъ долженъ былъ мнѣ оказывать.

— Вы совершенно ошибаетесь, сказала я: — между нами не было не только ссоры, но даже ни малѣйшаго недоразумѣнія. Разлука намъ обоимъ, и-рѣ Декстеръ, одинаково горька.

— Продолжайте пожалуйста, произнесъ онъ съ иронической улыбкой, — я васъ болѣе не буду перебивать.

Вслѣдъ за этимъ я рассказала ему всю правду о томъ, что случилось между мною и моимъ мужемъ, стараясь, конечно, выставить поведеніе Юстаса въ наивозможно-лучшемъ свѣтѣ. Мизеримусъ Декстеръ бросилъ работу и, слушая меня, тихо смѣялся, что, признаюсь, выводило меня изъ терпѣнія.

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго, наконецъ сказала я рѣзко.

Его прекрасные голубые глаза уставились на меня съ изумленіемъ.

— Нѣтъ ничего смѣшнаго въ такомъ безумномъ поведеніи? повторилъ онъ, но тотчасъ лицо его измѣнилось и какъ-то странно почернѣло. — Постойте. Одна только причина можетъ заставить васъ смотрѣть серьезно на это дѣло. М-съ Валерія, вы любите вашего мужа?

— Я не люблю его, а обожаю всѣмъ сердцемъ, отвѣчала я.

— Вы обожаете его всѣмъ сердцемъ, повторилъ Декстеръ, задумчиво поглаживая свою великолѣпную бороду; — отчего?

— Оттого, что я не могу его не любить, отвѣчала я рѣшительно.

— Странно, сказалъ онъ, сатирически улыбаясь и какъ-бы про себя, — первая жена Юстаса тоже его любила. Есть люди, которыхъ всѣ женщины любятъ, и другіе, которыхъ никто не любитъ. И то, и другое ничѣмъ не обуславливается. Второй ничуть не хуже перваго, такой-же красивый, пріятный, благородный, таковаго-же происхожденія и, однако, за номеръ первый женщины пойдутъ въ огонь и въ воду, а на номеръ второй не бросать и взгляда. А отчего? Онѣ сами не знаютъ, какъ только-что призналась м-съ Валерія. Объясняется-ли это физической причиною? Имѣеть-ли номеръ первый такое магнетическое вліяніе на

женщинъ, котораго не имѣть номеръ второй? Мнѣ надо изслѣдовать этотъ вопросъ на досугѣ и когда я буду въ духѣ. Но я все-же, продолжалъ Декстеръ,—не знаю вашихъ побудительныхъ причинъ, не знаю, къ чему вы хотите изслѣдовать страшную гленинчскую трагедію. Умная м-съ Валерія, пожалуйста возьмите меня за руку и выведите меня изъ этого мрака. Не правда-ли, вы не оскорбляетесь моими словами? Пожалуйста не сердитесь, я вамъ подарю эту хорошенькую работу, когда ее окончу. Я бѣдный, одинокій, своеобразный уродъ, но не желаю никому вреда. Простите меня и вразумите.

Онъ принялъ снова свой дѣтскій, наивный тонъ, сопровождавшійся такой-же улыбкой. Я начала сомнѣваться, не слишкомъ-ли рѣзко я говорила съ нимъ, и рѣшилась впередъ болѣе обращать вниманія на его физическіе и умственные недостатки.

— Позвольте мнѣ на минуту, м-ръ Декстеръ, перенестись въ Гленинчъ, сказала я;—вы согласны со мною въ томъ, что Юстасъ не виновенъ въ взведенномъ на него преступленіи? Это доказываетъ ваше показаніе на судѣ.

Онъ пересталъ работать и смотрѣлъ на меня пристально и серьезно.

— Таково наше мнѣніе, продолжала я;—но присяжные думали иначе. Вы помните, они постановили приговоръ: „не доказано“. По-просту говоря, это значить, что присяжные, судившіе моего мужа, отказались публично признать его виновнымъ. Такъ-ли я говорю?

Вмѣсто того, чтобъ отвѣчать, онъ неожиданно положилъ работу въ корзину и пододвинулъ свое кресло ближе ко мнѣ.

— Кто вамъ это сказалъ? спросилъ онъ.

— Я сама это вывела изъ прочтеннаго мною процесса.

До сихъ поръ на его лицѣ выразалось только серьезное вниманіе, а теперь впервые я замѣтила, что его лицо вдругъ отуманилось, словно его поразило сомнѣніе или подозрѣніе.

— Дамы обыкновенно не интересуются судебными дѣлами, сказалъ онъ; — вась, должно быть, м-съ Мокаланъ вторая, побуждаетъ дѣйствовать очень важная причина?

— Да, у меня важная причина. Мой мужъ покорился шотландскому приговору, его мать также, и друзья, на-сколько мнѣ извѣстно...

— Ну?

— Я не согласна съ мужемъ, его матерью и друзьями. Я отказываюсь подчиниться шотландскому приговору.

Не успѣла я произнести этихъ словъ, какъ въ немъ проявились признаки безумія, которое я до тѣхъ поръ отрицала. Онъ неожиданно нагнулся ко мнѣ, схватилъ за плечи, а его дикіе глаза безумно уставились на меня.

— Что вы хотите сказать? воскликнулъ онъ звонкимъ, пронзительнымъ голосомъ.

На меня напалъ страхъ. Я старалась не выказать его и дала ему почувствовать, что его фамиллярное обращеніе меня оскорбляетъ.

— Отнимите ваши руки, сэръ, сказала я, — и отодвиньтесь.

Онъ машинально повиновался и такъ-же бессознательно просилъ у меня извиненія. Очевидно было, что весь его умъ былъ занятъ изслѣдованіемъ тайнаго смысла сказанныхъ мною словъ.

— Прошу извиненія, сказалъ онъ, — смиренно прошу извиненія. Этотъ предметъ меня волнуетъ, страшитъ, сводитъ съ ума. Вы не можете себѣ представить, съ какимъ трудомъ я удерживаю себя. Но не обращайтесь на меня вниманія, не пугайтесь. Мнѣ очень совѣстно и я, право, крайне несчастливъ, что васъ оскорбилъ. Накажите меня. Возьмите палку и ударьте. Привяжите меня къ креслу. Позовите Аріель, которая сильна, какъ лошадь, и прикажите ей держать меня. Милая м-съ Валерія, невинно оскорбленная м-съ Валерія, я готовъ подвергнуться всякому наказанію, только-бы узнать, что вы подразумеваете подъ неподчиненіемъ шотландскому приговору.

Съ этими словами онъ отодвинулъ кресло и прибавилъ:

— Довольно-ли я далеко теперь отъ васъ? Или вы меня все еще боитесь? Если хотите, я могу совершенно скрыться отъ вашихъ глазъ.

Онъ приподнялъ зеленое покрывало, лежавшее на немъ, и черезъ секунду исчезъ-бы подъ нимъ, если-бъ я его не остановила.

— Не говорите и не дѣлайте больше ничего, я принимаю ваше извиненіе, сказала я. — Говоря о томъ, что я не хочу подчиниться мнѣнію шотландскихъ присяжныхъ, я разумѣла именно то, что выражаютъ эти слова. Шотландскій приговоръ наложилъ

пятно на моего мужа. Оно его страшно тяготитъ и никто этого не знаетъ лучше меня. Глубокое сознание своего позора заставило Юстаса меня повинуть. Для него недостаточно знать, что я увѣрена въ его невинности. Онъ возвратится ко мнѣ и повѣритъ, что я считаю его достойнымъ руководителемъ и спутникомъ жизни, только въ томъ случаѣ, когда его невинность будетъ доказана передъ присяжными и всѣмъ свѣтомъ, которые до сихъ поръ въ ней сомнѣваются. Онъ, его друзья и адвокаты отчаяваются когда-либо найти доказательство его невинности. Но я его жена и никто изъ васъ не любитъ его, какъ я. Я одна не отчаиваюсь и не хочу слушаться голоса разума. Если Господь сохранитъ мнѣ жизнь, м-ръ Декстеръ, я посвящу ее одному дѣлу — доказать невинность мужа. Вы его старый другъ и я пришла просить вашей помощи.

Теперь, повидимому, я, въ свою очередь, испугала его. Онъ вдругъ поблѣднѣлъ и тревожно провелъ рукою по лбу, какъ-бы желая отогнать отъ себя безпокойную мысль.

— Во снѣ я все это слышу? сказалъ онъ слабымъ голосомъ. — Ночное вы видѣнія или нѣтъ?

— Я одинокая женщина, безъ друзей и помощи, сказала я; — я потеряла все, что любила и чѣмъ дорожила, а теперь хочу возвратить себѣ потерянное.

Онъ снова сталъ подвигаться ко мнѣ. Я подняла руку. Онъ тотчасъ остановился. Наступила минута молчанія. Мы пристально смотрѣли другъ на друга. Я видѣла, что руки его дрожали, лицо все болѣе и болѣе блѣднѣло, а нижняя губа отвисла. Я воскресила въ его умѣ какое-то давно забытое воспоминаніе во всемъ его прежнемъ ужасѣ.

Онъ первый заговорилъ.

— Такъ вотъ для чего вы хотите раскрыть тайну смерти м-съ Мокаланъ? сказалъ онъ.

— Да.

— И вы думаете, что я могу вамъ помочь?

— Да.

Онъ медленно поднялъ руку и, указавъ на меня пальцемъ, спросилъ:

— Вы кого-нибудь подозрѣваете?

Онъ произнесъ эти слова глухимъ, угрожающимъ тономъ. Я

тотчасъ поняла, что мнѣ надо быть осторожной. Въ то-же время, если-бы я теперь не выказала ему полнаго довѣрія, я могла потерять награду за все, чѣмъ я рисковала и что претерпѣла въ опасномъ свиданіи съ Мизеримусомъ Декстеромъ.

— Вы кого-нибудь подозрѣваете? повторилъ онъ.

— Быть можетъ.

— А это лицо въ вашихъ рукахъ?

— Нѣтъ еще.

— Знаете вы, гдѣ оно находится?

— Нѣтъ.

Онъ медленно поникъ головою на спинку кресла и судорожно, глубоко вздохнулъ. Былъ-ли онъ разочарованъ или освободился отъ ужаснаго страха, или просто утомился физически и умственно? Кто могъ на это отвѣтить? Кто могъ его понять?

— Дайте мнѣ пять минутъ сроку, сказалъ онъ слабымъ голосомъ, не поднимая головы:—вы уже знаете, какъ всякое воспоминаніе о гленинчской трагедіи волнуетъ и тяготитъ меня. Будьте такъ любезны, позвольте мнѣ оправиться. Въ сосѣдней комнатѣ есть книги. Извините меня; черезъ пять минутъ я буду къ вашимъ услугамъ.

Я молча вышла въ круглую комнату. Онъ послѣдовалъ за мною до двери и заперъ ее.

XXIX.

Лучь свѣта.

Нѣсколько минутъ уединенія были такъ-же полезны для меня, какъ и для Мизеримуса Декстера.

Расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ и коридору, я обдумывала свое положеніе; страшныя сомнѣнія тѣснились въ моей головѣ. Очевидно было, что я, хотя и совершенно невинно, нарушила спокойствіе Мизеримуса Декстера и воскресила въ немъ какія-то страшныя воспоминанія. Тщетно напрягала я умъ, чтобъ отгадать, въ чемъ состоятъ эти страшныя воспоминанія. Всѣ мои соображенія, какъ впоследствии оказалось, не имѣли ничего общаго съ истиной. Я находилась на болѣе твердой почвѣ, когда пришла къ тому убѣжденію, что Декстеръ не удостоивалъ довѣ-

ріємъ никого на свѣтѣ. Онъ никогда не выказалъ-бы такого волненія, если-бъ разсказалъ публично на судѣ или тайно какому-нибудь другу все, что онъ зналъ о страшной трагедіи, происшедшей въ Гленинчѣ. Какая сила заставляла его молчать? Не говорилъ онъ изъ милосердія къ другимъ или изъ опасенія для себя? — невозможно было сказать. Могла-ли я надѣяться, что онъ откроетъ мнѣ ту тайну, которую скрывалъ отъ суда и друзей? Узнавъ, что мнѣ было нужно, вооружить-ли онъ меня тѣмъ оружіемъ, которое дастъ мнѣ побѣду въ предстоящей борьбѣ? Нельзя отрицать, что всѣ шансы были противъ меня. Однако, для такой цѣли стоило предпринять всевозможныя усилія. Какая-нибудь случайность могла расположить въ мою пользу капризнаго Декстера. Мои планы были достаточно странны и необыкновенны для женщины, чтобъ возбудить его сочувствіе. „Кто знаетъ, думала я, — быть можетъ, я заслужу его довѣріе просто разсказавъ всю правду?“

Наконецъ, дверь растворилась и послышался голосъ Мизернуса.

— Пожалуйте, сказалъ онъ, — любезная м-съ Валерія, я совершенно оправился. А вы какъ себя чувствуете?

Онъ смотрѣлъ на меня и говорилъ спокойно, какъ старый пріятель. Во время перерыва нашей бесѣды, хотя продолжавшагося очень не долго, произошла новая переиѣна въ этомъ быстро измѣнявшемся человѣческомъ существѣ. Глаза его добродушно сіяли, щеки пылали отъ какого-то новаго внутренняго волненія. Даже его одежда была теперь иная. На головѣ у него былъ бѣлый бумажный колпаекъ, манжеты были приподняты и чистый передникъ лежалъ на свѣтло-зеленомъ покрывалѣ. Онъ остановился въ своемъ креслѣ подлѣ меня, поклонился съ улыбкой и пригласилъ меня сѣсть граціознымъ движеніемъ руки, напоминавшимъ вмѣстѣ танцовальнаго учителя и придворнаго церемоніймейстера.

— Я примусь за стравню, сказалъ онъ съ обворожительной простотой: — намъ обоимъ надо подкрѣпить свои силы прежде, чѣмъ обратиться къ серьезному предмету нашей бесѣды. Извините, я предсталъ предъ вами въ нарядѣ повара. Для всего есть своя форма, а я большой формалистъ. Я успѣлъ выпить немного вина и прошу васъ сдѣлать то-же.

Съ этими словами онъ налилъ въ кубокъ древняго венеціанскаго хрустала великолѣпной пурпуровой влаги.

— Бургонское вино—царь винъ, сказалъ онъ;—а это царь бургонскихъ винъ—кло-де-вужо. Пью за ваше здоровье и счастье.

Онъ налилъ себѣ другой кубокъ и выпилъ его до дна. Я теперь поняла, отчего у него сверкали глаза и пылали щеки, но въ моихъ интересахъ было его не оскорблять и потому я отпила нежного вина. Дѣйствительно, оно было великолѣпно.

— Что-бы намъ съѣсть? сказалъ онъ. — Надо что-нибудь вполне достойное кло-де-вужо. Аріель хорошо жарить и варить мясо, но я не оскорблю вашего тонкаго вкуса ея стряпней. Мясо! восхлихнулъ онъ съ презрѣніемъ: — фуй! Человѣкъ, который ѣстъ мясо въ простомъ видѣ, людоѣдъ или мясникъ. Нѣтъ, предоставьте мнѣ найти для васъ достойное кушанье. Пойдемте въ кухню.

Онъ повернулъ свое кресло и пригласилъ меня послѣдовать за нимъ.

Мы приблизились къ опущенной портьерѣ въ концѣ комнаты, которую я ранѣе не замѣтила. Отдернувъ портьеру, Декстеръ обнаружилъ нишу, въ которой была устроена маленькая газовая кухонная печь. По стѣнамъ видѣлись полки и шкафы, уставленные кострюлями, блюдами, тарелками и пр. Все было очень миниатюрно, но отличалось чистотою и блескомъ.

— Милости просимъ ко мнѣ въ кухню, сказалъ онъ, выдвигая изъ стѣны мраморную доску, служившую столомъ.

Опершись руками на эту доску, онъ глубоко задумался. Черезъ нѣсколько минутъ, съ радостнымъ восклицаніемъ, онъ отворилъ дверцу сосѣдняго шкафа и вынулъ бутылку странной, невѣдомой мнѣ формы. Откупоривъ, онъ вынулъ изъ нея спицею какіе-то черные кусочки, которые, конечно, были-бы хорошо знакомы женщинѣ, привыкшей къ роскошной кухнѣ, но для меня, жившей до замужества въ недостаточномъ домѣ пастора, это была совершенная новинка. Увидавъ, что Декстеръ старательно положилъ эти невѣдомые, некрасивые предметы на чистую салфетку и снова задумался, я не могла сдержатъ своего любопытства и спросила:

— Что это у васъ, м-ръ Декстеръ? Неужели мы будемъ это ѣсть?

Онъ всплеснулъ руками отъ изумленія и пристально взглянулъ на меня.

— Вотъ вамъ и прогрессъ! воскликнулъ онъ;—что-же послѣ этого образованіе? Развитая, воспитанная женщина не знаетъ трюфелей!

— Я слыхала о трюфеляхъ, но никогда ихъ не видывала, сказала я смиренно; — дома я не привыкла къ такой роскоши, м-ръ Декстеръ.

Онъ поднялъ одинъ изъ трюфелей на спичу и показалъ мнѣ его противъ свѣта.

— Пользуйтесь случаемъ узнать новое впечатлѣніе въ жизни, нескрывающее за собою никакого разочарованія, сказалъ онъ:— смотрите на него и размышляйте. Я вамъ подамъ его тушеного на бургонскомъ винѣ.

Онъ зажегъ газъ въ печкѣ съ выраженіемъ человѣка, который явно выказываетъ уваженіе и сочувствіе.

— Извините меня, если я буду молчать, сказалъ онъ, вынимая изъ своей колекціи кухонныхъ принадлежностей маленькую, блестящую сковородку; — кулинарное искусство требуетъ полного, сосредоточеннаго вниманія. Въ этомъ и кроется причина, по которой женщина никогда не достигала и не достигнетъ совершенства въ этомъ искусствѣ. Вообще женщины неспособны на опредѣленное время сосредоточивать свое вниманіе на одномъ предметѣ. Ихъ мысли непремѣнно уносятся куда-нибудь, скажемъ на примѣръ—къ поклоннику или къ новой шляпкѣ. Главная преграда, м-съ Валерія, къ тому, чтобъ женщины сдѣлались равными мужчинамъ въ различныхъ промышленныхъ занятіяхъ, заключается не въ недостаткахъ современнаго законодательства и общественныхъ учрежденій, какъ полагаютъ женщины, но въ нихъ самихъ. Нельзя придумать никакихъ учрежденій, которыя противостояли бы поклоннику и новой шляпкѣ. Напримѣръ, нѣсколько времени тому назадъ я настоялъ, чтобъ женщины были приняты на службу въ наше почтовое отдѣленіе. Надняхъ я рѣшился, хотя это очень для меня не легко, отправиться въ отдѣленіе, чтобъ посмотреть, какъ идутъ тамъ дѣла. Я взялъ съ собою письмо съ очень длиннымъ адресомъ. Одна изъ женщинъ взяла у меня письмо и начала списывать адресъ въ квитанцію съ такимъ дѣловымъ и серьезнымъ видомъ, что просто было отрадно на нее

смотреть. Но на половинѣ работы въ комнату вошла молоденькая дѣвочка, сестра одной изъ ея подругъ, служащихъ въ томъ-же отдѣленіи. Глаза ея тотчасъ остановились на ребенкѣ, перо перестало бѣгать по бумагѣ и она воскликнула: „А, Люси, здравствуйте“. Потомъ она вспомнила о своемъ дѣлѣ и возвратилась къ недописанной квитанціи. Получивъ эту квитанцію, я увидаль, что въ ней была пропущена цѣлая строчка изъ моего адреса. Это произошло благодаря Люси. Будь на ея мѣстѣ мужчина, онъ никогда-бы не замѣтилъ Люси, потому что въ ту минуту онъ былъ-бы слишкомъ занятъ своимъ дѣломъ. Вотъ въ чемъ заключается различіе между умственнымъ строемъ женщинъ и мужчинъ, — различіе, котораго не измѣнить до скончанія міра никакое законодательство. Что-же такое? женщины неизмѣримо выше мужчинъ въ нравственныхъ свойствахъ, которыя служатъ истиннымъ украшеніемъ человѣческаго рода. Будьте этимъ довольны, мои милыя, заблуждающіяся сестры, будьте этимъ довольны!

Онъ пододвинулъ кресло въ печкѣ и вполнѣ предался трюфелямъ. Очевидно, спорить съ нимъ было совершенно бесполезно, если-бъ я этого и желала.

Я стала осматривать комнату.

Любовь къ ужасамъ, выражавшаяся картинами въ приемной нижняго этажа, ясно обнаруживалась и здѣсь. Фотографіи, висѣвшія на стѣнѣ, представляли различные виды сумасшествія. Гипсовые маски, стоявшія на противоположной полкѣ, были сняты съ знаменитыхъ убійцъ послѣ ихъ смерти. Въ шкафу, за стеклянной дверью, видѣлся отвратительный, маленькій женскій скелетъ съ цинической надписью: „вотъ фундаментъ красоты“. Въ соедненіи шкафу съ открытой дверцей висѣло что-то, показавшееся мнѣ рубашкой изъ замши. Дотронувшись до нея и найдя, что ткань ея была гораздо мягче, чѣмъ замша, я увидала въ ея складкахъ слѣдующій ярлыкъ, привѣрженный булавкой: „кожа французскаго мареза, дубленная въ революцію 1793 года. Увѣряють, что французская аристократія ни на что не была годна; вздоръ: изъ нея выходила отличная кожа“.

Послѣ этого отвратительнаго экземпляра въ коллекціи Декстера я не продолжала болѣе осматривать комнату, а возвратясь къ своему креслу, стала ждать трюфелей.

Черезъ нѣсколько минутъ голосъ живописца-поэта-композитора-повара позвалъ меня въ нишу.

Газъ былъ потушенъ. Скородка и другія кухонныя принадлежности исчезли. На мраморномъ столѣ находились двѣ тарелки, двѣ салфетки, два кусочка хлѣба и блюдо съ салфеткою, на которой лежали два черные шарика. Мизеримусъ Декстеръ положилъ одинъ шарикъ на мою тарелку, а другой на свою.

— Приступайте съ должнымъ благоговѣнiемъ, м-съ Валерiя, сказалъ онъ съ улыбкой:—это эпоха въ вашей жизни. Вы впервые будете ѣсть трюфели. Не берите въ руки ножа, а кушайте вилкой. Главное-же—кушайте медленно; извините за совѣтъ.

Я повиновалась ему и выказала энтузиазмъ, котораго нисколько не чувствовала. Въ сущности я нашла трюфели слишкомъ приторными и вообще совершенно недостойными той славы, которою они пользуются. Мизеримусъ Декстеръ тихо ѣлъ свои трюфели, запивая ихъ виномъ и похваливая свой кулинарный талантъ. Меня выводило это изъ терпѣнiя; пылая желанiемъ перейти, наконецъ, къ цѣли моего посѣщенiя, я вдругъ предложила ему самый рискованный вопросъ, какой только могла сдѣлать.

— М-ръ Декстеръ, сказала я:—слышали вы недавно что-нибудь о м-съ Бьюли?

Добродушное, довольное выраженiе его лица вдругъ исчезло и замѣнилось прежнимъ недовѣрiемъ, слышавшимся также въ его голосѣ.

— Вы знаете м-съ Бьюли? спросилъ онъ.

— Я ее знаю только потому, что читала о ней въ процесѣ. Онъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ.

— Вы, должно быть, интересуетесь ею, иначе вы меня не спросили-бы объ ней. Вы относитесь къ ней какъ другъ или какъ врагъ?

Несмотря на всю мою смѣлость, я не была такъ неосторожна, чтобъ отвѣчать на его прямой вопросъ прямымъ отвѣтомъ. Я видѣла ясно по его лицу, что мнѣ слѣдовало его остерегаться.

— На это я могу вамъ отвѣтить только, сказала я,—возвратясь къ предмету столь для васъ неприятному: въ процесу моего мужа.

— Продолжайте, сказалъ онъ;—я въ вашихъ рукахъ, жарьте меня на кострѣ, подкладывайте огня.

— Я въ юриспруденціи невѣжественная женщина, продолжала я,—и, вѣроятно, ошибаюсь; но въ дѣлѣ моего мужа есть много неудовлетворительнаго. Его защита, по моему мнѣнію, представляетъ одну громадную ошибку.

— Ошибку? повторилъ онъ;—странно вы выражаетесь; м-съ Валерія, чтобъ не сказать болѣе.

Онъ старался говорить хладнокровно и небрежно поднесъ къ губамъ кубокъ съ виномъ; но я видѣла, что мои слова произвели на него сильное впечатлѣніе—рука его дрожала.

— Я не сомнѣваюсь, что первая жена Юстаса просила его купить мышьягъ, продолжала я;—я не сомнѣваюсь, что она тайно употребляла мышьягъ для исправленія своего цвѣта лица. Но я не вѣрю, чтобъ она умерла отъ лишняго приѣма яда, взятаго ею по ошибкѣ.

Онъ поставилъ кубокъ на столъ такъ порывисто, что расплескалъ вино. На мгновеніе его глаза встрѣтились съ моими; потомъ онъ поникъ головой.

— А какъ, вы полагаете, она умерла? спросилъ онъ такъ тихо, что я едва слышала его слова.

— Отъ руки убійцы, отвѣчала я.

Онъ сдѣлалъ движеніе, какъ-бы желая вскочить, но потомъ опустился на спинку кресла, словно теряя чувства.

— Конечно, я не подозрѣваю мужа, воскликнула я поспѣшно;—вы знаете, что я убѣждена въ его невинности.

Онъ вздрогнулъ и судорожно схватился за ручку кресла.

— Кто убилъ ее? спросилъ онъ глухо.

Въ эту критическую минуту мужество измѣнило мнѣ. Я боялась прямо высказать ему свое подозрѣніе.

— Развѣ вы сами не можете догадаться? сказала я.

Наступило молчаніе. Онъ, повидному, былъ погруженъ въ глубокую думу. Но это продолжалось не долго. Онъ вдругъ привскочилъ на своемъ креслѣ. Безпомощный, болѣзненный видъ его мгновенно исчезъ. Глаза снова дико заблестѣли, руки болѣе не дрожали и щеки пылали болѣе прежняго. Неужели онъ догадался, по моему вопросу о м-съ Бьюли, что я подозрѣвала ее?

— Заклинаю васъ, отвѣчайте мнѣ правду! воскликнулъ онъ:— не пытайтесь меня обмануть. Это женщина?

— Да.

— Съ какой буквы начинается ея фамилія? Съ одной изъ первыхъ трехъ въ азбукѣ?

— Да.

— В?

— Да.

— Бьюли?

— Бьюли.

Онъ всплеснулъ руками и дико расхохотался.

— Долго я жилъ, воскликнулъ онъ, — и наконецъ-то нашелъ человѣка, который смотритъ на дѣло такъ-же, какъ я. Но отчего, влая м-съ Валерія, вы меня такъ мучили? Отчего вы мнѣ этого не сказали сразу?

— Что? произнесла я, поддаваясь, также какъ онъ, необыкновенному волненію;— неужели вы раздѣляете мое мнѣніе? Неужели вы также подозреваете м-съ Бьюли?

— Подозрѣваю? повторилъ онъ презрительно:— тутъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія: м-съ Бьюли ее отравила.

(Продолженіе будетъ.)

ИСКУШЕНІЕ.

(Изъ К. Рюге.)

I.

Подъ гнетомъ мрачнаго сомнѣнья,
Не вѣря въ трудъ любимый свой,
Во тьмѣ ночной, въ уединеньи
Понивъ я долу головой.

Я проваливаю въ озлобленны
Тѣ годы юности живою,
Когда въ горячемъ увлеченьи
Я выбралъ путь свой трудовой.

Я дорожилъ имъ, какъ святыней,
Я дѣлалъ все, что только могъ,
За что-жь сомнѣнья демонъ нынѣ
Съ насмѣшкой шепчетъ мнѣ упрекъ:
„Ты проповѣдывалъ въ пустынѣ,
Никѣмъ непризнанный пророкъ“.

II.

Закрывъ лицо свое руками,
Сажу я въ мрачномъ полуснѣ;—
И лугъ, усѣянный цвѣтами,
И пиръ веселый снятся мнѣ.

Выходятъ юноши толпами
На-встрѣчу солнцу и веснѣ
И шепчутъ страстными устами
Любви обѣты въ тишинѣ.

Какъ вдохновенны рѣчи эти!
Какъ сладокъ трепеть ихъ сердецъ!

Какъ все имъ дорого на свѣтѣ!—
 А демонъ шепчетъ мнѣ, наглець:
 „Съ своею книгой въ кабинетѣ
 Ты такъ-же счастливъ былъ, мудрецъ?“

III.

Но чу! въ смятеньи и тревогѣ
 Бѣжитъ народъ со всѣхъ сторонъ:
 Нахлынулъ врагъ—и по дорогѣ
 Никто имъ не былъ пощаженъ.

Въ домахъ разграбивъ скорбь убогій
 И, не смотря на плачь и стонъ,
 Въ глазахъ мужей, забывъ о Богѣ,
 Безчестилъ онъ несчастныхъ жонъ.

Въ безсиьной злобѣ—въ чувствѣ новомъ—
 Все мысли путались мов,
 А демонъ съ хохотомъ суровымъ
 Мнѣ говорилъ: „Пророкъ любви,
 Спаси-же мѣрѣ могучимъ словомъ
 И палачей останови!“

IV.

Волнуемъ внутренней борьбою,
 Я не смыкалъ всю ночь очей
 И чутко слышалъ надъ собою
 Звукъ тѣхъ-же демонскихъ рѣчей.

Онъ говорилъ мнѣ: „Ты съ судьбою
 Боролся долго за людей,
 Но дни идутъ и предъ тобою
 Стоитъ нужда съ клюкой своей.“

Ты нищимъ кончишь вѣкъ постылый:
 Толпа бездушно холодна
 И сумасбродомъ предъ могиллой
 Пророка станеть звать она...“
 Онъ говорилъ, а я безъ силы
 Стоналъ: „Изчезни, сатана!“

V.

Такъ часто пнокъ богомольно
Творить мольбы, блюдетъ посты,
Давъ передъ Богомъ добровольно
Обѣтъ духовной чистоты.

И вдругъ несчастнаго невольно
Неугомонныя мечты
Уносить въ область жизни вольной,
На путь житейской суеты.

И слышать онъ: „Едва-ль моления
Услышитъ Богъ когда-нибудь,
А между тѣмъ безъ наслажденья
Зачахнетъ молодая грудь
И проклянешь ты въ озлоблени
Себя за избранный свой путь.

А. Игнатова.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ЦЮРИХЪ.

Кантонъ Цюрихъ, какъ и всѣ кантоны Швейцарскаго Союза, по вопросамъ общественнаго образованія разпоряжается исполнѣ самостоятельно, независимо отъ центральной власти Союза. Онъ населенъ 285,000 человекъ обоего пола. Населенность его очень густа; она составляетъ почти 9,000 челов. на квад. милью. По густотѣ своего населенія онъ почти равнъ Бельгій (9,500) и собственно Англій (8,700) безъ Ирландіи и Шотландіи, и въ 2¹/₃ раза превышаетъ Германію (4,100) и Францію (3,800). Жители этого кантона живутъ земледѣльствомъ и фабричною промышленностью, въ которой выдѣлка шелка занимаетъ первое мѣсто. Лѣтомъ сюда съѣзжается масса иностранцевъ и оставляетъ здѣсь много золота и серебра, которыя расчетливые цюрихцы немедленно относятъ въ банки.

Уже сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ цюрихскомъ кантонѣ уничтожены всѣ косвенные налоги и замѣнены однимъ прогрессивнымъ налогомъ на капиталъ и доходъ. Конечно, по человѣческой слабости желать, чтобъ бѣольшая часть налога падала на сосѣда, а не на меня, въ Цюрихѣ иногда можно услышать протестъ противъ прогрессивнаго налога, но такой протестъ раздается очень рѣдко; напротивъ, цюрихцы убѣждены, что лучшей системы налога, какъ у нихъ, не имѣется нигдѣ и распредѣляется этотъ налогъ, по возможности, равномерно и правильно.

Изъ податныхъ отчетовъ цюрихскаго кантона оказывается, что доходъ 47,000 семействъ, составляющихъ населеніе этого кантона, простирается до 60 миліоновъ франковъ, что составляетъ

1,300 франковъ на каждое семейство. Но ни для кого не составляет тайны, что цифра этого дохода значительно уменьшена; ее почти безошибочно можно считать почти въ 100 миліоновъ. Это доказывается цѣнностью имущества, принадлежащаго гражданамъ кантона Цюриха. По самому умѣренному исчисленію, цѣнность его простирается до двухъ миліардовъ франковъ, что составитъ около 50 тысячъ франковъ на каждую семью. Полагая-же, что имущество это приноситъ даже болѣе 4-хъ процентовъ дохода, окажется, что средній доходъ цюрихской семьи будетъ не 1,300, а 2,000 франковъ. Этотъ доходъ значительно превосходитъ средній доходъ французской семьи, который высчитывается въ 1,100 франковъ. Конечно, по среднему доходу трудно судить о дѣйствительномъ благосостояніи страны, такъ-какъ при этомъ сужденіи весьма важнымъ факторомъ является также распредѣленіе этого дохода, но относительно кантона Цюриха средній доходъ его семьи можно приблизительно принять за вѣрный признакъ его благосостоянія, потому-что относительно распредѣленія имущества Цюрихъ стоитъ въ довольно выгодномъ положеніи. Монтескье сказалъ, что та страна болѣе богата, которая пользуется большей свободой. Мы можемъ къ этому прибавить, что та страна богаче, гдѣ живетъ болѣе развитое и болѣе просвѣщенное населеніе; въ этомъ отношеніи Цюрихъ стоитъ въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

Кантонъ Цюрихъ почти не знаетъ бѣдности въ томъ непривлекательномъ видѣ, въ какомъ встрѣчается она въ западной Европѣ. Цюриху почти незнакомъ пауперизмъ, развѣдающій большіе города Европы. Путешественника, посѣтившаго этотъ кантонъ, поражаетъ довольство и благосостояніе жителей, которое кидается въ глаза. Замѣчательно, что это довольство нисколько не уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ городовъ, и въ самой глухой мѣстности встрѣчаются красивые дома, замѣчательная опрятность въ одеждѣ и довольство въ пищѣ населенія. Нельзя сказать, чтобъ земля кантона Цюриха отличалась особеннымъ плодородіемъ или чтобъ онъ имѣлъ много пахатной, удобной земли; напротивъ, горы его покрыты густыми, обширными лѣсами, а въ долинахъ разбросаны болота; но земледѣліе и не составляетъ здѣсь главнаго дохода жителей, большая часть которыхъ живетъ промыслами. Только небольшой южный округъ въ цюрихскомъ кантонѣ составляетъ чисто-земледѣльческую страну, но это потому, что здѣсь родится вино-

градъ, изъ котораго выдѣлывается хотя и плохенькое вино, но продается его около 6 миліоновъ ведеръ.

Въ Цюрихѣ, какъ мы сказали уже, развита промышленность, и пока отецъ роется въ землѣ, мать дома сучитъ шелкъ, взрослый сынъ или взрослая дочь работаютъ на фабрикѣ, дѣти и подростки сидятъ въ школѣ. Ни климатъ, ни почва не благопріятствуютъ особенно цюрихцу и онъ по необходимости долженъ въ самомъ себѣ искать источникъ для увеличенія благосостоянія семьи, а извѣстно, что только просвѣщеніе развиваетъ способность къ инициативѣ и даетъ указаніе, какъ уничтожать тѣ препятствія, предъ которыми пасуютъ люди невѣжественные. Что-же касается просвѣщенія, то въ этомъ отношеніи Цюрихъ занимаетъ, безспорно, едва ли не первое мѣсто въ Европѣ. Въ цюрихскомъ кантонѣ общественное обученіе устроено на весьма рациональныхъ началахъ и въ отношеніи средствъ къ своему образованію цюрихскій гражданинъ пользуется тѣмъ-же благосостояніемъ и тѣмъ-же комфортомъ, какіе замѣчаются въ его матеріальномъ быту.

Въ виду выгоднаго положенія общественнаго обученія въ кантонѣ Цюриха, мы считаемъ не бесполезнымъ познакомить нашихъ читателей съ состояніемъ учебнаго дѣла въ этомъ образцовомъ, съ педагогической точки зрѣнія, угольѣ земли. Основаніемъ общественнаго образованія въ цюрихскомъ кантонѣ служатъ *первоначальныя школы*, устроенныя положительно лучше, чѣмъ въ какомъ-бы то ни было другомъ швейцарскомъ кантонѣ или въ какой-нибудь другой европейской странѣ.

Безполезно будетъ доказывать избитую истину, что образованіе смягчаетъ нравы, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ; мы скажемъ больше: образованіе приноситъ деньги, какъ, наоборотъ, деньги способствуютъ образованію. Конечно, трудно опредѣлить точными цифрами степень вліянія образованія на развитіе общаго благосостоянія: оно бываетъ иногда причиной, а иногда слѣдствіемъ этого благосостоянія. Въ Соединенныхъ Штатахъ сдѣланъ выводъ, основанный на несомнѣнныхъ фактахъ, что пауперизмъ въ тридцать разъ сильнѣе развитъ между безграмотнымъ населеніемъ, чѣмъ между людьми грамотными. Общественное образованіе, безспорно, способствуетъ развитію матеріальнаго благосостоянія, въ то время, какъ пауперизмъ и невѣжество идутъ постоянно рука-объ-руку. Можно почти безошибочно сказать, что средній государствен-

ный доходъ прямо пропорціоналенъ времени, которое дѣти проводятъ въ школахъ.

Выводы, къ которымъ мы будемъ приходить въ нашихъ статьяхъ о кантонѣ Цюрихѣ, мы станемъ сравнивать только съ выводами, полученными въ другихъ швейцарскихъ кантонахъ. Цюрихъ, конечно, не можетъ быть признанъ идеаломъ совершенства, такъ-какъ и онъ еще могъ достигнуть дарового и обязательнаго обученія только въ первоначальныхъ школахъ; въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обученіе не обязательно и, за немногими исключеніями, производится за плату, хотя, впрочемъ, весьма умѣренную. Цюрихъ не идеалъ совершенства, но, во всякомъ случаѣ, онъ занимаетъ самое видное мѣсто въ ряду другихъ кантоновъ Швейцарскаго Союза по устройству въ немъ общественнаго образованія.

Цюрихское правительство, признавая, что различныя професіи требуютъ различнаго образованія, постаралось завести въ кантонѣ столько специальныхъ школъ, сколько было возможно при данныхъ средствахъ и обстоятельствахъ. Въ своемъ обзорѣ мы рассмотримъ всѣ школы, начиная съ первоначальныхъ и кончая высшими учебными заведеніями, политехническимъ институтомъ и университетомъ.

ГЛАВА I.

Первоначальное образованіе.

I.

Общинныя первоначальныя школы.

Каждый ребенокъ въ Цюрихѣ непременно посѣщаетъ первоначальную школу. Цюрихскій законъ общественнаго образованія исходитъ изъ того принципа, что родители не имѣютъ права лишать своихъ дѣтей образованія. Въ кантонѣ Цюрихѣ широко примѣняется система всеобщей подачи голосовъ, и народъ, взятый въ цѣломъ составѣ населенія кантона, составляетъ правительство страны. Всякій законъ, принятый народными представителями, передается на разсмотрѣніе всѣхъ гражданъ, которые подаютъ голоса въ своихъ общинахъ, и законъ входитъ въ силу только въ томъ случаѣ, если за него окажется большинство голосовъ, поданныхъ всѣмъ на-

родомъ. При такомъ политическомъ устройствѣ страны, понятно, существуетъ настоятельная потребность, чтобъ каждый гражданинъ былъ болѣе или менѣе развитъ, по крайней мѣрѣ на-столько, чтобъ могъ ясно и правильно понимать свои права и обязанности.

Для этой цѣли кантонъ Цюрихъ узаконилъ у себя обязательное обученіе въ первоначальныхъ школахъ, въ которыя ввелъ довольно широкую програму обученія. Общественное обученіе въ цюрихскихъ первоначальныхъ школахъ не только обязательное, но и даровое до извѣстной степени. Ученики не обязаны никакой платой за свое обученіе, но цюрихское правительство не беретъ на себя, какъ въ нѣкоторыхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, бесплатную раздачу дѣтямъ книгъ и учебныхъ пособій. Оно только принимаетъ дѣйствительныя мѣры къ возможному удешевленію ихъ, выдавая субсидіи издателямъ, типографіямъ и литографіямъ; благодаря этому учебныя книги и учебныя пособія въ Цюрихѣ чрезвычайно дешевы; напримѣръ, прекрасный атласъ Веттгейна, состоящій изъ 12 огромныхъ картъ, изъ которыхъ три могутъ быть смѣло признаны образцами картографическаго искусства, стоитъ всего 1 франкъ 35 сантимовъ.

Обученіе въ первоначальныхъ школахъ продолжается девять лѣтъ, изъ которыхъ шесть приходится на собственно первоначальную школу, а три на такъ-называемую дополнительную.

Ребенокъ поступаетъ въ школу шести лѣтъ отъ роду. Въ исключительныхъ случаяхъ допускается оставлять ребенка дома до семи-лѣтняго возраста, но никакъ не дольше.

Въ трехъ приготовительныхъ классахъ дѣти учатся 20 часовъ въ недѣлю. Затѣмъ въ первомъ классѣ 24, во второмъ—25 и въ третьемъ—28 часовъ. Дѣвочки въ послѣднемъ классѣ занимаются 32 часа въ недѣлю, изъ которыхъ 4 употребляются на рукодѣлье.

За каждыиъ урокомъ слѣдуетъ отдыхъ въ четверть часа, такъ-что учебный часъ состоитъ не изъ 60, а изъ 45 минутъ. Цюрихскіе воспитатели убѣждены, что для ребенка необходимо часто разнообразить занятія и что, позабавившись и поигравъ, онъ въ слѣдующій часъ будетъ учиться съ болѣеиъ вниманіемъ и прилежаніемъ. Благодаря этой системѣ, ученики и ученицы цюрихскихъ школъ вообще ведутъ себя хорошо и воспитателю не приходится прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ для водворенія тишины и порядка

въ классѣ. Здѣшніе ученики и ученицы охотно посѣщаютъ школу, гдѣ равномерно распределены и обученіе, и развлеченіе.

Во время шестилѣтняго курса ученицы и ученики первоначальныхъ школъ проводятъ въ школѣ за обученіемъ 6,600 часовъ — цифра весьма почтенная, превышающая значительно число часовъ, которые проводятъ дѣти въ первоначальныхъ школахъ другихъ странъ западной Европы.

Въ нынѣшнемъ учебномъ году въ общинныхъ первоначальныхъ школахъ цюрихскаго кантона обучается 30,898 дѣтей, — значитъ, ежегодно кончаютъ курсъ около 5,000 дѣтей.² Всѣхъ дѣтей въ цюрихскомъ кантонѣ родится 7,500. Такъ-какъ здѣсь обучаются въ школахъ всѣ дѣти безъ исключенія, то очевидно, что изъ остальныхъ 2,500 дѣтей часть умираетъ, а часть обучается въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, именно частныхъ первоначальныхъ школахъ.

II.

Частныя первоначальныя школы.

Въ цюрихскомъ кантонѣ обученіе обязательное, но родителямъ предоставлено на выборъ воспитывать своихъ дѣтей или въ правительственныхъ общинныхъ школахъ, или въ первоначальныхъ школахъ, содержимыхъ частными людьми. Послѣднихъ въ цюрихскомъ кантонѣ не мало. Обученіе въ нихъ ведется такъ-же хорошо, а въ нѣкоторыхъ даже лучше, чѣмъ въ общинныхъ школахъ. Къ усовершенствованію этихъ школъ побуждаетъ какъ соревнованіе съ правительственными школами, такъ и опасеніе закрытія школы. Хотя правительство цюрихскаго кантона и не вмѣшивается прямо въ распоряженія содержателей частныхъ школъ, не навязываетъ имъ своихъ методовъ обученія, но учебные инспекторы имѣютъ право закрывать частныя первоначальныя школы, если замѣтятъ, что обученіе въ нихъ ведется хуже, чѣмъ въ правительственныхъ школахъ.

Въ частныхъ школахъ обучается почти 3,000 дѣтей. Учителей и учительницъ здѣсь 90. Такимъ образомъ, каждый воспитатель и воспитательница обучаютъ среднимъ числомъ 33 ученика. Въ общинныхъ школахъ 590 учителей и учительницъ; они обучаютъ

30,898 дѣтей; слѣдовательно, на одного учащаго приходится 52 учащихся. Лучшіе педагоги утверждаютъ, что учитель можетъ съ пользой и удобствомъ заниматься не болѣе, какъ съ 20 учениками одинаковаго возраста. Извѣстные практики-педагоги считаютъ несомнѣнной истиной, что при обученіи двумя учителями 60 человѣкъ достигается почти двойной успѣхъ сравнительно съ тѣми результатами, какіе получаются при обученіи того-же числа учениковъ однимъ учителемъ. Понятно теперь, что цюрихскій учитель, обучающій въ одно время 26 мальчиковъ и 26 дѣвочекъ, не можетъ достигнуть полнаго успѣха въ своемъ обученіи. Къ тому-же учителя общинныхъ первоначальныхъ школъ преподаютъ также и въ дополнительныхъ школахъ, гдѣ обучается болѣе 11,000 дѣтей. Такимъ образомъ, каждому учителю приходится обучать уже не 52, а 70 ученицъ и учениковъ. Это невыгодное, съ педагогической точки зрѣнія, отношеніе показываетъ, что цюрихскій кантонъ не сдѣлалъ еще и половины того, что онъ долженъ-бы сдѣлать для исполнѣнія рациональнаго устройства первоначальныхъ школъ, хотя, повторяемъ, цюрихскія первоначальныя школы все-таки лучшія въ Европѣ.

Въ частныхъ школахъ учатся за условленную годовую плату дѣти болѣе обеспеченныхъ родителей, такъ-какъ эти школы устроены еще съ большимъ комфортомъ, чѣмъ общинныя.

Кромѣ частныхъ школъ, берущихъ опредѣленную плату съ своихъ учениковъ за обученіе, въ цюрихскомъ кантонѣ существуютъ даровыя частныя школы, специально назначенныя для рабочаго класса; ихъ, впрочемъ, правильнѣе называть пріютами, чѣмъ школами. Онѣ извѣстны подъ именемъ Spielschulen, Kleinkinder bewahranstalten и пр. Сюда рабочіе приносятъ своихъ дѣтей и оставляютъ ихъ на все время, которое сами проводятъ на фабрикѣ. Къ сожалѣнію, цюрихское правительство обращаетъ очень мало вниманія на эти пріюты. Между тѣмъ здѣсь нѣкоторыя дѣти, до поступления въ общинныя школы, проводятъ по нѣскольку лѣтъ и, слѣдовательно, растутъ подъ впечатлѣніями, здѣсь получаемыми. Правительство не должно-бы забывать, что въ пріютахъ дѣти лишены самаго важнаго надзора — материнскаго, что здѣсь на нихъ обращаютъ очень мало вниманія, держать ихъ не такъ опрятно, какъ-бы слѣдовало, и пр.

Къ разряду частныхъ школъ слѣдуетъ отнести такъ-называемыя

Rettungs Anstalten, находящіяся подѣ непосредственнымъ вѣденіемъ и вліяніемъ клерикаловъ, а также школы слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и заведенія для сиротъ.

III.

Дополнительныя школы.

Цюрихскія первоначальныя школы, какъ мы уже сказали, лучшія въ Европѣ; онѣ служатъ недостижимымъ образцомъ для Франціи, Великобританіи, даже Германіи и другихъ странъ. Остальные швейцарскіе кантоны сочли-бы себя счастливыми, если-бъ могли устроить у себя первоначальное образованіе на такихъ широкихъ основаніяхъ, какъ въ Цюрихѣ. Но цюрихцы держатся другого мнѣнія, они находятъ свои первоначальныя школы весьма далекими отъ совершенства, а обученіе въ нихъ недостаточнымъ. Зная вѣстѣ съ тѣмъ, что сравнительно небольшое число учениковъ первоначальныхъ школъ поступаетъ въ среднія учебныя заведенія, цюрихцы открыли дополнительныя школы, обученіе въ которыхъ также даровое и обязательное для тѣхъ, кто не переходитъ въ спеціальныя и другія школы высшаго разряда. Ученики дополнительныхъ школъ приобретаютъ очень мало новыхъ познаній, они повторяютъ здѣсь пройденное въ первоначальныхъ школахъ и ходятъ въ классъ не каждый день, а только два раза въ недѣлю, по вторникамъ и четвергамъ, употребляя каждый разъ на классныя занятія 4 часа. Въ этихъ школахъ дѣти остаются три года. Такимъ образомъ, къ 6,600 часамъ школьнаго обученія въ первоначальныхъ школахъ слѣдуетъ прибавить 1,000 часовъ обученія въ дополнительныхъ школахъ. Выходитъ, на свое первоначальное образованіе ученикъ цюрихскихъ школъ затрачиваетъ 7,600 часовъ.

Цѣль учрежденія дополнительныхъ школъ, по словамъ цюрихцевъ, заключалась въ томъ, чтобъ ребенокъ сразу не прерывалъ школьныхъ занятій, какъ это дѣлается вездѣ, что обыкновенно приводитъ къ тому печальному результату, что ученики первоначальныхъ школъ въ другихъ странахъ почти тотчасъ-же по выходѣ изъ училища забываютъ почти все, чему учились, нѣкоторые забываютъ даже грамоту. Въ цюрихскихъ дополнительныхъ

школахъ ученики, въ тотъ возрастъ, когда сильнѣе всего дѣйствуютъ виѣшнія впечатлѣнія, два раза въ недѣлю повторяя пройденное еще три года послѣ окончанія курса въ первоначальной школѣ, остаются въ близкихъ сношеніяхъ съ школой. Довольно продолжительный опытъ съ дополнительной школой привелъ къ тому убѣжденію, что она не вполнѣ достигаетъ предполагаемой цѣли. Съ 1859 года въ Цюрихѣ началась агитація въ пользу расширения курса дополнительныхъ школъ; съ 1865 года агитація эта настолько усилилась, что теперь уже внесено законодательнымъ путемъ предложеніе о введеніи въ дополнительныхъ школахъ части курса среднихъ учебныхъ заведеній.

Но пока дополнительные школы не будутъ преобразованы въ среднія учебныя заведенія, обученіе въ которыхъ будетъ обязательнымъ и даровымъ, онѣ не въ состояніи приносить той пользы, какая отъ нихъ ожидалась. Въ настоящемъ своемъ устройствѣ онѣ почти лишнія. Шестилѣтній курсъ совершенно достаточенъ для первоначальной школы. Въ такое продолжительное время ученику и ученицѣ весьма не трудно подготовить себя для поступленія въ среднія учебныя заведенія, а также въ спеціальныя школы. Существованіе дополнительныхъ школъ очевидно доказываетъ несовершенство преподаванія въ первоначальныхъ школахъ. Фактъ, что ученики, выйдя изъ школы, быстро забываютъ пріобрѣтенныя тамъ свѣденія, несомнѣнно вѣренъ, но спрашивается, какая причина производитъ такой странный результатъ? Причину этого скорѣе всего слѣдуетъ искать въ недостаточномъ числѣ учителей; мы уже видѣли, что въ цюрихскихъ первоначальныхъ школахъ, поставленныхъ въ выгодныя условія по сравненію съ другими подобными школами, на одного учителя приходится 52 учащихся. Дополнительные школы нѣсколько исправляютъ тотъ недостатокъ, что ученики, выйдя изъ школы и тотчасъ прерывая всякія сношенія съ нею, быстро забываютъ все, что они здѣсь усвоили. Дѣйствительно, въ дополнительныхъ школахъ ученики втеченіи трехъ лѣтъ повторяютъ пройденное, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта система приводитъ и къ тому неудобству, что учитель первоначальной школы, преподающій и въ дополнительной, вмѣсто 52 учениковъ принужденъ обучать 70. Лучшимъ средствомъ для поднятія уровня образованія въ первоначальныхъ цюрихскихъ школахъ было-бы назначеніе двойного комплекта учителей. Тогда, конечно, не было-бы никакой надобности въ до-

полнительныхъ школахъ, имѣющихъ назначеніемъ не дальнѣйшее обученіе, а только повтореніе пройденнаго.

Къ тому-же восьмичасовое обученіе въ недѣлю, обязательное для дополнительныхъ школъ, въ сущности недостаточно. Въ эти школы поступаютъ собственно или менѣ развитые изъ учениковъ первоначальныхъ школъ, которые не въ состояніи выдержать экзамена для поступленія въ среднія или спеціальныя учебныя заведенія, или-же дѣти бѣднѣйшихъ родителей, для которыхъ потеря рабочаго часа весьма чувствительна. Отъ этого происходитъ, что и ученики неохотно посѣщаютъ эти школы, и учителя недовольны тѣмъ, что имъ приходится тратить время съ учениками плохо занимающимися. Понятно, что при такихъ условіяхъ преподаваніе здѣсь не можетъ идти особенно успѣшно и приходится прибѣгать къ болѣе строгой дисциплинѣ, чѣмъ въ первоначальныхъ школахъ. Ученики этихъ школъ уже въ томъ возрастѣ, когда начинается чувствоваться стремленіе къ извѣстной независимости, а между тѣмъ нѣтъ побудительной причины учиться и ради этого подчиняться школьной дисциплинѣ. Дѣти приходятъ сюда, по большей части, усталые отъ работъ въ полѣ и на фабрикахъ. По выбраннымъ ими профессіямъ ученики дополнительныхъ школъ въ настоящемъ учебномъ году распредѣлялись такъ: занимающихся земледѣльческими работами 34%, на фабрикахъ 29%, ремеслами на дому 17%, въ качествѣ учениковъ у ремесленниковъ 7%, домашней прислуги 6% и неизбѣжныхъ опредѣленныхъ занятій 7%.

Такое распредѣленіе по профессіямъ ясно показываетъ, что большинство учениковъ дополнительныхъ школъ занимается уже серьезной работой, иные изъ нихъ добываютъ самостоятельно средства къ существованію и для нихъ неособенно удобно терять 8 часовъ въ недѣлю не для приобрѣтенія новыхъ свѣденій, въ которыхъ, конечно, они сильно нуждаются, а только для повторенія того, что они приобрѣли въ первоначальной школѣ, когда они были еще совсѣмъ дѣтьми и ни о чемъ не заботились. Поэтому они смотрятъ если не враждебно, то и не вполне доброжелательно на дополнительную школу, чѣмъ вызываютъ недовольство учителей.

Бѣлая помощь этимъ неудобствамъ, народныя представители цюрихскаго кантона вотировали законъ, по которому число часовъ обученія въ дополнительныхъ школахъ увеличено до 12. Конечно, это было полумѣрой, которая едва-ли могла принести какую-нибудь

пользу. По этимъ или другимъ соображеніямъ, народъ своимъ голосованіемъ отвергъ этотъ законъ. Реформаторы приписали свое поражение реакціонерамъ и піетистамъ, которые, будто-бы, значительно усилились въ послѣднее время въ цюрихскомъ кантонѣ. Кто правъ, кто виноватъ—сказать мудрено. Но дѣло въ томъ, что теперь и сами реформаторы находятъ, что предложенная ими мѣра была слишкомъ недостаточна, и хлопочуть уже надъ проведеніемъ новаго проекта: переформированія дополнительныхъ школъ въ среднія учебныя заведенія съ ограниченнымъ курсомъ, которыя желаютъ сдѣлать обязательными для всѣхъ учениковъ первоначальныхъ школъ, непоступающихъ въ спеціальныя заведенія. Если нельзя будетъ добиться обязательности на весь курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, они готовы сдѣлать уступку и требовать обязательности, по крайней мѣрѣ, на два года.

Обученіе въ первоначальныхъ школахъ свѣтское или почти свѣтское. Официально учитель и учительница не должны совѣмъ обучать своихъ воспитанниковъ закону Божію; но имъ предоставлено право излагать факты священной исторіи въ курсѣ исторіи еврейскаго народа. Цюрихскій гражданинъ можетъ исповѣдывать какую ему угодно вѣру и его гражданскія и политическія права нисколько не зависятъ отъ принадлежности его къ той или другой религіи. Его никогда не спросятъ, какую религію онъ исповѣдуетъ, и потому община, отъ которой зависитъ выборъ учителя, никогда не интересуется узнать, къ какой религіи онъ принадлежитъ. Впрочемъ, община имѣетъ право приглашать духовное лицо для преподаванія закона Божія, что встрѣчается обыкновенно въ тѣхъ общинахъ, гдѣ первенствующую роль играютъ граждане, принадлежащіе къ различнымъ дисидентскимъ сектамъ, напримѣръ, методистамъ, анабаптистамъ и другимъ. Такія общины всегда приглашаютъ въ школу отдѣльнаго учителя закона Божія.

Въ большей части случаевъ между учителемъ духовнымъ и свѣтскимъ существуютъ дружелюбныя и мирныя отношенія; оба они нисколько не мѣшаютъ одинъ другому; каждый изъ нихъ исполняетъ свое дѣло и не считаетъ себя въ правѣ контролировать своего товарища. Но случается иногда, что между представителями свѣтскаго и духовнаго принципа возникаетъ вражда, отъ которой сильно страдаетъ самое дѣло обученія. Въ такомъ случаѣ пререканіямъ и неудовольствіямъ не бываетъ конца и дѣло кончается вмѣшатель-

ствомъ общинныхъ властей. Для избѣжанія подобныхъ несогласій, вредно отражающихся на учебномъ дѣлѣ, многіе депутаты подымали въ представительныхъ учрежденіяхъ кантона вопросъ о совершенномъ уничтоженіи преподаванія закона Божія въ первоначальныхъ школахъ, но представленія ихъ постоянно отвергаются. Ихъ противники всегда ссылаются на то, что вопросъ объ уничтоженіи преподаванія закона Божія въ первоначальныхъ школахъ составляетъ только часть общаго вопроса объ отдѣленіи церкви отъ государства и объ уничтоженіи государственной церкви, — вопроса, который еще не настолько созрѣлъ, чтобъ можно было его пустить на обсужденіе, какъ въ палатахъ, такъ и въ народныхъ собраніяхъ. Но, конечно, дѣло тутъ не въ относительной зрѣлости вопроса, а въ томъ, что протестантское духовенство, наслѣдовавшее католическому, приобрѣло его силу и вліяніе. Оно до сихъ поръ еще пользуется громаднымъ значеніемъ въ странѣ и располагаетъ значительной партіей. Цюрихское общественное мнѣніе, столь прогрессивное въ политическихъ и гражданскихъ вопросахъ, дѣйствуетъ крайне сдержанно и нерѣшительно, когда дѣло касается вопросовъ религіозныхъ.

У насъ нѣтъ положительныхъ данныхъ для опредѣленія, въ сколькихъ именно общинныхъ школахъ преподается законъ Божій и гдѣ онъ исключенъ изъ преподаванія. Мы знаемъ только, что въ 1873 году законъ Божій не преподавался въ третьей части среднихъ учебныхъ заведеній.

Окончивъ обученіе въ дополнительной школѣ, т. е. достигнувъ пятнадцатилѣтняго возраста, цюрихскій юноша все-таки не освобождается отъ вліянія школы. Еще цѣлый годъ онъ обязанъ ходить къ учителю разъ въ недѣлю и брать у него уроки музыки и пѣнія. Такимъ образомъ, будущій гражданинъ подчиненъ школьной дисциплинѣ и школьному обученію въ продолженіи 8,000 часовъ. Эта значительная цифра стоитъ серьезнаго вниманія, такъ-какъ она показываетъ, какое громадное вліяніе оказываетъ школа на воспитаніе гражданина цюрихскаго кантона. Въ эти 8,000 часовъ цюрихскій гражданинъ получаетъ настолько значительное умственное и нравственное развитіе, что впоследствии, когда онъ выступитъ

на жизненную арену, онъ является какъ-бы обезпеченнымъ отъ тѣхъ растлѣвающихъ вліяній, которыя дѣйствуютъ столь разрушительно на низшіе классы населенія всѣхъ другихъ западно-европейскихъ странъ. Конечно, и въ цюрихскомъ кантонѣ можно встрѣтить пьяницъ, развратниковъ и даже людей, совершающихъ страшныя преступленія, но они встрѣчаются здѣсь только какъ рѣдкое исключеніе.

Воспитаніе, получаемое цюрихскимъ гражданиномъ въ первоначальныхъ школахъ, настолько солидно и разнообразно, что оно даетъ ему возможность не только ясно понимать свои права и обязанности, но и пользоваться ими съ тактомъ и смысломъ. Цюрихскій гражданинъ въ большей части случаевъ дѣйствуетъ самостоятельно, какъ избиратель. Не меньшую самостоятельность выказываетъ онъ и въ томъ случаѣ, когда ему приходится подавать свой голосъ въ пользу или противъ закона, отданнаго на обсужденіе народныхъ собраній.

То-ли мы видимъ въ другихъ странахъ, напримѣръ, во Франціи, гдѣ граждане давно уже пользуются правомъ всеобщей подачи голосовъ? Немногіе избиратели тамъ дѣйствуютъ сознательно. Большинство подаетъ свой голосъ случайно, въ пользу той партіи, которая сумѣла подѣйствовать на его невѣжество; а происходитъ это оттого, что масса французскихъ избирателей не знаетъ даже грамоты. или если и училась въ первоначальныхъ школахъ, то вынесла оттуда новые предразсудки, что никакъ не могло повліять на уменьшеніе ея невѣжества и суевѣрія. Большинство французскихъ первоначальныхъ школъ находится подъ вліяніемъ клерикаловъ, находящихъ, что не зачѣмъ имѣть лучшихъ учителей, какъ столь извѣстные всей Европѣ отцы *иньорантины*, набираемые изъ недоучившихся семинаристовъ и совершенно необразованныхъ монаховъ (образованный монахъ не пойдетъ въ учителя, онъ всегда можетъ рассчитывать на блестящую будущность).

На первоначальныя и дополнительныя школы цюрихскій кантонъ тратитъ 715,000 франковъ, что составляетъ половину всего расхода (1,438,000 франковъ) на общественное образованіе, а этотъ бюджетъ, въ свою очередь, составляетъ треть всѣхъ государственныхъ расходовъ цюрихскаго кантона.

Если эту цифру—715,000 франковъ—раздѣлить на 5,150, т. е. на среднее число учениковъ и ученицъ, ежегодно кончающихъ курсъ

въ первоначальныхъ школахъ, то окажется, что полное воспитаніе ученика въ первоначальной и дополнительной школахъ обходится кантону въ 137 франковъ.

Чтобъ составить полную цифру расхода на первоначальныя школы въ цюрихскомъ кантонѣ, къ 715,000 франкамъ, отпускаемымъ правительствомъ, слѣдуетъ приложить расходы на частныя школы, но, къ сожалѣнію, у насъ подъ руками нѣтъ этой цифры.

IV.

Школы для взрослыхъ и ремесленныя школы.

Какъ ни дурно устроено первоначальное образованіе въ западной Европѣ, но все-таки о немъ заботятся сколько-нибудь, тратя на него деньги. Что-же касается специальныхъ ремесленныхъ школъ, или лучше сказать, такихъ учебныхъ заведеній, гдѣ-бы рабочій и ремесленникъ могъ получать практическое образованіе, специально приименное къ его ремеслу, то о такихъ школахъ почти никто не хочетъ и думать; почти нигдѣ изъ государственнаго бюджета не отдѣляютъ на нихъ ни копейки. Причины такого отношенія къ ремесленному образованію—чисто-политическія, и мы не станемъ разбирать ихъ въ этой статьѣ, посвященной специально общественному образованію.

До послѣдняго времени цюрихскій кантонъ, какъ и всѣ другія страны, весьма мало обращалъ вниманія на ремесленное образованіе. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ цюрихскіе реформаторы заговорили о необходимости создать специальныя ремесленныя школы, отдѣльно для каждаго мастерства. Ихъ усилія увѣнчались успѣхомъ и вскорѣ вопросъ о ремесленномъ образованіи былъ подвергнутъ обсужденію представительныхъ собраній, и они выработали уставъ о ремесленномъ образованіи, дѣйствующій и въ настоящее время. Уставъ этотъ былъ принятъ народными собраніями и вскорѣ въ цюрихскомъ кантонѣ было открыто нѣсколько десятковъ школъ для рабочихъ и ремесленниковъ, которыя получили специальное названіе „школы для взрослыхъ“. Въ настоящее время въ цюрихскомъ кантонѣ такихъ школъ 56, что составляетъ треть всѣхъ подобныхъ школъ, открытыхъ во всемъ Швейцарскомъ Союзѣ. Въ цюрихскихъ школахъ для взрослыхъ обучается теперь 1,200 учениковъ.

Собственно говоря, эти школы лишены всякой официальнойности, однакожь администрація относится къ нимъ вполне сочувственно и оказываетъ имъ всякую помощь. Настоящіе хозяева этихъ школъ — общины, тратяція на нихъ 12,000 франковъ. Всякая такая школа, которую посѣщаетъ не менѣе 10 учениковъ, имѣетъ право на субсидію отъ государства въ 250 франковъ, если она выразитъ желаніе подчиниться надзору государства и согласится точно исполнять уставъ, изданный специально для подобныхъ школъ. Изъ 12,000-го бюджета этихъ школъ 10,000 идутъ собственно на жалованье учителямъ рисованія и черченія. Классъ рисованія и черченія обязательенъ для всѣхъ учениковъ, посѣщающихъ школу. Прочіе предметы преподаванія не обязательны и могутъ посѣщаться желающими. Главные предметы обученія въ этихъ школахъ: математика и иностранные языки — французскій и англійскій.

Обученіе въ этихъ школахъ не совсѣмъ даровое, по крайней мѣрѣ, въ большей части изъ нихъ. Ученики платятъ отъ 2 до 4-хъ франковъ въ годъ, смотря по числу часовъ преподаванія въ недѣлю; въ иныхъ школахъ нѣкоторые предметы преподаются безплатно, а за другіе вносятся опредѣленная плата, но такъ, чтобъ въ общей сложности она не превышала 4-хъ франковъ. Многія изъ этихъ школъ получаютъ субсидію отъ общественной подписки; въ такомъ случаѣ ученики увольняются отъ взноса платы. Замѣчательно, что мѣстное духовенство не сочувствуетъ этимъ школамъ и въ списокъ жертвователей на школы почти никогда не встрѣчается лицъ духовнаго званія. Преподають въ этихъ школахъ по большей части учителя первоначальныхъ школъ; къ нимъ присоединяются медики, архитекторы, даже люди свѣтскіе, желающіе употребить свободное время съ пользой для молодыхъ рабочихъ. Конечно, эти образованные люди своимъ личнымъ вліяніемъ приносятъ дѣлу несравненно большую пользу, чѣмъ люди, жертвующіе на него деньгами. Эти развитые люди, предающіеся съ любовью и самоотверженіемъ занятіямъ съ рабочими, значительно подвинули впередъ развитіе ремесленниковъ въ цюрихскомъ кантонѣ. Въ большинствѣ школъ для взрослыхъ преподаваніе идетъ по воскресеньямъ, утромъ или послѣ полудня. Главными предметами преподаванія, какъ мы уже замѣтили выше, считаются: техническое рисованіе и математика, примѣненная къ промысламъ и коммерческой дѣятельности. Многіе изъ учениковъ охотно изучаютъ французскій и англійскій

языки. Чтобъ точнѣе познакомиться съ этими школами, сообщимъ нѣкоторыя данныя, извлекая ихъ изъ рапорта, представленнаго ассоціаціи общественной пользы въ Ньююнстерѣ о состояніи воскресныхъ школъ этого округа. Здѣсь школы открылись ранѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ округахъ цюрихскаго кантона, и пользуются репутацией лучшихъ школъ во всемъ кантонѣ.

Преподаваніе въ ньююнстерскихъ школахъ дѣлится на два семестра: лѣтній и зимній. Ученики могутъ избирать или тотъ, или другой. На лѣтній семестръ въ 1874 году записалось 50 учениковъ, на зимній—100. Въ лѣтнемъ семестрѣ считается 15 недѣль и урокъ продолжается три часа; въ зимнемъ семестрѣ—21 недѣля, урокъ продолжается два часа. Большая часть учениковъ слушаетъ курсъ смѣшанно, то въ лѣтнемъ, то въ зимнемъ семестрѣ. Посѣщающіе всѣ лекціи безъ исключенія употребляютъ въ годъ на обученіе 87 часовъ, но далеко не всѣ ученики посѣщаютъ курсъ акуратно: изъ 1,200 учениковъ 300 оказались посѣщавшими курсы только 8 разъ въ годъ. Такая неаккуратность происходила большею частью оттого, что ученики, имѣя слѣшную, срочную работу въ ремесленныхъ заведеніяхъ, вынуждены были кончать ее въ воскресенье, въ часы, назначенные для школьныхъ занятій.

Обученіе въ школахъ для взрослыхъ продолжается два и три года. Принимая 200 часовъ за среднее число часовъ, проводимыхъ ученикомъ въ училищахъ для взрослыхъ, мы получимъ, что цюрихскій гражданинъ проводитъ въ школахъ для первоначальнаго обученія 8,200 часовъ и оканчиваетъ школьное обученіе лѣтъ 18 отъ роду.

Въ нью-юнстерскихъ воскресныхъ школахъ, гдѣ обучаются преимущественно каменщики, слесаря и ученики механическихъ заведеній, доведено до изумительнаго совершенства черченіе плановъ. Ученики съ такой-же легкостью разбираютъ подробности плановъ какъ музыканты ноты. Они не только срисовываютъ модели, но и сами дѣлаютъ ихъ. Въ одной изъ этихъ школъ есть богатое собраніе моделей, составленное исключительно изъ работъ ея учениковъ. Въ этой-же школѣ выставлены образцы каллиграфіи, доведенные до изумительнаго совершенства. Такими образцовыми каллиграфами оказались юные прикащики коммерческихъ учреждений. Здѣсь-же учителя устраиваютъ литературныя бесѣды для своихъ учениковъ. При

школѣ имѣется отличная бібліотека, а ея зала для конференцій такъ велика, что въ свободные дни занимается для концертовъ.

Нѣсколько человѣкъ, ставившихъ выше всего общую пользу, основали на свои собственные средства профессиональную школу (Gewerbeschule), которая въ декабрѣ 1874 года имѣла уже 300 учениковъ. Есть основаніе предполагать, что съ каждымъ годомъ число ихъ станетъ увеличиваться. Математика занимаетъ весьма видное мѣсто въ ряду предметовъ, преподаваемыхъ въ этой школѣ. Но главное вниманіе здѣсь обращается на рисованіе, примѣнительно къ каждой отдѣльной профессіи; здѣсь столько самостоятельныхъ классовъ рисованія, сколько профессій, имѣющихъ своихъ представителей въ школѣ. Въ преподаваніи рисованія здѣсь держатся той-же системы, какая принята въ Штуттардѣ въ „Central Hall für Handel und Gewerbe“, имѣющей репутацію образцовой школы для всѣхъ странъ, говорящихъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Во внутреннемъ своемъ устройствѣ цюрихская профессиональная школа имѣетъ одно установленіе, отличающее ее отъ другихъ подобныхъ школъ. Ученики этой школы избираютъ изъ себя комитетъ, который сносится съ начальствомъ школы и представляетъ собой посредника между начальствомъ и учениками. Комитетъ представляетъ директору школы подробный докладъ о нуждахъ учениковъ; директоръ совѣтуется съ комитетомъ насчетъ назначенія часовъ для классныхъ занятій, замѣны учителей вмѣсто выбывшихъ, о перемѣнахъ въ преподаваніи и пр. Комитетъ разбираетъ споры между учениками, водворяетъ между ними порядокъ и проч. При такомъ устройствѣ значительно упрощаются и облегчаются обязанности школьнаго начальства. Директоръ всегда знаетъ нужды и желанія своихъ учениковъ. Ученики, въ свою очередь, относятся къ школьному начальству съ большей искренностью и откровенностью, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но какъ ни хороши практическіе результаты отъ такого установленія, моральные во всякомъ случаѣ превышаютъ ихъ: ученики привыкаютъ къ инициативѣ, лучше понимаютъ свои обязанности и отвѣтственность, которая налагается на нихъ, какъ на членовъ цивилизованнаго общества, наконецъ, какъ на людей, которыхъ, по выходѣ изъ школы, въ свое

время придется принимать прямое участіе въ движеніи законодательства въ своемъ отечествѣ, потому что каждый изъ нихъ, не опороченный преступленіемъ, будетъ подавать свой голосъ въ народномъ собраніи.

За небольшими исключеніями, въ профессиональную школу въ первое время послѣ ея открытія поступали ученики не моложе 16 лѣтъ. Такую норму установилъ законъ 1867 года. Законодатели желали, чтобы профессиональная школа была школой для взрослыхъ, а не для дѣтей, чтобы туда поступали ученики, пробывшіе опредѣленное число лѣтъ въ дополнительной школѣ или даже окончившіе курсъ во второразрядной. Но вскорѣ практика дѣла показала, что ограниченіе, введенное закономъ 1867 года, въ сущности совершенно лишнее, и что нѣтъ причины стѣсняться возрастомъ учениковъ, тѣмъ болѣе, что ученики проводятъ въ ней всего 8 часовъ въ недѣлю. Какое основаніе мѣшать мальчикамъ 14 и 15 лѣтъ поступать въ профессиональную школу, если они желаютъ тамъ учиться? Зачѣмъ ставить имъ въ вину, что они не достигли опредѣленнаго закономъ возраста? Мало-по-малу школьное начальство стало дѣлать исключенія, ссылаясь на какія-нибудь чрезвычайныя обстоятельства, и законъ палъ самъ собою. Кантональное правитель-ство, въ свою очередь, не настаивало на точномъ исполненіи закона и само утверждало отступленія отъ него. Теперь въ профессиональной школѣ сидятъ на одной скамьѣ мальчики 13 лѣтъ, юноши 18 и женатые работники; помѣщаются рядомъ отецъ съ своимъ сыномъ.

Приверженцы прежней системы увѣряютъ, что допущеніе мальчиковъ въ профессиональную школу препятствуетъ наплыву въ нее взрослыхъ работниковъ, которые будто-бы не желаютъ сидѣть на одной скамьѣ съ ребятами.

Подобныя возраженія доказываютъ только, что профессиональная школа — явленіе новое даже въ кантонѣ Цюрихѣ и что настоящихъ принциповъ и системы относительно ея еще не установилось.

Профессиональная школа представляетъ собой конкуренцію дополнительнымъ школамъ, и при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, т. е. при открытіи отдѣленій ея въ другихъ городахъ кантона, сдѣлаетъ ихъ совсѣмъ ненужными. Тогда профессиональная школа можетъ конкурировать даже со второразрядными школами. Несомнѣнно одно, что распространеніе профессиональныхъ школъ повлечетъ за собой

совершенное уничтоженіе дополнительныхъ школъ, что во всякомъ случаѣ полезно, такъ-какъ этимъ уничтоженіемъ достигнется возвышеніе учебнаго уровня первоначальныхъ школъ.

Нечего удивляться, если даже лучшіе умы въ Цюрихѣ задумываются надъ разрѣшеніемъ вопроса: въ какое заведеніе направлять ребенка, окончившаго курсъ въ первоначальной школѣ? Очень многіе изъ нихъ желали-бы уничтожить дополнительную школу, считая ее лишней. Они хотѣли-бы обязательство посѣщенія дополнительной школы перенести на второразрядную, но тутъ встрѣчается затрудненіе: противъ обязательности посѣщенія второразрядной школы высказывается еще очень сильная партія. Другіе хотятъ сдѣлать обязательнымъ посѣщеніе школъ для взрослыхъ, но колеблются относительно числа лѣтъ, необходимыхъ для полученія свѣденій въ этихъ заведеніяхъ. И тѣ, и другіе находятъ, что сконцентрировать образованіе въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи полезнѣе, чѣмъ раздѣлять его между различными школами, а главное удерживать школы, какъ указала практика, по своей организациіи неимѣющія возможности приносить той пользы, какая отъ нихъ ожидалась во время составленія ихъ устава.

Но пока идутъ споры насчетъ предпочтенія той или другой системы, школы для взрослыхъ увеличиваются въ своемъ числѣ, потому что отчасти удовлетворяютъ возникшей потребности. Нѣтъ сомнѣнія, что число ихъ увеличилось-бы еще болѣе, если-бы онѣ могли удовлетворить вполнѣ этой потребности. Онѣ еще далеко не то, чѣмъ должны-бы быть. Это, впрочемъ, нисколько не уменьшаетъ заслугъ тѣхъ людей, которые великодушно жертвовали и своими матеріальными средствами, и своими знаніями для развитія и процвѣтанія этого полезнаго учрежденія. Если достигнуты довольно слабые результаты, то виной тому не эти люди, а недостатокъ матеріальныхъ средствъ, которыя во всякомъ дѣлѣ представляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ. Однакожъ, нечего сомнѣваться, что какъ школы для взрослыхъ, такъ и профессиональныя школы получаютъ вскорѣ должное развитіе. Въ Цюрихѣ такъ много сдѣлано для общественнаго образованія, что есть полное основаніе надѣяться, что цюрихцы не останутся на полученныхъ уже срав-

нительно блистательныхъ результатахъ и поведутъ дѣло далѣе, съ намѣреніемъ получить еще болѣе благотворныя.

Намъ остается упомянуть о нѣсколькихъ ассоціаціяхъ взаимнаго обученія, какъ, наприимѣръ, объ обществѣ Грютли, обществѣ начинающихъ комерсантовъ, обществѣ молодыхъ драматическихъ писателей и пр. Впрочемъ, о нихъ не зачѣмъ говорить въ этой статьѣ, посвященной общественному образованію, такъ-какъ онѣ, несмотря на имена, которыя носятъ, скорѣе клубы, чѣмъ школы, и съ народнымъ образованіемъ имѣютъ лишь косвенную связь.

ГЛАВА II.

Среднее образованіе.

I.

Среднія учебныя заведенія.

Дѣти мелкой буржуазіи, богатыхъ крестьянъ и ремесленниковъ, минуя школы дополнительныя, ремесленныя и для взрослыхъ, поступаютъ въ среднія учебныя заведенія, находящіяся подъ вѣденіемъ кантональнаго правительства. Среднія заведенія такъ-же удобно называть воспитательными заведеніями мелкой буржуазіи, какъ первоначальныя школы—заведеніями для образованія ремесленниковъ, фабричныхъ рабочихъ, прислуги, земледѣльцевъ и прочаго подобнаго люда.

Въ 1873 году былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобъ сдѣлать среднее образованіе обязательнымъ для всѣхъ гражданъ цюрихскаго кантона, однакожь благопріятнаго рѣшенія по этому дѣлу не состоялось и реформаторы добились только того, что среднее образованіе, именно во второразрядныхъ школахъ, объявлено даровымъ на всемъ пространствѣ кантона.

Въ 1872 году въ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или второразрядныхъ школахъ, какъ ихъ тамъ называютъ, обучалось 2,000 мальчиковъ и 1,000 дѣвочекъ. Учителей въ этихъ школахъ было 100, всѣхъ школъ 66.

Въ 1874 году число обучающихся во второразрядныхъ школахъ возрасло до 3,700. Кантонъ на ихъ воспитаніе тратилъ 200,000 франковъ, что составляетъ 54 франка на воспитанника. Кромѣ кантональныхъ суммъ, на эти школы расходуются также суммы общинныя, такъ что среднимъ числомъ ученикъ или ученица второразрядной школы обходится приблизительно въ 100 франковъ.

Читатели замѣтили, вѣроятно, значительную разницу между числомъ учениковъ и ученицъ, обучающихся во второразрядныхъ школахъ. Дѣвочекъ въ нихъ вдвое меньше, чѣмъ мальчиковъ. Прежде было еще хуже: на 100 мальчиковъ приходилось всего 25 дѣвочекъ, теперь же ихъ приходится 33. Къ тому же число дѣвочекъ значительно увеличивается съ каждымъ годомъ, и въ пропорціи большей, чѣмъ мальчиковъ. Въ то время, какъ число мальчиковъ увеличивалось въ пропорціи 4 къ 5, число дѣвочекъ возрастало въ пропорціи 3 къ 5.

Есть надежда, что даровое обученіе быстро увеличитъ число дѣвочекъ, посѣщающихъ второразрядныя школы. Теперь же даже въ Цюрихѣ дѣвочки все еще принадлежатъ къ пролетаріату общественнаго образованія, хотя здѣсь отношеніе обучающихся дѣвочекъ къ мальчикамъ несравненно болѣе выгодное, чѣмъ въ другихъ странахъ. Такъ, напримѣръ, въ Ломбардіи, поставленной относительно образованія лучше другихъ мѣстностей въ Италіи, отецъ семейства, жертвующій значительную сумму на воспитаніе своего сына, колеблется истратить десятую часть этой суммы на воспитаніе своей дочери, полагая, что „дѣвкѣ безъ науки прожить можно“, „мальчику же грамота нужна, потому что безъ нея нынче не примутъ ни въ какое дѣло“. Ради такихъ практическихъ соображеній мальчиковъ начинаютъ посылать въ школы и число учащихся въ Ломбардіи съ каждымъ годомъ увеличивается. Обученіе же дѣвочекъ очень туго подвигается впередъ.

Во второразрядныхъ школахъ дѣвочки и мальчики обучаются въ одномъ зданіи, но въ разное время; однакожь, есть школы, гдѣ мальчиковъ сажаютъ на одной сторонѣ, а дѣвочекъ—на другой. Возрастъ, въ которомъ обучаются во второразрядныхъ школахъ, признается такимъ возрастомъ, когда является необходимость раздѣлять оба пола учащихся, что, однакожь, не мѣшаетъ имъ впоследствии, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, садиться снова рядомъ. Въ болѣе богатыхъ общинахъ имѣются отдѣльныя второразрядныя

школы для мальчиковъ и дѣвочекъ. Впрочемъ, въ большинствѣ общинъ школа одна, но дѣвочки учатся отдѣльно отъ мальчиковъ. Опытные педагоги говорятъ, что въ этомъ возрастѣ существуетъ особенная вражда между учениками и ученицами, что также служитъ поводомъ къ ихъ отдѣленію другъ отъ друга во второразрядныхъ школахъ. Эти-же самые педагоги, напротивъ, находятъ полезнымъ совмѣстное обученіе обоихъ половъ въ первоначальныхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ нормальной школѣ въ Куснахтѣ, куда дѣвочки принимаются съ спеціальной цѣлью приготовленія изъ нихъ учительницъ и гдѣ курсъ продолжается нѣсколько лѣтъ, уставомъ заведенія положено, что ученицы не смѣютъ жить въ одномъ зданіи съ учениками этой школы, приготовляющимися также для занятія учительскихъ должностей. Эти-же самыя ученицы слушаютъ лекціи въ однихъ классахъ съ мальчиками.

Во второразрядныхъ школахъ для класснаго обученія положено 34 часа въ недѣлю. Въ курсъ этой школы входятъ слѣдующіе предметы: новые языки, математика, исторія, географія, естественныя науки, художественное и техническое рисованіе, пѣніе и гимнастика. Мальчики употребляютъ 3 часа въ недѣлю на изученіе геометріи, а дѣвочки въ замѣнъ геометріи употребляютъ 6 часовъ въ недѣлю на работу иглой. Такъ что дѣвочки учатся уже не 34 часа въ недѣлю, а 37. Лишеніе дѣвочекъ геометріи по меньшей мѣрѣ странно; впрочемъ, теперь явилось уже предположеніе обучать ей и дѣвочекъ, оставляя на работу иглой только 3 часа, чего вполне достаточно.

Ученіе во второразрядныхъ школахъ производится втеченіи 40 недѣль въ году. Курсъ въ этихъ школахъ продолжается 4 года; такъ что число часовъ, проводимыхъ ученикомъ и ученицей во второразрядной школѣ, простирается до 5,400; прибавляя къ нимъ 6,600, проводимыхъ въ первоначальной школѣ, окажется, что гражданинъ или гражданка цюрихскаго кантона, окончившіе курсъ во второразрядной школѣ, провели за школьнымъ обученіемъ 12,000 часовъ.

Такимъ образомъ оказывается, что земледѣлецъ и рабчій для своего гражданскаго воспитанія довольствуются 6,600 часами школьнаго обученія, а мелкій промышленникъ и лавочникъ требуютъ уже 12,000. Впрочемъ, многіе мелкіе промышленники и лавочники про-

ходить только 2 класса второразрядныхъ школъ—слѣдовательно, употребляютъ на свое школьное обученіе 9,000 часовъ.

II.

Земледѣльческая школа въ Стрикгофѣ.

Въ 1853 году правительство цюрихскаго кантона учредило въ Стрикгофѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ Цюриха, образцовую ферму, которая въ то-же время должна была служить земледѣльской школой. Домъ подъ фермой и земля принадлежатъ кантональному госпиталю, который уступилъ ихъ въ наймы за скромную арендную плату—4,000 франковъ.

Ферма со всѣми ея постройками и землей заключаетъ въ себѣ пространство въ 40 гектаровъ. При ней имѣется виноградникъ и фруктовый садъ. На скотномъ дворѣ ея находится 40 дойныхъ коровъ. Вообще средства этого заведенія весьма скромны, но содержится оно прекрасно. Въ началѣ предполагалось, что заведеніе можетъ содержаться собственными средствами, получаемыми отъ продажи молока, овощей, хлѣба, — однимъ словомъ, различныхъ продуктовъ земледѣльческаго производства. Однакожь, это предположеніе не осуществилось; дохода получается всего 25,000 франковъ, а содержаніе обходится въ 60,000. Недостающія суммы получаютъ изъ ежегодныхъ взносовъ учениковъ и пособій отъ правительства. Отъ учениковъ, впрочемъ, получается весьма немного. Полный пансіонеръ заведенія платитъ: уроженецъ кантона 200 франковъ въ годъ, швейцарцы другихъ кантоновъ—500 франковъ, иностранцы—550. Уроженцы цюрихскаго кантона имѣютъ преимущество предъ другими національностями, а такъ-какъ въ заведеніи всего 12 кроватей, то всѣ онѣ почти всегда бывають заняты цюрихцами, т. е. учениками, обязанными взносомъ низшей нормы платы. Отъ этого происходитъ, что заведеніе вынуждено постоянно обращаться за помощью къ правительству и въ государственномъ бюджетѣ цюрихскаго кантона на земледѣльческую школу отчисляется 20,000 франковъ, т. е. столько-же, сколько и на политехническую. Но въ неурожайные годы приходится прибѣгать къ чрезвычайному кредиту и школа получаетъ отъ правительства субсидію въ такомъ размѣрѣ, какой оказывается необходимымъ.

Пансіонеры земледѣльческой школы, за обученіе и содержаніе свое въ школь, обязываются работой въ полѣ, на скотномъ дворѣ и вообще въ зданіяхъ заведенія.

Обученіе разнообразится, смотря по времени года. Лѣтомъ оно имѣетъ болѣе практической характеръ, зимой—болѣе теоретическій. Въ заведеніи преподаются: агрономія, практическая и теоретическая, ботаника, зоологія, земледѣльческая механика, сельская архитектура. Кромѣ этихъ специальныхъ предметовъ, воспитанники обучаются: исторіи, географіи, французскому и нѣмецкому языкамъ, пѣнію и рисованію. Лѣтомъ молодые люди предпринимаютъ агрономическія экскурсіи, посѣщаютъ сосѣдніе лѣса, гдѣ, подъ руководствомъ опытныхъ лѣсничихъ, изучаютъ лѣсоводство.

Обученіе продолжается два года. Зимой ученики заняты буквально съ утра до ночи, такъ-какъ на одно классное обученіе полагается 40 часовъ въ недѣлю.

III.

; ВЕТЕРИНАРНАЯ ШКОЛА.

Цюрихская ветеринарная школа состоитъ при цюрихскомъ университетѣ. Въ ней обучаются ежегодно отъ 40 до 50 учениковъ. Курсъ ученія состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: зоологіи, ботаники, анатоміи, патологіи, химіи и клиническаго ветеринарнаго искусства. На эту школу расходуется 24,000 франковъ въ годъ.

Учителя школъ ветеринарной и земледѣльческой въ продолженіи зимы нѣсколько разъ собираются въ конференціи для обсужденія практическихъ вопросовъ земледѣльческой экономіи, которая представляетъ интересъ и приноситъ пользу земледѣльческому сословію. Такимъ образомъ, не земледѣльцы идутъ за наукой, а она сама приходитъ къ нимъ. Конференція каждый разъ собирается въ новомъ мѣстѣ, такъ что чрезъ извѣстное, определенное время обходитъ весь кантонъ. Мѣстные жители той окрестности, гдѣ въ данную минуту происходятъ засѣданія конференціи, толпами стекаются туда для полученія необходимыхъ, драгоценныхъ для нихъ свѣдѣній. Эти конференціи приносятъ громадную пользу и потому вполне достойны подражанія. Къ сожалѣнію, онѣ остаются исключительнымъ явленіемъ, и хотя въ другихъ странахъ учреждаются по-вре-

намъ земледѣльческіе сѣзды, но явленіе это чисто-случайное, имѣющее характеръ временной, а не постоянной мѣры. Къ тому-же эти сѣзды почти никогда не задаются практическими цѣлями и если приносятъ небольшую долю пользы, то развѣ только для участвующихъ въ нихъ, болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, и если въ нихъ иногда являются представители науки, то по большей части чистые теоретики, совершенно незнакомые съ практическими вопросами, разрѣшеніе которыхъ и составляетъ прямое назначеніе подобныхъ сѣздовъ.

Бстати будетъ сказать нѣсколько словъ о предполагаемой школѣ для изученія шелкового производства. Восхищенные своимъ успѣхомъ на вѣнской всемирной выставкѣ, цюрихскіе фабриканты шелковыхъ издѣлій сдѣлали между собой подписку, которая дала 200,000 франковъ, и предназначили эту сумму на учрежденіе школы шелководства, открытіе которой должно послѣдовать въ скоромъ времени.

IV.

ВИНТЕРТУРСКАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

Въ промышленномъ городѣ Винтертурѣ, соперникѣ Цюриха, правительство цюрихскаго кантона устроило профессиональную школу, которую назвало „техникумъ“. Это техническое заведеніе имѣетъ право рассчитывать на блестящую будущность. Цѣль этого учрежденія заключается въ томъ, чтобы давать практическое и теоретическое образованіе ремесленникамъ и второстепеннымъ промышленникамъ. Сюда поступаютъ дѣти мелкихъ промышленниковъ и болѣе обеспеченныхъ земледѣльцевъ и рабочихъ. Эта школа приготовляетъ дѣятельныхъ и развитыхъ подмастерьевъ и служитъ приготовительнымъ заведеніемъ для цюрихскаго политехническаго института.

Въ технической школѣ при ея открытіи были устроены классы для архитекторскихъ помощниковъ, механиковъ, землемѣровъ, заводскихъ химиковъ, гѣншицовъ и чертежниковъ, специально для промышленнаго дѣла. Затѣмъ присоединили еще классы ткачей и полѣсовщиковъ. Предполагается еще присоединить коммерческой классъ, несмотря на то, что какъ въ этомъ-же самомъ городѣ Винтер-

турѣ, такъ и въ Цюрихѣ существуютъ уже коммерческія школы. Винтертурская коммерческая школа пользуется громкой извѣстностью; она приготовляетъ хорошихъ приказчиковъ, которые по выходѣ изъ заведенія разсѣваются по цѣлому міру.

Желающій поступить въ техническую школу обязанъ выдержать экзамень изъ предметовъ 3-го класса второразрядной школы и имѣть не менѣе 15 лѣтъ отъ роду.

Независимо отъ нѣсколькихъ винтертурскихъ музеевъ, открытыхъ для учениковъ технической школы, въ техникумѣ имѣются замѣчательныя коллекціи продуктовъ металургическихъ, химическихъ, а также разнаго рода моделей, ремесленныхъ орудій и образцовъ фабричныхъ производствъ.

Въ технической школѣ въ послѣдній семестръ считалось 70 учениковъ. Кроме того, въ ней открыты вечерніе курсы для взрослыхъ, имѣвшіе 36 слушателей. Затѣмъ 125 человекъ изучали специально курсъ технического рисованія.

Кромѣ субсидій отъ города, техническая школа получаетъ значительное содержаніе изъ государственнаго казначейства. Государство отпускаетъ ей 20,000 франковъ.

Обученіе здѣсь не даровое, но довольно дешевое. Ученики платятъ 30 франковъ за семестръ. Химики, однакожь, платятъ больше; они вносятъ 50 франковъ, потому что работаютъ въ лабораторіи. Кантонъ отпускаетъ нѣсколько стипендій ученикамъ технической школы.

Учебный годъ продолжается 45 недѣль; остальные 7 недѣль въ году назначены для вакацій, раздѣленныхъ на 4 періода: въ апрѣлѣ, въ іюлѣ, октябрѣ и декабрѣ.

Для различныхъ профессій опредѣлена различная норма продолжительности обученія въ школѣ. Такимъ образомъ:

Професія.	Число семестровъ.	Число час. обучен.
Помощники архитекторовъ	5	8,250
Механики	5	7,250
Химики	4	6,750
Рисовальщики и чертежники	4	6,200
Землемѣры.	4	6,200
Ткачи	4	6,400
Полѣсовщики	4	5,700
Ученики коммерческаго класса	5	7,250

Эти часы обученія слѣдуетъ прибавить къ 2,700 часамъ обученія во второразрядныхъ школахъ и 6,600 въ первоначальной; тогда получится настоящая цифра часовъ обученія, какая требуется для приготовленія хорошаго подмастерья въ цюрихскомъ кантонѣ.

V.

Цюрихская коммерческая и промышленная школа.

Техникумъ, специально назначенный для приготовленія хорошихъ подмастерьевъ, какъ мы уже замѣтили, служить также приготовительнымъ заведеніемъ для политехническаго института. Точно также цюрихская коммерческая промышленная школа, предназначенная специально для образованія дѣльныхъ конторщиковъ, бухгалтеровъ, вообще агентовъ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій, служить также подготовительной школой для высшихъ техническихъ заведеній. Ея воспитанники, также какъ и воспитанники технической школы, поступаютъ нерѣдко въ политехническую институтъ. Здѣсь, какъ и въ технической школѣ, получаютъ образованіе дѣти мелкихъ промышленниковъ, небогатыхъ лавочниковъ, болѣе состоятельныхъ земледѣльцевъ и рабочихъ.

Обзоръ этой школы начнемъ съ ея зданія.

Въѣзжая въ деревню цюрихскаго кантона, путешественникъ непременно обратитъ вниманіе на красивое и удобное зданіе, рѣзко отличающееся отъ окружающихъ его домовъ. На его вопросъ, что это за зданіе, ему непременно отвѣтятъ: школа. Точно также въ городахъ и въ мѣстечкахъ, зданія, отличающіяся архитектурнымъ изяществомъ и окруженныя прекраснымъ тѣнистымъ садомъ, навѣрное заключаютъ въ себѣ какое-нибудь учебное заведеніе. Таковъ именно домъ, гдѣ помѣщается *цюрихская кантональная школа*, заключающая въ себѣ собственно два учебныхъ заведенія: гимназію и промышленную коммерческую школу.

Ученикъ, прошедшій два класса второразряднаго училища, поступаетъ прямо или въ коммерческую промышленную школу, приводящую его въ политехническую институтъ, или-же въ гимназію, подготовляющую его къ университету. Такимъ образомъ, эти оба заведенія вмѣстѣ съ техникумомъ представляютъ собою третью степень цюрихской школы.

Ученикъ промышленной школы обязанъ платой въ 50 франковъ въ годъ. Этой платы совершенно недостаточно для содержанія заведенія, такъ-какъ среднимъ числомъ обученіе каждаго воспитанника обходится въ 250 франковъ въ годъ. Недостающіе 200 франковъ на воспитанника школа получаетъ изъ государственнаго бюджета. Буржуазія цюрихскаго кантона съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ этой школѣ. Она считаетъ ее своей не только потому, что здѣсь воспитываются ея дѣти, но еще и потому, что школа содержится на ея счетъ. При существованіи прогрессивнаго налога на доходъ и капиталъ, буржуазія, по ея словамъ, платитъ большую часть налога. Но такъ-какъ почти все учебныя заведенія въ кантонѣ Цюрихъ получаютъ субсидію отъ государства, то поэтому ихъ все надо считать школами для буржуазіи, чего въ дѣйствительности не существуетъ. Буржуазія принимаетъ иное участіе въ промышленной школѣ. Она учредила нѣсколько стипендій отъ 400 до 1,000 франковъ въ годъ, которыя выдаются ученикамъ недостаточнаго состоянія, отличившимся способностями и прилежаніемъ.

Внутренніе порядки въ технической школѣ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Отношенія между начальствомъ и учениками самыя дружественныя. Наказанія неизвѣстны. Случаи исключенія изъ школы до такой степени рѣдки, что о нихъ передается изъ года въ годъ, какъ о почти небываломъ фактѣ.

Въ коммерческой промышленной школѣ обучается 200 учениковъ, въ гимназій—230. Ни въ той, ни въ другой школѣ нѣтъ интерновъ. Въ Цюрихѣ держатся того мнѣнія, что юношамъ слѣдуетъ давать болѣе свободы, которая пріучаетъ ихъ къ самостоятельности и инициативѣ. Цюрихцы не любятъ закрытыхъ учебныхъ заведеній. Мы не будемъ толковать здѣсь о достоинствахъ и недостаткахъ открытыхъ и закрытыхъ заведеній; объ этомъ у насъ ужь слишкомъ много говорили и вопросъ о преимуществахъ того или другого рода заведеній слѣдуетъ считать давно поконченнымъ.

Отсутствіе интерната, конечно, представляетъ неудобство для тѣхъ семействъ, которыя живутъ внѣ Цюриха или не имѣютъ здѣсь родныхъ или знакомыхъ, гдѣ могли-бы помѣстить своихъ дѣтей. Дѣти такихъ родителей находятъ себѣ пріютъ въ семействахъ

учителей, гдѣ существуютъ почти всѣ тѣ удобства, какія могли быть предоставлены ребенку въ собственномъ семействѣ. Слѣдуетъ отдать справедливость учителямъ цюрихскихъ учебныхъ заведеній, имѣющихъ у себя пансіонъ: они честно и добросовѣстно исполняютъ свое дѣло, и можно навѣрное сказать, что въ большинствѣ случаевъ они воспитываютъ и содержатъ порученныхъ имъ дѣтей лучше, чѣмъ-бы ихъ воспитывали и содержали въ домахъ ихъ родителей.

Въ промышленной комерческой школѣ—три класса. Въ первомъ классѣ обучаются вмѣстѣ всѣ вновь поступившіе ученики; по окончаніи курса въ этомъ классѣ ученикъ избираетъ или комерческое, или техническое отдѣленіе. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій преподаются различные предметы.

Въ комерческомъ отдѣленіи ученикъ обучается 38 часовъ въ недѣлю. Здѣсь преподаются: языки—англійскій и итальянскій, торговая арифметика, бухгалтерія, химія, довольно краткая, однакожь неисключающая возможности производить довольно сложные опыты. Кромѣ этихъ предметовъ изучается еще товаровѣденіе, гимнастика и въ низшемъ классѣ—пѣніе.

Въ комерческой школѣ продолжается обученіе военному дѣлу, начатое во второразрядной школѣ; ему посвящается 3 часа въ недѣлю, какъ лѣтомъ, такъ и зимой. Но такъ-какъ обученіе военному дѣлу обязательно для всѣхъ гражданъ цюрихскаго кантона и практикуется во всѣхъ среднихъ и высшихъ школахъ, то мы и не будемъ причислять часы этого обученія къ часамъ, посвящаемымъ учебнымъ предметамъ.

Чтобы сдѣлаться въ цюрихскомъ кантонѣ хорошимъ конторщикомъ или бухгалтеромъ комерческаго предпріятія, необходимо провести слѣдующее число часовъ въ учебныхъ заведеніяхъ:

Въ первоначальной школѣ . . .	6,600 часовъ.
Во второразрядной „ . . .	2,700 „
Въ комерческой, въ 1-мъ классѣ .	1,600 „
„ во 2 и 3 „ . . .	3,100 „

Всего 14,000 часовъ.

Справедливость побуждаетъ насъ сказать, что, за весьма немногими исключеніями, ученики комерческой школы выходятъ недостаточно развитыми и довольно плохими дѣльцами. Хозяева комерческихъ и промышленныхъ предпріятій вообще недовольны ими и

„Дѣло“, № 2.

требуютъ, чтобъ прикащики получали болѣе общее образованіе. Они говорятъ: „Предоставьте намъ воспитывать ихъ для спеціальнаго назначенія на самой практикѣ, вы-же сдѣлайте ихъ прежде всего людьми развитыми“.

Мы не беремъ на себя смѣлость вступать въ пренія съ почтенными хозяевами промышленныхъ и коммерческихъ заведеній и вполне соглашаемся съ ними, что прежде, чѣмъ дѣлать спеціалистовъ, нужно образовывать людей.

Раздѣлившись въ первомъ классѣ, всѣ ученики техническаго отдѣленія втеченіи двухъ семестровъ проходятъ курсъ вмѣстѣ. Затѣмъ снова раздѣляются и идутъ одни въ химическое подѣленіе, гдѣ спеціально преподается химія, другіе въ математическое и изучаютъ тамъ практическую и начертательную геометрію, алгебру, механику и техническое рисованіе. Кромѣ этихъ спеціальныхъ наукъ въ обоихъ подѣленіяхъ преподаются: исторія, новѣйшіе языки и гимнастика. Въ обоихъ подѣленіяхъ курсъ продолжается 18 мѣсяцевъ; въ недѣлю на обученіе полагается 36 часовъ.

Такимъ образомъ, химики и математики употребляютъ на обученіе въ промышленной школѣ 5,300 часовъ. Прибавляя сюда 2,700 часовъ во второразрядныхъ школахъ и 6,600 въ первоначальныхъ, получится 14,600 часовъ, которые необходимы для ученика, желающаго поступить въ политехническій институтъ.

Тѣ изъ учениковъ, которые по какимъ-нибудь причинамъ не могутъ проходить курса наукъ въ промышленной школѣ, но желаютъ поступить въ политехническій институтъ, должны пробить годъ въ приготовительномъ заведеніи, состоящемъ при институтѣ и имѣющемъ названіе *форкурсъ*. Въ этомъ заведеніи проходятся тѣ предметы, которымъ обучаются ученики въ подѣленіяхъ промышленной школы, съ тою разницею, что въ школѣ для этого обученія употребляется 18 мѣсяцевъ, а въ форкурсѣ 12. Кажется-бы, что форкурсъ совершенно лишнее заведеніе; гораздо проще было-бы его учениковъ перевести въ промышленную школу, этимъ достигалось-бы сокращеніе расходовъ. Это правда, но дѣло

въ томъ, что въ форкурсъ поступаютъ исключительно или иностранцы, или уроженцы другихъ кантоновъ Швейцаріи. Форкурсъ, состоя при институтѣ, считается уже высшимъ учебнымъ заведеніемъ, а обучающихся въ немъ зовутъ не учениками, а студентами. Для иностранца вовсе не безразлично считаться ученикомъ или студентомъ. Вотъ почему родители-иностранцы предпочитаютъ форкурсъ промышленной школѣ. Кромѣ того, ихъ привлекаетъ еще и то обстоятельство, что большая часть преподавателей форкурса — профессора политехническаго института. Въ форкурсъ поступаютъ обыкновенно ученики, окончившіе въ своемъ отечествѣ курсъ равносильный, а иногда даже превышающій курсъ цюрихской промышленной школы. Въ форкурсъ они повторяютъ уже знакомое имъ и примѣняются къ тому методу, который принятъ въ самомъ политехническомъ институтѣ, — методу, вполне знакомому воспитанникамъ цюрихской промышленной школы.

Эли Триго.

(Продолженіе будетъ.)

БЕЗПОКОЙНЫЙ.

Подъ пологомъ почки туманной земля
Еще не очнулась отъ сна,
Окутаны мракомъ холмы и поля,
Такая кругомъ тишина.

Но вотъ поблѣлѣлъ, загорѣлся востокъ
И меркнетъ звѣзда за звѣздой
И яркаго свѣта ужь хлынулъ потокъ
За дальнею горной грядой...

Алмазами блещетъ роса на лугахъ
Отъ солнечныхъ жаркихъ лучей,
Въ зеленыхъ, цвѣтущихъ своихъ берегахъ
Журчатъ веселѣе ручей.

Вдали очертанья синѣющихъ горъ
Охвачены словно огнемъ,—
Шумить, оживился раскидистый боръ,
Раздался свистъ пвогги въ немъ.

По полю, по рощамъ и въ чащѣ лѣсовъ
Пронесется гамъ и возня,
И хоръ всевозможныхъ живыхъ голосовъ
Встрѣчаетъ сіяніе дня.

Какъ ласково солнце глядитъ съ высоты
И куполъ небесный какъ чистъ!
И сколько разлито на всемъ красоты,—
И воздухъ какъ свѣжъ и душнстъ!..

Любуюсь картинами чудными всласть,
Желалъ-бы счастливымъ я быть,
Желалъ-бы природѣ отдаться во власть,
О всемъ остальномъ позабыть...

Но, странно, мятежная дума влечетъ
И манитъ невольно туда,
Гдѣ жизнь совершенно плая течетъ,
Средь вѣчной борьбы и труда...

Напрасно! Смирись, повпнуйся судьбѣ,
Была мечта не буди:
Растрacены силы въ бесплодной борьбѣ,
Гибздится злой недугъ въ груди!...

Петръ Быковъ.

РАЗВИТІЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ XVI—XIX ВѢКА.

II.

Эпоха возрожденія. — Стремленія мысли въ XVI в. — Реформація.

Ни объ одной эпохѣ европейской исторіи нѣтъ такихъ сбивчивыхъ и шаткихъ представленій, какъ объ эпохѣ возрожденія. Многіе до сихъ поръ еще думаютъ, что сокровища античной мудрости были сохранены и переданы молодой Европѣ средне-вѣковыми монастырями, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности средне-вѣковой католическій монахъ былъ не хранителемъ, а истребителемъ этой мудрости. Масса монастырскихъ обитателей происходила изъ низшихъ классовъ и была совершенно безграмотна. Даже высшіе сановники не могли подписать своего имени и вмѣсто подписи ставили знакъ. Въ XIII в. аббатъ знаменитаго монастыря С. Галленъ, Конрадъ, со всѣмъ своимъ капитуломъ былъ неграмотенъ, равно какъ и преемникъ его, Румо. Карлъ Великій постоянно нападалъ на невѣжество монаховъ. Альфредъ Великій жаловался, что на всемъ пространствѣ отъ Гумбера до Темзы нѣтъ ни одного духовнаго, который-бы могъ понимать литургію на своемъ природномъ языкѣ или могъ перевести что-нибудь съ латинскаго. То-же самое было и въ другихъ странахъ. Въ монастыряхъ, правда, лежало много древнихъ пергаментовъ, но монахи смотрѣли на нихъ, какъ на старый хламъ, который они хранили по преданію. Въ 1440 г. въ одномъ нѣмецкомъ монастырѣ нашли сочиненія Проперція, служившія подставкой подъ бочкой съ виномъ. Монастырь Фонтевро, имѣвшій всѣ сочиненія Ливія, продалъ ихъ въ качествѣ стараго пергамента мелочному торговцу. Когда Петрарка нашелъ въ Люттихѣ двѣ не-

извѣстныя до тѣхъ поръ рѣчи Цицерона, то ни въ городѣ, ни во всѣхъ окрестныхъ монастыряхъ онъ не могъ достать чернилъ для переписки ихъ. Даже сочиненія св. отцовъ нерѣдко находились въ такомъ-же пренебреженіи, какъ и сочиненія языческихъ писателей. Презрѣніе къ послѣднимъ было даже обязательно для католическаго монаха. Въ XII и XIII вв. соборы турскій и парижскій, а также папа Григорій IX формально запрещали монахамъ читать „физическія грѣховныя“ сочиненія подъ угрозой тяжкихъ наказаній. Латеранскій соборъ запретилъ монахамъ заниматься медициной. Эта ненависть ко всему языческому доходила до фанатическаго истребленія древнихъ авторовъ. Еще въ 381 г. Феофилъ въ Александріи разрушилъ знаменитую бібліотеку, сожженіе которой легенда приписала впослѣдствіи калифу Омару. Просвѣтитель Ирландіи, Патрикъ, ставилъ себѣ въ заслугу, что имъ сожжено 300 свитковъ языческихъ стихотвореній. Папа Григорій Великій предписалъ вездѣ жечь сочиненія Цицерона, Ливія, Тацита и т. п. Дороговизна пергамента вела, въ свою очередь, тоже къ уничтоженію классическихъ авторовъ; древній текстъ соскабливали и вмѣсто него на томъ-же пергаментѣ писали легенды, чудесныя видѣнія, молитвы и т. д. Въ монастырѣ Корве былъ полный текстъ Тацита, но его весь выскоблили съ этою цѣлью. Точно такимъ-же образомъ въ Фульдѣ были уничтожены сочиненія Трога Помпея. Гай сохранился только потому, что текстъ его былъ выскобленъ до того неискусно, что его можно было прочесть, несмотря на внесенный вмѣсто него новый текстъ. Въ ватиканской бібліотекѣ хранится до сихъ поръ множество такихъ пергаментовъ; напр., книга Товіи написана на пергаментѣ, съ котораго стерты декады Ливія и рѣчи Цицерона. Словомъ, католическіе монастыри не только ничѣмъ не помогали возрожденію древней литературы, но сильно мѣшали ему. Да оно и не могло быть иначе. Невѣжество не могло дорожить древними авторами и цѣнило, да и то не всегда, только матеріалъ, на которомъ были написаны ихъ сочиненія,—тѣмъ болѣе цѣнило, что пергаментъ въ средніе вѣка былъ чрезвычайно дорогъ. Сознательное-же отношеніе католическаго монаха къ античному міру неизбѣжно приводило къ враждѣ между этими представителями двухъ различныхъ принциповъ. Отрицаніе дѣйствительной жизни въ эпоху суроваго аскетизма и безусловное подчиненіе мысли

мертвой буквѣ и авторитету не могли содѣйствовать возстановленію культа физической красоты и независимаго творчества древяго гения.

Возрожденіе началось въ Италіи, общественное и правственное состояніе которой вполне опредѣлило его роль и направленіе. Раздѣленная на множество мелкихъ государствъ, Италія находилась въ состояніи полной анархіи. Каждый деспотъ боролся съ другими деспотами, враждовали между собой республики, провинціи, города, аристократическія фамиліи, отдѣльныя личности; каждый стремился къ власти и богатству и для достиженія своихъ цѣлей пускалъ въ ходъ все средства. Кроме того вся страна была раздѣлена на два враждебныхъ лагеря — на гвельфовъ и гибелиновъ, на сторонниковъ свѣтской и духовной власти. Эти партіи раздирали не только Италію вообще и города ея въ частности, но возбуждали вражду даже въ отдѣльныхъ семействахъ, — сынъ возставалъ противъ отца, братъ ненавидѣлъ брата. Грубость нравовъ и варварская необузданность всевозможныхъ пороковъ и преступленій соперничали съ утонченностью разврата и съ чрезвычайною хитростью преступныхъ замысловъ. Роскошь и жажда наслажденій не знали предѣловъ; одни удовлетворяли этимъ наклонностямъ посредствомъ войны и грабежа, другіе посредствомъ продажи индульгенцій, сбора лепты св. Петра и т. д., третьи посредствомъ торговли и промышленнаго труда. Не только царяца моря, Венеція, но и нѣкоторыя другія итальянскія республики достигли въ это время высокой степени промышленнаго развитія. Съ 1282 г. промышленность такъ усилилась во Флоренціи, что управленіе государствомъ перешло въ руки совѣта, избираемаго купечествомъ. Въ Генуѣ и Венеціи торговые тузы замѣнили собой поземельную аристократію и приобрѣли власть болѣе абсолютную, чѣмъ власть феодальныхъ бароновъ. Нужды торговли и промышленности необходимо вели за собою развитіе ремеслъ, грамотности, знаній, а накопленіе богатствъ приводило къ украшенію жизни искусствами и вѣшнимъ блескомъ. „Обычай публичныхъ и частныхъ собраній, говоритъ Вланки, — создалъ вскорѣ ораторовъ и государственныхъ людей, а практика торговыхъ предпріятій дала толчекъ развитію финансовыхъ идей, вскорѣ распространившихся по Европѣ. Не надо думать, что эти купеческія правительства занимались исключительно торговлею; ихъ политика часто была либеральнѣе политики сеньеровъ, мѣсто

которыхъ они запли. Они покровительствовали изящнымъ искусствамъ и съ достойною всякой похвалы ревностью заботились объ основаніи учреждений, служащихъ благотворительности, образованію и общественной пользѣ. Тринадцать больницъ съ тысячею постелей для больныхъ и бѣдныхъ, болѣе 200 школъ, въ которыхъ учились 10,000 дѣтей, блестящія вознагражденія живописцевъ, архитекторовъ и скульпторовъ свидѣтельствуютъ о просвѣщенныхъ стремленіяхъ правителей Флоренціи въ XIV в.». Такъ возникла новая цивилизація въ областяхъ, пользовавшихся сравнительнымъ спокойствіемъ; но и во всей Италіи было время, въ продолженіи котораго царствовалъ полный миръ, процвѣтала промышленность, накоплялись богатства, развивались потребности эстетическихъ и умственныхъ наслажденій, города и potentаты щедро покровительствовали искусствамъ. Это была эпоха Лоренцо Медичи, въ которую усилились стремленія возстановить классическую литературу и создать итальянскую. Оба эти стремленія воплотились въ Дантѣ, „Божественная комедія“ (1300 г.) котораго возникла подѣ влияніемъ классической поэзіи и средневѣковой схоластики, осуждала папство, проповѣдывала объединеніе Италіи подѣ свѣтскою властью и возводила родной языкъ на степень литературнаго. Продолжателями Данта были Бокаціо (1313—1375) и Петрарка (1304—1374); первый изъ нихъ создалъ итальянскую прозу, второй усовершенствовалъ стихъ, но оба они гораздо сильнѣе, чѣмъ Дантъ, стремились къ возстановленію древней литературы и были не столько итальянцами, сколько древними римлянами и греками. Благодаря имъ, началось то страстное исканіе древней классической мудрости, которое повело за собой такъ-называемое „возрожденіе наукъ“. Послѣ покоренія Византіи турками болѣе образованные греки искали убѣжища въ Италіи и въ качествѣ частныхъ и общественныхъ преподавателей распространяли классическія знанія по всей странѣ, щедро награждаемые меценатами и обожаемые учениками, стекавшимися слушать ихъ не только со всей Италіи, но даже изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Англіи, Германіи и Польши. Вездѣ разыскивались древнія рукописи, переписывались, собирались съ такою-же страстью, съ какою авантюристы Испаніи и Португаліи искали въ Новомъ Свѣтѣ золота и драгоценныхъ камней. Петрарка, напр., почти полвѣка занимался спеціально собираніемъ

емъ, переписываньемъ, коментированьемъ и изученіемъ древнихъ манускриптовъ, которые онъ вытверживалъ даже наизусть. „Читая письма итальянскихъ ученыхъ того времени, говоритъ Узвель, — едва возможно понять теперь ихъ восторгъ по поводу такой находки (какъ старая рукопись), равно какъ и отчаянія, порожденного обманутымъ ожиданіемъ. Короны и престолы не обрадовали-бы въ такой степени этихъ людей, какъ открытіе неизвѣстной до того или не вполне извѣстной греческой или римской рукописи. Когда флорентинецъ Поджіо нашелъ копию Квинтилиана, другъ его Аретинъ писалъ ему: „О, великолѣпная находка, о, громаднѣйшее приобрѣтеніе! Я прошу тебя, я заклинаю тебя, Поджіо, пришли мнѣ рукопись какъ можно скорѣе, чтобы я могъ увидѣть ее ранѣе, чѣмъ умру!“ Итальянская жизнь передѣлывалась на древне-римскій образецъ. Города воздвигали своимъ древнимъ знаменитымъ гражданамъ памятники, — Мантуя и Неаполь — *Виргилію*, Падуа — *Ливію*, Сульмона — *Виргилію* и т. д.; дѣтямъ давали имена *Цицероновъ*, *Виргиліевъ*, *Маріевъ*, новѣйшимъ предметамъ усвоивали классическія названія: кардиналовъ называли „сенаторами“, монахинь — „весталками“; занимались гимнастикой, разыгрывали въ подлинникъ комедіи *Плавта* и *Теренція*, реставрировали древнія зданія, откапывали произведенія классической скульптуры, вводили въ обычай обѣдать по-древнему, возлежа, и т. д. Это была рѣшительная реакція классическихъ понятій и чувствованій средневѣковому аскетизму, — реакція, порожденная богатствомъ высшихъ классовъ и нашедшая свое воплощеніе въ готовой уже формѣ языческой древности. На жизнь смотрѣли тогда съ совершенно эпикурейской точки зрѣнія. „Не только поэты, но и всѣ образованные люди, говоритъ *Доранъ*, — считали тогда любовь самымъ серьезнымъ занятіемъ жизни. Это подтверждается свидѣтельствами лучшихъ средневѣковыхъ историковъ. Въ 1284 г., рассказываетъ, напр., *Виллани*, во Флоренціи составила богатая и благородная компанія, которая, съ *княземъ любви* во главѣ, заботилась только объ играхъ, танцахъ и увеселеніяхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ хроники опять прославляютъ другія, подобныя-же общества, состоявшія изъ дамъ и кавалеровъ, которые постоянно пировали въ шелковыхъ шатрахъ и расхаживали по городскимъ улицамъ, увѣнчанные гирляндами, съ пѣснями, танцами и музыкой“. Италия праздновала отчаянную

оргію и разнузданность страстей доходила до такого безобразія, которому могъ позавидовать императорскій Римъ. Даже учителя, гуманисты, предавались самымъ возмутительнымъ порокамъ и писали такія сочиненія, которыя въ настоящее время невозможны ни въ какой печати...

Нѣтъ ничего ошибочнѣе того представленія, которое выражается въ ходячемъ названіи этой эпохи „возрожденіемъ наукъ“. Гуманисты мало обращали вниманія на науку, рѣшительно предпочитая ей легкую литературу и искусство, увлекались утонченностью античнаго стиля, пластичностью и физическою красотой статуй. Чувство, такимъ образомъ, совершенно отрѣшилось отъ среднихъ вѣковъ, совершенно секуляризировалось, и первымъ результатомъ этой реакціи было античное увлеченіе красотой и наслажденіемъ. Мысль только впоследствии пошла по тому-же направленію. Такъ-какъ античное настроеніе чувства и разнузданность страстей были въ полномъ противорѣчій съ принципами католицизма, то послѣдовало возрожденіе стариннаго язычества. Одни, подобно Марсиліо Фицино, вѣровали въ „платонову теологию“; другіе, подобно Кириаку, считали существующими греческихъ боговъ и молились имъ; третьи, какъ, напр., Поджіо, перемѣшали католицизмъ съ язычествомъ, были заражены нелѣпыми суевѣріями, вызывали духовъ и т. д.; наконецъ, четвертые были самыми грубыми матеріалистами, какъ кардиналъ Бембо или папа Левъ X. Мысль, такимъ образомъ, эманципировалась вслѣдъ за чувствомъ и авторитетъ средневѣковой схоластики былъ окончательно подорванъ гуманистами. Гуманисты уличили схоластиковъ въ искаженіи Аристотеля, и, будучи пламенными послѣдователями античнаго міросозерцанія, убили своей критикой схоластическое пустословіе, дошедшее, наконецъ, до степени площаднаго фокусничества. Въ то-же время, какъ ученики Платона, гуманисты отрицали и безусловный авторитетъ самого Аристотеля. Но это отрицаніе не было полнымъ освобожденіемъ мысли, а эпоха возрожденія была не началомъ новаго времени, но только переходною къ нему ступенью. На мѣсто Аристотеля гуманисты поставили „божественнаго“ Платона и классическая литература сдѣлалась для нихъ чѣмъ-то въ родѣ аль-корана. Гуманисты благоговѣнно удивлялись вѣчной мудрости древнихъ, идеальному совершенству ихъ слога, доблестямъ и ге-

нiальности ихъ, и доходили въ этомъ отношеніи до положительнаго фетишизма. Критическое отношеніе къ какому-нибудь знаменитому древнему писателю преслѣдовалось, какъ богоульство. Когда, напр., Валла дозволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній о Цицеронѣ, то Поджіо разразился цѣлымъ потокомъ проклятій. „О, безумное легкомысліе, о, невыносимая дерзость, о, явное безстыдство! Неужели слава, знапія, краснорѣчіе Цицерона могутъ быть подвергнуты сомнѣнію до такой степени, что какой-нибудь сумасбродъ, бѣшеный невѣжда, вертопрахъ дерзаетъ позволить себѣ злыя шутки надъ великимъ ораторомъ? Что можетъ яснѣе доказывать глупость, какъ не враждебное отношеніе къ краснорѣчію Цицерона, какъ не дерзновенное посягательство на то, что было имъ сказано? Какъ-будто возможно выражаться краснорѣчивѣе его. На памяти людской никто, никогда не покушался на что-нибудь подобное. Боже мой, какое чудо! Послѣ полуторныхъ тысячъ лѣтъ является не человекъ, но чудовище, обладающее однимъ лишь безстыдствомъ, чудовище, вспоенное не источниками Геликона, а пойломъ ословъ, имѣющее наглость исправлять Цицерона!“ Идеалы гуманистовъ были не впереди, а назади, въ золотомъ вѣкѣ Платоновъ и Цицероновъ. Ихъ классическія увлеченія только въ самомъ началѣ оказали полезное вліяніе на развитіе европейской мысли, освободивъ ее отъ средневѣкового авторитета, возродивъ любовь къ природѣ и содѣйствуя возникновенію національной итальянской литературы. Но вслѣдъ затѣмъ гуманисты дошли до фетишистскаго поклоненія древности и, подъ вліяніемъ классическихъ авторитетовъ и той соціальной сферы, въ которой вращались они, совершенно удалились, подобно схоластикамъ, отъ реальной дѣйствительности и отъ народной жизни. Это новое направленіе, говорятъ г. Веселовскій въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи *), „уже не задаетъ прежнюю задачу: передать народу и на его языкѣ науку, которую церковь эгоистически берегла подъ непроницаемой броней схоластической латыни; оно тоже хочетъ отнять ее у церкви, но лишь за тѣмъ, чтобы возвести ее къ исконному источнику и къ чистотѣ цицероновской рѣ-

*) Вилла Альберти, новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV и XV столѣтій. М. 1870.

чи. Какъ видно, вопросъ въ томъ и въ другомъ случаѣ ставился одинъ и тотъ-же: надо было вырвать науку изъ рукъ клериковъ, до тѣхъ поръ исключительно владѣвшихъ ею, и передать ее свѣтскимъ людямъ. Только въ послѣднемъ случаѣ средство употреблено было менѣе народное, отчего и развивается впоследствии та новая исключительность, характеризующая школу позднѣйшаго классическаго возрожденія, которая на золотой XIV вѣкѣ итальянской литературы смотритъ свысока, смѣшивая его съ средними вѣками, и снова пишетъ по-латыни. Попытки старыхъ популяризаторовъ забыты, знаніе по-прежнему уединяется—на этотъ разъ, въ блестящую латинскую фразу. Чѣмъ далѣе въ XV-е столѣтіе, тѣмъ точнѣе и яснѣе высказывается это новое направленіе свѣтской литературы, тѣмъ рѣже память объ изящныхъ образцахъ, завѣщанныхъ цвѣтущимъ періодомъ народной итальянской поэзіи. Языкъ, выработанный тремя флорентійскими поэтами, оставленъ; и къ чему они сами, когда *Виргилій* и *Овидій* раскрывали читателю красоты совсѣмъ иного свойства, а рассказы *Ливія* и *Саллюстія* поднимали его народное самосознаніе на высоту, откуда оно охватывало всю Италію и все человѣчество въ чертѣ стараго *orbis romanus*? Еще у *Бенедетто Аквольти* (1415—1466) *Дантъ* и *Петрарка* являются великими именами, ихъ позволено сравнивать съ *Виргиліемъ* и *Гомеромъ* по изяществу, пѣжности и богатству мыслей. Жаль только, что они писали на народномъ языкѣ, а не по-латыни и не по-гречески! Это, разумѣется, не помѣшало имъ быть ученѣйшими и мудрѣйшими и не совсѣмъ неспособными къ латинской поэзіи, что доказываютъ ихъ *буколики* и „*Африка*“ послѣдняго. То-же самое нужно сказать и о *Джіованни Бокачіо*, мужѣ очень ученомъ и столь изящномъ писателѣ въ прозѣ и стихахъ, что если взвѣсить только содержаніе, а не изложеніе, то онъ можетъ считаться хорошимъ поэтомъ и отличнымъ ораторомъ“. Вскорѣ классическій фетишизмъ дошелъ до того, что въ лицѣ *Никколи* объявилъ *Данта* круглымъ невѣждой, котораго читать могутъ только „булочники, шорники и подобные люди; онъ и писалъ такъ, какъ-будто хотѣлъ быть имъ понятенъ“. Отрѣшившись вполне отъ народной жизни, возрожденный классицизмъ аристократизировался и совершенно исказился подъ вліяніемъ тѣхъ искусственныхъ сферъ, въ которыхъ совершалось его развитіе. Греческихъ авто-

ровъ, напр., считали вообще витіеватѣе латинскихъ; когда-же начинали переводить ихъ на латинскій языкъ для разныхъ меценатовъ и оказывалось, что искусственной витіеватости, столь любезной извращенному вкусу того времени, въ нихъ вовсе нѣтъ, то приписывали это плохому переводу и начинали исправлять его, подбавляя цвѣтовъ краснорѣчія собственнаго издѣлія! Классицизмъ выролдился въ риторскую погоню за кудреватыми фразами, въ напыщенные панегирики меценатамъ, въ еистематическую фальсификацію современной исторіи, которую гуманисты излагали слогомъ Ливія, возводили въ героев своихъ ничтожныхъ милостивцевъ, забавляли ихъ своими сочиненіями, посвященными нерѣдко самымъ возмутительнымъ порокамъ, и своими перебранками. Ихъ самолюбивая раздражительность и злоба на соперниковъ равнялись ихъ чудовищной развращенности. Вотъ, напр., какъ полемизировалъ Поджіо съ Филадельфомъ. Утверждая, что Филадельфъ сынъ патера и поденьщицы, занимавшейся мытьемъ требухи, Поджіо продолжаетъ: „Удивительно-ли, что тотъ, чья мать такъ долго прокармливалась въ Римѣ мытьемъ требухи, издастъ гадкій запахъ, которымъ несло отъ его матери? Смердъ этотъ гнѣздится въ ноздрахъ сына. Его дыханіе преисполнено вонючими газами, изобличающими ремесло его матери, и горло его до такой степени пропитано ими, что невозможно и ему самому не быть гнилью, не быть самымъ смердомъ... Я сдѣлаю обзоръ всей твоей жизни, всѣ твои постыдныя домашнія дѣла будутъ раскрыты мною; время, мѣсто будутъ указаны виѣствъ съ такими убѣдительными доводами, что никому и въ голову не придетъ сомнѣваться въ нихъ... Ну-же, солдатъ или, вѣрнѣе, презрѣнный холопъ, помѣряемся!“ Поджіо обвиняетъ Филадельфа въ кражѣ книгъ у Траверсари, въ мошенничество и т. д. Филадельфъ, въ свою очередь, обличаетъ его въ скотской прозорливости, пьянствѣ, развратѣ, и, желая помѣшкать ему жениться, доказываетъ его неспособность быть мужемъ и т. д. Эти полемическія сочиненія, или *инективы*, составляли обширнѣйшій отдѣлъ тогдашней литературы и интересовали образованное общество. Они ясно показываютъ, куда было направлено вниманіе представителей тогдашней интеллигенціи и въ какой узкой сферѣ вращалась бѣдная содержаніемъ мысль тогдашняго писателя.

Изъ Италіи гуманизмъ распространился по всей Европѣ; и

здѣсь онъ отличался такими-же недостатками, какъ на своей родинѣ, но въ меньшей степени. Нѣмецкіе гуманисты, какъ увидимъ ниже, стояли ближе къ народу, чѣмъ итальянскіе, и ихъ дѣятельность примыкала къ живымъ народнымъ стремленіямъ въ реформѣ. Но, разбивъ схоластическіе авторитеты, возрожденный классицизмъ всюду водрузилъ на мѣсто опрокинутыхъ имъ идоловъ новыхъ, откопанныхъ въ мусорѣ и развалинахъ древняго міра. Возрожденіе наложило свою печать на умы большинства образованныхъ людей слѣдующихъ вѣковъ. Классическая литература сдѣлалась основой образованія высшихъ и среднихъ классовъ.

Умственное возбужденіе этой эпохи не ограничивалось, впрочемъ, тѣмъ движеніемъ, которое перешло въ классическій фетишизмъ и надолго замѣнило собою средневѣковую схоластику. Дантъ, Боккаціо, Петрарка, игнорируемые фетишистами Италіи, имѣли нѣкоторое вліяніе и на родинѣ, и въ другихъ странахъ, въ которыхъ начинала развиваться реальная литература, освѣжаемая живыми силами, бродившими въ народѣ. Въ Германіи народныя пѣсни и сказки, поэма о Рейнеке-Лисѣ, легенда о д-рѣ Фаустѣ, сказанія объ Эйленшпителѣ, и т. д., во Франціи народный „Романъ Розы“, сатира сына кабатчика Раблэ, и т. д., въ Англіи Чаусеръ, Спенсеръ, предшественники Шекспира и т. д., — освобождали мысль и чувство отъ этихъ оковъ схоластики, отрицали средніе вѣка и подготавливали путь новому міросозерцанію. Возбужденіе умовъ было чрезвычайное и выражалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Въ то время, какъ ученые классики хлопотали о возстановленіи античной древности, Саванарола проповѣдывалъ церковную и общественную реформу въ духѣ древняго христіанства, юристы работали надъ теоріей новаго, чистосвѣтскаго государства. Умственное возбужденіе не могло не отразиться и на развитіи точныхъ знаній. Мысль въ этомъ направленіи обратилась прежде всего къ землѣ, отъ которой она такъ долго была отвлекаема разными призрачными фикціями. Начатки точныхъ знаній, о которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ, скоро принесли свои плоды въ видѣ великихъ географическихъ открытій. Послѣднія были подготовлены, во-первыхъ, распространеніемъ знаній о нашей планетѣ въ такихъ сочиненіяхъ, какъ „Космографія“ нѣмецкаго монаха Альберта Ве-

дикаго, „Большое Сочиненіе“ англичанина Рождера Бэкона и „Зеркало Природы“ француза Бовэ, въ которыхъ хотя и нѣтъ никакихъ великихъ открытій и изслѣдованій, но за то много свѣдѣній и разсужденій объ оптикѣ, о высотѣ и температурѣ мѣстъ и т. д. Тому-же содѣйствовали путешествія миссіонеровъ, въ родѣ Рубруквиса, куцовъ, какъ Пола, авалтюристовъ, какъ Джонъ Мэндевилъ, усовершенствованіе давно уже извѣстнаго китайцамъ и заимствованнаго у нихъ арабами компаса и примѣненіе астролябіи къ измѣренію времени, а лагъ-линя къ измѣренію пути. Въ 1492 г. Колумбъ открылъ Америку, въ 1497 г. Васко де-Гама обогнулъ мысъ Доброй-Надежды и достигъ съ запада Остъ-Индіи, а въ 1522 г. Магеланъ проникъ въ Великій океанъ и совершилъ первое кругосвѣтное путешествіе. Виродженіи XVI в. сдѣлалась извѣстною большая часть земной поверхности и вновь изобрѣтенный способъ печатанія посредствомъ набора отдѣльныхъ буквъ началъ быстро распространять географическія свѣденія между всѣми грамотными людьми, хотя нужно замѣтить, что тогдашнія географическія сочиненія все еще не были свободны отъ баснословныхъ представленій, созданныхъ средневѣковою фантазійю, въ родѣ фантастическихъ животныхъ, людей съ рыбьими хвостами и т. д. Открытіе новыхъ странъ усилило вниманіе къ произведеніямъ природы, наблюдая которыя, люди естественно начинали сравнивать ихъ съ европейскими и такимъ образомъ собирали матеріалъ и клали основы новѣйшей наукѣ естествознанія. Въ средніе вѣка садоводство ограничивалось чисто-хозяйственными цѣлями—разведеніемъ плодовыхъ растений для пищи, деревьевъ для тѣпи, цвѣтовъ для аромата и красоты. Въ XVI-же в. въ садахъ знатныхъ людей, напр. римскихъ кардиналовъ, были уже разнообразныя растенія всѣхъ странъ, распредѣленныя по родамъ и видамъ. Въ средніе вѣка большія и дикія животныя служили для кровавыхъ забавъ, въ родѣ медвѣжьей травли, бычачьихъ боевъ; деспоты итальянскихъ городовъ держали львовъ и кормили ихъ своими врагами, обреченными на смерть; нѣкоторые князья вмѣсто охотничьихъ собакъ имѣли леопардовъ и т. д. Въ XVI в. все это значительно измѣнилось, и потентаты, ради роскоши, которая, однакожь, много послужила развитію зоологическихъ знаній, начали собирать слоновъ, жирафовъ, носороговъ, зебръ и т. д., равно какъ и образ-

чики людскихъ породъ, населявшихъ вновь открытыя страны. У кардинала Ипполита Медичи, напр., были при дворѣ татары, негры, индусы, турки. Все это расширяло умственный кругозоръ и привлекало мысль къ изслѣдованію природы. Послѣ первыхъ же великихъ путешествій начались изученіе земного магнетизма и наблюденія надъ отклоненіями магнитной стрѣлки. Это явленіе объяснялось въ то время существованіемъ магнитной горы, поднимающейся изъ волнъ океана и обозначавшейся на тогдашнихъ картахъ къ сѣверу отъ Гренландіи. За наблюденіями надъ земнымъ магнетизмомъ слѣдовало изученіе распредѣленія тепла. Путешествія показали, что степенъ его зависитъ главнымъ образомъ отъ географической широты; еще Колумбъ замѣтилъ искривленіе изотермъ и вліяніе лѣсовъ на влажность климата, а открытіе снѣга на высокихъ горахъ самыхъ жаркихъ странъ указало на второй факторъ распредѣленія тепла—степень возвышенности мѣста надъ уровнемъ моря; наконецъ, неизвѣстныя до тѣхъ поръ морскія теченія дали еще новыя данныя для рѣшенія вопроса.

Все это, впрочемъ, было еще не наукой, а только матеріаломъ для нея, который предстояло разработать слѣдующимъ поколѣніямъ. Но XVI-й вѣкъ создалъ все-таки науку, быстрое развитіе которой было обязано, между прочимъ, и географическимъ открытіямъ. Въ древности и въ средніе вѣка полное знаніе звѣзднаго неба было невозможно не только вслѣдствіе несовершенства астрономическихъ инструментовъ и математическихъ исчисленій, но и по ограниченности горизонта, доступнаго наблюденію. Только подъ экваторомъ можно видѣть круглый годъ всѣ неподвижныя звѣзды, и до великихъ географическихъ открытій жители сѣвернаго полушарія не знали цѣлой половины звѣздъ, доступныхъ нашему наблюденію. Въ южномъ полушаріи они увидѣли роскошное ночное небо, которое представило имъ совершенно новыя предметы для изученія въ видѣ новыхъ звѣздъ, темныхъ и свѣтлыхъ пятенъ на небѣ, магелановыхъ облаковъ, состоящихъ изъ звѣздныхъ группъ, и т. д. Все это дало сильный толчекъ развитію астрономіи, къ услугамъ которой въ XVI в. явились новыя усовершенствованныя пособія.

До XVI в. алгебра, заимствованная у арабовъ, далеко не имѣла того характера, какимъ отличается нынѣ, и была сво-

домъ правилъ для рѣшенія задачъ или для забавы математическими упражненіями; въ этомъ-же вѣкѣ итальянцы Кардано, Бомбелли, Феррари и французъ Виетъ положили основы современной алгебры; живописцы Леонардо да-Винчи и др. разрѣшили нѣкоторые важные вопросы механики; въ Германіи и Швейцаріи были усовершенствованы и приспособлены къ астрономическимъ наблюденіямъ часы, и, наконецъ, возрожденный платонизмъ повелъ къ знакомству съ пифагорейскими идеями, съ гипотезами Филолая и Аристарха Самосскаго о движеніи земли. Мысль о шарообразности земли и ея обращеніи вокругъ солнца занимала уже многихъ мыслящихъ людей, и послѣ кардинала Кузы, Пеурбаха, Мюллера Кенигсбергскаго ее развилъ вполне научно полякъ Коперникъ, издавшій за нѣсколько дней до своей смерти (1543 г.) известную книгу *De revolutionibus orbium coelestium*, доказавшую, что центръ міра—солнце, а не земля, которая составляетъ только ничтожную песчинку, вертящуюся вокругъ центрального свѣтила. Открытіе Коперника не вдругъ произвело переворотъ въ понятіяхъ; сначала на него не обратили даже вниманія. Противъ него вооружилась не церковь, а старая астрономія въ лицѣ Тихо Браге, оказавшаго, впрочемъ, нѣкоторыя услуги астрономіи своими открытіями; но реакціонное вліяніе Браге не имѣло значенія, и одинъ изъ учениковъ его, Кеплеръ, развилъ коперниковскую систему далѣе, открывъ, что планеты обращаются около солнца не по круговой, а по эллиптической линіи, и два другихъ закона, послужившихъ основой новѣйшей астрономіи. Усовершенствуя устроенную голандцемъ Липперсгеємъ зрительную трубу, Кеплеръ изобрѣлъ самое важное орудіе астрономіи—телескопъ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ въ 1590 г. голландецъ Янсенъ изобрѣлъ микроскопъ. Наконецъ явился Галилей, открывшій законы колебанія маятника, паденія и плаванія тѣлъ, гидростатическіе вѣсы, усовершенствовавшій телескопъ, открывшій съ помощью его и измѣрившій горы на лунѣ, нашедшій, что млечный путь и туманныя пятна состоятъ изъ мелкихъ звѣздъ, предсказывавшій затмѣнія и т. д. Известна судьба его: обвиненный въ распространеніи коперниковской ереси, онъ былъ схваченъ инквизиціей, подвергнутъ пыткѣ, доведенъ до отреченія отъ своихъ *зablужденій* и умеръ въ тюрьмѣ.

Такимъ образомъ, въ XVI в. совершилось начало основнаго

переворота въ человѣческомъ міросозерцаніи. Астрономическія открытія показали, что вселенная существуетъ не для земли, не для человѣка, гордо величавшаго себя до тѣхъ поръ царемъ мірозданія. Съ другой стороны, географическія открытія расширили поле дѣятельности человѣческой, давъ ей возможность распространиться по всему лицу земного шара и постепенно покрывать природу интересамъ людей. Жизнь вселенной оказалась подчиненною извѣстнымъ законамъ, и человѣческой мысли предстояло только наблюдать и изучать эти законы, освобождаясь отъ первобытныхъ страховъ и ложныхъ представленій. Но это было, какъ мы уже сказали, только началомъ перемѣны міросозерцанія. Природа узнавалась по частямъ, каждое новое представленіе долго еще соединялось съ старыми понятіями, перепутываясь съ прежними суевѣріями и предрассудками, отрывочныя и случайно комбинированныя идеи не соединялись еще въ одну стройную систему воззрѣній на міръ, хотя стремленія въ такой системѣ и сильно волновали умы того времени. Всѣ великіе мыслители и ученые XVI в. отличались универсальными стремленіями, страстнымъ желаніемъ объять своею мыслью все существующее и постигнуть его въ цѣломъ. Но для построенія новыхъ научныхъ системъ не было еще ни достаточныхъ матеріаловъ, ни даже выработаннаго научнаго метода; поэтому ученые должны были или ограничиваться по-прежнему изученіемъ частныхъ, или-же запутываться въ хаосъ противорѣчій и фантазій, пытаясь создать новыя системы міросозерцанія. Однимъ изъ первыхъ представителей этого хаотическаго, переходнаго состоянія мысли былъ Корнелій Агриппа, который въ 1509 г. подвергся въ Бургундіи гоненію за нападки на монаховъ и защиту каббалы. Послѣ этого онъ жилъ въ Англіи, Германіи, Франціи, Италіи, былъ алхимикомъ, солдатомъ, теологомъ, лекаремъ, философомъ, синдикомъ въ Мэцѣ, обратилъ на себя вниманіе удачною судебною защитою одной вѣдьмы, былъ посаженъ въ Нидерландахъ въ тюрьму, какъ врагъ наукъ и каббалистъ, и умеръ въ 1535 г. въ гренобльской больницѣ. Это былъ полнѣйшій представитель своего вѣка, со всѣми его недостатками и противорѣчіями. Одаренный страстнымъ, пытливымъ умомъ и обширными знаніями, онъ отчаявался въ наукѣ и въ своемъ сочиненіи „О тщетѣ наукъ“ отвергалъ всѣ ихъ, вмѣстѣ съ астрологіей, алхіміей и каббалой; но въ

трактатъ „О тайной философіи“ превозносилъ послѣднія до небесъ; ревностный католикъ и въ то-же время противникъ духовенства, онъ и защищалъ вѣдьмъ, и вѣрилъ въ сношенія съ нечистыми духами и т. д. Въ такомъ-же родѣ былъ и Парацельсъ (1493—1541), который, подобно Агриппѣ, искрестилъ всю Европу, занимаясь медициной, астрологіей, хиромантіей, магіей, читалъ одно время медицинскія лекціи въ Базелѣ на нѣмецкомъ языкѣ, отрицалъ авторитетъ Галена, предпочитая ему народныхъ знахарей, изобрѣталъ собственныя лекарства, пользовалъ для того химіей, былъ основателемъ фармаціи, врагомъ всякаго шарлатанства, не вѣрилъ въ вѣдовство, но за то сочинилъ свою собственную демологію, признавалъ вліяніе планетъ, вѣчно мучился сомнѣніями и, подобно Агриппѣ, искалъ отдыха и забвенія въ разгулѣ. Это стремленіе мысли къ цѣлостному, обновленному міровоззрѣнію было, однакожь, не всегда такъ бесплодно, какъ у Агриппы и Парацельса. Почти въ то-же самое время, какъ въ Германіи сапожникъ Беме (1575—1624 гг.) создалъ свою систему мистической теософіи, съ примѣсю пантеизма и разныхъ суевѣрій, въ Италіи явились одинъ за другимъ нѣсколько замѣчательныхъ мыслителей того-же характера. Джіордано Бруно (1550—1600 гг.), страстный, тщеславный неаполитанецъ, поэтъ и фантазеръ, вступивъ въ доминиканскій монастырь, вскорѣ дошелъ до такихъ сомнѣній, что вооружился даже противъ Аристотеля и принужденъ былъ бѣжать. Съ этого времени начались его странствованія по Европѣ, его неустанныя стычки съ схоластиками и горячая пропаганда новой философіи. Изгнанный изъ Женевы, онъ пошелъ въ Ліонъ, потомъ въ Тулузу, въ Парижъ, но вездѣ царило то, что онъ ненавидѣлъ. Переселившись въ Англію, онъ началъ читать лекціи въ Оксфордѣ, но вскорѣ былъ изгнанъ изъ университета, который онъ называлъ „вдовою здраваго знанія“, профессоровъ — дураками, а обожаемаго ими Аристотеля — истуканомъ. Послѣ этого онъ появился въ Лондонѣ, подъ покровительствомъ королевы Елисаветы и нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ вельможь, и получилъ возможность издать свои сочиненія. Бруно былъ пантеистомъ, продолжателемъ неоплатониковъ и предшественникомъ Декарта, Спинозы, Лейбница, Шеллинга. Главная заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ далъ сильный толчекъ изученію природы, которую онъ обожалъ.

Бруно былъ ревностнымъ послѣдователемъ системы Коперника, доказывалъ безконечность міра, кругооборотъ матеріи и т. д., хотя и основывался въ этомъ случаѣ не на научныхъ данныхъ, а на своихъ метафизическихъ измышленіяхъ. Его неустанная борьба противъ „торжествующаго звѣря“ — невѣжества, вооружила противъ него и патеровъ, и философовъ, и университеты, а онъ все издѣвался надъ ними, проклиналъ ихъ, презиралъ ихъ ученость и пѣлъ свои восторженные сонеты природѣ и истинѣ. Лишившись покровителей въ Англіи, онъ былъ въ Германіи, Чехіи, Швейцаріи, наконецъ вернулся на родину и былъ сожженъ на костре инквизиціи. Онъ умеръ героемъ.—Томасо Кампанелла (1568 — 1639), калабрійскій простолюдинъ, воспитанный въ самыхъ грубыхъ суевѣріяхъ, сдѣлавшись монахомъ, принялся за изученіе теологіи и схоластической философіи, но скоро увлекся своими оригинальными фантазіями и выработалъ собственное мировоззрѣніе, подъ вліяніемъ платонизма. Онъ приписывалъ душу и чувство всѣмъ предметамъ, считалъ міръ огромнымъ живымъ существомъ, а тепло и холодъ главными факторами міровой жизни, созданными Богомъ. И все это онъ примиралъ съ тогдашнимъ религіознымъ мировоззрѣніемъ. Тридцать лѣтъ провелъ онъ въ тюрьмѣ, гдѣ и написалъ свою извѣстную утопію „Солнечный городъ“; по освобожденіи-же жилъ вплоть до своей смерти во Франціи, повелитель которой, кардиналъ Ришелье, раздѣлялъ его фантазіи.—Луциліо Ваніни (1585—1619), сынъ фермера, зналъ астрономіи, физики и медицины, послѣдователь Аристотеля, и Аверроеса, но такой-же пантеистъ, такой-же врагъ схоластики, невѣжества, суевѣрія, какъ и Бруно, — вѣстѣ съ тринадцатью другими послѣдователями той-же идеи началъ пропагандировать ее, избравъ на свою долю Францію. Онъ былъ осторожнѣе Бруно и Кампанеллы, но все-таки обратилъ на себя вниманіе инквизиціи и былъ сожженъ.

Въ то время, какъ пылкіе умы—Агриппа, Бруно и т. д., стремясь къ выработкѣ новой системы міросозерцанія, по необходимости должны были увлекаться разными фантазіями, въ родѣ пантеистическихъ, смѣшивали старое съ новымъ, рвались впередъ, но не могли далеко уйти,—другіе, болѣе практическіе умы ограничивались изученіемъ частныхъ и собирали матеріалъ для будущей науки. Въ то время, какъ схоластики и пантеисты пута-

лись въ своихъ измѣненіяхъ о духѣ человѣческомъ, не только психическая, но даже физическая сторона человѣка и животныхъ была еще совершенно не изслѣдована. Въ развитіи естествознанія въ XVI в. первое мѣсто принадлежитъ, конечно, швейцарцу Конраду Госснеру. Онъ былъ лекаръ, но занимался всѣми отраслями знанія, переводомъ древнихъ, сравнительнымъ языкознаніемъ, всходилъ на горы своего отечества и поэтически описывалъ ихъ, собиралъ растенія и животныхъ и составлялъ естественную исторію, но не успѣлъ кончить ея, издавъ при жизни только „Исторію животныхъ“ да нѣсколько отрывковъ по ботаникѣ. Госснеръ первый ввелъ въ естествознаніе дѣленіе по родамъ и видамъ. Рядомъ съ Госснеромъ стоитъ Цезальпинъ, предшественникъ Линнея, основатель систематической ботаники. Анатомія была совершенно неизвѣстна въ средніе вѣка, и только въ 1306 г. профессоръ Монтини де-Люччи въ Болоньѣ началъ вскрывать человѣческіе трупы и написалъ учебникъ анатоміи, но и послѣ него, втеченіи цѣлыхъ двухсотъ лѣтъ, медицины по-прежнему рабски слѣдовали авторитету Галена, пока французскій врачъ Везаль, бывшій профессоромъ въ Базелѣ, Падуѣ, Болоньѣ и Пизѣ, возвелъ анатомію на степень науки и издалъ въ 1543 г. свой трактатъ о ней, „*Cognitio humanis fabrica*“. Инквизиція, видѣвшая ересь въ каждомъ научномъ изслѣдованіи и въ каждомъ новомъ открытіи, придралась къ анатомическимъ занятіямъ Везаля и присудила его къ смерти, но потомъ смягчила приговоръ, обязавъ анатома сходить на поклоненіе св. гробу въ Иерусалимѣ. Возвращаясь изъ Палестины, Везаль потерпѣлъ кораблекрушеніе и умеръ съ голода на островѣ Зантѣ. Продолжателемъ его былъ ученикъ его Фаллопіо (1523 — 1562), вскрывавшій ежегодно до семи труповъ, что было очень много для того времени, и сдѣлавшій нѣсколько новыхъ открытій въ строеніи человѣческаго организма. Ученикъ Фаллопіо Фабриціусъ (1537—1619) сдѣлалъ важныя открытія въ венахъ, сердцѣ и нервной системѣ, а товарищъ его Евстахіо нашель, между прочимъ, „евстахіеву трубу“, соединяющую внутренность уха съ задней частью полости рта, и составилъ превосходный атласъ анатоміи. За анатомическими слѣдовали открытія въ области физиологіи. Ученикъ Фабриціуса, Гарвей (1578—1657), открылъ общее кровообращеніе (частное было извѣстно Колумбу, Сервету и Цезаль-

пину). Подобно Галилею, онъ подвергался преслѣдованію со стороны людей, боящихся каждой новой мысли, въ особенности тѣхъ обскурантовъ, которые противопоставляли религію прогрессу науки. Но Гарвей былъ счастливѣе Галилея, такъ-какъ успѣлъ доказать, что кровь тѣхъ, которые кричали противъ него, обращается по его теоріи, которая вскорѣ была принята всѣми.

Въ вопросахъ общественныхъ мы видимъ въ XVI в. тѣ-же стремленія, какъ въ области науки и философіи. Возрожденіе классицизма коснулось и юриспруденціи. Римскія идеи о господствѣ закона надъ произволомъ, объ естественномъ правѣ и справедливости, о томъ, что цѣль государства — благо народа, принялись на европейской почвѣ и много помогли такимъ реформамъ, какъ уничтоженіе рабства и феодализма. Римское-же представленіе объ императорской власти содѣйствовало королямъ подавить не только феодальную аристократію, но и независимость городскихъ общинъ и въ послѣдствіи дошло до пресловутой теоріи Людовика XIV: „государство—это я“. Какъ классики, отвергнувъ авторитетъ папы и Аристотеля, замѣнили его авторитетомъ Платона и другихъ древнихъ мыслителей, такъ и юристы, отрицая феодализмъ и свѣтскую власть папства, водворили на долго безусловный авторитетъ римскаго права и привили къ умамъ большинства такое-же воззрѣніе на него, какое имѣютъ мусульмане на законы Корана. Но подобно тому, какъ какой-нибудь Бруно не довольствовался буквоѣдствомъ гуманистовъ, а Парацельсъ — шарлатанствомъ и рутинною современными ему медиковъ, нѣкоторые общественные мыслители выходили далеко за предѣлы римской и феодальной юриспруденціи, создавая идеальныя, фантастическія формы новой государственной жизни. Толчкомъ въ этому движенію мысли была та-же возрожденная древность съ ея идеальной „Республикой“ Платона. Она послужила образцомъ для нѣкоторыхъ произведеній, очень оригинальныхъ и далеко забѣгавшихъ въ будущее. Еще болѣе вліянія имѣла, въ этомъ отношеніи, та политическая философія, которая, начавшись въ Италіи XVI в., до сихъ поръ живетъ и развивается, принимая новыя формы и видоизмѣненія. Паптеизмъ Бруно напоминалъ собою буддизмъ и даже его идея о кругооборотѣ матеріи, принятая новѣйшей наукой, имѣла въ его міросозерцаніи сходство съ буддистскимъ представленіемъ; то-же сходство, ту-же

идею кругооборота мы видимъ и въ упомянутой политической философіи. Исторія республикъ и „тирановъ“ тогдашней Италіи сильно напоминала собою исторію республикъ и тирановъ классической древности. Внутреннее разложеніе папскаго Рима, сознаваемое и, такъ-сказать, осязаемое всѣми итальянцами той эпохи, также напоминало собой паденіе императорскаго Рима. Отсюда возникло стремленіе къ своего рода сравнительной анатоміи исторіи, къ историческимъ паралелямъ и къ такимъ выводамъ изъ нихъ, что теченіе времени не производитъ въ обществахъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ, въ нихъ нѣтъ никакого постояннаго прогресса, что, развившись до извѣстной степени, они падаютъ и умираютъ, а затѣмъ начинается повтореніе тѣхъ-же самыхъ фазисовъ, съ неважными различіями. Исторіей управляетъ случай или таинственное вліяніе сферъ небесныхъ, въ которое такъ крѣпко вѣрили въ XVI в.; онѣ-то заправляютъ образованіемъ великихъ государствъ и религій, онѣ создаютъ необыкновенныхъ людей, героевъ, и даютъ имъ силы для совершенія великихъ дѣлъ. Созданныя ими учрежденія подчиняются общему закону прогресса и упадка, который доходитъ до того, что исчезаютъ вовсе и вѣра, и добродѣтель, и общественный порядокъ, пока, вслѣдствіе какого-нибудь благопріятнаго вліянія, возникаютъ новая вѣра и новый порядокъ. Такова въ сущности политическая философія Пампонаса, Кардана, Кампанеллы, Ванини и Вико, который, по справедливому замѣчанію Феррари, принадлежитъ скорѣе XVI, чѣмъ XVII вѣку, необратившему вниманія на его теорію историческихъ кругооборотовъ.

Подобныхъ-же взглядовъ держался и Макиавелли (1469 — 1527). Считаая религію человѣческимъ изобрѣтеніемъ, онъ приписывалъ ходъ исторіи, государственные перевороты, процвѣтаніе и упадокъ обществъ, событія частной жизни — движенію небесныхъ сферъ и духовъ, населяющихъ ихъ. Бѣдствія страны, терзаемой междоусобицей, мелкими тиранами и иностранными завоевателями, не давали покоя патріотической душѣ Макиавелли. Какъ дипломатъ и государственный человѣкъ, онъ былъ отлично знакомъ съ характеромъ и политикой тогдашнихъ государствъ, а какъ ученый — съ исторіей, учрежденіями и политическими идеями древности. На основаніи опыта и изученія онъ составилъ свой знаменитый планъ объединенія Италіи, изложенный, глав-

нимъ образомъ, въ книгѣ „О государѣ“. Макиавелли хотѣлъ спасти Италію во что-бы то ни стало. „Когда всѣ отчаялись воскресить ее, говоритъ Бене,—онъ одинъ не потерялъ надежды... Всѣ хотѣли измѣнить ея нравы, измѣнить обстоятельства, одинъ онъ не хочетъ перемѣны и ищетъ блага въ избыткѣ зла. Онъ позволяетъ государю все, чтобы только онъ спасъ Италію“. Считаая религію одною изъ сильнѣйшихъ опоръ древне-римскаго могущества, Макиавелли указываетъ, что папство главный источникъ зла его родины. „Мы, итальянцы, говоритъ онъ,—обязаны римской церкви и ея прелатамъ тѣмъ, что не имѣемъ ни религіи, ни нравовъ; мало того, первосвященники поддерживаютъ раздѣленіе нашей несчастной страны. Причина, почему Италія не образуетъ одной монархіи или республики,—церковь. Извѣдавъ прелесть земной власти, она, между тѣмъ, не могла овладѣть остальной Италіей“. Единство и могущество государства въ древне-римскомъ духѣ были идеаломъ Макиавелли. За двадцать лѣтъ до его „Государя“ ученый Понтанъ изложилъ черты идеальнаго правителя, который долженъ украшаться всевозможными добродѣтелями и избѣгать пороковъ. Но практическій Макиавелли отлично понималъ все нравственное ничтожество его современниковъ; онъ не вѣрилъ въ возможность въ нихъ добродѣтели и хотѣлъ спасти ихъ посредствомъ ихъ пороковъ и эгоистической предпримчивости, недостатка въ которой не было. Республиканецъ въ душѣ, онъ жертвовалъ даже республикой въ пользу своего „государя“, который могъ объединить и возвести на высокую степень могущества его страну. Онъ увлекался даже такимъ чудовищнымъ злодѣемъ, какъ Цезарь Борджіа, считая его человекомъ „превосходныхъ правилъ, высокаго ума, обширныхъ замисловъ, умѣющимъ побуждать силой или хитростью, возбуждающимъ въ народѣ страхъ и любовь, а въ войскѣ повиненіе и уваженіе, умѣющимъ губить тѣхъ, которые могутъ вредить ему“, и т. д. Государь, имѣющій уже свои наслѣдственные земли и присоединяющій къ нимъ вновь покоренныя, говорящія тѣмъ-же языкомъ, долженъ, по Макиавелли, истребить старую династію и ничего не измѣнять въ ихъ законахъ и налогахъ; въ такомъ случаѣ онъ скоро сольются съ прежними владѣніями завоевателя. Покоряя-же земли, жители которыхъ отличаются отъ завоевателей языкомъ, нравами и т. д., государь для укрѣ-

пленія ихъ за собою долженъ жить въ нихъ, завести въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колоніи изъ своихъ прежнихъ подданныхъ, которымъ слѣдуетъ отдавать земли и дома, отнятые у туземцевъ; послѣдніе, разорившись и разсѣявшись, сдѣлаются безопасны. Если завоеванная мѣстность привыкла, не покоряясь князю, „свободно жить по своимъ собственнымъ законамъ“, то слѣдуетъ или произвести въ ней насильственный переворотъ, или, оставивъ ей ея учрежденія, ввѣрить управленіе немногимъ лицамъ, благопріятнымъ завоевателю. Чтобы обезпечить за собой владѣніе городомъ, привыкшимъ къ свободѣ, „нѣтъ другого средства, кромѣ его уничтоженія. Кто, овладѣвъ имъ, не разрушитъ его, тотъ долженъ самъ ожидать отъ него гибели, такъ-какъ онъ сдѣлается постояннымъ пристанищемъ мятежниковъ, привлекаемыхъ обаяніемъ его прежнихъ учреждений и свободы, о которыхъ не заставятъ забыть ни теченіе времени, ни благодѣянія“. Государь можетъ достигнуть своихъ цѣлей оружіемъ, храбростью и мудрою политикою. Если ему необходимо прибѣгнуть къ жестокостямъ и насиліямъ, онъ долженъ совершить ихъ разомъ, потомъ пустить въ ходъ милости, изливая ихъ, напротивъ, постепенно. Власть свою государь можетъ вполне утвердить, если заручится расположеніемъ народной массы. Для этого онъ долженъ *показывать* себя человѣколюбивымъ, кроткимъ, честнымъ, религіознымъ, не посягать на чужое имущество и честь женщинъ; но *быть* добрымъ, честнымъ и религіознымъ для него вредно. Государь долженъ стремиться только къ успѣху. Только тѣ государи, по Макиавелли, могли совершить что-нибудь великое, которые не обращали вниманія на требованія нравственности. Князь долженъ быть и лисицей, чтобы узнавать о разставленныхъ ему сѣтяхъ, и львомъ, чтобы наводить страхъ на враговъ своихъ. Мудрый государь никогда не будетъ выполнять своихъ обѣщаній, если это вредно для него. Если-бы всѣ люди были добродѣтельны, то это правило было-бы дурно, но такъ-какъ они порочны и вѣроломны, то и относительно ихъ слѣдуетъ быть вѣроломнымъ. Толпу увлекаетъ болѣе всего успѣхъ, и государь, утвердивъ свою власть, долженъ заботиться о развитіи промышленности, торговли, наукъ и искусствъ. Главнымъ-же занятіемъ его должно быть военное ремесло, главною заботою—военная организація государства, составленіе арміи не изъ наемниковъ, а изъ

собственныхъ подданныхъ. Таковы существенныя черты „государя“, каковы хотѣлъ видѣть Макиавелли Медичи. Но его надежды не осуществились, и его программой пользовались многіе, но не для тѣхъ цѣлей, какія имѣлъ въ виду онъ. Его патріотизмъ, жертвовавшій отечеству всѣмъ, даже честью и человѣческимъ достоинствомъ, не привелъ ни къ чему, а его политическая философія, бывшая превосходнымъ изображеніемъ и разъясненіемъ дѣйствительности, хотя и дала людямъ возможность оцѣнить эту дѣйствительность, но въ то-же время сообщила послѣдней новыя силы, поднявъ ее на степень систематической теоріи. Макиавелизмъ вошелъ впоследствии въ государственную практику, какъ іезуитизмъ въ церковно-католическую.

Макиавелли совершенно секуляризировалъ политику и указалъ выходъ изъ средневѣковой феодальной анархіи. Въ этомъ отношеніи вполнѣ параллельно съ нимъ дѣйствовали во Франціи юристы и Жанъ Боденъ (1530—1596), который въ своемъ „Государствѣ“ былъ не только послѣдователемъ древнихъ, но и предшественникомъ политической философіи Монтескье. Защищая свободу совѣсти, идею раздѣленія властей и самообложенія податями, онъ выработалъ начатки той теоріи политическаго компромиса, которая въ позднѣйшее время получила названіе конституціонализма и основанія которой давно уже дѣйствовали и во Франціи, и въ Англіи. Макиавелли тоже считалъ эту систему идеаломъ государственнаго устройства и указывалъ образецъ ея въ древнемъ Римѣ. Вмѣстѣ съ этими идеями французскіе и нѣмецкіе философы начали разрабатывать римскую фикцію естественнаго права, которая имѣла сильное вліяніе въ два слѣдующихъ столѣтія, но въ XVI в. не выходила еще изъ границъ первоначальныхъ теоретическихъ соображеній. Подобные вопросы должны были въ XVI в. уступать мѣсто вопросу о настоящей „злобѣ дня“ — объ окончательной эмансипаціи челоуѣка отъ средневѣковаго авторитета. Этой эмансипаціи содѣйствовали и Макиавелли, и Моръ, и т. д., но еще болѣе содѣйствовали ей такіе люди, какъ Раблэ со своею сатирою, Монтань и нѣмецкіе гуманисты. „Опыты“ Монтаня (1580 г.) были памфлетомъ противъ инквизиціонныхъ преслѣдованій за свободу совѣсти, за самостоятельность морали, и въ то-же время они сдѣлались фундаментомъ новѣйшей педагогики. Легкая форма этихъ „Опытовъ“

способствовала быстрому и широкому распространению идеи Монтаня, который, возбуждая къ самостоятельности и критикѣ умъ взрослыхъ, пропагандировалъ принципы новаго воспитанія подрастающихъ поколѣній. Монтань первый доказывалъ, что учить слѣдуетъ безъ палки и розги, что не только плоды, но и корень ученія долженъ быть сладокъ, что въ дѣтяхъ нужно развивать самодѣятельность, что цѣль воспитанія—нравственное усовершенствованіе и подготовка къ дѣйствительной жизни, что родной языкъ должно предпочитать мертвымъ и иностраннымъ, и т. д. Нѣмецкіе гуманисты, дѣйствовавшіе во многихъ отношеніяхъ въ одномъ духѣ съ Рабле и Монтанемъ, не имѣли, однакожь смѣлости послѣдняго и предпочитали родному языку мертвую латынь. Изъ нихъ Рейхлинъ, положившій въ Германіи основы изученію языковъ греческаго и еврейскаго и свободному изслѣдованію теологической схоластики, возбудилъ противъ себя схоластиковъ и монаховъ, литературную борьбу съ которыми послѣ его смерти (1522 г.) продолжали его друзья, составившіе и издавшіе знаменитыя „Письма темныхъ людей“, въ которыхъ съ неподражаемымъ искусствомъ выведены типы схоластиковъ и монастырскихъ мудрецовъ. Эти „Письма“ произвели окончательный разрывъ между гуманистами и обскурантами, и однимъ изъ главныхъ дѣятелей этой борьбы явился Вольтеръ XVI вѣка, Эразмъ (1467—1536). Онъ былъ воспитанъ для монашества и имѣлъ случай познакомиться съ закулисной стороной монастырской жизни. Посѣщая-же лекціи парижскаго университета, Эразмъ получилъ рѣшительное отвращеніе къ схоластикѣ и теологическимъ спорамъ и съ жаромъ принялся за изученіе древности. Приглашенный нѣсколькими богатыми англичанами въ Англію, онъ подружился здѣсь съ Моромъ и другими гуманистами. Его первое полемическое сочиненіе было осуждено Сорбонной и вызвало взрывъ негодованія со стороны монастырскихъ схоластиковъ; за этимъ памфлетомъ слѣдовали классическіе афоризмы, такъ близко касавшіеся современныхъ вопросовъ, что были впоследствии осуждены двумя папами. Въ Англіи-же, послѣ своего путешествія въ Италію, Эразмъ написалъ „Похвалу глупости“, также осужденную Сорбонной. Глупость излагаетъ свою родословную, перечисляетъ свои заслуги, оказанныя ею богамъ и людямъ, приписывая себѣ всѣ великія дѣла, между тѣмъ какъ мудрость приводитъ только къ злу, къ

смертной чашѣ Сократа и т. д. Словомъ, истинная мудрость есть глупость, всѣ представители которой проходить передъ Эразмомъ, поражаемые его чисто-вольтеровскими насмѣшками, — тутъ мы видимъ невѣжественныхъ ученыхъ того времени, игроковъ, алхимиковъ, духовидцевъ, святошь и шарлатановъ, поупателей индульгенцій и професоровъ, поэтовъ и судей, философовъ и теологовъ, монаховъ съ ихъ невѣжествомъ и развращенностью, королей и придворныхъ, кардиналовъ и папъ съ ихъ Ватиканомъ, наполненнымъ ростовщиками и кутилками, съ ихъ стремленіями къ свѣтской власти и кровавою политикою, наконецъ представительницу средневѣкового застоя, Сорбонну. „Похвала глупости“ выдержала въ нѣсколько мѣсяцевъ семь изданій. На ту-же тему написаны и „Разговоры“, въ которыхъ Эразмъ уже безъ всякаго алогорического покрова разсуждаетъ о папствѣ, и т. д.

Таково было въ общихъ чертахъ состояніе мысли въ XVI вѣкѣ. Авторитетъ, міросозерцаніе, порядки среднихъ вѣковъ были подкопаны и грозили окончательнымъ паденіемъ. Противъ нихъ вооружились и гуманизмъ, и дѣятели положительной науки, и сатира Рабле, Эразма и др., и еще болѣе грозная сатира, созданная народными массами. Эпикурейскій индиферентизмъ, скептицизмъ, невѣріе господствовали даже въ Ватиканѣ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ авторитетъ классической древности вполне покорилъ себя уму, наука была въ пленкахъ, она сама еще не очистилась отъ многихъ заблужденій, и въ обществѣ, отличавшемся такимъ скептицизмомъ, какъ и въ римскомъ обществѣ временъ паденія, было столько суевѣрій, столько болѣзненныхъ привычекъ ума, что вполне здоровое развитіе мысли было рѣшительно невозможно. Въ эпоху величайшихъ астрономическихъ открытій основанная на птоломеевой системѣ астрологія достигла своего высшаго развитія и выдвинула „величайшихъ“ звѣздочетовъ Европы — Гагена, написавшаго болѣе 300 сочиненій; Гаврика, получившаго за свое искусство даже епископство; Штѣффлера, который въ 1518 году предсказывалъ черезъ шесть лѣтъ второй всемірный потопъ, вслѣдствіе чего множество жителей морскихъ береговъ выселились, а въ Тулузѣ президентъ Оріаль началъ строить ковчегъ; знаменитаго Михаэля Нотръ-Дамъ или Нострадамуса (1503 — 1567), которому наслѣдовалъ сынъ его, Цеварь, предсказывавшій сожженіе Паризжа и потомъ поджегшій его. Въ концѣ XVI вѣка астро-

логъ Геррлихъ былъ назначенъ даже профессоромъ математики въ Грейсфальдѣ. вмѣстѣ съ астрологіей процвѣтала и алхимія, между представителями которой выдаются: капуцинъ Брагадино, называвшій себя „богомъ Мамономъ“ и повѣщенный въ 1591 г. въ Базелѣ, какъ волшебникъ, вмѣстѣ съ двумя своими собаками, которыхъ народъ считалъ чертами-оборотнями; Джонъ Ди (1527—1607), имѣвшій сношенія съ Елисаветой англійской, императрицей Максимилианомъ II и Рудольфомъ II; Артуръ Ди (1579—1651), котораго Іаковъ I рекомендовалъ въ качествѣ лейб-медика московскому царю, и т. д. Государи XV и XVI вв. были вообще ревностными адептами этого искусства и держали при своихъ дворахъ алхимиковъ, занимавшихся дѣланіемъ золота. Императоръ Рудольфъ II былъ самымъ закоренѣлымъ алхимикомъ и астрологомъ. вмѣстѣ съ алхимиками дѣйствовали достойные ихъ сподвижники—розенкрейцеры, приписывавшіе основаніе своего общества монаху Розенкрейцу, который, будто-бы, изучивъ на Востоку тайныя науки, для занятія ими составилъ изъ своихъ товарищескихъ монаховъ союзъ; черезъ сто двадцать лѣтъ послѣ его смерти, въ его гробѣ, на нетлѣнномъ тѣлѣ его найдена была пергаментная книга, содержащая въ себѣ уставъ и тайны ордена. Къ розенкрейцерамъ примкнуло много алхимиковъ, мистиковъ, всевозможныхъ шарлатановъ, и бредни ихъ потеряли окончательный кредитъ только въ XVIII вѣкѣ. Хиліазмъ или ученіе о тысячелѣтнемъ земномъ царствѣ Христа имѣлъ тоже своихъ послѣдователей и проповѣдниковъ, въ родѣ француза Постеля (1510—1551). Хиромантия, фізіономика и снотолкованіе были въ общемъ ходу и имѣли знаменитыхъ спеціалистовъ. Некромантии или магіи, въ тѣсномъ смыслѣ, была посвящена въ XVI в. цѣлая литература, занимавшаяся заклинаніемъ духовъ, которыхъ тогда были выдуманы цѣлыя миліоны. Считалось девять классовъ чертей, а эти классы распадались еще на другія безчисленныя подраздѣленія. Были духи планетъ, 12-ти небесныхъ знаковъ, четырехъ стихій, четырехъ странъ свѣта, временъ года, мѣсяцевъ, дней, часовъ. Даже такіе даровитые люди, какъ Парацельсъ и Макиавелли, выдумывали системы духовъ, вѣруя въ существованіе и вліяніе ихъ. Эти духи, по тогдашнему вѣрованію, „давали рожденіе матеріи всѣхъ трехъ царствъ природы“ и, такимъ образомъ, стояли въ тѣсной связи съ астрологіей и алхиміей. Духи-же были хра-

нителами кладовъ, имѣя видъ черныхъ собакъ, кошекъ, совъ и т. д., и изъ-за этихъ-то кладовъ суевѣры болѣе всего искали сближенія съ духами, заклиная ихъ посредствомъ разнообразныхъ формулъ, состоящихъ изъ латинскихъ, греческихъ, еврейскихъ и совершенно бессмысленныхъ, непонятныхъ словъ, совершая при этомъ разные магическія дѣйствія, надѣвая особый костюмъ и т. д. Явленія мертвыхъ и духовъ были чуть не обыденными событиями. Въ началѣ XVI в. пасторъ Люссау въ Рутенау ночью нашелъ въ церкви цѣлую толпу привидѣній и монаха (тоже привидѣніе), проповѣдывавшаго имъ. Духи грезились всюду, — на поляхъ, въ домахъ, въ церквяхъ, то въ видѣ настоящихъ чертей, то въ видѣ лошадей, собакъ и т. д. Многочисленные волшебныя средства, напр., приворотные корни, любовныя напитки, погубленіе врага посредствомъ магическихъ операцій надъ его изображеніемъ, были въ ходу даже въ высшихъ классахъ общества. Волшебныя *алруны*, подобія чловѣка, сдѣланныя изъ корня мандрагоры или растенія переступень (*brugonia*), хранились во множествѣ домовъ завернутыми въ дорогую шелковую матерію; ихъ по временамъ купали въ водѣ и кропили ею предметы, на которые алрунъ долженъ оказать свое благотѣльное дѣйствіе. Алрунъ приносилъ дому счастье, облегчалъ женщинамъ роды, предотвращалъ скоть отъ падежа, вино отъ скисленія. Даже въ концѣ XVI в. въ алруновъ еще вѣрили обывательные бюргеры, напр., въ Лейпцигѣ и Ригѣ. Не менѣе сильна была вѣра въ оборотней и въ заклинаніе животныхъ. Было не мало людей, которые подвергались особаго рода галлюцинаціи, воображая, что въ извѣстные періоды они превращаются въ волковъ, пожирають людей и скоть, живутъ съ волками; они любили сырое мясо. Немудрено, что вѣра въ превращеніе людей въ животныхъ была сильна, подкрѣпляясь подобными признаніями; немудрено, что при такомъ унастроеніи къ животнымъ нерѣдко относились, какъ къ людямъ. Въ 1479 г. епископъ лозанскій Монферанъ, по жалобѣ жителей города Верна, торжественно привлечь къ суду сусликовъ за опустошеніе полей, началъ противъ нихъ формальный процессъ, съ адвокатомъ и обвинителемъ, и въ наказаніе отлучилъ ихъ отъ церкви. То-же самое сдѣлали въ 1516 г. съ червями, опустошавшими поля, епископскіе суды въ Тройе, Лионѣ, Масонѣ и Отенѣ. Въ Бургундіи

однажды были привлечены къ суду какія-то мухи, высасывавшія сокъ изъ винограда, и приговорены къ отлученію. Въ 1520 г., въ Глорнесъ и Мальсѣ, въ Тиролѣ, формально судили кротовъ за раскапыванье земли и постановили приговоръ, что въ продолженіи двухъ недѣль кроты должны очистить всѣ луга и пашни и никогда болѣе не возвращаться на нихъ; „буде-же окажутся изъ нихъ беременныя или такіе, которые по молодости не могутъ еще ходить“, то такимъ давалась отсрочка! Въ Провансѣ обер-президентъ парламента Шассано (1480—1542) составилъ пространную записку, доказывая въ ней, что слѣдуетъ привлечь къ суду свирѣпствовавшую тогда саранчу. Въ 1559 г. въ Дрезденѣ священникъ Грейссеръ говорилъ проповѣдь и ему помѣшали воробы „своимъ крикомъ и нецѣломудреннымъ поведеніемъ“; онъ отлучилъ ихъ, а герцогъ и курфирстъ Саксоніи Августъ приказалъ подвергнуть нарушителей спокойствія аресту. Въ 1587 г. въ одной савойской деревнѣ судились зеленныя мухи. Судя и наказывая животныхъ, въ то-же время находили таинственныхъ животныхъ, возбуждавшихъ общее вниманіе. Въ 1587 г. въ одинъ и тотъ-же день въ Даніи и Норвегіи пойманы были двѣ трески, на тѣлѣ которыхъ оказались какіе-то „чудные знаки“ и римскія цифры V. I. C. I.; въ 1596 г. поймали съ такими-же знаками въ Помераніи мечь-рыбу. Подобныя находки возбуждали вниманіе всей Европы, распространялись ихъ изображенія, а проповѣдники пускались по поводу ихъ въ мистическія, апокалипсическія и кабалистическія толкованія. Упомянемъ, наконецъ, о тѣхъ суевѣріяхъ, которыя соединялись съ чисто-звѣрскими чувственностью и жестокостью. Представителемъ ихъ можно считать французскаго маршала Реца, который не только занимался алхіміей и заклинаніемъ духовъ съ цѣлю вернуть свое потерянное состояніе, но приносилъ людей въ жертву дьяволу. Онъ завлекалъ преимущественно мальчиковъ, портилъ ихъ и потомъ убивалъ медленною смертью, наслаждаясь ихъ агоніей. Всего убито имъ 150 человекъ.

При такомъ хаосѣ понятій, при такомъ психически-болѣзненномъ настроеніи массы, при господствѣ суевѣрій даже въ образованномъ классѣ, быстрое развитіе научной мысли было рѣшительно невозможно, тѣмъ болѣе, что мысль не могла развиваться параллельно съ чувствомъ. Въ массѣ не только крѣпко коренилось

старое міросозерцаніе, но еще жили и развивались другія насущныя потребности, которыхъ не могли удовлетворить ни гуманисты съ ихъ язычествомъ, ни политики съ ихъ планами, въ родѣ макиавелевскаго, ни даже Галилеи съ ихъ великими открытіями.

Злоупотребленія и пороки папства и вообще католическаго духовенства слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы распространяться о нихъ. Принципомъ католицизма была неподвижность мысли и общественной жизни, неподвижность, поддерживанію которой содѣйствовали и догматы папской непогрѣшимости, и свѣтская власть духовенства. Возведя папъ въ мнимыхъ намѣстниковъ Христа, католицизмъ придалъ и всему остальному клиру аристократическій характеръ. Мірянамъ запрещалось чтеніе библіи на родномъ языкѣ, ихъ причащали только подъ видомъ хлѣба, ихъ преслѣдовали за каждый независимый порывъ религіознаго чувства, ихъ давили церковной десятиной и множествомъ другихъ поборовъ всевозможнаго вида. Для поддержанія своего авторитета католическій клиръ прибѣгалъ ко всякимъ мерзостямъ, и Лоранъ по всей справедливости называетъ исторію папства систематическимъ подлогомъ. Нравы духовенства доходили до ужасающей испорченности, и тамъ, гдѣ вѣрующіе должны искать примѣра и назиданія, они встрѣчали одинъ соблазнъ. Религія — жизнь массы; но религіозное чувство народовъ западной Европы болѣе и болѣе разочаровывалось въ папской системѣ и вооружалось противъ нея. Оно находило, что ея пороки и злоупотребленія прямо противорѣчатъ ея проповѣди; оно замѣчало, что клиръ стремится главнымъ образомъ къ мірской выгодѣ; оно стремилось къ внутреннему благочестію, которое не ограничивается дѣлами внѣшней набожности, оно хотѣло участвовать въ божественной вечери подъ обоими видами, желало знать библію, и коль скоро вѣрующіе получали возможность читать ее, они тотчасъ замѣчали многія противорѣчія между папской системой и евангеліемъ, и естественно отдавали предпочтеніе послѣднему. Все это многовѣковое движеніе стремилось къ восстановленію первобытнаго христіанства, подобно тому, какъ мірская мысль хлопотала о возрожденіи классической литературы; еретики такъ-же относились къ католикамъ, какъ гуманисты къ схоластикамъ и обезображенному ими Аристотелю.

Таковы были стремленія альбигойцевъ, англичанина Викафа (1324—1384), переведшаго библію на англійскій языкъ, чеха Гусса (1373—1415) и ихъ послѣдователей. Движеніе исходило прямо изъ народной массы и главные представители его, въ родѣ Викафа, Гусса, Цвингли, были изъ крестьянъ, равно какъ и нѣмецкій реформаторъ Мартинъ Лютеръ (род. въ 1483 г.). Альбигойцы были истреблены правовѣрными католиками сѣверной Франціи, викафиты не имѣли большаго успѣха, Гуссъ сожженъ на кострѣ, но настоятельность реформы дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе, а католическіе соборы, собиравшіеся для преобразованія церкви, не могли и не хотѣли ничего сдѣлать. Между тѣмъ на помощь религіознымъ стремленіямъ крестьянъ и горожанъ явились гуманисты съ ихъ классическимъ міровоззрѣніемъ, съ критикой и сатирою, и когда Лютеръ возсталъ противъ продажи индульгенцій и другихъ злоупотребленій папства, на его голосъ отозвались миліоны вѣрующихъ сердець. Обладая сильнымъ умомъ и замѣчательной энергіей воли, Лютеръ, однакожь, не принадлежалъ въ разряду тѣхъ людей, которыхъ называютъ гениальными, и нисколько не возвышался надъ понятіями окружавшей его толпы. Начавъ съ нападокъ на злоупотребленія духовенства, онъ вскорѣ замѣтилъ, что выталавивая одинъ камень изъ зданія папства, онъ неизбежно поколеблетъ все строеніе; онъ пошелъ дальше и дальше, не сознательно, не по обдуманному плану, а вслѣдствіе роковой необходимости, лежавшей въ самой природѣ дѣла. Основною его ученія сдѣлалась библія, на основаніи которой онъ провозгласилъ равенство всѣхъ христіанъ въ дѣлѣ спасенія. Своимъ переводомъ библіи онъ положилъ начало развитію нѣмецкаго литературнаго языка, а реформою церкви утвердилъ вѣру, признавъ почти всѣ основныя принципы католицизма, только въ другой, нѣсколько смягченной формѣ. Онъ самъ сдѣлался новымъ папою и принялъ во всей его широтѣ принципъ непогрѣшимости авторитета, въ то время, какъ въ Женевѣ появился такой-же непогрѣшимый папа, Кальвинъ, превратившій въ монастырь весь городъ и сожигавшій „еретиковъ“. Реформаціонное движеніе приняло множество развѣтвленій, смотря по характеру мѣстности и тѣхъ общественныхъ слоевъ, въ которыхъ оно дѣйствовало. Сходясь въ одномъ пунктѣ—въ отрицаніи католичества, реформаторы расходились по многимъ существеннымъ вопросамъ, догматиче-

скимъ, нравственнымъ и политическимъ. Въ лютеранствѣ не было аскетизма, но за то господствовалъ принципъ безусловной пассивности передъ духовнымъ и свѣтскимъ авторитетомъ; если тебѣ говорятъ, что $2 + 3 = 6$, ты долженъ слушать и соглашаться, — таково было правило Лютера. Столь-же безусловную пассивность мы видимъ въ кальвинизмѣ и пуританствѣ, соединенную вдобавокъ еще съ крайнимъ аскетизмомъ. Цюрихскій реформаторъ, крестьянинъ Цвингли, былъ логичнѣе Лютера и Кальвина въ своихъ выводахъ, но его кругъ дѣйствій ограничивался предѣлами небольшой области. Реформаціонныя движенія расходились особенно въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они соприкасались съ общественными вопросами. Увлеченные реформою рыцари, въ родѣ Зиккингена, тщетно пытались сломить силу территоріальныхъ князей. Крестьяне, распространяя религіозные принципы реформы на политическія отношенія, возстали противъ феодальныхъ порядковъ. Лютеръ вооружился противъ крестьянъ со всею силою своей энергіи и, призывая на нихъ безпощадную месть усмирителей, вполнѣ сошелся съ тѣмъ папскимъ агентомъ, который при истребленіи альбгойцевъ совѣтовалъ убивать всѣхъ, не различая католиковъ отъ еретиковъ, „такъ-какъ Богъ узнаетъ своихъ“.

„Что-же касается милосердія, писалъ Лютеръ, — о которомъ хлопчуть для крестьянъ, то самъ Богъ спасетъ и сохранитъ невинныхъ, какъ онъ спасъ Лота и Іеремію“. Крестьянскія войны Германіи, какъ и возстанія крестьянъ Англіи и Франціи, были полнымъ отрицаніемъ феодализма, остатки и принципы котораго приняла подъ свою защиту реформація. Гнетъ феодальныхъ порядковъ при томъ жалкомъ умственномъ состояніи массы, о которомъ мы говорили выше, повелъ еще къ болѣе патологическимъ явленіямъ, чѣмъ бунты и усмиренія крестьянъ. Главный представитель народнаго движенія въ Германіи, Томасъ Мюнцеръ, находился въ тѣсной связи съ перекрещенцами, ученіе которыхъ быстро распространялось въ народѣ, хотя ему и противодѣйствовали другіе сектаторы, начиная съ Лютера и кончая Цвингли. Это было какое-то эпидемическое, неистовое помѣшательство, естественно объясняемое всей предыдущей исторіей народа. Въ С.-Галленѣ перекрещенцы, буквально исполняя слова библіи, ходили нагими и играли, какъ дѣти, а одна изъ ихъ женщинъ считалась Христомъ; въ Аугсбургѣ одинъ скорнякъ объявилъ себя королемъ тысячелѣтняго

царства и носилъ скипетръ и корону и т. д. Въ Мюнстерѣ партія перекрещенцевъ овладѣла городомъ и изгнала всѣхъ зажиточныхъ гражданъ. Мюнстерскій епископъ, изгнанный изъ резиденціи, соединился съ католическими и протестантскими князьями, съ лютеранами и цвингліанами, и всѣ они осадили общаго врага. Перекрещенцы защищались упорно и искусно. Они составляли изъ себя теократическую республику, во главѣ которой стояли нидерландскій пророкъ, портной Бейкельсцоонъ, ремесленникъ Книппердорлингъ и Янъ Матисцоонъ. Дѣятельность этихъ фанатиковъ началась тѣмъ, что они истребили въ церквяхъ всѣ произведенія искусства и сбили шпицы со всѣхъ башенъ, „такъ-какъ все высокое должно быть принижено“. Какъ во Флоренціи, во времена Саванаролы, какъ въ Англіи, при владычествѣ пуританъ, всѣ предметы, служившіе для нечестивыхъ удовольствій, музыкальные инструменты, карты, зеркала, книги, кромѣ библіи, были собраны на площадь и сожжены, подъ наблюденіемъ Матисцоона, объявившаго также обязательнымъ перекрещиванье всѣхъ гражданъ. Несмотря на жестокой морозъ, стоявшій въ февралѣ 1534 г., мюнстерцы толпами стекались на городскую площадь и здѣсь перекрещивались подъ открытымъ небомъ. Кто не соглашался на это, того изгоняли изъ города, за стѣнами котораго его убивали осаждавшіе. Одинъ кузнецъ вздумалъ-было проповѣдывать противъ этихъ неистовствъ пророка, но Бейкельсцоонъ собственноручно отрубилъ ему голову. Послѣ того, какъ Матисцоонъ погибъ въ вылазкѣ, Бейкельсцоонъ убѣдилъ толпу замѣнить прежнее „нетвердое въ вѣрѣ“ правительство новымъ, состоявшимъ изъ подобранныхъ имъ 12 старѣйшинъ, соответствовавшихъ числу колѣнъ израильскихъ, и Книппердорлинга, который сдѣлался теперь „меченосцемъ“, т. е. палачемъ, судившимъ и казнившимъ по своему произволу. Демократія, такимъ образомъ, превратилась въ олигархію, во главѣ которой сталъ „пророкъ“ Бейкельсцоонъ, назвавшійся Іоанномъ Лейденскимъ. „Пророкъ“ ввелъ многоженство; въ городѣ начались оргіи; неудавшійся заговоръ кузнеца Моленгека повелъ къ неистовымъ жестокостямъ; одни изъ участниковъ были казнены собственноручно пророкомъ и меченосцемъ, другихъ привязывали къ деревьямъ и упражнялись на нихъ въ стрѣльбѣ въ цѣль. Въ то же время Гилла Фейкенъ, желая сдѣлаться новою Юдифью, отправилась въ непріятельскій лагерь съ цѣлью убить епископа, но

была открыта и казнена. Наконецъ, насталь третій періодъ развитія этого фанатическаго царства. Іоаннь Лейденскій былъ провозглашенъ „царемъ справедливости надъ всею землею“: онъ сдѣлался папою перекрещенцевъ, возложилъ на себя корону, завелъ пышный дворъ и шестнадцать женъ изъ красивѣйшихъ дѣвушекъ города. Его тронъ стоялъ посреди городской площади и здѣсь онъ творилъ судъ и расправу. Лютеръ, которому всюду грезился дьяволъ, считалъ Іоанна чортомъ. Цѣлый годъ продолжалась осада Лейдена; начался голодъ; но чѣмъ труднѣе становились обстоятельства, тѣмъ болѣе усиливался фанатизмъ, тѣмъ болѣе свирѣпствовалъ Іоаннь. Онъ, напр., собственноручно казнилъ на площади одну изъ своихъ женъ и виѣстѣ съ остальными женами плясалъ вокругъ ея трупъ. Наконецъ, городъ былъ взятъ и перекрещенцы истреблены поголовно.

До такихъ безобразій доходилъ фанатизмъ. Но этотъ болѣзненный порывъ страдающаго, испорченнаго чувства, одинаково сильный у всѣхъ тогдашнихъ сектантовъ, продолжался недолго. Рядомъ съ нимъ дѣйствовали чисто-земные расчеты и страсти. Все средневѣковое общество переживало страшный кризисъ своей внутренней болѣзни. За подавленіемъ религиозныхъ смуть, настали вѣковыя политическія войны, раздоры партій, борьба сектъ, но во всѣхъ этихъ смутахъ вѣра служила уже только предлогомъ, а не цѣлю. Дорого стоила Европѣ эта реформа. Въ концѣ-же концовъ половина Европы получила передѣланное католичество въ видѣ лютеранства съ бумажнымъ папой, а другая половина реформировала старое католичество съ живымъ папой. Но какъ одна изъ формъ общаго развитія европейской мысли, реформація имѣла свое значеніе. Она остановилась на компромисѣ, она закрѣпилась на точкѣ своей остановки, но дальнѣйшіе выводы изъ нея были неизбежны. Эти выводы дѣлались еще до Лютера и при Лютерѣ, но логическое развитіе мысли встрѣтило на своемъ пути столько препятствій, что потребовались вѣка, чтобы достигнуть имъ степени истинъ, признанныхъ большинствомъ, стоящимъ во главѣ умственнаго движенія. Реформа міросозерцанія была невозможна безъ реформы чувства, безъ развитія терпимости, гуманности и т. д. Въ XVI-же вѣкѣ общее настроеніе было далеко неблагоприятно для умственнаго прогресса. Отыскивая выходъ изъ своего печальнаго положенія, всѣ люди того времени

стремились не впередъ, а назадъ, начиная съ схоластиковъ и гуманистовъ, обожавшихъ классическую древность, и кончая какими-нибудь алхимиками и магами, грезившими о древней мудрости Востока, или перекрещенцами, возстановлявшими древнееврейское многоженство. И послѣдователи всѣхъ этихъ направленій были глубоко убѣждены въ абсолютной справедливости своей идеи. Въ вѣковой ожесточенной борьбѣ этихъ абсолютно-справедливыхъ идей научная мысль долго принуждена была оставаться на заднемъ планѣ, работать для немногочисленныхъ послѣдователей, переживать кризисы, но она упорно шла впередъ, приобрятая съ каждымъ успѣхомъ все новыя и новыя силы.

С. Старица.

(Продолженіе будетъ.)

* * *

Когда въ душѣ моей шумить глухая буря,
И мыслей вихрь проносится въ мозгу,—
Не спрашивай меня, свой бѣлый лобикъ хмура,
О томъ, чего связать я не могу.

Вѣдь этой бурей не мало надломило
Такихъ, какъ ты, неосторожныхъ силъ;
Вѣдь этотъ вихрь и то, что мнѣ такъ было мило,
Порой безслѣднымъ прахомъ разносиль.

О, дай-же мнѣ цѣной упорнаго молчанья
Сберечь твой умъ отъ пытки роковой...
Потомъ и безъ меня придуть къ тебѣ страданья,
Но пусть не я нарушу твой покой!

Омулевскій.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА И ЕГО ЛИТЕРАТУРА *).

(Окончаніе.)

IV.

Нигдѣ, повидному, съ такою наглядною выпуклостью не проявляется все разнообразіе элементовъ, входящихъ въ составъ русскаго государственнаго организма, и нигдѣ это естественное разнообразіе не сглаживается до той типичности, которую, такъ-сказать, исторически выработала изъ себя русская общественная фізіономія, — какъ въ земской дѣятельности и литературѣ. Слѣдя шагъ-за-шагомъ за этой дѣятельностью, изучая эту, еще очень молодую, литературу, видишь, что на каждой мѣстности и на фізіономіяхъ ея дѣятелей лежитъ своя историческая печать, которая не мѣшаетъ, однако, обществу русскому типу ассимилировать все, къ чему-бы ни прикоснулась, прямо или косвенно, ассимилирующая общественная сила. Подвигаясь отъ центровъ къ окраинамъ, вы начинаете чувствовать присутствіе новой жизни, признаки энергической работы молодыхъ силъ, которыя ищутъ себѣ приложенія, и если даже дѣлаютъ неудачныя попытки въ своихъ начинаніяхъ, если, идя впередъ безъ оглядки на историческое прошлое, иногда спотыкаются, то все-же видно, что исканіе добра тутъ искреннее, честное. Самая кипучая и самая благотворная дѣятельность, страннымъ образомъ, замѣчается въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, которыя еще такъ недавно считались у насъ мѣстами ссылочными да и по настоящее время удержали за собой граждански-непривлекательный эпитетъ „отдаленныхъ губерній“. Вятскій край, пермскій край, Зауралье — это, повидному, лучшіе земскіе работники. Тутъ въ

*) См. „Дѣло“, кн. I, 1875.

земскомъ дѣлѣ идетъ практическое рѣшеніе одной изъ самыхъ трудныхъ жизненныхъ дилеммъ: „прежде накорми меня, а потомъ научи...“ или наоборотъ: „научи меня, не кормивши, а ужъ потомъ я самъ научусь кормиться и кормить другихъ“. Все, что ни дѣлается въ этихъ мѣстностяхъ для того, чтобы умѣть отвѣчать классическому крокодилу, который, какъ извѣстно, первый выдумалъ дилемму и задалъ ее матери, у которой самъ-же похитилъ ребенка,—все это откровенно заносится въ земскую хронику и обогащаетъ нашу земскую литературу. „Ирбитъ“, „Камышловъ“ и другіе, еще такъ недавно начавшіе жить русскіе города-малолѣтки, то-и-дѣло попадаются на заглавныхъ листахъ разнокалиберныхъ изданій земской печати: это значитъ, что тамъ, въ этихъ откинутыхъ далеко на Востокъ центрахъ русской жизни, начинаютъ уже формироваться зачатки цивилизаціи, которые обнаруживаютъ, что культурная жизнь незамѣтно проникла въ Зауралье, и хотя эта жизнь находится въ эмбриональномъ состояніи и едва даетъ себя чувствовать, однако, въ историческомъ ходѣ развитія русской земли утѣшительно и то, что основа культурной жизни уже положена, и положена именно тамъ, гдѣ населеніе почти не имѣло своей исторіи.

Но васъ не можетъ, до извѣстной степени, не поразить то обстоятельство, что, подвигаясь отъ крупныхъ центровъ земской дѣятельности не на востокъ, а на югъ, вы замѣчаете какую-то скудость содержанія земской жизни, какую-то полинялость общественной мысли, общественной инициативы. Малороссія, какъ, повидимому, ни добросовѣстно выполняетъ свою земскую задачу, но въ этомъ выполненіи такъ и видишь характеръ или отживающаго человѣка, или временно захандрившаго, или-же готоваго махнуть на себя рукой. Кобеляки, Золотоноша, Борзна, Прилуки — все это отдаетъ духовной бѣдностью и земскою заспанностью. Въ то время, когда гдѣ-то за Рифейскими горами, въ холодной Ирбити уже создавалась вмѣстѣ съ земскою дѣятельностью земская печать, въ Прилукахъ, въ этихъ историческихъ Прилукахъ, которыхъ голосъ игралъ когда-то не послѣднюю роль въ критическій моментъ политическаго объединенія Великой и Малой Россіи,—въ Прилукахъ, народные представители которыхъ, „ясновельможные паны полковники“, получали милостивыя посланія отъ царей и великихъ князей московскихъ и могли, съ своей стороны, отправлять послан-

цевъ по политическимъ дѣламъ къ крымскимъ ханамъ, къ турецкимъ султанамъ и молдавскимъ господарямъ, — въ этихъ Прилукахъ земская литература является въ литографированныхъ тетрадахъ, словно записки студента. Чухлома — городъ, почему-то до сихъ поръ возбуждающій улыбку своимъ именемъ, — издаетъ земскіе „Сборники“, а славные Прилуки оставляютъ очень непрочные слѣды своей общественной дѣятельности. Подвигаясь еще далѣе на югъ, въ самые юные, въ историческомъ отношеніи, края русской земли, мы замѣчаемъ новые оттѣнки общественной жизни и дѣятельности, — оттѣнки, какихъ не представляетъ жизнь и дѣятельность молодыхъ восточныхъ окраинъ нашихъ.

Передъ нами литература земской дѣятельности одесскаго уѣзднаго земства. Она имѣетъ очень приличную наружность, но не богата внутреннимъ содержаніемъ. Это не то, что виѣшне-неприглаженныя, но за то внутренно очень интересныя изданія какого-нибудь соликамскаго или екатеринбургскаго земства, гдѣ крестьяне, конечно, дѣти общаго крестьянскаго гнѣзда, говорятъ о предметахъ, дѣйствительно изумительныхъ въ устахъ крестьянъ, и говорятъ языкомъ, немслимымъ въ крестьянской избѣ, на крестьянской сходкѣ, рядомъ съ историческою крестьянскою рѣчью. Одесская земская литература прилична — и только. Правда, васъ изумляютъ иногда какіе-то странные провинциализмы въ официальной рѣчи. Говоря о распоряженіяхъ относительно продовольствія населенія, одесская земская управа, между прочимъ, выражается: „Независимо выдачи ссудъ изъ губернскаго и имперскаго продовольственныхъ капиталовъ, управа разрѣшила въ то-же время въ ссуду хлѣбъ и деньги нуждающимся изъ общественныхъ хлѣбныхъ и денежныхъ продовольственныхъ запасовъ“. Что это за „имперскій“ капиталъ въ Россіи? Эпитетъ „имперскій“ мы привыкли относить къ Австріи, къ Германіи. Но, быть можетъ, это опечатка? Нѣтъ, управа и дальше говорить о продовольственныхъ капиталахъ и дѣлитъ ихъ на губернскій и „имперскій“. Оказывается, что „имперскій“ капиталъ — это „общій по имперіи продовольственный капиталъ“, какъ онъ у насъ и называется официально.

Представляя одесскому земскому собранію отчетъ о послѣднемъ годѣ своей дѣятельности (или, какъ выражается управа, „въ отчитываемный періодъ времени“), управа исходною точкою

своей дѣятельности, какъ кажется, ставить свои заботы о народномъ образованіи. Она, повидимому, хочетъ вложить въ уста крокодила дилемму въ такой формѣ: „научи меня, а накормить я самъ себя съумѣю“. Она прямо обращается къ собранію съ словами, что если-бы оно, „преимущественно передъ другими требованіями, пожелало остановить свое вниманіе на одномъ количествѣ учащихся въ школахъ, то увидѣло-бы, что не количествомъ учащихся, которымъ всегда хвалились старыя школы, слѣдуетъ измѣрять успѣхъ школьнаго дѣла“. Развивая эту безспорно несомнѣнную истину передъ глазами представителей края, управа не прочь бросить камень въ старину, и говорить, что „старый взглядъ на вещи и невозможныя требованія отъ учителя вели къ тому, что грамотныхъ въ селахъ не было, хотя школы на бумагѣ процвѣтали своею численностью и количествомъ учащихся“; что, „желая избѣжать повторенія такихъ ошибокъ, управа не гонялась за количествомъ школъ и учащихся, а допускала учениковъ въ школы столько, сколько возможно было вмѣстить, не нарушая неизбѣжныхъ гигиеническихъ условій и не ослабляя силъ учителей“. Что она, дѣйствительно, не гонялась за количествомъ школъ и учащихся, видно изъ того, что во всемъ уѣздѣ существовало только 13 школъ съ 500 учащихся—это очень скудная цифра для цѣлаго уѣзда. Между тѣмъ сама-же управа сознается, что какъ она ни отгоняла желающихъ учиться, боясь нарушить гигиену, однако не могла не отступить нѣсколько отъ своего драконовскаго закона, „въ виду сильнаго желанія народа учиться“. Мало того, еще далѣе она проговаривается далеко не въ свою пользу: „были-бы хорошія школы и хорошіе учителя—желающіе учиться будутъ ломиться въ школы“. А что еще болѣе обрашиваетъ эту невольную обмолвку управы, такъ это то, что гуманное обращеніе съ дѣтьми „привлекаетъ въ школы даже дѣтей тѣхъ штундистовъ, которые главенствуютъ среди своей братіи“. Къ сожалѣнію, школьное дѣло у насъ, смотря по земству и его дѣятелямъ, это или любимое дитя, которому лучшій кусокъ за столомъ и ласка матери, или приемышь, о которомъ хотя и говорятъ, что его любятъ, какъ родное дитя, однако оно, дитя это, часто бываетъ и голодно, и холодно. Одесское земство отпускаетъ на народное образованіе всего только отъ 5 до 7,000 р. Неудивительна была-бы такая скупость, если-бы населеніе было

бѣдно; но одесскій край не бѣденъ. Да вотъ слѣдующій примѣръ наглядно объясняетъ, какія средства могло-бы дать мѣстное населеніе на народное образованіе, не истощая своихъ платѣжныхъ средствъ. Игра въ карты, сколько извѣстно, дѣло вкуса и составляетъ предметъ свободнаго выбора: если у меня есть лишнее время и лишніа деньги—я играю. Проигрыватья и выигрыватья, такимъ образомъ, могутъ тысячи, десятки и сотни тысячъ рублей. Какъ на это дѣло смотритъ политическая экономія — мы не говоримъ. Но вотъ что, въ данномъ случаѣ, останавливаетъ наше вниманіе: такъ-какъ въ настоящее время храненіе и продажа игральныхъ картъ возложены на земскія учрежденія, которыя за эту комисію получаютъ извѣстный процентъ съ вырученныхъ отъ продажи картъ денегъ въ пользу уѣздныхъ больницъ, то изъ отчета одесской земской управы мы видимъ, что втеченіи послѣдняго отчетнаго года ею продано картъ на 31,794 р. 45 к. Ясно, что если-бы одесское населеніе находило такую-же прелесть въ образованіи, какъ въ играніи въ карты, то изъ 30 тысячъ, истраченныхъ специально на карты, половина этой суммы могла-бы пойти на школы, и тогда желающіе учиться, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ ложились-бы въ школьныя двери.

V.

Не касаясь другихъ сторонъ дѣятельности одесскаго земства, тѣмъ болѣе, что въ дѣятельности этой не было ничего поучительнаго для другихъ земствъ, не останавливаясь даже на прискорбномъ сознаніи мѣстной управы, что, вслѣдствіе безсилія земства и призванной имъ на помощь медицины, до сихъ поръ по селамъ вымираетъ молодое поколѣніе и „почти цѣлыя населенія остаются безъ подростковъ“, — мы укажемъ на неудачную попытку одесскаго земства обратиться въ весьма серьезномъ земскомъ дѣлѣ за помощью къ наукѣ и на то, что вышло изъ этого обращенія къ наукѣ.

Дѣло было такъ. Въ числѣ натуральныхъ повинностей, которыя исполняютъ наши южныя земства, считается истребленіе разныхъ вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ, поѣдающихъ хлѣбные посѣвы. Такъ, въ одномъ мѣстѣ земство должно истреблять „су-

сликовъ“, въ другомъ—„саранчу“, въ третьемъ—„овражковъ“, въ четвертомъ—разныхъ полевыхъ жучковъ, червей и т. д. Одесское земство большею частью бываетъ озабочиваемо истребленіемъ „кузки“ — летающаго жучка, который выпиваетъ и выѣдаетъ зерна со всѣхъ хлѣбныхъ колосьевъ. Въ 1874 году земство, желая добросовѣстно выполнить свое призваніе по отношенію къ интересамъ населенія, рѣшилось принять заблаговременно мѣры насчетъ истребленія вредныхъ насѣкомыхъ. 8 апрѣля оно получило отъ александровскаго волостного правленія сообщеніе, что на степяхъ селеній Александровки, Типковки, Кошаръ и на дачѣ землевладѣльца Шаміа появился червь двухъ родовъ: одинъ — чернаго цвѣта, а другой—въ видѣ гусеницы, которая еще находится въ коконахъ; первый собирается массами преимущественно на мягкихъ перелогахъ и истребляетъ исключительно бурьянъ, перекасти-поле. Въ управу присланы были и экземпляры того и другого рода насѣкомыхъ. Не теряя времени въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ спасеніе посѣвовъ отъ истребленія, и „въ то-же время желая знать мнѣніе специалистовъ, на-сколько появившіеся черви и гусеницы могутъ быть вредны для посѣвовъ“, управа 9-го-же апрѣля просила ректора новороссійскаго университета „предложить профессору зоологіи или другому специалисту по отдѣлу насѣкомыхъ дать свое заключеніе относительно насѣкомыхъ“, экземпляры которыхъ были препровождены вмѣстѣ съ тѣми въ университетъ для непосредственнаго ихъ изслѣдованія.

Результатомъ этихъ сношеній была поучительная, но въ данномъ случаѣ прискорбная исторія. Наши почтенные жрецы науки, повидимому, хорошо изучили божій міръ: и „говоръ древесныхъ листовъ“ понимаютъ, и чувствуютъ „травъ прозябанье“, для нихъ и „звѣздная книга ясна“, и съ ними „говоритъ морская волна“. Они обстоятельно изучили „рабовладѣльческіе элементы у муравьевъ“; изслѣдовали причины цвѣтности пера у птицы; они до тонкости знаютъ привычки и образъ жизни грегарины, обитающей въ женскихъ шиньонахъ; они хорошо знаютъ даже фізіономію и характеръ того рѣдкаго насѣкомаго, которое водится только въ лапѣ одного африканскаго звѣря. Но—да проститъ имъ русскій мужичекъ!—они до сихъ поръ не знаютъ, какіе звѣри и насѣкомыя истребляютъ хлѣбъ у нашего мужичка и какъ-бы можно было помочь этому горю. Профессоръ новороссійскаго университета,

г. Мечниковъ, по изслѣдованіи присланныхъ земствомъ личинокъ и коконовъ, 17-го апрѣля сообщилъ управѣ, что „находившіяся въ коробочкѣхъ темносѣрыя шестиногія личинки принадлежатъ жуку, извѣстному подъ названіемъ *Cryomela* (*Engomoscelis*) *Adonis*“; что „жукъ этотъ легко можетъ быть узнанъ по слѣдующимъ признакамъ: овальное тѣло его окрашено кирпично-краснымъ цвѣтомъ съ двумя боковыми и одной срединной черными линіями на подерьяхъ и однимъ большимъ чернымъ пятномъ на предгрудіи“; что „личинки съ жадностью поѣдаютъ мягкія и сочныя растенія и потому могутъ нанести большой вредъ посѣвамъ“; но что коконы, также присланные управою, содержатъ внутри желтыя куколки, „которыя не успѣли еще превратиться, но изъ которыхъ, по всей вѣроятности, вылупится бабочка изъ рода *Botis*“. При этомъ г. Мечниковъ указалъ на сочиненіе г. Видгальма, консерватора новороссійскаго университета, гдѣ подробно описаны всѣ полезныя и вредныя насѣкомыя, а также указаны средства истреблять этихъ насѣкомыхъ, преимущественно механическими средствами.

На этомъ отзывѣ профессора земство построило обширныя распоряженія, которыя впослѣдствіи оказались совершенно напрасными. Сообщивъ губернской управѣ о появленіи въ одесскомъ уѣздѣ упомянутыхъ насѣкомыхъ, могущихъ, по заключенію профессора Мечникова, нанести вредъ посѣвамъ, уѣздная управа, съ своей стороны, для принятія мѣръ къ истребленію хищныхъ насѣкомыхъ раздѣлила одесскій уѣздъ на одинадцать участковъ, пригласивъ въ распорядители этихъ участковъ земскихъ гласныхъ и землевладѣльцевъ, какъ людей, которымъ должны быть близки интересы народа и свои собственные. Объ этомъ распоряженіи управа тотчасъ-же увѣдомила распорядителей и просила, при появленіи вредныхъ насѣкомыхъ въ районѣ ихъ участковъ, безотлагательно принимать необходимыя мѣры къ истребленію ихъ, съ тѣмъ, что если-бы кто изъ членовъ сельскихъ обществъ, обязанныхъ отбываніемъ натуральной повинности, не захотѣлъ исполнять требованія по истребленію насѣкомыхъ, то чтобы объ этомъ былъ составленъ актъ и переданъ въ управу для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности за неисполненіе повинностей. Въ свое время управа циркулярно сообщила всѣмъ волостнымъ правленіямъ о назначеніи распорядителей по истребленію вредныхъ

насъкомыхъ и обязала волостныя правленія сообщать управѣ и распорядителямъ о появленіи на поляхъ волостей вредныхъ животныхыхъ и дѣлать наряды для истребленія ихъ, съ уплатою рабочимъ изъ назначенныхъ земствомъ для этого суммъ по 10 к. въ день.

Все встало на ноги въ ожиданіи врага. Всѣ ожидали, что *Cryzomela Adonis* начнетъ пожирать посѣвы, какъ предсказалъ профессоръ Мечниковъ. Но ничего подобнаго не было. *Cryzomela Adonis* съ наслажденіемъ кушалъ бурьянъ, а хлѣбовъ вовсе не касался. Онъ скромно просуществовалъ всего нѣсколько дней— и пропалъ въ бурьянѣ. Напротивъ, на посѣвы напалъ, совершенно неожиданно, червь особаго рода, который поѣдалъ стебельки взшедшей ржи. Что это былъ за червь—никто не знаетъ. Къ концу мая, вмѣстѣ съ сильными жарамъ и бездождіемъ, появился еще одинъ родъ жучка, хорошо извѣстный крестьянину и названный имъ „кузкою“. Этотъ „кузка“ появлялся массами, выѣдалъ и выпивалъ всѣ зерна изъ колосьевъ—и ничего нельзя было съ нимъ сдѣлать. Откуда онъ появлялся, гдѣ была родина этого хищника, изъ какой личинки онъ выросталъ и становился непобѣдимымъ—этого никто не зналъ. Ихъ истребляли, но это было бесполезно. Надо было каждаго хищника поймать рукой, а онъ между тѣмъ летаетъ! Не безъ ироніи одесская управа докладываетъ объ этомъ собранію: „Жучки собирались руками, и то только тѣ, которые не улетали, а между тѣмъ хлѣбъ топтался ногами людей, собиравшихъ жучковъ. Истреблять жучковъ возможно только въ видѣ личинокъ, т. е. пока они не окрылятся. Но никто еще не указалъ управѣ ни личинокъ этихъ жучковъ, ни жучковъ пѣшими, неокрыленными. Ихъ замѣчали только тогда, когда они массами покрывали собою ланы хлѣбовъ“.

Еще большей безжизненностью отдаетъ дѣятельность другого изъ южно-окрайнихъ земствъ нашихъ, именно хотинскаго. Съ особеннымъ интересомъ мы было-стали знакомиться съ литературою этого далекаго земства. Мы вправѣ были ожидать, что тамъ инныя условія жизни, не тѣ, что въ Шадринскѣ или въ Чухломѣ, должны были указать земскимъ дѣятелямъ и пути инныя, и приемы инныя для выполненія земской задачи. Хотинъ — городъ не безъ прошлаго, не безъ историческихъ воспоминаній. У него подъ бокомъ Европа. Развитое населеніе, высшія сословія должны быть

воспитаны на опытѣ прошлаго. То, что шадринцы или соликамцы въ первый разъ слышать, для хотинцевъ не ново. И при всемъ томъ нѣтъ жизни на этомъ югѣ и нѣтъ даже, повидимому, сколько-нибудь выдающагося будущаго.

Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что тѣ именно края нашей обширной русской земли страдаютъ и духовной, и экономической анеміей, куда даровитый русскій человекъ, преимущественно великороссіянинъ, вмѣстѣ съ своими лаптями и рванымъ зипуномъ не пронесетъ своей неутомимой дѣятельности. Гдѣ не хватаетъ здоровой крови русскаго народа, тамъ все чахнетъ, сохнетъ, мельчаетъ, несмотря на богатое прошлое, на сравнительно-хорошее настоящее. Въ этомъ неотразимомъ вліяніи русскаго народа на все, къ чему онъ ни прикоснется своею корявою, но заколенною рукою, и надъ чѣмъ ни подумаетъ его нечесаная, но умная русая голова, — въ этомъ несомнѣнный признакъ творческой силы пока еще мертвой, но присущей природѣ русскаго народа. Но ни русской руки, ни русской головы не знаютъ наши далекія южныя окраины. Въ числѣ земскихъ дѣятелей и крупныхъ землевладѣльцевъ въ только и встрѣчаете имена Дракуловъ (эта фамилія такъ и переноситъ насъ въ сказочно-литературный міръ древней Руси, и само-собой вспоминается сказаніе о „царѣ Дракулѣ“), Мунтяковъ, Гицико, Маразли, Крнсти, Скордели, Яманди. Нерѣдко попадаются польскія фамиліи. Рѣдко попадетъ имя какого-нибудь Кожухара или Панка, напоминающее южную Русь. Ядро населенія — паране. Тамъ нѣтъ даже особенно крупныхъ землевладѣльцевъ. Всей владѣльческой земли считается 163,000 десятинъ, поселянской — 148,000 дес., заграничныхъ монастырей (вотъ кто здѣсь крупные землевладѣльцы: монастырь ватопедскій, нѣкоторые афонскіе) — 10,000 дес., государственныхъ крестьянъ — 6,000, государственныхъ имуществъ — 2,300, города Хотина болѣе 900 дес.

Какія-же особенныя задачи задаетъ себѣ хотинское земство, помимо тѣхъ, которыя должны выполняться по Положенію? Да почти никакихъ. Озабочиваетъ его отчасти мысль о томъ, что предполагаемая правительствомъ желѣзная дорога отъ Валнярки до Новоселиць, проходя по хотинскому уѣзду въ извѣстномъ направленіи, не принесетъ краю той пользы, какая ожидалась-бы отъ дороги при проложеніи ея въ иное направленіи. Для изысканій по этому направленію земство асигнуетъ даже 13,500 руб.

Но когда дѣло дошло до народнаго образованія, то земство не сочло даже нужнымъ разсуждать объ этомъ предметѣ и все это дѣло предоставило личному усмотрѣнiю предсѣдателя училищнаго совѣта, г. Гаевского.

VI.

Возвращаясь отъ самыхъ далекихъ южныхъ окраинъ и вступая въ Малороссію, мы хотя и не видимъ еще въ дѣятельности земства тѣхъ молодыхъ порыванiй, которыя даютъ жизнь и движеніе начинанiямъ земствъ нашихъ сѣверовосточныхъ окраинъ, однако здѣсь нѣтъ уже и той мертвенности, какая поражаетъ васъ южнѣе, за чертою Малороссіи. Какое-нибудь кобеляевское земство, при всей своей бѣдности, порывается все-таки хоть что-нибудь удѣлить изъ своихъ средствъ на образованіе учительскихъ сѣздовъ, на женскую прогимназію, на стипендіи. Конечно, все это скудно, въ-обрѣзъ, ужь слишкомъ въ-обрѣзъ. Вѣдь не могутъ-же похвалиться хоть-бы сѣверовосточныя наши окраины большею обезпеченностью крестьянскаго населенiя, чѣмъ населеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ малороссійскихъ губерній; преимущественныя качества земли также не на сторонѣ сѣверянъ; а между тѣмъ тамъ асигновки на народное образованіе достигаютъ 20 и болѣе тысячъ; здѣсь-же, на югѣ, въ большинствѣ случаевъ—3, 4, 5 тысячъ. Правда, южныя земли одолѣваютъ „овражки“—это вредное маленькое животное, которое портитъ и уничтожаетъ посѣвы; противъ нихъ крестьяне должны ходить войной, какъ запорожцы ходили противъ татаръ, и эти походы на „овражковъ“ считаются обязательною земскою повинностью; но вѣдь у сѣверныхъ крестьянъ есть худшее зло, чѣмъ овражки, и противъ этого зла даже войной ходить нельзя: это—чахлость и неурожайность земли. При всемъ томъ, на сѣверѣ менѣе отдаетъ той безнадежностью, какая, повидимому, господствуетъ надъ значительною частью южнаго населенiя.

За то отрадно видѣть среди этой безжизненности нѣкоторые оживленные оазисы, около которыхъ группируется и духовная, и экономическая, и земская жизнь всего южнаго населенiя. Это узлы, гдѣ сходятся экономическіе и умственные нервы края. Большею частью это—губернскіе города.

Остановимся на Полтавѣ. Это чисто - малороссійскій городъ, съ дѣятелями и землевладѣльцами большею частью малороссіянами и съ малороссійскимъ населеніемъ въ уѣздахъ. Заправляютъ земскимъ дѣломъ почти исключительно украинцы: Квитко, Комарь, Томара, Чарняшъ, Пасѣшникъ (только не Рудый Панько), Ильяшенко, Марченко, Война, Завадовскій, Максимовичъ, Булюбашъ, Старицкій, Забѣла, Малинка, Милорадовичъ, Левченко, Петленко, Саенко, Николаенко и т. д. Что въ этихъ узлахъ земская работа идетъ оживленнѣе, чѣмъ въ тихихъ украинскихъ захолустьяхъ,—это бросается въ глаза съ перваго взгляда, при первомъ, хотя-бы бѣгломъ ознакомленіи съ земскою литературою этихъ узловъ.

Но любопытно, какъ относится къ этому дѣлу мѣстная администрація. Напр., при открытіи послѣдняго очередного полтавскаго губернскаго земскаго собранія губернаторъ (испр. дол.) въ рѣчи своей, между прочимъ, выражается, что, по его мнѣнію, „труды и заботы о земскихъ интересахъ уполномоченныхъ земствомъ въ послѣдніе годы были явны и благотворны для земства“, и тутъ-же прибавляетъ по поводу прежде возбуждавшихся постоянныхъ неудовольствій и нареканій на земство за дурное состояніе путей сообщенія, что въ настоящее время нѣкоторыя дорожныя сооруженія, „хорошо выполненныя, показываютъ уже серьезное отношеніе земства къ этому главному пособию народнаго благосостоянія“. Затѣмъ, упоминая о благотворительной части, губернаторъ замѣчаетъ, что она находится „почти въ удовлетворительномъ состояніи“. Нѣсколько иной тонъ слышится въ рѣчи губернатора, когда онъ переходитъ къ дѣлу народнаго образованія. „Не могу скрыть отъ васъ моего мнѣнія, говорить онъ,—что народное образованіе въ губерніи далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Мѣры, принимаемыя до сего земствомъ, помогая только небольшой части населенія, были какъ-бы паліативы, а не радикальная помощь. Мнѣ кажется, что главная причина застоя этого дѣла—недостатокъ учителей. Господа! дѣло это такъ важно, что я считаю даже излишнимъ просить васъ принять въ немъ горячее участіе. Помогите темному народу увидѣть свѣтъ образованія“.

Очень любопытную страницу земской хроники представляютъ попытки нѣкоторыхъ земствъ создать періодическіе органы земской

гласности, съ одной стороны для того, чтобы по возможности сдѣлать болѣе солидарными дѣятельность и направленіе земской работы въ разныхъ концахъ Россіи, а съ другой—въ видахъ восполненія этимъ дѣлу народнаго образованія.

Весьма обстоятельно и опредѣлительно высказался въ этомъ отношеніи одинъ изъ губернскихъ гласныхъ полтавскаго земства, г. Яцевичъ.

— Съ глубокимъ убѣжденіемъ въ благотворныхъ послѣдствіяхъ предлагаемаго дѣла, если только оно приведется въ исполненіе, осмѣливаюсь представить благосклонному вниманію земскаго собранія нѣкоторыя соображенія объ изданіи отъ земства „Полтавской земской газеты“, заявлялъ г. Яцевичъ.—Изданіе это по своему направленію, разумѣется, будетъ достойно представителей земства. Жить не эгоистическою, а міровою жизнью—это одна изъ самыхъ глубокихъ потребностей человѣческаго духа. Довозительствомъ тому служить наше здѣсь собраніе. Оставивъ семейства и домашнія заботы, большая часть изъ насъ, по положенію губернскаго города, прибыли сюда издалека—по благородному стремленію быть полезными своей странѣ, развивая общими усиліями жизнь нравственную въ обществѣ и заботясь о его благосостояніи. Земство доказало это открытіемъ гимназіи и щедрымъ вспоможеніемъ образованію сельскаго населенія. Счастливы тотъ, кто живетъ въ средѣ самыхъ просвѣщенныхъ и всесторонне развитыхъ людей; но тяжело проводить жизнь среди невѣжества и грубости. Слѣдовательно, для нашего-же блага мы должны заботиться о народномъ развитіи. Нельзя дѣло развитія народа предоставлять времени: безъ идей, способныхъ производить глубокое впечатлѣніе, время — плохой учитель. Стоитъ только взглянуть поближе, чтобы убѣдиться, до какой степени у насъ необходимо оживить умственную жизнь народа. Нужно, чтобы въ каждой мѣстности люди приучались самостоятельно думать, разъяснять свои мѣстные интересы и приводить ихъ въ согласіе съ интересами страны. А для этого именно и пригодна мѣстная газета, корреспондентомъ которой можетъ быть каждый землевладѣлецъ въ губерніи, всѣ тѣ люди, которые дорожатъ развитіемъ и благосостояніемъ страны. Можно вполне надѣяться на всеобщее участіе къ нашей газетѣ, такъ-какъ въ земство входятъ всѣ сословные элементы; а для здороваго состоянія страны умствен-

ное движеніе необходимо не только въ высшихъ классахъ общества, но и въ массахъ населенія. Повторяю—за корреспондентами не будетъ остановки, потому что сообщать свои мысли и мнѣнія составляетъ одно изъ самыхъ драгоценныхъ правъ человѣка; а известно, что и радость наша не полна, если не съ кѣмъ раздѣлить ее, какъ равно затаенное горе тяжелѣе высказаннаго.— Возразятъ, что хорошія книги достаточны для предположенной цѣли. Но та часть прессы, которая всего болѣе способствуетъ правильному и стойкому развитію народныхъ отношеній и чувствъ, состоитъ именно изъ газетъ: безъ періодическихъ изданій, появляющихся во всѣхъ частяхъ государства, защищающихъ настолько-же общіе, на-сколько и мѣстные интересы, до всеобщаго свѣденія всѣхъ мѣстныхъ страданій и интересовъ, — печать не можетъ достигнуть своей цѣли. Измѣненіе существовавшихъ порядковъ пробудило въ народѣ жажду сознательной дѣятельности—въ новыхъ формахъ жизни. Движенію этому и правильному его ходу пусть поможетъ осмысленная, здравая литература, которая заставитъ народъ серьезно смотрѣть на свою жизнь, расположить его къ умственнымъ и нравственнымъ напряженіямъ... Населеніе увеличивается со дня на день; жизнь при прежнихъ условіяхъ дѣлается все болѣе тягостною; явленія, которыя мы видѣли въ недавнее время при неурожаѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ, когда массы населенія бѣжали изъ тѣхъ мѣстъ въ отчаяніи куда глаза глядятъ; смертность, которая мѣстами уничтожала десятую часть населенія—вотъ послѣдствіе несообщительности литературной между отдѣлами одного и того-же государства. Самые выборы и представительныя собранія имѣли-бы гораздо болѣе правильности при мѣстномъ органѣ печати. Доказательствомъ тому можетъ служить при текущей сессіи выборъ мирового судьи роменскаго уѣзда. Совершенно не зная избираемаго лица, кладемъ шаръ направо для того только, чтобы состоялся выборъ; а между тѣмъ своимъ шаромъ, быть можетъ, я навязываю известной мѣстности лицо нелюбимое и непопулярное. А когда-бы имѣлся мѣстный органъ печати, кандидатъ на эту должность давно-бы обрисовался предъ нами, и намъ, при выборѣ, оставалось-бы только своими шарами утвердить общественное мнѣніе и исполнить желаніе жителей данной мѣстности (Сводъ журн. полтав. губ. зем. собр. X-го очер. соз. 1874, Полт., 148—151).

При обсужденіи этого заявленія собраніе, не высказывая пред-варительно своего мнѣнія по данному вопросу, остановилось на отзывѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ на имя черниговскаго губернатора, по поводу предполагавшагося изданія „Черниговскаго земскаго сборника“ или „Вѣстника“. Въ отзывѣ, между прочимъ, высказывалось, что правительство само предусматривало потребность въ печатаніи земскими учрежденіями свѣденій о ходѣ и положеніи земскихъ дѣлъ, и потому послѣдовательными распоряженіями опредѣлило условія и предѣлы, въ которыхъ потребность эта можетъ быть удовлетворена; что земскимъ учрежденіямъ предоставлено печатать журнальныя постановленія и отчеты; а что касается до такихъ статей и свѣденій, которыя, по своему содержанію или формѣ, не могли-бы войти въ журналы и отчеты земскихъ учрежденій, то для такихъ свѣденій въ каждой губерніи имѣется особый органъ—„губернскія вѣдомости“; что, наконецъ, для статей съ чисто-литературнымъ и полемическимъ характеромъ существуютъ частныя изданія.

Не лишены интереса также и другія стороны дѣятельности полтавскаго земства. Посмотримъ, какъ, напр., отнеслись полтавскіе дѣтели къ вопросу (очень старому и вѣчно новому, какъ „любовь“ у Гейне) — къ вопросу объ уменьшеніи въ народѣ пьянства. Лубенское земство, въ видахъ уничтоженія этой исторической болячки, вошло съ ходатайствомъ о разрѣшеніи, въ законодательномъ порядкѣ, сельскимъ обществамъ открывать на свое имя питейныя заведенія. При обсужденіи этого ходатайства гласные Максимовичъ и Квитко, напомнивъ исторію потребленія водки вообще, между прочимъ доказывали, что предполагаемая мѣра могла-бы благотворительно вліять на населеніе, прекративъ тѣ вредныя послѣдствія, которыя вытекаютъ нынѣ изъ отдачи шинковъ въ пользу одного лица, и даже не односельца. Гласный Лизогубъ предложилъ къ этому добавку: чтобы уполномоченными отъ обществъ на продажу водки не могли быть евреи.

— Если само общество будетъ хозяиномъ шинка, возражаетъ на это гласный Лахно,—то это послужитъ еще къ большому развитію пьянства.

Пренія разгораются. Одни говорятъ, что это будетъ монополія. Другіе предлагаютъ сократить число кабаковъ, какъ это сдѣлано въ Петербургѣ и Москвѣ.

— Сокращеніе количества шинковъ въ столицахъ произвело корчемство, возражаетъ на это г. Величковскій: — безъ всякаго сомнѣнія, оно произведетъ еще большее корчемство въ деревняхъ и хуторахъ, лишивъ удобства покупать водку вблизи. Что же касается ходатайства о недопущеніи евреевъ быть уполномоченными для продажи водки, то это несправедливо и даже неделикатно, такъ-какъ русскіе цѣловальники ничемъ не лучше евреевъ...

Какое чувство руководило этимъ отзывомъ г. Величковскаго — трудно понять, если не истолковать его просто чувствомъ справедливости. Такъ, по крайней мѣрѣ, истолковало заявленіе г. Величковскаго земское собраніе, и когда предсѣдателемъ былъ предложенъ вопросъ: „угодно-ли собранію, согласно предложенію гласнаго А. П. Величковскаго, отклонить всякія ходатайства по предмету шинковъ“, — большинство собранія отвѣчало на это утвердительно.

Весьма важенъ одинъ эпизодъ изъ дѣятельности полтавскаго земства X-го созыва 1874 г. Хорольское уѣздное земское собраніе въ этомъ году постановило: освободивъ землевладѣльцевъ хорольскаго уѣзда отъ начисленія пени на невнесенный въ срокъ уѣздный земскій сборъ, ходатайствовать передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ о неначисленіи таковой пени и на губернской сборъ. Когда это ходатайство поступило въ губернское собраніе, оно обратилось прежде всего къ закону. Оказалось, что въ высочайше утвержденномъ 22 ноября 1873 г. мнѣніи государственнаго совѣта между прочимъ постановлено, что губернскимъ собраніямъ предоставляется въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ нужнымъ, освобождать землевладѣльцевъ отъ начисленія пени и т. п. Ничего подобнаго не было съ хорольскими землевладѣльцами, а они просто, по своему благодумію и по добросердечію уѣзднаго собранія, сами себѣ устроили льготы и сочинили даже подходящій законъ. Можно себѣ представить, какъ-бы пошли земскія дѣла и въ другихъ частяхъ Россіи, если-бъ тамъ управляли всѣмъ такіе-же хорольцы! Выдуманный, однако, хорольцами законъ просуществовалъ не долго: полтавцы на губернскомъ собраніи кассировали его.

VII.

Перенесемъ нашъ обзоръ далѣе на сѣверъ. Передъ нами послѣднія изданія орловскаго (вятской губерніи) земства.

При первомъ знакомствѣ съ дѣятельностью орловскихъ земцевъ вы чувствуете, что вы не въ Хотинѣ и даже не въ Кобелякахъ, не въ Пирятинѣ, не въ Прилукахъ, не въ Миргородѣ. Заспацности и апатіи нѣтъ и слѣда. Напротивъ, ретивость бьетъ черезъ край, такъ что протоіерей Котлецовъ, послѣ молебствія передъ открытіемъ собранія, прямо напоминаетъ земскимъ дѣтелямъ о необходимости сдержки. „Дай Господи (говоритъ онъ), чтобы дѣло ваше шло добрымъ порядкомъ, въ духѣ любви христіанской, безъ излишняго рвенія, съ покойнымъ, обдуманымъ разсужденіемъ“ и т. д. Предсѣдатель собранія въ своей рѣчи проводитъ ту-же мысль, обращаясь преимущественно къ крестьянамъ. „Слова мои болѣе относятся къ вамъ, гг. гласные изъ крестьянскаго сословія (говоритъ онъ). Вы очень хорошо знаете, что крестьянину дорога каждая копейка. Она достается ему не легкимъ трудомъ. Вы—представители ихъ, вполне уполномоченные, и довѣрители ваши надѣются, что вы не вовлечете ихъ въ излишніе налоги, что вы будете экономически расходовать ихъ трудовыя деньги...“ Но тутъ-же онъ прибавляетъ: „По моему мнѣнію, нельзя жалѣть денегъ ни на улучшеніе медицинской части, ни на народное образованіе... Будемъ-же экономны тамъ, гдѣ это можно, и не будемъ скупиться на тѣ расходы, которые необходимы для пользы и собственно нашей, и нашихъ дѣтей, а черезъ то и нашего любезнаго отечества“.

Мысль о необходимости сдержки явилась, повидимому, безпричинно. Кожинская волость, съ волостнымъ старшиною Степаномъ Ишутиновымъ во главѣ, явилась, въ лицѣ всѣхъ „десятидворовыхъ выборныхъ“, на волостной сходъ. На этомъ сходѣ рѣшено было ввести обязательное обученіе дѣтей по всей волости. На сходѣ, между прочимъ, говорилось, что существующій порядокъ обученія крестьянскихъ дѣтей „никогда не принесетъ намъ желаемой пользы“, и потому „для устраненія такого порядка, для общаго нашего блага, мы обязаны сами принять безотлагательно энергическія мѣры“. Какія-же это энергическія мѣры? А вотъ,

между прочимъ, какія: „Поручить волостному правленію забрать свѣденіе о дѣтяхъ, нынѣ обучающихся въ училищахъ, и по оному обязать родителей подписками, чтобы они на будущее время отнюдь не смѣли увозить изъ училищъ дѣтей и тѣмъ уклонять ихъ отъ постоянного посѣщенія классовъ, подъ опасеніемъ взыскація (мы стараемся по возможности удерживать языкъ приговора). Затѣмъ, въ виду настоятельной потребности въ народѣ грамотности, съ одной стороны, и нерадѣнія родителей къ отдачѣ дѣтей въ училища—съ другой, ввести во всей волости обязательное обученіе грамотѣ... Наконецъ, для отвращенія вкоренившагося въ нѣкоторыхъ крестьянахъ самоуправства и явнаго сопротивленія къ отдачѣ дѣтей въ училища, опредѣлить: тѣхъ родителей, которые будутъ уклоняться, подъ разными предлогами, отъ привоза дѣтей въ училища, подвергать денежному штрафу; въ дальнѣйшемъ сопротивленіи — предавать суду, какъ ослушниковъ; тѣхъ-же родителей, кои будутъ отвлекать своихъ дѣтей отъ посѣщенія училища или станутъ держать ихъ при своихъ домахъ въ учебное время, также штрафовать денежно, по 10 коп. за каждый пропущенный учащимся учебный день. Штрафныя деньги обращать въ особый капиталъ, на устройство общественной бібліотеки, и т. д., и т. д.

Но это рвеніе крестьянъ встрѣчаетъ сопротивленіе въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ. Совѣтъ высказывается, что принудительныя мѣры къ обученію дѣтей не должны быть принимаемы, „такъ-какъ всякое принужденіе не развиваетъ, а убиваетъ доброе дѣло“. „Если, говоритъ совѣтъ въ заключеніе своего отзыва, выборные общества пронизнуты искреннимъ желаніемъ вызвать грамотность, то они должны вліять на прочихъ односельянъ нравственно, какою мѣрою скорѣе и вѣрнѣе можно вселить довѣріе къ школѣ“.

Кожинская волость не достигла того, чего желала. Всему помѣхой и тутъ оказалась наша историческая, наслѣдственная помѣха—бѣдность: для обязательнаго обученія нужно было увеличеніе школьныхъ помѣщеній, а ихъ нѣтъ, да и построить не на что.

Еще особенность, отличающая земскихъ дѣятелей сѣверо-восточныхъ окраинъ отъ дѣятелей окраинъ южныхъ,—это то, что на сѣверѣ женщина не бездѣйствуетъ въ земскомъ дѣлѣ, по крайней

и́брь тамъ, гдѣ дѣятельность доступна для женщины—на школьной скамьѣ и въ избѣ или въ хлѣву родильницы. Орловское земство съ похвалою отзывается о такихъ женщинахъ и преимущественно дѣвушкахъ-дѣятеляхъ,—о Семакиной, Сарычовой, Аммосовой-Сарычовой, Чесодановой, Утробинной, Мышкиной, какъ о полезныхъ преподавательницахъ въ народныхъ школахъ.

Что усилія земства были не бесполезны на этомъ пути, видно изъ нижеслѣдующей таблицы, въ которой показано, на сколько душъ наличнаго населенія, въ послѣднія 5 лѣтъ, приходится одинъ учащійся мальчикъ и на сколько одна дѣвочка:

	1 учащійся мальчикъ на число душъ на- личнаго населенія.	1 учащаяся дѣвочка на число душъ на- личнаго населенія.	1 учащійся вообще на число душъ на- личнаго населенія.
Въ 1868 году.	160	1,551	307
„ 1869 „	108	830	200
„ 1870 „	90	735	168
„ 1871 „	83	612	150
„ 1872 „	66	491	137

Слѣдовательно, втеченіи пяти лѣтъ число учащихся дѣтей, собственно въ народныхъ школахъ орловскаго земства, увеличилось по отношенію къ наличному населенію на 124%, а число учащихся мальчиковъ увеличилось на 142%, дѣвочекъ — на 215%. Что при этомъ должно быть утѣшительно для крестьянъ, такъ это, если можно такъ выразиться, удешевленіе грамотности: въ 1868 году обученіе одного крестьянскаго мальчика въ годъ обходилось земству, а слѣдовательно и крестьянамъ, по 8 р. 77 коп., въ 1872 году цифра эта спустилась до 6 р. 72 к. Обученіе одной дѣвочки въ 1868 году обходилось въ 16 руб. въ годъ, а въ 1872—уже только 10 руб. Первоначальное образованіе женщины оказывается дороже образованія мужчины.

Но орловское земство не успокоивается утѣшительными результатами, сейчасъ нами приведенными. Его беспокоятъ гигиеническія условія, въ которыхъ приходится обучаться молодому крестьянскому поколѣнію: условія эти пока весьма неблагоприятны—и всему причиной безденежье. Въ семнадцати школахъ на cadaго ученика, въ классныхъ комнатахъ или избахъ, приходится по 7,6 кубич. аршинъ воздуха, и только въ одной орловской школѣ каждый ученикъ можетъ дышать въ пространствѣ 18,6 кубич. аршинъ.

Но есть школы, страдающія положительной безвоздушностью: въ подрельскомъ женскомъ училищѣ на каждую ученицу приходится только по 3,8 куб. арш. воздуха, въ кленовицкомъ мужскомъ — по 4,5 куб. арш.; наконецъ, въ спасо-талицкомъ — только 2,5 куб. аршина.

„Выводы бьютъ въ глаза, говоритъ орловская управа, до-кладывая объ этомъ земскому собранію;—наши народныя школы относительно испорченности воздуха все оставили за собой. При-помнимъ еще, что указанное выше количество воздуха предпола-гается совершенно чистымъ; но развѣ при четырехчасовомъ урокѣ въ день можно имѣть всегда одинаково чистый воздухъ? Оказывается, что ученики, строго говоря, вовсе не пользовались воздухомъ“. При этомъ управа напоминаетъ собранію наблюденіе Беккера надъ школами въ Дармштадтѣ, что тамъ, гдѣ на каждаго учащагося приходилось кубическаго содержанія воздуха только 6 куб. арш. — 44,6% учащихся страдали головными приливами; гдѣ воздуха было на каждаго ученика по 10,89 куб. арш. — больныхъ было 34%, а гдѣ каждый ученикъ располагалъ 22,3 куб. арш. воз-духа — головнымъ болямъ подвержено было только 4,7% учащих-ся. Управа напоминаетъ собранію и Петтенкофера, который тре-буетъ на каждаго человѣка въ закрытомъ помѣщеніи не менѣе 165 куб. арш. Но это, конечно, *ria desideria*, особенно у насъ, гдѣ крестьянскія дѣти, и въ школьной, и въ домашней жизни имѣя нераздѣльное помѣщеніе и сонъ съ телятами, стельными коровами, поросятами и домашнею птицею, только въ полѣ и дышатъ чи-стымъ воздухомъ, если только въ полѣ нѣтъ падали или навоза.

А въ этихъ безвоздушныхъ школахъ учатся, быть можетъ, круп-ныя, пока еще не выявившіяся дарованія, будущіе дѣятели рус-ской земли. Въ великорѣцкой школѣ орловское земство указываетъ на одного мальчика, Федора Хлыбова, 11 лѣтъ, какъ на замѣ-чательно способную и даровитую натуру, изъ которой при благо-пріятныхъ условіяхъ могло-бы выйти много хорошаго, а при дру-гихъ условіяхъ мальчикъ можетъ зачахнуть, не достигнувъ поры развитія, или-же пойдетъ въ жизни торною, но кочковатою до-рогою бѣдняка. А любопытно все-таки было-бы знать, что вый-детъ впослѣдствіи изъ этого Федора Хлыбова, да и орловское земство, безъ сомнѣнія, не потеряетъ его изъ виду.

Оригинальность и самобытность земской дѣятельности въ этихъ

мѣстностяхъ замѣчается на всемъ, къ чему только прилагаютъ свой трудъ молодня силы. Въ сѣверной половинѣ орловскаго уѣзда, въ одномъ селѣ существовалъ земскій пріемный больничный покой. Лекарства для этого покоя выписывались изъ орловской аптеки и почти всѣ получались уже въ приготовленномъ видѣ. Понятно, что это было и дорого, и неудобно. Но такой порядокъ еще могъ быть терпимъ, когда народъ недостаточно ознакомился съ докторскимъ леченьемъ; но когда онъ увидѣлъ выгоды этого леченья, то амбулаторные больные чаще и чаще стали навѣщать больничный покой, прося лекарствъ и медицинскыхъ совѣтовъ. Тогда врачъ проситъ земскую управу высылать ему лекарства въ сыромъ видѣ и, для большей дешевизны ихъ, выписывать прямо отъ дрогистовъ. Мало того, не желая обременять земскій бюджетъ новыми расходами на содержаніе служащихъ при аптекѣ, врачъ Кармильскій поставилъ аптечное дѣло гораздо проще, чѣмъ оно вообще ведется въ аптекахъ. Обыкновенно аптечныя лекарства отпускаются въ стѣлянкахъ, коробочкахъ, въ отдѣльныхъ бумажкахъ съ этикетками и разрисованными сигнатурками. Все это, конечно, чего-нибудь да стоитъ. И вотъ изъ великорѣцкой земской аптеки лекарства отпускаются въ косушкахъ, шкаликахъ, буракахъ и черепкахъ. Сигнатуры, излишнее пугало для неграмотнаго населенія, также отиѣняются, а больнымъ внушается на словахъ, какимъ образомъ и въ какое время они должны принимать данное лекарство.

Въ самыхъ докладахъ земской управы, съ которыми она обращается къ собранію, слышится искренность и энергія молодости. Это не то, что доклады большинства земскихъ управъ. Орловская управа хочетъ, напр., просить собраніе объ увеличеніи содержанія наставникамъ и наставницамъ народныхъ школъ, въ виду увеличенія содержанія другимъ служащимъ по земству. „Обращая вниманіе на положеніе однихъ служащихъ по земству, говоритъ управа, — нельзя не обратить вниманія и на положеніе другихъ. Притомъ эти другіе служащіе занимаютъ мѣста по профессіи, пожалуй, почтеннѣе и во всякомъ случаѣ требующія болѣе знанія, умѣнья и труда. Управа разумѣетъ здѣсь наставниковъ и наставницъ. И дѣйствительно, что можетъ быть почтеннѣе труда человѣка, отдавашаго себя на служеніе народному образованію? Сколько требуется отъ этого человѣка самоотвер-

женія, такта съумѣть поставить себя такъ, чтобъ завлечь дѣтей, занять вниманіе ихъ! А между тѣмъ труды этихъ людей едва ли не менѣе оплачиваются, чѣмъ труды всѣхъ прочихъ служащихъ по земству“. Въ другомъ докладѣ управа говоритъ о женщинахъ-учительницахъ. Она прежде напоминаетъ собранію о томъ, что еще въ 1870 году земское собраніе, желая обставить школы лучшими педагогическими силами (конечно, въ захолустныхъ деревняхъ), вмѣнило управѣ въ обязанность приглашать въ наставники окончившихъ полный курсъ ученія въ семинаріи, въ той увѣренности, что эти лица будутъ учителями-руководителями въ настоящемъ смыслѣ слова, а не простыми грамотниками; что, дѣйствительно, семинаристы и приглашались на всѣ учительскія мѣста, и тамъ, гдѣ они были наставниками, школы въ самомъ дѣлѣ были лучшими—ученики не только съ грамотой ознакомлялись скорѣе, но и отличались большей бойкостью и сообразительностью въ устныхъ отвѣтахъ; но что учителя-семинаристы, какъ оказалось, смотря на школы какъ на временно обезпечивающія ихъ мѣста и при первой возможности переходятъ въ епархіальную службу. И вотъ тутъ земство становится адвокатомъ въ пользу женщинъ. „Такъ-какъ частыя переимѣны наставниковъ вредно отражаются на состояніи школъ, говоритъ докладъ,—то управа вынуждена была искать другихъ наставниковъ, именно въ средѣ женщинъ, которыя охотнѣе идутъ и постояннѣе будутъ на своихъ мѣстахъ, особенно въ виду того, что на женскій трудъ мало спроса“.

Въ третьемъ докладѣ доказывается необходимость губернскихъ и уѣздныхъ соединенныхъ съѣздовъ земскихъ учителей. Хотя вятское земство имѣетъ уже свою учительскую семинарію—спеціальное заведеніе для приготовленія народныхъ учителей, но этого считается недостаточно—семинарія слишкомъ мало даетъ учителей для народа. „Да и что будутъ значить эти нѣсколько народныхъ учителей, разбросанныхъ по обширной губерніи? Живя за 500 верстъ отъ мѣста своего образованія—семинаріи (говоритъ орловское земство), не выдаясь съ своими учителями и товарищами, удержатъ-ли они духъ единства въ дѣлѣ народнаго образованія, не отстанутъ-ли въ знаніи того, чему учились? Сомнѣваться въ этомъ—едва-ли можно: кто живаль въ глуши, тотъ знаетъ, что это за жизнь, убивающая все здоровье и сильно тя-

нущая назадъ...“ и т. д. И вотъ орловское земство требуетъ ежегодныхъ учительскихъ съѣздовъ, не только уѣздныхъ, но и губернскихъ. Что идея эта если не выработана, то органически привилась къ нашимъ земствамъ, видно изъ того, что совершенно въ одно и то-же время раздался голосъ въ пользу губернскихъ учительскихъ съѣздовъ и въ тверскомъ земствѣ. Орловъ и Тверь не спѣвались, такъ-сказать, заранѣе, не заимствовали идеи одинъ у другого, а нашли, если можно такъ выразиться, эту идею каждый на своей дорогѣ, по которой шли и Орловъ, и Тверь. Значить, дорога вела къ настоящей цѣли, если и того, и другого путника приводила къ искомой находкѣ. „Земство вдумалось въ суть народнаго образованія“, говоритъ одинъ изъ членовъ тверскаго земства, г. Максимовичъ. Да, дѣйствительно вдумалось, только не вездѣ; въ иныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ мы видѣли, оно и думать еще не начинало. Мыслящія земства не останавливаются, впрочемъ, на одномъ педагогическомъ значеніи учительскихъ съѣздовъ; они хотятъ придать имъ реальную экономическую силу. Они полагаютъ соединить съѣзды съ изученіемъ вопроса о земскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, съ тѣмъ, чтобы остающіеся отъ совѣщаній и слушанія лекцій дни были посвящаемы подробному изученію устройства и веденія товариществъ, съ указаніемъ практическихъ приѣмовъ этого дѣла, выработанныхъ на опытѣ лицами, завѣдующими артелями. При этомъ земства имѣютъ въ виду, чтобы ссудныя товарищества не обращались въ сельскіе банки, изъ которыхъ часто капиталъ можетъ быть разбираемъ съ спекулятивными цѣлями на продолжительные сроки, а не на текущія насущныя потребности народа. Въ селахъ ссудо-сберегательныя товарищества и могли-бы группироваться около учителей народныхъ школъ. По праздникамъ, послѣ обѣдни, учителямъ не затруднительно было-бы присутствовать въ правленіяхъ ссудныхъ товариществъ и руководить всѣмъ этимъ дѣломъ. Учителя-же, бывшіе на губернскихъ съѣздахъ, могли-бы, въ качествѣ агентовъ губернской земской управы, повѣрять даже дѣйствія товариществъ, получившихъ ссуды отъ губернскаго земства.

VIII.

До сихъ поръ намъ приходилось говорить о дѣятельности земства болѣе хорошаго, чѣмъ неодобрительнаго. Таковою, впрочемъ, проявляется работа земства въ земской литературѣ. Поэтому мы были-бы неправы, если-бъ, указывая исключительно на недостатки земской дѣятельности, не замѣчали тѣхъ свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ, которые тѣмъ именно и хороши, что растутъ тамъ, гдѣ имъ удобно, и такъ, какъ имъ самимъ рстется. А эти полевые цвѣты мы встрѣчаемъ часто, перелистывая массы земской типографской бумаги.

Мы не хотимъ кончать нашего земско-литературнаго обзорѣнія, не остановившись еще нѣсколько времени на дѣятельности вятчапъ, потомковъ древнихъ „хлыновцевъ“ — русскихъ выходцевъ, но съ которыми русскіе-же люди когда-то воевали, какъ съ татарами.

Какая масса разнородныхъ проектовъ предлагается каждый годъ отдѣльными земскими дѣятелями разнымъ земствамъ этого живого земскаго угла! Въ послѣднюю сессію орловскаго земства выступаетъ гласный Кузнецовъ съ оригинальнымъ проектомъ, опять-таки направленнымъ въ пользу поднятія уровня народнаго самосознанія. Г. Кузнецовъ говоритъ, что въ орловскомъ уѣздѣ, почти на 220,000 жителей, школы посѣщаютъ ежегодно всего только 2,500 дѣтей (не забудемъ, что въ одесскомъ уѣздѣ учащихся всего только 500, и одесское земство считаетъ эту цифру вполне достаточною). Между тѣмъ, если принять, по расчету г. Кузнецова, что изъ числа всѣхъ жителей уѣзда въ школьномъ возрастѣ находится приблизительно 30,000 мальчиковъ и дѣвочекъ, то чтобы достигнуть только поголовной грамотности, слѣдовало-бы число народныхъ школъ увеличить въ 12 разъ, и, вмѣсто имѣющихся на лицо 42-хъ школъ, открыть 500 и, кромѣ того, каждый годъ открывать еще по 10. Но это — социально-экономически невозможно для бѣднаго населенія. Надо было-бы на одинъ уѣздъ тратить столько и даже болѣе того, сколько теперь тратится во всѣхъ 11 уѣздахъ вятской губерніи на народное образованіе. Ясно, что грамотою могутъ пользоваться только немногіе избранники изъ крестьянъ. И вотъ г. Кузнецовъ останавливается на идеѣ самообученія народа. „Предлагая этотъ способъ

(самообученіе), говоритъ г. Кузнецовъ, — я и не разсчитываю, и не могу разсчитывать на вторженіе его въ школу. У самообученія долженъ образоваться свой особый районъ, районъ тѣхъ дебрей, куда еще не ступала нога наставника-обывателя и гдѣ до сихъ поръ успѣшно производилась лишь одна торговля „распивочно и на выносъ“. Самообученіе грамотѣ можетъ сослужить большую службу вездѣ, гдѣ различные міроѣды и кулаки такъ старательно заботятся о школѣ, чтобы ея не было“. Какъ-же думаетъ г. Кузнецовъ реализовать свой способъ, или, какъ онъ выражается, пустить въ ходъ разомъ и плугъ, и соху, чтобы чрезъ со-вмѣстное ихъ дѣйствіе увеличилось общее количество запашки, а слѣдовательно, получился-бы и большій урожай грамотности? Онъ предлагаетъ пригласить на первое время одного странствующаго педагога на цѣлый уѣздъ. Переѣзды его, для удобства, должны быть ограничены опредѣленнымъ числомъ пунктовъ, не менѣе четырехъ. Прибывши въ первый пунктъ своего участка, учитель собираетъ всѣхъ желающихъ тамъ учиться грамотѣ, а также проходящихъ изъ ближайшихъ деревень, которыя о его пріѣздѣ должны быть заблаговременно оповѣщены, и занимается съ ними до тѣхъ поръ, пока они не освоятся съ способомъ обученія. На это достаточно трехъ недѣль, какъ показалъ уже опытъ въ слободскомъ уѣздѣ. Уѣзжая въ новый пунктъ, учитель дѣлитъ своихъ учениковъ (оставшихся въ первомъ пунктѣ) на три или четыре товарищества и группируетъ ихъ около какого-нибудь наиболѣе способнаго и бойкаго ученика, предоставляя ихъ собственнымъ силамъ. Такъ онъ поступаетъ во второмъ пунктѣ, третьемъ и четвертомъ, и при этомъ изъ каждаго новаго пункта вновь возвращается въ оставленный имъ пунктъ, чтобы лично убѣдиться, что сдѣлали ученики безъ него, при помощи своихъ собственныхъ силъ.

Принято-ли это предложеніе земствомъ и прививается-ли къ нашей почвѣ идея *странствующей школы* — земская литература пока не объясняетъ намъ.

Рядомъ съ гласнымъ Кузнецовымъ выступаетъ передъ собраніемъ вся земская управа съ новымъ оригинальнымъ проектомъ. Она не скрываетъ передъ собраніемъ (да и какъ скроешь, когда все собраніе состоитъ или изъ крестьянъ, или изъ людей, живущихъ почти въ крестьянской обстановкѣ), что экономическое со-

стояніе уѣзда безотрадно, что „сельское хозяйство пало и падаетъ вслѣдствіе неумѣнья крестьянъ какъ должно, разумно вести дѣло, а также какъ и чѣмъ можно помочь, когда бѣда уже настала“, что „такое трудное положеніе крестьяне давно чувствуютъ, но выхода изъ него не видятъ“; что „они не знаютъ даже, какъ будутъ жить и возможна-ли будетъ жизнь въ будущемъ, если нынѣ-же не принять мѣръ противъ грозящаго имъ общаго обѣдненія“. Въ чемъ-же управа видитъ спасеніе отъ грозящей бѣды? Она, повидимому, исходитъ изъ общей, всѣмъ извѣстной истины. „Давно признано, и признано всѣми (говоритъ она), что первымъ народомъ можетъ быть только, у кого лучшія школы, или, иначе, кто развитѣе, знаетъ болѣе, тотъ и господинъ. Такъ-ковы-ли наши народныя школы, чтобъ ученики выходили изъ нихъ развитыми, смышленными въ каждомъ дѣлѣ крестьянскаго хозяйства? Учатъ-ли эти школы, какъ ходить за землею и скотомъ, какъ сдѣлать самому всякую нужную вещь для домашняго обихода?“ На это управа даетъ отвѣтъ отрицательный. Мало того, она указываетъ на положительный вредъ полуграмотности, полуразвитія. Въ подтвержденіе этого приводятся слова одного молодого крестьянина саратовской губерніи, — крестьянина, недавно кончившаго курсъ въ сельскомъ училищѣ съ первой наградой. „Грамота вѣдь въ нашемъ быту не пользительна (говоритъ этотъ сельскій Цицеронъ): такъ, разумѣется, баловство только. Наше дѣло рабочее, некогда намъ ею заниматься, да она и ни къ какому ремеслу не требуется, а забывается скоро“. — „Полно, Григорій (усовѣщевалъ его одинъ господинъ): тебѣ-то какъ не стыдно такъ толковать про грамоту—первому-то ученику!“ — „Я не то чтобы... (поправлялся Цицеронъ)—съ грамотой, конечно, забавнѣе: начальство для чего-нибудь да учить. Грамота, аки блескъ молніи, озаряющей небеса отъ востока до запада, просвѣщаетъ лучезарнымъ свѣтомъ“ и т. д. — Орловское земство ищетъ выхода изъ этого положенія; не въ грамотѣ оно видитъ панацею отъ всѣхъ нравственныхъ и экономическихъ болѣзней народа, потому что въ такомъ случаѣ пришлось-бы согласиться съ саратовскимъ Цицерономъ, что грамота—баловство только и что она ни къ какому ремеслу не пригодна; орловское земство видитъ спасеніе населенія въ пригодномъ знаніи того именно, съ чѣмъ cadaго человека сталкивается жизнь. И вотъ земство требуетъ для на-

рода иную школу, „не по тому образцу, говоритъ оно,—который указала намъ Пруссія и который такъ облюбленъ русскими педагогами-теоретиками, а по образцу, рожденному крайнею нуждою родины, бѣдностью, существующею на яву, и богатствомъ, существующимъ только въ воображеніи.“

Право молодое земство, что мысль устроить школу не по прусскому образцу—„оригинальна и смѣла“, что у этой мысли много противниковъ. Какъ-бы то ни было, основанія, изъ которыхъ исходитъ молодое, смѣлое земство истинны. Мы не представляемъ здѣсь сущности проекта новой народной школы, потому что это заставило-бы насъ выйти изъ рамки, въ которой должно вмѣститься наше краткое, можно сказать—пробное земско-литературное обзорѣніе. Но что выйдетъ изъ этой школы — мы, безъ сомнѣнія, увидимъ.

Недостатокъ мѣста и условія журнальной работы не позволяютъ намъ сдѣлать болѣе обстоятельный очеркъ всей земской литературы, не обходя ни столицъ съ направленіемъ ихъ земской дѣятельности, ни глухихъ, занесенныхъ своею инерціею, какъ сугробами снѣга, захоластувевъ, ни губернскихъ угловъ, ни далекихъ, то спящихъ, то бодрствующихъ окраинъ нашихъ. При всемъ томъ, мы можемъ сказать, что земская литература, конечно, не вездѣ, уже успѣла сказать свое слово и общаетъ еще сказать не мало. Всѣ признаки этой земской литературы—молодость, иногда несознанность стремленій, иногда разбросанность молодыхъ силъ, но нерѣдко и крайняя, мертвенная инерція. Въ иныхъ печатныхъ проявленіяхъ земской дѣятельности вы ничего не видите, кромѣ графъ, цифръ, итоговъ, транспортовъ; но чѣмъ вызываются эти цифры—последнюю-ли копейку населенія проѣдаетъ земство и правильно-ли оно проѣдаетъ ее, ищутъ-ли чего-либо призванные дѣятели, что было-бы съ пользой приложимо на пользу края, или цифры эти—только бухгалтерская исповѣдь,—ничего этого не говорятъ нѣмныя „смѣты и раскладки“. Попадаются отчеты, невыносимые по своей сухости, по своей подозрительной лавоничности: точно дѣятели, страдающіе этой сухостью и этой лакедемонской болѣзнию, не умѣютъ говорить ни о чемъ въ собраніяхъ, боятся сказать свое мнѣніе о предметахъ самыхъ

обыкновенныхъ, словно-бы они стояли передъ судебнымъ слѣдователемъ и упорно твердили: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“. Нѣтъ въ этихъ отчетахъ ни преній, ни отдѣльныхъ мнѣній, ни протестовъ, а есть только ужасная стереотипа: „заслушали — и постановили“. А почему *такъ* постановили — бумага молчить; почему никто изъ членовъ собранія не закачалъ отрицательно головой, когда нельзя было не отрицать, — бумага и типографскій станокъ упорно молчатъ. Нѣкоторые земства молчаливѣе даже того лѣтописца, который въ хронографѣ своемъ выставялъ иногда рядомъ до десяти годовъ и противъ нихъ отмѣчалъ: „ничто-же бысть“. По крайней мѣрѣ ясно, что въ эти годы ничего замѣчательнаго не было — ни войны, ни мора, ни знаменія, ни затменія, ни голода. А читая лакедемонскіе отчеты нѣкоторыхъ земствъ, видишь, догадываешься, что было что-то, что не могло не быть чего-то, или мора, или голода, или недомыи, — а отчетъ все-таки говоритъ: „ничто-же бысть“.

За то литература другихъ земствъ отличается полнымъ, добросовѣстнымъ изложеніемъ всего, что предпринимали, задумывали, исполняли и не исполняли земства. Это — картины всей земской жизни, съ ея свѣтлыми и темными сторонами. Эта литература впоследствии послужитъ богатымъ матеріаломъ для внутренней исторіи Россіи и ея гражданскаго развитія. Нужды населенія, его платежныя, продовольственныя, санитарныя и всѣ экономическія силы, проявленія дѣятельности и заботъ объ общемъ благѣ отдѣльныхъ благородныхъ земскихъ личностей, личныя и общественныя недоразумѣнія по разнымъ земскимъ вопросамъ, публичныя пренія — все это сохраняетъ земская литература, сохраняетъ даже имена борцовъ за то или другое дѣло; есть имена, которыя не умрутъ въ земской исторіи, какъ не умрутъ ихъ слово, завѣщанное современнимъ и будущимъ земскимъ дѣятелямъ; но есть имена, сохраненіе которыхъ на страницахъ земской хроники равносильно осужденію ихъ, если не теперь, то послѣ, общественнымъ приговоромъ.

Жаль только, что въ цѣломъ земская литература не доступна даже самимъ земствамъ. Земская литература — это литература частная, такъ-сказать семейная, кабинетная; земскія изданія печатаются въ весьма ограниченномъ размѣрѣ и при томъ не для публички, не для продажи, а только для земскаго обихода. Ясно,

что при ограниченномъ числѣ экземпляровъ своихъ изданій, земства не могутъ взаимно обмѣниваться своими изданіями, а если это и дѣлаютъ нѣкоторые земства, то весьма немногія. Оттого одно земство не знаетъ, что дѣлаетъ другое. Оттого часто въ земской дѣятельности вы не видите солидарности по возбужденію и рѣшенію такихъ вопросовъ, по удовлетворенію такихъ нуждъ, по такимъ, наконецъ, мѣропріятіямъ, которыя могли-бы быть и тождественно начаты, и тождественно кончены. Какъ-бы то ни было, земская литература, даже въ томъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ она является, можно сказать, новорожденною литературою, представляетъ неоцѣненный матеріалъ для будущей внутренней исторіи Россіи.

Д. Мордовцевъ.

ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ

И

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРЕССА.

Что городъ—то порокъ,
Что деревня—то обычай.

I.

У насъ нѣтъ политическихъ партій. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, органы нашей прессы не могутъ имѣть тѣхъ строго опредѣленныхъ оттѣнковъ, какіе они имѣютъ въ западной Европѣ, а съ другой—эти органы не имѣютъ въ глазахъ общества того значенія, какое они имѣютъ на Западѣ. У насъ направленіе одной газеты отличается отъ направленія другой, въ сущности, только въ подробностяхъ, въ частностяхъ; въ журналахъ у насъ почти нѣтъ строго опредѣленнаго круга сотрудниковъ: сегодня вы можете встрѣтить гр. Л. Толстого въ „Отечественныхъ Запискахъ“, завтра въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; вчера помѣстили въ „Вѣстникѣ Европы“ романъ г. Гончарова, черезъ мѣсяцъ тамъ-же помѣстятъ критическую статью противъ этого романа; вчера г. Ф. Достоевскій писалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и въ „Гражданинѣ“, сегодня онъ попалъ въ „Отечественныя Записки“ и т. д. Такіе органы, конечно, не могутъ имѣть очень сильнаго вліянія на публику въ качествѣ руководителей и представителей тѣхъ или другихъ мнѣній. Кромѣ того, наша пресса уже не можетъ имѣть сильнаго значенія и потому, что, въ сущности, она вся состоитъ изъ частныхъ органовъ и менѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, насчитываетъ официальныхъ и офиціозныхъ изданій, если не считать разные спе-

ціальные журналы и губернскія вѣдомости. Есть еще причины малаго значенія прессы — напр. невѣжество и безграмотность, вслѣдствіе которыхъ органы нашей прессы расходятся въ такомъ маломъ количествѣ, что иногда не понимаешь, для чего и для кого они печатаются. Вотъ почему намъ трудно вполне ясно понять то вліяніе, которое имѣетъ пресса на Западѣ. Тамъ съ давнихъ поръ министерствамъ и общественнымъ партіямъ приходится основывать свои газетные органы, при помощи которыхъ обществу сообщаются тѣ или другія мнѣнія, вызывается то или другое настроеніе общественнаго мнѣнія. Зная значеніе и силу прессы, западно-европейскія правительства пользуются ею при каждомъ удобномъ случаѣ. Но какъ-бы ни было велико значеніе прессы въ глазахъ правительствъ Англіи, Пруссіи, Бельгіи, оно все-таки не доходитъ до тѣхъ размѣровъ, до которыхъ оно доходило въ послѣднемъ столѣтіи во Франціи. Это объясняется очень простымъ фактомъ: послѣ революціи 1789 года во Франціи не было ни одного правительства, которое опиралось-бы на вполне неоспоримыя права на престолъ, и существованіе cadaго изъ этихъ правительствъ зависѣло отъ чисто-случайнаго настроенія общества. Тогда-какъ въ Англіи или Пруссіи правительству нужна пресса главнымъ образомъ для проведенія въ общество сознанія полезности той или другой новой мѣры, во Франціи правительству нужна была помощь прессы даже для защиты самыхъ правъ этого правительства на престолъ. Положеніе этихъ правительствъ было, въ сущности, исключительное, а потому и ихъ отношенія къ прессѣ были тоже исключительныя. Чтобы понять это, стоитъ только взглянуть, какъ приходилось заискивать различнымъ французскимъ правительствамъ передъ представителями прессы.

Правительства Франціи ставили во главѣ своей прессы самыхъ замѣчательныхъ писателей своего времени. По официальнымъ замѣчаніямъ, доставленнымъ во время второй имперіи министру внутреннихъ дѣлъ, оказывалось слѣдующее: „При реставраціи одинъ журналъ (*Le Constitutionnel*) считалъ въ числѣ своихъ постоянныхъ редакторовъ Бональда, Вилльеля, Шатобріана, Клозеля де-Куссергъ, Матье де-Монморанси, Корбьера Полиньяка, Беррье, Фицъ-Жемса, Фонтаня, кардинала де-ла-Люцерна и т. п. людей. „*Journal des Débats*“ былъ редактируемъ Шатобріаномъ, Одиберомъ (его главнымъ секретаремъ), Виллеменомъ, Фьеве, Саль-

ванди, Буркенэ. „Spectateur politique“ редактировался академиками Дрозомъ, Лакретеллемъ, Ожеромъ, Кампенономъ. „Quotidienne“ былъ въ рукахъ Витролля, Миню, барона Экштейна, маркиза Мезонфора, Ш. Нодье, Жюрье. Можно-бы долго продолжать это перечисленіе значительныхъ именъ, стоявшихъ во главѣ офиціозной и официальной литературы. Даже въ провинціи, во главѣ самыхъ маленькихъ листковъ, мы находимъ нерѣдко значительныя имена. Стоитъ только припомнить Фонфреда, редактировавшаго „L'indicateur de Bordeaux“. При іюльскомъ правительствѣ Ремюза, Дювержье-де-Гораннь, Мериме и т. п. лица писали въ „Constitutionnel“ подъ редакцію и при содѣйствіи Тьера. Валески подъ тѣмъ-же вліяніемъ писалъ въ „Messenger“.

„Journal de Débats“ былъ въ рукахъ самыхъ главныхъ членовъ правительства. Іюльское правительство прямо можно назвать правительствомъ писателей; министры: Тьеръ, Сальванди, перъ Бертонъ-де-Во, государственные совѣтники: Мишель Шевалье и Сень-Маркъ-Жиарденъ, докладчики: Леонъ Пилле, Моро, Низаръ — все это писатели. Даже въ префекты вербовались литературныя силы въ родѣ Дюнойе, Арманъ Карреля, Тьессе. Многіе журналисты были подпрефектами въ провинціи. Одинъ изъ нихъ не рѣшался взять мѣста, имѣя 40,000 фр. долгу, — долгъ былъ заплаченъ. Іюльское правительство привлекало писателей такъ или иначе. Лерминье принадлежалъ къ оппозиціи — ему дали кафедру въ Collège de France и онъ перешелъ на сторону правительства. Кошуа-Лемеръ отказался отъ пенсіи въ 6,000 фр., но онъ принялъ значительное мѣсто въ архивахъ. Профессора, въ родѣ Гизо, Вилльмена, Кузена, Росси, были тоже привлечены правительствомъ. Что-же касается республики 48 года, то она можетъ быть названа наводненіемъ журналистовъ. Бастидъ, Марра, Дюклеркъ, Кд. Тома, Трела, Шаррасъ, Дюссаръ, Бельяръ, Флоконъ, Коссидьеръ, Шартонъ и т. п. люди были журналистами.

Но если которому-нибудь изъ французскихъ правительствъ нужно было особенно сильно дорожить прессой, такъ это правительству Наполеона III. Наполеонъ III при вступленіи своемъ на престолъ имѣлъ очень мало правъ на эту роль: онъ не пользовался особенною симпатіею общества, онъ выигралъ свое дѣло при помощи чисто-случайныхъ обстоятельствъ. Вслѣдствіе этого ему, болѣе чѣмъ кому-нибудь другому, нужна была под-

держа общественнаго мнѣнія, вліять-же на это мнѣніе можно было только при помощи прессы. Но, къ несчастію Наполеона III, его сподвижники не поняли этого и довели его до гибели своими неумѣлыми распоряженіями.

II.

Теперь, когда вторая имперія пала, ни для кого не тайна, что это было царство политическихъ и общественныхъ промаховъ, ярко выразившихся и въ мексиканской экспедиціи, и въ законахъ о правѣ сходакъ, и въ прусской войнѣ. Какъ люди, построившіе домъ на пескѣ, сподвижники Наполеона III постоянно видѣли, что ихъ сооруженія колеблются и разваливаются, и хватались то за тѣ, то за другія мѣры къ спасенію, замѣчая съ тяжелымъ чувствомъ страха, что эти мѣры не ведутъ ни къ чему. Непосвященная въ дѣла масса видѣла глубокомысленно сдвинутыя брови наполеоновскихъ дѣятелей, она читала ихъ рѣшительныя, офиціально-холодныя и спокойныя декреты и распоряженія, она смотрѣла на ихъ таинственно закрытыя, неприступныя кабинеты и полагала, что за всѣмъ этимъ таится бездна политической и административной премудрости, такта и способностей, хотя эти люди и не прошли школы, которая могла-бы ихъ подготовить къ исполненію ихъ серьезныхъ обязанностей. Всѣ они были чисто случайно вознесены на высшія ступени іерархической лѣстницы. Но толпа видѣла только внѣшность и не понимала, что таится подъ этою внѣшностью. Только иногда ее странно поражали нѣкоторыя признанія, говорившія, что дѣло ведется не такъ, какъ слѣдуетъ. Такимъ признаніемъ былъ, напримѣръ, конфиденціальный докладъ Наполеону, сдѣланный министрами въ 1864 году по поводу вопроса о коалиціяхъ. „Изъ настоящаго положенія дѣлъ выходить, говорили они, — что мы не имѣемъ ни преимуществъ строгихъ уголовныхъ законовъ, ни чести и выгодъ либеральнаго законодательства“. Это намекало массѣ, что за кулисами далеко не царствуетъ та увѣренность въ разумность принятой системы, — увѣренность, въ которую такъ твердо вѣрила масса. И дѣйствительно, эти люди только драпировались въ непогрѣшимость, только напускали на себя глубокомысліе. Они не были ни опытными политиками, ни испытанными администраторами, ни

закаленными въ бояхъ полководцами. Въ сущности, это были очень простыя смертныя, которыхъ на каждомъ шагѣ надували мелкіе судостроители, поставщики провіанта, оружейныя заводчики, второстепенные чиновники и тому подобный незначительный людъ. Эти люди сознавали всю шаткость своего положенія и были далеко не такъ самоувѣренны въ душѣ, какъ выглядѣли. Что это сознание было у нихъ, это ярко бросается въ глаза теперь, между прочимъ, въ предписаніяхъ, касающихся прессы, которыя обнародованы уже при республиканскомъ французскомъ правительствѣ. Ниже мы приведемъ одинъ изъ официальныхъ документовъ, говорящій о томъ, какъ очевидна была нѣкоторымъ изъ этихъ людей ошибочность принятой ими системы, но когда явилось это сознание, было уже поздно и невозможно исправить дѣло.

Никакой, всегда откровенно дѣйствовавшій человекъ не можетъ такъ озлобленно относиться къ чужимъ идеямъ, какъ человекъ, долго прерывавшійся для извѣстныхъ цѣлей этими-же идеями. Люди послѣдняго сорта, по достиженіи своихъ цѣлей, съ двойною злобою нападаютъ на тѣ идеи, которыя они должны были поневолѣ проповѣдывать въ извѣстное время. Они какъ-будто оплачиваютъ этимъ идеямъ за ту тягостную роль, которую пришлось имъ играть когда-то, щеголяя подъ ненавистною маскою, говоря не то, что хотѣлось говорить, пожимая руки тѣмъ людямъ, которыхъ они ненавидѣли въ душѣ. Это случилось и съ Наполеономъ III.

Бывшій порицатель существовавшаго при Луи-Филиппѣ порядка вещей, бывшій сторонникъ прогрессивной партіи, бывшій проповѣдникъ крайнихъ идей, принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ былъ и оставался въ душѣ однимъ и тѣмъ-же — человекомъ, стремившимся захватить въ свои руки власть. Это, и только одно это стремленіе руководило всѣми его дѣйствіями. Уже въ своихъ „*Rêveries politiques*“ онъ говорилъ: „Изъ мнѣній, которыя я высказываю, видно, что мои принципы вполне республиканскіе. И что-же можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, прекраснѣе, чѣмъ мечты о царствѣ добродѣтели, развитія нашихъ способностей, прогресса цивилизаціи? Нынѣшніе патріоты, по большей части, республиканцы“... „Но, продолжаетъ онъ далѣе, — если въ моемъ проектѣ конституціи я предпочитаю монархическую форму правленія, то это происходитъ оттого, что эта форма кажется мнѣ болѣе всего

удобною для Франціи, такъ-какъ она даетъ болѣе гарантій спокойствія, силы и свободы“... Далѣе говорится прямо объ имперіи. Конечно, эти строки писались во время страстныхъ грезъ о захватѣ короны Франціи въ свои руки. Это было въ тридцатыхъ годахъ, и принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ не считалъ особенно нужнымъ скрывать подъ непроницаемымъ покровомъ свои тайныя желанія; не считалъ онъ нужнымъ скрывать эти желанія и въ эпоху страсбургской и булонской попытокъ. Но времена переменчивы: во дни февральской революціи нужно было говорить совсѣмъ другое, нужно было очень искусно замаскировывать свои заднія мысли. Когда 26 сентября гражданинъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ вступилъ въ собраніе, онъ обратился съ слѣдующею рѣчью къ своимъ сотоварищамъ: „Граждане-представители, я не могу сохранять молчанія послѣ клеветъ, предметомъ которыхъ сдѣлался я. Я долженъ громко и съ перваго-же дня, когда меня допустили присутствовать въ вашей средѣ, выразить истинныя чувства, которыя одушевляютъ меня, которыя одушевляли меня постоянно. Послѣ трехъ лѣтъ изгнанія я, наконецъ, снова нахожу свою родину и свои гражданскія права. Это счастье дала мнѣ республика. Пусть-же она приметъ отъ меня клятву въ моей благодарности и преданности ей; пусть благородные сограждане, назначившіе меня присутствовать въ этомъ собраніи, будутъ вполне увѣрены, что они всегда увидятъ меня преданнымъ тому благородному дѣлу, которое мы всѣ должны считать своимъ дѣломъ: обезпечить порядокъ и спокойствіе, въ которыхъ прежде всего нуждается страна; развить демократическія учрежденія, которыхъ вправѣ требовать народъ... Мое поведеніе, будьте въ этомъ увѣрены, будетъ всегда истекать изъ моей искренней преданности закону; оно докажетъ всѣмъ тѣмъ, которые пробовали очернить меня, что никто не отличается такою готовностью, какъ я, въ дѣлѣ защиты порядка и утвержденія республики“. Эти фразы было не легко говорить, особенно не легко потому, что въ это время уже дѣлались самыя торопливыя приготовленія къ достиженію тѣхъ цѣлей, которыя не имѣли ничего общаго съ этими увѣреніями въ преданности республикѣ. А между тѣмъ хитрить приходилось на каждомъ шагѣ. Возникалъ-ли какой-нибудь темный слухъ о „претендентѣ“—его нужно было старательно опровергнуть; толковали-ли въ собраніи

о необходимости устранить членовъ царствовавшихъ династій отъ выборовъ въ президенты и вице-президенты — нужно было увѣрять, что онъ, гражданинъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ, и не мечтаетъ объ этихъ званіяхъ; обращался-ли онъ съ избирательнымъ манифестомъ къ своимъ согражданамъ — нужно было клясться, что онъ „не честолюбецъ, мечтающій объ имперіи и войнѣ“, что онъ „воспитанъ въ свободныхъ странахъ, въ школѣ несчастій“, что „онъ останется вѣренъ своему долгу“, что „онъ будетъ стоять за свободу вѣроисповѣданій, за свободу обученія“, что „онъ считаетъ централизацію интересовъ и предпріятій признакомъ деспотизма, а отсутствіе монополій—принадлежностью республики“ и проч., и проч.

Онъ имѣлъ право сказать: тяжела ты, роль претендента на престолъ Франціи! Въ это время ему приходилось, быть можетъ, хуже, чѣмъ приходится теперь Донъ-Карлосу. Онъ могъ вздохнуть свободно, могъ сбросить маску только тогда, когда цѣль была достигнута, когда переворотъ былъ совершенъ. Но переходя къ новымъ идеямъ, онъ зналъ, что ему нужно воспользоваться помощью прессы. Безъ нея во Франціи трудно было удержать власть въ своихъ рукахъ. Онъ зналъ, что онъ не можетъ рассчитывать на ту любовь народа, которою пользуются Гогенцолерны или королева Викторія. Онъ былъ чуждъ этому народу, чуждъ даже по языку, такъ-какъ онъ довольно дурно говорилъ по-французски.

Но на кого-же онъ могъ рассчитывать въ прессѣ?

Всѣ лучшія литературныя силы принадлежали тогда къ партіямъ орлеанистовъ, легитимистовъ и республиканцевъ. Преданностью бонапартизму не отличался ни одинъ изъ крупныхъ литературныхъ и журнальныхъ дѣятелей того времени. Это обстоятельство заставило принца Луи-Наполеона Бонапарта на первыхъ-же порахъ прибѣгнуть къ помощи такихъ литературныхъ ничтожностей, какъ, напр., Ромье или Гранье-де-Касаньякъ. Ромье, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ фарсеровъ своего времени, замѣчаютъ Таксиль-Делоръ и Верморель.—Онъ пьянствовалъ до того, что одинъ изъ его пріятелей нашелъ его однажды ночью на улицѣ въ безчувственномъ состояніи и поставилъ ему на спину одинъ изъ фонарей, какіе обыкновенно ставятся въ тѣхъ мѣстахъ улицъ, гдѣ не слѣдуетъ ѣздить. Его брошюра „Spectre Rouge“ была зло-

стною и мрачною мистификаціею, запугавшею буржуазію“. Ромье въ этой брошюрѣ лгалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ на существовавшій порядокъ дѣлъ, очень хорошо сознавая, что онъ лжетъ. Гранье-де-Касаньякъ — этотъ „кондотъери“ журнала „L'Époque“ — былъ обличенъ президентомъ суда въ ложныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ, данныхъ имъ въ одномъ процессѣ. Ему было прямо сказано, что онъ „лжетъ“. Этотъ-же человекъ, привлеченный къ суду за долги, отрицалъ эти долги и его противникъ сказалъ ему публично, что онъ „наглій обманщикъ“. Онъ нѣсколько разъ мѣнялъ свои убѣжденія—если можно назвать убѣжденіями все то, что говорятъ подобные господа, — и получилъ названіе „le roi des dtôles“. Эти люди не отличались даже литературными талантами или умѣньемъ ловко маскировать свои грязныя фізіономіи. Къ такимъ-то людямъ поневолѣ пришлось обращаться за помощью принцу Луи-Наполеону Бонапарту. Это было нѣчто роковое, нѣчто неизбѣжное, такъ-какъ болѣе видныя личности не могли-бы согласиться играть одну игру съ людьми декабрьскаго переворота и такъ-какъ большинство болѣе даровитыхъ и болѣе серьезныхъ литературныхъ дѣателей принадлежало къ другимъ лагерямъ.

III.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи сильныхъ литературныхъ дѣателей, правительство Наполеона III могло повліять на прессу въ лицѣ издателей газетъ. Обыкновенно во главѣ французскихъ газетъ и журналовъ стоятъ издатели—люди богатые, капиталисты, часто неимѣющіе ничего общаго съ литературою и выдающіе въ газетѣ или журналѣ ничто иное, какъ выгодное предпріятіе, коммерческое дѣло. Конечно, они не могли равнодушно относиться къ участи своихъ предпріятій и заботились только о томъ, чтобы спасти эти предпріятія, во что-бы то ни стало. Какое направленіе примутъ ихъ органы, что они будутъ проповѣдывать — это было для нихъ послѣднимъ вопросомъ: прежде всего нужно было заботиться о спасеніи капиталовъ. Наполеонъ понималъ это очень хорошо и предвидѣлъ, что издатели постараются устранить легитимистскихъ, орлеанистскихъ и республиканскихъ писателей и

заставятъ ихъ или молчать, или писать то, чего требуютъ новые порядки. Такъ и случилось. Пресса замолчала о легитимизмѣ, орлеанизмѣ и республиканизмѣ, такъ-что наполеоновское правительство могло спокойно терпѣть существованіе даже органовъ, противныхъ ему партій: оно оставило республиканцамъ „Siècle“ и „Charivari“, орлеанистамъ „Journal des Débats“, легитимистамъ „Union“ и „Gazette de France“, фюзюнистамъ „Assemblée nationale“, — конечно, поставивъ условіемъ существованія этихъ органовъ сдержанность и умѣренность. Своими защитниками правительство оставило „Constitutionnel“, „Patrie“ и „Pays“.

Что-же это были за газеты?

„Constitutionnel“ былъ вліятельнымъ органомъ при реставраціи, но уже съ 1830 года началось его паденіе и въ 1842 году онъ былъ близокъ къ смерти. Въ это время его купилъ Веронъ и, купивъ у Евгенія Сю за 150,000 франковъ „Вѣчнаго Жидка“, поднялъ газету. Въ 1848 году эта газета явилась защитницею временнаго правительства, но это направленіе продержалось недолго. Веронъ пережѣнялъ нѣсколько разъ свое направленіе и присталъ, наконецъ, къ бонапартизму. Но это обстоятельство не дало газетѣ подписчиковъ и не спасло ее отъ правительственныхъ преслѣдованій, такъ-какъ наполеоновское правительство въ первое время считало нужнымъ одинаково сдерживать какъ своихъ враговъ, такъ и своихъ друзей. Безплодно попытавшись уменьшить подписную плату и видя, что трудно конкурировать съ официальнымъ „Moniteur'омъ“ и съ офиціозною газетою финансиста Миреса „Pays“, Веронъ обратился къ послѣднему и предложилъ ему продать газету „Pays“. Миресь отвѣтилъ: „я не продамъ своего журнала, но если вы хотите, я куплю вашу“. Это предложеніе очень понравилось Верону, но его газета отчасти принадлежала и Морни; нужно было уговорить и его на продажу газеты. Сдѣлка состоялась. За газету было заплачено очень дорого и главная часть суммы была уплачена изъ секретныхъ суммъ правительства, которое принимало участіе и въ изданіи газеты „Pays“. Главное веденіе дѣлъ въ обѣихъ газетахъ было поручено Артуру де-Лагероньеру — человѣку, множество разъ ибнявшему свои цвѣта, бывшему другу Ламартина, демократомъ въ „Presse“, противникомъ декабрьскаго переворота, избраннымъ въ депутаты по милости наполеоновской администраціи, писателемъ,

прикрывавшимъ пустоту своихъ статей громкими и высокими словами: общество, религія, семья, власть и т. д. Третья офиціозная газета, „Patrie“, была въ рукахъ Деламарра, служившаго при Карлѣ X, сдѣлавшагося потомъ банкиромъ и перешедшаго отъ финансовой дѣятельности къ журнальной. Онъ перешелъ къ бонапартизму только послѣ переворота. Онъ мечталъ, что онъ долженъ сдѣлаться министромъ финансовъ, былъ до послѣдней степени увлеченъ вертящимися столами, вызываніемъ духовъ и большую часть времени проводилъ въ этихъ невинныхъ занятіяхъ. Если его газета и пользовалась успѣхомъ, то это было не вслѣдствіе какихъ-нибудь ея серьезныхъ достоинствъ, а просто вслѣдствіе того, что она являлась однимъ изъ самыхъ главныхъ парижскихъ листковъ, наполненныхъ кучею разныхъ извѣстій о преступленіяхъ, катастрофахъ и уличныхъ происшествіяхъ, всегда интересующихъ извѣстную часть малоразвитой массы, любящей сплетни, скандалы и перебранки. Сдѣлались сторонниками новыхъ порядковъ и такіе люди, какъ издатель газеты „Univers“, Луи Вельо. Услуживали иногда наполеоновскому правительству и такіе люди, какъ Эмиль де-Жиранденъ. Но едва-ли могли быть особенно полезны ихъ услуги. Эти люди ужъ слишкомъ хорошо были извѣстны французскому обществу своею продажною, измѣнчивою своихъ убѣжденій. Едва-ли даже само правительство хоть сколько-нибудь уважало ихъ: оно знало, что они всегда будутъ стоять за того, кто дастъ больше. Несмотря на все это, въ первомъ изъ отчетовъ директора книгопечатанія и книжной торговли проглядываетъ увѣренность, что въ прессѣ все обстоитъ благополучно.

IV.

Этотъ отчетъ въ высшей степени интересенъ, потому-что онъ знакомитъ насъ съ порядками и пріемами, имѣющими мало общаго съ порядками и пріемами администраціи другихъ странъ. Въ этомъ документѣ видна и неумѣлость, и нерѣшительность людей, для которыхъ было ново веденіе общественныхъ дѣлъ и управление странюю. Они слѣдовали не по тому пути, по которому идутъ обыкновенно опытные администраторы, но старались проторить новую дорогу, открыть новый способъ управленія, ко-

торый состоялъ изъ сплетенія сѣти интригъ. Въ подобнымъ интригамъ могло прибѣгать только правительство Наполеона III, чувствовавшаго шаткость своего положенія, случайность своего мнимаго величія. Во всемъ этомъ документѣ не достаетъ той твердости убѣжденія, которая проглядываетъ въ каждомъ подобномъ официальномъ документѣ. Тутъ видишь просто, что докладчикъ старается какъ-будто защитить себя, выставить на видъ свои заслуги, сохранить, во что-бы то ни стало, свое мѣсто. Отчетъ гласить слѣдующее:

„Ваше величество, писалъ директоръ книгопечатанія и книжной торговли, — когда было создано министерство общей полиціи, французская пресса находилась еще подъ вліяніемъ осаднаго положенія. Когда исчезла предварительная цензура, правительство могло опасаться, что журналы примутъ снова свои старыя замашки. Правда, декретъ 17 февраля давалъ право подавлять ихъ уклоненія.

„Но чтобы предупредить уклоненіе прессы, нужно было учредить дѣятельный и осмысленный надзоръ, нужно было имѣть многочисленныхъ агентовъ, которые внимательно читали-бы, анализировали и переводили всѣ парижскіе журналы, всѣ провинціальныя газеты съ ихъ корреспонденціями и всѣ иностранныя по временныя изданія. (Въ Парижѣ существуетъ болѣе четырехсотъ листовъ или періодическихъ сборниковъ, въ департаментахъ насчитывается еще до трехсотъ пятидесяти политическихъ журналовъ; въ одной Германіи существуетъ восемьсотъ журналовъ съ дѣйствительнымъ значеніемъ и пятьдесятъ два печатаются на французскомъ языкѣ на берегахъ Рейна.) Нужно было организовать въ Франціи постоянныя служебныя мѣста для этихъ цѣлей; нужно было создать, какъ во Франціи, вѣрныя сообщенія, чтобы впоследствии имѣть умственные силы въ большинствѣ органовъ другихъ странъ; нужно было приготовить явныхъ и тайныхъ помощниковъ; каждый журналъ, каждая корреспонденція, каждый редакторъ должны были, по моему мнѣнію, имѣть своихъ; нужно было, наконецъ, чтобы были устроены бюро для ежедневной корреспонденціи съ префектами, членами суда, различными министрами, французскими агентами за-границей и съ заинтересованными въ дѣлѣ партіями.

„Тогда еще не существовало никакого спеціальнаго учрежденія

для прессы; порядокъ, установленный декретомъ 17 февраля, былъ совершенно новъ и не имѣлъ предшественниковъ; мнѣ пришлось все создать, все организовать.

„Такъ, — чтобы привести одинъ изъ многихъ примѣровъ, — ваше величество, можетъ быть, узнаетъ съ удивленіемъ, что иностран-ные журналы не подвергались надзору при предшествовавшемъ правительствѣ, что никто не зналъ въ точности того, что въ нихъ писалось. Ни одно министерство не имѣло спеціальныхъ переводчиковъ, о ихъ содержаніи знали только черезъ посредство г. Гаваса. Но г. Гавасъ, промышленникъ и спекуляторъ, который послѣдовательно служилъ всѣмъ властямъ, получалъ только небольшое число иностранныхъ листовъ и былъ вообще воленъ переводить то, что ему вздумается.

„Я полагалъ, что правительство должно вполнѣ знать само все то, что печатается за-границей и особенно во Франціи.

„И уже болѣе, чѣмъ съ годъ, у насъ съ пяти часовъ утра ежедневно переводятъ въ бюро почтоваго учрежденія все то, что можетъ интересовать французское правительство въ разныхъ журналахъ всего свѣта. И эти переводы, посылаемые каждые полчаса въ дирекцію книжной торговли, переписываются и передаются государственному министру и министру иностранныхъ дѣлъ.

„Изъ учрежденія, основаннаго при почтамтѣ, получается двоякая польза: правительство располагаетъ безъ лишнихъ расходовъ большинствомъ иностранныхъ журналовъ и можетъ, въ случаѣ нужды, помѣшать ихъ распространенію.

„Къ несчастію, официальный составъ дирекціи, которая была ввѣрена мнѣ, былъ очень недостаточенъ, и г. де-Мопя, боясь, что законодательный корпусъ откажетъ ему въ прибавкѣ, не хотѣлъ просить этой прибавки.

„Я долженъ былъ взять помощниковъ, которымъ платилось изъ секретныхъ суммъ, и этихъ помощниковъ было болѣе официальныхъ чиновниковъ. Такъ я опредѣлилъ въ дирекцію книжной торговли известное количество писателей, одаренныхъ несомнѣннымъ талантомъ, но неимѣющихъ средствъ. (Гг. Жюль де-Сен-Феликсъ, Анри Верту, Мари Эйваръ, Николль, Деадде, Сенъ Ивсъ, Андре Томасъ, Альбертъ Моренъ, Шарль Низаръ, Рапетти, Изидоръ Вьенъ, Феликсъ Сорель, Сюзини и т. п.)

„Этотъ добавочный составъ дополнялся лицами, официально состоящими на службѣ, а въ послѣднее время къ нимъ присоединилось около сорока неимѣющихъ постоянныхъ занятій чиновниковъ изъ моей администраціи; эти люди работали съ шести часовъ утра до шести часовъ вечера и образовали, вмѣстѣ съ официальными чиновниками, два отдѣленія и шесть различныхъ бюро.

„Эта организація, признанная необходимою г. Колле-Мейгре, была поддерживаема имъ, какъ и все, что я дѣлалъ.

„Однако, эта организація далеко не представляетъ тѣхъ удобствъ, которыя представила-бы провинціальная официальная организація, эта цѣль моихъ стремленій.

„Но какъ-бы ни была она несовершенна, она все-таки дала мнѣ средства положить основаніе серьезному направленію духа общества и дѣйствительному надзору за французскими и иностранными изданіями.

„Парижская пресса, казалось мнѣ, заслуживаетъ совершенно особенное вниманіе по случаю ея сношеній съ главами различныхъ партій, и я добился того, что создалъ своихъ агентовъ въ каждомъ изъ политическихъ журналовъ и приобрѣлъ, по крайней мѣрѣ, по одному редактору въ каждомъ изъ нихъ.

„Доклады г. де-Мона могли убѣдить ваше величество въ томъ, что я почти всегда знаю впередъ, что должно появиться въ оппозиціонныхъ листкахъ, и очень часто бываю принужденъ помѣщать появленію статьи, которая произвела-бы самое дурное дѣйствіе на общественное мнѣніе.

„Г. министръ иностранныхъ дѣлъ тоже можетъ сказать вашему величеству, какъ часто я заставлялъ помѣщать въ „Presse“, въ „Assemblée nationale“ и въ „Siècle“ полезные документы, которые было-бы очень неловко помѣстить въ журналахъ, извѣстныхъ своими прямыми сношеніями съ правительствомъ.

„Что касается департаментской прессы, то опытъ быстро убѣдилъ меня въ томъ, что необходимо поскорѣе централизовать въ Парижѣ какъ подавленіе уклоненій, такъ и управленіе направленіемъ газетъ.

„Шестдесятъ шесть предостереженій постигли провинціальныя журналы менѣе, чѣмъ въ шесть недѣль, когда было рѣшено, по моему предложенію, что префекты не будутъ подписывать ни одного

изъ предостереженій прежде полученія мнѣнія министра. Польза этой централизаціи точно также почувствовалась, когда дѣло шло о распредѣленіи объявленій процесовъ.

„Кромѣ того, редакторы всѣхъ значительныхъ провинціальныхъ листковъ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ моею дирекціею, которая при помощи общихъ корреспонденцій давала имъ направленіе и очень часто получала отъ нихъ полезныя указанія.

„Такъ-какъ иностранные журналы, подобно французскимъ газетамъ, принадлежали политическимъ партіямъ, то я не могъ серьезно надѣяться имѣть постоянное вліяніе на большую часть изъ нихъ.

„Корреспонденты, которые стали-бы присылать въ извѣстные журналы только благопріятныя для насъ статьи, скоро могли-бы быть замѣнены новыми. Единственная цѣль, которую я могъ преслѣдовать, заключалась въ возможности въ извѣстныя минуты печатать полезные для насъ документы именно въ тѣхъ самыхъ листкахъ, которые считались самыми враждебными для насъ.

„Это и дѣлалось нѣсколько разъ, и въ особенности нужно упомянуть статью г. де-Лагероньера, озаглавленную „Napoléon III“, которая, по желанію вашего величества, была напечатана *in extenso* во всѣхъ газетахъ Англіи и Германіи.

„Но недостаточно знать при помощи переводовъ всѣ болѣе или менѣе враждебныя, всѣ болѣе или менѣе благопріятныя статьи, напечатанныя за-границею. Я долженъ былъ точно знать авторовъ этихъ статей и источникъ сообщаемыхъ новостей. Если вполне невозможно помѣшать обнародованію злостныхъ статей и недоброжелательныхъ корреспонденцій, то, по крайней мѣрѣ, нужно найти средства, въ видѣ противовѣса, посылать въ чужія страны опроверженія, общія и частныя корреспонденціи.

„Съ этою цѣлью я вошелъ въ сношенія съ официальными, патентованными корреспондентами главныхъ заграничныхъ журналовъ, чтобы такимъ образомъ дѣйствовать на нихъ ежедневно миролюбивыми путями или запугиваніемъ, смотря по ихъ характеру и ихъ значенію.

„Прошу ваше величество позволить мнѣ въ концѣ напомнить вамъ о двухъ важныхъ операціяхъ, которыя мнѣ удалось такъ счастливо кончить во время моей администраціи. Я хочу сказать

о продажѣ „Constitutionnel'я“ и о радикальной перемѣнѣ въ политическомъ направленіи „Courrier des Etats-Unis“. Приобрѣтеніе первой газеты Миресомъ, нестойчивое министерству ни полухи, не только вырвало этотъ журналъ изъ рукъ человѣка, компрометировавшаго ежедневно, вслѣдствіе безумной гордости, то дѣло, которое онъ защищалъ, но и дало возможность правительству вполне безусловно направлять этотъ органъ въ политическомъ отношеніи. Актъ, переданный вашему величеству и редактированный мною съ помощью г. Дювержье, доказываетъ это вполне, — даже болѣе, слѣдствіемъ этого приобретенія было то, что мы, помимо всякихъ субсидій, обеспечили одновременное существованіе и „Constitutionnel'я“, и „Pays“.

Подобныхъ официальныхъ отчетовъ вы не найдете ни въ одномъ правительственномъ архивѣ другихъ странъ, гдѣ правительства стоятъ на твердой почвѣ и сознаютъ свою дѣйствительную силу.

V.

Итакъ, наполеоновское правительство возложило главную свою надежду на разныхъ людей, „одаренныхъ несомнѣнными талантами, но неизмѣющихся средствъ“. Избранныя наполеоновскимъ правительствомъ „дѣти благородныхъ, но бѣдныхъ родителей“ должны были составлять доклады и отчеты о каждой сомнительной статьѣ, должны были переводить все, что казалось имъ достойнымъ перевода, и наполеоновское правительство думало, что оно знало каждую мелочь изо всего, что касалось прессы.

Всѣ эти распоряженія и соображенія, конечно, не могли вполне ускользнуть отъ общества, и масса, вѣчно недалковидная, вѣчно предвидящая въ каждомъ таинственномъ поступкѣ бездну премудрости и сообразительности, удивлялась ловкости и умѣнью наполеоновскихъ администраторовъ вести дѣло. Эта масса думала, что они дѣйствительно держатъ въ рукахъ всю прессу. Но не такъ думали сообразительные люди изъ самихъ наполеоновскихъ сподвижниковъ. Правда, наполеоновское правительство имѣло на жалованьи разныхъ редакторовъ и писателей, но были-ли эти люди дѣйствительно силою? Можно-ли дѣйствительную силу задобрить гдѣ-нибудь во Франціи какими-нибудь сотнями франковъ? Конечно, нѣтъ. Люди дѣйствительно сильные, ученые, да-

ровитые, вліятельные задабриваются тамъ и не такъ просто, и не такъ легко: подобное грубое задабриваніе скверно дѣйствуетъ на нихъ, съ одной стороны потому, что оно оскорбляетъ ихъ самолюбіе, унижаетъ ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ; а съ другой—потому, что они и безъ этихъ сотенъ франковъ могутъ пробить себѣ дорогу, могутъ существовать, какъ желанные дѣлатели, въ каждомъ литературномъ органѣ. Пожалуй, можно подкупить и ихъ, но для этого нужно болѣе хитрости, ловкости и умѣнья; тутъ нужно дѣйствовать такъ, чтобы они сами не замѣтили того, что ихъ подкупаютъ. Этого-то и не умѣли дѣлать наполеоновскіе администраторы: ихъ хитрости ограничивались мелочами, были грубы; дѣйствовать болѣе тонко и сообразительно они не умѣли. Они сразу отпугнули, поставили во враждебныя отношенія съ собою дѣйствительно вліятельныхъ писателей, которыхъ озлобляли придирки, и запаслись мелкими писаками, способными на сообщеніе отчетовъ, но немогущими руководить обществомъ. Эти люди дѣйствовали такъ неумѣло, что часто представляли правительство въ смѣшномъ видѣ и скорѣе вредили ему, чѣмъ приносили пользу. Возьмемъ одинъ примѣръ: правительственныя сообщенія—*les communiqués*.

„Мы не умѣли пользоваться этимъ драгоценнымъ оружіемъ, говорить одно официальное лицо, —оружіемъ, которое нравится всѣмъ, которое находятъ законнымъ даже враги правительства. Нужно было, чтобы эти сообщенія были хорошо редактированы, чтобы не возбуждать смѣха. Но нужно сознаться, что въ эту ошибку впадали почти всѣ директоры прессы. Одинъ только человекъ понималъ цѣну сообщеній—это Піетри въ Бордо. Только онъ посвящалъ сообщенія политическимъ нуждамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, не пользуясь ими самъ, предоставилъ ихъ на волю сенскаго префекта. Послѣдній-же посылалъ ежедневно нѣсколькимъ журналамъ два или три столбца сообщеній, которыя раздражали редакторовъ и утомляли читателей разсужденіями о фактахъ, въ родѣ слѣдующаго: „5 сентября 1867 года въ „Фигаро“ было доставлено сообщеніе по поводу газовыхъ рожковъ, находящихся на углу бульвара принца Эжена, передъ кафе, которое находится на этомъ мѣстѣ. Сообщеніе говоритъ, что трудно объяснить ту ошибку, въ которую впасть авторъ статьи, вызвавшей сообщеніе, и нужно предполагать, что онъ проходилъ ранѣе того часа, когда

зажигаются фонари. Но изъ того, что газовые рожки еще не были зажжены во время его прохода, не слѣдовало заключать, что они не зажгутся, когда настанетъ для этого время“. Не говоря уже о томъ, что это дѣтское примѣненіе къ дѣлу сообщеній очень печально компрометируетъ ихъ, продолжаетъ то-же официальное лицо,—нужно удивляться, какъ могъ министръ думать, что онъ избѣгнетъ насмѣшекъ, принимая отвѣтственность за поправки подобнаго рода? Дѣйствительно, въ журналахъ и въ публикѣ много смѣялись надъ этимъ сообщеніемъ.

Эта неумѣлость „дѣтей благородныхъ, но бѣдныхъ родителей“ проглядывала во всемъ и не выкупалась ничѣмъ. Наполеонъ III все-таки не имѣлъ въ прессѣ вѣрной и сильной помощницы и союзницы.

VI.

При такомъ положеніи дѣлъ прошли лучшіе годы наполеоновскаго царствованія, когда нужно было ковать желѣзо, пока оно было горячо. Правительство и пресса въ эти годы расходились все больше и больше. Наполеону начинала грозить серьезная опасность: популярность его, не особенно сильная и въ началѣ его царствованія, начинала теперь совершенно ступеньваться, а между тѣмъ во всей прессѣ не было ни одного сильнаго таланта, который-бы подогрѣвалъ энтузіазмъ къ бонапартизму, тогда какъ орлеанисты, легитимисты и республиканцы по-прежнему насчитывали въ прессѣ не мало очень крупныхъ сторонниковъ своихъ идей. Такъ шли дѣла до 1867 года, т. е. слишкомъ пятнадцать лѣтъ! Въ 1867 году дирекція прессы передала слѣдующій докладъ министру внутреннихъ дѣлъ:

„Авторъ исторіи Луи-Филиппа сказалъ:

„Такъ-какъ исторія есть урокъ для будущаго, то нужно постоянно повторять, если монархія 1830 года пала изъ-за свободы прессы, то это случилось потому, что она не умѣла или не хотѣла воспользоваться услугами прессы и, оставивъ своимъ врагамъ поле для атаки, не воспользовалась сама даже законнымъ правомъ защиты“.

„Если это правда, то что-же сказать объ имперіи? Если правда, что іюльское правительство умерло потому, что не умѣло или не

хотѣло защищаться, то какъ-же не бояться за безопасность имперіи?

„Имперія въ сущности не сдѣлала для своей защиты и четвертой доли тѣхъ усилій, которыя дѣлала реставрація, которыя дѣлало іюльское правительство, которыя дѣлала она сама въ началѣ, когда на нее никто серьезно не нападалъ; доказать это очень легко.

„При реставраціи, при іюльскомъ правительствѣ журналы, преданные правительству, были всегда болѣе многочисленны, чѣмъ журналы оппозиціи. До послѣднихъ дней реставраціи правительственная пресса представлялась цифрою въ 40,000, пресса-же оппозиціонная цифрою въ 2,000 экземпляровъ. При іюльскомъ правительствѣ четыре большихъ журнала („Débats“, „Constitutionnel“, „Siècle“ и „Presse“), отличавшіеся различными оттѣнками, были равно преданы власти и считались въ числѣ 93,000 экземпляровъ. Съ второстепенными листками цифра экземпляровъ доходила до 100 или до 110,000. Пресса анти-династическая не достигала и половины этой цифры. За исключеніемъ „National'я“ она не имѣла ни одного сильно распространеннаго листа съ серьезнымъ вліяніемъ.

„При имперіи дѣла шли совсѣмъ не такъ. Сначала, правда, силы были распредѣлены почти равнымъ образомъ. Въ 1858 г. тиражъ правительственныхъ журналовъ доходилъ до 67,000 экземпляровъ, а тиражъ оппозиціонныхъ газетъ не превышалъ 75,000 экземпляровъ,—это еще, пожалуй, можно было считать равными силами.

„Но начиная съ этой эпохи, равновѣсіе начало нарушаться. Съ каждымъ днемъ оппозиція пріобрѣтала все больше и больше почвы. Теперь она насчитываетъ 128,000 экземпляровъ, правительство-же имѣетъ едва 42,000 экземпляровъ. Мы не присчитываемъ ни къ той, ни къ другой сторонѣ 10,000 „Presse“ и „L'Époque“, такъ-какъ ихъ можно считать нейтральными. Но все-же правительство должно разсчитывать, что во всякомъ важномъ обстоятельствѣ оно увидитъ ихъ не друзьями, а противниками.

„Но это численное превосходство враговъ не единственное. Оно не можетъ быть названо самымъ прискорбнымъ.

„При предшествовавшихъ правительствахъ офиціозные (мы должны употребить это несчастное слово) журналы постоянно, по

крайней мѣрѣ, вдохновлялись, а очень часто и направлялись членами правительства, редактируясь его лучшими слугами, знаменитыми писателями, государственными людьми, вчерашними или завтрашними министрами.

„Члены или агенты французскаго правительства не ограничивались этимъ прямымъ содѣйствіемъ. Они старались отнять у оппозиціи и пріобрѣсти въ свой лагерь достойныхъ писателей: мѣста, деньги, почетъ—всѣ средства обольщенія пускались въ ходъ. Это, можно сказать, было главною заботою французскаго правительства. И эта забота казалась на-столько законною, что въ то время, когда каждый грошъ правительства заботливо учитывался оппозиціею палатъ,—субсидіи прессы, признанныя громко-гласно министрами, никогда не возбуждали упрековъ.

„Это не все: писатели, министерскіе журналисты могли рассчитывать на самыя высшія должности. Они дѣлались префектами, государственными совѣтниками, иногда министрами. По крайней мѣрѣ, треть наличнаго правительственнаго и административнаго состава была набрана изъ рядовъ прессы. Объ іюльскомъ правительствѣ можно сказать по-преимуществу, что оно было правительствомъ писателей.

„Эти администраторы, государственные люди, вышедшіе изъ рядовъ прессы, сохраняли свои связи съ ней и уважали ее. Они уважали писательскій талантъ. Малѣйшее литературное значеніе было для нихъ достаточнымъ предлогомъ для официальныхъ наградъ. Фьеве послѣ своей первой журнальной статьи былъ назначенъ префектомъ; Сальвади, еще очень молодой, совершенно неизвѣстный, за брошюру въ нѣсколько страницъ былъ назначенъ на мѣсто докладчика.

„Несмотря на такія сильныя поощренія, правительство не довѣрялось безгранично своимъ официознымъ защитникамъ. Оно защищалось само. Около перваго министра, у него подъ рукою, бюро общественнаго мнѣнія соединяло нѣсколько рукъ, имѣвшихъ значеніе и дорого оплачиваемыхъ властью. Такъ, при министерствѣ Виллеля это бюро было составлено изъ Линге, Бенабена, Сово и Делона: первый получалъ 24,000 фр., три остальные по 10,000 фр. въ годъ. При іюльскомъ правительствѣ писатели вербовались еще лучше; министры занимались этимъ дѣломъ еще больше. Одного изъ нихъ, Дюшателя, даже упрекали,

что онъ только этимъ и занимался. „Онъ, писалъ Аббатучи, — проводить все время въ интригахъ за кулисами палаты и въ направленіи бюро общественнаго мнѣнія, которое находится у него подъ-рукою“. Что касается г. Гизо, то каждый знаетъ, какое важное значеніе придавалъ онъ этому дѣлу при помощи начальника своего кабинета г. Жени

„Но недостаточно было ободрять преданныхъ писателей, нужно было устранять другихъ. Объ этомъ и заботились очень дѣятельно. Иногда покупали ихъ журналы: это называлось *погашать* оппозицію; это было любимымъ способомъ министровъ реставраціи; иногда платилось за молчаніе. Нѣкоторые журналисты получали по 1,500 фр. въ мѣсяць за то, чтобы они не писали. Порою, подъ предлогомъ какой-нибудь миссіи, ихъ удаляли. Капо-де-Фейллидъ былъ удержанъ такимъ образомъ въ отдаленіи втеченіи трехъ лѣтъ. Миссія Леве Веймара, хроника котораго въ „Revue des Deux Mondes“ скорѣе дразнила, чѣмъ открыто мѣшала политикѣ г. Тьера, стоила болѣе 60,000 франковъ.“

Такимъ образомъ, тратилось болѣе миліона франковъ въ годъ на прямыя и косвенныя субсидіи. Въ одиннадцать мѣсяцевъ одинъ журналъ „L'Ероque“ получилъ 1,000,000 фр. Мы уже не говоримъ о концесіяхъ: концесіи театровъ (перепроданныхъ иногда за 100,000 фр., какъ, напримѣръ, Théâtre historique, уступленный той-же „L'Ероque“), концесіи общественныхъ экипажей, омнибусовъ и тому подобныя второстепенныя милости завели-бы насъ слишкомъ далеко въ нашей замѣткѣ.

И все-таки, какъ мы видѣли въ началѣ нашей замѣтки, историки іюльскаго правительства обвиняютъ министровъ за то, что тѣ сдѣлали недостаточно много для прессы. Скажемъ даже болѣе: сами эти министры обвиняютъ себя за это. Г. Гизо пишетъ въ III томѣ своихъ мемуаровъ:

„Чтобы жить съ свободною прессою, властямъ и ея друзьямъ нужно, не колеблясь, пользоваться самимъ свободою прессы, пользоваться ловко, энергично, поддерживать эту борьбу, какъ бойцамъ на аренѣ, а не какъ обвиненнымъ на судебной скамьѣ. Ловкій и честный шотландскій журналистъ Макъ-Ларенъ, основатель одного изъ самыхъ вліятельныхъ журналовъ въ странѣ, „The Scotchman“, пріѣхавъ во Францію во время моей административной дѣятельности онъ удивлялся, что правительство, по-

литиву котораго онъ уважалъ и одобрялъ, не имѣло большаго числа партизановъ-волонтеровъ въ прессѣ и что парламентское большинство, которое такъ явно представляло великіе принципы и великіе социальныя интересы, не создаетъ само для защиты своего дѣла самыхъ разнообразныхъ и самыхъ дѣятельныхъ органовъ. Онъ былъ правъ, выражая свое удивленіе и касаясь одного изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ консервативной партіи во Франціи". (Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что большинство журналовъ, бывшихъ противниками административной дѣятельности г. Гизо и консервативной партіи, были тѣмъ не менѣе искренно преданы трону и династическому принципу.)

„Если такъ говорятъ историки, симпатизирующіе іюльскому правительству и сами министры этого правительства, то что-же будутъ говорить друзья имперіи?

„Что сдѣлала имперія для прессы? что предпринимала она для увеличенія своихъ силъ и для уменьшенія силъ своихъ враговъ? какую цѣну она придавала литературному значенію? какое уваженіе она питала къ писателямъ? Сначала она, повидимому, понимала цѣну ихъ содѣйствія. Она выбрала въ рядахъ прессы не одного чиновника, не одного кандидата на депутатское мѣсто: гг. де-Лагероньеръ, Боалэ, Меррю, де-Бувилль, де-Монтуръ, Латуръ-Дюмуленъ, Колле-Мейгре, Ансельмъ Пететенъ, О'Кэнъ, Гранье де-Басаньякъ были журналисты.

„Примѣромъ этихъ милостей и другими средствами старались присоединить къ правительству и другихъ пишущихъ людей и черезъ нихъ руководить общественнымъ мнѣніемъ. Необходимость этого сознавалась, и на это было устремлено не мало заботъ.

„Revue contemporaine“ было отнято у оппозиціи и получило большую субсидію. Оно сдѣлалось центромъ правительственной полемики. Оно привлекло многихъ значительныхъ писателей, готовыхъ писать въ официальныхъ журналахъ. Почти втѣченіи года, три раза въ недѣлю, эти писатели (гг. Вейсъ и Герве, два пера изъ самыхъ блестящихъ среди враждебной прессы, были въ числѣ этихъ писателей) печатали въ „Constitutionnel“ статьи Variétés, гдѣ подъ видомъ литературныхъ обзорѣній проводились политическія идеи, что дало на время этому листку, нынче совершенно упавшему, значеніе стараго „Journal des Débats“.

„Тогда читались въ одноѣмъ листѣ („la Patrie“) статьи гг.

Пле, Германа (сенатора) и Форкада де-ла-Рокеттѣ. Рядомъ съ этими постоянными сотрудниками, „Patrie“ считала въ то-же время въ числѣ своихъ обыкновенныхъ редакторовъ гг. Дела-марра, Кюшеваль-Клариньи, Полэна Лимейрагъ, Альфонса Траншана и т. п. Въ „Raus“ мы находимъ имена гг. Лагероньера, Эдма Колло, Лекіена, депутатовъ; Эвариста Баву, государственнаго совѣтника; Коэна, Эжена Рандю, аббата Муаньо, Эжена Гюино, Поля де-Сень-Виктора, Барбѣ д’Орвилли, Капфига и пр.

„Наконецъ въ рукахъ гг. Колле-Мейтре, Салля и Лагероньера редакторство „Presse“ было тѣмъ, чѣмъ оно должно быть: оно дѣйствительно направляло общественное мнѣніе. И все-таки управлять тогда было легко. Опозиція не думала даже о борьбѣ: она не существовала. Тогда можно было безъ большой опасности не думать о защитѣ.

„Но какъ измѣнились дѣла съ того времени! По мѣрѣ того, какъ оппозиція дѣлалась все настойчивѣе, защита все ослабѣвала, и чѣмъ болѣе дѣлалась необходимою помощь ловкихъ писателей, тѣмъ менѣе, казалось, искали ихъ помощи. Редакція „Presse“ изъ ловкихъ рукъ Лагероньера перешла въ руки человѣка, исполненнаго добрыхъ намѣреній, но совершенно незнакомаго съ журнальнымъ дѣломъ. Онъ не умѣлъ имъ пользоваться. Онъ обращался съ этимъ дѣломъ, — что продолжается и теперь, — какъ обращаются съ управленіемъ госпиталями или лѣсами. Онъ ограничивался только наблюденіемъ, вслѣживаніемъ, классификаціею. Что же касается до вліянія на общественное мнѣніе, до вербовки помощниковъ правительству, до ослабленія рядовъ оппозиціи, — онъ даже и не думалъ объ этомъ.

„Къ несчастію, при послѣдующихъ администраторахъ эти традиціи удержались вполнѣ.

„Этому великому дѣлу не посвящаютъ половины и четверти того времени, тѣхъ заботъ, тѣхъ средствъ, которыя считались необходимыми прежде. Такъ, не достойно-ли сожалѣнія то, что, вмѣсто увеличенія цифры субсидій, ее значительно уменьшили; что извѣстные провинціальныя листки получаютъ 12,000 фр. вмѣсто 15,000 фр., которыя были необходимы и которыя не особенно обременяли бюджетъ, что „Revue contemporaine“ обратилось на сторону оппозиціи? Прежде его большинство завербованныхъ имъ людей, гг. Герве, Вейсъ, Виллетаръ, десятки другихъ писате

лей, оскорбленные невнимательностью, оказанною имъ, пошли на ту-же дорогу.

„Въ самомъ дѣлѣ, что они видѣли? Одинъ журналистъ засѣдалъ въ сенатѣ, но онъ принадлежитъ къ оппозиціи, — примѣръ мало поощрительный! Одинъ великій критикъ сидитъ рядомъ съ нимъ, но послѣ какихъ усилій!

„За исключеніемъ этихъ лицъ, гдѣ тѣ политическіе писатели, которыхъ ободрила-бы втеченіи десяти лѣтъ императорская милость? Гдѣ журналисты, которымъ была-бы открыта общественная карьера? Безъ сомнѣнія, находится мало такихъ людей, которые были-бы достойны этихъ милостей. Но почему? Потому, что всѣ, кто могъ разчитывать на эти милости, поняли давно, что имъ нечего ждать съ этой стороны удачи.

„Помимо журнальнаго поприща, находимъ-ли мы хоть одного новаго защитника? Выходить-ли брошюра, выходить-ли книга, подписанная новымъ именемъ, — правительство не обращаетъ вниманія, игнорируетъ ихъ, какъ-бы ни были благоприятны эти произведенія для имперіи, какъ-бы ни былъ великъ замѣчаемый въ нихъ талантъ. Журналы правительства даже не заявляютъ о нихъ. Если авторъ этихъ произведеній принадлежитъ къ общественной администраціи, его заслуги въ этомъ родѣ не ведутъ ни къ чему. Если-же онъ принадлежитъ къ государственному совѣту, если онъ докладчикъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, то его произведеніе даже положительно вредитъ ему. Было-бы бесполезно называть здѣсь имена, указывать на факты.

„Авторъ этой замѣтки знаетъ одного писателя съ большимъ талантомъ, издавашаго безъ имени въ началѣ своей карьеры брошюру, конечно, болѣе замѣчательную, чѣмъ брошюра г. Сальванди, доставившая послѣднему мѣсто докладчика.

„Европейскія канцлерства взволновались и единодушно приписали ее г. Фикельмону, — этого довольно. Единственное канцлерство, гдѣ никто не встревожился, гдѣ, быть можетъ, даже не читали этой брошюры, — это было иностранное министерство Франціи. А между тѣмъ юный авторъ служилъ въ министерствѣ. Знаютъ-ли теперь, гдѣ онъ? На незначительномъ консульскомъ посту на Востокѣ, гдѣ онъ прозябаетъ уже двѣнадцать лѣтъ. Съ той поры онъ не написалъ ни строчки, да и зачѣмъ? Быть можетъ, у него погибъ и талантъ? Если теперь произнесутъ его имя въ бюро

прессы, въ иностранномъ министерствѣ, — никто, вѣроятно, и не подумаетъ, что это имя человѣка, который сдѣлался-бы, если-бы того захотѣли, первостепеннымъ писателемъ. Да не подумаютъ, что это единственный фактъ.

„Такое пренебреженіе къ литературнымъ заслугамъ особенно изумительно со стороны правительства, имѣющаго во главѣ великаго писателя.

„Пренебрегаютъ только перомъ; слову-же отдаютъ должный почетъ. Принесло-ли послѣднее обстоятельство вредъ? Но насколько сильнѣе было-бы слово, если-бы оно какъ слѣдуетъ поддерживалось прессою?

„Не мы одни указываемъ на этотъ странный пробѣлъ. Конечно, нѣтъ! Другіе указывали на него, но указывали именно тѣ, которые сдѣлались его жертвами и изъ правительственнаго лагеря бросились въ ряды оппозиціи.

„Такъ недавно въ „Revue contemporaine“ по поводу рѣчи г. Персины и отказа со стороны „общества писателей“ въ десяти тысячахъ франковъ, назначенныхъ ему, замѣчалось съ сожалѣніемъ „объ антипатіи къ правительству, которую сдумѣли создать въ обществѣ пишущихъ людей“. „Г. Персиня, писалось въ „Revue“, — очень ошибается, если онъ разсчитываетъ на юношество; люди постарались отдалить молодое поколѣніе отъ трона, какъ отдалили и предыдущее поколѣніе. Имперія не умѣла воспользоваться минутою, когда она могла привлечь къ себѣ всѣ умы, все молодое поколѣніе, которое чувствовало въ себѣ хоть какой-нибудь талантъ. Свободные отъ преданій стараго времени, незнакомаго имъ, они, для утвержденія своею умственною дѣятельностью власти, данной въ руки императора всеобщей подачею голосовъ, требовали только признанія ихъ интеллектуальныхъ правъ, то-есть немного свободы и искренняго уваженія къ ихъ независимости. Быть можетъ, нѣкоторое время такъ и думалъ принцъ, — по крайней мѣрѣ, онъ дѣйствительно заботился о будущемъ; но эти заботы не нашли поддержки въ остальномъ правительствѣ и не принесли плодовъ. Вокругъ государя нужны были люди, любящіе литературу, уважающіе умственную дѣятельность, старающіеся оказать ей честь, а не заботящіеся о томъ, чтобы унижить ее. Справедливое уваженіе къ этой властительницѣ умовъ сдѣлалось бы больше для славы и утвержденія имперіи, чѣмъ самыя бле-

стяжія побѣды. Можно-бы было не идти въ Пекинъ и въ Мексику, если-бы поняли и развили тѣ средства, которыя были подъ рукою въ лицѣ новаго поколѣнія, охваченнаго благородными идеями и горячаго законнымъ самолюбіемъ. Но что-же сдѣлали втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ люди, на которыхъ сложилъ государь часть своей власти? Сосчитайте, сколько враговъ имперіи создали они и сколько новобранцевъ доставили оппозиціи? Злоба однихъ, неловкость другихъ, недостатокъ такта, дурное обращеніе,—точно это былъ какой-то злостный заговоръ для того, чтобы изолировать государя среди самыхъ просвѣщенныхъ классовъ общества. Почти все молодое поколѣніе, которое жаждало хоть немного свѣта и которое устремилось къ этому свѣту, какъ только онъ явился, мало-по-малу отдѣлялось отъ него, разглядѣвъ поближе, что это не свѣтъ, а тьма. Оно упало духомъ, потеряло довѣріе.

„Да, оно упало духомъ! А всѣмъ знакомо глубокое изрѣченіе: „правительства должны менѣ бояться нападенія своихъ противниковъ, чѣмъ упадка духа своихъ друзей“.

„Почти въ то-же время другой изъ этихъ многочисленныхъ писателей, которыхъ допустили вернуться къ оппозиціи, завербовавъ ихъ сначала на нѣсколько лѣтъ въ свои ряды, г. Герве, сказалъ: „Есть, конечно, извѣстные роды службы, которые въ настоящее время щедро и легко вознаграждаются... Но менѣ всего вознаграждаются услуги, которыя мы называемъ интеллектуальными услугами. Люди-же, которымъ не оказываютъ ни милостей, ни почестей, ни похвалъ, это именно тѣ, которые посвящаютъ свои перья и свои умы на защиту того дѣла, которое очень сильно нуждается въ защитѣ именно этимъ оружіемъ!.. Что это? Неблагодарность со стороны правительства? Нѣтъ, это скромность. Оно не можетъ убѣдить себя въ томъ, что могутъ быть умные люди гдѣ-нибудь, кромѣ рядовъ оппозиціи, и потому-то, нуждаясь въ этихъ людяхъ, оно идетъ искать ихъ въ рядахъ оппозиціи“.

„Загѣмъ слѣдуютъ имена и доказательства, подтверждающія сказанное.

„Наконецъ, въ книгѣ, недавно напечатанной г. Лансономъ, говорится:

„Для дѣла политическаго воспитанія пресса могла-бы быть могучею помощницею; но при этомъ нужно-бы умѣть пользоваться ею и слѣдовало-бы относиться къ ней иначе, чѣмъ теперь.

„Правительству недостаточно слѣдить за писателями для воспрепятствованія послѣднимъ нападать на него; недостаточно имѣть съ писателями временныя сношенія, только для случайныхъ указаній на то или другое событіе; недостаточно находиться съ писателями безъ постоянныхъ сношеній, безъ связи, безъ общаго плана дѣйствій, опредѣленныхъ сообща... Гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, добрыя отношенія, союзъ съ талантливыми писателями... Нужно очень заблуждаться, чтобы придти къ мысли, что можно безъ опасности для себя выказывать презрѣніе къ журнальной дѣятельности и къ журналистамъ, что можно обойтись безъ нихъ или пренебрегать ими...“

„Эти жалобы, эти обвиненія не находятъ никакого отзыва въ правительствѣ. Съ каждымъ днемъ зло все болѣе и болѣе усиливается. Никогда еще журналы правительства не были такъ слабо редактируемы, на-столько лишены авторитета, на-столько-же мало читаемы. У насъ занимаютъ только парижскими журналами. Но что было-бы, если-бы занимались департаментскою прессою! Она вѣдь теперь нигдѣ не въ состояніи бороться.“

„Такимъ-то образомъ, безъ всякаго оружія идемъ мы на встрѣчу свободѣ прессы. Просто приходишь въ недоумѣніе отъ такого избытка довѣрчивости.“

„Но пора-бы, вѣжета, подумать и о вооруженіи. Эта мысль должна-бы быть нынче главною заботою имперіи.“

„Много почвы уступлено врагамъ и ея нельзя возвратить. Много силъ потрачено даромъ и ихъ трудно возстановить. Дѣло будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ оно могло-бы быть нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но положеніе не совсѣмъ отчаянно и еще, быть можетъ, удастся дать нѣсколько сраженій, переманить пасмѣшниковъ на сторону правительства и внести смятеніе въ ряды оппозиціи.“

„Но что-же нужно сдѣлать?“

„1) Прежде всего найти человѣка, который зналъ-бы и любилъ-бы прессу, и поставить его во главѣ прессы. Было-бы желательно, чтобы онъ прошелъ дорогу журнальной дѣятельности, чтобы онъ составилъ себѣ имя на этомъ поприщѣ, но чтобы оно было уже оставлено имъ втеченіи долгаго времени,—послѣднее обстоятельство необходимо для того, чтобы не было пристрастнаго кумовства. Такой человѣкъ можетъ найдтись, но выборъ долженъ быть сдѣланъ осмотрительно, серьезно. Выборъ человѣка—самое

важное въ подобномъ дѣлѣ, такъ-какъ при исполненіи такого рода обязанностей онъ можетъ достигнуть чего-нибудь только при помощи внимательности, ежеминутной преданности своему дѣлу, рвенія, постоянной горячности, самой мелочной справедливости и при томъ крайней деликатности. Здѣсь нужно дѣйствовать постепенно, радикальныя мѣры потерпятъ фіаско. (Что дѣлаетъ особенно труднымъ редакцію настоящей программы, такъ это то, что здѣсь можно высказать только общія идеи, т. е. именно тѣ, которыя будутъ примѣняться въ дѣлу рѣже всего.)

„Законъ, который представляется теперь на разсмотрѣніе законодательнаго корпуса, долженъ уничтожить административныя мѣры и существованіе дирекціи прессы не будетъ имѣть смысла, ее нужно будетъ уничтожить. Если это сдѣлается вдругъ, такъ-какъ палата потребуетъ этого въ видахъ уменьшенія бюджета, пусть будетъ такъ! Но патенты типографшиковъ будутъ, по всей вѣроятности, удержаны. Значитъ, можно будетъ, какъ прежде, сохранить дирекцію книгопечатанія и книжной торговли. Переимѣна названія не измѣнить дѣла. Напротивъ того, это дастъ возможность измѣнить традиціи и составъ разныхъ бюро прессы, гдѣ пятьдесятъ чиновниковъ, если не больше, исполняютъ мало полезныя обязанности. Десять чиновниковъ, умѣющихъ писать и хорошо вознаграждаемыхъ, будутъ стоять дешевле и принесутъ болѣе пользы.

„2) Потомъ нужно значительно увеличить бюджетъ прессы. Онъ доведенъ до ничтожества. Постоянно слышатся слова: „это было бы хорошо, но у насъ нѣтъ денегъ“. Для такого дѣла не должно быть недостатка въ деньгахъ. Въ виду того положенія, въ которомъ мы находимся, передъ лицомъ горячей и хорошо вооруженной оппозиціи, наканунѣ провозглашенія свободы прессы и общихъ выборовъ, бюджетъ прессы долженъ, по крайней мѣрѣ, равняться бюджетамъ 1852 и 1860 годовъ, когда не существовало оппозиціи. Это разумѣется само собою. (Но субсидіи не должны ни въ какомъ случаѣ раздаваться въ разъ опредѣленныхъ размѣрахъ; онѣ должны даваться, смотря по оказаннымъ услугамъ, по очень простой системѣ, обезпечивающей хорошее употребленіе суммъ. Объ этомъ мы поговоримъ въ отдѣльной замѣткѣ.)

„3) Нужно, чтобы члены правительства взяли на себя трудъ направлять ежедневно преданные журналы. На трибунѣ защищает-

ся-же правительство само. Не ввѣряется-же оно краснорѣчію депутатовъ. Почему-же оно ввѣряется знанію, ловкости, преданности журналистовъ? Нужно горячо желать, чтобы члены тайнаго совѣта (у нихъ, кажется, и нѣтъ другого дѣла), чтобы сами министры стояли за журналистами, руководили послѣдними, покровительствовали имъ, направляли ихъ. Будутъ-ли извѣстны эти отношенія? Если будутъ, тѣмъ лучше! Въ этомъ случаѣ правительственная пресса пріобрѣтетъ потерянный ею кредитъ. И что можетъ быть законнѣе подобнаго союза государственныхъ людей съ журналами? Нѣтъ никакихъ причинъ скрывать это.

„Было-бы хорошо, если-бы рядомъ съ этимъ вдохновеніемъ выше члены высшихъ государственныхъ учреждений, первостепенные сановники сами доставляли-бы въ правительственные органы произведенія своего пера. Было-бы еще лучше, если-бы кто-нибудь изъ нихъ поддерживалъ съ извѣстными журналами правильныя, постоянныя, признанныя сношенія и занималъ-бы въ этихъ органахъ такое-же положеніе, какое занимаетъ де-Лагероньеръ въ „France“. Такимъ образомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, имѣлъ смѣлость сдѣлаться журналистомъ уважаемый депутатъ, графъ дю-Гамель. Администрація не поощрила его попытки, и „l'Echo de la Presse“, имъ основанное, имѣло только эфемерное существованіе.

„Рядомъ съ этими политическими сотрудниками нужно, во что-бы-то ни стало, привлечь литературныхъ редакторовъ изъ первостепенныхъ писателей. Только благодаря своей редакціи „Journal des Débats“ завоевалъ и сохранилъ то исключительное положеніе, которое онъ занимаетъ въ прессѣ.

„Официознымъ журналамъ, устроеннымъ такимъ образомъ, нужно посовѣтовать, нужно даже приказать жить въ дружбѣ. Они должны оказывать другъ другу поддержку, должны заимствовать другъ у друга лучшія статьи, какъ это дѣлаютъ оппозиціонные журналы. Теперь-же они завидуютъ одинъ другому, вредятъ другъ другу, стараются вредить другъ другу и не цитируютъ лучшихъ статей. Послѣднее обстоятельство очень важно. Даже „Moniteur“ долженъ перепечатывать лучшія статьи. Откройте на удачу официальные журналы какого угодно изъ предшествовавшихъ имперіи періодовъ—въ каждомъ номерѣ вы найдете если не оригинальныя статьи, то, по крайней мѣрѣ, двѣ, иногда шесть или восемь выписокъ изъ парижскихъ или провинціальныхъ газетъ. Если-

бы въ то время былъ „Moniteur de soir“, съ его громаднымъ числомъ покупателей, изъ него умѣли-бы сдѣлать употребленіе! А какое употребленіе дѣлаютъ изъ него теперь? Когда онъ оказывалъ услуги?

„Нельзя-ли облегчить, вызвать созданіе новыхъ журналовъ спеціальныхъ, гдѣ политика (по крайней мѣрѣ, сначала) была-бы отведена на второй планъ. Эти журналы своею спеціальностью привлекли-бы читателей всѣхъ оттѣнковъ,—мы говоримъ о журналахъ экономическихъ, финансовыхъ, промышленныхъ, педагогическихъ и т. п.

„Желательно имѣть еще два журнала. Одинъ представлялъ-бы собою важнѣйшую фракцію страны и всего міра, глядящую съ сожалѣніемъ на императора, который идетъ все далѣе по пути либерализма,—онъ представлялъ-бы правую, крайнюю правую сторону. Власть нашла-бы здѣсь, какъ мнѣ кажется, дорогое во многихъ случаяхъ содѣйствіе; она почерпала-бы здѣсь множество полезныхъ аргументовъ для сопротивленія нетерпѣливымъ членамъ лѣвой стороны, и среди этихъ двухъ крайностей характеръ умѣреннаго правительства очертился-бы еще яснѣе. Другой журналъ нужно-бы посвятить религиознымъ интересамъ, но въ духѣ галликанизма, по крайней мѣрѣ въ духѣ антиультрамонтанства. Недостатокъ такого журнала очевиденъ. Его явленіе отниметъ большое число католическихъ читателей у „Monde“ и „Univers“, съ крайними доктринами которыхъ не согласуются скромныя чувства читателей. Галликанизмъ угасъ въ нашей странѣ гораздо менѣе, чѣмъ думаютъ, и французскій католицизмъ, руководимый и объясняемый такъ превосходно архіепископомъ парижскимъ, считаетъ за собою значительную партію, которая ждетъ только случая, чтобы сгруппироваться вмѣстѣ. Быть можетъ, архіепископъ согласится косвенно вдохновлять журналъ, который попробуетъ сдѣлаться связью для разъединенныхъ стремленій. Но и помимо архіепископа можно найти въ духовенствѣ личность, которая, вполне обезпечивая спокойствіе правительства, послужила-бы для католиковъ порукою за чистѣйшее православіе журнала.

„Реорганизовавъ парижскую прессу такимъ образомъ, поддѣрживъ ее новыми органами, министерство внутреннихъ дѣлъ должно смѣло вести ее въ бой, приучать ее смѣло нападать на враговъ, а не являться въ плачевномъ видѣ на скамьѣ подсудимыхъ. Во

Франціи любятъ отвагу, смѣлость. Кто выказываетъ смѣлость, за того почти всегда стоитъ общество; кто ставитъ вопросы, кто начинаетъ полемику, тотъ можетъ быть увѣренъ, что онъ выиграетъ дѣло. Одинъ журналъ, говоря о слабости правительственной прессы, замѣтилъ недавно: „Если атака оживленна и продолжительна, то защита слаба... Этой безпокойной, дѣятельной, подвижной оппозиціи, завладѣвшей положеніемъ по оплошности враговъ, не должно давать ни мира, ни отдыха. Нужно постоянно указывать, преслѣдовать, бичевать ея непослѣдовательности, ея хитрости, ея насилія, ея фарисейство, когда она играетъ роль жертвы.. Но тѣ люди, которымъ досталась роль защитниковъ, приводить въ отчаянье истинныхъ друзей страны; они принимаютъ медленность за серьезность; они сами любятъ своимъ писаньемъ и сами услаждаются своими рѣчами: у нихъ не достаетъ изобрѣтательности, нѣтъ извѣстной жилки, нѣтъ силы, нѣтъ инициативы и, лишенные тяжелаго оружія, они никогда не бьютъ туда, куда слѣдуетъ“...

„Сдѣлавъ все это, не слѣдуетъ-ли заняться провинціей? Въ то время, когда совѣты высокопоставленныхъ государственныхъ людей дадутъ разнообразное и разумное направленіе парижскимъ журналамъ, еженедѣльные инструкціи, отдѣленія разныхъ бюро министерства внутреннихъ дѣлъ могутъ дать возможность префектамъ вліять подобнымъ-же образомъ на провинціальные газеты.

„Департаментская пресса очень сильно нуждается въ помощи. Она предоставлена самой себѣ, она едва можетъ существовать. Но что-же будетъ, когда осуществится декретъ 19 января и когда со всѣхъ сторонъ явится конкуренція? Но поддерживать департаментскую прессу нужно не для одной конкуренціи съ враждебными журналами, которые явятся: ею можетъ воспользоваться самъ Парижъ.

„Если выбрать безъ манифестацій, безъ шума пять или шесть провинціальныхъ журналовъ изъ самыхъ вліятельныхъ и распространенныхъ, если обезпечить имъ сотрудничество талантливыхъ людей, если, кромѣ того, посылать имъ отъ министерства статьи и корреспонденціи, — если, однимъ словомъ, сдѣлать изъ нихъ отдѣленіе „Constitutionnel'а“ и „Pays“, то можно извлечь изъ нихъ выгоду, которой не могутъ оказать ни „Constitutionnel“, ни „Pays“. Нужно замѣтить, что парижскіе офиціозные журналы — попорчен-

ные инструменты. У нихъ нѣтъ болѣе кредита. Употребляя ихъ на дѣло безъ осторожности, безъ осмотрительности, ихъ убили. Убили, впрочемъ, не совсѣмъ,—ихъ еще можно оживить. Но для этого нужно много заботъ, много времени. Constitutionnel'и провинціи были-бы новинкою. Ихъ статьи, воспроизведенныя въ парижскихъ журналахъ, имѣли-бы всегда характеръ добровольно написанныхъ статей,—характеръ, которымъ не могутъ отличаться статьи названныхъ парижскихъ журналовъ. Кромѣ того, въ провинціяхъ, гдѣ эти журналы появились-бы, они представили-бы соединяющій центръ для консерваторовъ. Наконецъ, они были-бы для правительства тѣмъ-же, чѣмъ являются для легитимистовъ „Cazette du Midi“ и „l'Union de l'Ouest“, для республиканцевъ „Phare de la Loire“ или „Gironde“, для орлеанистовъ „l'Impatrial Dauphinois“ или „Sémaphore“.

„Правительство имѣло-бы еще одно средство для защиты, которымъ оно пользуется и теперь,— пользуется даже черезчуръ, но съ сомнительною пользою,— средство, совершенно испорченное злоупотребленіями. Мы говоримъ о („les communiqués“) „сообщеніяхъ“.

„Для чего утомлять читателей, раздражать журналы, навязывая имъ ежедневно помѣщеніе одного или двухъ столбцовъ, предназначенныхъ возстановить честность какого-нибудь полицейскаго солдата или фонарщика, несправедливо заподозрѣнныхъ въ не исправности? Для такихъ-ли мелкихъ фактовъ предназначено такое могущественное орудіе? Не слѣдуетъ-ли его сохранить для болѣе важныхъ вопросовъ, для вопросовъ политическихъ? Въ этомъ заключается ихъ роль, здѣсь они имѣютъ важное и истинное значеніе. Вспомните г. Піетри, который при помощи одного этого оружія (ловко пущеннаго въ ходъ) разрушилъ въ 1863 году кандидатуру г. Лавертюжона въ собственной газетѣ послѣдняго. Что-же касается до преслѣдованія, то какимъ принципамъ должно здѣсь слѣдовать?

„Существенно важно, чтобы лица, указывающія на журналы, подлежащія преслѣдованію, дѣйствовали послѣдовательно, систематично. Нужно избѣгать дѣйствій наобумъ, непослѣдовательностей, неровностей, преслѣдованій за бездѣлицы послѣ пропущенныхъ безнаказанно большихъ ошибокъ; нужно въ этомъ трудномъ дѣлѣ

поставить извѣстную границу, извѣстную мѣру, которой столько разъ уже требовали всѣ.

„Но можно сказать впередъ, что не строгими подавленіями можетъ правительство добиться побѣды надъ враждебною прессою. Систематическая терпимость, громко объявленная, часто доказываемая правительственными органами, установитъ гораздо лучшую систему, чѣмъ преслѣдованіе. Правительственные органы даже должны воспроизводить у себя самыя грубыя клеветы оппозиционныхъ газетъ. Въ этомъ очевидный интересъ правительства.

„Во всякомъ случаѣ, есть извѣстная часть прессы, противъ которой нужно быть гораздо строже: это литературная пресса, живущая личностями, нескромностями, скандалами. Призвать такую литературу къ умѣренности—это значитъ привлечь симпатію частныхъ людей, возмущающихся этой гнусной разнузданностью. Это будетъ значитъ: послужить вдвойнѣ и интересамъ правительства, такъ-какъ эта литература, пробавлявшаяся до сихъ поръ вредными пустяками, начинаетъ примѣшивать къ нимъ и политическія претензіи. Она громко говоритъ о своемъ либерализмѣ и хочетъ доказать его на дѣлѣ. Не имѣя возможности прямо заняться политикою, она прибѣгаетъ къ намекамъ, къ двусмысленнымъ словамъ, къ умолчаніямъ и т. п. Она нападаетъ на всѣхъ преданныхъ императору особъ. Въ странѣ, какъ наша, такая война опасна. Шутки мелкихъ журналовъ, — этого не должно забывать, — содѣйствовали болѣе всякихъ насилій паденію трона Луи-Филиппа.

„Таковы главные пункты, заслуживающіе, по моему мнѣнію, вниманія. На каждомъ изъ нихъ можно-бы долго остановиться и указать на частности необходимой реформы. Приближеніе законодательныхъ выборовъ даетъ этому вопросу животрепещущій интересъ. 1869 годъ—это Рубиконъ, черезъ который нужно, во что-бы то ни стало, перейти. Оппозиція готовится самая горячая. Защита дремлетъ—ее надо пробудить. Нужно только захотѣть этого. Есть еще много неизвѣстныхъ талантовъ, много невѣдомыхъ преданныхъ сердецъ. Они прибѣгутъ и бросятся въ битву, какъ только имъ дадутъ почувствовать, что ихъ заслуги признаются. Лучшее средство вербовки состоитъ въ выслѣживаніи при выпускѣ изъ нормальной школы способныхъ къ писательству людей и въ открытіи этимъ людямъ доступа въ правитель-

ственные журналы, гдѣ, для начала, эти люди могутъ заниматься литературными вопросами, если ихъ испугаетъ политическое сотрудничество. Въ этомъ возрастѣ никто не откажетъ въ содѣйствіи. Они будутъ приглашены. А у сколькихъ писателей направленіе опредѣлилось, по ихъ собственному признанію, только направленіемъ того журнала, гдѣ имъ удалось помѣстить первыя свои статьи! Чтобы дать мѣсто этимъ новобранцамъ, нужно отставить большую часть чиновниковъ, чьихъ таланты и имена поистерлись.“

VII.

Этотъ официальный документъ тоже единственный въ своемъ родѣ и могъ создаться только во Франціи. Несмотря на свой макіавелизмъ, онъ высказывалъ много горькой правды и, къ несчастію Наполеона III, высказывалъ слишкомъ поздно.

Пресса во Франціи, какъ мы уже говорили, съ давнихъ поръ сдѣлалась силою. Побѣдить эту силу съ помощью какихъ-нибудь мелкихъ отдѣльныхъ мѣръ не было никакой возможности, какъ не было возможности уничтожить на фабрикахъ машины или остановить изобрѣтательность въ машинномъ производствѣ. Поэтому всякія стремленія второстепенныхъ дѣятелей второй имперіи остановить развитіе прессы, составляя разные ничтожные декреты за булицами, были такъ-же нелѣпы, какъ стремленія изломать машины со стороны тѣхъ первыхъ труженниковъ, на которыхъ отозвались невыгоды машиннаго производства. Такъ-же нелѣпо было думать, что можно было насильно заставить людей проповѣдывать другія убѣжденія, чѣмъ тѣ убѣжденія, которыя проповѣдывались этими людьми втеченіи десятковъ лѣтъ. Насильно можно было только заставить этихъ людей умолкнуть на извѣстное время, т.-е. заставить ихъ озлобляться еще болѣе и тайно готовить разные заговоры и перевороты, отъ которыхъ такъ давно уже страдаетъ Франція. И эти люди дѣлались тѣмъ опаснѣе, чѣмъ талантливѣе, чѣмъ развитѣе, чѣмъ вліятельнѣе были они. Какой-нибудь Анри Ронфоръ со своимъ „Фонаремъ“ былъ не менѣе страшенъ для наполеоновскаго правительства, чѣмъ Бисмаркъ съ прусскими игольчатными ружьями. Борются съ людьми, подоб-

ными Рошфору, при помощи мелкихъ агентовъ было невозможно, потому что эти агенты были бездарны, неискренни, неумѣлы, какъ всѣ люди, дѣйствующіе безсознательно, канцелярски, только ради куска, и то скуднаго куска насущнаго хлѣба. Эти агенты во всякое время могли за большую плату обратить оружіе противъ самой имперіи.

Наполеоновскому правительству оставалось одно средство, средство старое, которымъ пользовались республиканскія правительства и правительства реставраціи и іюльской монархіи: оно должно было заискиваньями, хитростями, ловкими интригами мало-помалу привлечь на свою сторону большую часть наличныхъ дѣйствительныхъ силъ прессы.

Но именно этого-то оно и не могло сдѣлать.

Оно вышло на сцену чисто-случайно, при помощи закулисныхъ интригъ и неспособности временнаго правительства, дѣлавшаго ошибку за ошибку. За бонапартизмъ не стояли лучшіе люди того времени, онъ былъ слишкомъ далекъ, чтобы будить сладкія воспоминанія въ комъ-бы то ни было, а самъ принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ казался всѣмъ личностью антипатичною, темною, неразгаданною, и не имѣлъ сторонниковъ, за исключеніемъ авантюристовъ и той подвижной и увлекающейся массы легкомысленныхъ французовъ, — массы, которая всегда рукоплещетъ успѣху и склоняется предъ побѣдителемъ. Переворотъ сдѣлался такъ быстро, что принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ еще не успѣлъ навербовать сторонниковъ въ первыхъ рядахъ прессы; когда же переворотъ совершился, то Наполеонъ III увидѣлъ въ лицѣ представителей прессы своихъ враговъ, т.-е. приверженцевъ легитимизма, орлеанизма и республиканизма, и началъ враждебно относиться къ нимъ. У него или, вѣрнѣе сказать, у его сподвижниковъ не доставало той смѣливости, того такта, при которыхъ можно-бы было мягкою рукою приласкать своихъ противниковъ, наобѣщать имъ золотныя горы, дать имъ видныя мѣста въ правительственныхъ сферахъ и превратить ихъ изъ противниковъ въ покорныхъ слугъ. Онъ слишкомъ увлекся тою мыслью, что это его враги, что они писали противъ него, что они проповѣдывали любовь къ ненавистной ему династіи, и круто сталъ придерживать политику своего дяди, т.-е. уничтожать „идеалоговъ“. Къ

несчастію, въ добавокъ ко всему, первые исполнители его воли не умѣли взяться за дѣло.

Эта неумѣлость ярко бьетъ въ глаза въ докладѣ директора книгопечатанія и книжной торговли, который прежде всего заботился о томъ, чтобы выставить свои заслуги. Отъ этого доклада, какъ мы сказали, такъ и вѣсть просьбою о прибавкѣ жалованья, но онъ даже и не намекаетъ на ловкость и сообразительность написавшаго его господина; еще менѣе проглядываетъ въ немъ искренность преданнаго своему государю слуги. Но этотъ докладъ ввелъ въ заблужденіе императора. Императоръ повѣрилъ, что все обстоитъ благополучно, что опасности нѣтъ.

Заставивъ замолчать лучшихъ представителей прессы, удаливъ ихъ, французскіе администраторы думали, что они очистили поле отъ враговъ.

Но расчетъ былъ не вѣренъ: враги умоляли, но не умоляли вражда.

Пресса была безцвѣтна, но она не служила интересамъ новаго правительства. Нанятые агенты слѣдили за писателями—противниками бонапартизма, но они не могли побѣдить этихъ писателей, имѣвшихъ на своей сторонѣ силу талантовъ, познаній, опытности и извѣстности. При первой возможности неравенство силъ обѣихъ сторонъ выказывалось вполне: какъ только общество поняло, что такое вторая имперія, какъ только оно увидало, что Наполеонъ III не сдержалъ своихъ пышныхъ обѣщаній и доставилъ странѣ не болѣе благоденствія, чѣмъ республика 1848 года или июльская монархія, началась сильная парламентская, а вѣсть съ нею и журнальная борьба. Никакія строгости не могли прекратить эту борьбу. Наполеоновскому правительству приходилось противопоставить враждебной силѣ другую, равную съ нею, силу талантливыхъ и знающихъ писателей, но ихъ-то и не оказывалось подъ рукою среди дѣтей благородныхъ, но бѣдныхъ родителей. Агенты, созданные директоромъ книгопечатанія, оказались тѣмъ, чѣмъ они были прежде,—бездарными, неумѣлыми, неразвитыми голяками, продавшими себя директору книгопечатанія, потому что иначе они погибли-бы безъ куска хлѣба.

Второй документъ, приведенный нами выше, былъ представленъ Наполеону III слишкомъ поздно, когда дѣло уже нельзя было поправить. Пресса все болѣе и болѣе считала въ своихъ рядахъ

оппозиціонныхъ дѣятелей и соглашеніе съ ними дѣлалось все труднѣе и труднѣе. Правда, наполеоновское правительство сдѣлало нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ, но потерпѣло фіаско.

Оставалось идти старымъ путемъ и ждать конца... Это была та лихорадочная пора наполеоновской дѣятельности, когда приходилось бороться и съ „Фонаремъ“ Рошфора, и рисковать въ прусской войнѣ для поднятія своей потускнѣвшей популярности.

Чѣмъ окончилось это тревожное время — это извѣстно всѣмъ. Мы можемъ только замѣтить здѣсь, что при паденіи второй имперіи вся пресса, какъ одинъ человѣкъ, обрадовалась этому паденію и холодно перешла къ толкамъ о текущихъ, болѣе важныхъ дѣлахъ, такъ-какъ въ общественномъ мнѣніи слава и обаяніе Наполеона III пали уже давно. Воспользуется-ли урокомъ отца его сынъ—это покажетъ время.

А. Михайлова.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

(Изъ Ф. Коппе.)

Быть или не быть—не самъ рѣшаетъ человекъ...
Въ нашъ скучный и пустой, и буржуазный вѣкъ
Живу я, какъ дитя, попавшее къ цыганамъ,
Которое на птицъ ходило съ сабарканомъ
И жило съ дѣтскихъ лѣтъ жонглеромъ и пѣвцомъ.
Оно вкушало хлѣбъ, добытый воровствомъ,
И проводило жизнь въ дубравахъ, какъ волченокъ.
Но вотъ роднымъ отцомъ отысканъ былъ ребенокъ.
Отецъ—сѣдой магнатъ въ кольчугѣ вѣковой,
Въ беретѣ съ перьями—уводить въ замокъ свой
Ребенка милаго, отъ радости рыдая.
Дарится мальчику одежда дорогая;
Онъ спитъ здѣсь на пуху, на золотѣ онъ ѣсть,
И карликъ въ рогъ трубитъ, когда свершаетъ вѣздъ
На кровномъ жеребцѣ въ отцовскія владѣнья
Онъ вмѣстѣ съ конюхомъ, израненнымъ въ сраженьи;
Все выносящій клеркъ твердитъ уроки съ нимъ;
Порою съ нѣжностью надъ сыномъ дорогимъ
Изъ кресель родовыхъ, украшенныхъ гербами,
Склоняется отецъ съ улыбкой и съ слезами,
А дамы мальчику бросаютъ нѣжный взглядъ
И драгоценности съ себя ему дарятъ,
Пѣлуя смуглый лобъ безъ всякихъ опасеній,
Что онъ ужъ чувствуетъ сквозь платья ихъ колѣни,
Что маленькій цыганъ, исколесившій свѣтъ,
Былъ взрослымъ ранѣе пятнадцати лѣтъ.

Но ни нарядовъ блескъ, ни вазы надъ столами
Съ сладкими нѣжными и свѣжими плодами,
Ни мѣдъ старинная на бѣломъ скакунѣ,
Ни конюхъ-ветеранъ съ разговоромъ о войнѣ,
Ни клерка льстивое и вкрадчивое слово,
Ни мягкій пуховикъ глубокаго алькова,
Ни ласки женскія, волнующія кровь,
Ни безграничная отцовская любовь
Не радуютъ его и ищеть онъ бесплодно
Въ душѣ забвенія для нищеты свободной:
Онъ любить до сихъ поръ незрѣлые плоды,
Которые онъ кралъ съ коня во дни нужды,
Въ оврагѣ сладкій сонъ и рѣчку, гдѣ съ дороги
Онъ освѣжалъ въ водѣ свои босые ноги,
На вольномъ воздухѣ, подъ небомъ голубымъ...
Порою, грезами наивными томимъ,
Выходитъ онъ на валъ тюрьмы своей почетной
И, вспомянувъ о своей гитарѣ беззаботной,
Бросаетъ грустный взоръ на синій неба сводъ
И пѣснь восточную въ полголоса поетъ.

М. Н.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БЕЗСИЛІЕ ТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

(Собрание сочиненій А. П. Островскаго. Спб., 1874. 8 томовъ.)

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.)

I.

Ровно пятнадцать лѣтъ назадъ было высказано объ Островскомъ послѣднее слово критики и затѣмъ о немъ не говорилось ни слова. Добролюбовъ „Темнымъ царствомъ“ создалъ Островскому ореолъ, подвелъ итогъ всему тому, что говорилось раньше о немъ, но сообщилъ итогу свой собственный цвѣтъ.

И, дѣйствительно, все, что говорилось объ Островскомъ раньше, отзывалось какой-то паткостью и неопредѣленностью; критика шла ощупью, не умѣя найти мѣсто въ природѣ ни себѣ, ни Островскому. Партія народниковъ и славянофиловъ приходила въ шумный восторгъ и неописанное ликованіе; она провозгласила Островскаго творцомъ „новаго слова“, закидала грязью гнилой Западъ, а Любима Торцова возвела въ самоцвѣтный бриліантъ русскаго героя.

Съ растрепанною бородой,
Несчастный, пьяный, исхудалый,
Но съ русской чистою душой,—

Любимъ Торцовъ представлялся народникамъ источникомъ русскаго правды и истины, натуральной, чистой, неподкрашенной. Въ Торцовѣ открыли такую душевную мощь, точно въ немъ сидитъ вся Россія съ ея прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ; въ Любимѣ Торцовѣ видѣли тотъ производительный черноземъ, который

„Дѣло“, № 2.

долженъ осуществить всѣ идеалы Россіи, всѣ ея благородные стремленія, порывы, надежды и упованія. Соединивъ, такимъ образомъ, въ Торцовѣ всю высшую правду, критика бросила вызовъ всему нерусскому:

Пусть будетъ фальшь жила Европѣ старой
Или Америкѣ беззубо-молодой,
Собачьей старостью больной...
Но наша Русь крѣпка, въ ней много силы, жара;
И правду любить Русь, и правду понимать
Дана ей Господомъ святая благодать;
И въ ней одной теперь пріютъ находить
Все то, что человѣка благородитъ!..

Противники недоумѣвали, какимъ образомъ пьяная фигура Торцова могла вырасти до того идеала, что ею хотятъ гордиться, какъ самымъ чистымъ воспроизведеніемъ народности [въ поэзи, что Торцовымъ мѣряютъ успѣхи литературы и навязываютъ его всѣмъ въ любовь подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ-де намъ „свой“, что онъ у насъ „ко двору“. „За что мы будемъ срамить себя, называя Торцова „своимъ“ и возводя его въ наши поэтическіе идеалы?“ Тогда восторженные хвалители отвѣчали, что Островскій необыкновенно самобытный талантъ, что если исключить нѣкоторые очерки Вельтмана и Луганскаго, то онъ первый воспроизвелъ полную картину изображаемаго имъ быта, что у него въ воспроизводимымъ имъ лицамъ совершенно новое отношеніе, что у него новая манера, новый языкъ—и только. Противники, не желая оставаться въ долгу, стали обвинять Островскаго въ недодуманности и фальши, въ идеализаціи купеческаго быта, въ приторномъ подрашиваніи пошлой и безцвѣтной дѣйствительности, въ излишнемъ, дагеротипическомъ изображеніи житейской грязи. Защитники опять возражали, что Островскій замѣчательный талантъ, что онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ изображаетъ русскій бытъ, что онъ, въ пику тлетворному Западу, далъ картины благодушной русской старины и что единственный недостатокъ, который можно найти въ немъ,—недостатокъ рѣшительности и смѣлости въ исполненіи задуманнаго, чему мѣшаетъ вліяніе *натуральнаго* направленія; отъ этого нерѣдко Островскій затѣветъ что-нибудь возвышенное или широкое, а кончить чѣмъ-нибудь узкимъ и ограниченнымъ, потому что тѣсныя мѣрки натуральной школы подрѣзываютъ его мысль; ему бы слѣдовало дать волю счастливому внушенію, а онъ какъ-будто

пугается высоты полета—и образъ выходитъ какой-то недодѣланный. Такимъ образомъ, критики западнаго и восточнаго направленій качали Островскаго между собою, какъ маятникъ, а въ то-же время публика толпами ломилась въ театръ на его пьесы, восхищалась ими; но какую философскую и социальную идею она изъ нихъ извлекала—о томъ публика нигдѣ не заявила.

Въ этотъ-то моментъ и выступилъ съ своей оцѣнкой Добролюбовъ. Сводя къ единству всѣ высказанныя объ Островскомъ критическія мнѣнія, Добролюбовъ указываетъ на то, въ чемъ всѣ сошлись, и на то, чего никто изъ критиковъ не понялъ. Общее, всѣми признанное, заключается въ томъ, что у Островскаго есть даръ наблюдательности, что онъ умѣетъ представить вѣрную картину быта, который онъ рисуетъ, что языкъ его комедій отличается мѣткостью и вѣрностью народнаго языка, что характеры его пьесъ совершенно обыденны и не возвышаются ничѣмъ надъ пошлою средою, въ которой они дѣйствуютъ; несмотря, однако, на свою будничность, герои Островскаго отличаются яркими типическими чертами; что у него недостаетъ экономіи въ планѣ и постройкѣ пьесы и интрига драмы не всегда сливается органически съ идеей ея; что развязка комедій Островскаго слишкомъ крута и случайна—„какъ-будто смерчъ какой пронесется по комнатамъ и разомъ перевертываетъ всѣ головы дѣйствующихъ лицъ“. Но за то критики проглядели отношеніе комедій Островскаго къ самой жизни, ихъ руководящее, жизненное значеніе, ихъ, такъ-сказать, отрицающую силу,—и вотъ это-то просмотрѣнное взялся показать Добролюбовъ.

Критика Добролюбова совершенно отвѣчаетъ тому моменту русскаго сознанія, которому онъ служилъ. Придавая комедіямъ Островскаго жизненное значеніе, онъ смотритъ на нихъ какъ на художественное воспроизведеніе дѣйствительности и правды. Но что такое правда и развѣ возможна художественная неправда? Различіе правды и неправды заключается не въ томъ, что въ одномъ случаѣ дается дѣйствительная жизнь, а въ другомъ жизнь небывалая: различіе въ томъ, на-сколько факты жизни, воспроизводимые въ художественномъ произведеніи, первѣе по своей важности и на-сколько они даютъ возможность болѣе безошибочнаго вывода. Въ этомъ случаѣ главную роль играетъ, конечно, тотъ общій строй души автора, который обыкновенно называется міросозерцаніемъ. Художникъ можетъ и не обладать сознательнымъ, систематическимъ

философскимъ развитіемъ, онъ можетъ не быть мыслителемъ и не знать средствъ противъ тѣхъ или другихъ частныхъ и общественныхъ недуговъ; но сила и значеніе и его жизненная правдивость будутъ зависѣть отъ того, на-сколько онъ воспринимаетъ глубоко, сильно и всесторонне явленія окружающей его жизни и на-сколько онъ умѣетъ различить частное, мелкое и случайное отъ частнаго, идущаго въ широкое обобщеніе. Эта способность, кромѣ внутреннихъ, природенныхъ средствъ авторской души, зависитъ еще отъ того, на-сколько художникъ воспиталъ свое чувство на ощущеніяхъ высшаго нравственнаго порядка. Воспитаніе-же это дается исключительно чтеніемъ великихъ писателей и большимъ или меньшимъ общеніемъ съ міровою жизнью. Писатель, невоспитанный въ чувствахъ и идеяхъ высшаго порядка, никогда не сумѣетъ отличить важное отъ неважнаго, первое отъ второго, общее отъ частнаго, случайное отъ постояннаго; онъ даже можетъ смѣшать слѣдствія съ причинами и, отъ узкости и низменности своего общаго душевнаго строя, восприметъ, пожалуй, такіа частныя, ничтожныя явленія, которыя приведутъ читателя не только къ ошибочному, но даже, можетъ быть, къ положительно вредному выводу. Такъ-какъ художникъ не мыслитель и живетъ по-преимуществу въ мірѣ чувствъ и образовъ, такъ-какъ воспитаніе полнаго, гармоническаго строя души составляетъ во многихъ случаяхъ рѣдкую случайность, такъ-какъ обыденныя идеи и понятія и вся окружающая среда имѣютъ на насъ все-таки сильное вліяніе,—то понятно, почему рѣдкі писатели съ общечеловѣческимъ, широкимъ міровоззрѣніемъ. При подобной скудости весьма понятно, почему критика, хватаящаяся за всякій случай и за всякое небольшое исключеніе, пользуется имъ для того, чтобы выставить свои болѣе широкія требованія и идеалы, и почему она, увлеченная своимъ собственнымъ, болѣе широкимъ міросозерцаніемъ, дѣлаетъ иногда такіа обобщенія, которымъ авторское творчество писателя, можетъ быть, и не даетъ твердаго основанія.

Подобнымъ образомъ поступилъ и Добролюбовъ въ отношенія къ Островскому. Выискавъ общечеловѣческіе моменты въ драматическихъ положеніяхъ героевъ и героинь Островскаго, Добролюбовъ обобщилъ ихъ въ болѣе широкой картинѣ „темнаго царства“. Но въѣдъ это „темное царство“ принадлежитъ не Островскому, а Добролюбову. Онъ потратилъ на него много благороднаго пыла и

негодованія, высказалъ цѣлую массу свѣтлыхъ, гуманныхъ мыслей, къ которымъ только въ видѣ иллюстраціи и только для того, чтобы исходить изъ факта, подстегнулъ героевъ и героинь Островскаго, пользуясь ими не какъ матеріаломъ, а скорѣе какъ поводомъ, чтобы высказать то, что у него наболѣло и что ему хотѣлось высказать. Собственно Островскій остался тутъ не причежь; всѣ общія разсужденія Добролюбова указываютъ скорѣе на противрѣчія между тою мысленною ширью, въ которую уходило добролюбовское обобщеніе, съ тѣснотой односторонняго міра, изображаемаго Островскимъ. Добролюбовъ, взобравшись на гору, тащилъ къ себѣ Островскаго, и многимъ показалось, что самъ Островскій стоитъ на добролюбовской высотѣ. Тутъ читатель смѣшалъ обобщающую критику съ болѣе тѣснымъ замысломъ и содержаніемъ художника, и, приписавъ ему, можетъ быть, и свои собственные отвѣты на вопросы, почувствовалъ душу Островскаго гораздо шире и общѣе, чѣмъ какой она выражается въ его произведеніяхъ. У каждаго читателя есть свои вопросы времени и свои мучительныя душевныя состоянія, на которыя онъ повсюду ищетъ отвѣтовъ. Хотя Островскій не разрѣшаетъ нигдѣ и ни разу ни одного вопроса, но отражая собою семейный бытъ, его темныя стороны, рисуя вѣчно страдающихъ, слабыхъ, угнетенныхъ и противопоставляя страданію безтолковое, давящее самодурство, онъ даже и при специально-бытовомъ изображеніи семьи не лишаетъ ее того общаго момента, въ которомъ каждый зритель или выищетъ что-нибудь общее съ собой, или увидитъ и прочувствуетъ чужое горе. Не въ искусномъ изображеніи купеческаго быта секретъ интереса комедій Островскаго, а только въ томъ, что онъ выставилъ на сцену безобразіе домостроеновской заскорузлой семьи, никѣмъ до сихъ поръ еще невыставленной такъ рельефно и типично. Но въ этой-же типичности причина и того, что Островскій, наконецъ, теряетъ свое обаяніе и что за царившимъ нѣкогда энтузіазмомъ наступаетъ не только замѣтное охлажденіе, но подчасъ слышится, что Островскій надоѣлъ, что онъ однообразенъ, что вѣчно одна и та-же нота, на одномъ и томъ-же инструментѣ, ужъ слишкомъ утомляетъ. Потребность перемены почувствовалась и время Островскаго кончилось.

II.

Добролюбовъ замѣчаетъ, что совершенно несправедливо требовать отъ Островскаго такого изображенія характеровъ, какъ у Шекспира; нельзя требовать отъ него, чтобы онъ былъ комкомъ страстей, чтобы онъ давалъ мольеровскихъ Тартюфовъ и Гарпагоновъ, чтобы онъ уподобился Аристофану и придалъ комедіи политическое значеніе, чтобы онъ развивалъ комическое дѣйствіе, какъ Гоголь. Конечно, говоритъ онъ,—мы не отвергаемъ того, что было бы лучше, если-бы Островскій соединилъ въ себѣ Аристофана, Мольера и Шекспира, „но мы знаемъ, что этого нѣтъ, что это невозможно, и все-таки признаемъ Островскаго замѣчательнымъ писателемъ въ нашей литературѣ, находя, что онъ и самъ по себѣ, какъ есть, очень не дуренъ и заслуживаетъ нашего вниманія и изученія...“ Мы тоже не отрицаемъ таланта г. Островскаго и не видимъ никакого права требовать отъ него того, чего онъ не даетъ. Но если Добролюбовъ считаетъ совершенно законнымъ и логическимъ становиться на общую точку по поводу типовъ Островскаго, то и мы не лишаемъ себя права и считаемъ также законнымъ встать на общую точку по поводу самого г. Островскаго.

Въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ вы, вѣроятно, читали комедію Лесажа „Тюркаре“. Комедія эта написана въ 1708 году, а между тѣмъ и въ нынѣшнемъ, мирно текущемъ 1875 году вы ее прочитаете съ живымъ удовольствіемъ, прочитали-бы ее съ такимъ-же удовольствіемъ двадцать лѣтъ тому назадъ и, можетъ быть, прочитаете черезъ двадцать лѣтъ впередъ. Конечно, Шекспиръ, а пожалуй и классическіе драматурги еще живучѣе, но и двѣсти лѣтъ существованія въ области мысли, среди постоянно мѣняющихся поколѣній, тоже срокъ весьма солидный. Почему-же Лесажъ, Мольеръ, Шекспиръ создали себѣ право на такое продолжительное существованіе? Въ этомъ и вопросъ,—вопросъ, почему русская художественная мысль никогда не имѣла продолжительнаго литературнаго вліянія? Кто наши вѣчные авторы?

Добролюбовъ говоритъ о мелкости руководящихъ идей того міра, который рисуетъ Островскій. И въ самомъ дѣлѣ, мышленіе героевъ и героинь Островскаго вращается въ такой узенькой сферѣ, вся мораль Самсоновъ Силычей и Китъ Китычей основана на такихъ

микроскопическихъ правилахъ, что даже изумляешься, откуда можетъ явиться интересъ драматическихъ положеній. “Возьмемъ хоть Большова. Развѣ, задумавъ свое злостное банкротство, онъ обнаруживаетъ какую-нибудь ширь замысла, грандіозность цѣли, грандіозную страсть, злодѣяніе, развѣ въ его душѣ происходитъ какая-нибудь борьба? Ничего этого нѣтъ. Большовъ ни о чемъ не думаетъ. Онъ, точно машина, дѣйствуетъ какъ-бы по инерціи, по призражъ, которые видывалъ, и ему совершенно непонятна и неизвѣстна внутренняя сторона его поведенія, связь его поступковъ съ судьбою другихъ людей. Большовъ рѣшительно не знаетъ своего мѣста въ природѣ и отношенія этого мѣста къ общему пространству, онъ не знаетъ, что дурно, что хорошо, что мерзко и что не мерзко; онъ знаетъ только одно, что въ мірѣ существуютъ извѣстные факты, представляющіе извѣстную лично-матеріальную выгоду, что зажививаніемъ чужихъ денегъ можно разбогатѣть и жить себѣ припѣваючи, что отъ честности нѣтъ никакой пользы, что, наконецъ, рѣшительно все равно, поступить-ли онъ такъ или иначе, и что если не надуетъ онъ, то надуетъ кто-нибудь другой. Положимъ, рассуждаетъ Большовъ, мы не нѣмцы, обирающіе баръ въ магазинахъ, а христіане православные, да тоже пироги-то съ начинкой ѣдимъ. И вотъ, чтобы добыть себѣ эту начинку, Большовъ съ спокойной совѣстью залѣзаетъ въ чужіе пироги и, придерживаясь правила: „не я, такъ другой“, высказываетъ свой руководящій принципъ: „все единственно, вѣдь портной украдетъ-же“. Подхалюзинъ ползаетъ еще ниже; въ немъ еще меньше нравственнаго и головного содержанія; онъ совершаетъ самыя возмутительныя мерзости съ видомъ такого благодушнаго смиренномудрія и съ такой фаталистической покорностью, точно идетъ въ жизни путемъ высшаго предназначенія. Когда, на предостереженіе Подхалюзина, что отъ банкротства можетъ случиться грѣхъ, Большовъ спокойно отвѣчаетъ: „Что-жь дѣлать-то, братцы: ужь, знать, такая воля Божія — противъ нея не пойдешь“, Подхалюзинъ съ покорностію року говоритъ: „Это точно-съ, Самсонъ Силычъ“. Что можетъ быть ниже уровня мышленія и чувствъ этихъ маленькихъ и пошлыхъ людей, въ которыхъ все очень мелко, ограничено, тупо? Передъ вами не злодѣи, не изверги, а измельчавшія понятія, затупѣвшія чувства и непробудный нравственный сонъ. Что-же поэтому можетъ сдѣлать комедія съ такимъ, повидимому, не драматическимъ матеріаломъ? Если для драмы требуется

сознательная борьба противоположностей и страстей, то такого момента, повидимому, ни въ положеніи Большова, ни въ положеніи Подхалюзина нѣтъ. Передъ вами крошечный мірокъ человѣческой ограниченности, лишенной всякаго внутренняго, нравственнаго содержанія, міръ какихъ-то маріонетокъ, которыми управляютъ внѣшнія пружины и ниточки. Поэтому критика едва-ли оказала услугу Островскому, сравнивъ Большова съ королемъ Лиромъ. Лиръ, дѣйствующій подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ то-же время обладаетъ необыкновенной внутренней силой. И онъ, подобно Большову, впадаетъ въ самообожаніе, и онъ, преувеличивая свои личныя качества, принимаетъ то, что дѣлается для него ради его сана, за уваженіе къ его личнымъ достоинствамъ. Но вотъ когда онъ становится обыкновеннымъ человѣкомъ, передъ вами раскрывается вся его мощная человѣческая натура, вся его нравственная сила; а развѣ въ Подхалюзинѣ и въ Большовѣ есть что-нибудь подобное? Развѣ ихъ мизерность и въ счастіи, и въ несчастьи не остается тою-же мизерностью, развѣ въ нихъ хоть разъ возбуждается благородное чувство, развѣ хоть въ одномъ изъ нихъ есть на волосокъ гордости и человѣческаго достоинства? Жестокіе, безжалостные просто потому, что они тупы и мелки, они, какъ дѣти, не понимаютъ, что дѣлаютъ; во всемъ ихъ поведеніи вы не усмотрите никогда ни одной искры сознанія, ничего такого, что сообщаетъ грандіозность даже злодѣйству. Заносчивые въ счастіи, они падаютъ духомъ въ несчастьи и даже въ ихъ мошенническомъ міровоззрѣніи недостаетъ того сознательнаго плутовства, которое простому мазурничеству можетъ придавать интеллектуальный характеръ и извѣстную нравственную силу.

Въ „Тюркаре“ Лесажа проводится та-же мысль, какъ и въ „Своихъ людяхъ“, но какая разница въ содержаніи героевъ! Не о томъ рѣчь, что они ходятъ въ бархатныхъ, шитыхъ камзолахъ, въ кружевахъ, и внѣшнимъ своимъ видомъ напоминаютъ вѣкъ Людовика XIV. Людовикъ тутъ на-столько не причемъ, что комедію Лесажа вы читаете, какъ драму современной жизни. Обще-европейскій моментъ пьесы заключается именно въ томъ, что передъ вами фигурируетъ цѣлый міръ сознательныхъ плутовъ и мошенниковъ, плутовъ тонкихъ, систематическихъ и на-столько неглупыхъ, что они являются какъ-бы сознательными эксплуататорами взаимной оплошности и олицетвореніемъ народнаго предо-

стерегающаго афоризма: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“. Изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ самый слабый самъ Тюркаре, и, можетъ быть, потому, что онъ портретъ живого чело-вѣка. Тюркара—глупый и тщеславный пошлякъ, но въ его глупости и пошлости нѣтъ ничего существенно необходимаго какъ для хода всей пьесы, такъ и для ясности идеи Лесажа; остальные герои—всѣ плутъ на плутѣ, постоянно занятые одною мыслью: какъ-бы надуть ближняго и выудить что-нибудь изъ его кармана. Уровень нравственныхъ понятій этого міра низокъ, но вы не скажете, что онъ узокъ. Онъ легкомысленъ, не отличается глубиной, но въ то-же время въ немъ есть какая-то игривость и если не добродушіе, то все-таки что-то человѣческое, теплое, непришибленное, неподдавленное и неподчиняющееся механически какому-то вѣщ-ному фатализму. Фронтенъ, этотъ Подхалюзинъ комедіи,—продуван-ная бестія, для которой нѣтъ ничего святого, кромѣ денегъ, необыкновенно ловкій и умный плутъ, устроивающій свои дѣла со-знательно и непренебрегающій никакими средствами, чтобы на-бить себѣ карманъ; но въ то-же время Фронтенъ далеко не Под-халюзинъ. Мошенникъ въ денежномъ отношеніи, онъ молится не одному золотому тельцу, а носитъ въ своей груди еще кой-какія и другія чувства. Онъ даже мошенничаетъ потому, что любить Лизету, и въ послѣдней сценѣ восклицаетъ съ торжествомъ: „да здрав-ствуютъ великіе умы!“, предполагая подъ ними свою плутовскую изворотливость и ловкость въ надуваньи. Обобравъ своихъ господъ, Фронтенъ говоритъ Лизетѣ: „у меня теперь сорокъ тысячъ фран-ковъ; если на первыхъ порахъ съ тебя довольно, то мы можемъ народить и воспитать цѣлое поколѣніе честныхъ людей“. Лизета, такая-же плутовка, какъ Фронтенъ, конечно принимаетъ его пред-ложеніе, и Фронтенъ восклицаетъ: „Царство г. Тюркаре кончилось—теперь начинается мое!“ Какая тонкая и злая иронія! Передъ вами не Подхалюзинъ, невидящій другихъ людей, кромѣ себя; Фронтенъ знаетъ, что такихъ людей, какъ онъ, легіонъ, что каж-дый изъ этого легіона наплодитъ цѣлое поколѣніе подобныхъ-же честныхъ людей. Спихнувъ Тюркаре и занявъ его мѣсто, Фронтенъ, конечно, предвидитъ, что и его въ свою очередь... впрочемъ, Фрон-тенъ этого не говоритъ, но это говоритъ весь смыслъ пьесы и ея необыкновенно эластическая идея, уже сама по себѣ идущая

въ обобщеніе. Въ этомъ отношеніи „Тюркаре“ составляетъ противоположный полюсъ „Своимъ людямъ“.

Островскому ставятъ въ заслугу его народный, жѣткій языкъ. Этой заслуги никто отъ него не отнимаетъ и противъ нея мы ничего говорить не станемъ. Но развѣ и комедія Лесажа не народна, развѣ, прочитавъ ее, вы не чувствуете Франціи? А въ то-же время вы чувствуете что-то и дальше Франціи; вы, русскій, читая „Тюркаре“, понимаете его, понимаете и Фронтена, и баронесу, и кавалера, и маркизу, несмотря на ихъ бархатные кафтаны и кружевные манжеты. Но попробуйте перевести „Своихъ людей“ на французскій языкъ и спросите самага умнаго и самага грамотнаго француза, понимаетъ-ли онъ Большова и Подхалузина? Онъ будетъ читать „Своихъ людей“, какъ-бы онъ читалъ японскую или китайскую комедію. „Свои люди“, можетъ быть, возбуждать въ немъ этнографическій или антропологическій интересъ, но то не будетъ интересъ непосредственно переживаемой жизни. И нашъ Гоголь, великій Гоголь, оказавшій неоспоримыя услуги русской мысли, понятенъ только намъ, и, при всей своей кажущейся шире, все-таки узокъ. Гоголь широкъ потому, что охватываетъ все русское пространство, и узокъ тоже потому, что обнимаетъ только русское пространство. Тургеневъ спеціальнѣе Гоголя. Міръ, въ который онъ васъ вводитъ, меньше численностью и пространствомъ, не допускаетъ такого обобщенія, это міръ менѣе органическій; но въ этомъ мірѣ больше простора для общечеловѣческой идеи. Отъ этого Тургеневъ понятенъ и французамъ, и нѣмцамъ, и англичанамъ. тогда какъ Гоголь понятенъ только русскимъ. Попробуйте перевести Островскаго или, точнѣе, его исключительно бытовыя пьесы на французскій или нѣмецкій языкъ и посмотрите, что отъ нихъ останется. Прежде всего вамъ станетъ неперегъ дороги именно тотъ народный языкъ, который составляетъ ихъ достоинство и соответственныхъ словъ которому вы не найдете ни въ одномъ лексиконѣ, потому-что не найдете у западныхъ народовъ понятій того-же цвѣта и вида. Но откинувъ форму и переведя языкъ героевъ Островскаго на обще-человѣческій языкъ, выразите-ли вы такимъ переложеніемъ своего на чужое общепонятную идею? Мысль, освобожденная отъ окраски, которую ей даетъ тонъ и строй русской души, останется-ли тою на французскомъ языкѣ, какою она представляется намъ, русскимъ? Конечно, нѣтъ. Выказанная обще-

человѣческимъ языкомъ, она паразитъ васъ именно своимъ ничтожествомъ; передъ вами разоблачится скудость и бѣдность мышленія и вся немногосложность и ничтожность необыкновенно бѣднаго и немногосложнаго діалектическаго процесса. Я знаю ваше возраженіе. Вы скажете, что мѣткость языка не одна только форма, что подъ этимъ языкомъ кроются извѣстные, можетъ быть, довольно полные и сильные процессы и душевныя силы; въ чемъ заключаются подробности этихъ силъ—того не опредѣлила еще русская психологія, и, чувствуя въ нихъ что-то родное, близкое, шевелящее, мы все-таки не въ состояніи возвести ихъ въ сознаніе и обнять логическимъ процессомъ. Если это такъ, то въ чемъ-же выигрышь мысли и какое пріобрѣтаетъ она новое содержаніе? Мы не отрицаемъ ни мощи, ни силы въ черноземности, но не видимъ въ ней также и того культурнаго элемента, по поводу котораго Дрэперъ въ одномъ мѣстѣ высказываетъ совершенно правильную мысль. Человѣческій организмъ воспринимаетъ вѣшнія впечатлѣнія путемъ вѣшнихъ чувствъ и затѣмъ уже отъ внутреннихъ условій и совершенства рефлектирующихъ и вырабатывающихъ органовъ зависитъ совершенство душевнаго вывода. Лессингъ высказывалъ не парадоксъ, когда утверждалъ, что моральныя правила, служащая вѣшной дисциплиной человѣческаго поведенія, имѣютъ только временное значеніе, а со временемъ люди будутъ обладать на-столько совершенными органами внутреннихъ чувствъ и мыслей, что во вѣшной дисциплинѣ не будетъ уже необходимости. Не ограничиваясь однимъ умозрительнымъ выводомъ и обращаясь къ фактамъ, Дрэперъ замѣчаетъ, что простымъ убѣжденіямъ и даже примѣрамъ не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія. Въ Америкѣ лицомъ къ лицу съ краснокожими стоитъ бѣлая раса. Но что до сихъ поръ сдѣлали ея примѣры и ея мисіонеры? Почему индѣйцы и до сихъ поръ остались такими-же, какими они были во время Монтезумы; почему ни мисіонерская проповѣдь, ни цивилизованная жизнь большихъ городовъ, очень хорошо извѣстная краснокожимъ, не подвинули ихъ ни на шагъ впередъ и задача мисіонеровъ осталась невыполненной? А только потому, что, кромѣ вѣшняго вліянія путемъ входящей мысли, требуется еще физическая перемѣна организма, воспринимающаго впечатлѣнія. И вотъ гдѣ, мы думаемъ, заключается ключъ для объясненія недоразумѣній, разъединившихъ нашихъ народниковъ отъ западниковъ.

Въ томъ видѣ, какъ понималась у насъ народность до сихъ поръ, она всегда сводилась къ чему-то очень своеобразно-безсознательному, къ чему-то шевелящему смутное чувство, но никогда не-восходящему къ ясному сознанию и неформулированному разсудочнымъ процесомъ. Относясь-же къ тому, что насъ шевелило въ такъ-называемомъ народномъ языкѣ Островскаго чисто-объективно, и пользуясь фактомъ, указываемымъ Дрэперомъ, мы позволили-бы себѣ нѣкоторое сравненіе. Сравненіе это, конечно, не безапелляціонное, но нельзя лишить его и доли правды. Случалось-ли вамъ читать рѣчи краснокожихъ дикарей Америки? Что за сила, что за энергія, какая красота, соединенная съ краткостью и выразительностью! Предводитель любого американскаго дикаго племени заткнетъ за поясъ лучшаго оратора Европы. Отъ рѣчей краснокожихъ Демосфеновъ вѣтъ такую своеобразность и народнымъ колоритомъ, что если вамъ прочесть подобную рѣчь, то вы, не зная, кто ее сказалъ, почему и для чего, скажете, что это рѣчь краснокожаго. Предположите, что краснокожій ораторъ написалъ комедію. Развѣ это не будетъ комедія, отличающаяся необыкновенно мѣткимъ языкомъ, языкомъ специальнымъ, подъ которымъ могутъ скрываться очень сильныя чувства, но чувства въ то-же время черноземныя, а мысли будутъ, конечно, мыслями краснокожаго мировоззрѣнія. Въ чемъ-же тутъ собственно народность? Конечно, въ духѣ и складѣ мышленія, въ своеобразности чувствъ и ихъ большей или меньшей сырой страстности, наконецъ—и это самое главное—въ извѣстномъ, именно извѣстномъ, уровнѣ всего мировоззрѣнія. Своеобразный языкъ вовсе не существенный признакъ народности; онъ только мѣрило высоты умственной культуры народа. Чѣмъ человекъ развитѣе, тѣмъ въ общихъ оттѣнкахъ своихъ мыслей, своихъ чувствъ, своего поведенія и всей жизни онъ ближе къ извѣстному интеллектуальному, среднему человеку, тѣмъ ему понятнѣе общее, мировое. Болѣе развитому русскому понятенъ и французъ, и нѣмецъ, и англичанинъ, и американецъ, и чѣмъ онъ выше и богаче умственнымъ содержаніемъ, тѣмъ у него больше точекъ интеллектуальнаго соприкосновенія.

Подобное развитіе вовсе не исключаетъ въ человекѣ его народнаго содержанія, т.-е. тѣхъ неуловимыхъ, мелкихъ подробностей бытового и физиологическаго характера, которыя устанавливаются родной природой, климатомъ, языкомъ и извѣстной бытовой традиціей. На

этой народности, профильтрованной и культурной, очищенной отъ всего задерживающаго и прогрессивной, лежитъ всегда печать общечеловѣческихъ культурныхъ идей, а не исключительно внѣшняя своеобразность костюма, головныхъ украшеній и извѣстной татуировки. Народность, выражающаяся въ извѣстныхъ застывшихъ наружныхъ формахъ, не только не признакъ культивированной народности, а скорѣе признакъ народности некультивированной. Общеніе съ прогрессивнымъ міромъ дѣйствуетъ прежде всего на уничтоженіе наружныхъ признаковъ народности и въ отрѣшеніи отъ внѣшнихъ формъ выражаются всегда первые шаги всякой цивилизаціи. Японцы, вступившіе нынче въ общеніе съ европейскимъ міромъ, начали тѣмъ, что измѣнили свои моды и стали одѣваться по-европейски. Мы, прорубивъ окно въ Европу, точно также заимствовали прежде всего ея формы жизни, ея камзолы, асамблеи. Если-бы во главѣ цивилизаціи стояли мы, русскіе, и заимствователями ея отъ насъ явилась Европа, и она, конечно, начала-бы съ подражанія нашимъ формамъ. Такимъ образомъ, если перемѣны внѣшнихъ и органическихъ условій служатъ первымъ основаніемъ для перемѣны понятій, то, конечно, только этимъ, а не другимъ способомъ возможно культурное развитіе, создаваемое не внутренними силами народа, а внѣшнимъ воспитательнымъ путемъ. Этотъ путь развитія вносить въ то-же время извѣстный разладъ и какъ-бы разбиваетъ народное чувство самосохраненія на двѣ, повидимому, враждебныя половины. То, что обыкновенно называютъ народнымъ, т. е. устойчиво традиціонное, стремящееся къ органическому развитію изъ самого себя, необыкновенно туго держится за большую или меньшую неподвижность формъ; а то, что желаетъ прогрессировать путемъ усвоенныхъ идей, относится, напротивъ, съ особаго рода высокоуміемъ и даже неуваженіемъ къ традиціоннымъ формамъ, видя въ нихъ главную задержку умственнаго движенія. Тутъ совершается двойной культурный процессъ—одинъ сверху, другой снизу; одинъ, называемый обыкновенно органическимъ, какъ результатъ внутренняго движенія; другой, внѣшній, путемъ входящихъ понятій. Но почему-же только первый процессъ органической и почему входящее мышленіе путемъ воспринимаемыхъ идей будетъ процессъ не органической? Если-бы это было такъ, то зачѣмъ-же существуютъ печать, книги, школы, образованіе? Развитіе народовъ совершается и внутреннимъ, и внѣшнимъ процессомъ, и оба эти процесса одина-

ково органическіе. Если у насъ для того и другого существуютъ еще и до сихъ поръ какъ-бы отдѣльные представители, если враждующія крайности не остановились еще ни на какой примиряющей формулѣ, если въ литературѣ и въ жизни до сихъ поръ выражаются рѣзко партія народнаго пошиба, стремящаяся къ изолированности, и другая, тяготящаяся къ развитію внѣшнему, головнымъ путемъ, то въ то-же время нельзя не замѣтить, что та и другая партія все болѣе и болѣе сближаются и тѣхъ рѣзкостей и крайностей, которыя разъединяли славянофиловъ и западниковъ, уже нѣтъ, а общечеловѣческая идея получаетъ все больше и больше права гражданства.

Г. Островскій принадлежитъ къ представителямъ той народности, на міровоззрѣніи которой не лежитъ печати общихъ идей. Это міровоззрѣніе традиціонное, міровоззрѣніе, такъ-сказать, изъ себя, и потому всегда мелкое, неясное, живущее больше безсознательнымъ чувствомъ, чѣмъ ясными мыслями. Въ изображаемомъ г. Островскимъ мірѣ чувствъ есть всегда что-то черноземно-авакумовское, своеобразно-бытовое, лишенное психическаго интереса. Народное художественное творчество даетъ только типы, но оно не даетъ никогда людей и ему неизвѣстенъ общій средній человѣкъ; оно даетъ вамъ почувствовать своеобразную односторонность русской души, но не отражаетъ душу вообще, съ ея общечеловѣческими, понятными всѣмъ процессами. Говоритъ-ли оно о любви—и вы чувствуете любовь какую-то особенную, но не такую, какъ у всѣхъ людей; даетъ-ли оно ненависть—и ненависть оказывается тоже своеобразно-типической. Деспотизмъ, доброта, благородный порывъ, страхъ, радость, горе, счастье, несчастье, —однимъ словомъ, вся душевная жизнь людей, создаваемая этимъ художественнымъ творчествомъ, всегда особенная, всегда оттягиваемая узкой и ограниченной мыслью куда-то внизъ, назадъ, въ былые времена и нравы. Внѣ извѣстной внѣшней обстановки творчество, о которомъ мы говоримъ, утрачиваетъ всю свою ясность, жизненность и смыслъ, и потому оно такъ сильно своимъ дагеротипнымъ, портретнымъ характеромъ. Когда Шекспиръ перечисляетъ дѣйствующихъ лицъ своихъ пьесъ, онъ говоритъ коротко: „Гамлетъ, принцъ датскій“, „Ричардъ III“, „Отелло, венеціанскій мавръ“—и только. Но псевдо-народному творчеству эта короткость невозможна. Оно ясно лишь при извѣстныхъ декораціяхъ, при извѣстномъ освѣщеніи;

поэтому оно требует полного воспроизведенія костюмовъ, манеръ, языка, интонаціи, извѣстной гримировки. Оно съ точностью указываетъ, что герою сорокъ, а не шестьдесятъ лѣтъ, что героиня высокаго роста, худая, съ большимъ носомъ, одѣта богато, въ черномъ, что ея сыну восемнадцать лѣтъ, что онъ очень красивъ, немного похожъ на мать, что онъ учится въ Петербургѣ, что приживалка двѣнца 40 лѣтъ, что у нея мало волосъ, проборъ косой, коса зачесана высоко, а желтая шаль заколота булавкою у самаго горла. Даже горничная должна быть воспроизведена по извѣстной точной фотографіи, она недурна собой, но очень полна и курноса, въ бѣломъ платьѣ, лифъ котораго коротокъ и сидитъ неловко, на шеѣ маленькій красный платочекъ, волосы очень напомажены. Безъ такой типической точности дагеротипное творчество перестаетъ быть творчествомъ и утрачиваетъ свое воздѣйствіе на зрителя, какъ русская деревня перестаетъ быть деревней, если ее нарисовать въ видѣ города.

Изображая народность некультивированную и застывшую, строгую по своей внѣшней формѣ, народная художественность прежде всего дорожитъ внѣшними мелочами, миниатюрными подробностями, но въ то же время она набрасываетъ свой рисунокъ большою кистью и крупными, рѣзкими штрихами. Мелочи этой художественности нужны для фотографичности внѣшняго обычая, костюмовъ, пріемовъ, всего того, что должно дать понятіе о застывшей формѣ строго соблюдаемаго стараго обычая; крупными-же штрихами рисуется внутренній психическій міръ, тотъ бѣдный міръ, въ которомъ бесплодно искать высшихъ психическихъ моментовъ, оттѣнковъ и подробностей, анализа и діалектическаго развитія мысли и чувства. Въ первомъ случаѣ зрителю не позволено ни въ чемъ догадываться; ему дается опредѣленная, ясная картина, гдѣ все стоитъ твердо на своихъ мѣстахъ, все имѣетъ строго выработанную фізіономію, и даже трава и цвѣты не смѣютъ рости тамъ, гдѣ-бы имъ хотѣлось. И подобная строгая опредѣленность имѣетъ полное, законное и логическое основаніе, ибо бытовое творчество фотографируетъ прежде всего застывшій обычай, точный во всѣхъ его мелочахъ и подробностяхъ, можетъ быть, когда-нибудь и имѣвшихъ свой прогрессивный смыслъ, но затѣмъ утратившихъ его по мѣрѣ того, какъ застывавшая форма вытѣсняла свое собственное содержаніе. И вотъ именно для

того, чтобы не поставить себя въ затрудненіе при изображеніи этого содержанія, бытовое творчество не отваживается внѣдряться въ анализъ психическихъ процессовъ застывшаго быта, рисуетъ его внутреннее содержаніе такими крупными штрихами, что предоставляетъ каждому зрителю и читателю полнѣйшій просторъ чувствовать героевъ по-своему, надѣлять ихъ, такъ-сказать, собственнымъ душевнымъ содержаніемъ, пожалуй, даже чувствовать и понимать совсѣмъ не то, что они чувствуютъ и понимаютъ. Бытовое творчество и не можетъ поступать иначе, потому-что оно имѣетъ дѣло именно съ тѣми душевными процессами, которые новѣйшая психологія называетъ бессознательнымъ или скрытымъ мышленіемъ.

Въ произведеніяхъ г. Островскаго бытовое творчество является, повидимому, въ формѣ отрицательнаго отношенія; но въ этой критикѣ недостаетъ именно того движенія мысли, при которомъ она являлась-бы силой, тянущей впередъ. Какъ воспроизводимый творчествомъ бытъ представляетъ что-то застывшее, такой-же застывшей является и критика этого быта. Бытовой критикѣ извѣстны лишь тѣ общія правила морали, которыя проповѣдуютъ, что человѣкъ долженъ поступать добродѣтельно, не обижать ближняго, быть ласковымъ и добрымъ въ людяхъ и дома, быть строгимъ къ себѣ, снисходя къ другимъ, и держатся твердо заповѣданнаго обычаемъ добродѣтельнаго житія. Патріархальностью вѣетъ отъ этой критики и морали и въ ней чувствуется устойчивость, боящаяся переменъ, осторожная медленность и глубокая вѣра въ присущую человѣку непосредственную, прирожденную добродѣтель и безошибающійся нравственный инстинктъ. Отрицая то, что не удовлетворяетъ инстинктивной нравственности, бытовая критика не кидается на новшества и рѣзкія переменны; желая уничтожить дурное, она свято хранитъ свое хорошее и видитъ зло не въ застывшихъ формахъ жизни, а въ утратѣ ими патріархально-нравственнаго содержанія, переставшаго отвѣчать формѣ. Но форма-ли создаетъ содержаніе или содержаніе форму? Это опять одно изъ тѣхъ противорѣчій русскаго прогрессивнаго мышленія, для котораго пока не выработался компромисъ, хотя сама жизнь разрѣшаетъ его незамѣтно, шагъ за шагомъ, заставляя насъ, съ одной стороны, принимать все больше и больше европейскія формы, замѣнять долгополый сюртукъ визиткой и цилиндромъ, а

съ другой — воспринимая европейское міровоззрѣніе, нѣсколько сдерживать его тою-же длиннополой традиціей и бытовымъ мышленіемъ, не особенно быстро поддающимся европейской поправкѣ, если для нея нѣтъ поддержки въ самой практикѣ жизни.

III.

Славу г. Островскаго составляетъ типъ самодура. Островскій первый далъ этому слову право литературнаго гражданства. Но что такое самодурство? Извѣстно-ли Европѣ подобное слово, существуетъ-ли у нея подобное понятіе? Нѣтъ. Типъ самодура былъ-бы до того непонятенъ всякому европейскому человѣку, что если-бы слова самодуровъ Островскаго перевести на любой изъ европейскихъ языковъ, то самый грубый изъ иностранцевъ принялъ-бы этотъ типъ за сумасшедшаго. „Жена, а жена! Матрена Савишна...“ кричитъ Пузатовъ. — „Что такое?“ спрашиваетъ жена. — „Здравствуй! А ты думала, Богъ знаетъ что!..“ Или: „Жена, поди сюда!“ — „Что еще?“ — „Поди сюда, говорятъ тебѣ!“ (Ударя кулакомъ по столу.) — „Да что ты, очумѣлъ, что-ли?“ — „Что я съ тобой сдѣлаю!“ (Стучитъ по столу.) — „Да что съ тобой (робко), Антипъ Антипичъ?“ — „А, испугалась? (Смѣется.) Нѣтъ, Матрена Савишна, это я такъ, шутку шучу. (Вздыхаетъ.) Что-же чайку-то-съ?“ Или Самсонъ Силычъ, который, какъ пріѣдетъ нянный, начнетъ все ломать и бить, колотить посуду, ко всѣмъ подходитъ съ кулаками. „У! говорить,—такіе вы и эдакіе, убью сразу!“ И когда подобный самодуръ пріѣзжаетъ домой, особенно хмѣльной, все впопыхахъ и суетливо разбѣгается, всѣ смотрятъ ему въ глаза и стараются, съ трепетомъ, подмѣтить его настроеніе и угадать, чего онъ хочетъ. Общая черта всѣхъ самодуровъ Островскаго — тотъ внезапный дикій порывъ, для котораго не существуетъ никакой логики, ничево яснаго, опредѣленнаго, сдерживающаго. Самодуръ, пьяный или трезвый, онъ всегда знаетъ только себя, точно генераль на необитаемомъ островѣ, и единственный законъ для него — его собственное хотѣнье. Никакой общей идеи, никакого твердаго нравственнаго содержанія нѣтъ у самодура и онъ требуетъ одного только — покорности. Выводить-ли Островскій злостнаго банкрота, дурящаго отца, самодура-

мужа, въ какія-бы вѣшнія условія онъ ни ставилъ свой облюбованный типъ, основная черта, при всемъ разнообразіи другихъ условій, остается тою-же, и опредѣленной формы и опредѣленнаго нравственнаго содержанія для самодурства нѣтъ. Самодуръ переноситъ васъ въ татарскія времена, въ міръ такого дикаго произвола, чудовищнаго и безграничнаго, точно для него въ природѣ не существуетъ никакихъ законовъ. Передъ вами рефлектирующій афектъ первобытнаго чловѣка, совершенно не постижимый для людей культурно-цивилизованнаго періода.

Европа не знаетъ самодурства, и если она его когда-нибудь переживала, то не сохранила о немъ никакихъ воспоминаній. Въ ней выскакивающая изъ себя личность выработала форму поведенія, называемаго деспотизмомъ. Деспотизмъ не знаетъ афекта и развѣ въ крайности можетъ перейти въ состояніе высшаго напряженія чувствъ. У деспотизма есть своя опредѣленная идея, свой принципъ, и онъ знаетъ, чего онъ хочетъ. Деспотизмъ—сознательная сила, съ извѣстной и точно выработанной программой, которую всякій можетъ знать, какъ зналъ, на примѣръ, древній міръ свое классическое право. Самодурство только афектъ, тогда какъ деспотизмъ уже разсудочное движеніе мысли. Поэтому, какъ разсудочное движеніе, онъ доступенъ пониманію и въ пониманіи-же можетъ найти свою поправку. Деспотизмъ, изображенный художественнымъ творчествомъ, возбуждаетъ мысль, потому что самъ продуктъ мысли, но самодурство не возбуждаетъ ничего и дѣйствуетъ лишь на возбужденное чувство. Потому, что деспотизмъ есть продуктъ головной, онъ обладаетъ извѣстной нравственной силой и стойкостью, тогда какъ самодурство только колотится лбомъ объ стѣну и его можно остановить одною стѣною. Поэтому-то всѣ самодуры г. Островскаго, страшные и сильные, когда имъ приходится пугать бабъ и бить посуду дома, превращаются немедленно въ кроткихъ овецъ при появленіи квартальнаго или слѣдователя или когда имъ грозятъ Сибирью, они, выпустивъ изъ себя всѣ пары, готовы плакать и молить о прощеніи. Въ нихъ всегда необыкновенно много приниженности вмѣстѣ съ заносчивостью, смѣсь силы съ безсиліемъ, безграничной недоступности въ счастіи съ полной дряблостью въ несчастіи.

Г. Островскій, сдѣлавъ своей спеціальностью изображеніе именно этого односторонняго типа, типа собственно бытового, купече-

ски-домостроевскаго, но далеко не деревенски-народнаго, не дальтѣхъ послѣдующихъ, утонченныхъ формъ его дальнѣйшаго развитія, изображеніе которыхъ помогло-бы больше русскому сознанию. А между тѣмъ переходная форма подобнаго самодурства, съ извѣстными оттѣнками образованности, носящая фракъ и цилиндръ, но еще глубоко бытовая по своимъ нравственнымъ началамъ, принципу и міровоззрѣнію, — форма у насъ не только обыкновенная, но и гораздо чаще встрѣчающаяся, чѣмъ это кажется. И потому бытовое творчество, пока оно остается бытовымъ, едва-ли будетъ дѣйствительно прогрессивнымъ въ смыслѣ вліянія на бытовую мысль. А между тѣмъ русская жизнь, подъ вліяніемъ европейскихъ формъ, давно уже выработала типъ семейнаго самодурства, въ которомъ внѣшняя форма обычая и европейскій наружный пріемъ странно гармонируютъ съ умственной ограниченностью, мелкостью чувствъ и бѣдностью идей. Этотъ видъ самодурства, но болѣе приличный, не бьетъ посуды, не рычитъ, ему не нуженъ страхъ ради страха и у него уже есть принципъ и головныя основанія. А потому, что у него есть принципъ, онъ послѣдовательнѣе, утонченнѣе, безжалостнѣе и гораздо хуже самодурства безпринципнаго. Сырой самородокъ Китъ Китычъ или Самсонъ Силычъ дѣйствуетъ потому, что онъ хочетъ; подчинитесь ему наружно — и онъ сдѣлается кротокъ и даже милъ. Но самодуръ во фракъ и цилиндръ не удовлетворяется одной внѣшней покорностью, потому что онъ мучитель и инквизиторъ; онъ не деспотъ по чувству, который можетъ перекидываться изъ одной крайности въ другую; онъ деспотъ головой. Онъ хочетъ вынуть изъ васъ всѣ ваши мысли и вставить вмѣсто нихъ свои собственныя. Деспотъ-самодуръ, видя неповиновеніе, начнетъ грозить кулакомъ и бить посуду, въ крайности онъ, можетъ быть, прибѣдетъ васъ; но деспотъ головой начнетъ язвить и колотъ, онъ будетъ надъ вами смѣяться, онъ будетъ оскорблять васъ съ безжалостностью, которую не сломишь никакой покорностью. Такъ-какъ умъ для него единственный руководитель поведенія, а непогрѣшимымъ и неопибающимъ руководителемъ онъ признаетъ только свой умъ, то вамъ предстоитъ только два выбора — или отказаться отъ своего ума и взять его умъ, или бѣжать изъ дому.

Этотъ типъ, болѣе распространенный, чѣмъ кажется, явился у насъ съ тѣхъ поръ, какъ явился запросъ на умъ. Благодаря

тому, что мы вычитали у Бовля и других английских писателей, мы создали себя из ума кумирь, не понявъ въ то-же время хорошенько, что такое умъ. Конечно, умъ есть высшій критерій, но для этого нужно имѣть умъ настоящій. И вотъ мы заспорили о словѣ, не владѣя понятіемъ. Я не стану развивать теорію ума, потому что это было-бы очень длинно, но я напомню вамъ, что умъ вовсе не способность или сила, а только извѣстный результатъ. Когда говорятъ: „у такого-то человѣка врожденный умъ“, этимъ указывается лишь на основы или силы души; но если врожденный умъ получить очень односторонній матеріалъ для своего развитія или необыкновенно скудный, ничто не помѣшаетъ ему превратиться въ глупость. Умъ творить идеи изъ матеріала, и сужденіе безъ данныхъ или фактовъ невозможно. Если матеріалъ или факты будутъ очень бѣдны и для безошибочнаго вывода будетъ недоставать еще многого, то откуда-же вѣрному выводу? Вотъ почему можно быть умнымъ въ математикѣ и глупомъ въ исторіи; можно превосходно судить о военномъ искусствѣ и не понимать ничего въ сельскомъ хозяйствѣ; можно быть превосходнымъ архитекторомъ и ничего не смыслить въ экономической наукѣ; можно быть отличнымъ бухгалтеромъ и жалкимъ философомъ; наконецъ, можно быть превосходнымъ администраторомъ и очень глупымъ семьяниномъ. Соедините всѣ эти умы въ одинъ умъ—и вы получите дѣйствительно умнаго человѣка; но какъ такое соединеніе очень рѣдко, то, конечно, чѣмъ человѣкъ знаетъ меньше и чѣмъ его мыслительная способность вращалась въ болѣе узкой сферѣ предметовъ мышленія, тѣмъ и умъ его будетъ ограниченнѣе и одностороннѣе. Одни знанія помогаютъ большому развитію ума, напримѣръ исторія, въ которой уму приходится имѣть дѣло съ массой многообразныхъ фактовъ; еще болшій умъ создаетъ философія, которая обнимаетъ всѣ категоріи міровыхъ явленій. Но какой-же чудотворной силой обладаетъ, напримѣръ, математика, архитектура, сельское хозяйство, географія, грамматика, чтобы заурядные сельскіе хозяева, архитекторы, географы, грамматикѣ были-бы непременно умны въ сужденіяхъ о судьбахъ человѣчества, въ философіи и въ пониманіи и оцѣнкѣ человѣческихъ поступковъ и отношеній, если эти люди не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о законахъ души? Скажите этимъ людямъ, что умъ общественный и умъ семейный — два разныхъ ума, они

съ вами заспорятъ. Скажите имъ, что можно быть честнымъ въ общественной дѣятельности и подлецомъ въ семьѣ, и они вамъ скажутъ: „вздоръ“. Конечно, тутъ есть недоразумѣніе въ словахъ, и если вы возьмете общественнаго дѣятеля въ его идеальномъ представленіи, въ томъ видѣ, какъ понимаетъ его Европа, и въ томъ видѣ, какъ она его представляетъ, противорѣчія не будетъ; но быть чиновникомъ—еще не значить быть общественнымъ дѣятелемъ, быть бухгалтеромъ на самой широкой общественной службѣ—еще не значить быть Фоксомъ, Питтомъ, Линкольномъ и Вашингтономъ. Я хотѣлъ привести въ примѣръ Наполеона I, который былъ тоже очень дурнымъ семьяниномъ, но вы мнѣ можете возразить, что онъ и въ общественной дѣятельности не былъ Вашингтономъ. Кто, наконецъ, не знаетъ, что люди, страстно отдавшіеся одному какому-нибудь дѣлу, бываютъ дурными мужьями и отцами? Бернаръ Палиси былъ до того плохой семьянинъ, что цѣлыя шестнадцать лѣтъ расхищалъ свой домъ въ пользу своей идеи, а въ послѣдніе дни передъ своимъ открытіемъ изрубилъ на дрова не только заборъ своего дома, но даже мебель и, наконецъ, полъ. Спросите его жену, былъ-ли онъ хорошимъ мужемъ? Слѣдовательно, чтобы быть хорошимъ человѣкомъ въ домашнемъ быту и не понасть въ разрядъ самодуровъ Островскаго, нужно носить въ душѣ иной идеалъ, имѣть кое-что другое, и если въ человѣкѣ нѣтъ этого „другого“, то онъ будетъ или самородкомъ-самодуромъ, или выработается въ послѣдующую форму — въ деспота во фракѣ и цилиндрѣ. Когда умъ владѣетъ всего десятью руководящими правилами, то регулирующей силой является чувство и доброжелательство, но если человѣкъ стыдится чувствъ и, начитавшись, но не понявъ новѣйшихъ англійскихъ писателей, упрется на непогрѣшимости своего ограниченнаго ума, если ему неизвѣстно, что основой единоличнаго человѣческаго счастья служить удовлетворенное чувство свободы, то бѣдный умный человѣкъ будетъ очень глупъ и жалокъ. Островскій въ Максимѣ Федотычѣ даетъ типъ человѣка, который въ своемъ непосредственномъ чувствѣ владѣетъ средствомъ, исправляющимъ ошибки ума. И люди, владѣющіе этимъ хорошимъ непосредственнымъ чувствомъ, люди такъ-называемые добрые и хорошие, очень часто бываютъ неизмѣримо выше тѣхъ умниковъ съ деревяннымъ сердцемъ, которые считаютъ непогрѣшимыми только

свои десять куриныхъ принциповъ. Любопытна черта умственныхъ деспотовъ тѣмъ, что они точно такъ-же безсодержательны въ несчастіи, какъ и деспоты-самодуры. У Островскаго каждый изъ его самодуровъ, сшибленный разъ съ своего мѣста, теряетъ свое равновѣсіе, потому что внутри его нѣтъ никакого нравственнаго содержанія. Умственные деспоты, построившіе свою жизнь на десяти куриныхъ принципахъ и сшибленные съ мѣста, точно также теряютъ устойчивое равновѣсіе, потому что принципы, которыхъ они держались, имъ измѣнили, а другихъ въ нихъ нѣтъ.

У г. Островскаго есть одинъ типъ умственнаго деспота въ цивилизованной формѣ—Уламбекова. Это не чистокровный самодуръ изъ купеческаго быта,—самодуръ, незнающій, чего онъ хочетъ и чего захочетъ. Уламбекова имѣетъ опредѣленныя представленія о своихъ отношеніяхъ къ людямъ; у нея есть десять куриныхъ принциповъ, отъ которыхъ она никогда не отступаетъ. Этотъ деспотъ въ юбкѣ живетъ по-европейски, говоритъ по-европейски, а думаетъ и дѣйствуетъ по-монгольски. По своимъ понятіямъ о доброжелательствѣ, она набираетъ къ себѣ въ домъ сиротъ, чтобы имъ благодѣтельствовать, а благодѣтельствовать, по ея понятіямъ, значить вынуть изъ человѣка его чувство, умъ, волю, убить въ немъ все живое и заставить жить не такъ, какъ хочется. Такъ-какъ Островскій разработываетъ обыкновенно вопросы семейныхъ отношеній, то онъ и Уламбекову заставляетъ быть семейнымъ деспотомъ. Считая себя благодѣтельницей, Уламбекова выдаетъ своихъ воспитанницъ замужъ силой и руководствуется при этомъ такими-же принципами, какъ и Гордѣй Торцовъ. Когда Надя, почти плача, замѣчаетъ Уламбековой: „чѣмъ-же я вамъ теперь, сударыня, не угодила, что вы меня хотите за пьяницу отдать?“,—та ей отвѣчаетъ: „ты, милая, объ этомъ разсуждать не можешь: ты дѣвушка. Ты должна во всемъ положиться на меня, на свою благодѣтельницу. Я тебя воспитала, я тебя и пристроить обязана. Опять-же ты и того не должна забывать, что онъ мой крестникъ. Ты-бы за честь должна была благодарить. Да и вотъ еще что я тебѣ скажу одинъ разъ навсегда: я не люблю, когда разсуждаютъ, — просто не люблю, да и все тутъ. Я смолodu привыкла, чтобы каждаго моего слова слушались. Тебѣ пора это знать. И мнѣ очень странно, моя милая, что ты осмѣливаешься возражать мнѣ. Я вижу, что избаловала тебя, а вы

вѣдь сейчасъ зазнаетесь!“ Не правда-ли, что отъ этой головной формы вѣетъ самымъ холоднымъ и страшнымъ жестокосердіемъ? Это инквизиторъ и палачъ, который ради воображаемаго имъ спасенія души сналить васъ на медленномъ огнѣ, изрѣжетъ на десять тысячъ кусковъ, и вы не смягчите его никакими слезами, никакими мольбами, никакими страданіями. Деспотизмъ, возведенный въ принципъ, не хочетъ знать никакой уступки и совершенно вытѣсняетъ всякое живое чувство. Гордѣй хоть вѣруеть въ Бога, у него есть страхи и еще не совсѣмъ замерла душа, именно потому, что онъ, при всей своей ограниченности, все-таки человѣкъ чувства—односторонняго, извращеннаго, искалѣченнаго, но все-таки чувства. Уламбекова живетъ одними головными процессами, и потому сердечная жизнь занимаетъ у нея подчиненное мѣсто. Она просто не любитъ, когда кто разсуждаетъ не по ея, а на заступничество Леонида отвѣчаетъ: „Я не люблю, кто въ мои распоряженія вмѣшивается“. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь и ничѣмъ не убѣдишь. Деспотизмъ, изображенный Островскимъ въ образѣ Уламбековой, конечно, не отличается ни богатствомъ оттѣнковъ, ни обиліемъ мысли; это одна изъ простѣйшихъ формъ самодурства, вставшаго на головной принципъ и отрѣшившагося отъ непосредственнаго чувства. Наконецъ, это и не совсѣмъ та цивилизованная и болѣе европейская форма, о которой мы говорили выше. Уламбекова—одинъ изъ типовъ помѣщичьяго быта, созданнаго скукой и неудовлетворенной дѣятельностью. Типъ этотъ не просится на обобщеніе и не доросъ до нашего времени, и могъ-бы играть извѣстную роль въ исторической колекціи самодуровъ, если-бы г. Островскій задался мыслью дать ихъ портретную галерею. Но увы! подобное требованіе кажется черезчуръ притязательнымъ. Мысль Островскаго не настолько послѣдовательна, чтобы могла идти до конца въ одномъ направленіи. Его умъ слишкомъ одностороненъ; онъ силенъ только въ области купеческаго міросозерцанія, когда мѣтко скопированной рѣчью и крупными штрихами, не вдаваясь въ психологію и логику, Островскій отражаетъ то, что онъ преимущественно способенъ видѣть. Затѣмъ, внѣ этой области, его отражающее зеркало становится тускло, душа воспринимаетъ не ярко, а короткая мысль, способная остановиться на половинѣ и обнаруживающая никакой энергіи идти даль-

ше, не въ состояніи идти до конца. Если-бы рефлексивная способность Островскаго была шире, она не могла-бы удовлетвориться однимъ московско-купеческимъ бытомъ и попросилась-бы непременно дальше. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣть на-столько нетребовательное умственное око и на-столько антизварскій умъ, чтобы, отдавшись изученію одной геологической, домостроевской формаціи, не пожелать выслѣдить всѣхъ остальныхъ видоизмѣненій, наслоеній и, наконецъ, той послѣдней живой жизни, которая стоитъ передъ глазами? Мы не требуемъ отъ г. Островскаго полного философскаго міровоззрѣнія, мы не требуемъ отъ него больше того, что онъ даетъ и что можетъ дать; но мы отмѣчаемъ фактъ его силъ и приходимъ къ заключенію о необыкновенно-одностороннихъ средствахъ его ума, сильнаго только въ одной области и обнаруживающаго никакой энергіи и отваги къ послѣдовательному мышленію даже въ томъ-же самомъ направленіи. Поднявъ первый вопросъ о самодурствѣ, онъ не только не довелъ его до конца, но и остановился на первой его формѣ, точно всѣ его творческія мысли исчерпались ею одной. Но такъ-ли это? Писательскія силы Островскаго не исчерпались, потому-что кромѣ его всѣмъ извѣстныхъ, лучшихъ пьесъ, въ которыхъ фигурируютъ купцы-самодуры и которыя могли-бы помѣститься въ одномъ томѣ, передъ нами еще семь томовъ его драматическихъ произведеній, которыя, конечно, прибавятъ немного къ лавровому вѣнку г. Островскаго.

А между тѣмъ какой богатый матеріалъ для мысли представляетъ міръ прогрессирующаго и видоизмѣняющагося самодурства въ его отношеніяхъ къ другому, подчиненному ему міру! Тутъ полная картина видоизмѣняющихся и постепенно ослабѣвающихъ отношеній молота и наковальни, столбовенія силы съ безсильемъ, насилія, теряющаго болѣе и болѣе свою почву, и слабосилія, находящаго все больше и больше точекъ опоры. Говорятъ, будто-бы авторъ не можетъ давать того, чего не даетъ ему жизнь. Такъ-ли? Неужели жизнь не даетъ матеріала г. Островскому, и не будетъ-ли вѣрнѣе сказать, что его зеркало отражаетъ только одну точку этой жизни? Отчего-же Тургеневъ смотрѣлъ и видѣлъ другое? Отчего онъ замѣчалъ и обобщалъ даже такія явленія, которыхъ еще никто не замѣчалъ, какъ, напримѣръ, типъ Базарова? Отчего въ тургеневской идеѣ вы чувствуете европейскую

идею, а въ картинахъ Островскаго вы не находите ничего, кромѣ Домостроя? Въ самыхъ пустыхъ, ничтожныхъ вещахъ, въ какой-нибудь „Провинціалѣ“, ужь не говоря про романы, вы чувствуете у Тургенева совсѣмъ иной міръ, если и не всегда свѣтлый, то всегда міръ общихъ чувствъ, и въ герояхъ его вы всегда найдете себя. Конечно, Тургеневъ не вводитъ васъ въ область широкихъ мировыхъ идей, но развѣ для васъ мало того, что, находя у него себя, вы какъ-бы учитесь понимать себя? У Островскаго, напротивъ, вы находите другихъ, и всѣ эти „другіе“ не одного съ вами міра понятій, стремленій, идей, а люди какой-то другой части свѣта, иной формаціи, изъ иной глины. Конечно, и Гамлетъ, и Ричардъ III, и Отелло, и король Лиръ тоже люди другой части свѣта и иной формаціи; но въ нихъ раскрывается передъ вами цѣлый міръ новыхъ чувствъ и идей, разоблачается невѣдомая, новая для васъ душа, съ такими страстями и страданіями, въ такой борьбѣ съ непримиримыми противорѣчіями или противодѣйствующими препятствіями, что, подавленны трагизмомъ положеній, пришибленные неискходностью, вы въ этой самой неискходности черпаете новую силу, новую умственную энергію, и въ васъ возникаютъ какіе-то новые процессы, новыя душевныя состоянія, дѣйствующія обновляющимъ и укрѣпляющимъ образомъ. Шекспиръ будитъ вашу душу, онъ поднимаетъ ее, онъ заставляетъ ее расти, онъ заставляетъ васъ думать дальше, чувствовать глубже, и, снимая повязку съ вашихъ глазъ, онъ показываетъ вамъ цѣлую безконечную перспективу, если не всегда ясныхъ, то всегда необыкновенно широкихъ и возбуждающихъ мысль ощущеній. А какой міръ открываютъ драмы и комедіи г. Островскаго, что возбуждаютъ онѣ въ вашей душѣ новаго, толкающаго впередъ? Являются-ли въ васъ какія-нибудь новыя мысли, новыя чувства, новыя стремленія, новыя желанія; является-ли въ васъ хоть что-нибудь новое, чего-бы вы не знали раньше? Островскій уводитъ вашу душу въ переулочекъ, и бѣдная, сдавленная душа чувствуетъ себя только подъ неискходнымъ гнетомъ чловѣческаго тупоумія, которое лишь потому не производитъ въ васъ душевнаго паралича, что вы знаете, что у него нѣтъ будущаго. Островскій дѣйствуетъ на мышленіе чисто-отрицательнымъ образомъ; чтобы думать прогрессивно, вамъ нужно заставить себя думать въ противоположную сторону. Такъ и сдѣлалъ Добролюбовъ въ

„Темномъ царствѣ“, воспользовавшись комедіями Островскаго лишь какъ отрицательнымъ матеріаломъ; но, во-первыхъ, этотъ способъ мышленія не для всѣхъ подѣ силу, а, во-вторыхъ, тѣмъ, кто умѣетъ думать прогрессивно, драмы Островскаго совсѣмъ и не нужны. Конечно, художникъ не мыслитель, и драмы Островскаго не философскіе трактаты, но не объ этомъ рѣчь. Я только констатирую факты и говорю лишь о томъ, какой матеріалъ для мысли даетъ г. Островскій.

Наиболѣе широкій міръ раскрываетъ передъ вами Островскій, когда онъ уводитъ васъ въ купеческое самодурство Китъ Китычей, Самсонъ Силычей и другихъ. При всей узкости понятій, царящихъ въ этомъ мірѣ, вашему невольному обобщенію помогаетъ какая-то бессознательная, статистическая наглядность. Ошибаетесь-ли вы или нѣтъ, но вы невольно обобщаете Китъ Китыча въ цѣлый социальный слой и за однимъ человѣкомъ какъ-бы видите цѣлое русское купечество въ его бытовой односторонности. Но въ сущности ваше обобщеніе невѣрно. Бытовая, домо-строевская односторонность скорѣе фактъ историческій, чѣмъ социальный, она скорѣе фактъ прошлаго, чѣмъ настоящаго, надъ нею вы чувствуете вѣяніе уже давно окончившагося періода русской исторіи, какъ-бы послѣдніе остатки той патриархальной старины, которой г. Островскій служитъ отходною. Именно отходную! Передъ вами лежитъ врагъ умирающій, идея безъ будущаго, идея похороненная, идея, о которой вы получаете понятіе лишь путемъ археологическихъ раскопокъ, какъ о какомъ-нибудь пещерномъ медвѣдѣ, который уже никогда не оживетъ. И въ этомъ мірѣ пещерныхъ медвѣдей вамъ всегда тоскливо и скучно и всегда очень тѣсно, несмотря на ваше искусственное статистическое обобщеніе. Но еще скучнѣе и томительнѣе чувствуете вы себя, еще сильнѣе давить васъ переулкомъ, когда, оставляя міръ купеческаго самодурства, Островскій покушается выйти изъ міра московской, до-петровской Руси и вступаетъ въ міръ типовъ, явившихся съ петровскими преобразованиями. Любопытно, что и въ этомъ мірѣ Островскій роется всегда на днѣ, но не на томъ днѣ, гдѣ копошатся страсти и идеи, гдѣ лежитъ именно сила; онъ своимъ археологическимъ крючкомъ вытаскиваетъ такія мелочи, такія психологическія ничтожества, и создаетъ такія, вовсе не драматическія положенія, что обидно за измен-

ный полетъ его художественнаго творчества и сжатость мысли, точно боящейся умственного простора и широкой области наблюдений.

IV.

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ разговоры эти слышатъ?

Въ самодурахъ Островскій хотя и давалъ типъ ограниченности, но эти люди все-таки не пошлые дураки. Но вотъ, странствуя по переулкамъ Москвы, въ какихъ-нибудь „Плетешкахъ“, г. Островскій встрѣтилъ Бальзамина и ему такъ понравился этотъ типъ и этотъ міръ, что онъ написалъ „Праздничный сонъ до обѣда“, „Свои собаки грызутся“ и „Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь“. Трудно понять, почему этотъ ничтожный міръ человѣческой пошлости могъ вызвать цѣлую эпопею на тему всѣхъ случайностей, какія постигали Бальзамина въ поискахъ за невѣстой. Какіе интересы руководятъ этимъ міромъ, какія дѣйствуютъ въ немъ страсти, въ чемъ драматизмъ положенія героев? Чѣмъ дальше читаешь похождения Бальзамина, тѣмъ больше недоумѣваешь, что онъ могъ возбудить творческую фантазію писателя, создавшаго „Грозу“, „Своихъ людей“, „Не въ свои сани не садись“ и т. д. Вѣрный себѣ, г. Островскій и тутъ выѣзжаетъ на языкѣ, но за этимъ языкомъ вамъ уже не рисуются ни драматическія положенія героевъ лучшихъ пьесъ Островскаго, ни невѣдомый міръ смутныхъ, но все-таки болѣе сильныхъ чувствъ, и вы чувствуете неисходную скуку, точно васъ заставили жить силой среди неисходнаго слабоумія, лишеннаго даже всякаго права на обобщеніе. И это-то слабоуміе г. Островскій разводитъ въ трехъ длинныхъ пьесахъ, наполненныхъ съ начала до конца какими-то безмысленными фразами и глупыми словами, которыя васъ заставляютъ принимать за мысли. Напримеръ, какъ вамъ покажется подобный разговоръ Бальзаминой съ Матреной: „Хорошо-бы теперь, Матрена, чайку послѣ бани“. „Ужь это на что лучше...“ — „А гдѣ-же Миша?..“ — „Спитъ, умаялся“. — „Ну, пускай спитъ“. — „Что-жь, пускай спитъ. Никакихъ важныхъ дѣлъ за нимъ нѣтъ... А я сослѣдила, куда онъ ходитъ“. — „Куда-же?“ — „Тутъ, близехонько...“ — „Да будетъ-ли

только-то какой-нибудь? — „Кто-жь его знает... Надо полагать, что ничего не выиграешь“. — „Отчего-же ты такъ, Матрена, думаешь? — „Мало виду изъ себя имѣешь, польститься-то не на что“. — „А какъ ихъ фамилія-то, гдѣ онъ ходитъ? — „Пѣженовыхъ“. — „Кто-жь они такіе? — „Сами по себѣ“. — „Какъ-же такъ сами по себѣ? — „По своей части“. — „Экая ты безтолковая, что-же они, служащіе или купцы? — „Должно, торгуютъ“. — „Кто-жь у нихъ изъ женскаго-то полу? — „Двѣ сестры, обѣ въ дѣвкахъ, только имъ выходу нѣтъ никакого“. — „Отчего-же? — „Такой приказъ отъ братьевъ“. — „Зачѣмъ-же такой приказъ? — „Потому — страмъ“. — „Какой-же страмъ? — „Очень на мужчинъ безстыжи“, и т. д. Что-же это такое? и этотъ разговоръ еще не изъ особенно рѣзко выдающихся; но вы найдете рассказъ о томъ, какъ считали разъ архитекторы и у нихъ не хватило цифири, разговоры о бѣлой Арапіи, о царѣ Фараонѣ, о предстоящемъ нашествіи Наполеона съ двадесатью языками, о кометѣ, о концѣ міра, — и весь этотъ идиотизмъ г. Островскій какъ-бы возводитъ въ комизмъ, тогда какъ въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ шутовства и самой томительной пошлости. Мы нисколько не отрицаемъ, что въ Москвѣ, въ Плетешкахъ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, живетъ нѣсколько семействъ очень слабоумныхъ людей, что у слабоумной маменьки есть еще болѣе слабоумный сынъ, что слабоумный сынъ задался мыслью составить себѣ счастье женитьбой и что послѣ множества бесплодныхъ поисковъ и неудачъ онъ, наконецъ, нашель подобную-же жалкую пошлость, какъ самъ, въ лицѣ купчихи Вѣлотѣловой — все это, конечно, могло быть, да, вѣроятно, и бываетъ; но мы говоримъ о томъ, въ чемъ собственно заключается здѣсь драматизмъ положеній, въ чемъ важность психическихъ моментовъ, въ чемъ комизмъ и что можетъ возбуждаѣ въ васъ, мыслящемъ зрителѣ, нескончаемый наборъ пошлыхъ фразъ и мизерность ограниченныхъ мыслей ограниченного мірка, который г. Островскій разоблачаетъ съ такимъ тщаніемъ и подробностями на большомъ, очень большомъ числѣ страницъ? Мы не отрицаемъ въ г. Островскомъ права давать картины подобнаго быта, но зачѣмъ ихъ рисовать во всю стѣну, когда то-же самое, но въ сжатомъ и сокращенномъ видѣ, было-бы совершенно достаточно и подѣйствовало-бы на читателя гораздо сильнѣе? Мы объясняемъ это отсутствіемъ творческой мѣры

и неясностью руководящей мысли, мѣшающей г. Островскому находить драматическій матеріалъ и дѣйствительно драматическія положенія. Островскаго уже укоряли нѣкогда въ фотографичности, но нигдѣ его фотографичность не обнаруживала такой слабости, какъ при выборѣ сюжетовъ изъ міра Бальзаминовыхъ. Конечно, употребляя добролюбовскій пріемъ, можно уйти въ критическій разборъ петровскихъ реформъ, наговорить много о культурныхъ и историческихъ вліяніяхъ московской Руси, но неужели только дѣло критики уяснить автора подобнымъ образомъ и говорить свое, говорить по поводу, говорить, наконецъ, то, чего никогда не было въ мысляхъ автора? Вѣдь если критика будетъ дѣйствовать такимъ образомъ, то и по поводу такихъ книжонокъ, какъ „Московскій шиньонъ или ярославецъ въ петербургскихъ когтяхъ“, „Блѣднорозовая собака или свѣтъ Шандора подь краснымъ деревомъ“, „Женихъ во щахъ или невѣста въ помадной банкѣ“, можно тоже написать очень умную критическую, руководящую статью и наговорить превосходныхъ вещей объ условіяхъ народнаго образованія и т. д., и т. д., и т. д. Скажите, читатель, неужели думать умно и руководящимъ образомъ обязаны только критики, а авторы избавлены отъ обязательства думать прогрессивно, брать сюжеты прогрессивные и писать прогрессивно?..

Насъ постоянно увѣряютъ, что поэтъ не мыслитель, что онъ только зеркало, точно въ этомъ заключается какое-нибудь оправданіе творческой ограниченности и художественной формы, лишенной прогрессивнаго содержанія! Нѣмцы праздновали недавно столѣтній юбилей философа Шеллинга. Это былъ мыслитель съ поэтической душой, и потому, что его поэтическая душа оказывалась сильнѣе его философскаго ума, онъ договорился до того, что изъ прогрессивнаго мыслителя превратился въ регрессивнаго поэта. Если поэтическій строй художественной души ячтается чисто-безсознательной, отражающей силой и рядомъ съ ней не свершается въ авторѣ процессъ критической мысли,—пусть лучше такой поэтъ и художникъ никогда не беретъ за перо, потому-что нѣтъ ничего больнѣе, какъ видѣть развѣнчанное величіе, погибшую силу и нѣкогда живую душу, превратившуюся въ бродящую тѣнь, вызывающую сожалѣніе. Художники и до сихъ поръ воображаютъ себя вдохновенными прорицателями, носителями священнаго огня

и источникомъ непосредственной жизненной истины. Но они не знаютъ только того, что обладать чувствомъ формы не значитъ еще владѣть чувствомъ мысли и что тотъ, кто хотя разъ сошелъ съ высоты идеи, быстро и безъ удержу катится затѣмъ подь гору. И подобный опасный моментъ почти ни одинъ изъ повтово и художниковъ никогда въ себѣ не сознаетъ и не видитъ. А знаете-ли отчего? Частью оттого, что свое умственное настоящее мы признаемъ безошибочнѣе своего умственного прошедшаго, старость непогрѣшимѣе молодости и какъ-бы поправкой предыдущаго молодого сужденія, а частью оттого, что, какъ сказала еще Свифтъ, всѣ человѣческія глупости происходятъ только отъ преувеличеннаго воззрѣнія людей на свои силы. Знать мѣру своихъ силъ есть признакъ вышаго сознанія. Но какъ поэты и художники тоже грѣшныя люди, какъ мы, то почему же имъ непременно надо быть исключеніемъ? Исключеніе требуетъ силы и душевнаго величія, а величіе и сила — гений; онѣ слишкомъ рѣдкы.

Типъ пошляковъ и глупцовъ очень любимый типъ Островскаго, но почему? Стараясь найти это „почему“, мы сдѣлаемъ объясненіе, конечно, не въ пользу нашего московскаго драматурга. Есть типъ глупости, такъ-сказать, социальный. Но г. Островскій минуетъ эту глупость, ему больше нравятся микроцефалы, уроды физиологическіе и типы регрессивныя. Такой излюбленный типъ, кромѣ нескончаемаго Бальзамина, г. Островскій повторилъ въ Глумовѣ (На всякаго мудреца довольно простоты). И что это за геологическая ограниченность и ископаемая тупость! Какая смѣсь приниженности, заискиванія, подобострастія и мелочнаго, низкопробнаго разсчета на чужія деньги! Въ комедіяхъ изъ купческаго быта передъ вами фигурируетъ тоже приниженность и забитость, созданная самодурствомъ. Но для васъ ясно, что эта приниженность есть обратная сторона медали, извѣстная крайняя противоположность жизни, ея несчастное послѣдствіе. Передъ вами лицомъ къ лицу стоятъ двѣ осязаемыя, видныя и ясныя очевидности. Передъ вами стоитъ молотъ, передъ вами стоитъ наковальня; рисунокъ ихъ такъ опредѣлителенъ, что въ вашемъ умѣ немедленно возникаетъ логическая посылка и выводъ вашъ такъ-же безошибоченъ и неизбѣженъ, какъ въ извѣстномъ силлогизмѣ о *Кан*. Для васъ совершенно ясно, что изъ

Большова вырастаетъ его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ Подхалюзинъ, для васъ ясно, что Матрена Савишна есть неизбѣжное послѣдствіе Самсона Силыча. Но въ такихъ комедіяхъ, какъ нескончаемыя похождения Бальзамина и продѣлки Глумова, передъ вами не возникаетъ ничего яснаго, вы не видите даже характеровъ и психологическихъ образовъ, вы чувствуете лишь какую-то запутанность и мутность авторской мысли. Отражающее творческое зеркало автора напоминаетъ вамъ зеркальные рефлекторы коридорныхъ лампъ, рефлекторы, склеенные изъ множества маленькихъ кусочковъ, изъ которыхъ каждый отражаетъ что-то свое, безъ общей связи и единства.

Типы ограниченности, которые даетъ г. Островскій въ глумовской компаніи, слишкомъ старые, молчалиновскіе типы, но сведенные изъ той высшей сферы, куда помѣстилъ Грибоѣдовъ Молчалина, въ низшую, приказную, чиновно-мѣщанскую среду. Мы не отрицаемъ, что Глумовъ, какъ и Бальзаминовъ, Мамаевъ, Мамаева, Крутицкій и т. д., взяты изъ живой дѣйствительности; типы эти, конечно, есть и ихъ видѣлъ г. Островскій, но мы думаемъ, что самъ г. Островскій не станетъ отрицать того, что если вся пьеса лежитъ на плечахъ актеровъ, что если они, по отношенію къ автору, становятся въ такое-же положеніе, въ какое становится разъясняющая автора критика, а въ чтеніи пьеса не представляетъ ровно никакого интереса, то причина этого заключается только въ томъ, что ни въ типахъ, ни въ характерахъ, ни въ идеѣ пьесы не заключается никакой дѣйствительно прогрессивно-творческой силы. Если-бы г. Островскій былъ водевильный писатель, мы-бы, конечно, о немъ не стали говорить. Водевиль всегда зависитъ отъ сценичности, отъ талантовъ актеровъ и имѣетъ полное право быть глупымъ. Водевиль долженъ смѣшить и развлекать зрителя. Очень часто, особенно въ нѣмецкихъ фарсахъ, онъ тогда-то именно полнѣе всего и достигаетъ своей цѣли, когда глупъ и какъ-бы чуждъ всякой мысли. Но и въ этой глупости должна быть живая струйка, сама глупость должна быть умна и на-столько игрива, чтобы возбуждала мозгъ пріятнымъ образомъ и не наводила зѣвоты. Для подобной наивной игривости г. Островскій слишкомъ тяжелъ и, желая сдѣлать своихъ героевъ комическими, онъ сдѣлалъ ихъ только пошлыми. Очень можетъ быть, что, истощивъ всѣ свои творческія силы надъ

купеческимъ бытомъ или боясь утомить зрителя однообразіемъ, г. Островскій хотѣлъ испытать себя въ иной области и, отказавшись отъ серьезнаго, очутился между небомъ и землею, отсталъ отъ одного и не присталъ къ другому, раздвоившись между серьезной комедіей и шуткой. Г. Островскій слишкомъ серьезенъ, чтобы умѣть смѣяться, но такъ-какъ онъ этого не знаетъ и желаетъ быть игривымъ, то его попытки игривости вызываютъ только недоумѣніе читателя. Даже моментъ того высшаго комизма, который ему какъ-бы давался въ комедіяхъ изъ купеческаго быта, совершенно отошелъ отъ него, когда онъ вздумалъ попытать свои силы надъ изображеніемъ другой среды. А изображеніе подобной среды и не могло удался г. Островскому, потому-что въ самой его руководящей идеѣ недостаетъ ни соціальнаго, ни критическаго момента. Этого мало. У г. Островскаго недостаетъ иногда на-столько самобытнаго творчества, что онъ прибѣгаетъ къ подражанію. Я вамъ выпишу монологъ Крутицкаго. „Любопытствую знать, говоритъ онъ Глумову, — какъ вы начинаете экспликацію моей главной цѣли. Артикулъ первый: всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключаетъ въ себѣ реформа? Реформа заключаетъ въ себѣ два дѣйствія: отмѣну стараго и постановленіе на мѣсто онаго чего-либо новаго. Какое изъ сихъ дѣйствій вредно? И то, и другое одинаково: отмѣняя старое, мы даемъ просторъ опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отмѣняется, и составлять таковыя умозаключенія: отмѣняется нѣчто непригодное; такое-то учрежденіе отмѣняется, значитъ оно непригодно. А сего быть не должно, ибо симъ возбуждается свободомысліе и дѣлается какъ-бы вызовъ обсуждать то, что обсужденію не подлежитъ. Поставляя новое, мы дѣлаемъ какъ-бы уступку такъ-называемому духу времени, который есть ничто иное, какъ измышленіе праздныхъ умовъ“. Угадайте, кто это—Островскій или Щедринъ! Что это: сатира, карикатура, типъ, шутка, иронія или фарсъ?

На-сколько г. Островскій обнаруживаетъ безсиліе мысли и недостатковъ замысла въ сценахъ и изображеніяхъ, несоставляющихъ его специальности, виднѣе всего на Глумовѣ. Глумовъ фигурируетъ передъ вами необыкновенно пошлою ничтожностью. Его погоня за наживой такъ мизерна, планъ, составленный имъ, чтобы обогатиться и выйти въ люди, отзывается такимъ мелкимъ,

лавочнымъ плутовствомъ, такимъ писарски-канцелярскимъ заискиваніемъ, что читая пятнадцатую комедію съ ея нескончаемо-растянутыми разговорами, вы ни разу не почувствуете къ Глузову даже и тѣни какого-нибудь отраднатоу человѣческаго чувства. Вы остаетесь въ постоянномъ недоумѣніи, не умѣя понять, кто именно фигурируетъ передъ вами, — сознательный-ли, тонкій плутъ, глупецъ или ловкій обманщикъ. Передъ вами какая-то пестрая тѣнь, что-то неопредѣленное, скучное и томительно-ничтожное. И вдругъ, внезапно, точно съ неба, въ концѣ пятаго дѣйствія Глузовъ является героемъ благородства; онъ является пророкомъ-изобличителемъ людской глупости и подъ внезапнымъ наитіемъ и душевнымъ просвѣтленіемъ выдаетъ глупцамъ, которыхъ онъ до сихъ поръ эксплуатировалъ, такое изобличеніе: „Знайте, господа, что пока я былъ между вами, въ вашемъ обществѣ, я только тогда и былъ честенъ, когда писалъ этотъ дневникъ. И всякій честный человѣкъ иначе къ вамъ относиться не можетъ. Вы подняли во мнѣ всю желчь; чѣмъ вы обидѣлись въ моемъ дневникѣ? Что вы нашли въ немъ новаго для себя? Вы сами то-же постоянно говорите другъ про друга, только не въ глаза. Если-бы я самъ прочелъ вамъ каждому отдѣльно то, что про другихъ писано, вы-бы мнѣ аплодировали. Если кто имѣетъ право обижаться, сердиться, выходить изъ себя, такъ это я. Не знаю, кто, но кто-нибудь изъ васъ, честныхъ людей, укралъ мой дневникъ...“ Откуда-же явилось это внезапное просвѣтленіе и это рѣзкое изобличающее слово, и этотъ безжалостно-кинутый вызовъ? Откуда? Изъ творческаго безсилія автора и его непослѣдовательности. Для насъ „На всякаго мудреца довольно простоты“ служить лучшимъ доказательствомъ безсилія творческой мысли Островскаго, несумѣвшаго воспользоваться тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который ему подсовывала жизнь. Ни одна изъ комедій г. Островскаго изъ купеческаго быта не представляетъ такого богатаго матеріала, съ сильной соціальной подкладкой, какую-бы могъ дать Глузовъ, если-бы г. Островскій сумѣлъ понять тотъ глубокій драматизмъ, который оканчивается просвѣтлѣніемъ въ моменты ударовъ судьбы. Но для этого не нужно было дѣлать изъ Глузова пошляка, не нужно было творить изъ него полнѣйшее нравственное ничтожество и какую-то отталкивающую, безнадежную нравственную ничтожность. Глузовъ г. Островскаго не могъ про-

рваться въ то внезапно-пробудившееся благородство, которое онъ высказываетъ въ своемъ послѣднемъ монологѣ. Этотъ Глумовъ могъ только сломиться, сдѣлаться еще приниженнѣе, но не встать во весь ростъ. Непроглядная подлость, въ которой авторъ во весь ходъ дѣйствія пьесы не показалъ ни одной свѣтлой чело-вѣческой черты, могла оставаться только безнадежной подлостью. Для того-же Глумова, который прорывается въ благородство, нужно было благородство и въ началѣ. Г.-же Островскій дѣ-лаетъ внезапное чудо. Мы не думаемъ даже, что авторъ сдѣ-лалъ такой внезапный конецъ ради сценическаго эффекта; ужь, конечно, онъ-бы не отказался написать пьесу сильную отъ начала до конца, не отказался-бы вмѣсто тряпокъ дать характеры, вмѣ-сто водевиля — драму. Если-же онъ этого не далъ, значитъ и не могъ, значитъ не достало у него силы. Окружающая жизнь что-то шевельнула въ немъ, что-то возмутила на днѣ его души, но шевельнула слабо и не произвела ни глубокаго болѣвого про-цеса, ни тронула его социальнаго сознанія. Соціальный вопросъ оказался сведеннымъ къ простому разсказу изъ жизни захолустья, къ маленькой сценѣ въ московскихъ Плетешахъ.

Н. Языковъ.

(Окончаніе будетъ.)

КНЯЗЬ БИСМАРКЪ *).

(БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

Затруднительное положеніе Бисмарка передъ началомъ войны 1866 года. — Покушеніе на жизнь Бисмарка. — Недодуманность и опрометчивость Австріи. — Ловкость прусскаго министра-президента. — Разгромленіе ГанOVERA и Гессена. — Арестъ Пфортена. — Побѣды въ Богеміи. — Уничтоженіе Германскаго Союза. — Усиленіе прусской территоріи. — Торжество Бисмарка надъ прусскимъ парламентаризмомъ. — Безсиліе новой оппозиціи въ парламентѣ. — Сношенія Бисмарка съ Наполеономъ III. — Переговоры о присоединеніи Бельгіи къ Франціи. — Отказъ Бисмарка въ вознагражденіи Наполеону III. — Бисмаркъ подготовляетъ Германію къ войнѣ съ Франціей. — Люксамбургскій вопросъ. — Колебанія и неловкость Наполеона III. — Новая побѣда Бисмарка, вызвавшая неудовольствіе въ Германіи. — Бисмаркъ ловко проводитъ Наполеона III. — Приготовленія къ войнѣ Пруссіи и бездѣйствіе Франціи. — Французская нація не желала войны. — Свиданіе Наполеона III съ Бисмаркомъ послѣ седанскаго пораженія.

Х.

По словамъ Гезекиля, весна славнаго для Пруссіи 1866 года была самой тяжелой эпохой въ жизни Бисмарка; страшная отвѣтственность тяготѣла надъ его головой. Всѣ его попытки къ соглашенію съ своими противниками, частью вполне добросовѣстныя, частью коварныя, не удались, а противодѣйствіе его враговъ значительно парализировало его усилія. Его окружали интриги. На него нападали прямо, но чаще вели противъ него тайные подкопы. Не разъ онъ чувствовалъ, что подъ его ногами колеблется почва. Не разъ онъ въ отчаяніи говорилъ себѣ, что, пожалуй, скоро придетъ время, когда онъ долженъ будетъ отказаться отъ своей наступательной политики, имѣвшей цѣлью расширеніе предѣловъ Пруссіи, и ограничиться пассивнымъ противодѣйствіемъ ав-

*) См. № 10 и 11 „Дѣла“ за 1874 годъ.

стрийскимъ стремленіямъ, которое могло привести развѣ только къ вассальному подчиненію прусской монархіи австрійскому императорскому дому. Кромѣ нравственныхъ страданій, Бисмаркъ въ это время подверженъ былъ физическимъ болѣзнямъ: ревматизмы его разыгрались до такой степени, что доктора опасались за весьма печальный исходъ въ родѣ подагры. Хуже всего было то, что въ душу Бисмарка закралось сомнѣніе въ соотвѣтственности и исполнимости его плановъ, — сомнѣніе, развившее въ немъ страшную подозрительность, которая, въ свою очередь, уменьшила въ немъ его поразительное самообладаніе и силу воли. Ему, ведущему борьбу со всѣмъ и всѣми — съ своими прежними друзьями и союзниками, съ нерѣшительностью короля, съ негодованіемъ и ненавистью двора, съ трусостью либераловъ, съ эгоизмомъ лавочниковъ, наконецъ съ народными симпатіями и требованіями, — ему приходилось вести борьбу еще съ самимъ собою. По словамъ Гезекиля, „въ это время надломилась его желѣзная воля, онъ началъ ослабѣвать“, но случай снова возбудилъ въ немъ энергію и вывелъ его на прежнюю дорогу.

„7 мая 1866 года, въ 5 часовъ вечера, Бисмаркъ, вышедшій изъ дома въ первый разъ послѣ болѣзни, направлялся во дворецъ съ рапортомъ къ королю по главной берлинской улицѣ „Подъ Липами“. Подходя къ дому русскаго посольства, онъ услышалъ два выстрѣла сзади себя. Въ то-же время мимо его уха просвистала пуля. Онъ обернулся и увидѣлъ молодого человѣка, цѣлившаго въ него изъ пистолета. Произошелъ выстрѣлъ, третій по счету, и пуля задѣла правое плечо Бисмарка. Молодой человѣкъ взялъ другой пистолетъ и выстрѣлилъ еще два раза. Пулей одного изъ этихъ выстрѣловъ прострѣлило полу сюртука Бисмарка. Этого молодого человѣка, покушавшагося на убійство министра-президента, звали Фердинандъ Конъ-Блиндъ...

„Съ этого дня сомнѣніе оставило Бисмарка. Имъ снова овладѣли рѣшительность и сила воли. Въ своемъ чудесномъ спасеніи отъ пуль убійцы онъ увидѣлъ вѣрный признакъ, что Провидѣніе щадить его, какъ своего избранника, которому предназначено совершить великую историческую миссію“, заключаетъ Гезекиль.

Многіе, изъ числа идеалистовъ, приверженцевъ идеи германскаго единства, повѣрили тогда, что Бисмарку, дѣйствительно, предназначено совершить историческую миссію. Въ числѣ такихъ вѣрую-

щихъ находился поэтъ Гейбель. Свою вѣру онъ изложилъ въ стихахъ, разошедшихся послѣ австрійской войны въ тысячахъ экземпляровъ.

Между тѣмъ въ моментъ покушенія на его жизнь графъ Бисмаркъ былъ едва-ли не самый непопулярный человѣкъ въ Пруссіи. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ событіи одинъ изъ очевидцевъ:

„Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ, послѣ покушенія противъ него, графъ Бисмаркъ твердымъ и спокойнымъ шагомъ продолжалъ свой путь, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ. Огромная, взволнованная толпа провожала его, бросая на него вовсе не симпатичные взгляды. Въ то время онъ далеко не пользовался тѣмъ уваженіемъ, которымъ пользуется теперь. Въ то время неудовольствіе противъ него выражалось въ крайнихъ формахъ, оно доходило почти до ненависти. Обычнаго въ подобныхъ случаяхъ раздраженія толпы противъ убійцы не было. Многіе вслухъ выражали даже сожалѣніе, что молодой человѣкъ арестованъ. Многіе обращались съ сарказмами, какъ къ самому Бисмарку, такъ и къ офицерамъ, обрुжавшимъ министра-президента и готовымъ обнажить свое оружіе для его защиты“.

Блиндъ былъ фанатикомъ нѣмецкаго бюргерскаго либерализма; никакой личной ненависти къ Бисмарку онъ не имѣлъ и дѣйствовалъ по чисто-политическимъ побужденіямъ. „Я намѣренъ убить Бисмарка, писалъ Блиндъ наканунѣ покушенія своему тестю, — потому что я считаю его самымъ опаснѣйшимъ врагомъ свободы нашего нѣмецкаго отечества. Покушеніе Орсини противъ Наполеона дало Италіи свободу и единство. Искренно надѣюсь, что смертью Бисмарка будетъ спасена наша Германія“. Процессъ Блинда раскрылъ, въ какой степени въ то время былъ непопуляренъ Бисмаркъ въ средѣ управляющихъ классовъ прусскаго общества, — тѣхъ самыхъ классовъ, которые теперь преклоняются передъ Бисмаркомъ, считая его величайшимъ и гениальнѣйшимъ изъ людей и благодѣтелемъ нѣмецкой націи. Очень вѣроятно, что самъ Блиндъ, окончившій жизнь самоубійствомъ во время процесса, доживъ до французской войны, сдѣлался-бы ревностнымъ почитателемъ министра-президента, какъ и всѣ его друзья, въ то время бывшіе въ числѣ злѣйшихъ противниковъ Бисмарка. Сдѣлался-же теперь приверженцемъ канцлера германской имперіи Гансъ Блюмъ, редактирующій въ настоящее время ультра-бисмаркистскій органъ; а ког-

да-то, подобно своему отцу, извѣстному Роберту Блюму, онъ былъ въ числѣ самыхъ рѣшительныхъ враговъ министра-президента.

Въ мартѣ 1866 г. Пруссія и Италія окончательно согласились относительно необходимости объявить войну Австріи. Бисмаркъ послѣшилъ тотчасъ-же разослать циркуляръ иностраннымъ державамъ, въ которомъ излагались жалобы на вооруженія Австріи, будто-бы явно направленные противъ невинной ни въ чемъ Пруссіи, искренно желавшей пребывать въ мирныхъ отношеніяхъ со всѣми своими сосѣдями. Въ этомъ циркулярѣ указывалось, какъ на самый поразительный фактъ миролюбія Пруссіи, что она не предпринимаетъ никакихъ вооруженій (она въ нихъ не нуждалась), несмотря на слишкомъ явный вызовъ Австріи; что она не мобилизовала ни одного батальона ландвера, что она не передвинула съ занимаемыхъ квартиръ ни одной роты дѣйствующей арміи; что, однимъ словомъ, она не шевельнула пальцемъ для своей защиты отъ нападеній коварнаго сосѣда. Чтобъ заполучить въ Германіи поддержку партіи національнаго ферейна, 10 апрѣля 1866 года Пруссія предложила германскому сейму превратиться въ парламентъ, избранный посредствомъ прямого всеобщаго голосованія. Нечего и говорить, что сеймъ торжественно отвергъ такое предложеніе.

Наполеонъ III, желая показать, что онъ не сочувствуетъ особенно ни той, ни другой сторонѣ, предложилъ обѣимъ свое посредничество. Конечно, изъ этого посредничества не вышло ничего, потому что въ предложеніи французскаго императора не было ни капли искренности. Миръ вполне зависѣлъ отъ него. Ему стоило сказать рѣшительное слово—и война между Австріей и Пруссіей стала-бы невозможной. Если-бъ онъ заявилъ рѣшительно, что обратится противъ той стороны, которая объявитъ войну, ни Пруссія, ни Австрія не рѣшились-бы первыми выступить на поле брани и ихъ споръ ограничился-бы обмѣномъ нѣсколькихъ дипломатическихъ нотъ угрожающаго характера. Но Наполеонъ III, напротивъ, поощрилъ объявленіе войны, войдя съ Бисмаркомъ по этому поводу въ весьма интимные переговоры.

Австрія, по своей обычной неловкости и недодуманности, отказалась принять участь въ конференціи, которая должна была рѣшить судьбу, какъ Венеціи, такъ и герцогствъ. Побудительной при-

чиной своего отказа Австрія объявила свое нежеланіе отдавать на международное рѣшеніе вопросъ, который она считала своимъ національнымъ. Между тѣмъ участіе въ конференціи представляло для Австріи единственное средство выйти съ честью изъ затрудненія, такъ-какъ послѣ пораженія подъ Маджентой и Сольферино она была не въ силахъ удерживать за собой Венецію. Уступивъ Венецію (что ей пришлось сдѣлать послѣ войны), она обезпечила-бы себѣ нейтралитетъ Италіи и имѣла-бы возможность употребить всѣ свои силы противъ одной Пруссіи. Отказавшись отъ конференціи, она нашлась вынужденной выставить въ поле противъ непріятеля двѣ арміи: одну на сѣверѣ, другую на югѣ, такимъ образомъ, что одинъ театръ войны былъ почти въ семисотъ-верстномъ разстояніи отъ другого. Отказавшись войти въ соглашеніе насчетъ Венеціи, Австрія возстановила противъ себя также общественное мнѣніе Европы, чѣмъ, конечно, не замедлилъ воспользоваться Бисмаркъ. Онъ успѣлъ переманить на свою сторону всѣхъ либераловъ Германіи, указывая имъ на Австрію, какъ на оплотъ и провозвѣстницу ретроградныхъ идей. При этомъ Бисмаркъ опять пустилъ въ ходъ свою идею о необходимости замѣнить германскій сеймъ выборнымъ парламентомъ. Бисмаркъ въ это время выказалъ себя замѣчательнымъ дипломатомъ, привлечшимъ на свою сторону своихъ бывшихъ враговъ — либераловъ Пруссіи, Австріи и Франціи. Но его заслуги и величіе значительно умаляются, если мы вспомнимъ, съ какими посредственностями ему приходилось имѣть дѣло. И въ самомъ дѣлѣ, могли-ли идти въ сравненіе съ нимъ такіе дѣятели, какъ прусскіе либералы: Грабовъ, Зибель, Шульце-Деличъ; австрійскіе: Шмерлингъ, Ауэрсбергъ, Добльгофдиръ, Гискра, Таафе, Брестель, Бергеръ, Гербстъ, Гафнеръ, Пленеръ; и французскіе: Грамонъ, Оливье, Талуэ, Лавалетъ и Жеромъ Давидъ? Могли-ли эти люди противостоятъ ловкому, энергичному и сильному Бисмарку? Францъ-Иосифъ былъ правъ, когда послѣ пораженія подъ Садовой съ отчаяніемъ воскликнулъ: — „Увы! зачѣмъ не у меня служить этотъ ужасный человекъ!“ (дѣло шло о Бисмаркѣ).

Отказавшись отъ участія въ международной конференціи, Австрія, желая показать свое мирное расположеніе, сдѣлала новую опрометчивость. Она объявила, что готова отдать вопросъ о герцогствахъ на разрѣшеніе германскому сейму. На это предложеніе Бисмаркъ отвѣчалъ циркуляромъ, въ которомъ заявлялъ, что Австрія только

представляется почитательницей мира, въ сущности-же она самымъ безперемоннымъ образомъ нарушаетъ договоръ, заключенный ею съ Пруссіею въ Гаштейнѣ. Человѣкъ дѣйствія, Бисмаркъ не дремалъ. Онъ немедленно перешелъ отъ словъ къ дѣлу и рѣшился на мѣру, по меньшей мѣрѣ, странную. Подъ видомъ исполненія гаштейнскаго трактата, онъ предложилъ австрійскимъ войскамъ немедленно очистить герцогства, хотя смыслъ трактата именно въ томъ и заключался, что герцогства должны быть заняты совмѣстно войсками Австріи и Пруссіи. Между австрійскими войсками, занимавшими герцогства, и Австріей находилась вся прусская армія. Что-же могла сдѣлать горсть австрійцевъ, сотнями верстъ отдѣленная отъ своего отечества? Австрійцамъ оставалось одно: исполнить требованіе Бисмарка. Австрійцы жаловались на такое оскорбленіе германскому сейму. Сеймъ обвинилъ Пруссію и отдалъ приказаніе мобилизовать союзную армію. Пруссія отвѣчала на это отозваніемъ своего представителя изъ сейма и объявленіемъ, что Германскій Союзъ пересталъ существовать.

Въ то-же самое время Бисмаркъ предложилъ Саксоніи, ГанOVERу и Гессену присоединиться къ Пруссіи, угрожая въ противномъ случаѣ считать ихъ непріятелями, проще сказать—объявить имъ войну. Всѣ эти три государства на предложеніе Пруссіи отвѣтили союзомъ съ Австріей. Баварія долго колебалась. Бисмаркъ ублажалъ ея министра фон-дёръ-Пфортена разными обѣщаніями. Онъ ослѣплялъ его блистательной перспективой южногерманскаго государства, управляемаго баварской династіей, которое образуется тотчасъ послѣ пораженія Австріи. Фон-дёръ-Пфортенъ позволилъ напустить себѣ туману въ глаза; онъ вѣрилъ обѣщаніямъ министра-президента, и только тогда понялъ, что былъ одураченъ имъ, когда Бисмаркъ успѣлъ нанести нѣсколько послѣдовательныхъ ударовъ своимъ врагамъ. Пфортенъ началъ войну съ Пруссіей въ то время, когда уже было поздно, и началъ только для того, чтобъ участвовать въ общемъ пораженіи. Другія нѣмецкія государства, въ томъ числѣ и Виртембергъ, управляемый Варнбюлеромъ, не смѣли вмѣшаться въ борьбу, такъ-какъ въ нихъ господствовала партія національнаго ферейна, сочувствовавшая Пруссіи и ненавидѣвшая Австрію.

Пруссія, даже не объявляя войны, ввела свою армію въ ГанOVERъ, поразила его; потомъ эта армія вошла въ Гессенъ, подвергла

его той-же участи, и, наконецъ, вторгнулась въ Саксонію. Въ то-же время главная прусская армія быстрыми переходами достигла Богеміи. Она такъ скоро явилась на полѣ битвы, что Австрія даже не успѣла еще отдать нужныхъ распоряженій для сосредоточенія войскъ. У Пруссіи все было заранѣе готово и ей достаточно было пятнадцати дней, чтобъ нанести пораженіе союзникамъ Австріи и явиться съ огромной арміей въ центръ Богеміи, т. е. почти подъ стѣнами Вѣны. Австрія-же и ея союзники, слѣдуя преданіямъ гофкриггера, исписывали въ канцеляріяхъ выпи бумажъ, которыя заключали въ себѣ распоряженія о мобилизаціи ихъ армій. Много времени требовалось для того, чтобы распоряженіе прошло нѣсколько послѣдовательныхъ инстанцій.

Въ это время случился одинъ казусъ, отлично характеризующій Бисмарка. Война уже была объявлена. Фон-деръ-Пффордтенъ, все еще колеблющійся, пріѣхалъ въ прусскую армію для переговоровъ съ Бисмаркомъ. Не долго думая, Бисмаркъ приказалъ арестовать его, подъ предлогомъ, что баварскій министръ не имѣетъ при себѣ никакихъ бумагъ, удостовѣряющихъ, какъ его личность, такъ и его полномочіе. Конечно, Бисмаркъ отвергалъ, что онъ совершилъ такое беззаконіе въ смыслѣ международнаго права. Онъ увѣрялъ, что только не могъ принять Пффордтена втеченіи нѣсколькихъ дней, такъ-какъ былъ заваленъ дѣлами. Во всякомъ случаѣ, Пффордтенъ, хотя и не сидѣлъ прямо подъ арестомъ, но находился подъ бдительнымъ надзоромъ двухъ жандармовъ и не могъ-бы уѣхать безъ разрѣшенія Бисмарка.

Кампанія продолжалась всего шесть недѣль и военныя дѣйствія происходили разомъ на нѣсколькихъ пунктахъ: въ Ганноверѣ, въ Турингіи, въ долину Майна и въ Богеміи, гдѣ и была рѣшена участь кампаніи. Сраженіе подъ Кениггрецемъ рѣшило участь Австріи. Главная австрійская армія была поставлена здѣсь между двухъ огней и совершенно разбита. Въ началѣ боя австрійская армія имѣла передъ собой только первую прусскую армію, находившуюся подъ начальствомъ короля Вильгельма и Мольтке. Здѣсь-же находился и Бисмаркъ. Австрійцы, предводимые Бенедеккомъ, выказали въ этотъ день много храбрости и энергіи. Прусская армія уже начала отступать. Король Вильгельмъ и Мольтке съ от-

чаяніемъ видѣли, что все потеряно, такъ-какъ время прошло, когда наслѣдный принцъ прусскій со своей второй арміей долженъ былъ ударить въ тылъ австрійцамъ. Рассказываютъ, что, видя неминуемое пораженіе арміи въ томъ случаѣ, если наслѣдный принцъ не придетъ на выручку, Бисмаркъ задумалъ о самоубійствѣ.

— Закуриваю послѣднюю сигару, сказалъ онъ одному изъ офицеровъ главнаго штаба, — и если...

Но въ эту минуту, въ той сторонѣ, откуда долженъ былъ придти наслѣдный принцъ, показались признаки движенія большой массы народа.

— Это, должно быть, наслѣдный принцъ, сказалъ весело Бисмаркъ и поскакалъ къ королю. Прибытіе наслѣднаго принца рѣшило участь боя. Австрійцы, отбѣсненные съ двухъ сторонъ, начали поспѣшное отступленіе, которое вскорѣ обратилось въ бѣгство. Пруссаки торжествовали полную побѣду.

„3 іюня 1866 года, въ 4 часа пополудни, была одержана рѣшительная побѣда, говоритъ одинъ пруссофилъ; — этотъ день слѣдуетъ считать однимъ изъ самыхъ славнѣйшихъ дней въ исторіи Германіи. Съ этого дня началась новая эпоха въ исторіи германской націи. Надъ Германіей засіяло солнце свѣтлой и высокой будущности. Каждый нѣмецкій патриотъ будетъ съ гордостью вспоминать этотъ великій день, въ который Богъ слишкомъ явно явилъ свою высокую милость къ нѣмцамъ“.

Дѣйствительно, съ этого дня положеніе Германіи совершенно измѣнилось: въ ней водворился новый порядокъ вещей. Священная римская имперія, основанная на католическихъ тенденціяхъ, пала окончательно, и изъ ея развалинъ должно было вскорѣ воздвигнуться новое зданіе германской имперіи, покоящееся на принципахъ протестантизма; долженъ былъ создаться новый Германскій Союзъ съ Пруссіей во главѣ или, лучше сказать, прусское государство, поглотившее въ себя разные отбѣнки германской національности. Такимъ образомъ осуществилась идея Бисмарка, который жаждалъ создать огромное протестантское государство, управляемое династіей Гогенцолерновъ, — такое государство, которое могло-бы противостоятъ соединеннымъ силамъ романскихъ и славянскихъ народовъ. Мы видимъ теперь, что Бисмаркъ дѣйствительно создалъ сильное нѣмецкое государство, но въ состояніи-ли оно будетъ противостоятъ соединеннымъ силамъ славянъ и романцевъ — покажетъ

время. Вопросъ этотъ, конечно, можетъ разрѣшиться только въ такомъ случаѣ, если Германія вызоветъ на бой соединенныя силы Россіи, Франціи, Австріи и Италіи.

„Германское единство несомнѣнно должно повести за собой преобладаніе Германіи въ Европѣ, писалъ въ 1866 году одинъ извѣстный прусскій публицистъ.—Поэтому нѣтъ такой жертвы, которую мы не были-бы готовы принести. Сколько-бы крови ни было пролито для этого священнаго дѣла, она будетъ пролита для блага отечества, для освобожденія стонущихъ братьевъ. Побѣда можетъ быть куплена только цѣною крови. Кровь, пролитая на поляхъ Кенигсгреца, оплодотворила почву германскаго единства...“

Нечего и говорить, что энтузіазмъ въ Пруссіи былъ общій. Священники съ кафедръ, въ своихъ проповѣдяхъ проводили тѣ-же идеи, которыя были провозглашены статьей публициста, отрывокъ изъ которой мы привели выше.

„Наполеонъ, Кавуръ и Бисмаркъ, рѣшилось сказать въ своей проповѣди одно свѣтило протестантизма,—вмѣстѣ разрушили вѣнскій трактатъ, но болѣе всѣхъ и лучше всѣхъ потрудились нашъ Бисмаркъ. Онъ уничтожилъ это коварное твореніе австрійской дипломатіи, такъ-что о немъ не осталось даже воспоминаній“.

Главнѣйшимъ результатомъ побѣды подъ Садовой и пражскаго трактата, за ней послѣдовавшаго, было совершенное преобразованіе Германскаго Союза. Это государственное устройство (Германскій Союзъ) долгое время представлялось идеаломъ для многихъ государственныхъ людей и политиковъ. Они предлагали примѣнить его на Пиренейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ, а также въ странахъ, лежащихъ по Дунаю. Они полагали, что, вводя федеральное устройство, они уничтожатъ централизацію, которую считали большимъ зломъ, мѣшающимъ развитію. Въ своемъ увлеченіи они не замѣчали, что германскій федерализмъ, по своей организаціи, всегда былъ болѣе способенъ служить оплотомъ ретроградныхъ идей и что онъ слишкомъ былъ далекъ отъ федеральнаго устройства Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ, а тѣмъ болѣе отъ того союза, который проповѣдывался на конгресѣ женеvской „лиги мира и свободы“. Къ тому-же Германскій Союзъ находился уже въ агоніи въ ту минуту, когда нѣложилъ на него руку Бисмаркъ. Даже и не

сочувствуя стремленіямъ Бисмарка, надо согласиться, что уничтоженіе прежняго Германскаго Союза составляетъ самое лучшее дѣло его государственной дѣятельности.

Почитатели Бисмарка говорятъ, что побѣда подъ Садовой рѣшила вопросъ о германскомъ единствѣ. Единство, дѣйствительно, осуществилось, но совѣмъ не такъ, какъ мечтали проповѣдники этой идеи. Это единство выразилось поглощеніемъ Пруссіей разрозненныхъ народцевъ нѣмецкой расы, а также изгнаніемъ Австріи изъ нѣмецкаго отечества, чего такъ страстно желали приверженцы національнаго ферейна. Эти господа всегда представляли себѣ Австрію оплотомъ застарѣлыхъ средневѣковыхъ идей, а Пруссію — защитницей новѣйшаго прогресса и либерализма. На-сколько они были правы — мы разсматривать не будемъ. Каждый изъ нашихъ читателей, вѣроятно, давно уже составилъ свое мнѣніе по этому предмету.

Экс-юнкеръ, экс-феодалъ Бисмаркъ, послѣ побѣды надъ Австріей, началъ съ уничтоженія троновъ. Онъ лишилъ престола четырехъ государей: ганOVERскаго, гессенскаго, дармштатскаго и нассаускаго. Кроме того, онъ отнялъ государственныя права у вольнаго города Франкфурта.

По поводу ганOVERскаго короля м-ръ Одли рассказываетъ слѣдующее происшествіе:

„Вильгельмъ I находился въ своей главной квартирѣ въ Никольсбургѣ. Король Георгъ, побѣжденный подъ Лангезальцемъ, отправилъ къ прусскому королю своего адъютанта съ просьбой о мирѣ и помилованіи. Король Вильгельмъ призвалъ къ себѣ своего министра-президента Бисмарка.

— Какъ-бы мнѣ хотѣлось помочь этому бѣдному королю Георгу! сказалъ король Вильгельмъ. — Нельзя-ли будетъ оставить ему известную часть ГанOVERа, лишивъ его независимой арміи?

Бисмаркъ имѣлъ много причинъ не желать проявленія дружественныхъ чувствъ къ ганOVERскому королю въ прусскомъ монархѣ. Онъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, король рѣшительно не долженъ-бы принимать ганOVERскаго посла.

— Королева Фредерика была сестрой моей матери, сказалъ король растроганнымъ голосомъ.

— Я уважаю узы, связывающіе кровь вашего величества съ кровью короля Георга, отвѣчалъ неумолимый министръ, — но если

вы примете посла короля Георга, за этимъ послѣдуютъ другія посольства, не принять которыхъ уже будетъ невозможно, а это, въ свою очередь, поведетъ къ неисчислимымъ затрудненіямъ.

На глазахъ короля показались слезы.

— Хорошо, я не приму посла короля Георга, сказалъ король со вздохомъ.

— Да благословитъ Богъ ваше величество! вскричалъ Бисмаркъ съ радостью. — Вы совершили великое дѣло — пожертвовали своими симпатіями во имя пользы Пруссіи и Германіи.

Растроганный Мольтке устремилъ на короля свой взглядъ, въ которомъ выражались удивленіе и любовь.

Король сдѣлалъ рукою знакъ прощанія, отвернувшись отъ своихъ совѣтниковъ. На лицѣ его выражалась грусть, на глазахъ виднѣлись слезы“.

Король Вильгельмъ, конечно, не могъ забыть своихъ словъ, съ которыми онъ обратился въ іюнь 1860 года къ нѣкоторымъ германскимъ государямъ, собравшимся у него въ Баденѣ:

„Я объявилъ въ моей послѣдней тронной рѣчи и повторяю теперь, что я считаю своимъ первымъ долгомъ поддерживать территориальную ненарушимость, какъ въ Пруссіи, такъ въ Германіи и Европѣ. Я строго буду слѣдовать этой политикѣ, ничто не заставитъ меня измѣнить ее“.

Отъ этого заявленія до пражскаго договора прошло только шесть лѣтъ, между тѣмъ до какой степени въ это время должны были измѣниться взгляды короля Вильгельма! Можетъ быть, король и оставался при прежнихъ убѣжденіяхъ, но обстоятельства, событія и вліяніе политики Бисмарка побуждали его идти инымъ путемъ, чѣмъ онъ самъ желалъ. Какъ проникателенъ былъ Кавуръ, отвѣтившій на поэтическій протестъ прусскаго министра, графа Шлейница, противъ завладѣнія Викторомъ-Эмануиломъ неаполитанскаго трона: „Рано или поздно прусское правительство душевно поблагодаритъ насъ за примѣръ, который мы ему подали“.

Пруссія рѣшилась преобразовать Германскій Союзъ до самаго основанія. При всей своей смѣлости Бисмаркъ понималъ, что подчинить весь Германскій Союзъ прямо и непосредственно власти Пруссіи еще не время, такъ-какъ при осуществленіи этого плана онъ

могъ встрѣтить противодѣйствіе не только въ самой Германіи, но и въ цѣлой Европѣ. Онъ выказалъ, по его собственнымъ словамъ, безпримѣрную умѣренность, уничтожая въ пользу Пруссіи какую-нибудь подложину германскихъ самостоятельныхъ государствъ. Въ своей депешѣ, адресованной прусскому посланнику при парижскомъ дворѣ, Бисмаркъ пишетъ:

„Король согласился на перемиріе только изъ признательности къ императору Наполеону, однакожь онъ требуетъ, чтобъ Пруссіи было обезпечено присоединеніе значительной территоріи для округленія ея границъ, главное потому, что въ настоящемъ ихъ видѣ прусскія границы представляютъ большое удобство для вторженія непріятеля. Король несомнѣнно меньше, чѣмъ я, желаетъ учрежденія сѣвернаго Германскаго Союза. Онъ предпочитаетъ территоріальныя пріобрѣтенія и объявляетъ, что охотнѣе согласится на свое отреченіе, чѣмъ на уступку въ вопросѣ о размѣрахъ вознагражденія Пруссіи. Онъ желаетъ возвратиться въ Берлинъ только въ такомъ случаѣ, если онъ будетъ имѣть право заявить своимъ подданнымъ, что война, стоившая многочисленныхъ жертвъ, не была бесплодна“.

Другими словами, король желалъ матеріальныхъ пріобрѣтеній, а Бисмаркъ моральныхъ; и такъ-какъ ни тотъ, ни другой не соглашались ограничить свои требованія, то отсюда выводилось самое простое заключеніе, что Пруссіи необходимы, какъ моральныя, такъ и матеріальныя пріобрѣтенія, безъ чего, по словамъ поклонниковъ политики Бисмарка, Пруссія не могла долѣе существовать въ качествѣ великой державы.

Бисмаркъ постоянно твердилъ о своей умѣренности, онъ говорилъ, что вовсе не желаетъ уничтоженія самостоятельности Саксоніи, Виртемберга и Баваріи, напротивъ, онъ желаетъ усиленія ихъ вліянія и могущества, но въ то-же время онъ желаетъ обезопасить Пруссію отъ враждебныхъ отношеній этихъ государствъ на будущее время. Единственнымъ средствомъ для осуществленія этой необходимости, по его мнѣнію, было подчиненіе арміи этихъ государствъ прусскому королю Вильгельму. Прусскаго короля слѣдовало, по его предложенію, назначить главнокомандующимъ союзныхъ арій. Такимъ образомъ король Вильгельмъ получилъ-бы въ свое завѣдываніе такую армію, съ которой онъ могъ во всякое время встрѣтить нападеніе Франціи. Столкновенія-же съ Франціей слѣдовало ожидать каждую минуту, тѣмъ болѣе, что сама Пруссія желала его вызвать.

Война 1866 года дала большія выгоды прусскому правительству во внѣшней политикѣ. Не меньшія выгоды получило оно и во внутренней. Подъ вліяніемъ восторга, вызваннаго легкою побѣдою, прусская палата депутатовъ утвердила теперь тѣ самыя мѣры, противъ которыхъ она протестовала втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Своимъ рѣшеніемъ она какъ-бы признала, что король и его первый министръ дѣйствовали правильно, нарушая конституцію. Она какъ-бы узаконила опасный принципъ, что побѣдитель всегда правъ. Сами либералы прусской палаты признавались теперь торжественно, что они дѣйствовали ошибочно, упрямо протестуя противъ правительственныхъ предложеній. Они кричали, что усиленіе арміи грозитъ гибелью Пруссіи, а теперь съ энтузіазмомъ доказывали, что Пруссіи предстоитъ блестящая будущность именно отъ принятія правительственныхъ предложеній.

Однакожь, парламентаристы и доктринеры на этотъ разъ не совсѣмъ еще отрелись отъ своихъ любимыхъ идей. Подъ вліяніемъ патріотическаго увлеченія они выказали временную слабость, но когда пылъ энтузіазма прошелъ, они снова принялись за прежнюю оппозицію. Разумѣется, по-прежнему они болѣе всего нападали на усиленіе арміи, но теперь еще болѣе, чѣмъ въ бывшее время, ихъ нападки были гласомъ вопіющаго въ пустынь. Ихъ никто не слушалъ, никто не обращалъ на нихъ вниманія, никто не принималъ серьезно ихъ криковъ и протестовъ—ни правительство, ни нація, ни даже они сами.

Партія либераловъ и національнаго ферейна, восторженно привѣтствуя побѣдителя и сторяча утверждая правительственные военные проекты, тѣмъ самымъ восторженно привѣтствовала милитаризмъ, который съ этого момента окончательно утвердился въ Пруссіи. Сами-же либералы узаконили политику крови и желѣза, противъ которой еще наканунѣ битвы подъ Садовой они гремѣли съ парламентской трибуны.

„Кладерадачъ,“ любимая сатирическая газета берлинцевъ, съ своею грубой откровенностью очень ловко охарактеризовала тогдашнее настроеніе либераловъ.

„Насъ увѣряли прежде, говоритъ она,—что для созданія единства Германіи необходимо много пѣть, много пить, ревностно заниматься гимнастикой, и мы точно слѣдовали этому рецепту. Мы пѣли, не щадя глотки, мы пили, не щадя желудка, мы вытяги-

вали руки и ноги на гимнастическихъ шестахъ, мы стрѣляли до того, что отяжелѣвшая голова и ослабѣвшія руки падали въ безсиліи, а единство Германіи все не осуществлялось и не осуществлялось. Затѣмъ заговорили иное; насъ стали увѣрять, что къ прежнимъ упражненіямъ надо прибавить еще новое, далеко не такое невинное, какъ тѣ; оно заключается въ разряженіи ружья въ грудь живого человѣка. Мы послушали нашихъ либераловъ, занялись новымъ упражненіемъ и, какъ видите, получили богатые плоды, сдѣлали огромный шагъ къ нашему единству“.

Послѣ пражскаго мира либералы перестали говорить о моральныхъ завоеваніяхъ, они вкусили уже сладость пріобрѣтенія и вопросъ о матеріальныхъ завоеваніяхъ замѣнилъ теперь громкія разсужденія о братствѣ всей тевтонской расы, тѣмъ болѣе, что послѣ этой войны Пруссія не простила братьямъ-германцамъ, которые приняли сторону Австріи, и заставила ихъ заплатить весьма приличную пеню: такъ съ Франкфурта она взяла около пяти миліоновъ, съ Баваріи около девятнадцати миліоновъ рублей и т. д. Съ того самаго момента, какъ либералы стали требовать территориальныхъ пріобрѣтеній, они начали дѣйствовать противъ своего собственнаго принципа, потому что свобода, за которую они будто бы стоятъ, возможна только при существованіи мира. Возрастаніе свободы всегда идетъ рядомъ съ ослабленіемъ воинственныхъ замысловъ и стремленія къ завоеваніямъ. Война съ Шлезвигомъ нанесла первый ударъ нѣмецкому либерализму, война съ Австріей—второй, болѣе сильнѣйшій, война съ Франціей—третій, самый сильный, отъ котораго едва-ли онъ когда-нибудь оправится, если, конечно, не произойдутъ событія, въ силу которыхъ должна будетъ діаметрально измѣниться политика Пруссіи.

Бисмаркъ очень хорошо понималъ положеніе вопроса объ единствѣ Германіи, когда, передъ австрійской войной, послалъ правительствамъ Саксоніи и Ганновера ноту, предлагающую союзъ трехъ королей, въ которой, между прочимъ, говорить слѣдующее:

„Опасность настоящаго положенія Германіи заключается въ союзѣ между партіями германскаго единства и демократической... Партію германскаго единства надо выдѣлить изъ этого союза... Предоставленная собственнымъ силамъ, демократическая партія не будетъ обладать никакимъ серьезнымъ значеніемъ, потому что она не имѣетъ прочныхъ корней въ германскомъ народѣ. Ослабленная,

она будетъ приносить пользу, потому что въ ней все-таки останутся сильными тенденціи единства Германіи. Партія-же германскаго единства, въ союзѣ съ правительствами, можетъ воспользоваться демократами, какъ удобнымъ орудіемъ, и заставить ихъ двинуться по пути къ единству, гораздо дальше и не въ ту сторону, какъ они сами полагали. Усилія нашихъ трехъ правительствъ должны быть направлены именно въ эту сторону, тогда только мы приобрѣтемъ настоящую силу и овладѣемъ положеніемъ“.

Бисмаркъ предвидѣлъ совершенно правильно. И демократы, и, въ особенности, національные либералы, помимо своей воли и желанія, стали послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ и повели дѣло единства Германіи именно въ ту сторону, въ какую велъ его ненавистный имъ первый министръ. Саксонія и Ганноверъ, конечно, не поняли плана, предложеннаго имъ Бисмаркомъ, къ тому-же Бейсть, саксонскій министръ, отъ души ненавидѣлъ прусскаго министра-президента.

XI.

Война Пруссіи противъ Франціи была естественнымъ послѣдствіемъ войны ея съ Австріей. Въ одномъ изъ припадковъ своей грубой откровенности Бисмаркъ сказалъ: „Я заключу союзъ съ самимъ дьяволомъ, если отъ этого произойдетъ выгода для Пруссіи“. Въ началѣ своей государственной дѣятельности Бисмаркъ находилъ надобность увѣрять Наполеона III, что онъ принадлежитъ къ числу самыхъ преданныхъ его поклонниковъ и союзъ съ нимъ считаетъ крайне необходимымъ для Пруссіи. И Наполеонъ III, и Бисмаркъ страстно желали увеличить предѣлы своихъ государствъ на счетъ сосѣдей,—слѣдовательно, имъ весьма легко было сойтись. Наполеонъ уже округлилъ границы Франціи на счетъ Италіи, получивъ это прибавленіе къ своей территоріи, какъ цѣну за Мадженту, гдѣ онъ едва не погубилъ французскую армію и гдѣ только случай—этотъ богъ XIX вѣка, по словамъ Клачко,—обратилъ поражение въ побѣду. Округливъ Францію на югѣ, Наполеонъ пожелалъ округлить ее на сѣверѣ и востокѣ, для чего ему необходимо было завладѣть рейнскою долиною, которая нѣкогда, во время первой республики, принадлежала Франціи. На эту тему онъ не одинъ разъ заговаривалъ съ Бисмаркомъ и, нѣтъ сомнѣнія, прус-

„Дѣло“, № 2.

скій министръ принималъ его слова съ пріятной улыбкой, а вовсе не съ тѣмъ негодованіемъ, какое навязываютъ ему его біографы, изъ числа его пылкихъ почитателей.

„Наполеонъ III, заявивъ себя поклонникомъ идеи національности, имѣлъ въ виду только захватъ пограничныхъ съ Франціею земель. Онъ торговался съ Кавуромъ и торгъ ему удался. Онъ вообразилъ, что ему также легко будетъ сторговаться съ Бисмаркомъ, но онъ не предвидѣлъ, что Бисмаркъ не Кавуръ, а Вильгельмъ не Викторъ-Эмануилъ, и ему, конечно, не удались его хитрости“.

Этими словами, напечатанными въ одной изъ нѣмецкихъ офиціозныхъ газетъ, уже во время войны съ Франціею, партія Бисмарка думала убѣдить прусское общественное мнѣніе въ томъ, что будто-бы Бисмаркъ держался твердо въ виду льстивыхъ увѣреній Наполеона III и не поддался его коварству. Въ дѣйствительности же было совсѣмъ не такъ. Когда, во время біарицкаго свиданія, Наполеонъ заговорилъ о необходимости для Франціи нѣмецкой территоріи по Рейну, Бисмаркъ ему отвѣтилъ:

— Но это дѣло можно уладить болѣе удобнымъ способомъ: и для вашего величества, и для насъ будетъ несравненно выгоднѣе, если вы присоедините къ себѣ Бельгію. 30,000 квадр. километровъ во всякомъ случаѣ привлекательнѣе, чѣмъ 10,000 километровъ, которые могутъ отойти вамъ отъ Пруссіи и Баваріи.

— Гмъ! пробормоталъ Наполеонъ, крутя усы, — пожалуй, такъ будетъ лучше.

Наполеонъ III, какъ извѣстно, давно уже мечталъ о Бельгіи. Въ моментъ декабрьскаго государственнаго переворота онъ думалъ занять Бельгію французскими войсками и уже собственноручно написалъ слѣдующій декретъ, который думалъ послать для напечатанія въ „Moniteur“:

Статья 1-я. Бельгія присоединяется къ Франціи.

Статья 2-я. Исполненіе настоящаго декрета возлагается на военнаго министра.

Однакожь, черезъ часъ по написаніи этого декрета Наполеонъ отказался отъ своей мысли печатать въ официальной газетѣ такой важный, интересный документъ. Но тѣмъ не менѣе завоеваніе Бельгіи было его постоянной мечтою. Еще будучи президентомъ, онъ посылалъ въ Берлинъ своего преданнаго Персиньи съ цѣлью посоветовать кабинетъ Фридриха-Вильгельма относительно вопроса

объ этомъ завоеваніи. Въ 1860 году въ Баденъ-Баденѣ онъ снова уже самъ завелъ объ этомъ разговоръ съ прусскими министрами и поручилъ Абу напечатать брошюру успокоительнаго свойства; въ этой брошюрѣ Абу всѣми силами старается успокоить германское общественное мнѣніе, будто-бы возбужденное слухами о намѣреніи Франціи присоединить къ себѣ Бельгію. Въ 1861 г., въ Компьенѣ, Наполеонъ снова толкуетъ о необходимости заручиться нейтралитетомъ Берлина на случай столкновенія съ Бельгіей. Но Пруссія постоянно страдала глухотою, когда заходилъ разговоръ объ этомъ интересномъ предметѣ. Появленіе Бисмарка измѣнило ходъ дѣла. Прусскому министру было необходимо, чтобъ его считали приверженцемъ „наполеоновской идеи“, и онъ не замедлилъ въ томъ всѣхъ увѣрить.

Когда Пруссія, начавъ войну съ Австріей, получила помощь Италіи, которая вступила въ союзъ только по настоянію Наполеона, французскій императоръ былъ убѣжденъ, что за свою услугу онъ получитъ отъ Пруссіи лѣвый берегъ Рейна или согласіе на захватъ Бельгіи. Надо удивляться, почему Наполеонъ не потребовалъ вознагражденія впередъ. Его забывчивость можно объяснить развѣ только увѣренностью, что Пруссія, даже побѣдивъ Австрію, не осмѣлится ему противорѣчить, опасаясь сильной коалиціи изъ трехъ государствъ: Франціи, Италіи и Австріи.

Поразительный успѣхъ, полученный подъ Садовой, побудилъ Бисмарка смотрѣть иными глазами на обѣщаніе, которое онъ далъ Наполеону въ Біарицѣ. Въ августѣ, въ тотъ самый моментъ, когда Пруссія торжествовала свою побѣду надъ Австріей, французскій посланникъ въ Берлинѣ, Бенедетти, человекъ хитрый, что, однакожь, не помѣшало ему надѣлать массу нелѣпостей, — заявилъ отъ имени Наполеона требованіе лѣваго берега Рейна до Кобленца. Бисмаркъ отвѣчалъ на это требованіе прямо и категорически:

— Такъ-какъ Наполеонъ не далъ Пруссіи ни одного солдата (онъ далъ ей 350,000 итальянцевъ), то и не имѣетъ никакого права требовать себѣ увеличенія территоріи. Если-же Наполеонъ III не возьметъ назадъ своихъ требованій, Пруссія отправитъ свои побѣдоносныя войска во Францію, которую, конечно, застанетъ врасплохъ.

Въ заключеніе своего отказа Бисмаркъ замѣтилъ, что пруссаки, безъ сомнѣнія, будутъ драться съ энтузіазмомъ противъ врага, завившаго желаніе овладѣть частью ихъ отечества.

Наполеонъ проглотилъ пилюлю и, чтобъ выместить на комъ-нибудь свою досаду, набросился на своего министра иностранныхъ дѣлъ Друэнъ де-Льюиса, которому далъ отставку. Эта отставка была одной изъ главнѣйшихъ ошибокъ его царствованія.

Между тѣмъ Бисмаркъ торжествовалъ. Его друзья не замедлили прокричать о новой знаменитой побѣдѣ, имъ одержанной. Съ этой минуты Бисмаркъ сталъ изподтишка натравлять Пруссію на ея „наслѣдственнаго врага“. Съ этой минуты онъ сталъ готовить Пруссію къ борьбѣ съ Франціей. Онъ сумѣлъ поддѣйствовать на тщеславіе національныхъ либераловъ. Ученые и журналисты, принадлежащіе къ этой партіи, въ книгахъ, брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ стали указывать нѣмцамъ на ихъ „исконныхъ“ враговъ, будто-бы постоянно интриговавшихъ противъ славы и могущества Германіи, задерживавшихъ ея прогрессъ и проч. Они взывали къ нѣмцамъ, умоляя ихъ прекратить вражду партій, чтобъ соединить свои силы противъ общаго злѣйшаго врага. Они непрерывно толковали о необходимости вооружиться на защиту отечества. Они возбуждали нѣмецкій патриотизмъ противъ Франціи; зная, что Баварія и Виртембергъ не особенно сочувствуютъ Пруссіи, они старались возбудить въ нихъ заглохшее послѣ войны стремленіе къ единству Германіи и вселить въ нихъ антипатію къ Франціи, съ которой они по своимъ промышленнымъ и комерческимъ отношеніямъ жили въ дружбѣ. Замѣчательно, что даже въ Австріи выказывался съ большою силой нѣмецкій патриотизмъ и вѣнскіе нѣмцы питали къ Франціи еще большую ненависть, чѣмъ даже къ Пруссіи. Когда Наполеонъ предложилъ конгрессъ для устраненія затрудненій, возникшихъ между Австріей и Пруссіей передъ войной 1866 г., вѣнскіе нѣмцы стали кричать противъ коварства Наполеона, который, по ихъ словамъ, выказываетъ миролюбивыя стремленія и желаетъ помѣшать войнѣ только для того, чтобъ поддерживать въ Германіи дуализмъ, сильно вредящій ея значенію и процвѣтанію. По окончаніи войны 1866 года побѣдители и побѣжденные одинаково преклонялись предъ величіемъ „замѣчательнаго государственнаго человѣка, высоко держащаго знамя Тевтоніи“. Австрійцы наравнѣ съ прочими нѣмцами твердили о своей признательности Пруссіи, которая съ должной силой и гордостью отражаетъ попытки иноземцевъ ослабить и оскорбить Германію, отрѣзавъ отъ нея искони ей принадлежавшую землю. Много было

наговорено громкихъ фразъ, въ сущности невинныхъ, а подчасъ нелѣпныхъ, насчетъ нѣмецкаго патріотизма, силы и устойчивости нѣмецкой національности и тому подобнаго. Но эти фразы сдѣлали свое дѣло. Нѣмцы приобрѣли привычку смотрѣть на Бисмарка, какъ на спасителя отечества, какъ на провозвѣстника великой идеи германскаго единства, которую онъ только одинъ можетъ осуществить. Пользуясь этимъ, Бисмаркъ сталъ готовить столь желательную ему войну съ Франціей. Существовавшее настроеніе какъ нельзя лучше помогало его планамъ.

Съ точки зрѣнія дипломатіи и искусства для искусства, отказъ Бисмарка отъ исполненія условій тайнаго договора съ Наполеономъ, заключеннаго имъ въ Біаррицѣ, слѣдуетъ считать однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и самыхъ неожиданныхъ ходовъ на политической шахматной доскѣ. Наполеонъ III былъ ошеломленъ. Втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ ходилъ совершенно потерянный и не зналъ, на чемъ остановиться. Въ умѣ Наполеона III всегда замѣчалась странная смѣсь трусости и наглости, смѣлости и нерѣшительности. Получивъ неожиданный ударъ отъ Бисмарка, Наполеонъ задумалъ захватить Люксамбургъ и этимъ приобрѣтеніемъ ослабить впечатлѣніе, произведенное на Францію и Европу его дипломатическимъ пораженіемъ. Люксамбургъ, принадлежавшій голандскому королю, въ то-же время считался членомъ Германскаго Союза, — однимъ словомъ, находился въ тѣхъ-же отношеніяхъ къ Голандіи, въ какихъ Голштинія находилась къ Даніи. Можно было думать, что съ уничтоженіемъ Германскаго Союза прекратилась всякая связь Люксамбурга съ Германіей. Но не такъ смотрѣли на это дѣло въ Пруссіи. Тамъ полагали, что всѣ права и обязанности Германскаго Союза перешли на прусскаго короля Вильгельма III. Голандскій король, находясь между двумя сильными враждебными сосѣдями, рассчитывалъ выйти изъ затрудненія, какъ онъ полагалъ, простымъ способомъ: онъ предложилъ Наполеону купить Люксамбургъ.

Наполеонъ обратился къ Пруссіи, желая знать, какъ посмотреть она на эту покупку. Пруссаки воспротивились ей и потребовали, чтобъ прусскія войска продолжали занимать Люксамбургъ, какъ нѣмецкую крѣпость. Противъ этого, въ свою очередь, возсталъ Наполеонъ. Между Франціей и Пруссіей чуть не возгорѣлась вой-

на, но на этотъ разъ дѣло ограничилось обычной дипломатической перепиской. Обѣ стороны пошли на взаимныя уступки. Люксамбургъ былъ объявленъ нейтральной территоріей.

Такой исходъ дѣла былъ весьма искуснымъ маневромъ со стороны Бисмарка. Но прусскіе и германскіе шовинисты остались имъ крайне недовольны и стали роптать на канцлера Сѣверогерманскаго Союза за то, что онъ, будто-бы, допустилъ, чтобы Франція унизила Германію. Національные либералы кричали, что Люксамбургъ искони принадлежалъ Германіи и долженъ непремѣнно войти въ ея составъ.

Неудовольствіе либераловъ было такъ сильно, прусскія газеты приняли такой вызывающій тонъ, что война Германіи съ Франціей казалась несомнѣнной. Но еще не пришло время объявлять ее и нова все обошлось мирно. Бисмаркъ не считалъ еще возможнымъ начинать столь желанную для него войну.

„Неужели можно серьезно утверждать, говорилъ Бисмаркъ одному изъ своихъ друзей,— что съ 1815 года Люксамбургъ на самомъ дѣлѣ принадлежалъ Германіи? Развѣ можно сдѣлать люксамбургскій вопросъ предлогомъ для войны? Странный, право, чловѣкъ этотъ Бонапартъ! Что это ему вздумалось просить у меня позволенія овладѣть Люксамбургомъ? Могъ-ли я отвѣчать иначе, какъ отказомъ? Если-бъ я согласился, противъ меня возстала-бы вся Германія. Но развѣ я могъ воспротивиться ему, если-бъ онъ завладѣлъ Люксамбургомъ безъ моего спроса? Развѣ я могъ-бы отнять у него Люксамбургъ, разъ, что онъ занялъ его... Чудакъ! послѣ Садовой онъ у меня требовалъ лѣваго берега Рейна... Попробуй я согласиться, и что случилось-бы со мной?.. Къ чему послужили-бы намъ побѣды наши въ Австріи?.. Почему-же, когда я завладѣлъ Ганноверомъ, Гессеномъ, Нассау и Франкфуртомъ, почему онъ тогда не завладѣлъ Бельгіей? Я-бы, разумѣется, ему не противорѣчилъ. Заворчала-бы, конечно, Англія, но онъ могъ отвѣтить ей: „я беру Бельгію, какъ гарантію противъ Пруссіи. Если Пруссія войдетъ въ свои старыя границы, я сдѣлаю то-же самое“. Право, этотъ Наполеонъ очень наивенъ и, вѣрьте моему слову, онъ кончитъ дурно“.

Ослѣпленіе Наполеона передъ Седаномъ было совершенно похоже на ослѣпленіе австрійскаго императора передъ Садовой. Наполеонъ счелъ побѣдой окончаніе люксамбургскаго вопроса не въ пользу Пруссіи и захотѣлъ удивить всѣхъ парижской всемірной вы-

ставкой, на которой, по его убѣжденію, онъ игралъ роль самаго сильнаго государя и рѣшителя судебъ Европы. Бисмаркъ сумѣлъ ловко воспользоваться его ослѣпленіемъ и подъ шумокъ завелъ разговоръ о Бельгіи. Онъ пѣлъ такъ сладко, что совершенно очаровалъ французскаго посланника въ Берлинѣ, хитроумнаго Бенедетти. Этотъ ловкій дипломатъ поступилъ какъ самый неопытный школьникъ: на бланкѣ французскаго посольства онъ собственно-ручно изложилъ проектъ союза Пруссіи съ Франціей, цѣной котораго предполагался захватъ Франціей Бельгіи. Получивъ этотъ драгоценный автографъ французскаго посланника, Бисмаркъ заперъ его въ свой портфель, чтобы сохранить, какъ документъ, который, при удобномъ случаѣ, можно будетъ выпустить на свѣтъ Божій. „Не дешево имъ обойдется эта бумажка“, сказалъ, улыбаясь, Бисмаркъ.

Все еще вѣря въ дружбу Бисмарка, Наполеонъ въ февралѣ 1868 года отправилъ въ Берлинъ принца Наполеона съ цѣлью укрѣпленія дружескихъ отношеній между обоими дворами. Газета принца— „L'Opinion nationale“ стала ежедневно трубить о великихъ выгодахъ для Франціи союза съ Пруссіей. Однакожь, поѣздка принца увѣичалась самымъ ничтожнымъ успѣхомъ, такъ-что на слѣдующій годъ Наполеонъ отправилъ своего кузена уже къ дворамъ южно-германскихъ государствъ, давъ ему инструкцію во что-бы то ни стало уговорить правительства этихъ государствъ отказаться отъ союза съ Пруссіей. Принцъ Наполеонъ обратился къ виртембергскому министру Варнбюлеру, въ то время уже вполне преданному Бисмарку. По совѣту канцлера, Варнбюлеръ увѣрилъ принца Наполеона, что все обстоитъ благополучно и что Франціи нечего опасаться тѣснаго союза южно-германскихъ государствъ съ Пруссіей. Бисмаркъ, получая подробныя донесенія о ходѣ этихъ переговоровъ, съ удовольствіемъ потиралъ руки.

Императоръ Наполеонъ въ Шалонѣ, а король Вильгельмъ въ Килѣ, на военныхъ смотрахъ, сдѣлали нѣкоторые намеки, по которымъ можно было заключить, что не все обстоитъ такъ благополучно, какъ увѣряли официальные свѣденія. Однакожь, о разрывѣ между сосѣдями никто не думалъ.

Въ 1859 году въ Бельгію былъ назначенъ новый французскій посланникъ Ла-Героньеръ. Ему поручено было всѣми возможными средствами подготовить присоединеніе Бельгіи къ Франціи. Однимъ изъ такихъ средствъ была признана покупка желѣзныхъ

дорогъ въ Бельгіи на счетъ французскаго правительства. Но бельгійцы прозрѣли всю ехидность французской политики. Бельгія, подержанная Англійей, которую, въ свою очередь, поддерживала Пруссія, мужественно сопротивлялась французскимъ проискамъ и интригамъ. Ла-Героньеръ доносилъ своему правительству, что онъ ничего не можетъ подѣлать, что время для дѣятельной пропаганды въ пользу Франціи прошло безвозвратно.

Вскорѣ послѣдовалъ знаменитый французскій плебисцитъ 1870 года, а затѣмъ война Пруссіи съ Франціей.

XII.

Теперь уже достаточно извѣстны подробности франко-прусской войны; мы ихъ касаться не будемъ; замѣтимъ только, что Бисмаркъ, Мольтке и Ронъ, каждый по своей специальности, втеченіи четырехъ лѣтъ дѣятельно занимались приготовленіями къ войнѣ съ Франціей. Прусскій генеральный штабъ все это время заботливо изучалъ самую подробную карту Франціи. Во Францію были отправлены опытные агенты для собранія необходимыхъ свѣденій. Прусское военное министерство узнало Францію гораздо лучше, чѣмъ знали ее французскіе министры. Оно знало, сколько можетъ найти провіанта и фуража, не только въ торговыхъ пунктахъ Франціи, но даже въ самыхъ ничтожныхъ ея деревушкахъ.

Съ своей стороны и Наполеонъ подготовлялся къ войнѣ, но какъ? Уединившись въ дворцахъ Версаля и Медона, онъ втайнѣ отъ всѣхъ работалъ надъ проектомъ митральезы, которая, по его убѣжденію, стоила ста батальоновъ, но увы! на полѣ битвы оказалась ничтожной въ сравненіи съ крупновскими пушками. Подъ Ментаной онъ испробовалъ на итальянскихъ патріотахъ дѣйствіе ружей Шаспо, которыя, по донесенію его генерала, произвели чудеса, а по сравненію съ прусскими игольчатыми ружьями оказались далеко не совершенствомъ. Въ маршалахъ Мак-Магонъ и Базэнъ, а также въ генералѣ Фроссарѣ Наполеонъ усмотрѣлъ великія военныя способности и полагалъ, что при ихъ содѣйствіи можетъ одержать побѣду надъ кѣмъ угодно. Этимъ и ограничились его заботы о приготовленіяхъ къ войнѣ, такъ-что онъ нисколько не удивился, когда маршалъ Лебефъ произнесъ знаменитыя слова: „государь, все готово. Войска снабжены въ изобиліи всѣмъ, до послѣдней пуго-

вицы“. Вскорѣ, однакожь, оказалось, что французской арміи не достаётъ не только пуговиць, но также генераловъ, а еще болѣе — полумилліоннаго резерва и тысячи пушекъ, съ которыми только она и могла выйти на борьбу съ Германіей. Франціи недоставало союзниковъ. Къ тому-же Франція не хотѣла и не могла воевать, потому что на ея сторонѣ не было справедливости. Но войны желало только ея правительство и господствующая партія; они наглѣмъ образомъ и вызвали эту несчастную войну.

Нѣмецкіе историки упрямо держатся мнѣнія, что война съ Пруссіей была очень популярна во Франціи. На самомъ дѣлѣ было не такъ. Для того, чтобы война стала популярной въ странѣ, необходимы причины, способныя возбудить народныя страсти, вызвать негодованіе и жажду отмщенія. Но развѣ существовали такія причины предъ началомъ франко-прусской войны? Могъ-ли возбудить французскій народъ вопросъ о томъ, какой принцъ сядетъ на испанскій престоль: нѣмецкій или итальянскій? Конечно, нѣтъ. Большинство французовъ, по всей вѣроятности, не слыхивали, что существуетъ на свѣтѣ фамилія Гогенцолерновъ, одна вѣтвь которой царствуетъ въ Пруссіи. Ясно, что вопросъ объ испанской кандидатурѣ, послужившій приличнымъ поводомъ къ объявленію войны для правительствъ французскаго и прусскаго, ни въ какомъ случаѣ не могъ возбудить желаніе отмщенія во французскомъ народѣ, такъ-какъ мстить ему нѣмцамъ было не за что.

Многочисленные факты, напротивъ, доказываютъ, что французскій народъ желалъ во что-бы то ни стало мира.

Демократическая партія, руководящая рабочими классами, употребляла всѣ усилія, чтобы отклонить войну; когда-же война была объявлена, французская демократическая партія отправила дружественный адресъ ко всѣмъ нѣмецкимъ рабочимъ.

Республиканская партія, въ то время еще недостаточно сильная, также при каждомъ удобномъ случаѣ высказывалась противъ войны. Одинъ изъ ея членовъ, Шоде, вскорѣ послѣ прусско-австрійской войны 1866 года издалъ брошюру, въ которой писалъ между прочимъ слѣдующее: „Только безумецъ или недобросовѣстный человекъ и, во всякомъ случаѣ, дурной патріотъ можетъ толковать теперь во Франціи объ естественныхъ границахъ и требовать уступки лѣваго берега Рейна“.

Нѣмцы говорятъ, что эти партіи составляли значительное меньшинство французскаго народа, и они правы. Но развѣ только это меньшинство высказывалось противъ войны? Посмотримъ, не требовалъ-ли еще кто-нибудь мирнаго разрѣшенія возникшихъ недоразумѣній?

Мы не говоримъ уже объ извѣстной рѣчи Тьера противъ объявленія войны, навлекшей на него неудовольствіе офиціознаго законодательнаго корпуса. Мы не ссылаемся на эту рѣчь потому, что могутъ сказать, будто Тьеръ высказывалъ только свое личное мнѣніе. Посмотримъ, что отвѣтилъ Тьеръ на запросъ слѣдственной комисіи, разбиравшей дѣйствія правительства 4-го сентября.

„Я все видѣлъ, говоритъ онъ,—и съ полной искренностью, по совѣсти, утверждаю, что Франція не желала войны. Ея жаждала только партія, ослѣпленная своимъ честолюбіемъ и своимъ невѣжествомъ. Она вызвала войну и погубила насъ“...

Тьеръ въ то время былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ парламентской оппозиціи. Слѣдовательно, скажутъ многіе, онъ былъ человѣкомъ заинтересованнымъ въ борьбѣ партій и могъ, пожалуй, судить пристрастно о своихъ противникахъ.

Допустимъ, что это, можетъ быть, отчасти правда. Но приведемъ мнѣніе человѣка, совершенно удалившагося отъ дѣлъ, котораго въ моментъ объявленія войны очень мало занимала борьба оппозиціи съ бонапартизмомъ. Вотъ что пишетъ Гизо въ своемъ письмѣ къ Гладстону въ январѣ 1871 года:

„Франція, взятая въ совокупности, лучше сказать, большинство французовъ не видѣли необходимости въ войнѣ и не желали ея. Правительство увлекло за собой страну. Управляющая политическая партія вотировала все, чего желало правительство. Война была ей нужна для удержанія своей колеблющейся власти. Уличные крики: „въ Берлинъ! въ Берлинъ!“ ничего еще не доказываютъ: они были исключительнымъ явленіемъ. Рядомъ съ ними, въ большихъ размѣрахъ и чаще, производились патріотическія манифестаціи противъ войны, въ которыхъ выражались истинныя желанія и требованія страны“.

Въ тотъ самый день, когда въ законодательномъ корпусѣ наполеоновскіе министры говорили оскорбительныя рѣчи противъ Пруссіи, по улицамъ Парижа шла многочисленная процессія, съ криками: „Миръ! миръ! мы хотимъ мира!“ Полицейскіе агенты вламы-

вались въ эту толпу съ своими кастетами и разгоняли ее и въ то-же время оказывали всякое содѣйствіе толпѣ, среди которой были знаменитыя подкупленныя бѣлыя блузы, вричавшія: „въ Берлинъ!“

Приведемъ еще офиціальное сообщеніе.

6 іюля, послѣ заявленія въ палатѣ министра иностранныхъ дѣлъ, министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ префектамъ циркуляръ, требуя, чтобы они немедленно сообщили о настроеніи населенія въ ихъ департаментахъ. Изъ 86 префектовъ только 6 говорили о воинственномъ настроеніи населенія, остальные 80 доносили, что населеніе ихъ департаментовъ желаетъ мира.

Въ самомъ офиціозномъ законодательномъ корпусѣ большинство все-таки было противъ войны, и если вотировало ее, то сдѣлало это подъ вліяніемъ министерскихъ утвержденій и объявленія комитета, что онъ видѣлъ депеши, оскорбляющія національную честь французовъ, — депеши, которыхъ никто не видалъ, потому что ихъ совсѣмъ не существовало.

Такимъ образомъ, Франція, противъ своей воли, была втянута въ войну. Болѣе всѣхъ во Франціи этой войны желала императрица Евгенія — и добила ее. Она руководила французскими дѣлами. Ея противникомъ со стороны нѣмцевъ былъ Бисмаркъ. Возможно-ли сравненіе между ними?

Дѣйствія Бисмарка въ этомъ дѣлѣ значительно облегчались ошибками, которыми на каждомъ шагу отличались французскіе государственные люди. Подъ видомъ умѣренности и уступчивости Бисмаркъ скрывалъ холодную и рѣшительную ненависть и увѣренность въ самомъ себѣ. Съ Франціей онъ велъ еще болѣе искусную, артистическую игру, чѣмъ съ Австріей. Здѣсь онъ совершенно подавлялъ своимъ превосходствомъ. Его игра была похожа на игру матадора, который краснымъ флагомъ дразнить быка до тѣхъ поръ, пока разъяренный простофиля не натянется самъ на шпагу, которую матадоръ держитъ спрятанной за своимъ плащомъ. Твердой и сильной рукой матадоръ вонзаетъ шпагу въ сердце глупаго животного.

Что касается императора Наполеона, то, сильно ослабѣвшій отъ болѣзни, онъ передъ объявленіемъ войны находился совершенно во власти императрицы Евгеніи, онъ былъ послушнымъ орудіемъ

въ ея рукахъ. Но даже и въ это время онъ все еще думалъ объ осуществленіи своего любимаго плана—присоединенія Бельгіи къ Франціи. За нѣсколько времени до разрыва съ Пруссіей онъ снова поднималъ вопросъ объ этомъ присоединеніи и предлагалъ Бисмарку завладѣть частью Баваріи въ пользу Пруссіи. Этимъ путемъ онъ рассчитывалъ скорѣе уладить дѣло. Пруссія, захвативъ часть Баваріи, не стала-бы ставить Франціи никакихъ затрудненій вслѣдствіе захвата ею Бельгіи. Но Бисмаркъ, имѣя въ своихъ рукахъ драгоцѣнный манускриптъ Бенедетти, только улыбнулся и на всѣ подходы французскаго посланника показывалъ видъ, что онъ сталъ очень тугъ на пониманіе. Неудача этихъ переговоровъ побудила Наполеона сломя голову ринуться въ войну. Съ ея помощью онъ рассчитывалъ остановить возникшее либеральное движеніе во Франціи, которое также легко могло быть ослаблено въ случаѣ захвата Бельгіи.

Послѣ седанскаго пораженія Наполеонъ III, какъ всѣмъ извѣстно, усѣвшись въ коляску и закуривъ свою вѣчную сигаретку, отправился черезъ поле сраженія, усѣянное убитыми и ранеными французами, къ прусскимъ передовымъ постамъ. Пріѣхавъ сюда, онъ спросилъ Бисмарка. Канцлеръ Сѣверогерманскаго Союза былъ недалеко и тотчасъ-же явился на зовъ. Императоръ вышелъ изъ коляски и отправился на встрѣчу Бисмарку медленнымъ, тяжелымъ шагомъ. Бисмаркъ не вѣрилъ своимъ глазамъ: его недавно увѣдомили, что Наполеонъ мужественно бросился въ самый пылъ сраженія и погибъ смертью героя. Надо полагать, что Бисмаркъ не особенно дружелюбно встрѣтилъ добровольнаго плѣнника. Наполеонъ III окончилъ свое царствованіе неправдой. Онъ сталъ увѣрять Бисмарка, что „никогда не началъ-бы войны, если-бы ея не желала Франція“. Потомъ онъ подавъ свою шпагу Бисмарку. Нѣмецкій министръ говорилъ съ нимъ гордо и надменно, выказывая ироническое почтеніе; холодно и сухо онъ отказался принять шпагу. Наполеонъ закурилъ сигаретку...

Къ такой-то сценѣ привели Наполеона III интимные переговоры съ Бисмаркомъ въ Біарицѣ!

Триго.

(Продолженіе будетъ.)

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Въ прошлой книжкѣ „Дѣла“ мы коснулись того непривлекательнаго мѣста въ общественномъ организмѣ Англіи, которое она, по остроумному выраженію Брайта, старается прикрыть фиговымъ листкомъ каждый разъ, когда посторонній глазъ стремится заглянуть въ это мѣсто. Мы говоримъ о возрастающемъ пауперизмѣ въ Англіи, о тѣхъ легіонахъ нищихъ и бездомныхъ бродягъ, въ пользу которыхъ каждый англичанинъ, обезпечившій себѣ право жить подъ кровомъ и обѣдать всякій день, обязанъ платить каждый годъ около 2 р. 50 к. государственнаго налога. И когда приподнимается этотъ фиговый листокъ, чопорная и благовоспитанная Англія нисколько не смущается при видѣ обнаженнаго мѣста; она не любитъ только, когда чужіе люди всматриваются въ него, но сама, съ ея чуткимъ общественнымъ мнѣніемъ, совершенно хладнокровно относится къ нему... Оно, это общественное мнѣніе, въ такой степени уже освоилось съ этимъ фактомъ, до такой степени *привыкло* къ нему, что почти даже забыло о его существованіи. Умы „практическіе“ и солидныя давно уже пришли къ убѣжденію, что „пауперизмъ“ есть „зло неизбѣжное“, зло, стоющее людямъ богатымъ довольно дорого (болѣе 50 мил. руб. въ годъ), но все-таки не на-столько ужасное, чтобы изъ-за него „рвать волосы на головѣ“, впадать въ безотрадный пессимизмъ. По мнѣнію этихъ практическихъ людей, обществу если и грозитъ опасность въ будущемъ, то совсѣмъ не съ этой стороны. Съ миліонами нищихъ и бѣдняковъ, съ тысячами безродныхъ бродягъ, всевозможныхъ отщепенцевъ, жить еще можно, и даже припѣваючи, но какъ жить безъ каменнаго угля? Каменный уголь — это двигатель, жиз-

ненный нервъ, могучій рычагъ современнаго общества, это — фундаментъ, на которомъ зиждется современная цивилизація. Онъ поддерживаетъ ея яркій свѣтъ; онъ насъ согрѣваетъ, одѣваетъ, питаетъ, онъ уничтожаетъ „преграды“ разстояній, онъ создаетъ окружающій насъ комфортъ, онъ осыпаетъ насъ всевозможными промышленными богатствами... Безъ него мы мгновенно погрузимся изъ свѣта въ непроницаемую тьму, безъ него для насъ наступитъ безконечная, безмолвная ночь, мертвая тишина которой не будетъ нарушаться ни шумомъ паровыхъ машинъ, ни свистомъ желѣзныхъ дорогъ. Пароходы и локомотивы прекратятъ свои движенія, тысячи фабрики закроются, промышленность впадетъ въ застой, газъ исчезнетъ съ нашихъ улицъ, всѣ наши освѣтительные и согрѣвательные ресурсы ограничатся жалкими остатками когда-то непреходимыхъ лѣсовъ. Разумѣется, остатковъ этихъ хватитъ не надолго и, въ концѣ-концовъ, мы останемся безъ свѣта и топлива. Вотъ неизбежная перспектива, ожидающая современное общество, когда истощатся послѣдніе запасы каменнаго угля, когда оно доживетъ до послѣднихъ дней переживаемаго имъ теперь *каменноугольнаго вѣка*. Конецъ этого вѣка — могила цивилизаціи, могила всего цивилизованнаго человѣчества!

Но, быть можетъ, этотъ конецъ *безконечно* далекъ? Быть можетъ, въ тотъ длинный промежутокъ времени, который насъ отдѣляетъ отъ него, наука откроетъ въ природѣ какія-нибудь новыя силы или какія-нибудь новыя комбинаціи старыхъ силъ, которыя въ состояніи будутъ замѣнить для цивилизаціи каменный уголь? Отчего-же нѣтъ?

Весь вопросъ только въ томъ, какъ скоро можемъ мы ожидать конца каменно-угольнаго вѣка? Если еще очень не скоро, то почему-же и не возложить нашихъ упованій на науку? Она, хотя и двигается впередъ очень медленно, на каждомъ шагу падая и спотыкаясь, но все-же двигается. Если-же этотъ „конецъ“ „не за долами, не за горами“, а за плечами, въ такомъ случаѣ едва-ли основательно возлагать на нее слишкомъ большія надежды.

Посмотримъ, не скажетъ-ли намъ чего на этотъ счетъ статистика.

Въ Англіи, втеченіи 15 лѣтъ, съ 1858—1873 гг., производство каменнаго угля удвоилось: въ 1858 г. оно достигало 65 мил. тоннъ, въ 1873 г. — 130 мил. Съ 1831 года (когда его

производство равнялось 20 мил. тоннъ) оно возрасло почти въ семь разъ. Если возрастание будетъ продолжаться въ той-же прогрессіи, то къ 1910 или 1915 году количество добываемаго каменнаго угля дой- деть до страшной цифры 600—700 миліоновъ тоннъ. По вычи- слениямъ Гуля (Hull), запасы каменноугольныхъ копей въ Англии равняются 80 миліардамъ тоннъ, глубиною въ 1,200 метровъ; къ 1910 году эти запасы, по самому умѣренному разсчету, должны уменьшиться миліардовъ на 8—10 (если потребленіе угля пойдетъ въ такой-же возрастающей прогрессіи, въ какой оно идетъ теперь), слѣдовательно, къ началу будущаго столѣтія, когда количество до- бываемаго угля достигнетъ 600 мил. въ годъ, все каменноуголь- ное богатство Англии не будетъ превышать 70, много-много 72—75 миліардовъ тоннъ на 1,200 метровъ глубины. Если мы предположимъ, что добыча угля, достигнувъ 600 мил. въ годъ, даже не станетъ возрастать, то и тогда этого запаса можетъ хва- тить лишь на 100 съ небольшимъ лѣтъ (115—120); слѣдоват., къ 2030 году, т. е. черезъ 156 лѣтъ отъ сегодняшняго дня (1874 г.), для Англии наступитъ конецъ каменноугольнаго вѣка; 2030 годъ будетъ послѣднимъ днемъ ея цивилизаціи, ея жизни!

Если-же мы допустимъ, что ежегодная добыча въ 600 мил. тоннъ не есть конечный предѣлъ годовой добычи, что, достигнувъ этой цифры, она будетъ продолжать возрастать въ прежней про- грессіи, то запасъ каменнаго угля истощится менѣе, чѣмъ въ сто- лѣтіе.

Скажутъ, пожалуй, что когда у Англии не хватитъ своего угля, она можетъ обратиться къ другимъ странамъ, къ Америкѣ, напри- мѣръ. По обширности своихъ каменноугольныхъ залежей Америка занимаетъ, дѣйствительно, первое мѣсто въ ряду всѣхъ странъ міра. По этой части она въ 10 разъ богаче Англии; но и ея богат- ства не неистощимы, хотя они, сравнительно говоря, только еще очень недавно стали разрабатываться; въ 1864 году Америка доставала не болѣе 17 мил. тоннъ; въ 1873—количество добываемаго угля достигло 40,000,000 тоннъ, т. е. въ 9 лѣтъ оно возрасло на 134%. Предполагая, что оно и впредь будетъ возрастать въ той-же, сравнительно съ Англійей довольно умѣренной прогрессіи,— мы найдемъ, что къ 2117 году (т. е. черезъ 243 года) ежегодная добыча достигнетъ 600 мил. тоннъ въ годъ; слѣдовательно, ко- нечнаго истощенія копей можно ожидать не ранѣе, какъ лѣтъ че-

резь 700 отъ 2117 года или почти черезъ тысячелѣтіе отъ нынѣшняго 1875 года. Но если мы допустимъ, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ с.-американской промышленности (а она развивается не по днямъ, а по часамъ), спросъ на каменный уголь разростется до тѣхъ-же предѣловъ, до какихъ онъ увеличился въ Англіи, т. е. возрастаніе его добычи ежегодно будетъ увеличиваться на 15%, — въ такомъ случаѣ въ 1993 году его годовое производство достигнетъ 3,672 миліоновъ; затѣмъ, если оно далѣе развиваться не будетъ, то черезъ 120 лѣтъ, т. е. въ 2113 году, Америку постигнетъ та-же судьба, которую должна, по этому расчету, испытать Англія въ 2030. Слѣдовательно, конечный предѣлъ каменноугольнаго періода для первой отстоитъ лишь на 83 года дальше, чѣмъ для второй.

Итакъ, черезъ какихъ-нибудь 2 вѣка съ небольшимъ двѣ самыхъ богатыхъ міровыхъ кладовыхъ каменнаго угля будутъ опустошены до-чиста; черезъ 2 съ небольшимъ вѣка наша цивилизація останется безъ топлива и свѣта.

Вотъ перспектива, которая кажется практическимъ и солиднымъ мужамъ гораздо страшнѣе перспективы постоянно возрастающаго пауперизма. И вѣдь, пожалуй, они правы, если только въ приведенномъ сейчазъ гипотетическомъ расчетѣ не допущены гипотезы слишкомъ уже гипотетичныя.

Вѣдь расчетъ, какъ, вѣроятно, замѣтилъ уже читатель, основывается на томъ предположеніи, что ежегодная добыча каменнаго угля можетъ, и должна даже, возрасти въ *будущемъ* въ той-же самой прогрессіи, въ которой она возростала въ *прошедшемъ*. *Логически* въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, невозможнаго, но, разсуждая *практически*, оно едва-ли когда можетъ осуществиться.

Вотъ что говорить, между прочимъ, по этому поводу г. Бюрнеръ въ своей интересной статьѣ „L'industrie minerale à l'exposition universelle de Vienne“ (ноябр. книжка „Bulletin de la société d'encouragement pour l'industrie nationale“): „При подобныхъ расчетахъ забываютъ обыкновенно, что число рукъ, безъ которыхъ невозможна экстрактивная промышленность, ограничено силою вещей. Въ Англіи, по отчету парламентской комисіи (закончившей свои работы въ іюль 1873 года), количество каменнаго

угля, добываемаго каждымъ рабочимъ, равнялось въ годъ среднимъ числомъ:

Въ 1864 году . . .	309	тоннъ.
” 1866 ” . . .	314	”
” 1868 ” . . .	302	”
” 1870 ” . . .	321	”
” 1871 ” . . .	317	”
” 1872 ” . . .	299	”

То-есть, вообще говоря, около 300 тоннъ. Во Франціи и Бельгіи рабочій производитъ отъ 150—160 тоннъ; въ Пруссіи—200 *).

Нельзя думать, будто болѣе широкое примѣненіе машиннаго труда къ минному производству можетъ значительно увеличить это среднее количество угля, приходящееся среднимъ числомъ на каждаго углекопа. Теперь уже главныя работы минера (сверленіе, подземная перевозка угля и т. п.) исполняются при помощи машинъ. Эти усовершенствованныя способы производства въ весьма незначительной степени увеличили среднее количество продукта, вырабатываемаго каждымъ рабочимъ. Весьма ошибочно было-бы предполагать, что эти усовершенствованія и это увеличеніе будутъ непрерывно прогресировать. Напротивъ, въ Англии, напр., въ послѣднее время (1872—1873) количество продукта, ежегодно добываемаго рабочимъ, не только не увеличилось по сравненію съ началомъ 1860-хъ годовъ, но уменьшилось на 22 тонны. Въ Сент-Этьенѣ послѣ того, какъ введены были различныя усовершенствованія, открывшія возможность лучшей эксплуатаціи копей, число продукта, приходящагося на каждаго рабочаго, уменьшилось до 50 тоннъ.

Вообще, по мнѣнію Бюрнера, въ каменноугольномъ промыслѣ употребленіе машинъ, по самой силѣ вещей, не можетъ имѣть слишкомъ широкаго примѣненія, и потому никакимъ образомъ нельзя думать, что ихъ помощь въ состояніи будетъ значительно увеличить среднюю сумму работы и среднее количество продукта, приходящіяся на долю каждаго рабочаго.

Кромѣ того, есть еще нѣкоторыя причины, постоянно противо-дѣйствующія такому увеличенію. Съ каждымъ годомъ приходится

*) Разница въ этихъ цифрахъ зависитъ, въ большинствѣ случаевъ, отъ большей или меньшей неправильности въ расположеніи шахтъ, отъ расположенія каменноугольныхъ залежей, отъ ихъ большаго или меньшаго богатства, отъ чистоты добываемаго угля и т. п. обстоятельствъ.

копать уголь все глубже и глубже. Глубина бельгійскихъ, напр., шахтъ въ каждыя 10 лѣтъ увеличивается на 100 метровъ и въ 1867 г. она уже достигла 400 метровъ, — слѣдовательно, въ 1877 г. она дойдетъ до 500 метровъ. А само-собою понятно, что чѣмъ глубже шахта, тѣмъ труднѣе добываніе угля, тѣмъ большее количество работы требуется для произведенія каждой тонны. Бюрнеръ указываетъ дальше еще на одну причину, въ дѣйствительности которой можно, однако, усомниться. Онъ говоритъ, что цѣна на каменный уголь въ послѣднія 10 лѣтъ повсюду поднялась (что совершенно вѣрно, хотя въ нынѣшнемъ году она значительно упала, особенно въ Англии и Бельгии; отсюда такъ-назыв. каменноугольный кризисъ, о которомъ русскіе читатели могли если не знать, то догадываться по газетнымъ свѣденіямъ о непрерывныхъ стачкахъ англійскихъ и отчасти бельгійскихъ углекоповъ); вслѣдствіе этого поднялась и заработная плата; увеличеніе заработной платы вызвало, въ свою очередь, поверхностное исполненіе работъ (¶), лѣность (¶) и небрежность (¶).

„Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, продолжаетъ онъ, — заставляютъ думать, что среднее производство на человѣка не можетъ и никогда не будетъ превышать 300 тоннъ. Въ 1872 г. число углекоповъ равнялось 400,000 съ небольшимъ человѣкъ *); произвели они немножко болѣе 120 миліоновъ тоннъ **), что и составляетъ $\frac{120,000,000}{300} = 400,000$. Слѣдовательно, для выработки 600 миліоновъ тоннъ потребуется $\frac{600,000,000}{300} = 2,000,000$ рабочихъ; считая ихъ семьи, мы получимъ 10 миліоновъ, т.-е. $\frac{1}{3}$ всего англійскаго населенія, занятыхъ исключительно каменноугольнымъ производствомъ. Что-же станетъ тогда со всѣми другими отраслями промышленности? Вся организація экономическихъ силъ страны придетъ въ разстройство: большая часть фабрикъ должна будетъ позакрываться, поля останутся безъ обработки. Придется, въ *буквальномъ* смыслѣ слова, и питаться каменнымъ углемъ, и одѣваться въ него, и дома изъ него строить. Для всякаго, хотя-бы даже и нечитавшаго учебниковъ политической экономіи, нелѣпность, практическая невозможность подобнаго стягиванія къ одной спеціальной

*) 413,334 человѣка.

**) 123,000,000 тоннъ.

сферъ промышленности цѣлой трети всѣхъ рабочихъ силъ страны должна быть до такой степени очевидна, что объ этомъ и говорить не стоитъ.

2,000,000 углекоповъ возможны въ Англии безъ ущерба для ея экономическаго прогресса только въ томъ случаѣ, когда ея населеніе возрастетъ въ 5 разъ, — когда оно достигнетъ 150,000,000, что можетъ случиться (принимая данный % размноженія англійскаго населенія) не ранѣе, какъ черезъ 270 лѣтъ. Слѣдовательно, добыча каменнаго угля въ количествѣ 600 мил. тоннъ въ годъ практически неосуществима до 2144 года.

При данномъ-же составѣ населенія количество рабочихъ въ ко-пихъ едва-ли можетъ увеличиться болѣе, чѣмъ на половину своей настоящей цифры, т. е. дойти тысячъ до 600 съ небольшимъ. 600,000 рабочихъ въ годъ выработаютъ не болѣе 200,000,000 тоннъ. А при такой средней добычѣ угля истощеніе копей становится возможнымъ лишь въ 2500 годъ, т. е. отъ „рокового дня“ насъ отдѣляютъ не какія-нибудь 156 лѣтъ, а цѣлыхъ 626 — болѣе $\frac{1}{2}$ тысячелѣтія.

А если мы допустимъ, вмѣстѣ съ Geological Survey, что каменноугольные запасы Англии содержатъ въ себѣ 146 миллиардовъ тоннъ, на глубинѣ 1,300 метровъ, то конецъ каменноугольнаго вѣка придется отодвинуть еще дальше, почти на цѣлое тысячелѣтіе.

Относительно-же Америки подобныя вычисленія приводятъ къ еще болѣе утѣшительнымъ результатамъ, но я не стану утомлять ими читателя. На основаніи предыдущаго онъ, если пожелаетъ, и самъ можетъ продѣлать ихъ „въ тиши своего кабинета“.

Итакъ, каменноугольная цивилизація спасена, если и не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, очень-очень надолго. Солидные люди могутъ успокоиться: *съ этой стороны* обществу не грозить въ близкомъ будущемъ никакой опасности. Заглядывать-же впередъ за тысячу лѣтъ — это совсѣмъ уже непрактично: тутъ, какъ-бы чело-вѣкъ ни былъ дальнорокъ, а все-таки ровно ничего не увидитъ.

Однако, статистика завела насъ слишкомъ далеко въ область гипотезъ и смѣлыхъ догадокъ. Пора вернуться къ дѣйствительности, — къ *современной* дѣйствительности. И хотя статистика отвела насъ отъ нея, но она-же и подведетъ насъ къ ней. Небольшой мостицъ изъ цифръ —

и мы незамѣтно очутимся въ весьма конкретной области такъ-называемыхъ экономическихъ отношеній. Впрочемъ, да не подумаетъ читатель, что нижеприводимыя цифры цитируются мною единственно въ интересахъ удобнѣйшихъ „путей сообщенія“ при нашихъ экскурсіяхъ. Нѣтъ, онѣ и сами по себѣ не лишены интереса и могутъ послужить даже нѣкоторымъ утѣшеніемъ для нашего Вольнаго Экономическаго Общества, постоянно сѣтующаго на то, что сельскимъ рабочимъ годъ изъ году приходится платить все дороже и дороже. Изъ нихъ оно увидитъ, что заработная плата въ сферѣ земледѣльческой промышленности *повсемѣстно* возрастаетъ. Конечно, причины, вызывающія это возрастаніе на Западѣ, не совсѣмъ похожи на тѣ, которыя вызываютъ его у насъ. Но все-таки и тамъ, и здѣсь замѣчается одинъ и тотъ-же фактъ. Какъ хотите, а вѣдь это значитъ, что и мы не совсѣмъ „лыкомъ шиты“.

Cliffe Leslie's въ интересной статьѣ „The movement of agricultural Wages in Europe (Fortnightly Review, июль 1874 г.), приводитъ массу цифръ въ доказательство *всеобщаго повышенія земледѣльческой заработной платы*. Въ Англіи земледѣлецъ получалъ въ недѣлю:

	1850 г.	1873 г.
Въ сѣверн. граф.	11 шил. 6 д.	18 ш.
„ южныхъ „	8 „ 5 „	12 „

Въ Бельгіи въ послѣднія 20 лѣтъ она постоянно (хотя и незначительно) возрасла и въ настоящее время дошла въ нѣкоторыхъ округахъ до 2 ф. 50 с., и даже до 3 ф. 50 с. въ день.

Во Франціи, послѣ войны, точныхъ свѣденій объ этомъ предметѣ не имѣется, но при имперіи она возрасла на 20% (Лаверь). По вычисленіямъ-же проф. Бауера и Гольца въ сѣверной Франціи, въ послѣднія 26 лѣтъ, она возрасла на 60%.

По даннымъ того-же Гольца оказывается, что въ рейнскихъ провинціяхъ за послѣднія 20—30 лѣтъ она возвысилась на 100%. По свѣденіямъ-же, опубликованнымъ въ 1874 г. „Сельско-хозяйственнымъ Союзомъ“, видно, что въ одномъ дистриктѣ рейнской Пруссіи заработная плата съ 1870—1874 гг. возрасла на 75—100%; въ другомъ — на 200% (за 20 лѣтъ); въ третьемъ на тотъ-же процентъ за 10 лѣтъ. Въ восточной Пруссіи — на 50—

60% (за 20 лѣтъ). Въ Тюбингенѣ — съ $11\frac{1}{2}$ зильберггрошей (1850—55 г.) до 21 зильберггроша (1873 г.).

Англійскій консулъ въ Данцигѣ-Витте хотя и замѣчаетъ, что въ послѣдній 1874 годъ заработная плата въ Германіи стала падать (вслѣдствіе, конечно, того общаго промышленно-финансоваго кризиса, о которомъ я уже упоминалъ выше), однако, онъ признаетъ, что въ послѣднія 20 лѣтъ она возвысилась на 50 — 100%. То-же подтверждаетъ и боннскій профессоръ Нассе.

По вычисленіямъ цюрихскаго проф. Бѳмерта (одинъ изъ издателей *Arbeiterfreund'a*), въ Швейцаріи въ послѣднія 70 лѣтъ заработокъ сельскихъ рабочихъ увеличился на 300%.

Замѣчательно при этомъ, что во многихъ случаяхъ среднее повышеніе уровня заработной платы для „всей“ страны не оказывало на нѣкоторыя отдѣльныя ея мѣстности ни малѣйшаго вліянія. Часто можно встрѣтить почти рядомъ два округа, изъ которыхъ въ одномъ заработная плата стоитъ на *maximum'ѣ*, въ другомъ — на *minimum'ѣ*. Неравномѣрность эта обуславливается, главнымъ образомъ, большимъ или меньшимъ развитіемъ въ данномъ округѣ заводской и фабричной промышленности. Замѣчено, что повсюду съ прогрессомъ послѣдней идетъ рука объ руку и возвышеніе заработковъ сельскихъ рабочихъ. Такъ въ Англіи наибольшую плату получаетъ земледѣлецъ сѣверныхъ графствъ, наименьшую — южныхъ. Во Франціи на сѣверо-западѣ и юго-востока онъ получаетъ до 600 фр. въ годъ; на сѣверо-востокѣ — 360 ф., на западѣ, юго-западѣ и въ центрѣ — 300 ф. Въ промышленномъ департаментѣ Сены онъ получаетъ лѣтомъ, во время жатвы, 4 ф. 75 с. въ день (а зимою 3 ф. 14 с.); а въ департаментѣ *Côtes du Nord* — 1 ф. 68 с. (зимою 1 ф. 14 с.). Въ Германіи всего менѣе получаютъ земледѣльцы въ Силезіи и Познани. Въ одномъ силезскомъ округѣ по-денная плата лѣтомъ не превышаетъ 7 зильберггрошей, а зимою 6 зильберггрошей, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прирейнской Пруссіи она достигаетъ лѣтомъ: отъ 25 зильберггрошей до $1\frac{1}{2}$ талера; зимою — до $22\frac{1}{2}$ зильберггрошей. Точно такъ же и въ Швейцаріи. Въ цюрихскомъ и гларускомъ кантонахъ рабочему даютъ: лѣтомъ отъ 4 — $4\frac{1}{2}$ фр., зимою — 3 — $3\frac{1}{2}$ фр. Въ Урѣ-же заработная плата не превышаетъ 2 фр.; въ Шафгаузенѣ — $2\frac{1}{2}$ фр.

Цифры эти весьма наглядно показываютъ, что одна изъ глав-

нѣйшихъ причинъ возвышенія заработной платы западно-европейскихъ земледѣльцевъ состоятъ въ конкуренціи, которую дѣлаютъ фабричная и заводская промышленность промышленности сельской. Однако, эта причина не есть единственная. Не меньшее влияние оказываетъ тутъ и чрезмѣрное возрастаніе цѣнъ на всѣ безъ исключенія жизненныя потребности. Въ Швейцаріи, напр., втеченіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ (съ 1865—1875 гг.) *цѣнность жизни* увеличилась на 35%. Въ 1865 году рабочее семейство (отецъ, мать и двое дѣтей) могло просуществовать на 238 талеровъ; въ 1874 г., при точно такомъ-же питаніи, при такой-же обстановкѣ, точно также не позволяя себѣ ничего лишняго, оно не можетъ израсходовать менѣе 319 тал. 18 збрг. (Zeitschrift für Schweizerische Statistik, 3 Quartel Heft, 1874).

Нѣкто Букъ (Bück) изъ Гюмбингена пишетъ, что первая желѣзная дорога, проведенная въ 1860 г., подняла цѣну на главныя жизненныя потребности; между прочимъ, фунтъ масла, стоившій прежде 4—5 зильбергрошей, теперь стоитъ 10—13 зильбергрошей; фунтъ мяса вмѣсто прежнихъ 2¹/₂ зильбергрошей поднялся до 6 зильбергрошей. Франція, Англія и Бельгія представляютъ то-же явленіе: повсюду поднимаются цѣны на мясо, масло, яйца, молоко, квартиры и т. п.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ французскаго журнала „Économiste“ напечатана статья Фовиля „Progression en France des Consommations et du prix des subsistances“ (Усиленіе потребленія и возвышеніе цѣнъ на жизненные продукты во Франціи).

Фовиль проводитъ паралель между годами 1820 и 1870, которые раздѣляются другъ отъ друга цѣлымъ полустолѣтіемъ. Исслѣдованія его ограничиваются предметами продовольствія, которые онъ дѣлитъ на четыре разряда: продукты растительные, продукты мясные, напитки и различныя добавочныя предметы потребленія.

Въ его таблицы вошли всѣ продукты, занимающіе серьезную роль въ питаніи, при чемъ авторъ обращаетъ вниманіе и на соотвѣтственную ихъ важность. Съ этою цѣлью, сравнивая цѣны взятыхъ двухъ эпохъ, онъ сравниваетъ и количество потребленія въ это время того или другаго продукта. Затѣмъ онъ вы-

водитъ средній итогъ продовольствія каждаго жителя Франціи въ каждый изъ изслѣдуемыхъ годовъ.

Не слѣдуетъ, однакожь, заключать, что таблицы Фовиля даютъ положительную цифру дѣйствительнаго расхода потребителя. Самъ авторъ говоритъ, что онѣ представляютъ лишь стоимость предметовъ на мѣстѣ ихъ производства или-же ихъ привозныя цѣны, съ прибавленіемъ только главныхъ пошлинъ, падающихъ на всю совокупность потребленія, каковы таможенные сборы, налогъ на спиртные напитки, на соль, сахаръ и пр. Всѣ прочіе государственные сборы съ товаровъ, неимѣющіе столь общаго характера (напримѣръ, пошлины за право торговли, за ввозъ и раздробительную продажу вина, заставныя пошлины и пр.), съ намѣреніемъ исключены авторомъ. Подобнымъ-же образомъ, онъ счелъ нужнымъ оставить въ сторонѣ исчисленіе всѣхъ побочныхъ расходовъ, неизбѣжно требуемыхъ распространеніемъ продовольственныхъ припасовъ въ странѣ и ихъ употребленіемъ (расходы на перевозку, сбереженіе, продажу оптомъ и въ розницу, приготовленіе продуктовъ для пищи потребителемъ, т. е. вареніе ихъ, жареніе и пр.). Подобныя исчисленія, говоритъ Фовиль, были-бы излишними въ предлагаемой статьѣ; они только-бы растянули ее, не измѣняя ощутительнымъ образомъ ея общихъ выводовъ.

Сдѣлавъ эти необходимыя оговорки, приступимъ къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ продуктовъ продовольствія, разбираемыхъ авторомъ. Для выраженія потребленія всѣхъ жителей Франціи, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, онъ беретъ средняго человѣка, который ѣстъ и пьетъ ежедневно въ количествѣ, достаточномъ для питанія организма.

I. Припасы растительные. Въ 1820 году на каждаго человѣка во Франціи выходило въ годъ по 150 литровъ пшеницы; въ 1870 году количество это возрасло до 200 литровъ, что равняется увеличенію потребленія муки и хлѣба высшаго качества на 33%. Взамѣнъ того, потребленіе низшихъ сортовъ муки уменьшилось съ 145 литровъ на 104 литровъ, что равняется пониженію на 28%.

Фовиль ничѣмъ не поясняетъ причины такой перемѣны во вкусахъ потребителей; онъ проходитъ ее молчаніемъ. Впрочемъ, онъ привелъ до сихъ поръ только таблицу своихъ числовыхъ данныхъ, и очень можетъ быть, что къ выводамъ изъ нихъ онъ воз-

вернется въ новой статьѣ. Можно предположить, что измѣненіе во вкусахъ потребителей произошло не оттого, что каждый житель во Франціи потребляетъ теперь болѣе блага хлѣба и менѣе ржаного; вѣроятно же предположить, что цѣлая часть населенія, питавшаяся прежде болѣе грубымъ хлѣбомъ, стала потреблять теперь пшеничный и притомъ высшаго сорта. Весьма вѣроятно тоже, что, съ развитіемъ земледѣлія, многія поля, производившія прежде только рожь и пшено, въ настоящее время способны уже производить пшеницу.

Что касается бобовъ, гороха, чечевицы и другихъ овощей, то потребленіе ихъ возрасло съ 75 литровъ на человѣка на 100 литровъ, — слѣдовательно, на 33°/о, т. е. въ той-же пропорціи, какъ и потребленіе пшеницы.

Потребленіе картофеля усилилось въ еще болѣе значительной степени: оно возвысилось съ 40 литровъ до 100 литровъ на человѣка, что равняется увеличенію на 250°/о.

Въ прежнее время каждый французъ съѣдалъ 25 килограммовъ земныхъ плодовъ; теперь онъ съѣдаетъ ихъ 40 килограммовъ, что составляетъ увеличеніе въ 60°/о. Слѣдуетъ прибавить, что, по замѣчанію всѣхъ хозяевъ фруктовыхъ садовъ, фруктоводство сдѣлало обширные успѣхи втеченіи настоящаго столѣтія, и не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Если-бы три послѣднія людскія поколѣнія всѣхъ европейскихъ народностей усовершенствовались въ это время не менѣе своихъ яблонь, грушъ и т. п., то мы могли бы воспѣть хвалебный гимнъ нашимъ моралистамъ и педагогамъ, профессорамъ философіи и пр...

Ознакомясь, такимъ образомъ, съ качествомъ и количествомъ главнѣйшихъ продуктовъ растительнаго царства, потребляемыхъ въ пищу человѣкомъ во Франціи, перейдемъ къ разсмотрѣнію повышенія цѣнъ на нихъ.

Втеченіи взятаго Фовилемъ періода (сравнивая лишь начинающій и заключающій его годы) *) средняя цѣна на единицу мѣры пшеницы возрасла съ 18 фр. на 22 фр., что равняется повышенію стоимости на 22°/о только, между тѣмъ какъ процентъ

*) Въ нашемъ краткомъ обзорѣ, мы находимъ излишнимъ повѣрять цифры Фовиля, кажуціяся намъ, притомъ, вѣрными въ общей своей сложности.

потребления увеличился въ это время на 33%. Подобный результатъ весьма важенъ и весьма утѣшительнъ.

Обратимся къ низшимъ сортамъ хлѣба. Въ то время, какъ потребление низшихъ сортовъ муки понизилось на 28%, цѣнность ихъ повысилась на 44%, т. е. они вздорожали вдвое противъ высшихъ сортовъ муки. Такой совершенно неожиданный результатъ можетъ показаться, съ перваго взгляда, парадоксальнымъ. Мы приводимъ его мимоходомъ. Можно думать, пожалуй, что цѣны имѣютъ стремленіе къ равенству, подобно людямъ.

Горохъ, бобы и другія овощи подорожали на 66% въ то время, какъ потребление ихъ увеличилось на 33%; но скромный, драгоценный и истинно заслуженный картофель вздорожалъ только на 50%, между тѣмъ какъ потребление его усилилось на 250%.

Плоды вздорожали вообще на 60%, что совершенно равняется увеличенію ихъ потребления.

Подведя итогъ всѣмъ растительнымъ продуктамъ, потребляемымъ французомъ въ 1870 году, и сравнивая эту цифру съ потреблениемъ 1820 года, мы видимъ возрастаніе какъ потребления, такъ и качества производимыхъ продуктовъ.

Если предположить, что всѣ приведенные выше продукты можно было купить въ 1870 году по цѣнамъ, существовавшимъ въ 1820 году, то суммы увеличенія ихъ производства и ихъ качественного улучшенія выразятся 21%. Результатъ не громадный, но тѣмъ не менѣе довольно значительный.

Но улыбка удовольствія при видѣ такого результата смѣняется нѣкоторою гримасой при взглядѣ на „счетець“, по которому приходится платить. То, что стоило (во Франціи) 58 франковъ 86 сантимовъ въ 1820 г., обходилось въ 1870 году уже въ 77 франковъ 12 сантимовъ, изъ чего слѣдуетъ, что въ 1870 году французы платили 33% дороже за непосредственное улучшеніе въ количествѣ и качествѣ потребляемыхъ ими припасовъ, равное только 21%.

Круглымъ числомъ, въ прежнее время хлѣбъ, овощи и десертъ обходились среднему французу въ 47 франковъ 5 сантимовъ, а въ 1870 году (съ тѣхъ поръ, надо замѣтить, всѣ продукты еще подорожали) онъ тратилъ на эти предметы 77 франковъ 12 сантимовъ, иначе говоря—64% болѣе.

II. Мясные продукты: Въ 1820 году средній французъ по-

треблялъ 19 килограмовъ различнаго мяса: бычачьяго, коровьяго, телячьаго, бараньяго, козьяго, свиного; въ 1870 году количество это увеличилось до 26 килограмовъ, т. е. на 37%. Къ этому количеству слѣдуетъ прибавить по двѣ домашнія птицы на человѣка въ 1820 году и по три въ 1870 году. Потребленіе дичи осталось почти въ прежнемъ положеніи, по двумъ причинамъ: 1) дичь плодится очень слабо, 2) ее кушаютъ преимущественно богатые люди.

Потребленіе молока усилилось на 33%, а именно, вмѣсто прежнихъ 20 литровъ на человѣка, въ 1870 г. потреблялось уже 30 литровъ.

Въ отношеніи яицъ увеличеніе еще значительнѣе; оно равняется 43%; прежде потреблялось по 70 яицъ на человѣка, а въ 1870 г. по 100 яицъ.

Цѣны на эти продукты вздорожали въ слѣдующей пропорціи: мясо на 88%, домашняя птица на 60%, дичь на 200%, молоко на 200%, яйца на 71%, рыба на 300%. Ясно, что увеличеніе цѣнности въ этомъ отдѣлѣ пищи возрастаетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ въ отдѣлѣ растительныхъ продуктовъ.

Такимъ образомъ, взятый авторомъ средній французъ съѣдалъ въ 1820 году на 24 франка 35 сантимовъ мяса, яицъ, молока и рыбы. Количество этихъ продуктовъ, съѣдаемое имъ въ 1870 г., стоило-бы ему, за 50 лѣтъ назадъ, 33 франка 57 сантимовъ, изъ чего слѣдуетъ, что онъ питается нынѣ лучше, чѣмъ въ прежнее время, на 38%.

Но вмѣсто того, чтобы платить за съѣдаемое имъ количество мясныхъ продуктовъ 33 франка 57 сантимовъ, французъ платилъ въ 1870 году 66 франковъ 64 сантима, то-есть 86% дороже, чѣмъ онъ могъ заплатить въ 1820 году. Изъ этого видно, что возвышеніе цѣнъ на мясные продукты превышаетъ возрастаніе ихъ потребления.

Выраженное, въ круглыхъ цифрахъ, потребленіе мяса и однородныхъ съ нимъ продуктовъ требовало въ 1820 г. 24 франка 35 сантимовъ ежегодной затраты на человѣка, а въ 1870 году оно требуетъ 62 франка 64 сантима, что равняется увеличенію расхода на 157%.

III. Напитки. Въ 1820 г. средній французъ выпивалъ 70 литровъ вина, а въ 1870 г.—115 литровъ, что равно увеличе-

нію потребления на 64%; виноградное вино вздорожало въ этотъ періодъ времени на 100%.

Въ 1820 г. французъ выпивалъ 10 литровъ пива; въ 1870 году количество это возрасло до 18 литровъ, то-есть увеличилось на 80%; пиво вздорожало тоже на 100%.

Въ отношеніи сидра (квасъ яблочный), пропорція увеличилась съ 20 на 25 литровъ, то-есть на 25%, но цѣна сидра увеличилась на 43%.

Потребленіе спиртныхъ напитковъ возрасло весьма сильно, а именно съ 1 литра на 3 литра (съ 1870 г. пропорція эта опять уменьшилась, какъ результатъ новыхъ усиленныхъ налоговъ), но цѣны на сказанные напитки не возвышались втеченіи всего обозрѣваемаго нами полулѣтка, если не прикладывать къ нимъ постоянно увеличивавшихся налоговъ на этотъ продуктъ. Проще сказать, рыночная цѣна продукта оставалась та-же, а возвышалась только норма налога, который, понятно, приходилось платить потребителю, а не производителю. Такой феноменъ, т.-е. застой въ цѣнѣ продукта, вовсе не такъ удивителенъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда; но разбирать его здѣсь не мѣсто. Во всякомъ случаѣ, средній французъ выпиваетъ теперь большее количество спиртныхъ напитковъ, чѣмъ выпивалъ прежде. Въ 1820 г. онъ выпивалъ крѣпкихъ напитковъ на 12 франковъ 30 сантимовъ; количество этого напитка, выпиваемаго имъ въ 1870 г., стоило бы, по прежнимъ цѣнамъ, 22 франка 60 сантимовъ, изъ чего слѣдуетъ, что потребленіе сказанныхъ напитковъ возрасло на 83%.

Но такъ-какъ платить за упомянутое количество приходилось уже не 22 франка 60 сантимовъ, а 40 франковъ 10 сантимовъ, то ясно, что цѣна на предметъ возрасла на 77%.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ 1820 г. средній французъ тратилъ ежегодно на крѣпкіе напитки, круглымъ числомъ, 12 франковъ 30 сантимовъ, а въ 1870 году уже 40 франковъ 10 сантимовъ, что равно увеличенію на 226%.

IV. Разсмотрѣвъ существеннѣйшіе предметы потребления, перейдемъ теперь къ добавочнымъ.

Потребленіе соли равнялось въ 1820 году $6\frac{1}{2}$ килограммамъ на человѣка; въ 1870 году оно дошло до $8\frac{3}{4}$ килограмма на человѣка, что равняется увеличенію на 35%. Такому развитію потребления способствовало уменьшеніе налоговъ, благодаря чему средняя

цѣна на соль спала съ 33 сантимовъ на 12 сантимовъ, что равняется уменьшенію на 73%.

Подобнымъ-же образомъ, благодаря уменьшенію ввозныхъ пошлинъ и усовершенствованіямъ въ фабрикаціи, мѣра сахара, стоившая въ 1820 г. 2 франка 50 сантимовъ, обходилась въ 1870 году только въ 1 франкъ 25 сантимовъ, то-есть на половину дешевле. Потребленіе-же этого продукта, равнявшееся въ 1820 году 1,4 килограму на человѣка, возрасло до 6 килограмовъ на человѣка въ 1870 году, что равняется увеличенію на 329%.

Стоимость риса уменьшилась на 13³%, но потребленіе его увеличилось съ 200 граммовъ на человѣка на 1,200 граммовъ, то-есть въ шесть разъ.

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателя, перебирая такимъ образомъ, поочередно, кофе, чай, какао, растительныя масла, уксусъ, иностранныя плоды. Достаточно сказать вообще, что потребленіе почти всѣхъ этихъ продуктовъ увеличилось, а стоимость ихъ значительно уменьшилась. Въ 1820 году средній французъ потреблялъ ихъ только на 8 франковъ 26 сантимовъ; черезъ 50 лѣтъ количество этого потребленія утроилось, при чемъ, по прежнимъ цѣнамъ, оно обходилось-бы въ 24 франка 61 сантимъ, а въ дѣйствительности въ 1870 году оно стоило только 15 франковъ 61 сантимъ, что равно уменьшенію цѣнъ на 37%.

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы увидимъ, что средній французъ тратилъ:

	Въ 1820 г.		Въ 1870 г.	
На хлѣбъ, крупы, овощи	47 фр.	5 сент.	77 фр.	12 сент.
На мясо, рыбу, молоко, яйца	24 "	35 "	45 "	52 "
На крѣпкіе напитки	12 "	30 "	40 "	10 "
На различныя прибавочныя предметы потребленія	8 "	26 "	15 "	61 "
Итого	91 фр.	96 сент.	178 фр.	35 сент.

Изъ чего слѣдуетъ, что, среднимъ числомъ, въ 1870 году каждому французу пища обходилась ежедневно нѣсколько болѣе 50 сантимовъ. между тѣмъ какъ 50 лѣтъ тому назадъ онъ тратилъ на этотъ предметъ нѣсколько менѣе 25 сантимовъ, что составляетъ пропорцію въ 100:212, изъ чего нельзя конечно, ужь, выводить заключенія о валтасаровскихъ пиршествахъ или роскоши Сарданъпала...

Мы уже видѣли, что валовое увеличеніе расхода раздѣляется на два элемента: на дѣйствительное увеличеніе количества потребленія и на увеличеніе платы за это послѣднее, вслѣдствіе удешевленія денегъ.

Разсмотримъ сначала увеличеніе количества потребленія. Пища средняго француза улучшилась въ слѣдующей пропорціи:

	Въ 1820 г.		Въ 1870 г.	
Хлѣбъ, крупа, овощи. . .	47 фр.	5 сант.	56 фр.	86 сант.
Мясо, рыба, молоко, яйца. . .	24 „	35 „	33 „	57 „
Крѣпкіе напитки	12 „	30 „	22 „	60 „
Различные прибавочные предметы потребленія	8 „	26 „	24 „	61 „
Итого. . .	91 фр.	96 сант.	137 фр.	64 сант.

Что равняется улучшенію на 50% втеченіи 50 лѣтъ.

Это число выражаетъ дѣйствительный прогрессъ общества на пути „матеріальныхъ удобствъ жизни“, и на это-то улучшеніе въ пищу тратится почти вся сумма увеличенной заработной платы.

Разность между 178 фр. 35 сант., то-есть настоящею стоимостью потребленія въ 1870 году, и 137 фр. 64 сант., то-есть тою стоимостью, въ которую обходилось-бы количество этого потребленія въ 1820 году, выражаетъ мѣру удешевленія денегъ. Эта разность равна 40 франкамъ 69 сантимамъ, то-есть около 30%.

Отсюда естественно выходитъ, что удешевленіе денегъ обуславливаетъ собою обѣдненіе рантѣ, живущихъ капиталами, которое выражается 42% въ разбираемый полувѣковой періодъ, а увеличеніе количества потребленія на 50% втеченіи того-же времени выражаетъ собою уровень матеріальнаго благосостоянія рабочаго класса.

Читателямъ „Дѣла“ извѣстно, что въ Англіи давно уже существуетъ „Общество для усовершенствованія соціальныхъ знаній“, задачей котораго служить разрѣшеніе современныхъ соціальныхъ вопросовъ. Оно состоитъ изъ 1,260 членовъ, англичанъ и иностранцевъ, кромѣ множества корреспондентовъ, доставляющихъ въ его центральное бюро самыя разнообразныя свѣденія со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра. Каждый годъ оно собирается въ конгрессъ, избирая для своихъ дебатовъ одинъ изъ главныхъ городовъ Англіи. Послѣднее его засѣданіе, въ концѣ прошлаго года (30-го

сент.—12-го окт.), происходило въ Глазговѣ, въ присутствіи 72 депутатовъ общества и болѣе 200 посѣтителей. Въ числѣ вопросовъ, занимавшихъ конгрессъ, былъ поставленъ на очередь вопросъ общественной гигіены. Представителемъ его явился знаменитый *ветеранъ санитарной науки*, докторъ Ляйонъ Плэйферъ, болѣе сорока лѣтъ работающій на этомъ поприщѣ. Произнесенная имъ рѣчь, богатая фактами и въ высшей степени убѣдительная, представляла самый живой интересъ между рѣчами другихъ ораторовъ. „По какой-то роковой случайности, началъ м-ръ Плэйферъ, — люди обыкновенно закрываютъ глаза именно на тѣ социальныя язвы, которыя всего болѣе ихъ разъѣдаютъ; это, можетъ быть, потому, что для борьбы съ великимъ зломъ нужны и великія силы, а обыкновенные люди, при современномъ ихъ уровнѣ, вовсе не такіе великаны, чтобы мѣряться съ колоссальными бѣдствіями, застигающими ихъ почти всегда врасплохъ. Мы въ ужасѣ приходимъ, когда посѣщаетъ насъ эпидемія, опустошающая наши города и села, мы молчимъ и молимся или кричимъ и проклинаемъ при видѣ тысячи тысячъ жертвъ, вырываемыхъ изъ нашей среды, но мы совершенно равнодушно относимся къ тѣмъ медленнымъ и подготовительнымъ причинамъ, которыя производятъ эпидемическія заразы, мы не обращаемъ вниманія на постоянную смертность, которая, въ сущности, хуже всякой эпидеміи. Ни правительство, ни частная инициатива въ этомъ случаѣ не выказываютъ особенной энергіи, и общественное мнѣніе гораздо больше интересуется какимъ-нибудь судебнымъ скандаломъ, чѣмъ благосостояніемъ народнаго здоровья. Я не спорю, что смерть уже не истребляетъ насъ такими массами, какъ истребляла нашихъ предковъ, но уменьшеніемъ смертности мы обязаны не предупредительнымъ рациональнымъ мѣрамъ, не тому, чтобы мы умѣли жить болѣе гигіенически, чѣмъ полудикіе савсы, а общему улучшенію социальнаго быта и поднятію культурнаго уровня“. Плэйферъ подводитъ подъ слѣдующіе средніе итоги ежегодную смертность въ Англіи:

Въ 1660—70 гг.	умирало	80,0	на	1,000	чел.
— 1681—90	„ „	42,1	„ „	„	„
— 1746—55	„ „	35,6	„ „	„	„
— 1846—55	„ „	29,9	„ „	„	„
— 1871	„ „	22,6	„ „	„	„

Очевидно, прогрессивное уменьшеніе смертности въ Англіи пред-

ставляет довольно отрадный фактъ: въ два столѣтїа съ небольшимъ процентъ смертности почти въ четыре раза сдѣлался меньше, но при современномъ состоянїи санитарныхъ знанїй его можно было-бы уменьшить еще болѣе. „Если-бы мы позаботились устроить домъ нашего честнаго работника, говоритъ Плэйферъ, — такимъ-же здоровымъ, какъ камера, въ которой содержится преступникъ, то мы прибавили-бы лишнихъ восемь рабочихъ лѣтъ къ жизни производительнаго класса“... Вообще, какъ думаетъ Плэйферъ, процентъ смертности даже теперь можно было-бы сократить съ 22 до 17%. „Но когда гигиена поднимаетъ свой голосъ и требуетъ отъ общества санитарныхъ мѣръ, ей, обыкновенно возражаютъ одной рутинной фразой: все это прекрасно, но гдѣ-же взять денегъ для осуществленїя соціально-гигиеническихъ реформъ? Дурной тотъ счетчикъ, который не умѣетъ разсчитать, что на затраченный имъ шиллингъ онъ получитъ чистой выгоды—два. Спасти сто тысячъ рабочаго населенїа отъ хилости и преждевременной смерти — значитъ сдѣлать громадное сбереженїе странѣ; если-бы процентъ смертности понизился съ 22 на 17%, то 4,200,000 больныхъ было-бы меньше въ нашихъ госпиталяхъ и богадѣльняхъ, содержанїе которыхъ въ десять лѣтъ едва-ли обходится не дороже, чѣмъ сколько понадобилось-бы одновременно затратить на санитарныя улучшенїа нашихъ большихъ городовъ и въ особенности убійственно тѣсныхъ и грязныхъ жилищъ, въ которыхъ скучивается безпрїютная бѣдность“.

Одною изъ главныхъ причинъ смертности Плэйферъ считаетъ обыкновенное развитїе большихъ городовъ, какъ промышленныхъ центровъ, и скученїе населенїа въ этихъ городахъ. Чтобы судить, какъ прогрессируетъ въ послѣднее время это возрастанїе городовъ, мы приведемъ статистическія данныя, представленныя м-ромъ Плэйферомъ: въ эпоху королевы Елисаветы Лондонъ имѣлъ 160,000 жителей и на всей поверхности Англїи, среднимъ числомъ, приходилось 15 домовъ и 83 души на квадратную милю. Современники приходили въ ужасъ и отъ этой густоты англїйскаго населенїа. Теперь-же на квадратной милѣ помѣщается 300 жителей и 73 дома, а въ городахъ 713 домовъ и 4,061 житель. Въ началѣ настоящаго вѣка въ Англїи, кромѣ Лондона, не было ни одного города, населенїе котораго превышало-бы 100,000; теперь-же 13 городовъ, которые считаютъ болѣе 100,000 жителей, и 103 имѣютъ болѣе 20,000.

Вмѣстѣ съ возрастаніемъ промышленныхъ центровъ увеличивалось и скученіе населенія въ тѣсныхъ жилищахъ. Такъ, напримеръ, въ Глазговѣ 5¹/₂% жителей могутъ располагать помѣщеніями, состоящими изъ четырехъ и болѣе комнатъ; остальные-же 94¹/₂%—и это обыкновенно самыя многолюдныя семейства,—занимаютъ менѣе 4-хъ комнатъ или наполняютъ собою грязныя углы и подвалы богатаго торговаго города. Вотъ гдѣ скрывается коренная причина тѣхъ заразъ и эпидемій, передъ которыми дѣлаются безсильными всякія санитарныя мѣры.

Вторымъ источникомъ смертности въ городахъ м-ръ Плэйферъ считаетъ зараженіе водъ, употребляемыхъ въ пищу и питье, и отсутствіе хорошихъ водосточныхъ трубъ. Въ Салисбери только вслѣдствіе устройства хорошей системы водоотводовъ число чахоточныхъ случаевъ уменьшилось на 49%, т. е. 49 человекъ на 100 спасались отъ зараженія; въ Эли та-же болѣзнь ослабѣла на 47%, въ Рѣгби—на 43%, и въ Вембери—на 41%. Въ прежнее время больные страдали этимъ недугомъ, въ среднемъ выводѣ, не болѣе двухъ лѣтъ; теперь они переносятъ его болѣе 8-ми лѣтъ.

„Такимъ образомъ, заключаетъ свой отчетъ м-ръ Плэйферъ,—дальновидное правительство, какъ и разумно организованное общество, не могутъ и не должны закрывать глаза на такіе недостатки народной жизни, какъ тѣснота жилищъ, антигигіеническое устройство городовъ, зараженіе рѣкъ и отравы водъ....

БЭКЕРЪ-ПАША

И

ЕГО ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АФРИКУ.

(Ismailia, a narrative of the expedition to Central Africa for the suppression of the slave-trade organized by Ismail, Khedive of Egypt, by sir Samuël W. Baker, pacha, major general of the ottoman Empire, late governor-general of the Equatorial Nile basin, etc. (Измаилія, описаніе экспедиціи въ центральную Африку для уничтоженія торговли невольниками, по приказанію Измаила, египетскаго хедива; соч. сэра Самюэля Бэкера, паши, генераль-маіора Отоманской имперіи, бывшаго генераль-губернатора экваторіальнаго бассейна Нила, и пр.). London, 1874. 2 vol.)

I.

На древнихъ медаляхъ Африку обыкновенно изображали въ видѣ чернокожей женщины съ курчавыми волосами, державшей въ правой рукѣ рогъ изобилія, а въ лѣвой скорпіона. Это характеристичное изображеніе остается вѣрнымъ и теперь, особенно въ отношеніи центральной Африки, которая только въ послѣдніе годы стала извѣстна образованному міру, благодаря цѣлой плеядѣ смѣлыхъ путешественниковъ: Барта, Ливингстона, Спика, Бэкера, Швейнфурта и др. Эта громадная, почти безпредѣльная страна, лежащая по обѣ стороны экватора, выходящая среднимъ числомъ на 4,000 футовъ надъ поверхностью моря, отличается здоровымъ климатомъ, роскошной, тропической природой, высокими горными кряжами, плодородными равнинами, большими рѣками, обширными озерами и всѣми необходимыми условіями для производства въ изобиліи сахарнаго тростника, хлопчатника, кофе, риса, пряностей и пр. Населеніе ея, которое долгое время считали расой проклятой, таинственной, обитавшей на землѣ въ доисторическій періодъ ма-

„Дѣло“, № 2.

монтовъ и мастодонтовъ, теперь признается всѣми лучшими авторитетами вполне способнымъ къ развитію. Такъ, по словамъ величайшаго изъ африканскихъ піонеровъ, Ливингстона, „негры одарены всѣми способностями, отличающими человѣческій родъ, и хотя долгіе вѣка рабства унизили эту расу, но нельзя сомнѣваться ни въ сердцѣ негра, ни въ его умѣ. Какое-же проклятіе тяготѣетъ надъ Африкой и почему ея племена стоятъ ниже всѣхъ другихъ народовъ?“ „Причина несчастнаго положенія африканскаго населенія, безспорно, заключается въ адекой торговлѣ невольниками, говоритъ другой африканскій путешественникъ, Бэкеръ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій *) — торговля столь ужасная, что какъ рабы, такъ и ихъ владѣльцы одинаково развращаются и становятся неспособными ни къ какой дѣятельности. Естественная любовь къ дѣтямъ, которая одушевляетъ человѣка и дикаго звѣря, не согрѣваетъ сердца несчастнаго невольника. Зачѣмъ матери любить своего ребенка, если онъ рожденъ для того только, чтобъ сдѣлаться собственностью другого, для того, чтобъ быть проданнымъ, какъ только перестанетъ нуждаться въ ея попеченіяхъ? Зачѣмъ дѣвушкѣ быть скромной и цѣломудренной, когда она просто вещь, принадлежащая всякому, кто захочетъ ее купить? Рабство убиваетъ святое чувство любви, украшающее судьбу самаго бѣднаго человѣка и связывающее его неразрывными узами съ женою, дѣтьми и домашнимъ очагомъ. Любовь не можетъ существовать вмѣстѣ съ рабствомъ, подвліяніемъ котораго умъ оскотинивается до таковой степени, что всѣ нѣжные чувства, отличающія человѣка отъ животнаго, уничтожаются, и разумъ, лишенный своихъ благородныхъ стремленій, обращается въ скотскій инстинктъ. Такимъ образомъ, Африка стала проклятой страной и не въ состояніи будетъ возвыситься до первой ступени цивилизаціи прежде, чѣмъ въ ней не будетъ уничтожено рабство. Первымъ шагомъ, необходимымъ для развитія дикихъ племенъ центральной Африки, должно быть уничтоженіе торговаго невольничества; до того времени никакія торговыя сношенія не могутъ быть утаювлены, никакія усилія миссіонеровъ не увѣнчаются успѣхомъ, никакое усовершенствованіе немислимо“.

*) The Albert Nianza, great basen of the Nile and Exploration of the Nile-sources, by sir Samuel W. Baker. London, 1870, 4-th Edition (Альбертъ Нianza, большой бассейнъ Нianza, и исследование источниковъ его).

Рабство входитъ какъ основное учрежденіе во всѣхъ государствахъ средней Африки, представляющихъ собою болѣе или менѣе неограниченныя деспотіи, или патріархальныя, аристократическія общины, управляемыя вождями, выбранными изъ среды знатныхъ родовъ. Съ давнихъ временъ различныя африканскія племена, какъ вообще всѣ диеари, обращали въ рабство плѣнныхъ во время войнъ съ сосѣдями и вели довольно значительный торгъ невольниками черезъ посредство арабовъ на Гвинейскомъ берегу. Но болѣе широкое развитіе этого постыднаго торга началось только съ XVI столѣтія, когда португальцы стали вывозить негровъ въ Америку, гдѣ туземные индѣйцы оказались мало способными къ земледѣлію и горному дѣлу. Знаменитый Ласказасъ, епископъ чіапскій, благородный покровитель индѣйской расы, быстро вымиравшей отъ непривычнаго труда въ копияхъ, выпросилъ у императора Карла V разрѣшеніе замѣнить слабую индѣйскую расу болѣе сильной африканской. Карлъ въ 1517 году разрѣшилъ вывозъ негровъ съ Гвинейскаго берега. Сначала негровъ отправляли почти исключительно въ Гаити на островъ Сан-Доминго, а потомъ ихъ стали перевозить и на американскій континентъ. Мало-по-малу этой торговлей стали заниматься и другія націи, особенно Англія, которая съ 1680 по 1700 годъ перевезла на Ямайку и въ другія антильскія колоніи около миліона негровъ. Правительства давали значительныя привилегіи лицамъ и компаніямъ, посвящавшимъ свои капиталы на это похвальное дѣло. Франція, Испанія и Португалія даже возводили въ дворянское достоинство торговцевъ живымъ товаромъ. Этотъ постыдный для человѣческаго достоинства торгъ находился подъ покровительствомъ международнаго права; такъ, въ 1713 г. Англія особымъ трактатомъ выговорила себѣ исключительное право доставить колоніямъ испанской Америки втеченіи тридцати лѣтъ 144,000 негровъ, а въ 1744 году она вела войну для продленія этой привилегіи. Однако, несмотря на всѣ выгоды и почести, пріобрѣтаемыя торговцами живого товара, ихъ ремесло обуславливалось такими ужасами и звѣрствами, что въ половинѣ восемнадцатаго вѣка благородныя умы стали возставать противъ него. Романисты, драматурги и живописцы черпали вдохновеніе въ мрачныхъ сценахъ поимки негровъ, ихъ продажи и переселенія въ Америку, при чемъ корабли, на которыхъ ихъ перевозили, были до того ими переполнены, что большинство изъ нихъ умирало во время переѣзда. Наконецъ, въ Ан-

гліи, котѳрая всего болѳе пользовалась плодами этого преступнаго торго, возникла впервые мысль объ его уничтоженіи. Для этой цѳли въ Лондонѳ въ 1787 году образовалось особое общество. Въ слѳдующемъ году знаменитый филантропъ Вильберфорсъ предложилъ въ палатѳ общинъ образовать комисію для изслѳдованія этого важнаго вопроса, а Фоксъ произнесъ одну изъ своихъ краснорѳчивѳйшихъ филиппикъ, въ которой блестящимъ образомъ доказалъ, что немисливо подчинить какому-нибудь регулированію торговлю невольниками, согласно желанію торіевъ, какъ невозможно регулировать воровство или убійство. Несмотря на сильную оппозицію въ парламентѳ и внѳ его, Вильберфорсъ втеченіи двадцати лѳтъ неутомимо преслѳдовалъ свою цѳль, и, наконецъ, въ 1806 году, по предложенію Фокса, парламентъ призналъ въ принципѳ абсолютное уничтоженіе торго невольниками. Въ слѳдующемъ году былъ изданъ актъ, признававшій незаконной подобную торговлю, но англійскіе подданные продолжали заниматься этимъ позорнымъ ремесломъ подѳ прикрытіемъ испанскаго и португальскаго флаговъ; суда, перевозившія невольниковъ, нагружались еще болѳе, чѳмъ прежде, живымъ товаромъ; въ случаѳ-же преслѳдованія невольничьихъ судовъ англійскими кораблями, несчастныхъ негровъ бросали сотнями въ воду. Законъ, постановлявшій только денежную кару за торговлю невольниками, оказался недостаточнымъ для прекращенія такого выгоднаго дѳла. Послѳдующими парламентскими актами торговля невольниками признана уголовнымъ преступленіемъ, пиратствомъ, карасмымъ ссылкой и каторжной работой. Вмѳстѳ съ тѳмъ, подѳ влияніемъ Англии, почти всѳ европейскія государства на вѳнскомъ конгресѳ приняли на себя обязательство уничтожить торговлю невольниками на африканскихъ берегахъ и заключили отдѳльные трактаты съ Англійей по этому предмету, въ силу которыхъ главнѳйшія морскія державы обязались посылать эскадры въ африканскія воды для преслѳдованія невольничьихъ судовъ и предоставили себѳ право обыска кораблей подѳ взаимными флагами. Сѳверо-американскіе Штаты и южно-американскія республики съ самаго начала послѳдовали примѳру Англии; позже другихъ присоединились къ трактату о прекращеніи торго невольниками Франція, Испанія и Португалія. Однакожь, и послѳ заключенія этихъ трактатовъ торговля невольниками не прекращалась. Съ одной стороны, громадныя выгоды отъ нея побуждали вождей африканскихъ пле-

мень, а также арабскихъ и даже европейскихъ промышленниковъ рисковать опасностью быть пойманными европейскими крейсерами; а съ другой стороны, египетскія, португальскія и отчасти испанскія власти почти открыто поощряли эту гнусную торговлю, какъ свидѣтельствуя Ливингстонъ и другіе путешественники.

Вторая французская имперія, официально поддерживая Англію въ вопросѣ о торговлѣ невольниками, однакожь, разрѣшила въ 1857 году перевозку свободныхъ негровъ въ Гваделупу и Мартинику; но подъ именемъ свободныхъ негровъ стали перевозить и невольниковъ. Захвативъ два подобныя судна подъ французскимъ флагомъ, занимавшіяся перевозкой невольниковъ, Англія настояла на прекращеніи подобнаго нарушенія трактата.

Послѣ многихъ усилій гуманная политика Англій, скрывавшая, впрочемъ, подъ честной цѣлью желаніе открыть новые рынки для своей промышленности, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ только на западномъ берегу, гдѣ эта преступная торговля дѣйствительно уничтожена. На восточномъ-же берегу и въ бассейнѣ Нила она до сихъ поръ процвѣтаетъ.

Въ послѣдніе годы этотъ робовой бичъ Африки свирѣпствовалъ преимущественно въ странахъ, прилегающихъ къ Бѣлому Нилу; Картумъ составлялъ центръ такъ-называемой торговли слоновой костью, которая въ сущности ничто иное, какъ безчеловѣчная торговля людьми. По свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, результаты ея—самые плачевныя; богатые, густо-населенныя страны обращены въ пустыню, селенія сожжены, жатвы уничтожены, народонаселеніе частію перебито, а частію уведено въ неволю на чужую сторону, —однимъ словомъ, вездѣ признаки самаго беспощаднаго разоренія. Торговцы невольниками, причиняющіе подобное опустошеніе, большею частью арабы, подданные египетскаго правительства, которые, вмѣсто того, чтобъ заниматься мирнымъ земледѣльческимъ трудомъ въ Суданѣ, составляютъ шайки разбойниковъ, живущія на жалованьи у картумскихъ купцовъ. Этихъ разбойниковъ считаютъ свыше 15,000; они организованы по-военному, раздѣлены на отряды, вооружены ружьями; ими командуютъ солдаты, бѣжавшіе изъ египетскихъ регулярныхъ полковъ. Каждый промышленникъ имѣетъ особый округъ, разбитый на мелкіе участки; въ его районѣ онъ дѣйствуетъ совершенно независимо, входитъ въ союзы съ туземными племенами для войны съ ихъ сосѣдями, лучше

сказать — для добычи невольниковъ. Кромѣ этихъ капиталистовъ, на Бѣломъ Нилѣ промышляютъ торгомъ невольниковъ разные нищіе искатели приключеній. Вотъ какъ описываетъ ихъ Бэверъ въ своей книгѣ „Альбертъ Нанза“:

„Человѣкъ безъ всякихъ средствъ устраиваетъ экспедицію, занявъ деньги по 100% на томъ условіи, что онъ уплатитъ кредитору слоновой костью, считая ее въ половину рыночной цѣны. Получивъ необходимую сумму, этотъ промышленникъ нанимаетъ суда и людей, отъ 100 до 300 арабовъ и бѣглыхъ мошенниковъ, сирійцевъ, коптовъ, турокъ и кавказцевъ, со всѣхъ сторонъ стекающихся въ Картумъ. Онъ покупаетъ ружья и одежду своимъ людямъ, а также нѣсколько фунтовъ стеклянныхъ бусъ. Когда все готово, онъ платитъ впередъ жалованье людямъ своей команды за пять мѣсяцевъ по 45 піастровъ въ мѣсяць (около трехъ рублей) и обязуется выдать имъ впослѣдствіи 80 піастровъ за все время экспедиціи сверхъ пяти мѣсяцевъ. Это жалованье дается частью деньгами, частью-же бумажными матеріями по необыкновенно высокой оцѣнкѣ. Каждый изъ нанятыхъ людей имѣетъ расчетный листъ, на которомъ отмѣчается, сколько имъ забрано товарами и деньгами. Суда отправляются въ путь въ декабрѣ. Прибывъ въ назначенную мѣстность, шайка разбойниковъ выходитъ на берегъ, отправляется во внутрь страны и отыскиваетъ селеніе какого-нибудь туземнаго вождя, съ которымъ вступаетъ въ близкія сношенія. Увлеченный своими новыми друзьями, негритянской владѣтель заключаетъ съ ними союзъ для нападенія на сосѣдей. Отправляясь въ путь ночью, подъ предводительствомъ туземнаго вождя, разбойники обрываютъ селеніе, зажигаютъ со всѣхъ сторонъ палаша и будятъ ружейными выстрѣлами спящихъ жителей. Пораженные паническимъ страхомъ, несчастные выбѣгаютъ, какъ безумные, изъ своихъ пылающихъ жилищъ, и тутъ-то, въ общей суматохѣ, взрослыхъ мужчинъ стрѣляютъ, какъ фазановъ, а женщинъ и дѣтей берутъ въ плѣнъ. Потомъ отыскиваютъ стада и гонятъ передъ собою, какъ трофеи побѣды. На плѣнныхъ женщинъ надѣваютъ особый инструментъ, называемый „шеба“, который состоитъ изъ раздвоенной жерди, захватывающей шею и скрѣпленной позади перекладиной; при этомъ кисти рукъ вытягиваются впередъ и прикрѣпляются къ жерди. Дѣтей привязываютъ къ женщинамъ за шею веревкой и такимъ образомъ составляется живая цѣпь. Въ

такое положеніи ихъ гонять вмѣстѣ съ отбитыми етадами въ главную квартиру разбойничьей шайки. Но это только еще начало дѣла. Если въ шалапахъ, не уничтоженныхъ огнемъ, находится слоновая кость, то ею тотчасъ овладѣваютъ, и начинается общій грабежъ. Промышленники роютъ подъ поломъ въ бѣдныхъ жилищахъ, отыскивая желѣзныя мотыки, главные сокровища негровъ, переворачиваютъ вверхъ дномъ житницы, предавая ихъ бесполезному уничтоженію; отрубаютъ руки у несчастныхъ убитыхъ, чтобъ захватить желѣзные или мѣдные браслеты, носимые обыкновенно неграми. Съ полученной добычей промышленники возвращаются къ своему туземному союзнику, который торжествуетъ погибель враговъ, радуется подарку въ тридцать или сорокъ штукъ скота и приходитъ въ совершенный восторгъ, если ему дадутъ въ придачу дѣвочку лѣтъ четырнадцати. Но, какъ мы сказали, дѣло еще далеко не кончено. Негры падали на скотъ, а промышленники захватили около 2,000 головъ, а иногда и болѣе. Ихъ можно промѣнять на слоновую кость; за каждый влыкъ промышленники даютъ по коровѣ. Изъ полученной промышленниками добычи третья часть отдается шайкѣ. Совершивъ раздѣлъ, промышленники начинаютъ продавать съ публичнаго торга невольниковъ своимъ слугамъ, изъ которыхъ каждый покупаетъ, что ему нужно; цѣна живого товара вносится въ расчетный листъ покупателя, но, чтобъ избѣгнуть опасности, если этотъ документъ попадетъ въ руки европейскихъ консуловъ, цѣна выставляется не какъ за невольника, а какъ за товаръ, забранный покупателемъ. Такимъ образомъ, если невольникъ купленъ за тысячу піастровъ, то въ расчетномъ листѣ пишутъ, напримѣръ: мыло—50 піастровъ, шапка—100 піастровъ, аракъ—500 піастровъ, башмаки—200 піастровъ, бумажная матерія—150 піастровъ; итого 1,000 піастровъ.

„Невольники, проданные людямъ, составляющимъ экспедицію, постоянно перепродаются и промѣниваются; но если родственники захваченныхъ женщинъ и дѣтей изъявляютъ желаніе купить ихъ, промышленникъ беретъ ихъ назадъ, списываетъ ихъ цѣну со счетовъ и возвращаетъ ихъ родственникамъ за уговоренное количество клыковъ. Въ случаѣ побѣга невольниковъ и ихъ поимки, несчастныхъ или немилосердно сѣкутъ, или просто вѣшаютъ для примѣра другимъ. За дѣлежемъ добычи почти всегда слѣдуетъ ссора съ союзнымъ туземнымъ владѣтелемъ; обыкновенно его убиваютъ,

все его имущество захватываютъ, а его женъ и дѣтей дѣлаютъ невольниками. Въ хорошій годъ партія въ полтораста человѣкъ можетъ выручить около 200 кантаровъ (20,000 фун.) слоновой кости, за которую въ Картумѣ получить около 4,000 фунтовъ стерлинговъ. Такъ-какъ всѣ служащіе въ экспедиціи получаютъ свою плату невольниками, то расходъ на жалованье равняется нулю; за всѣмъ тѣмъ въ пользу промышленника остается еще 400 или 500 невольниковъ, цѣною около 5 или 6 фунт. стер. каждый. По окончаніи дѣлежа и послѣ полученія выкупа суда нагружаютъ живымъ товаромъ; часть людей шайби провожаетъ ихъ въ Суданъ; остальные остаются въ странѣ, ими покоренной. Расположившись лагеремъ, они грабятъ, убиваютъ и берутъ въ плѣнъ туземцевъ, пока на слѣдующій сезонъ не возвратится снова ихъ господинъ, къ пріѣзду котораго они обязаны приготовить новый грузъ невольниковъ и слоновой кости. Невольниковъ высаживаютъ на берегъ въ различныхъ мѣстахъ, въ разстояніи нѣсколькихъ дней пути до Картума, гдѣ ждутъ ихъ покупщики, большею частью арабы. Торговля эта обыкновенно производится на чистыя деньги. Купленныхъ невольниковъ торговцы направляютъ во внутрь страны, въ различныя мѣста, преимущественно въ Сенааръ, гдѣ ихъ перепродаютъ другимъ промышленникамъ, которые уже доставляютъ ихъ арабамъ и туркамъ. Довольно значительное число невольниковъ везутъ также въ отдаленныя порты Краснаго моря, въ Суокимъ и Масову, откуда ихъ отправляютъ на судахъ въ Аравію и Персію. Наконецъ, нѣкоторыхъ посылаютъ въ Каиръ; однимъ словомъ, невольники развозятся по всему торгующему рабами Востоку. Счастливый промышленникъ, между тѣмъ, возвращается въ Картумъ, отдаетъ своему кредитору достаточное количество слоновой кости за занятыя 1,000 фунт. стерл. и снова принимается за свою торговлю, но уже какъ независимый капиталистъ*.

Невозможно, по недостатку точныхъ свѣдѣній, опредѣлить, сколько именно ежегодно вывозилось негровъ изъ центральной Африки. По словамъ того-же Бэкера, приблизительно можно считать, что 50,000 несчастныхъ негровъ каждый годъ попадали въ неволю и отсылались по Бѣлому Нилу и сухопутнымъ дорогамъ Дарфура и Кардажана. Конечно, подобный фактъ былъ-бы немислимъ, если-бъ египетское правительство, официально уничтожившее тор-

говлю невольниками и съ виду преслѣдовавшее торговцевъ живымъ товаромъ, въ сущности не оказывало имъ покровительства. Впрочемъ и нѣсколькихъ лѣтъ было воспрещено возить невольниковъ по Бѣлому Нилу, и, однакожь, по словамъ Швейнфурта, „египетскіе чиновники преспокойно пропускали невольничьи суда, взимая пошлину съ каждаго негра отъ двухъ до пяти долларовъ“. Кроме того, всѣ арабскіе промышленники платили опредѣленную дань властямъ, такъ-что египетское правительство нѣкоторымъ образомъ раздѣляло добычу отъ позорнаго ремесла.

Вотъ въ какомъ положеніи находилась торговля невольниками въ центральной Африкѣ и по Бѣлому Нилу, когда египетскій хедивъ Измаиль, побуждаемый англійскимъ правительствомъ, а также принцемъ Валійскимъ при посѣщеніи имъ Египта,—наконецъ рѣшился въ 1869 г. снарядить экспедицію для уничтоженія этого позорнаго торговаго и вѣстѣ съ тѣмъ для присоединенія къ Египту богатыхъ странъ центральной Африки. Но зная, что эта мѣра не понравится его подданнымъ, которые болѣе или менѣе заинтересованы въ торговлѣ живымъ товаромъ, Измаиль поручилъ командованіе надъ экспедиціей чужестранцу, сэру Самуэлю Бекеру, обязанности и права котораго ясно выражены въ слѣдующемъ, выданномъ ему фирманѣ:

„Мы, Измаиль, египетскій хедивъ, имѣя въ виду, что племена, обитающія въ долинахъ нильскаго бассейна, находятся въ дикомъ состояніи; что въ тѣхъ странахъ не существуетъ ни правительства, ни законовъ, ни безопасности; что чувство гуманности побуждаетъ уничтожить торговцевъ невольниками, которые занимаютъ эти страны въ большомъ числѣ; что прямымъ послѣдствіемъ установленія въ этихъ странахъ правильной, законной торговли будетъ значительный шагъ къ цивилизаціи, возникновеніе парового сообщенія съ большими озерами центральной Африки и учрежденіе постоянного правительства,—постановили и постановляемъ: 1) организовать экспедицію для подчиненія нашей власти странъ, находящихся къ югу отъ Гондокоро; 2) уничтожить торгъ невольниками и ввести правильную систему торговли; 3) открыть для навигаціи большія экваторіальныя озера; 4) учредить цѣль военныхъ станцій и коммерческихъ депо на разстояніи трехдневнаго пути другъ отъ друга по центральной Африкѣ, принимая Гондокоро за базисъ. Высшее начальство надъ этой экспедиціей поруча-

емъ сэру Самуэлю Вайту Бэкеру на четыре года, начиная съ 1-го апрѣля 1869 года. Мы даемъ ему полную и верховную власть, даже право жизни и смерти надъ всѣми лицами, которыя войдутъ въ составъ экспедиціи, и таковую-же полную, верховную власть надъ всѣми странами, принадлежащими къ бассейну Нила и къ югу отъ Гондокоро“.

Но кто-же такой этотъ чужестранецъ, христіанинъ, которому египетскій хедивъ далъ такую неограниченную власть надъ своими подданными—мусульманами? Сэръ Самуэль Бэкеръ пользовался громкой славой, какъ путешественникъ и охотникъ. Родившись въ 1821 году, онъ по своему воспитанію предназначался въ инженеры, но большую часть своей жизни провелъ въ путешествіяхъ по Азіи и Африкѣ. Въ 1848 году онъ основалъ съ своимъ братомъ обширную земледѣльческую колонію на островѣ Цейлонѣ и, проведя тамъ восемь лѣтъ, издалъ два любопытныя сочиненія, въ которыхъ описалъ какъ край, такъ и свою въ немъ дѣятельность.

Возвратясь въ Европу, онъ выстроилъ желѣзную дорогу съ Нижняго Дуная къ Черному морю, но побуждаемый своей ненасытной жаждой къ странствіямъ и охотѣ, предпринялъ въ 1861 году, вмѣстѣ съ женою, путешествіе въ Африку съ цѣлью встрѣтить Спика и Гранта, отправлявшихся изъ Занзибара на поиски источниковъ Нила. Около года онъ посвятилъ на изслѣдованіе абиссинскихъ притоковъ Нила и, наконецъ, добравшись до Гондокоро, засталъ тамъ Спика, который объявилъ ему объ открытіи источника Нила, громаднаго экваторіальнаго озера Викторіи-Ніанзы, но не скрылъ, что туземцы упоминали о другомъ источникѣ великой рѣки, также большомъ озерѣ, находившемся къ западу. Бэкеръ поставилъ себѣ задачей открыть это озеро. Одолѣвъ многочисленныя опасности и лишенія, сопровождаемый только женою и семнадцатю слугами, Бэкеръ ровно черезъ годъ окончилъ съ успѣхомъ свое смѣлое предпріятіе. Возвратясь въ Европу, онъ раздѣлилъ съ Спикомъ славу открытія источниковъ Нила, хотя въ сущности до сихъ поръ этотъ вѣковой вопросъ еще не разрѣшенъ окончательно. Несмотря на послѣдующія изслѣдованія Ливингстона, остается еще спорнымъ, гдѣ именно беретъ начало эта величайшая на землѣ рѣка. Впрочемъ, это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ славы Бэкера, возведеннаго королевой англійской въ званіе баронета, а блестящее описаніе его африканскихъ странствій поста-

вило его на ряду съ лучшими путешественниками-разсказчиками. Соединяя въ себѣ физическую храбрость съ нравственнымъ мужествомъ, Бекеръ, по словамъ извѣстнаго англійскаго писателя Генри Кингсли, „представляетъ почти идеальнаго путешественника, а его книга „*Альбертъ Нianza*“, никогда не забудется тѣми, кто любитъ романъ въ его возвышенной, чистѣйшей формѣ, наравнѣ съ Гай-Манерингомъ, Робинсономъ Крузое, Мартиномъ Чозельвитомъ и другими любимѣйшими произведеніями, съ тою только разницею, что это не вымыселъ, а дѣйствительный дневникъ живого человека“. Кромѣ научнаго значенія и романческаго интереса, сочиненіе Бекера замѣчательно еще по любопытному и основательному изученію на мѣстѣ торгова невольниками въ центральной Африкѣ и по Бѣлому Нилу. Основываясь на близкомъ знакомствѣ съ этимъ вопросомъ, онъ въ концѣ своей книги говоритъ: „Вовсе не трудно будетъ уничтожить этотъ постыдный торгъ, если захотятъ европейскія державы. Слѣдуетъ только воспретить движеніе невольничьихъ судовъ изъ Картума на югъ, даровать льготы европейской компаніи по Нилу и предоставить ей наблюденіе надъ промышленниками. Кромѣ того, завести въ Гондокоро и во владѣніяхъ племени шилуэ военныя посты и два парохода для постоянной крейсировки. Тогда невозможно будетъ провезти ни одного невольника по Нилу и затѣмъ откроется широкое поле для правильныхъ торговыхъ сношеній съ центральной Африкой“.

Изъ этого краткаго очерка предыдущей дѣятельности Бекера ясно видно, что выборъ его египетскимъ хедивомъ въ начальники военной и политической экспедиціи въ центральную Африку былъ какъ нельзя болѣе удаченъ.

Получивъ званіе паши, генераль-маіора турецкой службы и генераль-губернатора экваторіальнаго бассейна Нила, Бекеръ предпринялъ свою экспедицію съ войскомъ, флотомъ и пушками, скорѣе какъ завоеватель, чѣмъ какъ просвѣтитель дикарей. Почти четыре года онъ пропадалъ безъ вѣсти въ центральной Африкѣ; наконецъ, была получена въ Европѣ знаменитая депеша, въ которой онъ извѣщалъ, что торгъ невольниками уничтоженъ и владѣнія хедива распространены до экватора. Прошелъ еще годъ; онъ вернулся въ Англію, гдѣ былъ принятъ со всевозможными почестями, какъ великій апостолъ цивилизаціи, и напечаталъ описаніе своей экспедиціи, которое теперь находится передъ нами. Къ величай-

пему изумленію всего образованнаго міра, оказывается, что попытка уничтожить презрѣнный торгъ живымъ товаромъ, несмотря на ея минутный, видимый успѣхъ, ни къ чему не повела; послѣ удаленія Бэкера съ Бѣлаго Нила торговцы неграми съ прежнимъ успѣхомъ принялись за свое безчеловѣчное ремесло. Всѣ усилія, мужество, энергія и рѣшимость Бэкера разбились о тайныя интриги египетскихъ властей и открытое противодѣйствіе торговцевъ невольниками и самихъ туземныхъ племенъ. По словамъ Швейнфурта, путешествовавшаго по западнымъ притокамъ Нила во время экспедиціи Бэкера, вмѣшательство чужестранца, т. е. Бэкера, въ египетскія дѣла возбуждало одинаковую ненависть между высшими египтянами и мелкими чиновниками, а въ Картумѣ ему говорили, что всему виною были франки, безъ вмѣшательства которыхъ вице-король никогда не вздумалъ-бы принимать такихъ пагубныхъ мѣръ. Такимъ образомъ, Бэкеру пришлось на каждомъ шагу бороться съ коварствомъ египетскаго правительства гораздо болѣе, чѣмъ съ физическими преградами или недоброжелательствомъ дикихъ племенъ. Однакожъ, несмотря на свое горькое разочарованіе, Бэкеръ все-таки продолжаетъ вѣрить искренности намѣреній самого хедива, который, по его словамъ, одинъ не можетъ идти противъ своего правительства и общественнаго мнѣнія въ странѣ, одинаково расположенныхъ въ пользу торговли невольниками, составляющей вполнѣ нормальное явленіе въ верхнемъ Египтѣ и Суданѣ. Но самые факты говорятъ противъ вѣры Бэкера въ хедива, который, какъ кажется, видѣлъ въ предложеніи уничтожить торгъ невольниками только предлогъ для того, чтобы, пустивъ пыль въ глаза Европѣ и воспользовавшись услугами опытнаго, мужественнаго европейца, распространить свои владѣнія и усмирить дикихъ, воинственныхъ сосѣдей. Поэтому нельзя не согласиться съ однимъ англійскимъ критикомъ *), что Бэкеръ, принявъ на себя начальство въ подобной экспедиціи, выказалъ нѣкотораго рода донкихотство. „Жизнь въ Египтѣ, какъ на базарахъ Каира, говоритъ этотъ критикъ, — такъ и на пустынномъ Нилѣ, убѣждаетъ на каждомъ шагу всякаго туриста, что рабство составляетъ основное учрежденіе страны, признаваемое всѣми ея жителями, вошедшее въ ихъ плоть и кровь; тѣмъ болѣе

*) „Edinburgh Review“. январь 1875 года.

это долженъ былъ знать человѣкъ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ центральной Африкѣ, гдѣ изъ двухъ людей одинъ обыкновенно рабъ. Трудно повѣрить, чтобы такой человѣкъ принялъ за чистую монету филантропію хедива и рѣшился на попытку, которая не могла по самой природѣ вещей увѣнчаться успѣхомъ“.

Дѣйствительно, кромя противодѣйствія правительства и всего народонаселенія въ Египтѣ, пользующихся личными выгодами отъ торговли невольниками, военная экспедиція Бекера-паши естественно должна была возбудить и недовѣріе тѣхъ самыхъ негровъ, для пользы которыхъ она была предпринята. Во имя свободы и равенства, европеецъ отправился спасать угнетенную расу отъ ея притѣснителей, уничтожить зло, распространяющее вездѣ разореніе, гибель, смерть, и что-же?—онъ является во главѣ отряда тѣхъ-же притѣснителей, вооруженныхъ пушками и ружьями. Хотя онъ снимаетъ оковы съ невольниковъ, находящихся уже въ рукахъ промышленниковъ, и объявляетъ ихъ свободными, но самъ насильственно отнимаетъ скотъ у туземцевъ, жжетъ ихъ селенія за малѣйшую непокорность, и свободныя племена, даже цѣлыя независимыя государства, подчиняетъ власти Египта, деспотическое правительство котораго онъ самъ горько уличаетъ во всевозможныхъ порокахъ. Удивительно-ли послѣ этого, что дикари не захотѣли признавать благодѣяній подобнаго просвѣтителя, смѣшивали его съ своими постоянными врагами и всячески старались отъ него освободиться? Бекеръ очень хорошо понимаетъ, что съ этой точки зрѣнія его экспедиція не выдерживаетъ никакой критики, а потому, съ одной стороны, старается доказать, что единственнымъ практическимъ путемъ для просвѣщенія экваторіальной Африки было установленіе надъ туземными племенами власти правильнаго правительства, какимъ могъ служить только Египетъ; а съ другой сваливаетъ всю вину своихъ насильственныхъ дѣйствій на вѣроломство и дикость туземныхъ племенъ. „Первые шаги новой власти среди дикихъ и неподатливыхъ племенъ, говоритъ онъ,—по необходимости должны были сопровождаться военными дѣйствіями. Война неразлучна съ присоединеніемъ новыхъ странъ; намъ для самозащиты поневолѣ пришлось прибѣгнуть къ силѣ оружія; надо было доказать превосходство той власти, которая должна была управлять страню. Цѣль оправдывала средства“. Эту теорію, конечно, излишне опровергать; она сама себя бьетъ и ея непрактичность доказывается,

между прочимъ, и неудачей экспедиціи Бэвера, въ искреннемъ стремленіи котораго къ уничтоженію торговаго невольничества нельзя сомнѣваться. Цѣль его была хороша и преслѣдовалъ онъ ее съ изумительной энергіей и непоколебимымъ мужествомъ, но средства его были дурны и неразумны, поэтому и всѣ его усилія ни къ чему не привели. Послѣ такого разительнаго примѣра, — если только требовался примѣръ, — не подлежитъ никакому сомнѣнію, что уничтоженіе торговаго невольничества и освобожденіе рабовъ въ центральной Африкѣ можетъ быть только дѣломъ времени и образованія, а не эмиграціи китайцевъ, какъ предлагаетъ германскій ученый Швейнфуртъ, и не военной экспедиціи, какъ полагалъ Бэкеръ.

Однако, несмотря на несостоятельность и неудачу экспедиціи Бэкера, она составляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ политико-военныхъ предпріятій нашего времени, а рассказъ обо всѣхъ его приключеніяхъ и опасностяхъ отличается глубокимъ, романическимъ интересомъ. Кромѣ того, хотя новое сочиненіе Бэкера не имѣетъ никакого научнаго значенія, такъ-какъ онъ на этотъ разъ не сдѣлалъ никакихъ географическихъ открытій и дѣйствовалъ въ предѣлахъ уже прежде посѣщенныхъ имъ странъ, но оно знакомитъ съ интересными подробностями о жизни и обычаяхъ туземныхъ племенъ, а также съ порядками, существующими въ Египтѣ и Суданѣ. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

II.

„Успѣхъ всякой экспедиціи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ ея организаціи; а благодаря прежнимъ странствіямъ по центральной Африкѣ, я основательно зналъ потребности туземцевъ и вообще все, въ чемъ могло нуждаться мое предпріятіе...“

Такъ начинается Бэкеръ свой рассказъ. Слѣдуетъ отдать ему справедливость, что все имъ было приготовлено для экспедиціи своевременно; всѣ его распоряженія были такъ практичны и предусмотрительны, что впродолженіи четырехлѣтнихъ странствованій онъ никогда не чувствовалъ ни въ чемъ недостатка, а люди его отряда, долго не получая жалованья, могли пріобрѣтать въ богатыхъ складахъ все необходимое, отъ иглы до заступа, отъ носового платка до паруса. Необходимые припасы были заготовлены на четыре года, конечно, только для европейскаго контингента экспедиціи,

состоявшаго, кромѣ самого Бэкера, изъ его жены, постоянной спутницы всѣхъ его путешествій; племянника, лейтенанта Бэкера; начальника штаба отряда, главнаго инженера Гигенботома; доктора Геджа и девяти другихъ англичанъ, исполнявшихъ обязанности секретаря, переводчика, инженеровъ, механиковъ, судостроителей и др. Товары для мѣны съ туземцами были выбраны самимъ Бекеромъ на сумму 9,000 ф. ст.; они состояли изъ бумажныхъ матерій, пестрыхъ шерстяныхъ одѣялъ, ситцевыхъ набивныхъ платковъ, всякаго рода орудій и инструментовъ, оловянной и глиняной посуды, дешевыхъ часовъ, раскрашенныхъ картинокъ, колець, бусъ и т. д. Кромѣ того, для забавы дикарей взято было нѣсколько большихъ музыкальныхъ ящиковъ съ барабанами и колоколами, громадный волшебный фонарь, гальваническая батарея, коллекція куколъ, двѣ большихъ жирандоли и нѣсколько металлическихъ зеркальныхъ шаровъ, которые болѣе всего изумляли дикарей. Перевозочныя средства экспедиціи, по плану Бэкера, должны были состоять изъ 9 пароходовъ и 45 парусныхъ судовъ въ 50 тоннъ каждое. Военныя силы экспедиціи состояли изъ 1,445 человекъ пѣхоты, 200 ирегулярной кавалеріи, 2 батарей нарѣзныхъ 8¹/₂-фунтовыхъ орудій, 200 ракетъ Гэля, 50 штуцеровъ Снайдера, 50,000 снайдеровскихъ зарядовъ, громаднаго количества верблюдовъ, лошадей и т. д. Армія эта должна была собраться въ Картумъ и ожидать тамъ Бэкера. Поѣздка хедива въ Европу, празднества, сопровождавшія открытіе Суэцкаго канала, и непрібытіе нѣкоторыхъ пароходовъ изъ Англіи, гдѣ они были нарочно заказаны, задержали отплытіе флотиліи изъ Каира до той поры года, когда Ниль такъ понижается, что невозможно судамъ переправляться черезъ вторые пороги, и, такимъ образомъ, былъ потерявъ цѣлый годъ. Бекеръ съ женою и штабомъ выѣхалъ изъ Суэца только 3-го декабря; проѣхавъ чрезъ Красное море, Суакимъ, Нубійскую пустыню и 200 миль по Нилу отъ Бербера, онъ черезъ мѣсяць прибылъ въ Картумъ.

Какъ извѣстно, Картумъ находится подъ 16° с. д., при сліяніи Бѣлаго и Голубого Нила, и служитъ правительственнымъ средоточіемъ южнаго или верхняго Египта. До этого города, отстоящаго отъ Каира на 1,500 миль, Ниль—прямая, открытая рѣка; далѣе онъ принимаетъ въ себя столько притоковъ, что является вопросомъ: который изъ нихъ составляетъ главную рѣку? Впродол-

женіи долгаго времени Голубой Нилъ, Бар-ель-Азрекъ, открытый Брюсомъ и текущій съ востока, изъ Абисиніи, — считался истиннымъ Ниломъ, но съ развитіемъ географическихъ знаній это достоинство отдано Бѣлому Нилу, который до соединенія съ Соба-томъ течетъ съ юго-востока подъ названіемъ Бар-ель-Гебала и, согласно послѣднимъ открытіямъ Слика и Бекера, имѣетъ своими источниками экваторіальныя озера. Басейнъ этого Бѣлаго Нила съ его притоками и составляетъ область, въ которой странствовалъ и воевалъ Бекеръ-паша.

Картумъ и вся страна отъ Бербера чрезвычайно измѣнились со времени посѣщенія ихъ Бекеромъ въ 1863—1865 годахъ. Богатые, плодородные берега, покрытые нѣсколько лѣтъ тому назадъ роскошными полями, теперь представляли пустыню, въ которой только кое-гдѣ виднѣлись заброшенныя плантаціи финиковыхъ пальмъ; нѣкогда многолюдныя селенія совершенно исчезли, орошеніе, играющее такую громадную роль на Востокѣ, прекращено, промышленность уничтожена, народонаселеніе обращено въ бѣгство. Это страшное опустошеніе произведено генераль-губернаторомъ Судана, который, какъ истый мусульманинъ, предоставивъ вѣренную ему страну покровительству Провидѣнія, вполне довѣрялъ своимъ чиновникамъ и заботился только объ увеличеніи податей. Втеченіи одного года онъ доставилъ хедиву золотой монетой 100,000 ф. ст., которые исторгнуты у несчастныхъ поселянъ, конечно, потерявшихъ столько-же отъ грабежа лицъ, собиравшихъ подати. Поэтому народонаселеніе богатѣйшей части Судана бѣжало отъ притѣснителей, бросивъ свои жилища и поля; многія тысячи людей предались торговлѣ неграми на Бѣломъ Нилѣ, гдѣ они, въ свою очередь, могли грабить другихъ и пользоваться чужимъ, тяжело нажитымъ трудомъ. Что касается самого Картума, то по внѣшности онъ немного измѣнился, но его населеніе, доходившее прежде до 6,000 человекъ, уменьшилось почти на половину и всѣ еврейцы исчезли за исключеніемъ австрійскихъ мисіонеровъ, австрійскаго консула Ганзаля и какого-то нѣмецкаго портного.

Въ Картумѣ Бекеръ впервые убѣдился, что его экспедиція была не только не популярна въ Суданѣ, но что власти и вообще населеніе будутъ дѣлать ему всевозможныя препятствія. Самыя приказанія хедива не исполнялись здѣсь, на югѣ, его подчиненными. Несмотря на всѣ официальныя распоряженія, не было

приготовлено ни судовъ, ни продовольствія, ни вьючнаго скота, а въ то-же время только-что была отправлена на 11 судахъ экспедиція въ Дарфуръ къ жѣднымъ рудникамъ подъ начальствомъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ торговцевъ невольниками, Кучука-Али, нажившаго себѣ громадное состояніе этимъ постыднымъ ремесломъ и заслужившаго довѣріе губернатора, который очень хладнокровно объявилъ Бекеру, что въ этомъ году невозможно было отправиться далѣе за недостаткомъ судовъ, а потому онъ приготовилъ ему домъ, гдѣ онъ могъ спокойно ожидать слѣдующаго сезона. Зная по опыту, что время еще не ушло для путешествія и понимая цѣль египетскихъ властей—постоянными отсрочками уничтожить его экспедицію, англійскій паша съ своей обычной энергіей принялся за дѣло, не давалъ покоя губернатору, ловко пользовался алчностью правительственныхъ агентовъ, не жалѣя денегъ, и, несмотря на всѣ преграды, черезъ мѣсяць былъ готовъ флотъ въ 33 судна, отъ 50 до 60 тоннъ каждое. Особенное затрудненіе представилъ наемъ матросовъ, такъ-какъ всѣ подходящіе люди бѣжали изъ Картума по наущенію торговцевъ невольниками, и Бекеру пришлось обратиться за помощью къ полиціи, которая насильственно на вербовала необходимое ихъ число изъ подонковъ мѣстнаго населенія. Когда, такимъ образомъ, средства сообщенія были найдены, Бекеръ произвелъ смотръ военному отряду, который былъ, дѣйствительно, собранъ въ указанномъ количествѣ и вообще оказался въ удовлетворительномъ состояніи, только кавалерія была черезчуръ ирегулярна, лошади никуда не годны, амуниція и оружіе въ безпорядкѣ, а потому онъ отказался отъ нея и выбралъ для своей экспедиціи 10 пушекъ и 800 солдатъ изъ двухъ полковъ: суданскаго, состоявшаго изъ негровъ, частью служившихъ въ Мексикѣ въ арміи Базена, и египетскаго, который, главнымъ образомъ, пополнялся арестантами, сосланными изъ Египта въ Суданъ за различныя преступленія. Лучшіе 48 человекъ въ этомъ отрядѣ, поровну бѣлые и черные, были назначены тѣлохранителями Бекера и вооружены англійскими штуцерами; сначала онъ прозвалъ ихъ „сорокъ разбойниковъ“, въ виду явной склонности ихъ къ воровству, но впоследствии они стали образцами нравственности и преданности, а объ ихъ начальникѣ, полковникѣ Абдель-Кадерѣ. Бекеръ постоянно отзывался съ величайшей похвалою, какъ о храбромъ,

„Дѣло“, № 2.

энергическомъ и вѣрномъ помощникѣ. Нагрузивъ суда шестимѣсячными продовольствіемъ для всего отряда и частью своихъ вещей, Бекеръ отправился въ путь 8 февраля 1870 г., безъ вьючныхъ животныхъ и громоздкихъ предметовъ, которые, вмѣстѣ съ остальными 350 солдатами и 4 орудіями, долженъ былъ доставить ему въ Гондокоро Гигенботомъ. Послѣдній въ это время только-что еще прибылъ въ Берберъ, благополучно переправивъ черезъ пустыню на тысячахъ верблюдовъ разобранныя части паросиловъ и машинъ, такъ-что дожидаться его не было никакой возможности.

Въ 103 часа и 10 м. флотъ Бекера, буксируемый двумя паросилодами, достигъ Фашоды въ странѣ Шилукъ, въ 618 миляхъ отъ Картума. Это укрѣпленный городъ, обнесенный стѣною, съ турецкими гарнизономъ, и комендантъ его, Али-Бей, красивый старикъ изъ курдовъ, увѣрялъ Бекера, что, согласно инструкціямъ хедива, онъ не позволялъ ни одному судну съ невольниками пройти мимо его поста, господствовавшаго надъ всей рѣкою. Дальнѣйшее путешествіе по Бѣлому Нилу отъ соединенія его съ Бар-Жиrafoмъ, составляющимъ одинъ изъ его рукавовъ, было невозможно. Египетскія власти не обращали никакого вниманія на образовавшіяся въ продолженіи пяти или шести лѣтъ громадныя массы растительности, которыя, мало-по-малу сплотившись, образовали крѣпкую плотину, и рѣка совершенно исчезла, образовавъ безпредѣльное болото. Суда, идущія отъ Картума по широкой, быстрой рѣкѣ, натыкались на твердый берегъ, пересѣкавшій русло и покрытый тропической растительностью. Поэтому торговцы невольниками проложили себѣ другую дорогу, по Бар-Жиrafoу, и Бекеру пришлось послѣдовать ихъ примѣру. Въ продолженіи недѣли экспедиція подвигалась, хотя и медленно, противъ быстрого теченія, но потому рѣка стала суживаться, разбиваться на множество мелкихъ рукавовъ, и, наконецъ, путешественники очутились среди безконечныхъ массъ плавучей растительности. Для дальнѣйшаго путешествія пришлось съ неимоверными усиліями вырывать каналъ. Трава, покрывавшая поверхность воды, походила на сахарный тростникъ, отъ 20 до 30 футовъ вышины, и корни ея такъ сплетались, что образовали непроходимую преграду. Во время сезона дождей сильнымъ напоромъ воды отрывались большіе куски этой растительной

массы и нагромождались другъ на друга въ изгибахъ рѣки. Подражая природѣ, Бекеръ приказывалъ солдатамъ бить саблями эти плавающие острова и, обвязавъ веревками обломки, тянуть ихъ до тѣхъ поръ, пока они не приходили въ движеніе и не уносились теченіемъ. По устроенному такимъ образомъ каналу, на протяженіи 150 и болѣе футовъ, тѣ-же люди тащили суда на бичевѣ. Среди этихъ „судъ“,—такъ называются плавающія массы растительности,—Бекеръ пробивался болѣе мѣсяца, и, по его словамъ, онъ никогда не испытывалъ такого несчастнаго путешествія. Окружающія болота были полны мѣзмовъ, трава кишѣла змѣями и ядовитыми муравьями, въ воздухѣ носились тучи комаровъ, „нападавшихъ съ остервененіемъ бульдоговъ“, такъ что мало-по-малу солдаты, проводившіе въ водѣ долгіе часы, стали занемогать въ большомъ количествѣ. Наконецъ, 1 апрѣля, когда число больныхъ достигло 150 и умерло 12 чловѣкъ, Бекеръ, видя бесполезность всѣхъ своихъ усилій и невозможность идти далѣе, рѣшилъ вернуться въ Бѣлый Ниль, разбить на берегу лагерь и, дождавшись тамъ остальной части своей экспедиціи, уже предпринять вновь путешествіе въ ноябрѣ, въ болѣе удобное для навигаціи время. Обратный путь былъ нѣсколько легче и однообразіе путешествія нарушалось великолѣпной охотой на антилопъ, крокодиловъ и пр., при чемъ не только люди охотились за животными, но и животныя за людьми; такъ бегемоты производили нѣсколько нападеній на суда, и удары ихъ клыковъ были такъ сильны, что у одной діюби (палубное судно на Нилѣ) были пробиты два правильныя отверстія въ днѣ, покрытомъ желѣзомъ. 9-го апрѣля экспедиція снова достигла главнаго русла Бар-Жи-рафа, которое теперь, ко всеобщему удивленію, представляло широкую площадь воды во 100 футовъ ширины на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ виднѣлось болото, заросшее травой. Однако, это открытое пространство воды было только озеро и вообще Бекеръ убѣдился тяжелымъ опытомъ, что „эта проклятая рѣка состояла изъ ряда многочисленныхъ озеръ, отдѣленныхъ другъ отъ друга массами растительности, которыя, смотря по теченію, постоянно измѣняли ея видъ, такъ что невозможно было ей довѣряться, и баснословный Стиксъ, конечно, представлялъ нѣжно журчащій ручеекъ въ сравненіи съ этимъ страшнымъ явленіемъ природы“. Послѣ неимоверныхъ трудовъ и усталости экспедиція про-

ложила себѣ путь далѣе и 13 апрѣля остановилась у селенія Кучука-Али, торговца невольниками. Бекеръ потребовалъ къ себѣ жившаго тутъ агента Кучука и объявилъ ему объ уничтоженіи торгова невольниками, чему агентъ никакъ не хотѣлъ вѣрять, основываясь на почестяхъ, оказанныхъ правительствомъ его господину, и на слѣдующій-же день продалъ нѣсколькихъ невольниковъ офицерамъ и солдатамъ отряда Бекера, который немедленно велѣлъ отпустить невольниковъ, а своимъ подчиненнымъ сдѣлалъ строжайшій выговоръ. Тутъ-же онъ воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобъ поддержать дисциплину въ своемъ отрядѣ; захвативъ бѣжавшаго дезертира, Бекеръ приказалъ его разстрѣлять. Конечно, это былъ только, какъ онъ самъ выражается, *coup de théâtre*; когда все было готово и ружья прицѣлились, Бекеръ помиловалъ преступника, замѣнивъ казнь тѣлеснымъ наказаніемъ, до котораго онъ, повидимому, большой охотникъ.

19-го апрѣля экспедиція снова вошла въ Бѣлый Нилъ и близъ устья Бар-Жирафа Бекеръ увидалъ три судна коменданта Фашоды Али-Бія, который производилъ рацію (набѣгъ) на племя шилуковъ. Берега рѣки кишѣли туземцами, спасавшимися бѣгствомъ, такъ-какъ турки напали на нихъ безъ всякаго повода съ ихъ стороны, ограбили ихъ жилища, умертвили многихъ и увели въ плѣнъ большое число женъ и дѣтей. „Мое прибытіе, рассказываетъ Бекеръ,—очевидно не было пріятно Али-Бею, но онъ тотчасъ явился на мою діюбію, палуба которой была украшена коврами и турецкими диванами. Я началъ разговоръ съ объясненія, что долженъ былъ возвратиться по причинѣ несудоходности Бар-Жирафа въ это время года. Онъ просто отвѣчалъ: „Богъ великъ и съ божьею помощью вы одержите успѣхъ въ будущемъ году“. Потомъ я спросилъ его, сколько у него было войска; онъ отвѣчалъ, что собиралъ подати во главѣ пяти ротъ и отряда кавалеріи. На мою просьбу объяснить мнѣ его систему податей, именно какой налогъ онъ взималъ, подушный или поземельный, онъ отвѣчалъ, что народъ въ этой странѣ очень сильно возставалъ противъ всякихъ налоговъ, и потому онъ разъ въ годъ объѣзжалъ ввѣренный ему край, собирая съ жителей такую подать, какую онъ считалъ справедливой. Когда-же я спросилъ, брали-ли онъ у туземцевъ женъ и дѣтей, также какъ скоть, то онъ отвергъ съ отвращеніемъ по-

добное предположеніе. Однако я тотчасъ послалъ Абдель-Кадера сдѣлать осмотръ его судовъ, пока онъ сидѣлъ у меня, покуривая длинную трубку. Черезъ нѣсколько минутъ я услыхалъ споръ моего офицера съ экипажемъ одного изъ судовъ, и мало-по-малу изъ каютъ стали выходить несчастные невольники, которыхъ Абдель-Кадеръ пересчитывалъ по мѣрѣ ихъ появленія. При видѣ этого Али-Бей выказалъ нѣкоторое волненіе, но я не сдѣлалъ никакого замѣчанія, но просто выразилъ желаніе осмотрѣть его лагерь. Вмѣстѣ съ нимъ я отправился на берегъ и нашелъ, что въ лагерь не было никакого военнаго порядка, а кишѣли толпы солдатъ, вмѣстѣ съ туземными союзниками подъ начальствомъ отвратительнаго дикаря въ красномъ, шерстяномъ плащѣ, при турецкой саблѣ и большой мѣдной медали на груди. Этого человѣка комендантъ представилъ мнѣ, какъ короля шилуковъ. Проникнувъ въ дальній конецъ лагера, пока Али-Бей отдавалъ какія-то приказанія, я нашелъ тамъ толпу невольниковъ, окруженную чѣмъ-то въ родѣ забора изъ палокъ, грязной одежды, копій, сѣделъ и т. д. Многія изъ женщинъ были привязаны другъ къ другу веревками за шею; а большинство толпы составляли дѣти. Этихъ несчастныхъ сторожили солдаты, которые полагали, что я пришелъ только изъ любопытства. По повѣркѣ оказалось въ суднѣ 70 невольниковъ, а въ лагерь 84, итого 154, изъ которыхъ 64 женщинъ, 80 дѣтей и 10 мужчинъ. Этотъ самый Али-Бей, котораго я теперь обличилъ въ захватъ невольниковъ, нѣсколько недѣль тому назадъ увѣрялъ меня, что ни одно невольничье судно не можетъ пройти мимо Фашоды, такъ-какъ торговля живымъ товаромъ уничтожена. На повѣрку-же оказалось, что этотъ образцовый суданскій чиновникъ собиралъ въ свою пользу дань съ каждаго невольника, провозимаго промышленниками мимо его поста. Я тотчасъ потребовалъ освобожденія несчастныхъ, общая обо всемъ донести хедиву. Сначала онъ отрицалъ мою компетентность, говоря, что онъ имѣлъ чинъ бея и былъ начальникомъ этого округа. Я объявилъ ему, что если онъ не желаетъ освободить невольниковъ, то пусть дастъ мнѣ письменный отказъ. Онъ испугался и тотчасъ измѣнилъ тонъ, стараясь доказать, что это не рабы, а заложники, которые будутъ освобождены по уплатѣ туземцами всѣхъ податей. Въ то-же время онъ принужденъ былъ сознаться, что эти подати не были опредѣлены зако-

номъ. Я слышалъ, что онъ получилъ отъ одного туземца десять коровъ за выкупъ похищеннаго сына, который, такимъ образомъ, былъ возвращенъ отцу за известную плату. Вотъ въ чемъ состояла система податей въ Суданѣ. Если-бъ несчастный отецъ былъ убитъ во время набѣга, то его ребенокъ былъ-бы уведенъ и проданъ въ неволю. Я выходилъ изъ себя отъ негодованія, зная, что открытый мною фактъ былъ общимъ правиломъ въ Суданѣ. Конечно, страна шилуковъ не находилась въ моей юрисдикціи, но я рѣшилъ вмѣшиваться въ дѣла невольниковъ, хотя удержался-бы отъ всякаго участія въ управленіи странюю, а потому объявилъ Али-Бейю, что онъ долженъ послать за какимъ-нибудь почтеннымъ туземцемъ и отдать ему невольниковъ для водворенія въ ихъ жилища. Черезъ два дня я повторилъ свое требованіе; послѣ неудачной попытки вывернуться хитростью изъ своего затруднительнаго положенія, онъ согласился, и я, съ цѣлью внушить туземцамъ къ себѣ довѣріе, отправился лично освободить невольниковъ. Въ сопровожденіи лейтенанта Бекера, Гигенботама и другихъ офицеровъ моего штаба я пришелъ въ лагерь и приказалъ снять съ несчастныхъ оковы и веревки, символъ рабства, объявивъ черезъ переводчика, что хедивъ освободилъ всѣхъ рабовъ, и потому они могутъ идти домой. Сначала они не понимали, въ чемъ дѣло, но когда я спросилъ, гдѣ ихъ жилища, то они указали на длинный рядъ селеній, видѣвшихся вдали, и отвѣчали: „Вонъ наши жилища, но многіе изъ нашихъ убиты, а скотъ и хлѣбъ похищены“. Я могъ только посоветовать имъ удалиться какъ можно скорѣе. Женщины немедленно взяли маленькихъ дѣтей на руки (одна изъ нихъ родила накануне ночью), а старшихъ повели за собою. Я долго смотрѣлъ вслѣдъ за удалявшейся толпой, которая оглашала воздухъ монотоннымъ воемъ, выражающимъ радость. Потомъ я холодно простился съ комендантомъ и, проходя мимо его отряда, не могъ удержаться отъ улыбки, — такъ комично было общее изумленіе, написанное на всѣхъ лицахъ“.

Спустившись по Нилу до устья Собата, Бекеръ выбралъ мѣсто для своей стоянки въ 65 миляхъ отъ Фашоды, вблизи отъ большого лѣса, на возвышенномъ берегу, среди громадныхъ пальмъ. Вскорѣ въ пустынной мѣстности былъ устроенъ лагерь въ нѣ-

сколько сотъ палатокъ, расположенныхъ на пространствѣ 400 ярдовъ; Бекеръ назвалъ его Тефикія, въ честь старшаго сына хедива, Тефики-паши, и ни мало не походилъ на египетскіе станы. Онъ былъ раздѣленъ прямыми улицами и глубокими канавами, которыя осушали мѣстность. Вдоль берега устроена набережная на 500 ярдовъ, у которой могли останавливаться суда. Бекеръ не выстроилъ для себя дома, предпочитая съ женою оставаться на діобіи, но возвелъ нѣсколько большихъ зданій, конюшню на 20 лошадей, три желѣзныхъ кладовыхъ для провіанта, кузницу съ большими мѣхами и судостроительную мастерскую съ пильной машиной. На берегу было очищено земли около 2 акровъ и разведенъ садъ, въ которомъ вскорѣ стали произрастать дыни, арбузы, капуста, сельдерей, латукъ и прочія овощи. Далѣе устроена маленькая ферма на 30 акрахъ, засѣянныхъ майсомъ, пшеницей и пр., такъ-какъ, по словамъ Бекера, „земледѣліе имѣетъ самое цивилизующее вліаніе и не можетъ быть ничего отраднѣе, какъ видъ зеленого поля среди пустыни“. Лучшими земледѣльцами оказались матросы изъ Нубіи и Судана, которые, несмотря на свою обычную лѣнь, работали хотя немного, всего 6 часовъ въ день, но очень исправно, благодаря тому, что они были раздѣлены на отдѣльные отряды подъ начальствомъ капитановъ судовъ, которые отвѣчали за своихъ людей. Такимъ образомъ, маленькая колонія совершенно процвѣтала-бы, если-бъ миазмы окружающихъ болотъ и наступившіе дожди не распространили значительной смертности отъ дисентеріи и другихъ недуговъ.

Сосѣдняя страна, какъ обыкновенно на Нилѣ, была плоская, но живописная; лѣса росли только по берегу, не болѣе, какъ на пол-мили во внутренность страны, а далѣе тянулись открытыя равнины. Почва отличалась плодородіемъ, но на лѣвомъ берегу, гдѣ расположена была колонія Бекера, не находилось никакихъ селеній. Тутъ въ прежнее время обитало племя динка, которое почти совершенно уничтожено набѣгами прежнихъ и тепершняго комендантовъ Фашоды, предпринимавшихъ экспедиціи на большую ногу, съ нѣсколькими тысячами солдатъ, не говоря уже о союзныхъ торговцахъ невольниками. На противоположномъ берегу жили шилуки, которые вскорѣ стали друзьями Бекера и

его отряда; несмотря на то, что имъ приходилось переправляться волокомъ черезъ большой островъ, находившійся среди рѣки, очень широкой въ этомъ мѣстѣ, они ежедневно посѣщали лагерь и, отличаясь, какъ всѣ негры, страстью къ торговлѣ, приносили хлопчатку и различные припасы для мѣны на бумажныя ткани и желѣзо, которое въ особенности цѣнится въ этой богатой, но низкой странѣ. Хлопчатка здѣсь родится безъ всякаго ухода, такъ какъ постоянные дожди втеченіи четырехъ мѣсяцевъ уничтожаютъ необходимость искусственнаго орошенія. Кромѣ того шилуки, вообще очень промышленный народъ, воздѣлываютъ манисъ, табакъ и пр. Хотя сотни туземцевъ, въ томъ числѣ и женщины, являлись въ Тефикиа каждый день, но, по свидѣтельству Бэкера, почти никогда не было ссоръ между ними и солдатами, а когда и случалась распря, то оказывались виновными солдаты, забравшіе товаръ въ кредитъ. Вообще ихъ честность удивительна; такъ имъ солдаты изъ лѣни отдавали свои раціоны, зерна для молотбы, и туземцы, увозя зерно къ себѣ на домъ, на значительное расстояние, всегда возвращали соответствующее количество муки. „Я никогда не слыхалъ ни одной жалобы на безчестность шилука, говоритъ Бэкеръ;—вообще этотъ народъ подаетъ большія надежды; нужно только обезпечить его безопасность, и онъ станетъ замѣчательной расой. Его будущее благоденствіе тѣмъ вѣроятнѣе, что до Картума Ниль судоходенъ круглый годъ и на сѣверной границѣ этого племени находятся богатые лѣса „Асасіа Агабіса“, единственнаго дерева, годящагося для постройки кораблей во всемъ Суданѣ“.

Сблизившись съ шилуками, Бэкеръ узналъ, что отвратительный дикарь, котораго Али-Бей выдалъ ему за короля этого племени, былъ только ловкій искатель приключеній, а настоящій король Кватъ-Кэръ, котораго египетскія власти выдали за мертвого, скрывался между своими подданными. Бэкеръ пригласилъ его къ себѣ и слѣдующимъ образомъ описываетъ свое свиданіе съ нимъ:

„Подъ тѣнистой мимозой я поставилъ на большомъ коврѣ диванъ и ожидалъ истиннаго короля шилуковъ. Онъ вскорѣ явился въ сопровожденіи двухъ женъ, четырехъ дочерей и значительной свиты. Какъ всѣ шилуки, онъ высокаго роста и очень худощавъ. Одежда его была до того ветхая и плохая, что я не-

медленно подарилъ ему длинную синюю рубашку, которая доходила до щиколотки, длинный красный шарфъ въ видѣ кушака и феску. Онъ принялъ все это хладнокровно, безъ малѣйшей улыбки или выраженія благодарности, облекся въ новый костюмъ съ помощью солдата и молча сѣлъ на коверъ, пригласивъ свое семейство послѣдовать его примѣру. Онъ, казалось, былъ совершенно пѣмой и безмолвно смотрѣлъ на меня, мою жену и другихъ офицеровъ. Долго длилась эта гробовая тишина, наконецъ я принужденъ былъ начать разговоръ съ вопроса: былъ-ли онъ дѣйствительно Кватъ-Кэръ, старый король шилуковъ, о смерти котораго я уже давно слышалъ? Въмѣсто отвѣта онъ сталъ шептаться съ одной изъ своихъ женъ, старухой лѣтъ шестидесяти, которая, повидимому, была его первымъ министромъ и совѣтникомъ. Она тотчасъ вступила со мною въ разговоръ и съ замѣчательной ясностью и силой выраженія рассказала исторію интриги коменданта Фашоды, приведшихъ къ гибели ея мужа. Оказывалось, что Али-Бей не желалъ сохранить миръ въ вѣрноподданной ему странѣ. Шилуки были могущественное племя въ миліонъ душъ и потому выгодно было уничтожить ихъ единство и поселить въ нихъ раздоры. Кватъ-Кэръ былъ сильный государь, царствовавшій около 50 лѣтъ и происходившій отъ длиннаго рода королей, а потому его вліянія слѣдовало опасаться. Али-Бей рѣшился уничтожить власть Кватъ-Кэра и сталъ разставлять ему сѣти; избѣгнувъ нѣсколькихъ подобныхъ опасностей, старый король искалъ спасенія въ бѣгствѣ, а Али-Бей, чрезвычайно ловкій интриганъ, немедленно извѣстилъ генераль-губернатора Судана о смерти Кватъ-Кэра и о необходимости утвердить на престолѣ его наследника Іанги, для котораго и просилъ выхлопотать фирманъ отъ хедива. Съ теченіемъ времени этотъ фирманъ былъ полученъ и Али-Бей провозгласилъ королемъ Іанги, дальняго родственника Кватъ-Кэра, неимѣвшаго никакого права на престолъ. Эта интрига перевернула всю страну вверхъ дномъ. Новый король окружилъ себя шайкой приверженцевъ, готовыхъ на все изъ-за личной выгоды. Эти туземцы, хорошо знавшіе мѣстности, въ которыхъ скрыты были стада сосѣдей, брали на себя роль проводниковъ коменданта, и преданные сторонники стараго короля подверглись разоренію, преслѣдованію и обращенію въ неволю до того дня, когда я, по счастью,

явился въ страну. Вотъ вѣрная картина правительственной системы въ Суданѣ. Въ странѣ, одаренной плодородной почвой и хорошимъ климатомъ, съ миллионнымъ народонаселеніемъ, египетское правительство, послѣ семи лѣтъ господства, сдѣлало только одинъ шагъ къ дѣятельности—распространило всюду смерть и разореніе. При хорошемъ правительствѣ эта благословенная страна производила-бы въ изобиліи хлѣбъ и хлопчатку, которые, въ свою очередь, были-бы источникомъ громаднаго богатства, а вмѣсто того длинный рядъ интригъ привелъ только къ безнадежной анархіи“.

Объщавъ оказать содѣйствіе бѣдному стариву и рѣшившись довести до хедива это вопіющее дѣло, Бакеръ прежде всего счелъ необходимымъ свести на очную ставку Кватъ-Кэра и Али-Бея, официально выдавашаго его за мертваго. Это свиданіе было очень любопытное. Хитрый комендантъ хладнокровно курилъ трубку и не обращалъ никакого вниманія на своего врага, точно онъ не находился передъ нимъ. На вопросъ Бакера, зналъ-ли онъ Кватъ-Кэра, онъ отвѣчалъ: „да“.—„Такъ кто-же я?“ произнесъ король также очень хладнокровно. Комендантъ впервые устремилъ глаза на Кватъ-Кэра и послѣ продолжительнаго молчанія произнесъ среди облаковъ табачнаго дыма: „Если вы Кватъ-Кэръ, такъ зачѣмъ-же вы прятались? Отчего вы не явились ко мнѣ въ Фашоду? Я тогда-бы зналъ, что вы живы“. Кватъ-Кэръ злобно взглянулъ на него и медленно отвѣчалъ: „Гдѣ весь мой скотъ, похищенный вами? Гдѣ женщины и дѣти, уведенныя вами въ неволю? Я полагалъ, что вы, похитивъ мой скотъ и сдѣлавъ невольниками моихъ подданныхъ, вздумаете взять и меня, потому не хотѣлъ дать вамъ для этого случая“. Комендантъ ничего не отвѣчалъ, и такъ-какъ снова водворилось долгое молчаніе, то Бакеръ вмѣшался въ дѣло и послѣ подробнаго допроса обоихъ враговъ вполне убѣдился, что комендантъ былъ большой мошенникъ, а король хитрый человекъ, хотя съ нимъ было поступлено самымъ позорнымъ образомъ. Разобравъ все дѣло, Бакеръ повторилъ свое обѣщаніе донести обо всемъ хедиву и посоветовалъ Кватъ-Кэру самому съѣздить въ Картумъ къ генералъ-губернатору, который, безъ сомнѣнія, за него заступится, а пока убѣждавъ его помириться съ комендантомъ и забыть прошлое. Но король,

нисколько не измѣняясь въ лицѣ, спокойно отвѣчалъ: „Если я забуду о прошломъ, то что-же будетъ съ моими стадами, похищенными комендантомъ? Онъ возвратитъ мнѣ ихъ или оставитъ у себя и забудетъ прошедшее? Нѣтъ, я не могу забыть свои стада“. На этотъ практическій вопросъ было очень трудно отвѣтить и комендантъ безмолвно удалился.

Посѣщеніе Тефикиа туземнымъ королемъ ознаменовалось еще любопытной сценой, выставляющей въ характеристическомъ свѣтѣ обращеніе Бекера съ дикарями, которые, однакожь, по его словамъ, очень скоро начинали питать къ нему довѣріе и уваженіе. „Накормивъ ихъ говядиной и позабавивъ гальванической батареей, рассказываетъ англійскій паша, — я отправилъ ихъ домой въ большой радости. Меня очень потѣшало, съ какимъ стоическимъ хладнокровіемъ король выдерживалъ самый сильный ударъ гальваническаго тока. Хотя всѣ мускулы его рукъ дрожали, онъ не измѣнился въ лицѣ. Одна изъ его жёнъ послѣдовала такому похвальному примѣру и послѣ нѣсколькихъ смѣлыхъ попытокъ вытщила ожерелье изъ чашки воды, такъ сильно наэлектризованной, что ея рука была совершенно сведена и парализована“. Удивительно-ли, что послѣ такой забавы гости рады были отправиться домой!

Втеченіи дѣта два невольничьихъ судна, шедшія съ юга, попались въ руки Бекера и онъ тотчасъ освободилъ всѣхъ невольниковъ, а шкиперовъ и агентовъ-промышленниковъ, сковавъ, отправилъ въ Картумъ на судъ къ генераль-губернатору. Особенно замѣчательна была первая поимка, такъ-какъ судно принадлежало тому самому агенту Кучука, которому Бекеръ на Бар-Жирафѣ объявлялъ о прекращеніи торга невольниками; несчастныя жертвы преступнаго ремесла были спрятаны въ трюмѣ подъ густымъ слоемъ зерна, а одна молодая женщина была даже зашита въ старательно сложенный парусъ наверху мачты. Вся эта масса, около 150 женщинъ и дѣтей, были набиты, какъ сеledки, въ самое незначительное пространство и всѣ они были такъ напуганы, что хранили мертвое молчаніе до тѣхъ поръ, пока адъютантъ Бекера Абдель-Кадеръ, подозрѣвая что-то неладное, сталь желѣзнымъ прутомъ рыться въ зернѣ. Тогда раздался глухой вопль и Абдель-Кадеръ вытщилъ изъ - подъ зеренъ вурчавую

негритянку. Кромѣ невольниковъ, на суднѣ оказалась слоновая кость, которая была конфискована и вмѣстѣ съ судномъ отправлена въ Картумъ. „На другой день, говоритъ Бекеръ,—я осмотрѣлъ всѣхъ освобожденныхъ невольниковъ и объявилъ имъ, что они всѣ свободны, и тѣ изъ нихъ, которые жили не далеко, будутъ доставлены въ свои жилища, остальные-же должны исполнять какую-либо работу, за что будутъ одѣты и накормлены. Если женщины желали выдти замужъ, то много молодцовъ въ моемъ отрядѣ могли быть прекрасными мужьями. Каждому рабу я выдавалъ свидѣтельство о свободѣ, за мою подписью, и эта бумага вкладывалась въ кусокъ тростника, который привѣшивался на шею. Кромѣ того, въ особую книгу вносились всѣ освобожденные съ обозначеніемъ пола, возраста и племени. Все это заняло у меня цѣлое утро, и когда я, наконецъ, спросилъ у своихъ офицеровъ, кто изъ негритянокъ выразилъ желаніе выдти замужъ, мнѣ отвѣчали, что всѣ и что выборъ мужей уже состоялся. Дѣйствительно, по берегу расхаживали счастливыя парочки. Только, по несчастью, чернокожія красавицы питали отвращеніе къ болѣе свѣтлой кожѣ и потому отказали всѣмъ солдатамъ египетскаго полка. Такимъ образомъ, женщины, получивъ свободу, тотчасъ выдвинули вопросъ о женскихъ правахъ. Однако, мнѣ пришлось ограничить число браковъ, и тѣ изъ негритянокъ, которыя на время были обречены одинокой жизни, назначены мною для исполненія обязанностей кухарокъ, прачекъ и т. д. Мужчинъ почти вовсе не оказалось, такъ-какъ они всѣ были перебиты, а мальчиковъ я отдалъ въ обученіе къ англійскимъ мастерамъ: столяру, кузнецу, портному и т. д. Самые-же лучшіе изъ нихъ взяты въ слуги, а маленькую трехлѣтнюю дѣвочку приняла на свое попеченіе моя жена. Мاستура, такъ звали ребенка, отличалась не особенно красивымъ лицомъ, но прекрасной фигурой и такими мускулами, какихъ я никогда не видывалъ у бѣлыхъ дѣтей ея возраста, и такимъ замѣчательнымъ умомъ, что она заткнула-бы за поясъ не только всѣхъ трехлѣтнихъ, но и шестилѣтнихъ дѣтей. Вообще при освобожденіи невольниковъ въ большомъ количествѣ всегда является затрудненіе относительно ихъ дальнѣйшей судьбы. Это чувствуется постоянно англійскими кораблями при захватѣ арабскихъ невольничьихъ судовъ у восточнаго берега. Обыкновенно, нѣтъ никакой возможности возвра-

щать ихъ на родину и остается только научить ихъ какому-нибудь полезному ремеслу, которое дало-бы имъ средство пропитанія. Юноши, если имъ предоставляютъ право выбора, всегда выражаютъ желаніе вступить въ военную службу, и я полагаю, что строгая военная дисциплина—лучшая школа для молодыхъ дикарей. Что-же касается дѣвушекъ, то, подобно всѣмъ своимъ сестрамъ въ остальномъ мѣрѣ, онѣ предпочитаютъ бракъ всякому труду, но при добромъ обращеніи, не лишеномъ, однако, должной твердости, изъ нихъ выходятъ отличныя служанки“.

До августа Бекеръ жилъ, такимъ образомъ, спокойно въ своей колоніи, но когда вода въ рѣкѣ поднялась, онъ предпринялъ рекогносцировку по Бар-Газолю или главному Нилу, но послѣ десяти-дневныхъ бесполезныхъ странствій по нескончаемому ряду мелкихъ озеръ и болотъ онъ снова возвратился въ Тефкиа. Ясно было, что Бѣлый Ниль также исчезъ и обратился въ непроходимую трясику, какъ Бар-Жиравъ, но въ виду ширины русла и быстроты теченія, эту рѣку можно было очистить отъ всѣхъ преградъ и поддерживать судоходной при постоянныхъ, ежегодныхъ работахъ. Но для этой цѣли необходима была особая, специальная экспедиція, для успѣха которой потребовалось-бы много времени и трудовъ; теперь-же не представлялось никакой возможности проникнуть на югъ по Бѣлому Нилу, а потому Бекеръ рѣшился снова попытать счастья на Бар-Жиравѣ, гдѣ онъ надѣялся, что его предыдущіе труды хоть нѣсколько очистили фарватеръ. Для этого слѣдовало пуститься въ путь никакъ не позже 1-го декабря, пока вода была на прибыли и вѣтеръ дулъ сѣверный. Опасаясь, чтобы снова проволочки египетскихъ властей не задержали его, Бекеръ отправился обратно въ Картумъ для окончательнаго устройства своей экспедиціи.

Прибытіе Бекера привело въ изумленіе власти и жителей Картума, которые никакъ не могли понять его возвращенія. Несмотря на всѣ обѣщанія губернатора и старанія Гигенботома, изъ 30 заказанныхъ судовъ оказались на лицо только 7, и то не въ порядкѣ, а пароходы и большія суда все еще не прибыли изъ Каира; очевидно, все это дѣлалось по секретному распоряженію властей, которыя хотѣли проволочить время до той минуты, когда вода въ рѣкѣ снова спадетъ и путешествіе будетъ невоз-

можно. Однако, Бекеръ не унывалъ и энергично принялся за оснастку и нагрузку судовъ. Недѣли черезъ три все было готово и онъ возвратился въ Тефикиа 22 октября.

Впродолженіи этого вторичнаго пребыванія въ Картумѣ онъ узналъ многое, что до тѣхъ поръ египетскія власти искусно скрывали отъ него. Между прочимъ, оказалось, что правительство заключило контрактъ съ главнѣйшимъ промышленникомъ на Бѣломъ Нилѣ, Ахметомъ-Шейхомъ-Агадомъ, и предоставило ему за 3,000 фунт. въ годъ исключительное право торговли слоновой костью въ странѣ (на протяженіи 90,000 кв. миль), еще не принадлежавшей Египту и которую Бекеру было поручено присоединить. Хотя въ контрактѣ было ясно сказано, что арендаторъ долженъ не торговать невольниками, но правительству было очень хорошо извѣстно, что система торговли Агада, подобная всѣмъ другимъ нильскимъ промышленникамъ, состояла въ захватѣ скота и невольниковъ у одного племени для промѣна ихъ у сосѣдей на слоновую кость. „Такимъ образомъ, говоритъ Бекеръ,—миѣ стало ясно, почему мою экспедицію всѣ считали роковой для интересовъ Судана. Я долженъ былъ уничтожить торгъ невольниками, когда извѣстные промышленники живымъ товаромъ платили правительству аренду; я долженъ былъ открыть правильную торговлю съ туземными племенами, когда монополія въ этомъ отношеніи была отдана тѣмъ-же пиратамъ, скрывавшимся подъ именемъ торговцевъ слоновой костью; я долженъ былъ ввести управление на справедливыхъ основаніяхъ въ той странѣ, которая за извѣстную плату была уступлена этимъ разбойникамъ. Очевидно, моя экспедиція имѣла цѣлью уничтожить и разорить этихъ арендаторовъ египетскаго правительства. Я теперь понялъ, почему мое предложеніе подчинить миѣ, какъ генераль-губернатору экваторіальнаго бассейна Нила, всю страну отъ 14° с. д. было не принято и сѣверной границей моей территоріи назначенъ 5°. Дѣло въ томъ, что Картумъ находится подъ 15° 35' с. д., а Гондокоро подъ 4° 54',—слѣдовательно, если моя юрисдикція началась только въ Гондокоро, то обычная торговля на Бѣломъ Нилѣ могла продолжаться, пока я отлучался на югъ, и заключенные контракты оставались-бы въ своей силѣ“. Несмотря на это поразительное открытіе, Бекеръ краснорѣчиво распростра-

няется объ искренности хедива, назначившаго противъ желанія своихъ подданныхъ эту экспедицію, и увѣряетъ, что Исмаилу, вѣроятно, не были извѣстны дѣйствія генераль-губернатора Судана, въ доказательство чего онъ ссылается на тотъ фактъ, что хедивъ, узнавъ о поведеніи коменданта Фашоды, тотчасъ лишилъ его мѣста и почетныхъ званій. Но какъ-бы то ни было, съ вѣдома хедива или безъ вѣдома, генераль-губернаторъ Судана отдалъ въ аренду Агаду территорію, находившуюся подъ юрисдикціей Бекера, и послѣдній долженъ былъ сознаться, что его экспедиція была явною несправедливостью въ отношеніи человѣка, платившаго деньги за монопольную торговлю слоновою костью, которую теперь правительство хотѣло взять въ свои руки. Въ виду этого Бекеръ вступилъ въ соглашеніе съ Агадомъ и обязался не покупать слонової кости до срока первоначальнаго контракта Агада, 9 апрѣля 1872 г., а арендная плата была переведена съ денежной на взносъ слонової костью, именно $\frac{2}{3}$ всего полученнаго Агадомъ количества. „Этой сдѣлкой, прибавляетъ Бекеръ,—я въ нѣкоторомъ отношеніи былъ связанъ, но я рѣшился, по истеченіи опредѣленнаго срока, сосредоточить всю торговлю слоновою костью исключительно въ рукахъ правительства, на подобіе монополіи мѣховой торговли у гудсоновской компаніи, такъ-какъ былъ твердо убѣжденъ, что вартумскіе промышленники никогда не будутъ честно вести дѣло съ туземцами“.

Во время переговоровъ съ Агадомъ Бекеръ впервые встрѣтился съ его агентомъ и затемъ Абу-Саудомъ, которому впоследствии онъ приписывалъ всѣ претерпѣнныя имъ опасности и конечную неудачу своей экспедиціи. Съ самаго начала пламенная увѣренія Абу-Сауда въ преданности правительству, но черезчуръ смиренный видъ и горячіе протесты противъ всякаго участія въ торгѣ невольниками возбудили подозрѣніе Бекера въ его искренности; но все-же, несмотря на увѣренность, что онъ былъ такой-же хищной птицей, какъ всѣ нильскіе промышленники, англійскій паша заключилъ съ нимъ условіе на поставку для его экспедиціи продовольствія и носильщиковъ, которыхъ онъ обязался приготовить на различныхъ пунктахъ Нила, а въ случаѣ войны съ туземцами, онъ долженъ былъ представить контингентъ

ирегулярнаго войска, находившагося въ его распоряженіи, въ количествѣ 1,800 человекъ.

По возвращеніи Бэкера въ Тефкиа около двухъ мѣсяцевъ прошло въ подготовленіи экспедиціи и, наконецъ, нагрузивъ 59 судовъ 1,600 людьми и громаднымъ количествомъ всевозможныхъ предметовъ, уже упомянутыхъ нами выше, онъ отправился 11 декабря въ Гондокоро. Несмотря на высокую воду, Бар-Жирафъ представлялъ прежнія преграды къ плаванію, и Бэкеръ съ понятной горечью называетъ эту рѣку „злой насмѣшкой“. Но теперь все-же преграды были преодолимы. Послѣ трехъ мѣсяцевъ самыхъ тяжелыхъ трудовъ и непріятныхъ странствій, потерявъ только одно судно и небольшое количество людей, Бэкеръ, наконецъ, вступилъ въ Бѣлый Нилъ, по которому благополучно достигъ Гондокоро 15 апрѣля 1871 г.

Такимъ образомъ, Бэкеръ-паша очутился въ предѣлахъ своего генераль-губернаторства, гдѣ должна была собственно начаться его политическая и военная дѣятельность, только по истеченіи половины четырехлѣтняго срока его власти.

В. Т.

(Продолженіе будетъ.)

ГОГОЛЕВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

(Публичныя лекціи Ореста Миллера: Русская литература послѣ Гоголя (за исключеніемъ драматической). Сиб. 1874.)

Г. Миллеръ—критикъ пріятный во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ такъ боится обидѣть кого-нибудь, такъ старается сказать каждому что-нибудь лестное, что на его лекціяхъ, вѣроятно, не изъ одного ротика вылетѣло восторженное восклицаніе: „ахъ, какой душка!“ Съ этимъ драгоценнымъ свойствомъ, съ такимъ добродушіемъ г. Миллеръ сумѣлъ какъ-то соединить въ себѣ и безпристрастіе. Онъ не только восгоргается, но и указываетъ недостатки, дѣлая это въ такой мягкой, вѣжной формѣ, что невольно изумляешься тонкости его обращенія. Вотъ только относительно фальшивыхъ нотъ въ стихотвореніяхъ Некрасова г. Орестъ Миллеръ расиространился почему-то больше, чѣмъ позволялъ себѣ при оцѣнкѣ недостатковъ другихъ нашихъ писателей; но дозволивъ себѣ такую дерзость, онъ тотчасъ-же „спѣшитъ изгладить это впечатлѣніе указаніемъ на прекрасныя стихотворенія“ поэта (стр. 126). Общій выводъ изъ лекцій почтеннаго профессора тоже очень успокоительный. „Какое общее впечатлѣніе производитъ наша послѣ-гоголевская литература?“ спрашиваетъ онъ—и спѣшитъ отвѣтить: „она не льстила намъ, не лгала; не лгала въ хорошую сторону, т. е. не преувеличивала нашихъ добрыхъ качествъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она вообще не лгала и въ дурную сторону, т. е. не преуве-“

„Дѣло“, № 2.

личивала и нашихъ недостатковъ. Наша литература показала намъ быструю смѣну типовъ, быстрое народженіе новыхъ на мѣсто старыхъ, а такая быстрота показываетъ, что мы безостановочно развиваемся... Если мы обратимъ вниманіе на то, велика-ли въ нашей литературѣ талантливость, — то можемъ, я полагаю, сказать, что мы вовсе не *обдѣнѣли талантами послѣ Гоголя*. Многіе изъ нихъ еще живы; *нѣкоторые, правда, пишутъ уже мало*. Послѣднія произведенія нѣкоторыхъ (наприм. Гончарова, отчасти Тургенева) *уже не то, что первыя*; нѣкоторые изъ нашихъ писателей, наприм. Достоевскій, *выступили на дорогу, вовсе не свойственную особенностямъ ихъ таланта*. Л. Толстой довольно давно уже не пишетъ, но слухи носятъ о его новомъ большомъ произведеніи; съ другой стороны, его „Война и миръ“ вызвала подражателей, къ числу которыхъ принадлежитъ, между прочимъ, и дарочитый авторъ романа „Пугачевцы“. Некрасовъ сталъ было обнаруживать *нѣкоторое утомленіе*, повторяя одни и тѣ же мотивы, но въ „Русскихъ женщинахъ“ и въ „Дѣдушкѣ“ онъ выказываетъ прежнюю силу, выхода на новую дорогу, и надо только желать, чтобы онъ и далѣе обращался (не встрѣчая преградъ) къ воспроизведенію нашего недавняго прошлаго...“ (стр. 186—188). Эти „*правда*“ и „*но*“ прелестны: посредствомъ нихъ, повидимому вовсе не отступая отъ истины, можно всегда доказать, что „все обстоитъ благополучно“. И пусть-бы г. Миллеръ дѣйствительно хотѣлъ доказывать, пусть-бы онъ дѣйствительно былъ такимъ оптимистомъ, какъ анекдотическій докторъ-пѣмецъ, который, пріѣхавъ къ своему паціенту и заставъ его на столѣ, спросилъ слугу покойника, икаль-ли послѣдній передъ смертью, и, услышавъ, что икаль, замѣтилъ: „ну, это карашо“; — пусть-бы, говоримъ, г. Миллеръ былъ дѣйствительно такимъ оптимистомъ, тогда легче было-бы читать и слушать его, тогда онъ производилъ-бы цѣльное впечатлѣніе и былъ-бы смѣшонъ или отвратителенъ, смотря по мотивамъ своего оптимизма. Но онъ далеко не такой наивный оптимистъ, чтобы видѣть все въ розовомъ свѣтѣ; онъ сознаетъ, что въ литературѣ есть недостатки, есть чрезвычайно важные пробѣлы, но онъ отворачивается отъ нихъ и только мелькомъ киваетъ на нихъ съ какою-то недовольною миной.

Независимо отъ такого благодушія, въ лекціяхъ г. Миллера есть много пропусковъ, пробѣловъ. Онъ, напр., почти ничего не

говорить о романахъ Григоровича, не упоминаетъ даже именъ Марко-Вовчка, В. Курочкина, Успенскаго, Левитова, Слѣпцова и т. д. Положимъ, что все это второстепенные таланты, несоздавшіе ничего самостоятельнаго, но вѣдь они имѣютъ никакъ не меньше значенія какого-нибудь Павла Ивановича Мельникова и замѣтки о нихъ были-бы вполне умѣстны для выясненія общаго хода развитія литературы. Кромѣ того, жалуясь, что современная критика заражена пагубной привычкой „говорить очень много *по поводу* литературныхъ произведеній, чрезвычайно мало *вникая въ собственную ихъ сущность*“, — самъ г. Миллеръ тоже не очень-то вникаетъ въ эту *сущность*, хотя и заявляетъ, что главное достоинство его лекцій — „тщательный разборъ извѣстныхъ литературныхъ произведеній“. Можетъ быть, подъ тщательнымъ разборомъ онъ разумѣетъ *пространный*, въ такомъ случаѣ онъ правъ, но никто не признаетъ его разбора всестороннимъ или даже многостороннимъ. Г. Миллеръ не обращаетъ вниманія даже на самые существенные пункты. Во-первыхъ, онъ нисколько не касается вопроса о степени художественной правды того или другого произведенія, что, впрочемъ, и понятно, такъ-какъ, по его мнѣнію, „наша литература не лгала“. Ужь какъ-будто только одну правду и только правду она проповѣдовала въ своей пустынѣ!... Справедливо замѣчаетъ г. Миллеръ, что у Некрасова есть вполне фальшивыя изображенія народной жизни; что „съ тѣхъ поръ, какъ Тургеневъ долго живетъ за границей, мы почти вовсе не видимъ новыхъ типовъ въ его произведеніяхъ; чтобы создавать ихъ, нужно слѣдить за ихъ зарождеиемъ. То-же болѣе или менѣе можно примѣнить и къ Некрасову. Чтобы, говоря о положеніи народа, не повторяться, недостаточно, сидя у себя въ кабинетѣ, только припоминать его себѣ такимъ, какимъ мы его когда-то знали. *При отсутствіи живого общенія съ тѣмъ, что воспроизводитъ художникъ, у него не можетъ не появиться некоторая дѣланность, его произведенія не могутъ не отзываться заказнымъ тономъ*“ (стр. 145). Все это совершенно справедливо, но мы рѣшительно не понимаемъ, почему г. Миллеръ относитъ это къ однимъ только Некрасову и Тургеневу. Эту фальшь, эту ложь, этотъ заказной тонъ мы видимъ и у Гончарова, и у Писемскаго, и у Достоевскаго, который, подобно двумъ предыдущимъ, тоже не имѣлъ никакого „живого общенія съ тѣмъ, что воспроизводилъ“. Всѣ они не

жили тою жизнью, какую изображали, всё они наблюдали ее „изъ прекраснаго далека“ или составляли о ней понятіе, сидя въ какой-нибудь редакціи „Библіотеки для чтенія“, какъ Писемскій, или въ редакціи „Гражданина“, какъ Достоевскій. Что-же касается изображенія собственно народной жизни, то здѣсь еще больше фальши, чѣмъ въ упомянутыхъ случаяхъ. Романы Григоровича и повѣсти Марко-Вовчка имѣли, конечно, свои достоинства, но ихъ слезливое соболѣзнованіе о „мужичкѣ“, ихъ тенденція изобразить „мужичка“ какъ можно симпатичнѣе свидѣтельствуютъ лишь о добрыхъ намѣреніяхъ авторовъ, а не о художественной „трезвой правдѣ“. Еще больше заказнаго тона въ томъ родѣ литературныхъ произведеній, представителемъ котораго могутъ служить Н. Успенскій и актеръ Горбуновъ. Тутъ вмѣсто „мужичка“ выводится на сцену, въ разнообразныхъ положеніяхъ, что-то хуже даже Ивана-дурачка, — положительный идиотъ, потѣшающій зрителей своею глупостью. Сравните съ этимъ бессмысленнымъ искусствомъ „Подлиповцевъ“ и комедіи Островскаго, и вы увидите, какъ далеки и Григоровичъ, и Горбуновъ отъ „трезвой правды“.

Во-вторыхъ, г. Миллеръ мало касается идеаловъ и стремленій авторовъ. Вѣдь, собственно говоря, у насъ почти вовсе нѣтъ „искуства для искусства“ и всё горячіе сторонники этого принципа защищаютъ его только въ теоріи, а на практикѣ оказываются самыми горячими его противниками. Вѣдь и у Тургенева есть идеалы, и Григоровичъ имѣетъ какія-то тенденціи, и Н. Успенскій чего-то хочетъ, и Писемскій тоже какъ-будто чего-то хочетъ. Чего-же хотятъ они? Какіе ихъ идеалы? На эти вопросы у насъ отвѣчать очень трудно. Возьмите, напр., Диккенса, Жоржъ-Занда, Гюго — и вы легко постигнете смыслъ ихъ произведеній; возьмите русскаго писателя, начиная хоть съ Пушкина и кончая какимъ-нибудь Альминскимъ, и вы запутаетесь въ его стремленіяхъ. Писатели, воспроизводя свои типы, относятся къ нимъ въ одно и то-же время и сочувственно, и отрицательно, и эти типы выходятъ, съ одной стороны, идеальными, съ другой — сатирико-отрицательными, производятъ въ читающей публикѣ самыя смутныя понятія. Одни восхищаются и увлекаются ими, принимаютъ ихъ за идеальныхъ героевъ, начинаютъ подражать имъ, другіе-же считаютъ ихъ за сатиру, иногда даже за злостную карикатуру. Такъ было и съ пушкинскимъ Онѣгинымъ, и съ лермонтовскимъ Печоринимъ, и

съ тургеневскимъ Базаровымъ и т. д. Дѣло доходитъ до того, что авторы бывають вынуждаемы дѣлать подъ этими портретами надписи въ родѣ извѣстной — *се левъ, а не собака*. Такъ поступилъ Лермонтовъ въ предисловіи ко второму изданію „Героя нашего времени“, такъ поступилъ Тургеневъ въ своихъ слишкомъ уже запоздавшихъ объясненіяхъ по поводу Базарова, такъ не разъ поступалъ Достоевскій, такъ поступилъ и Гончаровъ въ своемъ „Обрывѣ“. Райскій, начавъ писать романъ „Вѣра“, высказываетъ слѣдующее опасеніе: „какъ я напишу драму „Вѣры“, да не съумѣю обставить пропастями ея паденіе, а русскія дѣвы примуть ошибку за образецъ да какъ козы, одна за другой, и пойдутъ скакать съ обрывовъ!“ Г. Миллеръ очень недоволенъ этими оговорками и въ особенности пояснительной замѣткой Гончарова и желаетъ, „чтобы, по крайней мѣрѣ, въ новомъ изданіи своего романа Гончаровъ похерилъ эту странную фразу, въ которой мораль доходитъ до оскорбленія здороваго нравственнаго чувства“ (стр. 32). Удивительный въ человѣкъ, г. Миллеръ! Вѣдь въ этой фразѣ Гончаровъ собственно признался или проговорился, что его романы не имѣютъ опредѣленныхъ, ясныхъ идеаловъ, что, подобно романамъ Тургенева, они внушаютъ публикѣ самыя противоположныя идеи, что сатира можетъ быть принята въ нихъ за идеалъ, и наоборотъ. Если въ этомъ случаѣ Гончаровъ навесъ кому-нибудь оскорбленіе, то, во всякомъ случаѣ, не публикѣ, не русскимъ женщинамъ, а самому себѣ. Конечно, въ упомянутыхъ отношеніяхъ публики къ литературнымъ типамъ виноваты до извѣстной степени и недостатки самой публики: вѣдь нравственно здоровые и нормально развитые люди не увлекутся же и не будутъ подражать такому, напр., господину, какъ Печоринъ; но главное-то дѣло все-таки въ томъ, что самъ Лермонтовъ колебался въ своихъ отношеніяхъ къ воспроизведенному имъ типу, самъ-то онъ не выработалъ себѣ опредѣленнаго идеала. Нѣтъ такого идеала и у Гончарова, и у Григоровича, и у Тургенева, какъ вовсе не было его и у основателя школы — Гоголя, погибшаго надъ выработкой его.

Гоголевское направленіе, собственно говоря, создало русскую литературу. Вотъ что говоритъ объ этомъ г. Миллеръ, и говорить совершенно вѣрно: „Въ русской литературѣ долго преобладало направленіе, чуждое жизни; оно неизмѣнно въ ней сохранялось не только при долгосрочномъ вліяніи на насъ вовсе

не подходившей къ намъ, ни по возрасту, ни по бытовымъ основамъ своимъ, Византіи, но и при позднѣйшей, все болѣе и болѣе учащавшейся смѣнѣ вліяній. Въ этомъ смыслѣ у насъ постоянно господствовала *схоластика*, хотя собственно такъ-называемое схоластическое направленіе пришло къ намъ заднимъ числомъ изъ западной Европы на смѣну зематерѣлому византіиству. Такъ-называемое схоластическое направленіе замѣнилось *псевдо-классицизмомъ*, въ сущности-же оно продолжало существовать и въ этой новой литературной школѣ со всѣми ея геролми, немѣющимися ничего общаго не только съ нашей жизнью, но даже съ жизнью какой-либо опредѣленной страны; затѣмъ совершился переходъ къ сентиментальному направленію, дѣланымъ слезамъ, дѣланымъ чувствамъ, къ изображенію житья-бытья нашихъ русскихъ простолюдиновъ въ идиллическомъ блескѣ благодатной Аркадіи, — та-же старая ложь, тотъ-же вѣчный разладъ съ дѣйствительностью. Затѣмъ настала пора романтизма съ его безоблачными мечтами, съ его удаленіемъ въ глубь средневѣковой жизни и вообще въ отдаленную глубь времени. Но даже и позже, у Пушкина, представившаго уже блистательныя задатки новаго направленія, жизненнаго и правдиваго, даже и у него старая закваска еще сохраняется въ видѣ того *художническаго квіэтизма* (покоелюбія), который заперался въ своемъ самодовольномъ я и среди этой привольной пустыни не хотѣлъ уже знать ничего о „житейскихъ волненіяхъ“. Но издавна уже, съ другой стороны, начинается просачиваться и иная струя, — струя жизненная, правдивая. Она сказывается во многихъ мѣстахъ нашей лѣтописи, запечатлѣнныхъ свѣжестью красокъ нашей родной дѣйствительности, въ смѣло затрогивающей современность проповѣди нѣкоторыхъ духовныхъ писателей, въ стремленіи пѣвца Игорева пѣть „по былинамъ своего времени“, она сказывается въ яркой прямотѣ посланія Вассіана къ Ивану III и писемъ Курбскаго къ Грозному. Позже мы видимъ ее въ той вѣрной картинѣ нашихъ до-петровскихъ порядковъ, которую рисуетъ смѣлое перо самоучки Посошкова, и въ различныхъ запискахъ по современнымъ вопросамъ гениальнаго Ломоносова. Та-же струя сказывается въ сатирахъ Кантемира, Фон-Визипа и Новикова, въ юморѣ нѣкоторыхъ одъ Державина, неожиданно и пріятно изумившихъ тогдашнюю публику, утомившуюся отъ прежнихъ надутыхъ одъ. Въ XIX в.

струя эта расширяется въ комедіи Грибоѣдова, въ басняхъ Крылова, въ полныхъ правды картинахъ русскаго быта у Пушкина и Лермонтова. Но окончательно пробивается эта струя и становится цѣлымъ могучимъ потокомъ, — потокомъ, захватывающимъ почти всю нашу литературу, — только со временъ Гоголя“.

„Кто не знаетъ Гоголя? Кто не помнитъ его типовъ? Кто не помнитъ, между прочимъ, его „очаровательнаго“ Манилова, въ составъ котораго „было черезчуръ много передано сахара“ — этого человѣка, который любитъ мечтать о томъ, „какъ было-бы хорошо, если-бы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ или черезъ прудъ выстроить каменный мостъ, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли-бы лавки и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали мелкіе товары, необходимыя для крестьянъ. И такимъ образомъ мечтаетъ человѣкъ, у котораго, при его сентиментальномъ ничегонедѣланіи, выжимаетъ соевъ изъ тѣхъ-же крестьянъ временщикъ-прикащикъ. Всѣ у Манилова — самые добрые, самые достойные люди. Въ разрядъ этихъ добрѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей попадаетъ и самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Извѣстно, что Маниловъ готовъ отдать половину состоянія, чтобы хоть сколько-нибудь усвоить себѣ высокія душевныя качества Павла Ивановича. Извѣстно, что даже намекъ на покупку мертвыхъ душъ только на-время смущаетъ добродушно глядящаго на все, вполне довѣрчиваго Манилова; Павлу Иванычу достаточно сказать, что это вовсе не будетъ вредить интересамъ Россіи, что онъ самъ благоговѣетъ передъ закономъ, что онъ не даромъ въ продолженіи своей жизни много страдалъ за правду; Маниловъ вѣритъ всему, и, согласившись на продажу мертвыхъ душъ, думаетъ о томъ, какъ-бы было пріятно пофилософствовать съ Павломъ Ивановичемъ подъ тѣнью вяза и какъ-бы „ихъ за эту трогательную дружбу само начальство отличило и пожаловало генералами“. Но почему-же я вспомнилъ этотъ всѣмъ извѣстный типъ? Дѣло въ томъ, что гоголевскіе типы имѣли самое широкое значеніе; онъ и самъ указываетъ на это въ пояснительныхъ замѣткахъ къ своему „Ревизору“. Дѣло въ томъ, что такимъ Маниловымъ, такимъ сладкимъ, все въ розовомъ цвѣтѣ рисующимъ себѣ Маниловымъ оставалась долгое время и русская литература. *Гоголь уничтожилъ разъ навсегда маниловщину въ русской литературѣ*“ (стр. 1—3).

Гоголевская или, какъ ее называли прежде, „натуральная школа“ произвела въ литературѣ радикальный переворотъ, поставивъ ее на реальную почву и сдѣлавъ ее слугою общества. „Поэзія, говоритъ Бѣлинскій, — перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль, не всегда пріятную, оказалась быть гремушкою, подѣ которую пріятно прыгать и засыпать“. Но это была только коренная перемѣна въ принципѣ, это было только начало литературнаго переворота, и гоголевская школа, сдѣлавъ уже свое дѣло, все-таки не довела литературу до той степени широты и самостоятельности, которыя служатъ цѣлью начатаго ею движенія.

Гончаровъ и Писемскій составляютъ, такъ-сказать, первичную формацию этой школы, вмѣстѣ съ гр. Соллогубомъ и другими третьестепенными писателями. Всѣ они преимущественно или исключительно берутъ свои сюжеты, какъ и Гоголь, изъ среды дворянства или чиновничества, всѣ они обладаютъ талантомъ живо передавать картины жизни, анализировать душевные процессы, но у нихъ нѣтъ яснаго, волюнтарнаго отношенія къ воспроизводимымъ типамъ. „Обыкновенная исторія“ Гончарова до сихъ поръ возбуждаетъ вопросъ, что хотѣлъ сказать авторъ? И каждый рѣшаетъ этотъ вопросъ по-своему; люди, склонные къ оптимизму, какъ г. Миллеръ, увѣряютъ, что Гончаровъ проводитъ тутъ здравую мысль; люди-же, не склонные къ оптимизму, какъ Писаревъ, видятъ въ романѣ такой совѣтъ: „эхъ, молодые люди, бросьте вы ваши стремленія въ даль, къ усовершенствованіямъ, къ лучшему! Это все пустяки, фантазерство! Одѣньтесь въ виць-мундиры!“ и т. д. Намъ кажется, что ни тотъ, ни другой изъ этихъ выводовъ не можетъ быть доказанъ фактами романа. Молодой Адуевъ выходитъ у Гончарова пошлымъ мечтателемъ, а его дядя, человекъ умный и практическій, сдерживаетъ съ него маску, обнаруживаетъ его внутреннюю пустоту и доказываетъ ему, что у нихъ въ сущности одна и та-же цѣль жизни—выгода, только онъ, дядя, идетъ къ этой цѣли прямо и открыто, а племянникъ стремится къ ней задними ходами, прикрываясь плащомъ напускнаго либерализма. Вотъ основной фактъ романа, и если на основаніи его можно сдѣлать какой-нибудь опредѣленный выводъ, то, конечно, только въ смыслѣ покойнаго Писарева, а не въ смыслѣ г. Миллера. Въ пользу перваго

объясненія говорить и другой романъ Гончарова, появившійся черезъ десять лѣтъ послѣ перваго, — „Обломовъ“. „Добролюбовъ, говорить г. Миллеръ, — въ своей блистательной статьѣ уяснилъ, что *Обломовъ Гончарова* лицо вовсе не отвлеченное, лицо непосредственно принадлежащее нашей русской жизни, самымъ неразрывнымъ образомъ съ нею связанное. Онъ положительно выяснилъ въ своей мастерской статьѣ, какимъ образомъ подъ вліяніемъ барскаго воспитанія возникали и еще долго будутъ возникать Обломовы... Широко понимая Обломова и объясняя его какъ произведеніе нашей барской среды, Добролюбовъ видѣлъ „обломовщину“ и во многихъ другихъ типахъ нашей литературы; онъ видѣлъ Обломова не только въ гоголевскомъ Тентетниковѣ, который, дѣйствительно, можетъ быть признанъ прямымъ родоначальникомъ Ильи Ильича, — онъ видѣлъ Обломова и въ такихъ типахъ, которые съ перваго взгляда вовсе на него не похожи, въ типахъ такихъ людей, которые, много толкуя о дѣлѣ, прямо считаютъ себя дѣльцами, но въ сущности мало или совсѣмъ ничего не дѣлаютъ. Какъ извѣстно, Добролюбовъ находилъ „обломовщину“ и въ тургеневскомъ „Рудинѣ“, и въ „Героеѣ нашего времени“ Лермонтова, и даже въ пушкинскомъ „Онегинѣ“. Добролюбовъ понималъ „обломовщину“ какъ жизнь въ всякихъ связяхъ съ обществомъ, какъ исключительное погруженіе въ самого себя, при чисто-мечтательномъ, праздномъ сочувствіи общественнымъ интересамъ“ (стр. 21). Ахъ, г. Миллеръ, г. Миллеръ! Все это Добролюбовъ говорилъ не объ *Обломовѣ Гончарова*, а только по поводу его; у самого-же Гончарова вы не найдете и слѣда такихъ широкихъ взглядовъ и онъ, можетъ быть, готовъ такъ-же отречься отъ поясненій Добролюбова, какъ Гоголь отрекся отъ поясненій Бѣлинскаго. Гончаровъ — непосредственный художникъ; онъ, подобно Фету, можетъ сказать о себѣ:

Не знаю самъ, что буду
Пѣть, но только пѣсня зрѣть.

И онъ только до тѣхъ поръ и не сбивается съ пути, пока руководится исключительно своимъ художническимъ чутьемъ, не мудрствуя лукаво, и проваливается тотчасъ, какъ только начнетъ мудрствовать. Въ „Обломовѣ“ онъ вполне выяснилъ свой идеалъ въ личности Штольца. Гоголь тоже пытался вывести идеального дѣятеля Костанжоголо, не замѣтивъ, что въ сущности

Костанжогло тотъ-же Чичиковъ; Гончаровъ сдѣлалъ то-же самое, и его Штольцъ—родной братъ и Костанжогло, и Чичикова. Отъ Чичикова онъ отличается въ сущности одною только благовоспитанностью, тѣмъ, что его научили понимать музыку, наслаждаться стихами Шиллера, размышлять о важныхъ матеріяхъ и т. д. Штольцъ тратитъ „по бюджету каждый день, какъ каждый рубль“, „въ организмъ у него нѣтъ ничего лишняго“, онъ „ищетъ равновѣсія практическихъ сторонъ съ тонкими потребностями духа“, но все эти „потребности духа“ удовлетворяются утонченнымъ комфортомъ, о которомъ, правда, даже и не мечталъ Чичиковъ, но не мечталъ потому только, что воспитаніе привило къ нему болѣе грубые вкусы. Тѣ-же чичиковскіе идеалы, хотя и не съ такою опредѣленностью, какъ въ романахъ Гончарова, обнаруживаются у Писемскаго, у этого Юны-Циника русской литературы. Какъ фотографистъ грязи и пошлости нашей жизни, Писемскій прямой продолжатель Гоголя и соперникъ Гончарова. И онъ рисуетъ намъ не однихъ только такихъ господъ, какъ „Тюфякъ“ или Юна-Циникъ,—онъ во многихъ случаяхъ затрогиваетъ новую, неизвѣстную Гоголю струну—печальное положеніе женщины, какъ жертвы эгоистическихъ расчетовъ или такихъ возмутительныхъ страстей, какія дѣйствуютъ въ „Батькѣ“. Но вотъ дѣло доходитъ до вопроса, кому симпатизируетъ авторъ? Кому?—все тому-же Павлу Ивановичу, только переименовавшему свою фамилію Чичиковъ на новую—Калиновичъ. Чичиковъ ищетъ „мертвыхъ душъ“, Калиновича прельщаетъ „тысяча душъ“, только не мертвыхъ, а живыхъ, въ придачу къ которымъ онъ беретъ себѣ жену, бросивъ и погубивъ любимую невѣсту. Писемскій захотѣлъ идеализировать этого пошляка такъ-же, какъ это сдѣлалъ Гончаровъ съ своимъ Штольцемъ, но циническое отношеніе къ жизни не дозволило автору выполнить своей задачи. Онъ не сумѣлъ замаскировать пошлости и подлости Калиновича и, оставивъ его чистымъ пошлякомъ, постарался очистить его въ глазахъ читателей, возбудить къ нему сожалѣніе и симпатію. Калиновичъ сознаетъ черноту своихъ поступковъ, его мучитъ откуда-то взявшаяся совѣсть, хотя въ то-же самое время, по свидѣтельству автора, онъ „блаженствуетъ“, наслаждаясь любовью обманутой имъ Настеньки и т. д.

Такимъ образомъ, Гончаровъ и Писемскій не ушли дальше

гоголевскихъ Костанжогло и добродѣтельнаго откупщика Муразова, а между тѣмъ они дожили до возникновенія въ обществѣ такихъ типовъ, которые невольно привлекали на себя ихъ вниманіе и оцѣнить которые они могли еще менѣе, чѣмъ Штольца и Калиновича. Въ этомъ отношеніи оба они поступили такъ-же, какъ и несчастный глава школы, который, не появивъ Бѣлинскаго, хотѣлъ вывести его во второмъ томѣ „Мертвыхъ душъ“ подъ видомъ недоучившагося, зловреднаго студента. Г. Миллеръ признаетъ Марка Волохова въ гончаровскомъ „Обрывѣ“ дѣйствительнымъ типомъ, а не уродомъ. Писемскій сдѣлалъ то-же, но въ большихъ размѣрахъ: Гончаровъ изобразилъ одного урода, Писемскій — цѣлыя десятки ихъ, одинъ другого смѣшнѣе и отвратительнѣе. Г. Миллеръ, по свойственному ему прекрасному духу, думаетъ, что за свое „Взбаломученное море“ „Писемскій далеко не въ той мѣрѣ заслуживаетъ упрека, какъ другіе писатели, бравшіеся за ту-же тему: онъ показалъ себя болѣе безпристрастнымъ, чѣмъ многіе изъ нихъ“. Безпристрастіе это, видите-ли, заключается въ томъ, что Писемскій не даетъ въ сущности никому спуска и огуломъ валаетъ всѣхъ, не разбирая ни нашихъ, ни вашихъ (с. 83). Это, дѣйствительно, такъ, и до такого огульнаго валающагося доходятъ очень многіе писатели гоголевскаго періода. Дѣятельность почти каждаго изъ этихъ писателей распадается на три отдѣла или періода: 1) художническое воспроизведеніе типовъ (Адуевъ, Обломовъ, Тюфякъ, Рудинъ и т. д.); 2) неудачная оцѣнка вновь возникающихъ типовъ (Волоховъ, Баклановъ, герои „Бѣсовъ“ Достоевскаго, Базаровъ и т. д.); 3) общій скептицизмъ („Взбаломученное море“, „Дымъ“, „Война и миръ“ и т. д.). Вѣроятно, черезъ этотъ третій моментъ перейдутъ, если только продолжится ихъ литературная дѣятельность, и Гончаровъ, и Достоевскій, и всѣ писатели гоголевской школы. Такой ходъ развитія намъ кажется вполнѣ естественнымъ и логичнымъ, т. е. прямо вытекающимъ изъ данныхъ условій. Упомянутые писатели воспитаны на идеалахъ сороковыхъ годовъ; другіе типы непонятны или мало понятны имъ. Гдѣ-же ихъ идеалы? На это вамъ не отвѣтятъ опредѣленно ни одинъ изъ писателей гоголевскаго періода. Возьмите самага, повидному, опредѣлявшагося изъ нихъ, Некрасова, и вы удивитесь колебанію его симпатій изъ стороны въ сторону, — колебанію, которое переходитъ въ такой хаосъ понятій и чувствъ, въ такую двуличность, которую слишкомъ

деликатно было-бы назвать скептицизмомъ. Ясное всего это выражено въ томъ небольшомъ стихотвореніи, которое начинается высказываньемъ полнаго недовольства столичною интеллигенціей, „литературой съ трескучими фразами“ и т. д. Затѣмъ —

„Я простился съ столицами,
 Мирно живу средь полей;
 Но и крестьяне съ улыelmi лицами
 Не услаждаютъ очей.

.....
 Что-же ты любишь, дитя маловѣрное,
 Гдѣ-же твой идолъ стоитъ?“

Далѣе мы еще встрѣтимся не разъ съ этими колебаніями симпатій, съ этою неопредѣленностью идеаловъ, а теперь перейдемъ къ писателю, который избралъ своею спеціальностью воспроизведеніе вновь возникавшихъ типовъ русской интеллигенціи. Каждый романъ Тургенева былъ превосходнымъ воспроизведеніемъ той или другой стороны русской жизни, по сути его литературной дѣятельности заключается въ типахъ передовыхъ людей. Что-же такое всѣ эти герои, всѣ эти Рудины? Они уже не Штольцы, не Обломовы, повидимому, но только *повидимому*. Въ сущности-же въ нихъ много и штольцевскаго, и обломовскаго, и превосходнымъ поясненіемъ этихъ типовъ служатъ многія стихотворенія Некрасова. Его Агаринъ — тотъ-же Рудинъ; что-же дѣлаетъ этотъ герой?

«Книжки читаетъ да по свѣту рыщетъ,
 Дѣла себѣ исполнскаго ищетъ,
 Благо, наслѣдье богатыхъ отцовъ
 Освободило отъ малыхъ трудовъ,
 Благо, идти по дорогѣ избитой
 Лѣнь помѣшала да разумъ развитый...
 „Нѣтъ, я души не растрочу моею
 На муравьиной работѣ людей:
 Или подъ бременемъ собственной силы
 Сдѣлаюсь жертвою ранней могилы,
 Или по свѣту звѣздой пролечу!
 Миръ, говорить, осчастливить хочу!“

Масса этихъ господъ появилась потомъ въ „Господахъ ташкентцахъ“ Щедрина вмѣстѣ съ Штольцами, Калиновичами, Райскими и другими возвышенными натурами, которыми такъ увлекались лучшіе писатели гоголевскаго періода. Лучшіе изъ людей

этого разряда могутъ быть превосходно характеризованы стихотвореніями Некрасова. Г. Миллеръ указываетъ въ нихъ многія фальшивыя ноты, много дѣланнаго, заказнаго. Дѣйствительно, у Некрасова есть много „перецѣвовъ“ съ чужого голоса. Мы уже не говоримъ объ его Агаринѣ, объ его передоженіи въ стихи извѣстнаго мѣста Гоголя о поэтѣ-сатирикѣ, объ его передѣлкахъ изъ иностранныхъ поэтовъ („Свадьба“, „Плачь дѣтей“ и т. д.), но и во многихъ изъ его оригинальныхъ стихотвореній слышится что-то случайно навѣянное, написанное на заданную тему, нѣсколько напоминающее Агарина и героевъ Тургенева. У Некрасова есть ясныя идеалы, какъ, напр., въ его превосходныхъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ памяти Добролюбова; но это только порывы, это, такъ-сказать, интимная бесѣда поэта съ самимъ собой, вовсе не похожая на ту искусственную бесѣду, которую онъ ведетъ въ стихотвореніяхъ, о которыхъ мы говоримъ. Въ этихъ холодныхъ и торжественныхъ виршахъ нѣтъ уже ни той искренности, ни того симпатичнаго чувства, которыя такъ хорошо дѣйствуютъ на читателя въ такомъ, напр., стихотвореніи, какъ „Рыцарь на часъ“. Валежниковъ— вотъ настоящій герой Некрасова, вотъ настоящій ключъ къ его стихотвореніямъ. Окончаніе этого превосходнаго стихотворенія вполне характеризивно:

«Покорись, о, ничтожное племя,
Неизбѣжной и горькой судьбѣ!
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно,
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано!»

Въ послѣднихъ поэмахъ своихъ Некрасовъ ищетъ героевъ въ прошломъ („Дѣдушка“, „Русскія женщины“), подобно Тургеневу, который въ „Пуниѣ и Бабуриѣ“ касается тоже типовъ прошедшаго. Новые типы не далися Тургеневу, и онъ самъ признается въ этомъ, такъ-какъ печатно отрекся отъ тѣхъ выводовъ, какіе были сдѣланы изъ „Отцовъ и дѣтей“. Его объясненіе по поводу Базарова имѣетъ какъ-будто тонъ раскаянія и въ паралель къ нему вполне идетъ извѣстное стихотвореніе Некрасова, въ которомъ онъ говоритъ, между прочимъ:

Бывало,
Когда грозилъ неумолимый рокъ,

У лиры звукъ невѣрный исторгала
 Моя рука.. Давно я одинокъ..
 Тѣ жребіемъ постигнуты жестокииъ,
 А тѣ прешли уже земной предѣль..
 За то, что я остался одинокииъ,
 Что я, друзей теряя съ каждыиъ годоиъ,
 Встрѣчалъ враговъ все больше на пути,
 За каплю крови, общую съ народоиъ,
 Прости меня, о, родина, прости!»

Тургеневъ и Некрасовъ давно уже перестали затрогивать новыя мотивы и типы; все, что ни пишутъ они въ послѣднее время, все это перепѣвы и пересказы уже спѣтаго и сказаннаго, новыя варьянці на старую тему. Ихъ роль, повидимому, кончена, и они вполне счастливы, что прошли свой литературный путь безъ такихъ паденій, какъ поэтъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, имѣющій много общаго съ Некрасовымъ. Когда появились „Бѣдные люди“ Достоевскаго, восторженный Бѣлинскій восклицалъ: „честь и слава молодому поэту, муза котораго любить людей на чердакахъ и подвалахъ и говорить о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: вѣдь это тоже люди, ваши братья!.. Онъ показалъ намъ, какъ много прекраснаго, благороднаго и святаго лежитъ въ самой органической человѣческой натурѣ“. На эту тему написаны всѣ произведенія Достоевскаго и эту-же тему разработывалъ Некрасовъ. Г. Миллеръ справедливо замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, посвященныхъ „униженнымъ и оскорбленнымъ“, много натянутаго, какъ, напр., въ сатирахъ „О погодѣ“, но за то судьба нѣкоторыхъ несчастныхъ у него разобрана гораздо лучше, чѣмъ у Достоевскаго, — напр., въ „Бду-ли ночью“, „Тройка“, „Убогая и нарядная“, „Гадающей невѣстѣ“ и т. д. Достоевскій имѣлъ случай изучить и прочувствовать жизнь самихъ несчастныхъ членовъ общества—преступниковъ, и въ его „Запискахъ изъ мертваго дома“ этотъ міръ впервые явился въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. До Достоевскаго масса общества и писателей судила о преступникахъ какъ объ олицетвореніи одного зла, руководясь извѣстными стихами Пушкина:

«Опасность, кровь, развратъ, обманъ

Суть узы страшнаго семейства» и т. д.

Достоевскій первый показалъ въ преступникахъ людей, но людей несчастныхъ. За ту-же тему брался и Некрасовъ, не видя,

не зная, не понимая этихъ людей, и его „Несчастные“ фальшивы отъ начала и до конца. Вотъ, напр., какую штуку рассказываютъ они:

Межъ нами былъ одинъ: его
 Не полюбили мы сначала—
 Не говорилъ онъ ничего,
 Работалъ медленно и мало.
 Кряхтя, копается весь день,
 Какъ кротъ,—мы такъ его и звали,—
 А толку вѣтъ: не то, чтобъ лѣнь,
 Да силы скоро измѣняли...

.....
 Его дежурный погонялъ,
 И было намъ сначала любо
 Смотрѣть, какъ губы онъ кусалъ,
 Когда съ нимъ обходились грубо...

.....
 Бывало, подойдемъ гурьбой,
 Повалимъ, будто пенарокомъ,
 Кричимъ: «не хочешь-ли дохой?»
 Онъ только поглядитъ съ упрекомъ
 И покачаетъ головой.
 Не петь, не балагурить съ нами.
 Но скоро часъ его насталь...

Люди знающіе свидѣтельствуютъ, что къ личностямъ, подобнымъ Кроту, несчастные относятся съ такимъ-же состраданіемъ, какъ и вообще простонародье, о чемъ говорится даже и у Некрасова въ „Русскихъ женщинахъ“. Но это еще ничего; дальше рисуется картина еще болѣе искусственная, натянутая и фальшивая. Вотъ что рассказываютъ „несчастные“ о томъ, какъ насталь часъ Крота:

‘Быль вечеръ; скрежеща зубами,
 Одинъ изъ нашихъ умиралъ—
 Куда дѣваться въ подземельи?
 Кричимъ: «скорѣй! мѣшаешь спать!»
 И стали въ бѣшеномъ весельи
 Его мы хорожъ отпѣвать:
 „Уми! намъ всѣмъ одна дорога,
 Другой не будетъ изъ тюрьмы!“
 Вдругъ кто-то крикнулъ: „вѣтъ въ васъ Бога!“—
 И пѣсни не допѣли мы.

Некрасовъ во время оно передѣлывалъ для сцены мелодрамы, напр. „Материнское благословеніе“, и склонность къ мелодраматическому до сихъ поръ сильно проглядываетъ у него. Чтобы судить, сколько фальши въ приведенномъ разсказѣ, достаточно вспомнить соответственное мѣсто изъ „Записокъ“ Достоевскаго: „Ярко припоминается мнѣ одинъ умирающій, чахоточный... умеръ онъ не въ памяти, и тяжело, долго отходилъ, нѣсколько часовъ сряду... Его хотѣли какъ-нибудь облегчить, видѣли, что ему очень тяжело... За полчаса до смерти его всѣ у насъ какъ-будто притихли, стали разговаривать чуть не шопотомъ. Кто ходилъ—ступалъ какъ-то неслышно. Разговаривали между собой мало о вещахъ постороннихъ, изрѣдка только взглядывали на умирающаго, который хрипѣлъ все болѣе и болѣе“.

Некрасовъ дальше разсказываетъ, что Кротъ сдѣлалъ всѣхъ арестантовъ образцами добродѣтели, что они, даже работая въ рудникахъ, сознавали какую-то высшую государственную пользу отъ ихъ труда и даже пѣли пѣсни на эту тему. Поэма оканчивается вполнѣ фальшивой картинкой сибирской природы, — картинкой, передѣланной изъ лермонтовскаго „Демона“.

Съ вопросомъ о несчастныхъ, объ униженныхъ и оскорбленныхъ литература гоголевскаго періода подняла и вопросъ объ оскорбителяхъ, о самодурахъ. Островскій былъ непосредственнымъ продолжателемъ гоголевской сатиры. Въ лучшемъ публицистическомъ произведеніи русской литературы, въ своемъ „Темномъ царствѣ“, Добролюбовъ сдѣлалъ самыя широкія и блестящія обобщенія на основаніи типовъ Островскаго, но наши поэты и белетристы мало касались другихъ сторонъ самодурства, кромѣ изображенныхъ Островскимъ. Только Помяловскій въ своихъ „Очеркахъ бурсы“, Афонасьевъ-Чужбинскій въ „Очеркахъ прошлаго“ и другіе мелкіе писатели изображали разныя стороны несчастій, создаваемыхъ тѣмъ или другимъ самодурствомъ. Что же касается широкой картины, набросанной Добролюбовымъ, то о ней, конечно, не думалъ и самъ Островскій, этотъ литературный самородокъ, талантъ некультивированный и непосредственный, который присвоиваютъ себѣ и западники, и славянофилы. Добролюбовъ отвергалъ славянофильскія тенденціи Островскаго, но изъ писемъ Ап. Григорьева очевидно, что въ первую эпоху своей дѣятельности Островскій держался однихъ съ нимъ мнѣній, но талантъ спасъ

Островскаго отъ крайностей школы и чутье художественной правды довело его до того, что изъ его произведеній Добролюбовъ совершенно логически сдѣлалъ выводы, радикально противоположные выводамъ Григорьева, который судилъ о произведеніяхъ Островскаго на основаніи его личныхъ мнѣній. Въ Островскомъ русская сатира не достигла еще полного самосознанія и его комедіи созданы такъ-же непосредственно, какъ и произведенія Гоголя. У Некрасова сатира пошла дальше и сдѣлалась опредѣленнѣе по одному уже тому, что, выражаясь главнымъ образомъ въ лирической формѣ, она по необходимости должна выражать и личныя симпатіи и антипатіи автора. Но неопредѣленность идеала, о которой мы уже говорили, значительно ослабляетъ силу этой сатиры, а мораль во вкусѣ прошлаго вѣка въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлаетъ ее натянутой. Возьмите хоть „Парадный подъездъ“; большая часть этой пьесы, и особенно окончаніе ея, на первый взглядъ звучны и сильны:

Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись!.. Есть еще наслажденіе —
Ворота ихъ, въ тебѣ ихъ спасеніе!
Но счастливые глухи къ добру...

Если *глухи*, къ чему-же проповѣдь, къ чему мораль, къ чему эти словесные громы, такъ сильно напоминающіе „Вельможу“ Державина? Наконецъ, въ лицѣ Салтыкова русская сатира попробовала отмежевать себѣ болѣе широкое поле дѣятельности, но какой-же смыслъ этого огульнаго порицанія? Гдѣ руководящая идея его? Гдѣ то сознательное негодованіе, которое въ мыслящемъ сатирикѣ такъ чутко сортируетъ и отдѣляетъ пошлое отъ прекраснаго, свѣтлое отъ темнаго? Въ сомнѣніяхъ Салтыкова много отступленій, въ которыхъ онъ разсуждаетъ объ описываемыхъ имъ фактахъ, но едва-ли кто можетъ уловить идею, развиваемую въ этихъ размышленіяхъ, — такъ въ нихъ все темно и замаскировано условными формами выраженія. Сатира Салтыкова производитъ сильное впечатлѣніе, но что скрывается за ней положительнаго — остается неизвѣстно, и къ нему вполне приложимъ тотъ-же самый вопросъ, который относится Некрасовымъ къ самому себѣ —

Что-же ты любишь, дитя маловѣрное,
Гдѣ-же твой идолъ стоитъ?..

До сихъ поръ мы говорили почти исключительно о литературѣ, занимающейся героями, начиная съ какого-нибудь Штольца или Рудина и кончая Базаровымъ и Угрюмъ-Бургеевымъ. Главная заслуга гоголевскаго періода и заключается именно въ разработкѣ *героическихъ* типовъ. Гоголевскую школу уворали прежде въ банальности, въ грязности сюжетовъ, въ томъ, что она беретъ свои сюжеты изъ той толпы, въ которой нѣтъ ничего возвышеннаго и благороднаго; всѣ эти упреки были основаны на томъ только, что натуральная школа начала заниматься не одними военными громовержцами, мудрыми законодателями и т. д., но всеми героями дѣйствительной жизни. Еще Милуковъ остроумно сближалъ „Мертвыя души“ съ поэмами Гомера, а Чичикова съ Одиссеемъ; и подобное-же сходство съ героями греческой эпопеи можно найти во всѣхъ этихъ Титъ Титычахъ Брусковыхъ, Бургеевыхъ, Фердыщенкохъ и т. д. Но герои даже на театральныхъ подмосткахъ не бываютъ безъ *народа*, и гоголевская школа неизбѣжно должна была коснуться послѣдняго. Мы уже говорили выше о поэтахъ людей „униженныхъ и оскорбленныхъ“, но эти униженные и оскорбленные взяты преимущественно изъ среднихъ классовъ, изъ купечества, чиновничества и т. д. Гоголевская школа не могла остановиться на этомъ, и въ произведеніяхъ Григоровича и „Охотничьихъ разсказахъ“ Тургенева она начала уяснять, что и мужикъ — человѣкъ, — „шкура овечья, да душа человѣчья“. „Мертвый домъ“ Достоевскаго написанъ въ сущности на ту-же тему, какъ и значительная часть произведеній Некрасова, въ томъ числѣ и лучшая изъ его поэмъ, „Морозъ красный носъ“. Некрасовъ коснулся народнаго быта гораздо глубже, чѣмъ Григоровичъ и Тургеневъ. Вспомните его стихотворенія, посвященныя вѣрнопостному праву: „Въ дорогѣ“, „Забытая деревня“, „Записки Гаранскаго“ и т. д., его „Арипу—мать солдатскую“, „Тройку“, „Несжатую полосу“, „Желѣзную дорогу“. Въ нихъ встрѣчаются фальшивыя, мелодраматическія ноты, какъ въ „Огородникѣ“, въ „Желѣзной дорогѣ“ хоръ мертвецовъ, въ „Кому жить хорошо“ типъ добродѣтельной губернаторши, типъ добродѣтельнаго, идеальнаго старосты Ермила и т. д.; но большею частію эти стихотворенія вполне прочувство-

ваны и производят цѣльное впечатлѣніе. Но какъ-же Некрасовъ относится къ народной жизни? Въ „Медвѣжьей охотѣ“ онъ ясно высказываетъ, что ничего нѣтъ общаго между ними и тѣми, которые разсуждаютъ о русскомъ народѣ такъ:

Кн. Воехотскій.

Теперь, баронъ, вы видѣли природу,
Вы видѣли народъ нашъ?

Баронъ.

И не могъ
Не заключить, что этому народу
Пути къ развитію заградилъ самъ Богъ.

Кн. Воехотскій.

Да, да, непобѣдимыя условья!
Но, къ счастью, народъ не выше ихъ:
Невѣжество, безчувственность воловьѣ
Понятны при условьяхъ такихъ...
Его удѣлъ—безграмотство, безпутство,
Убожество и чувство, и умъ,
Его узды—налоги, трудъ, рекрутство,
Его утѣха — водка съ дурманомъ.

Баронъ.

So, so...

Онъ рисуетъ свѣтлый типъ крестьянина („Морозъ“), онъ ищетъ успокоенія душевныхъ тревогъ среди сельской обстановки родины („Тишина“), но все это только минутныя порывы. Въ другое время онъ доходитъ до положительнаго сомнѣнія въ томъ, есть ли будущность у Россіи или же русскій народъ —

Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно на-вѣки почилъ?

Онъ иногда разсуждаетъ въ сущности такъ-же, какъ и его кн. Воехотскій. Онъ говоритъ:

Здѣсь поколѣнія людей
Живутъ безсмысленнѣй звѣрей
И мрутъ безъ всякаго слѣда
И безъ урока для дѣтей.

Такимъ образомъ мы видимъ у писателей гоголевскаго періода тѣ-же колебанія, ту-же неопредѣленность идеаловъ, какъ въ ихъ отно-

пеніяхъ къ героямъ, представляющимъ собою интеллигенцію страны. Попытокъ провести совершенно цѣльный, законченный взглядъ уже сдѣлано нѣсколько, но всѣ онѣ свидѣтельствуютъ только о добрыхъ намѣреніяхъ авторовъ, а не объ ихъ талантѣ, не объ ихъ способности проникать въ сущность народнаго характера. Въ сущности, всѣ эти опыты писаны на заданную тѣму, и потому авторы ихъ точно такъ-же колеблются въ своихъ взглядахъ, какъ и Некрасовъ и всѣ другіе писатели первой половины гоголевскаго періода. Самый характеръ подобныхъ колебаній представляетъ собою небольшая статейка Глѣба Успенскаго, его замѣтки о заграничной жизни. Автора поразило одно — коренное различіе между русскимъ народнымъ характеромъ и характеромъ западныхъ европейцевъ. Русскій солдатъ, рассказывая о своихъ походахъ, о томъ, какъ онъ истреблялъ враговъ, выражаетъ полное свое уваженіе къ хорошимъ свойствамъ этихъ враговъ, онъ даже жалѣетъ и любитъ этихъ *несчастныхъ*, сдѣлавшихся несчастными отъ его руки. Какой-нибудь нѣмецкій солдатъ не таковъ: онъ весь проникнутъ своимъ долгомъ, его сердце не разнѣжится при видѣ бѣдствій врага. Русскій человекъ смотритъ на преступника, какъ на *несчастнаго*, и это чувство проявляется не въ одномъ простонародьѣ; г. Успенскій указываетъ на русскаго прокурора, который, приговоривъ арестанта къ каторгѣ, тутъ-же изъ состраданія подаетъ ему нѣсколько рублей. Французскій-же прокуроръ обвиняетъ не *ex officio*, онъ ненавидитъ преступника, онъ преслѣдуетъ его, какъ врага. Кто-же лучше? Успенскій не даетъ на этотъ вопросъ прямого отвѣта и съ замѣтною нерѣшимостью склоняется на сторону западной цѣлостности. И вся современная литература находится въ такомъ-же точно положеніи, которое можно охарактеризовать щедринскимъ терминомъ „конфуза“. Школа Гоголя сдѣлала свое дѣло, но она вѣдь была только переходною ступенью къ тому положенію, въ какое, наконецъ, должна стать русская литература, если только ей не суждено зачахнуть отъ внутреннего истощенія. Посмотрите на исторію англійской литературы, посмотрите, какъ, вслѣдствіе искусственнаго отдаленія отъ народной жизни, она періодически впадала въ пустое, надутое фразерство, но, освѣжаясь новыми живительными силами, постепенно дѣлалась все болѣе и болѣе народною, пока, наконецъ, не дошла до современнаго состоянія, въ которомъ ей уже нечего стра-

питься внутренняго истощенія. Мы высказываемъ старую - престарую мысль, но наша литература въ послѣднее время такъ мало дорожить этой мыслью, что повтореніе ея далеко не лишне. Пятнадцать лѣтъ назадъ Добролюбовъ писалъ: „Неужели-же такъ и суждено нашей литературѣ навсегда остаться въ узенькой сферѣ пошленькаго общества, волнуемаго карточными страстишками? Неужели только эта грошовая „образованность“, дѣлающая изъ чловѣка ученаго попугая и подставляющая ему, вмѣсто живыхъ требованій природы, рутинныя сентенціи, — неужели она только всегда будетъ красоваться передъ нами въ лучшихъ произведеніяхъ нашей литературы, занимать собою нашихъ талантливыхъ публицистовъ, критиковъ, поэтовъ? Не пора-ли ужъ намъ отъ этихъ топкихъ и чахлахъ выводовъ неудавшейся цивилизаціи обратиться къ свѣжимъ, здоровымъ росткамъ народной жизни?“ Всестороннее изученіе народной жизни должно сдѣлаться главною заботою литературы, но это изученіе можетъ только проложить путь къ ея возрожденію, но не возродитъ ее. Русская литература ждетъ своихъ Борнсовъ, ждетъ новыхъ Кольцовыхъ, новыхъ Ломоносовыхъ, и они-то возродятъ ее, они-то сдѣлаютъ ее всестороннею и народною. До тѣхъ-поръ она будетъ пережевывать старое, истощаться въ бесплодныхъ усиліяхъ сказать что-нибудь новое и предаваться взаимнымъ заушеніямъ по поводу мелкихъ, очень мелкихъ личныхъ столбновеній и пошлыхъ закулисныхъ дразгъ.

С. Ставрикъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

- Русское общество въ настоящемъ и будущемъ. (Чѣмъ намъ быть?)**
Ростислава Фадѣева. Изданіе газеты „Русскій Міръ“. Спб. 1874.
- Сущность настоящаго и случай къ будущему. Современныя замѣтки**
Вячеслава Прохорова. Воронежъ, 1874.
- Трудное время и чаяніе дней благихъ.** Петра Смышляева. Орель. 1874.
- Что дѣлать намъ вообще? Поручика Дзержановскаго.** Архангельскъ.
1874.
- Съ береговъ Ангары. Вопросы времени.** Иннокентія Болдонова и Рихарда-Августа-Карла Фербиндера. Изданіе газеты «Сибирь». Иркутскъ. 1874.
- Таперича надо булшой риформъ дѣлать! Мурзы Ахмета Ишанбаева.**
Казань. 1874.

Мы уже имѣли честь говорить о знаменитомъ нашемъ публицистѣ, г. Фадѣевѣ,—знаменитомъ не только у насъ, но и въ Европѣ... Послушайте, какъ отзываются о немъ европейскіе люди: «Г. Фадѣевъ, говоритъ Джонъ Стоу,—пріятнѣйшій и либеральнѣйшій русскій джентльменъ, какого только я встрѣчалъ; съ нимъ можно бесѣдовать нѣсколько сутокъ сряду, не только не чувствуя утомленія, но даже съ возрастающимъ интересомъ. Такой человекъ былъ-бы у насъ чѣмъ-нибудь въ родѣ канцлера казначейства, но въ холодной Москвин не дорожатъ талантами, и благородный джентльменъ, вмѣсто того, чтобы управлять государственными дѣлами, пишетъ по 1 пенсу за строчку передовыя статьи въ газетѣ „Русскій Міръ“ *). Другой иностранецъ, Лѣве фон-Лѣвенштейнъ, не совсѣмъ благоволяетъ къ г. Фадѣеву и не находитъ его пріятнѣйшимъ джентльменомъ, но это только потому, что завидуетъ нашему великому соотечественнику и даже побаивается его... «Фадѣевъ, представитель русской

*) Chapters on Russia, by John Stow. Birmingham. 1876.

національной партіи, го чить г. фон-Лёвенштейнъ,—вотъ уже нѣсколько лѣтъ развиваетъ и пропалагандируетъ свою програму реформъ, осуществленіе которой возведло-бы сосѣдную съ нами имперію на такую степень моральной силы и матеріальнаго могущества, что это немедленно отозвалось-бы самымъ плачевнымъ образомъ на интересахъ Австро-Венгрии *)). Нашъ соотечественникъ, жаркій поклонникъ г. Фадѣева, г. Завадскій-Ощепковъ, свидѣтельствуетъ о томъ-же уваженіи, какимъ пользуется знаменитый публицистъ у всѣхъ передовыхъ людей Франціи. „Эхъ, сказали Ощепкову однажды герцогъ Брольи,—дайте намъ только половину, даже четверть вашего Фадѣева, и мы въ 24 часа устроимъ съ нимъ Францію такъ, что либо“ **). Такіе отзывы иностранцевъ нисколько не удивляютъ насъ. Мы и сами иначе не думали о г. Ростиславѣ Фадѣевѣ: въ самомъ дѣлѣ, развѣ боевой его духъ, воспитанный на погибельномъ Кавказѣ и вымуштрованный по всѣмъ правиламъ военной команды, можетъ быть инымъ? И если г. Фадѣевъ плохо справляется съ русскимъ языкомъ и грамматикой, то развѣ это можетъ помѣшать ему справиться съ Франціей, да еще въ товариществѣ съ такимъ великимъ умомъ, какъ Брольи?.. Одно насъ нѣсколько смущаетъ въ г. Фадѣевѣ, а именно—его крайне недельное мнѣніе о насъ, русскихъ, которые такъ гордимся своимъ великимъ соотечественникомъ. Онъ говоритъ, что у насъ не найдется никакого большинства, которое «несомнѣннымъ большинствомъ голосовъ» могло-бы рѣшить хоть одну изъ существенныхъ задачъ, предлагаемыхъ настоящему поколѣнію общественной жизнью» (с. 1); что «въ русской головѣ средней силы настоящая каша» (с. 14); что всѣ наши мысли «улетучились-бы, если-бы ихъ можно было выпаривать въ котлѣ» (с. 24); что мы «остаемся покуда въ видѣ тысячелѣтняго студня» (с. 169); что «у насъ не наберется и четырехъ человекъ для выраженія одного и того-же мнѣнія» (с. 210) и т. д. и т. д. Такъ думаетъ г. Фадѣевъ о своемъ любезномъ отечествѣ, и думаетъ совершенно ошибочно, потому что, если-бы мы собрали вкупѣ всѣхъ фадѣевцевъ со всѣхъ угловъ обширной Россіи, то легко убѣдились-бы, что всѣ они думаютъ какъ одинъ человекъ, что такого стройнаго унисона мнѣній не представляетъ ни одна военная команда. Что-же касается того, какъ думаетъ самъ о себѣ г. Фадѣевъ, то онъ считаетъ себя ни болѣе, ни менѣе, какъ изобрѣтателемъ и открывателемъ въ родѣ Ньютона и Колумба, заявляя съ развязностью военнаго человѣка, что его програма—созданіе вполне оригинальное; „что такого разговора еще никогда и нидѣ не бывало, что его приходится вести въ первый разъ, какъ стоитъ свѣтъ“ (с. 203). Далѣе нашъ кавказскій Колумбъ, какъ видно изъ его книги, во многомъ согла-

*) Fadeef und Reformen in Russland, v. Löwe von Löwenstein. Wien. 1875.

***) Meditations russes. Par Savadsky-Ochtchepkof. Paris. 1875.

шается съ славянофилами, съ публицистами «Московских Вѣдомостей» и «Вѣстника Европы» (с. 225); онъ считаетъ извѣстную книгу г. Стронина замѣчательнымъ произведеніемъ, хотя и не называетъ ее прямо (с. 8); на немъ ясно отразилось вліяніе стронинскихъ аналогій и даже фразеологіи его. Изъ всѣхъ этихъ элементовъ и ходячихъ въ обществѣ идей родилась его теорія, и если г. Фадѣевъ имѣетъ право на великое имя, то это имя будетъ не создателя, а *собираателя* русской земли. Читатели увидятъ ниже, почему онъ *собираетелъ*. Наконецъ, не можемъ не замѣтить на этомъ солнцѣ еще одного пятнышка (но какое-же солнце безъ пятенъ?), а именно: нашъ знаменитый публицистъ обнаруживаетъ нѣкоторую скудость и сбивчивость своихъ политическихъ знаній. Онъ, напр., воображаетъ, что въ Америкѣ царятъ такая тишина и порядокъ, что «уличная толпа не смѣетъ шевельнуться» (с. 43). И это говорится въ то время, когда въ газетахъ то-и-дѣло появляются телеграммы изъ Сосдиненныхъ Штатовъ, извѣщающія о городскихъ безпорядкахъ между бѣлыми и черными, и т. д. Но это еще ничего: г. Фадѣевъ не знаетъ даже того, что сѣверная Америка демократическая республика! Онъ утверждаетъ, что люди изъ народа «не врываются въ Америкѣ въ государственное управленіе, и рабочій Альбертъ, попавшій прямо изъ кузницы въ верховное правительство Франціи, также, какъ всѣ Ферре и Груссе, составляютъ за океаномъ явленіе немислимое» (с. 43)!!! Онъ не знаетъ даже, что дровосѣкъ Линкольнъ былъ освободителемъ негровъ, что его преемникомъ въ Бѣломъ Домѣ былъ портной Джонсонъ, и т. д. Г. Фадѣевъ далѣе говоритъ, что кромѣ Россіи нигдѣ не было дворянства, основаннаго не на завоеваніи, и принимаетъ за чистую монету шутку Сеньковского, что польская шляхта происходитъ отъ аваровъ или лезгинъ (с. 76). Онъ не знаетъ, что множество нашихъ дворянскихъ родовъ иностраннаго происхожденія, — литовскаго, нѣмецкаго, татарскаго, кавказскаго (с. 77). Онъ утверждаетъ, что недавно отбѣенная покупка чиновъ въ англійской арміи дѣйствовала на армію вполне благотѣльно (с. 133), что въ Китаѣ нѣтъ никакихъ крайнихъ партій (с. 185), что всѣ народы, кромѣ русскаго, „развивали свои общественныя формы болѣею частію безсознательно“ (с. 203) и т. д., и т. д.

Однакожь, всѣ эти мелкіе и ребяческіе промахи со стороны слишкомъ извѣстнаго публициста не вредятъ значенію книги, тѣмъ болѣе интересной, что по ней мы можемъ вполне выяснитъ тотъ психическій процессъ, какимъ дошелъ г. Ростиславъ Фадѣевъ до своего плана преобразованій, до мысли, что „таперича надо большой реформѣ дѣлать“, какъ выражается мурза Ахмедъ Ишанбаевъ, не менѣе знаменитый казанскій публицистъ, чѣмъ нашъ кавказскій публицистъ. Суть книги г. Фадѣева заключается въ VI-й главѣ, трактующей объ арміи вообще и о нашей военной реформѣ въ частности. Г. Ростиславъ Фадѣевъ, какъ извѣстно, былъ самымъ горячимъ противникомъ только-что совершившейся у насъ военной реформы и его недо-

вольство этой реформой выражается чуть не на каждой страницѣ его книги. 21-й годъ человѣческой жизни, напр., этотъ призывной возрастъ по новому уставу о воинской повинности, не выходитъ у него изъ головы и онъ преслѣдуетъ его съ такимъ-же ожесточеніемъ, съ какимъ, вѣроятно, преслѣдовалъ на Кавказѣ воинственныхъ горцевъ. Нападая на этотъ злосчастный 21 годъ, г. Фадѣевъ выражается объ этомъ не иначе, какъ какимъ-то военнымъ слогомъ. Онъ совершенно справедливо, по крайней мѣрѣ, относительно самого себя, замѣчаетъ, что «опытъ доказываетъ наглядно несовѣстимость въ одномъ человѣкѣ *двухъ душъ — строевой и письменной*» (с. 151). И дѣйствительно, въ каждой почти фразѣ г. Фадѣева выражается его «строевая душа». Напр., онъ вездѣ вмѣстѣ *общественный* пишетъ *сборный*: *сборное мнѣніе, сборный интересъ* и т. д., очевидно заимствуя этотъ терминъ отъ такъ-называемыхъ *сборныхъ пунктовъ* и *сборныхъ командъ* (с. 48 и др.). «Ни въ какомъ народѣ культурный слой не идетъ впередъ фронтомъ» (с. 181), и т. д. И кому, кромя «строевыхъ» умовъ, могутъ придти на мысль такія сравненія, какъ, напр., то, что «государство, подобно женщинѣ, терлетъ невинность однажды и навсегда» (с. 41)! Но важностью изложенія и фразами дѣло не ограничивается, и програма общественныхъ реформъ, предлагаемыхъ г. Фадѣевымъ, въ сущности есть ничто иное, какъ распространеніе его военной програмы. А въ чемъ заключаются стремленія «строевой души» г. Фадѣева—это мы сейчасъ увидимъ.

Солдатъ—машина, по мнѣнію г. Фадѣева; онъ и долженъ быть машиной, и можетъ быть только одной машиной. Въ массѣ арміи „нѣтъ достаточно внутреннихъ побужденій“ ходить въ огонь, ее надо вести; ведутъ-же ее офицеры, въ которыхъ „заключается *единственный источникъ нравственной силы войска*... Подчиненные имъ люди должны находиться въ нѣмомъ повиновеніи“ (с. 134—6); заботиться объ умственномъ развитіи солдата не стоитъ да и не слѣдуетъ, такъ-какъ онъ долженъ быть машиной. Управлять-же этой машиной «могутъ только люди, съизмала приученные къ извѣстной долѣ власти и къ господству надъ толпой», люди съ «закаломъ властности и личной чести», которая можетъ быть только у лицъ привилегированнаго наследственнаго класса (с. 135). Г. Фадѣевъ негодуетъ, что новая реформа имѣетъ своей цѣлью созданіе всеобщаго корпуса изъ образованныхъ лицъ всѣхъ сословій. Онъ видитъ въ этомъ даже ужасную опасность для отечества, смыслъ которой „можно выразить двумя словами: по Калишъ или по Днѣпръ?“ (с. 146). Въонъ оно куда пошло! Исправить зло можно только тѣмъ, чтобы прекратить людямъ низшихъ и среднихъ слоевъ доступъ въ офицеры и дѣлать офицерами исключительно дворянъ: мелкихъ—оберъ-офицерами, а крупныхъ—штабъ-офицерами и генералами. Учиться офицерамъ разнымъ наукамъ не слѣдуетъ; ихъ нужно учить только одной боевой наукѣ (с. 162, 165). Да и въ самомъ дѣлѣ, къ чему образованіе бое-

вому офицеру? Вѣдь на Кавказѣ «лучшіе оберъ-офицеры выходили изъ малообразованныхъ юнкеровъ» (с. 138). Такимъ образомъ, «опытъ» доказываетъ наглядно несомнѣстимость въ одномъ человѣкѣ двухъ душъ— строевой и письменной*.

Тотъ-же самый принципъ, какъ сейчасъ увидимъ, г. Ростиславъ Фадѣевъ проводитъ и въ своемъ планѣ общихъ реформъ. Онъ недоволенъ не одною только военною реформою, но вообще всѣми реформами, и не только русскими, но и европейскими, и не только современными, но даже тѣми, которыя были совершены въ XVIII вѣкѣ. Франція, по его мнѣнію, превратилась въ ничто еще въ XVIII в., потеряла свой „духъ“ и, подобно всей Европѣ, умираетъ медленною смертію (стр. 40—46). Наши послѣднія преобразованія вообще онъ считаетъ пересадкою чужихъ мнѣній на неподходящую русскую почву (стр. 13). Принципъ всеословности, который проникнутъ всѣ преобразованія, «избраніе земскихъ дѣятелей изъ батраковъ», напр., и т. д.,—все это превратило Россію въ безсознательный «студень» (стр. 13, 53, 75, 84, 171, 179, 209, 211 и др.). «Въ Европѣ она (безсознательность) еще никого не доводила до добра. Въ безжѣрной-же Россіи, лишенной всякой живой организаціи областной, управляемой за глазами отъ правительства, можно сказать, лишь официально, толпою кое-какъ набранныхъ чиновниковъ, въ большинствѣ совершенно равнодушныхъ къ общему дѣлу, безсознательность значить—хаосъ, отсутствіе всякой организаціи, то-есть обезпеченности, послѣдовательности и сознательности въ управленіи мѣстной жизнью. И если-бы еще хотъ кому-нибудь было отъ того лучше! Но, напротивъ, всѣмъ стало хуже: народу, поставленному подъ руководство плутоватыхъ писарей,—хуже; дворянству, лишенному своего прежняго значенія,—хуже; серьезно-образованнымъ людямъ другихъ сословій, которые правомѣрно, хотя лично, прикнули-бы къ дворянству и нашли-бы почву для обширной дѣятельности,—хуже, такъ-какъ они теперь стираются, вмѣсто того, чтобы выдвигаться; купечеству, неизмѣющему куда возможности занять подобающее его дѣйствительному значенію мѣсто въ общественномъ строѣ и прикннуть къ политическому слюю,—хуже; русской военной силѣ—гораздо хуже; всѣмъ мѣстнымъ населеніямъ, платящимъ вдвое дороже прежняго за мосты, по которымъ нельзя ѣздить, и четверо дороже за больницы, въ которыхъ никто не лечится,—также хуже; всего-же хуже для преусиѣнія Россіи, сначала какъ общества, а впослѣдствіи даже какъ государства,—бесизліе общественное не можетъ не отозваться современемъ на могуществомъ государственномъ. Хорошо только однимъ обще-либеральнымъ принципамъ, которые, къ сожалѣнію, какъ существа метафизическія, наслаждаясь одни, не могутъ даже чувствовать своего благополучія» (стр. 173).

Г. Ростиславъ Фадѣевъ въ этомъ отношеніи вполне сходится съ мнѣніями опытныхъ провинціальныхъ публицистовъ, голоса которыхъ мы слышимъ и съ родины Кольцова, и съ береговъ Ангары, и изъ татарской

Казани, и изъ гиперборейскаго Архангельска. «Вой, вой,—эти реформы!» пишетъ, напр., мурза Ишанбаевъ. «И все хуже, все хуже стало: кубылъ дороже, урюкъ дороже, Ахметка въ солдатъ беретъ, баба говоритъ: учиться надо, стряпкамъ бунтъ дѣлать, въ мордамъ дать не смѣй» (стр. 14). Не менѣе основательно разсуждаетъ и г. Вячеславъ Прохоровъ. «Что мы видимъ?» спрашиваетъ онъ читателя. «Видимъ баловство только съ одной стороны и разореніе съ другой. Рабочихъ рукъ нѣтъ, жать хлѣба некому, миліоны пудовъ пеньки сожигаютъ, ибо обработать энюю не кому; всѣ пьянствуютъ; объ обидахъ, какія терпимъ отъ прислуги, и говоритъ нечего; въ земскихъ собраніяхъ хоть носъ зажимай отъ запаха овчиннаго тулупа; исправники изъ семинаристовъ, помѣщики пали духомъ, купечество уныло, и всюду одно нестроеніе» (стр. 2). Тѣ-же мысли развиваетъ и г. Смышляевъ, который расходится съ г. Фадѣевымъ только въ томъ, что увѣряетъ, въ качествѣ земскаго дѣятеля, что «мосты исправны, больницы устроены вполне хорошо, дороги ремонтируются рачительно» (стр. 8). «Что-же касается прочаго, говоритъ г. Смышляевъ,—то оное, по неизмѣннѣ въ немъ склейки и живого объединяющаго духа, напоминаетъ собою пресловутое благосостояніе Франціи» (стр. 10). Г. Фадѣевъ указываетъ одно изъ главныхъ золъ въ пьянствѣ, которое развивается въ Россіи въ ужасающихъ размѣрахъ и которое поддерживается большинствомъ петербургской либеральной печати (стр. 23). Всѣ провинціальныя публицисты единогласно свидѣтельствуютъ о томъ-же, сообщая поразительныя извѣстія, что даже наша юная провинціальная пресса употребляетъ всѣ усилія для поддержанія этого порока, пожирающаго и здоровье, и матеріальное благосостояніе народа. Г. Держановскій, напр., разсказываетъ, какъ толпа прикащиковъ возвращалась въ Соломбалу съ загороднаго гулянья въ самомъ безобразномъ видѣ, — «кто безъ шапки, кто безъ брюкъ, кто безъ бороды; и кто-же шелъ во главѣ этихъ пьяныхъ дикарей? помощникъ коректора мѣстныхъ вѣдомостей, онъ-же авторъ передовой статьи, доказывавшей тягость нынѣшняго акциза!» Мурза Ишанбаевъ сообщаетъ съ рѣдкою откровенностью, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ читать «Казанскій Виржевой Листокъ», то «сичасъ-же пульштофъ пилъ, завтра бульшой штофъ да пару бутылки пива; каждый день штофъ да пива». Г. Прохоровъ даже поговариваетъ о томъ, чтобы возбудить судебное преслѣдованіе противъ издателя „Дона“, г. Веселовскаго, за явное возбужденіе народа къ пьянству. Гг. Болдоновъ и Фербиндеръ сообщаютъ, что В. Сибирь спилась съ кругу, что мужики пропиваютъ послѣднюю рубаху, бабы послѣднюю исподницу и даже грудные младенцы вмѣсто „мама, тити“, кричатъ: „мама, водки“. „И все это наводженіе началось съ той поры, какъ г. Фербиндеръ началъ издавать свою «Сибирь» (стр. 163). Г. Смышляевъ разсказываетъ, что прежде, когда онъ держалъ откупъ, народъ пилъ меньше, нынѣ-же, какъ явствуетъ по книгамъ его винныхъ складовъ и питейныхъ заведеній, му-

жизнь пьетъ вдвое больше «отъ распущенности и акциза». Г. Фадѣевъ объ акцизѣ не говоритъ; что-же касается распущенности, то онъ напираетъ на нее, какъ на самое главное зло современной русской жизни, объясняя всѣ наши неурядица „отсутствіемъ команды и руководства вѣтъ большихъ городовъ“ (с. 73); мало того, судебныя дѣла рѣшаются присяжными изъ крестьянъ, „*крадущихъ другъ у друга полушубки на скамьи суда*“ (с. 21). Дѣйствительно, ужасное положеніе, и не даромъ-же мурза Ишанбаевъ восклицаетъ: «воруй казански купецъ первой гильдии Ахмедъ Ишанбаевъ, и казански купецъ русска мужикъ въ Сибирь посылать» (с. 38). Г. Фадѣева особенно возмущаетъ дѣло г-жи Энкенъ, которое было рѣшено судомъ такъ, что будь это въ Европѣ, то такое рѣшеніе возбудило-бы общее негодованіе; вообразите, мировыя судьи рѣшили въ пользу слуги, а не въ пользу госпожи!!! «Институтъ дворовыхъ людей, говоритъ г. Прохоровъ,—несмотря на нѣкоторыя незначительныя неудобства, которыя легко было устранить содѣйствіемъ истинныхъ друзей человѣчества, къ сожалѣнію, не замѣненъ ничѣмъ. соотвѣствующимъ потребностямъ современнаго образованнаго человѣка» (с. 476). „Во всемъ образованномъ мірѣ, говоритъ поручикъ Дзержановскій,—судь никогда не поблажаетъ наемному слугѣ. Даже въ Америкѣ существуетъ до сихъ поръ и никѣмъ не оспаривается право хозяина лично распоряжаться съ прислугой по своему усмотрѣнію“ (с. 21). „Стряпкамъ въ мордамъ дать не смѣй, къ мировому тащить, мировой штрафъ беретъ,—какой тутъ толкъ будить!“ размышляетъ г. Ишанбаевъ (с. 50). «А откуда потачка?» говоритъ г. Прохоровъ; «отъ разночинцевъ, отъ семинаристовъ! Вонъ хоть у насъ въ уѣздѣ: мировой—семинаристъ, слѣдователь—семинаристъ; что-же касается помощника исправника, то доказательство на лицо: его отецъ до сихъ поръ служитъ псаломщикомъ у Покрова, а родная тетка его печетъ просфоры» (с. 297). «Дѣти разночинцевъ, мѣщанъ и церковныхъ причетниковъ, пишетъ г. Фадѣевъ,—какъ саранча лѣзутъ все выше и выше» (с. 144). «Изгнанные семинаристы, убоившіеся «бездны премудрости», дерзаютъ мечтать объ эполетахъ» (с. 147). Изъ семинарій «выходятъ ежегодно тысячи молодыхъ полуобразованныхъ людей, стучащихъ въ двери культурнаго общества» (с. 63). Бѣда, да и только! „Вы себя представить не можете, говоритъ г. Завадскій-Ощепковъ,—того изумленія, какимъ поражается каждый французъ, коль скоро онъ узнаетъ, что въ Россіи даже люди, происходящіе изъ мѣщанъ или какихъ-нибудь причетниковъ, получаютъ доступъ даже въ университеты и могутъ возвыситься до верхнихъ ступеней общественной лѣстницы» (с. 199).

Дальше идти съ такою бессословностью нельзя, разсуждаетъ г. Фадѣевъ;—необходимо построеніе общества по ранжиру, „*разчлененіе общества по росту его словъ*“ (с. 195); нужно возвращеніе къ принципамъ народности. Славянофилы много толковали о народности и оказали большую услугу нашей мысли отрицаніемъ всего, что есть въ нашей

жизни напускного, занесеннаго со стороны. Но „они глубоко вѣрили въ сокровенную духовную мощь русскаго народа; сви вѣрили въ народную правду, т. е. въ разумное сельское самоуправленіе; они признавали судъ присяжныхъ за коренное славянское учрежденіе; свято чтимъ науку“, и т. д. (с. 16). Г. Фадѣевъ не раздѣляетъ этихъ увлеченій, т. е. не вѣритъ въ народъ, не вѣритъ въ сельское самоуправленіе, и, подобно Ахмету Ишанбаеву, смѣется надъ мужиками: „смѣшно таково: самъ себѣ начальство ставить почитель надо ставить—въ одну волость я, купиць Ишанбаевъ, почитель, въ другу каспадинъ какой почитель“ (стр. 89). Но не вѣря въ народъ, не вѣря въ его умъ, въ его смышенность, въ его способность къ сельскому самоуправленію, гг. Ишанбаевъ, Фадѣевъ, Прохоровъ и т. д. тѣмъ не менѣе—горячіе сторонники народности, *самодѣльной* народнаго развитія, какъ выражается г. Фадѣевъ (с. 5). Но откуда же возмется это «самодѣльное» развитіе? Очень просто—отъ инженеровъ. «Стихійныя народныя сокровища, говорить Фадѣевъ уподобляются минеральнымъ сокровищамъ горы Благодати: лежать подъ спудомъ и безъ пользы, куда образованные инженеры не станутъ извлекать ихъ по частямъ и отливать въ опредѣленную форму“ (с. 15). Такихъ дѣятелей можно много найти, вѣдь „умныхъ людей у насъ едва-ли не больше, чѣмъ гдѣ-нибудь“ (с. 6). Нужно только составить «сборную» группу, которая-бы изъ поколѣнія въ поколѣнія наслѣдовала умъ, честь и боевой духъ; нужно организовать культурный слой.

Организаторскій талантъ г. Фадѣева выше всякой похвалы, но намъ кажется, что, подобно многимъ великимъ умамъ, напр., гр. Шамбору, онъ впадаетъ въ нѣкотораго рода утопію. Правительственныя реформы, которыя онъ желалъ-бы исправить, уже совершены, онѣ прочны, и дополненія г. Ростислава Фадѣева останутся, конечно, на бумагѣ, въ поученіе грядущимъ вѣкамъ и такимъ современникамъ, какъ гг. Ишанбаевъ, Прохоровъ, Завадскій-Ощепковъ и т. д. Планы послѣднихъ такъ-же цѣлостны, такъ-же логичны и такъ-же основательны, какъ и програма г. Фадѣева. Вотъ, напр., мурза Ишанбаевъ. Онъ, какъ и г. Фадѣевъ, начинаетъ тоже отрицаніемъ реформъ и кончаетъ тоже мыслью, что «таперича надо бульшой риформъ дѣлать. Урюкъ дороже, кубыль дороже, акцизный штрафъ, мировой штрафъ, думамъ налогъ, парень въ сулдатъ,—какой толкъ? Лучше ничево эта не надо; мы сами знаимъ, чево надо; мужикъ незнаитъ, маленьки торговшикъ не знаитъ, испрабникъ не знаитъ,—купиць знаитъ, каспадинъ знаитъ,—чего лучши? Чево купиця Ишанбаева мировой не дѣлать, чево купиць каспадинъ не быть? Въ Бохаръ купиць каспадинъ, въ Пруссия каспадинъ, у насъ не каспадинъ. Смѣшно таково!» (стр. 98). „Все это съ паранцузъ взялъ, а паранцузъ, што за народъ? Мы русскай, русскай надо и духъ держать“ (стр. 204). Не менѣе сильно выражается и г. Завадскій-Ощепковъ: „Печальное зрѣлище общаго растлѣнія и вопіющей всесословности, надъ которою смѣются даже въ ея отечествѣ, Франціи, невольно приводитъ къ мысли о необходимости пополненія русской жизни нѣкоторыми

мѣропріятіями, которыя дали-бы восторжествовать уму надъ невѣжествомъ и просвѣщенному сознанію надъ смутностью стихійной мысли“.

Г. Прохоровъ тоже думаетъ, что современная русская жизнь—угарный дымъ, „вещественный образъ котораго мы видимъ въ дымѣ пеньки, сжигаемой, за неизбѣнїемъ рукъ, для удобренія почвы. Дымъ сей застилаетъ небо, отъ него меркнеть солнце, луна дѣлается кровавою, а душа скорбитъ. Гдѣ-же первопричина сей скорби? Не въ дымѣ, ибо оный рождается отъ соединенія кислорода воздуха съ углеродомъ подоженной пеньки; не въ пенькѣ, ибо при возможности и умѣньѣ обработать ее, мы свезли-бы оную въ Ростовъ-на-Дону и выгодно сбыли-бы за границу, а, очевидно, въ отсутствіи рабочихъ рукъ, въ расплывчивости всего, что должно быть прочно склеено. Склеись оно—и обдѣланная пенька пойдетъ въ Ростовъ, руки получатъ лишнее вознагражденіе, дымъ исчезнетъ, небо просвѣтлѣетъ и каждый возвеселится подъ смоковницей своей, а жизнь получить пріятное теченіе“ (стр. 211).

Проницательному читателю, конечно, понятно, что ни Ишанбаева, ни Прохорова, ни Завадскаго-Ощепкова и т. д. съ ихъ книгами на свѣтѣ нѣтъ, что „это, нѣкоторымъ образомъ, мечта“, какъ мертвыя души Чичикова. При всемъ томъ и этихъ авторовъ, и ихъ книги можно считать якобы существующими, хотя они и не существуютъ, равно какъ, съ другой стороны, книгу Фадѣева можно считать якобы несуществующею, хотя она и существуетъ. Но во всякомъ случаѣ Г. Ростиславъ Фадѣевъ доказалъ,

Что „настоящею лишь кашей“
 Набита паша „голова“,
 Что мы, съ безформенностью нашей,
 Не знаемъ, сколько дважды-два;
 Что у російскаго Еремы
 Рапорты „письменной души“
 И „строевой души“ приемы
 И быть не могутъ хороши,
 Пока и въ праздники, и въ будень—
 Одинъ „тысячелѣтній студень“.
 Когда-жъ „культурный слой“ воспрянетъ,
 Тогда наступитъ вѣкъ златой
 И „юнкеръ въ прежнемъ видѣ“ станетъ
 На стражѣ Руси молодой.

Исторія неба. К. Фламаріона. Перев. М. Лобачъ-Жученко. Съ рисунками Бенета. Спб., 1875.

Имя Фламаріона, какъ одного изъ лучшихъ популяризаторовъ въ области естественныхъ наукъ, уже извѣстно нашимъ читателямъ. Всѣ сочи-

ненія его отличаются замѣчательными достоинствами, какъ въ научномъ отношеніи, такъ и по искусству автора выражать свои идеи въ самой изящной и доступной формѣ. Но «Исторія неба», въ которой Фламарионъ знакомитъ насъ собственно съ исторіей астрономіи, — настоящій перлъ научной популяризаціи. Красота и сила языка удивительны; для его гибкости, по-видимому, не существуетъ никакихъ трудностей, никакихъ сложныхъ или отвлеченныхъ понятій, которыхъ нельзя было-бы облечь въ общедоступную, легкую и граціозную форму. Время, потраченное на прочтеніе этого огромнаго тома, кажется минутой, по прошествіи которой лишь сожалѣешь, что расстаешься съ такимъ занимательнымъ, талантливымъ и умнымъ собесѣдникомъ, какъ авторъ «Исторіи неба». Увлекательности изложенія особенно способствуетъ та оригинальная форма, которую избралъ Фламарионъ. Разсказъ ведется въ кружкѣ людей разнообразныхъ знаній и профессій; тутъ есть и пасторъ, и профессоръ исторіи, профессоръ философіи, депутатъ законодательнаго корпуса, образованная маркиза, морской капитанъ, совершавшій кругосвѣтныя путешествія, и, наконецъ, во главѣ всего общества — знаменитый астрономъ. Въ перекрестномъ разговорѣ между всѣми этими лицами преобладаетъ голосъ астронома; но рѣчь его то-и-дѣло прерывается требованіями объясненій, замѣчаніями и дополненіями, всегда интересными и такъ или иначе относящимися къ дѣлу. Сколько намъ извѣстно, такая форма изложенія — новая. Въ старыхъ дѣтскихъ книгахъ иногда папаша вступаетъ въ назидательный разговоръ съ сыномъ; но это совсѣмъ не то. Въ такихъ книжкахъ сынъ обыкновенно поетъ въ унисонъ отцу, онъ отвѣчаетъ ему на вопросы, и отвѣчаетъ такъ, какъ это хочется отцу. Здѣсь-же каждый дѣлаетъ свои замѣчанія, съ своей точки зрѣнія или съ точки зрѣнія своей науки, не въ поддакиваніе разсказчику, а для лучшаго разъясненія спеціальнаго предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Избравъ такую форму, авторъ доказалъ также, что онъ обладаетъ тонкимъ психологическимъ тактомъ. Онъ не оставляетъ на долго слово главному разсказчику, который могъ-бы утомить вниманіе уже однимъ только однообразіемъ своего воззрѣнія и монотонной рѣчи, но передаетъ его разнообразнымъ собесѣдникамъ, и оттого разсказъ, нисколько не теряя своей цѣлостности, дѣлается крайне живымъ и всегда поддерживаетъ въ читателѣ свѣжесть и энергію впечатлѣнія.

Люди, мало знакомые съ астрономіей, вѣроятно, и не подозреваютъ, до какой степени можетъ быть интересна ея исторія, особенно если она излагается такъ талантливо, какъ въ разбираемомъ нами сочиненіи. Въ настоящее время астрономія разрабатывается кружкомъ спеціалистовъ, и для большинства непонятны ихъ мистеріи, совершающіяся въ обсерваторіяхъ; но во времена глубокой древности надъ разъясненіемъ астрономическихъ явленій трудилось все человѣчество, отъ любознательнаго халдеянина, созерцавшаго небо съ высоты вавилонской башни, до свинопаса и пастуха, проводившихъ свои дни подъ таинственнымъ сводомъ тропическаго

неба. Въ младенческой періодъ нашего существованія небесныя свѣтила занимали собой всего человѣка, они составляли столь-же неизбѣжную принадлежность къ его умственной и духовной жизни, какъ соль къ пищѣ, и были для него точкой отправленія всѣхъ его идей, понятій и вѣрованій. Мифологія всѣхъ древнихъ народовъ имѣетъ своимъ источникомъ астрономію, а мифологическія вѣрованія составляли для древняго человѣка все. Какъ сильно вліяли они на складъ его мыслей и даже на его обыденную жизнь, это очень хорошо видно изъ сочиненія Фламаріона. У древнихъ галловъ было множество церемоній астрономическаго характера; повидимому, это—первый народъ, который предъугадалъ движеніе земли и систему Коперника, какъ можно заключить изъ пѣсенъ бардовъ. Между прочимъ, древніе галлы, наблюдая небесныя свѣтила, дошли до идеи многочисленности міровъ, но они полагали, что всѣ эти міры созданы для людей, живущихъ на землѣ: такъ ученіе о многочисленности міровъ связывалось въ умѣ галла съ идеей безсмертія души. Необыкновенно сильное вліяніе астрономіи на галловъ видно изъ того, что она управляла даже нѣтъ житейской практикой. Такъ, по словамъ Фламаріона, галлы до того вѣрили въ будущую жизнь на небесныхъ свѣтилахъ, что они брали другъ у друга взаимныя деньги съ тѣмъ, чтобы отдать ихъ на томъ свѣтѣ! «Покинувъ Марсель, говоритъ одинъ римскій писатель, — я нашелъ у галловъ въ полной силѣ тотъ старый обычай, по которому, какъ извѣстно, они занимали другъ у друга деньги съ тѣмъ, чтобы расплачиваться въ аду, такъ-какъ галлы были убѣждены, что души людей безсмертны». Разставаясь съ землей, они надѣялись встрѣтить на томъ свѣтѣ всѣхъ своихъ друзей, и потому передъ смертью назначали имъ тамъ свиданія, и если кто-нибудь умиралъ, то къ нему всѣ спѣшили съ письмами къ *отсутствующимъ друзьямъ*, которые, по понятію галловъ, должны были встрѣтить его и закидать вопросами, какъ идутъ дѣла на землѣ. Чрезвычайно оригиналенъ также обычай древнихъ галловъ *умирать за друзей* въ силу того соображенія, что смерть есть только переходъ съ земли на другую планету. «На смерть галлы смотрѣли, говоритъ Фламаріонъ, — какъ на рекрутскій наборъ, предписываемый мірскими законами для пополненія арміи. Въ извѣстныхъ случаяхъ даже возможна была заѣтна одного человѣка другимъ. Посидоній, посѣщавшій Галлію въ то время, когда она была еще довольно сильнымъ государствомъ, и знавшій ее гораздо лучше Цезаря, оставилъ намъ по этому поводу весьма любопытныя свѣденія. Если какой-нибудь человѣкъ серьезно заболѣвалъ и чувствовалъ скорое наступленіе смерти, а виѣстѣ съ тѣмъ у него на землѣ могли остаться неоконченными какія-либо важныя дѣла, или если смерть была просто ему неприятна и никто изъ членовъ семьи или изъ его кліентовъ не рѣшался пострадать за него, тогда этотъ человѣкъ заставлялъ подыскивать себѣ желающаго; охотникъ тотчасъ-же являлся въ сопровожденіи толпы родственниковъ и друзей; онъ выговаривалъ себѣ за труды

извѣстную сумму денегъ и тутъ-же самъ распредѣлялъ ее на прощанье между своими товарищами. Весьма часто дѣло улаживалось просто бочкою вина; тогда охотникъ со всѣми друзьями устраивалъ возвышенное мѣсто, гдѣ и совершалось нѣчто въ родѣ пирушки; затѣмъ, по окончаніи праздника, нашъ герой ложился на собственный щитъ и, приказывая пронзить себѣ грудь мечомъ, отправлялся... на тотъ свѣтъ» (стр. 46). Вотъ какова сила вѣрованія, привитаго астрономіей. И всегда почти древность развивалась подъ давленіемъ астрономическихъ возрѣній эпохи, которыя то обуславливали характеръ ея міровозрѣнія, то сами обуславливались этимъ міровозрѣніемъ. Народъ заимствовалъ у неба много обычаевъ, но, съ другой стороны, онъ и выкраивалъ его по шаблону своего ума. Если народъ не вышелъ изъ пастушескаго состоянія, то и его астрономія находилась въ томъ-же состояніи: облака у него—стада, и назывались баранами, коровами, лошадьми; черная грозовая туча изображала изъ себя прожорливую волчицу, которая кидалась на стада, „выпущенныя солнцемъ на пастбище въ обширныя равнины неба“; молнія-же была плодомъ брачнаго союза пастуха-солнца или волка съ волчицей. Отъ этого союза солнца съ тучею и родился первый человѣкъ, по понятіямъ пастушескихъ народовъ. Весьма замѣчательна также индійская космогонія; на ней весьма ярко отразился характеръ хищническихъ инстинктовъ жрецовъ. Жрецы учили, что земля ограничена со всѣхъ сторонъ и поддерживается двѣнадцатью колонами, коны-же, въ свою очередь, держатся на... жертвахъ! Раздѣля такое вѣрованіе, народъ усердно приносилъ въ жертву быковъ и барановъ для поддержанія системы міра и, конечно, жрецовъ. Отъ этихъ младенческихъ космогоній, отзывающихся, однако, слишкомъ острымъ для своего времени запахомъ земныхъ помысловъ, совершался постепенный переходъ къ небу древности и среднихъ вѣковъ, которое, съ своей стороны, уступило мѣсто небу Коперника. Самыя интересныя страницы книги Фламаріона посвящены системѣ Коперника. Изъ нихъ видно, что переворотъ, произведенный Коперникомъ, незамѣтно подготовлялся втеченіи многихъ вѣковъ, какъ и всякое великое открытіе. Въ высшей степени любопытны цитаты, извлеченныя Фламаріономъ изъ сочиненія Коперника, этой «библии астрономовъ». „Я перечиталъ, говоритъ Коперникъ въ началѣ своего знаменитаго сочиненія, — всѣ философскія книги, какія только могъ достать; мнѣ хотѣлось убѣдиться, не высказывали кто-нибудь другого мнѣнія о движеніи небесныхъ сферъ, кромѣ того, которому учили насъ въ школахъ. Я увидѣлъ, во-первыхъ, у Цицерона, что Никита думалъ, будто земля движется. Затѣмъ я нашелъ у Плутарха, что и другіе держались того-же мнѣнія“. Далѣе Коперникъ перечисляетъ множество сочиненій, въ которыхъ былъ хотя малѣйшій намекъ на занимавшую его идею. Оказывается, что уже за 300 лѣтъ до Р. Х. Аристархъ Самосскій написалъ большое сочиненіе, гдѣ доказывалъ, вопреки всеобщему мнѣнію, что земля движется. Мысль Аристарха показалась совре-

„Дѣло“, № 2.

менникамъ дерзостью и его обвинили въ нечестіи, «ибо, говоритъ Плу-тархъ,—для объясненія явленій онъ училъ, что небо неподвижно, а земля двигается по овалному кругу и въ то-же время вращается около своей оси». Нечего, конечно, удивляться, что на Аристарха воздвигнуто было гоненіе, если спустя 18 столѣтій той-же участи подвергся Коперникъ,— правда, послѣ своей смерти. Коперникъ предчувствовалъ, какое дѣло затѣваетъ онъ, заноса мечъ своей критики на старыя вѣрованія. Онъ употребилъ 30 лѣтъ на писаніе своей книги и рѣшился напечатать ее лишь по настоятельнымъ просьбамъ своихъ друзей. Изъ его собственныхъ словъ видно, какъ осторожно, можно сказать—трусливо относился онъ къ своему открытію. Онъ старается свалить съ себя всю отвѣтственность за свою систему и дать понять, что и до него многіе философы держались того-же мнѣнія. Приводя въ пользу ея свидѣтельства древнихъ, Коперникъ говоритъ: „И я, въ свою очередь, пользуюсь этими свидѣтельствами, началъ размышлять о движеніи земли. Хотя это мнѣніе и казалось нелѣпымъ, но такъ-какъ другіе еще раньше меня *осмѣливались объяснять* движенія свѣтилъ посредствомъ извѣстнаго сочетанія круговъ, я полагалъ, что *могу позволить* себѣ такую-же попытку...“ Послѣ долгихъ изысканій я, наконецъ, убѣдился, что если движенія свѣтилъ приписать обращенію земли, то вычисленіе гораздо ближе сходится съ наблюденіемъ. Я не сомнѣваюсь, что математики не согласятся со мною...“ Боясь монашеской цензуры, Коперникъ посвятилъ свой трудъ самому папѣ, Павлу III. Онъ писалъ ему: „Я долго колебался, публиковать-ли свои коментаріи о движеніи небесныхъ свѣтилъ... Въ то время, какъ я колебался и не зналъ, на что рѣшиться, друзья мои подстрекали меня. Первымъ былъ Николай Шенбергъ, кардиналъ Капуи, мужъ великой учености. Другой, мой лучшій другъ, Тадеманъ Гизіусъ, епископъ кульмскій, столь-же свѣдущій въ священномъ писаніи, какъ и въ другихъ наукахъ. Этотъ послѣдній часто убѣждалъ меня и такъ настоятельно упрасивалъ, что, наконецъ, заставилъ меня выпустить въ свѣтъ сочиненіе, которое я храню уже болѣе двадцати семи лѣтъ. Многіе знаменитые люди убѣдили меня, что въ интересахъ математики я долженъ публиковать плоды моихъ трудовъ. Они предсказывали мнѣ, что чѣмъ нелѣпѣе покажется моя теорія о движеніи земли, тѣмъ она заслужитъ большаго удивленія, когда послѣ публикаціи моей работы разсѣются всякія сомнѣнія вслѣдствіе самыхъ ясныхъ доказательствъ. Уступая этимъ настоятельнымъ просьбамъ и лаская себя тою-же надеждой, я согласился напечатать свой трудъ“. Онъ не дождался выхода своей книги въ свѣтъ и, можетъ быть, только этимъ и избѣгъ преслѣдованій, которыя обрушились, послѣ его смерти, на Галилея. Торнскій философъ умеръ въ Фрауенбургѣ, гдѣ онъ былъ каноникомъ и выстроилъ себѣ обсерваторію. Послѣдніе дни его жизни такъ описаны Фонтенелемъ: «Путешествія, совершенныя въ юности, медицинскія и астрономическія занятія, разныя житейскія испытанія и преклонныя лѣта ослабили тѣло зна-

менитаго математика. Въ концѣ зимы кровотеченіе, соединенное съ параличемъ правой стороны, лишили его послѣднихъ силъ; онъ слегъ и былъ уже неспособенъ къ умственной работѣ. Его сочиненіе, только-что отпечатанное въ Нюрнбергѣ, было ему принесено его друзьями. Семидесятилѣтній астрономъ могъ еще приподняться на своей постели и взять въ свои остывающія руки этотъ первый экземпляръ. Вотъ эта книга! Вотъ этотъ бессмертный памятникъ генія!.. Но скоро силы его оставили и онъ отдалъ Богу душу, умѣвшую понимать величіе творенія. Это было 23 мая 1543 года». Послѣ смерти Коперника его система сдѣлалась предметомъ грустной, но поучительной комедіи. Никто изъ ученыхъ не рѣшался открыто стать на его сторону. Тихо де-Браге поступилъ честиѣ другихъ: онъ соорудилъ свою собственную систему, противоположную коперниковской, и искренно вѣрилъ въ свою правоту. Но Декартъ, великій Декартъ, какъ смѣшонъ онъ съ своими изворотами, когда, стоя предъ лицомъ грозной истины Коперника, старается лукавить предъ самимъ собой и предстать предъ судомъ общественнаго мнѣнія кроткой невинностью! Знаменитый философъ объявляетъ въ своемъ сочиненіи, что земля вертится около самой себя и вокругъ солнца, но что она, однако, не двигается. Въ сочиненіи, гдѣ Декартъ излагаетъ свою систему вихрей, онъ изгибается на всѣ лады и думаетъ лишь о томъ, какъ-бы не сочли его послѣдователемъ Коперника. Повидному, онъ не отрицаетъ справедливости основной идеи Коперника, а между тѣмъ онъ отдаетъ преимущество системѣ Тихо де-Браге о неподвижности земли. Декартъ говоритъ: *„Земля находится въ покое и не имѣетъ никакого стремленія къ движению, такъ-какъ мы ничего подобнаго въ ней не замѣчаемъ...“* Коперникъ не затруднялся признать, что земля движется; Тихо, которому такое мнѣніе казалось нелѣпнымъ и противнымъ здравому смыслу, хотѣлъ его исправить; но земля имѣла гораздо больше движенія по его гипотезѣ, чѣмъ по гипотезѣ Коперника. Эта удивительная теорія была повергнута на судъ французской академіи наукъ, и одинъ изъ членовъ ея, Рого, давая отчетъ о системѣ Декарта, весьма остроумно, хотя вполне искренно, выразился о ней, что «самое удобное или выгодное въ этой системѣ то, что она можетъ удовлетворить и людей благоразумныхъ, и людей мнительныхъ, предоставляя однимъ свободу думать, какъ имъ угодно и давая какія угодно названія передвиженію земли, и давая понятъ другимъ, которые боятся впасть въ ошибку, если признають, что земля движется, что имъ нечего тревожиться». Еще курьезнѣе поступилъ отецъ Босковицъ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ о кометахъ и о способѣ вычисленія ихъ возврата. Всѣ вычисленія отца Босковица рѣшительно невычислимы, если исходить изъ гипотезы неподвижности земли. Это отлично зналъ и самъ Босковицъ, но, несмотря на это, онъ начинаеть свой трактатъ обращеніемъ къ папѣ, гдѣ онъ заявляетъ, что «проникнутый благоговѣніемъ къ нему, онъ не вѣритъ въ движеніе земли...» А въ концѣ

предисловія онъ прибавляетъ только двѣ строчки: «Однако, говоритъ онъ,—для удобства вычисленія предположу, будто земля въ самомъ дѣлѣ вращается».

Очень любопытно изложена въ сочиненіи Фламаріона исторія суевѣрій, порожденныхъ нелѣпыми астрономическими воззрѣніями. Отъ глубокой древности до самоновѣйшаго настоящаго люди почти не отдѣлались отъ этихъ суевѣрій; измѣнялась только форма ихъ, сообразно господствовавшимъ идеямъ вѣка. Только немногіе смѣлые и независимые умы относились объективно къ темнымъ и неразгаданнымъ явленіямъ звѣзднаго неба, и эти умы встрѣчались во всѣ періоды исторіи, не исключая и древности. Когда, вслѣдствіе затмѣнія, Прузій отказывался дать сраженіе римлянамъ, по совѣту Ганнибала, отговариваясь тѣмъ, что внутренности животныхъ повелѣваютъ противное, карфагенскій побѣдитель воскликнулъ: «Итакъ, вы предпочитаете совѣты бараньей печени совѣтамъ стараго вождя! Еще недавно, въ 1872 году, среди образованнаго общества въ Парижѣ и въ Австріи распространилась паника вслѣдствіе мнимаго предсказанія женеваго профессора Плантамура, который возвѣстилъ о появленіи будто-бы кометы 12 августа 1872 года. Мужественные парижане трепетали, а въ Австріи принялись писать духовныя завѣщанія. Астрономія лучше всѣхъ другихъ наукъ показываетъ пользу знанія, не столько отъ приобрѣтенія положительныхъ свѣденій, сколько отъ извѣстной дисциплины ума, привыкающаго къ спокойному отношенію къ неизвѣстному и незабѣгающаго впередъ фактовъ, въ область тревожныхъ догадокъ и толкованій вкривь и вкось. Люди, всего менѣе смыслившіе въ астрономіи, всего болѣе волновались по поводу разныхъ затмѣній и кометъ и всего болѣе строили гипотезъ. Рассказываютъ, что въ регентство герцога Орлеанскаго одна придворная дама, посѣтившая обсерваторію, спросила у секретаря академіи наукъ Мерана: «Скажите мнѣ, пожалуйста, что это такое за полосы на Юпитерѣ?—Я не знаю, тотчасъ-же отвѣтилъ Меранъ.— Отчего, спросила снова любопытная дама,—изъ всѣхъ планетъ одинъ Сатурнъ окруженъ кольцомъ?—Я не знаю, снова отвѣчалъ Меранъ. Раздосадованная дама сказала ему тогда съ нѣкоторою рѣзкостью: Къ чему-же, сударь, тогда быть академикомъ? — Къ тому, сударыня, чтобы умѣть отвѣчать: я не знаю». Рассказъ свой Фламаріонъ заключаетъ остроумнымъ объясненіемъ времяисчисленія, календарей и очень интереснымъ разборомъ гипотезъ о кончинѣ міра. Каждая страница этихъ главъ читается съ наслажденіемъ, и мы очень сожалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ долѣе бесѣдовать объ этомъ замѣчательномъ произведеніи новѣйшей популярной литературы. Если публика будетъ разумно относиться къ выбору книгъ для чтенія, то сочиненіе Фламаріона ожидаетъ несомнѣнный успѣхъ. Виѣшность изданія болѣе, чѣмъ удовлетворительна; переводъ гладокъ и читается легко.

Очеркъ жизни и дѣятельности Іоанна-Генриха Песталоцци (1746—1827).

Составилъ по Морфу, Зейфарту и другимъ Николай Михайловъ.

Изд. журн. „Грамотѣи“. Москва, 1874.

Если въ настоящее время читающая публика на чемъ-либо останавливаетъ свой сонный взоръ, такъ это, конечно, на педагогикѣ. Мы переживаемъ въ нѣкоторомъ родѣ симптомы педагогической горячки, обнаруживающейся крайнимъ изобиліемъ педагогическихъ сочиненій и усиленнымъ спросомъ на нихъ. О педагогикѣ идутъ разнообразныя толки и сужденія; ее разбираютъ по косточкамъ не только профессиональные педагоги, но и публицисты, публика и даже белетристы. Толки эти сами по себѣ весьма естественны, но имъ можно пожелать, однако, большей основательности и, главное, справедливости. Въ нихъ постоянно замѣшивается имя Песталоцци, сопоставляемое съ нѣмецкой или современной педагогикой, и такъ-какъ послѣдняя не возбуждаетъ особенныхъ симпатій въ обществѣ, то при этомъ косвенно или даже прямо набрасывается тѣнь и на „великаго швейцарца“. Публицистъ одного толстаго журнала, инстинктивно повинувся толчку, сообщенному мыслямъ слабоголовой части нашей публики графомъ Львомъ Толстымъ, вообразилъ, что настало время катать по всѣмъ по тремъ, не разбирая ни правыхъ, ни виноватыхъ. Какъ не замѣчаетъ этотъ публицистъ всей неловкости своего запоздалаго наѣздничества, какъ не объяснить ему редація толстаго журнала, что пора, наконецъ, ему угомониться и оставить въ покоѣ г. Евтушевскаго, столько уже претерпѣвшаго отъ суроваго приговора общественнаго мнѣнія и еще болѣе отъ своей собственной, странной и безтактной, самозащиты? Подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, что г. Евтушевскій злодѣй, какихъ у насъ нѣтъ и не бывало, а между тѣмъ, по справедливости, онъ виноватъ не болѣе, если не менѣе, нашей журналистики, которая до послѣднихъ дней смиренно молчала или даже любовалась трудами г. Евтушевскаго. Г. Евтушевскій работалъ одинъ, безъ помощи критики и контроля со стороны журналистики, и потому понятно, что въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ педагогика, онъ надѣлалъ много промаховъ. Важно указать и выяснить эти промахи, но бессмысленно издѣваться надъ личностью — личностью, легкомысленно оставленной всею журналистикой и высокоумными критиками на произволь своихъ не особенно блестящихъ дарованій. Но въ особенности желательно, чтобы этому публицисту разъяснено было, что критика должна быть разборчива въ своихъ приговорахъ и что осуждать всѣхъ — значитъ никого не осуждать. Къ имени г. Евтушевскаго онъ пристегнулъ имена всѣхъ педагоговъ, живыхъ и мертвыхъ, а на одного изъ современныхъ и самыхъ даровитыхъ русскихъ педагоговъ, г. Миропольскаго, онъ прекомично обидѣлся за то, что тотъ въ

своихъ статьяхъ нѣсколько разъ упомянулъ имя Амоса Коменскаго. На этомъ пунктѣ мы собственно и хотимъ остановить вниманіе читателя.

Амосъ Коменскій жилъ и дѣйствовалъ 200 лѣтъ тому назадъ, Песталоцци почти сто; люди эти отдалены, слѣдовательно, отъ насъ цѣлой исторической эпохой, и при незнакомствѣ съ педагогикой вообще и этими людьми въ особенности, можетъ показаться, что современное общество ничѣмъ не можетъ отъ нихъ позаимствоваться, а эти люди ничего не могутъ сказать ему новаго. Но такъ могутъ думать только невѣжественные и безхарактерные борзописцы, которыхъ ничто такъ не пугаетъ, какъ возможность прослыть за приверженцевъ старины. Было-бы, дѣйствительно, странно, если-бы въ настоящее время кто-нибудь сталъ увлекаться произведеніями алхимиковъ или приходилъ въ восторгъ отъ историковъ XVII или XVIII вѣка, но образованный публицистъ обязанъ-же знать, что педагогика въ этомъ случаѣ составляетъ грандіозное исключеніе, вполне, впрочемъ, естественное и понятное. Мы не обвиняемъ должны сказать, что одинъ Амосъ Коменскій въ XVII столѣтіи больше зналъ и смыслилъ въ педагогикѣ, чѣмъ всѣ мы вмѣстѣ въ настоящее время. Какъ могло это случиться? спроситъ читатель. Удивительнаго тутъ нѣтъ ничего. Педагогика со временъ Коменскаго и Песталоцци нисколько не подвинулась впередъ, потому что творчество на этомъ поприщѣ необыкновенно трудно и требуетъ гениальныхъ умственныхъ силъ. Она развивалась до тѣхъ поръ и лишь на-столько, на-сколько надъ ней работали дѣйствительно творцы и такіе гени, какъ Бэконъ, Руссо, Локкъ, Коменскій и Песталоцци (швейцарецъ), но, по несчастію, педагогика перешла къ нѣмцамъ, къ націи, которая вообще лишена творческихъ способностей и которая можетъ работать только по чужому образцу. Нѣмцы только потому такъ усердно трудятся надъ педагогикой, что до нихъ уже все сдѣлано и имъ остается только пережевывать перенятое. Съ страстнымъ увлеченіемъ стали они копаться въ старомъ хламѣ и, будучи не въ состояніи цѣликомъ воспринять великій принципъ Коменскаго—наглядность обученія, обрушились на него съ своимъ кропотливымъ анализомъ. И вотъ они бьются цѣлое столѣтіе, и до сихъ поръ изъ этого не выходитъ ничего, кромѣ курьезовъ и разныхъ смѣшныхъ пассажей. Представьте себѣ, что человѣкъ разсматриваетъ въ микроскопъ какое-либо величественное зданіе, — положимъ, соборъ св. Петра въ Римѣ, — много-ли онъ увидитъ? Онъ разсмотритъ отдѣльныя точки, уйдетъ въ глубину этихъ точекъ и въ головѣ его получится рядъ точекъ, но собора онъ, конечно, какъ не видалъ. Точно такъ поступаютъ нѣмцы въ области педагогики. Удивительно тонкое развитіе частныхъ, до того тонкое, что иногда онѣ превращаются въ неуловимый туманъ, — и ничего цѣльнаго и новаго. Это объясняется чрезмѣрной микроскопичностью анализа. Извѣстно, что гистологи, разсматривая ткани человѣческаго тѣла въ сильно увеличивающій микроскопъ до утовленія зрѣнія, принимали свои субъективныя зри-

тельные ощущенія и пылинки, плавающія въ воздухѣ, за элементы самихъ тканей и создавали свои собственныя ткани, которыхъ никто никогда не могъ увидѣть. Нѣмцы именно доработались до умственного утопленія, подъ вліяніемъ котораго и зародились тѣ странныя для здравомыслящихъ людей субъективныя теоріи, которыя измышлены Фребелемъ. Большинство современныхъ нѣмецкихъ педагоговъ, съ своими педантическими методами и приѣмами, точно также доработались, что-называется, до чертиковъ. Главное дѣло они оставили въ сторонѣ и углубились въ частности, не только не нужныя, но и вредныя. Принципа нагляднаго обученія въ его цѣломъ они не выяснили, они до сихъ поръ не могли найти для него достаточно широкой базисъ и не подвели его подъ ясныя научныя законы, а между тѣмъ частныхъ методовъ и примѣненій этого принципа — цѣлая бездна. Системы Гразера, Денцеля, Грубе, Дистервега и Богъ знаетъ кого еще! Читеніе этихъ системъ, безъ уясненія принципа нагляднаго обученія, положительно вредно. А такъ-какъ сущность этого принципа никѣмъ не понята такъ глубоко и всесторонне, какъ Амосомъ Коменскимъ, то мы полагаемъ, что намъ прежде всего необходимо изучить этого писателя. Одно изъ главныхъ произведеній этого педагога, „Великая дидактика“, переводится въ настоящее время редакціей журнала „Семья и школа“, и мы думаемъ, что несмотря на все обиліе въ нашей литературѣ разныхъ педагогическихъ сочиненій, „Дидактика“ Коменскаго широкою своихъ идей совершенно покрываетъ ихъ и сдѣлается для каждаго разумнаго педагога необходимой настольной книгой. Изъ того, что Коменскій жилъ 200 лѣтъ тому назадъ, вовсе не слѣдуетъ, что мы или даже современные нѣмцы знакомы съ его идеями. Напротивъ, всѣ мы въ настоящее время хуже понимаемъ основной принципъ педагогики, чѣмъ самъ творецъ его, Коменскій. Свѣжесть дѣтства имѣетъ то преимущество, что оно заставляетъ насъ чутко воспринимать окружающія явленія и живо интересоваться всѣмъ, что мы видимъ въ первый разъ. Но проходятъ годы — и интересовавшія насъ явленія, мнѣнія и новыя идеи, повторяясь изо дня въ день, превращаются въ неподвижныя и безразличныя аксіомы, о которыхъ мы сохраняемъ лишь поверхностныя свѣденія, но сущности которыхъ мы не понимаемъ, притупивъ съ годами свою воспримчивость. Отчасти и по этой причинѣ современные нѣмцы хуже понимаютъ принципъ наглядности, чѣмъ Коменскій, и вотъ почему намъ нуженъ скорѣе самъ Коменскій, чѣмъ современные нѣмецкіе педагоги — блѣдная тѣнь его. Наше общество слѣпо увлеклось разными новыми педагогическими методами и споткнулось на нихъ, потому что, не понимая самаго принципа наглядности, оно должно было безпрекословно идти туда, куда поведетъ его г. Евтушевскій и нѣмецкіе мудрецы, а не понимало оно этого принципа потому, что педагогика, къ несчастью, попала въ руки нѣмцевъ и, слѣдовательно, разъяснить этотъ принципъ было некому. Вотъ почему опять намъ нуженъ, тысячу разъ нуженъ Коменскій, а уже затѣмъ всѣ методы и при-

мѣненія этого принципа каждый педагогъ и воспитатель *должны* сами взять, потому что методъ у каждаго долженъ быть свой. Изъ этихъ-же побуждений мы находимъ полезнымъ знакомство нашей публики по подлиннику и съ сочиненіями Песталоцци, хотя Песталоцци можетъ быть названъ только вторымъ Коменскимъ.

Въ ожиданіи этого пріятнаго событія познакомимся съ компиляціей г. Н. Михайлова: „Очеркъ жизни и дѣятельности Іоанна-Генриха Песталоцци“. Она составлена довольно толково и читается легко, хотя автору не жѣлало-бы побольше распространиться о тѣхъ педагогическихъ идеяхъ, которыя примѣнялись Песталоцци къ воспитанію. Въ очеркѣ г. Михайлова очень хорошо очерчены побужденія, заставившія Песталоцци посвятить жизнь свою дѣлу воспитанія. Это былъ человѣкъ едва образованный, совсѣмъ не философъ, забытый нуждой и жизнью; но онъ носилъ въ своемъ сердцѣ безпредѣльную любовь къ простому народу, и только эта любовь дала ему возможность совершить всѣ свои блестящіе педагогическіе подвиги. Трогательно видѣть, какъ этотъ человѣкъ весь уходитъ въ эту любовь и какъ-бы ищетъ въ ней защиты отъ безжалостныхъ ударовъ грустно сложившейся жизни. Въ своемъ обращеніи къ „низшему классу населенія Гельвеціи“ онъ говоритъ: «Я долго смотрѣлъ на твое жалкое, тяжелое положеніе, и сердце мое наполнилось скорбію. Дорогой мой народъ, сказалъ я себѣ,—я помогу тебѣ. У меня нѣтъ искусства, я не вооруженъ наукой, въ этомъ свѣтѣ я ничто, совсѣмъ ничто, но я хорошо знаю тебя и отдаю тебѣ все, что успѣлъ приобрести втеченіи моей трудовой жизни. Я отдаю тебѣ всего себя... Читай, что я предлагаю, безъ предразсудка, и если кто-нибудь дастъ тебѣ лучшее, брось меня: пусть и въ твоихъ глазахъ я превращусь въ то-же „ничто“, какимъ я прожилъ всю мою жизнь. Но если тебѣ не скажетъ никто того, что говорю я, никто не скажетъ такъ доступно и пригодно, какъ говорю я, то подари мою память, мою жизнь, мою участную для тебя дѣятельность слезою—одною только слезою“... Во всѣхъ его рѣчахъ и сочиненіяхъ бьется этотъ нервъ самоотверженной, глубокой любви къ народу, изъ среды котораго онъ самъ вышелъ. Онъ мало говорилъ въ своей школѣ о морали и религіи, какъ это дѣлаетъ большинство современныхъ педагоговъ, но за то онъ не упустилъ ни одного случая, чтобы заставить дѣтей самихъ пережить то или другое высокое чувство. Мы припоминаемъ по этому поводу одинъ характеристическій разговоръ, который намъ, не помнимъ гдѣ, пришлось прочесть. Когда Наполеонъ I, гарцуя съ своей гвардіей по Европѣ, забрелъ въ Швейцарію и велѣлъ бомбардировать городъ, вблизи котораго находилась школа Песталоцци, такъ что шумъ пушечной пальбы достигалъ учениковъ, онъ обратился къ нимъ приблизительно съ такою рѣчью: «Альтдорфъ сожженъ, сказалъ онъ;—быть можетъ, въ эту минуту сотни дѣтей остаются безъ крова, безъ пищи, безъ одежды. Не попросите-ли вы начальство, чтобы оно при-

няло къ намъ въ домъ хоть 20 этихъ дѣтей?“ И когда растроганные ученики воскликнули: „Да, да, ахъ, Боже мой!“ онъ прибавилъ: „Но въ нашѣмъ домѣ не хватитъ денегъ, вамъ придется ради этихъ дѣтей больше работать, меньше ѣсть и даже подѣлиться съ ними одеждой; согласитесь-ли вы на это, чтобы вывести ихъ изъ нужды?“ Дѣти единодушно отвѣчали: „Пусть придутъ они, отецъ (такъ всегда называли его ученики), мы во что-бы то ни стало станемъ больше работать и хуже ѣсть“. Минута этого возбужденія стоитъ, безъ сомнѣннн, цѣлаго курса этики и морали, читаемой дѣтямъ нѣмецкими педагогами. По отзыву всѣхъ біографовъ Песталоцци, дѣти страстно привязывались къ нему. Въ немъ говорили не предвзятая, хотя-бы и самыя лучшія, наміренія и ухищренія педагога, которыхъ дѣти, какъ каждый могъ замѣтить, терпѣть не могутъ, но собственное возбужденіе, сила искренности и горячая непосредственность чувства. Дѣти видѣли, что каждый шагъ его, каждое слово похвалы или порицанія отмѣчены чистосердечной привязанностью къ нимъ. Онъ жилъ съ ними и для нихъ. „Они были только со мною и я былъ съ ними, говорить Песталоцци о своей „школѣ для бѣдныхъ“.—Что ѣли они, то ѣлъ и я, что пили они, то и я пилъ. У меня не было ничего: ни хозяйства, ни слугъ, ни друзей, у меня были только они. Были они здоровы—я находился въ ихъ средѣ; заболѣвалъ кто-нибудь—я сидѣлъ у его кровати и онъ все-таки оставался со мною. Я спалъ также съ ними; ложился, когда послѣдній изъ нихъ засыпалъ, и вставалъ, когда еще никто не просыпался. Мы молились вмѣстѣ, а пока они засыпали, мои рассказы или развлекали, или учили ихъ: это было ихъ собственное желаніе. Я ухаживалъ за ними, стараясь устранить послѣдствія неопытности, столь понятной при нищетѣ, и дѣти скоро пріучались цѣнить все, что я для нихъ дѣлалъ. Лучшими защитниками, когда родители бранили меня, были именно эти бѣдныя, заброшенныя дѣти. Они чувствовали какъ-будто всю несправедливость, съ которой относились ко мнѣ, и привязывались еще болѣе. *Я не зналъ системы, метода, пріемовъ, кромѣ тѣхъ, которые основывались на любви дѣтей ко мнѣ, и не хотѣлъ знать.* Я вѣрилъ въ то, что убѣжденіе въ моей искренней, сердечной любви къ нимъ измѣнитъ къ лучшему моихъ дѣтей такъ-же скоро, какъ измѣняетъ весеннее солнце поверхность почвы, застывшей въ холодную, непривѣтную зиму“. Замѣчательно, что Песталоцци серьезно сѣтовалъ на себя, что у него не было желанія «знать системы, методы и пріемы»; онъ называлъ себя неспособнымъ и только всемогущая любовь приковывала его къ дѣтямъ. «Когда я оглядываюсь на то, что мнѣ удавалось сдѣлать, говорить Песталоцци,—то не могу не признаться, что неспособность меня дѣлать что-нибудь трудно отыскать... Но я стоялъ на своемъ—и любовь совершила все. Когда любовь искренна и не боится креста, у нея чудодѣйственная, божественная сила“... Откуда бралась эта любовь, гдѣ ея таинственный родникъ? Изъ заурядной личности жизнь Песталоцци могла выработать лишь желчнаго ми-

зантропа, озлобленнаго на міръ и людей. Его карьера началась, продолжалась и окончилась горемъ и несчастіями. Сначала онъ готовилъ себя къ духовному званію, но рассказываютъ, что когда ему случилось говорить первую проповѣдь, онъ, раскрывъ уста, совершенно забылъ, о чемъ ему нужно было говорить, и замѣшательство его было такъ велико, что онъ перепуталъ даже „Отче нашъ“. Это отклонило его отъ теологіи и онъ предназначилъ себя къ юридическому поприщу. Но тутъ ему удалось прочесть «Эмиля» Руссо, и новый свѣтъ озарилъ его любящую душу. Золѣтъ отъ роду было Песталоцци, когда онъ рѣшился искать мѣста школьнаго учителя. Изъ состраданія къ его согбенному, хилому тѣлу и нищенскому виду, его приняли въ какую-то школу, но онъ не долго тамъ былъ. Его съ позоромъ вытолкали изъ этой школы добродушные поселане изъ боязни, что новый учитель своими диковинными штуками испортитъ ихъ дѣтей. Старый башмачникъ, главный учитель, рассказывалъ о Песталоцци разныя разности и упиралъ въ особенности на то, что уроковъ онъ не задаетъ, самъ почти-что не учитъ, болтаетъ только съ ребятами да картинки имъ какія-то показывается. Правда, впоследствии Песталоцци нашелъ восторженныхъ поклонниковъ, но все-таки ему не разъ приходилось встрѣчать пріемъ, подобный тому, который онъ нашелъ въ упомянутой школѣ, и именно со стороны людей, отъ которыхъ онъ ждалъ помощи и поощренія. Когда, послѣ цѣлаго ряда горькихъ неудачъ, глубоко отозвавшихся въ его сердцѣ, Песталоцци представился случай видѣться съ Наполеономъ, старый педагогъ рѣшился выступить предъ этимъ человѣкомъ адвокатомъ своего и народнаго дѣла. Онъ хотѣлъ просить его и предлагалъ свой планъ поднять уровень образованія. Но Наполеонъ встрѣтилъ его съ холоднымъ равнодушіемъ и даже замѣтилъ презрительно, что это не его, Наполеона, дѣло и что ему некогда возиться съ букварями. Проницательность этого пресловутаго генія рѣзни и разрушенія очень мѣтко выразилась въ его отзывѣ о Песталоцци. „Знаю, сказалъ онъ однажды, — что песталоццианецъ и иезуитъ — одно и то-же“. Впрочемъ, можетъ быть, по-своему онъ былъ и правъ. Но не поучительно-ли, въ самомъ дѣлѣ, сопоставить это надменное всемогущество съ словами темнаго, чуть не умирающаго съ голода бѣдняка, который говоритъ въ своемъ письмѣ: «Дорогой мой другъ, меня очень порадовало ваше сочувствіе той моей мысли, что городъ совсѣмъ не мѣсто для воспитанія согласно нашимъ общимъ взглядамъ. Моя хижина должна стоять вдаль отъ городовъ, этихъ пристанищъ порока и бѣдствія, и я увѣренъ, что въ деревнѣ, вдаль отъ городского шума, я буду въ состояніи полнѣе отдаться мыслямъ объ отечествѣ. Тамъ, когда я увижу ребенка, у котораго, можетъ быть, великая душа и нѣтъ куека хлѣба, я возьму его къ себѣ и сдѣлаю изъ него граждаина... Всякій умтаемый бѣднякъ найдетъ у меня кровь, и пока у меня будетъ кусокъ хлѣба, онъ будетъ у него: я самъ буду пить воду и отдамъ ему молоко,

чтобъ онъ видѣлъ, какъ я цѣню честную нищету». Всей своею жизнью Песталоцци доказалъ, что это не изліаніе кабинетнаго мечтателя, не мишкетная вспышка и не порывъ. Школа его разорила, онъ ухлопалъ въ нее все свое скудное состояніе, приносилъ ей всѣ свои гроши, которые онъ зарабатывалъ своими сочиненіями. И на смертномъ одрѣ его безпокоила одна и та-же мысль, одною и тою-же скорбью проникнуты всѣ его рѣчи. Онъ думалъ о своихъ дѣтяхъ, для которыхъ онъ, по своему сознанію, ничего не сдѣлалъ. «Умереть ничего, писалъ онъ въ постели, за нѣсколько дней до смерти.— Я умираю охотно, потому что усталъ и жажду покоя. Но сойти въ могилу съ сознаніемъ, что ничего не сдѣлалъ, а что и сдѣлалъ, то будетъ разбито и развѣяно прахомъ,— невыразимо страшно. Я хотѣлъ-бы плакать, но у меня нѣтъ слезъ: онѣ или вылиты уже, или высохли. А мои бѣдняки, всѣми презираемые, всѣми отталкиваемые бѣдняки!.. И надъ ними будутъ смѣяться, и ихъ будутъ оскорблять такъ же, какъ меня. Богатый, въ своемъ избыткѣ, не можетъ думать о васъ, бѣдняки, какъ думалъ о васъ я. Самое большее, что въ состояніи онъ сдѣлать для васъ,—одать вамъ кусокъ хлѣба—и только». Песталоцци сошелъ въ могилу жертвой журнальной клеветы. „Нѣтъ, больше я не могу этого выдерживать!» воскликнулъ онъ послѣ полемиической выходки одной газеты. Онъ былъ такъ сильно потрясенъ, что слегъ въ постель и уже больше не вставалъ.

Воспитательные принципы Песталоцци, конечно, всего интереснѣе для потомства; ими только и красна жизнь этого человѣка. Но, къ сожалѣнію, г. Михайловъ отвелъ имъ очень мало мѣста въ своемъ очеркѣ. Мы полагаемъ, что знакомство съ этими принципами весьма полезно для нашей публики. Если-бъ она познакомилась основательно съ сочиненіями Песталоцци, она не стала-бы читать праздныхъ измышлений современныхъ нѣмецкихъ педагоговъ и не признавала-бы разныхъ Диттесовъ, Паульсоновъ и Евтушевскихъ за непогрѣшимыхъ мудрецовъ. Песталоцци чужда была хитроумная педагогическая эввилибристика, въ которой упражняются въ настоящее время нѣмцы, но въ его рукахъ былъ одинъ простой и могучій рычагъ воспитанія—наглядность обученія, до всесторонняго пониманія которой и въ настоящее время не могутъ дойти нѣмецкіе гелерты. Можно сказать навѣрное, что Песталоцци не читалъ Аристотеля, уступая въ этомъ отношеніи г. Евтушевскому, но потому онъ и не повторяетъ вслѣдъ за этимъ пресловутымъ мудрецомъ, что душа ребенка есть *tabula rasa*, какъ говоритъ г. Евтушевскій въ своей «Методикѣ». Эта фальшивая доктрина составляетъ болѣзненное осложненіе современной педагогики, изъ котораго истекаетъ большая часть заблужденій жрецовъ этой науки. Песталоцци, между прочимъ, училъ совершенно противоположному; инстинктомъ любви онъ вѣрнѣе позналъ истину, чѣмъ современные гелерты кропотливой эрудиціей. По убѣжденію Песталоцци, въ душѣ каждаго ребенка существуютъ многочисленныя задатки къ добру, которые должны быть раз-

виты и пополнены воспитаніемъ. И эта глубокая вѣра въ дѣтскую природу, имѣющая вполне рациональныя основанія въ выводахъ современной науки, только и поддерживала Песталоцци въ трудномъ дѣлѣ воспитанія дѣтей, вырванныхъ изъ мрачныхъ нѣдръ порока и нищеты. Впрочемъ, для насъ совершенно понятно, какимъ образомъ этотъ человѣкъ, руководившійся больше инстинктомъ и психологическимъ тактомъ, чѣмъ философскими соображеніями, совершалъ чудеса въ своей школѣ. Вся его сила заключалась въ томъ пламенномъ одушевленіи, съ какимъ онъ смотрѣлъ на задачи воспитанія. Вотъ, напр., какъ писалъ онъ въ своемъ дневникѣ по поводу рожденія своего сына. «Боже! милость Твоя ко мнѣ выше мѣры. Ты сохранилъ жизнь и здоровье дорогой для меня жены; рожденіемъ ребенка Ты сдѣлалъ меня отцомъ человѣка, который долженъ жить вѣчно. Ниспосли мнѣ Духа Твоего, дай мнѣ новую силу, создай во мнѣ новое сердце, новую крѣпость!.. Страшно!.. Неужели когда-нибудь, вслѣдствіе нерадѣнія неподготовленный къ выполненію своего человѣческаго назначенія, мой сынъ выступитъ обвинителемъ передъ Вѣчнымъ Судьею противъ того, кто обязанъ былъ вести его вѣрнымъ путемъ къ совершенствованію? Лучше-бы мнѣ не видѣть твоего лица, лучше-бы умереть, не выдавши тебя!. Боже! неужели какой-нибудь порокъ осквернитъ твою чистую душу, мое милое дитя? Милосердый Боже! сохрани меня отъ этого страшнаго несчастія!..» Легко представить себѣ, что могъ дѣлать изъ дѣтей человѣкъ, подходившій къ нимъ съ такой искренней и глубокой вѣрой въ добро, съ такимъ страхомъ за свою отвѣтственность и съ такой любовью къ нимъ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

1 (13) февраля.

24 января (5 февраля) послѣдовало открытіе зданія парижской Новой Оперы, построенной архитекторомъ Шарлемъ Гарнье.

„Угловатый въ манерахъ, небрежный въ костюмѣ, одѣтый въ коротенькомъ пиджакѣ, кое-гдѣ заплатанномъ, въ снятой шляпѣ, разукрашенной иногда паутиной; въ башмакахъ, разношенныхъ до такой степени, что они скорѣе похожи на калоши, роста средняго, даже малаго, сухой и нервный, Гарнье бѣгаетъ по оперному зданію, отъ столяра къ скульптору, отъ декоратора къ машинисту, отъ одной работы къ другой; здѣсь даетъ приказанія, тамъ дѣлаетъ выговоръ, и все это тихимъ, спокойнымъ голосомъ, не придавая себѣ важнаго вида и напоминая свою фигурую самаго скромнаго изъ десятниковъ. Только по ленточкѣ, надѣтой въ петлицѣ, можно отличить его отъ простыхъ рабочихъ, но и та такъ потемнѣла отъ пыли, что ее легко можно не замѣтить“.

Вотъ какъ описываютъ Гарнье въ одной изъ здѣшнихъ газетъ. Описаніе это нѣсколько прикрашено въ подробностяхъ, напримѣръ, по поводу паутины на шляпѣ, но въ общихъ чертахъ оно довольно близко соотвѣтствуетъ типичной фигурѣ Гарнье, въ тѣ минуты, когда онъ бывалъ на работахъ. Разумѣется, теперь, когда трудъ его увѣнчался успѣхомъ и когда Гарнье приходится только любоваться своимъ произведеніемъ и слушать восторженные похвалы посѣтителей, теперь, говоримъ мы, онъ, конечно, является передъ публикой въ нѣсколько болѣе изысканной одеждѣ. Но и сдѣлавшись героемъ дня, Гарнье по-прежнему держитъ себя просто и скромно и не напускаетъ на себя той важ-

ности, которую такъ часто усваиваютъ себѣ люди, пользующіеся успѣхомъ.

Лучшую часть своей жизни Гарнье употребилъ на созданіе своего замѣчательнаго произведенія. Втеченіи четырнадцати лѣтъ онъ работалъ надъ созданіемъ опернаго театра, преодолевая массу затрудненій. Не говоря уже о чисто-художественной сторонѣ дѣла, ему приходилось преодолевать техническія и ремесленныя трудности, представлявшіяся на каждомъ шагу при постройкѣ такого сложнаго зданія, задуманнаго въ огромныхъ размѣрахъ, и при необходимости постоянно соображать способы къ достиженію общаго эффекта посредствомъ разработки подробностей. При возведеніи постройки, занимающей пространство около полу-десятины, одному человѣку весьма трудно присмотрѣть за всѣмъ, быть вездѣ, на всѣхъ отдѣльныхъ мѣстахъ. Между тѣмъ за всякую ошибку подрядчика долженъ былъ отвѣчать архитекторъ и, конечно, на его обязанности лежало тотчасъ-же исправить ее. При постройкѣ парижской Оперы не обошлось безъ такихъ непредвидѣнныхъ ошибокъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной изъ боковыхъ стѣнъ зданія замѣчена была трещина; стали повѣрять, и оказалось, что позабыли подвести нѣсколько винтовъ подъ желѣзную перекладину, которая вслѣдствіе того погнулась. По счастью, трещину успѣли замѣтить во-время, ее еще легко было исправить. Такіе недосмотры при постройкахъ случаются довольно часто, и всѣ ихъ послѣдствія тяготеютъ, разумѣется, на отвѣтственности архитектора. Стоитъ вспомнить прошлогодній грустный случай паденія потолка въ новой слѣдственной тюрьмѣ въ Петербургѣ, который былъ отнесенъ общественнымъ мнѣніемъ къ винѣ архитектора, хотя тотъ былъ очень мало виноватъ въ этой случайности. Что касается Гарнье, то всѣ отдають ему справедливость въ томъ, что онъ умѣлъ всегда во-время замѣтить промахи своихъ подчиненныхъ исполнителей и быстро принималъ мѣры къ исправленію ихъ ошибокъ. Въ большомъ фойе Новой Оперы выставлены статуи всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми долженъ отличаться человѣкъ, подвизающійся на поприщѣ искусства. Въ числѣ этихъ достоинствъ Гарнье поставилъ и твердую волю. Этимъ качествомъ онъ всегда отличался, какъ въ отношеніи художниковъ, работавшихъ подъ его руководствомъ, которыхъ онъ умѣлъ убѣждать въ соотвѣтственности и изяществѣ его собствен-

ныхъ предположеній, такъ и въ отношеніи администраціи, съ энергіею защищая отъ ея урѣзовъ и дополненій ту программу, которою онъ задался, и тѣ способы приведенія ея въ исполненіе, которые казались ему необходимыми.

Потребность большого опернаго театра чувствовалась въ Парижѣ давно. Театръ, бывшій въ улицѣ Лепелетье и сдѣлавшійся въ прошломъ году жертвою пламени, далеко не удовлетворялъ желаніямъ парижанъ, по справедливости гордившихся произведеніями своей національной оперы, имѣющей въ спискахъ композиторовъ Россини, Мейербера, Галеви и Гуно. Къ тому-же оперный театръ въ улицѣ Лепелетье, построенный для временнаго помѣщенія въ немъ оперы, въ послѣднее время угрожалъ даже опасностью по своей непрочности. Гарнье сильно безпокоился, замѣчая, что съ 1868 года стѣны стараго зданія стали осѣдать, а новое, между тѣмъ, еще не готово. Пожаръ какъ нельзя болѣе кстати прервалъ его дальнѣйшее безпокойство.

Съ 1853 года правительству было представлено болѣе 100 плановъ разныхъ оперныхъ театровъ, которые предполагались къ постройкѣ, то въ той, то въ другой части города. 29 октября 1860 года окончательно избрана была для постройки мѣстность, занимаемая теперь новымъ опернымъ театромъ, и открытъ конкурсъ на представленіе проектовъ. Всѣхъ проектовъ оказалось 171, снабженныхъ 700 рисунковъ. Комисія экспертовъ избрала между конкурентами пятерыхъ и предложила имъ представить новыя, окончательныя проекты для послѣдняго конкурса.

На второмъ конкурсѣ эксперты отдали преимущество передъ прочими проекту Шарля Гарнье, которому и была поручена постройка.

Семь лѣтъ возводилось зданіе и только во время выставки 1867 года, 15 августа, въ день именинъ императора, отдернутая завѣса открыла передъ зрителями главный фасадъ. Этотъ фасадъ произвелъ значительное впечатлѣніе и послужилъ темою для многочисленныхъ критикъ и за и противъ строителя. Болѣе всего поразилъ публику колоритъ зданія, отдававшій подъ солнечными лучами чуть не всѣми радужными цвѣтами. Позолота, на которую архитекторъ не поскупился, производила какое-то странное впечатлѣніе и вызывала болѣе всего замѣчаній. Бѣлыя мраморныя колонны, окаймляющія верхнюю галерею, какъ-то ярко

выдѣлялись на темно-кирпичномъ фонѣ. Ослѣпительная бѣлизна ихъ слишкомъ рѣзко отличалась отъ прочихъ цвѣтовъ фасада. Но архитекторъ, допуская такіе рѣзкіе переходы, совершенно вѣрно предвидѣлъ, что время возьметъ свое, сгладитъ рѣзкости и подведетъ всѣ цвѣта подъ одинъ общій уровень. Онъ даже посвятилъ часть одного своего сочиненія разбору этого вопроса, доказывая, что хотя зданіе и воздвигается строителемъ, но доканчивается и обрамливается временемъ. Съ 1867 года прошло едва 7 лѣтъ—и вся рѣзкость въ колоритныхъ переходахъ исчезла, позолота потеряла свою яркость и внѣшній обликъ зданія представляется теперь вполне изящнымъ.

Надъ галереей, составляющей верхнюю половину передняго фасада, поставлено семь бюстовъ знаменитыхъ французскихъ композиторовъ: Моцарта, Бетховена, Спонтини, Обера, Россини, Мейербера и Галеви. Выборъ этихъ лицъ также подвергался частой критикѣ. Прежде всего замѣчено было отсутствіе Глюка, который былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и талантливѣйшихъ дѣятелей французской оперы. Однакожь, оказалось, что ему отведено болѣе почетное мѣсто въ среднѣмъ зданіи. И не одинъ Глюкъ послужилъ поводомъ къ нападкамъ. Угодить всѣмъ было невозможно. Если одна музыкальная партія оставалась довольна, на Грань навидывалась ея противница. Предвидя это, Гарнье обращался за совѣтомъ къ людямъ компетентнымъ въ оцѣнкѣ музыкальныхъ талантовъ, и потомъ казался, что ему пришла въ голову такая мысль. Онъ рѣшительно терялся, не зная, какъ справиться съ противорѣчіями, отличавшими доставленные ему съ разныхъ сторонъ списки музыкальныхъ знаменитостей. Невольно припоминается мнѣ та полемика, которая еще недавно возбуждена была въ петербургской журналистикѣ вопросомъ о бюстахъ дѣятелей екатерининскаго вѣка, которые слѣдовало поставить вокругъ памятника Еватерини II.

При боковыхъ входахъ передняго фасада зданія стоятъ четыре скульптурныя группы, представляющія собою: музыку, лирическую поэзію, лирическую драму и танцевальное искусство. Последняя группа, по-моему, исполнена удачнѣе всѣхъ, между тѣмъ она-то именно возбудила самыя разнообразныя нападки и въ газетахъ, и въ спеціальныхъ брошюрахъ, и въ лекціяхъ. Нашелся молодецъ, который выразилъ неудовольствіе этой группой самымъ

страннымъ образомъ. Въ одно прекрасное утро весь боевъ одной изъ танцующихъ фигуръ оказался покрытымъ широкимъ чернымъ пятномъ: на эту фигуру была вылита цѣлая бутылка чернилъ! Пятно было стерто, но полемика и пересуды продолжались и велись такъ жарко, что для успокоенія опонентовъ въ концѣ 1869 года рѣшено было снять эту группу и замѣнить ее другою, представляющею тотъ-же сюжетъ. Однакожь, эта группа остается и до сихъ поръ и продолжаетъ возбуждать, если не всегда восхищеніе, то, во всякомъ случаѣ, любопытство.

Войдемъ теперъ въ зданіе. Мы вступаемъ въ круглую залу съ довольно низкимъ потолкомъ и колонадю вокругъ. Она предназначена для лицъ, ожидающихъ свои экипажи. Освѣщенная довольно тускло, эта передняя зала особенно не поражаетъ зрителя и напоминаетъ базилики византійскаго стиля. За этой передней слѣдуетъ парадная лѣстница. Подъ сводомъ ея устроенъ прелестный фонтанъ въ мавританскомъ стилѣ. Арабески въ соединеніи съ экзотическими растеніями производятъ самое пріятное впечатлѣніе. Среди фонтана статуя негрятянки, представляющая собою Пифію.

Далѣе слѣдуетъ ярко-освѣщенная лѣстница, блескъ которой еще болѣе поражаетъ вслѣдствіе рѣзкости перехода отъ тусклой передней залы.

Ничто не можетъ сравниться съ великолѣпіемъ этой лѣстницы. Изящество выполненія, богатство матеріаловъ, значительное количество скульптурныхъ работъ, аллегорическая живопись, украшающая своды, балконы и балюстрады изъ оникса и краснаго гранита, счастливое расположеніе колонъ, на которыхъ опираются своды, множество бронзы, лѣдной работы, изящные канделябры, оригинальныя каріатиды, богатство инкрустацій, — все это представляетъ такое цѣлое, которое поражаетъ взглядъ зрителя и ослѣпляетъ его своимъ блескомъ. Въ созданіи этой лѣстницы чувствуется рука художника, который задался только одною цѣлью — превзойти все, что было сдѣлано въ этомъ родѣ до него, и превзойти самого себя.

Подъемъ лѣстницы не особенно высокъ, потому-что она ведетъ только въ тѣ мѣста, которыя у насъ называются бенуаромъ и бель-этажемъ. Вся нижняя половина лѣстницы двойная, такъ-что публика входитъ изъ передней круглой залы двумя входами: каж-

дая изъ двухъ сторонъ театра, лѣвая и правая, имѣетъ соотвѣтствующую ей сторону большой лѣстницы. Пройдя-нижнюю половину, посѣтители сходятся съ обѣихъ сторонъ на верхней части лѣстницы, которая ведетъ къ большой входной двери въ бель-этажъ, охраняемой двумя женскими фигурами, двойной величины противъ природной, вылитыми изъ бронзы и одѣтыми въ мраморныя тоги; одна изъ нихъ держитъ въ рукахъ золотую лиру, а другая трагическій мечъ. Всѣ ступени лѣстницы — бѣлыя мраморныя, перила сдѣланы изъ просвѣчивающаго оникса и укрѣплены въ красномъ мраморномъ фундаментѣ. Даже въ Италіи, гдѣ существуетъ столько великолѣпныхъ входныхъ лѣстницъ и которая не стѣснялась вызывать самыхъ знаменитыхъ афинскихъ строителей, чтобы создавать дворцы своихъ кесарей, даже и тамъ не было создано ничего подобнаго. Но это еще не все: посредствомъ гениальнаго сопряженія архитекторъ окружилъ этотъ нарядный входъ перистилемъ, соединеннымъ въ каждомъ ярусѣ съ входными въ ложи галереями; просвѣты этого перистилля, въ которыхъ имѣтъ прохода, послужили къ устройству балконовъ, выдающихся выпуклыми линиями на высокое воздушное пространство, занимаемое лѣстницею; балконы эти, то мраморные, то бронзовые, самыхъ разнообразныхъ рисунковъ, цвѣтовъ и матеріаловъ, смотря по этажамъ, служатъ для отдыха тѣмъ зрителямъ, которые въ антрактахъ пожелаютъ посмотрѣть нарядную толпу, поднимающуюся и спускающуюся по лѣстницѣ.

Едва вы прошлись по мраморнымъ ступенямъ лѣстницы, какъ вамъ приходится идти по мозаиковому полу весьма нарядной залы, которая составляетъ только переднюю часть большого фойе. Это такъ-называемый *avant-foyer*. Здѣсь сосредоточены замѣчательнѣйшія мозаиковыя работы опернаго зданія. Гарнье съ особенною любовью наблюдалъ за мозаиковою работою. Обѣ существующія мозаиковыя системы имѣли здѣсь свое прижизненіе. Полы составлены изъ маленькихъ кусочковъ мрамора, связанныхъ тонкими слоями цемента. Но весь потолокъ *avant-foyer* сдѣланъ по другой системѣ, изъ мелкихъ кусочковъ стекла. Здѣсь четыре мифологическія группы, окруженныя разнообразными украшеніями, изображающими музыкальные инструменты, арабески и т. п. Въ четырехъ углахъ я замѣтилъ греческія надписи, свидѣтельствующія, что декоративная мозаика примѣнена во Франціи въ первый

разъ. Гарнье видимо придавалъ ей большое значеніе; онъ много хлопоталъ объ учрежденіи въ Парижѣ школы мозаичнаго искусства, подобно существующимъ въ Ватиканѣ, Венеціи и Петербургѣ, и не разъ въ статьяхъ своихъ доказывалъ необходимость развитія во Франціи этой отрасли искусства. Въ мозаикѣ Парижъ очень отсталъ; всѣ мозаиковыя работы для опернаго театра были выполнены венеціанскими художниками.

Мозаиковая зала, какъ сказано, съ одной стороны выходитъ на лѣстницу, а съ другой соприкасается съ большимъ фойе, отъ котораго отдѣлена стѣнкою. На лѣстницу она выходитъ тремя отверстиями, снабженными вышеописанными балконами, а въ фойе ведутъ три, соотвѣтствующія этимъ балконамъ, большія двери, которыя, въ свою очередь, соотвѣтствуютъ тремъ изъ пяти большихъ оконъ фойе, выходящихъ на балконъ передняго фасада, или такъ-называемую ложьету. Всѣ эти соотвѣтствующія одно другому отверстія представляютъ собою блистательную амфиладу, начинающуюся у ложь бель-этажа и кончающуюся на площади. Площадь эта покуда не представляетъ собою полного эффекта, потому-что большая улица, которая должна соединять Оперу съ Тюльери прямою линією, еще не прорѣзана. Но какъ только это будетъ сдѣлано, то, выходя изъ ложи, зритель чрезъ рядъ последовательныхъ отверстій будетъ имѣть возможность обозрѣть всю блистательно-иллюминированную улицу, до самаго Лувра.

Самое разнообразное накопленіе богатствъ декоративнаго искусства архитекторъ готовилъ для фойе, служащаго для отдыха и прогулокъ публики. Таковы были, по крайней мѣрѣ, его намѣренія, которыя не могли, однакожь, быть приведены въ исполненіе въ цѣлости, потому-что война и другія постигшія страну несчастія заставили ограничить нѣсколько архитектора въ его расходахъ. Въмѣсто бронзовыхъ и скульптурныхъ издѣлій пришлось довольствоваться издѣліями изъ картона и золоченнаго дерева. Можно сказать, что Гарнье пришлось воспроизвести только тѣнь того великолѣпія, которое мелькало въ его воображеніи, но по этой тѣни можно судить, что могло-бы быть сдѣлано, если-бы необходимость экономіи не побудила урѣзать расходы.

Фойе занимаетъ пространство въ 54 метра длины, 13 ширины и 18 вышины. Эта вышина залы болѣе всего поражаетъ входящаго въ нее и допущена архитекторомъ вслѣдствіе особо вы-

работавшагося у него убѣжденія, что только высокое помѣщеніе можетъ привлекать вниманіе зрителя къ верхней своей части, тогда какъ въ низкомъ зритель прежде всего смотритъ на полъ. Дѣйствительно-ли это такъ, не знаю, но могу сказать, что новое оперное фойе, по мысли, которою задался архитекторъ при его возведеніи, обращаетъ на себя вниманіе на-столько-же верхнею, какъ и нижнею своею частію. Гарнье надо было заставить особымъ терпѣніемъ и выдержкою, чтобы отражать всѣ нападенія, которымъ онъ подвергался во время производства постройки, за излишнюю высоту фойе. Одинъ изъ близкихъ друзей его рассказываетъ, что на всѣ замѣчанія по этому поводу Гарнье отвѣчалъ постоянно желаніемъ придать фойе еще болѣе высокій видъ, чего онъ достигъ, пригласивъ декоративнаго живописца Бодри помѣстить на центральномъ потолкѣ длинныя фигуры, какъ-бы улетающія въ безконечность воздушнаго пространства. Когда постройка была окончена, то пропорціи оказались вполнѣ соответственными.

Общій тонъ фойе золотой, но не блестящій, а матовый, на подобіе стараго золота. Подобный способъ введенія золотого колорита въ архитектуру заимствованъ Гарнье изъ Италіи и заключается въ томъ, что масса пространства, подлежащаго золоченію, покрыта такою краскою, которая соответствуетъ цвѣту тѣни, производимой золочеными выпуклостями, а позолотою покрыты только дѣйствительныя выпуклости, отражающія освѣщеніе. Для того, чтобы изучить и проникнуться умѣніемъ итальянскихъ художниковъ пользоваться подобнымъ эффектомъ, Гарнье безпрестанно ѣздилъ въ Италію въ то самое время, когда работа по возведенію украшеній фойе была въ полномъ ходу. Его утомяло излишество бѣлаго цвѣта и позолоты, которымъ отличаются парижскія кофейни, и онъ ѣздилъ въ Италію искать колоритныхъ вдохновеній.

Описаніе всѣхъ украшеній фойе потребовало-бы слишкомъ много времени и мѣста. Художникъ собралъ тутъ всѣ богатства новѣйшаго искусства, какъ по части декоративной, такъ и по части живописи. Но даже и въ самомъ краткомъ очеркѣ нельзя не остановиться на знаменитыхъ картинахъ Бодри.

Осенью 1874 года картины эти были выставлены въ особомъ зданіи и публика могла заранѣе съ ними ознакомиться. Это была

мысль далеко не счастливая и не приносящая чести эстетическому чувству тѣхъ лицъ, которымъ она пришла въ голову. Декоративную живопись нельзя ставить передъ зрителемъ въ тѣ-же условія, въ какія ставится живопись картинная, имѣющая самостоятельную красоту, независящую отъ окружающихъ элементовъ и требующую только подобающаго освѣщенія. Декоративная живопись должна, напротивъ того, находиться въ тѣхъ-же условіяхъ, какъ и вообще декораціи, и требуетъ для полнаго успѣха особыхъ оптическихъ условій. Всѣ подобныя творенія могутъ проявиться въ дѣйствительномъ своемъ характерѣ только при подходящихъ архитектурныхъ украшеніяхъ и соответствующемъ освѣщеніи. Въ этомъ отношеніи лица, измыслившія выставку произведеній Бодри, поступили подобно такому театральному директору, который передъ самымъ представленіемъ повелѣлъ бы зрителямъ на сцену и показалъ имъ всѣ декораціи вблизи, безъ соблюденія условій театральной перспективы. Общественное мнѣніе, отнесшееся къ картинамъ Бодри съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ, теперь воплѣтъ измѣнило свои воззрѣнія и восторгамъ публики нѣтъ предѣла. По нашему мнѣнію, нечѣмъ такъ восторгаться.

На потолкѣ расположены три сюжета. Посрединѣ залы представлены обнявшіяся сестры Мелодія и Гармонія, летяція, какъ сказано выше, по направленію къ небу. Мелодія, въ зеленой тогѣ, увѣнчана вѣнкомъ изъ лилій, Гармонія, акомпанирующая ей на струнномъ инструментѣ, одѣта въ голубое платье. Это объединеніе голубого и зеленого цвѣта въ одной картинѣ почитается здѣсь новостью, привезенною Бодри съ Востока. Тутъ-же направо художникъ поставилъ Славу въ красной мантии, а налѣво—Поэзію, несущуюся въ облака на мифологическомъ Пегасѣ. Во всѣхъ этихъ фигурахъ замѣтно движеніе; въ цѣлости своей группа отличается богатствомъ колорита. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе одного знатока, вмѣстѣ съ которымъ я осматривалъ эти картины. Расположенные сажень на 10 выше зрителя, а не на разстояніи нѣсколькихъ футовъ, какъ было на выставкѣ,—фрески эти только теперь производятъ сильное впечатлѣніе. На боковыхъ сторонахъ свода расположены важнѣйшія картины Бодри. Ихъ всего двѣнадцать. Всѣ онѣ относятся къ исторіи музыки, начиная съ Орфея и Давида и кончая святою Цецилією. Важ-

нѣйшихъ по объему картинъ тутъ двѣ, которыя представляютъ — одна Парнасъ, а другая — поэтовъ. Въ первой изъ этихъ двухъ картинъ представленъ Аполлонъ, остановившій своихъ коней и принимающій съ одной стороны лиру отъ Граціи, а съ другой — выслушивающій рекомендаціи, дѣлаемыя Музами насчетъ важнѣйшихъ, тутъ-же находящихся музыкантовъ. Сюжетъ этотъ — одинъ изъ труднѣйшихъ, которые представлялись Бодри, и выполнение его едва-ли вполнѣ удовлетворительно. Чтобы соединить въ одной композиціи Меркурія съ жезломъ и Моцарта въ напудренномъ парикѣ, надо имѣть особый талантъ объединенія совершенно чуждыхъ другъ другу началъ въ одной и той-же художественной мысли, — а этого таланта у Бодри не хватило. Другая изъ названныхъ картинъ представляетъ Поззію, цивилизующую міръ. На ступеняхъ дорическаго храма возсѣдаетъ Гомеръ, окруженный художниками, поэтами, ваятелями и философами. Сюжетъ напоминаетъ знаменитую картину Каульбаха въ берлинскомъ музее, но въ исполненіи такая разница, что сравненіе не можетъ имѣть мѣста. На первомъ планѣ здѣсь почему-то представленъ Ахиллъ. По мысли живописца, онъ долженъ служить представителемъ распространенія новѣйшей цивилизаціи при помощи меча. Трудно себѣ объяснить подобную мысль. Въ качествѣ чего-же Ахиллъ могъ служить представителемъ распространенія образованности? Не въ качествѣ-же война, потому-что война никогда не имѣла ничего общаго съ цивилизаціей. Не въ качествѣ также разрушителя Трои, потому-что Троя, если судить по новѣйшимъ раскопкамъ, была средоточіемъ арійской образованности, а греки, покорившіе ее, были въ то время просто разбойниками, пришедшими разграбить городъ, сосредоточивавшій въ себѣ, какъ гласила молва, значительныя богатства. Прочія картины потолковъ также не вполнѣ удовлетворительны.

Картины, расположенныя по стѣнамъ фойе и представляющія Музъ, болѣе удачны по исполненію. Такъ-какъ простѣнковъ оказалось четное число, то одно изъ лицъ пришлось устранить и жребій выпалъ на Музу философіи. Ей нашли мѣсто въ числѣ статуй, расположенныхъ по бокамъ стѣнъ, между Мудростью и Независимостью. Статуи эти представляютъ качества, необходимыя художнику: тутъ-то расположена и Твердая Воля, о которой я упомянулъ выше. Музы самыя удачныя изъ картинъ Бодри, хотя

нельзя не обратить вниманія, что въ нихъ весьма мало античнаго: онѣ скорѣе напоминаютъ современныхъ богинь, драпированныхъ греческимъ пеллумомъ. Помнится, гдѣ-то я читалъ мифологическій анекдотъ, будто Венера однажды потребовала себѣ поклоненія отъ Музъ, грозя въ противномъ случаѣ напустить на нихъ Амура, но цѣломудренныя дѣвы посоветовали ей обратиться лучше къ Марсу; онѣ рѣшительно заявили, что не боятся стрѣлъ Амура. Бодри видимо или не зналъ этого анекдота, или позабылъ его, иначе онъ умѣрилъ-бы эротическій характеръ, которыми отличаются позы его Музъ.

Заключая этимъ описаніемъ фойе, мнѣ остается прибавить, что фресковую живопись предполагается со временемъ замѣнить мозаикою, если найдутся необходимыя для того средства.

Теперь перехожу къ описанію самой важнѣйшей части зданія — театральной залы. Какъ-бы ни были хороши прочія части театра, но если зала не удалась, то и все зданіе слѣдуетъ считать неудавшимся. Не удалась сцена — ее не трудно исправить; если она узка, ее можно расширить; если она низка, ее можно поднять; если она недостаточно глубока — можно подрыться подъ фундаментъ и увеличить число подпольныхъ ходовъ. Съ неудавшеюся-же зрительною залою ничего сдѣлать нельзя, и публика должна на себѣ выносить неумѣлость архитектора. Гдѣ требованія публики не велики, какъ, напримѣръ, въ Италіи, тамъ, конечно, устройство театральной залы не представляетъ особенныхъ затрудненій. Въ театрѣ Ла-Скала, въ Миланѣ, ложи устроены въ родѣ какихъ-то ящичковъ, въ отверстія которыхъ выглядываютъ фигуры зрителей. Но парижане требуютъ комфортабельнаго устройства зрительной залы. Здѣсь отъ оперной залы прежде всего требуютъ, чтобы она представляла собою фонъ, на которомъ женская красота и роскошь туалетовъ выдавалась-бы особенно отчетливо. Второе условіе хорошей залы заключается въ томъ, чтобы зрители со всѣмъ мѣстъ хорошо могли видѣть сцену. Акустическое устройство залы представляется для Парижа условіемъ третьестепеннымъ. Гарнье видимо увлекся этою програмою. Онъ вполне придержался архитектурнаго приема старой оперной залы, весьма выгоднаго для зрѣнія; но акустика какъ-будто нѣсколько пострадала. Это слѣдуетъ приписать значительному расширенію объема залы.

Однако новая оперная зала по величинѣ не самая обширная

въ мірѣ, хотя зданіе новой парижской Оперы по поверхности, имѣ занимаемой, значительно превышаетъ всѣ прочія театральныя зданія въ мірѣ. Поверхность ея равняется 11,237 квадр. метровъ, тогда-какъ петербургскій Большой театръ, напримѣръ, занимаетъ всего 4,559 метровъ.

Зрительная зала заключаетъ въ себѣ 2,156 мѣстъ, тогда-какъ старая, сгорѣвшая зала ограничивалась всего 1,771 мѣстомъ. Пространство каждаго мѣста рассчитано круглымъ счетомъ по 56 квадр. сантиметровъ. Разумѣется, болѣе дорогія мѣста занимаютъ и большее пространство: такъ въ ложахъ бель-этажа зритель пользуется мѣстомъ въ 69 сантиметровъ, что составляетъ около квадратнаго аршина, тогда-какъ въ райкѣ мѣста рассчитаны ровно въ половину, т.-е. въ 347 квадратныхъ миллиметровъ.

Сравнивая эти данныя съ вмѣстительностью другихъ театральныя залы, оказывается:

Театръ Ла-Скала, въ Миланѣ, устроенъ на 3,000 мѣстъ.	
„ Ковентъ-Гарденъ, въ Лондонѣ. „	2,500 „
„ берлинской оперы „	1,736 „
Новый вѣнскій оперный театръ . . „	2,406 „

Гарнье съ особою старательностью собиралъ всевозможныя свѣденія объ устройствѣ самыхъ замѣчательныхъ европейскихъ театровъ и велъ переписку со многими директорами оперныхъ театровъ. Разумѣется, каждый изъ этихъ корреспондентовъ старался скрыть недостатки своей залы и выставить ея достоинства; тѣмъ не менѣе свѣденія, ими сообщенныя, въ высшей степени интересны.

Зрительная зала театра Ла-Скала слишкомъ на три метра менѣе глубока, чѣмъ зала Новой Оперы, но на 4 метра шире ея. Сцена этого театра значительно сужена, хотя все-таки шире старой парижской оперной залы. Директоръ Ла-Скала въ отзывѣ своемъ называетъ свой театръ весьма „гармоничнымъ“ и приписываетъ это качество устройству сводовъ. Но дѣло въ томъ, что въ каждомъ театрѣ есть сводъ, отражающій звуки,—и своимъ отзывомъ директоръ Ла-Скала ничего не выясняетъ.

Архитекторъ ковентъ-гарденскаго театра, выстроившій залу по собственному плану, позаботился особенно о глубинѣ сцены. Признавая свою залу одною изъ самыхъ звучныхъ, онъ приписыва-

еть это тому, что стѣнки, раздѣляющія ложи, а равно и полъ балкона чрезвычайно тонки. Тѣмъ не менѣе стѣнки должны существовать, хотя-бы были сдѣланы изъ самыхъ тонкихъ досокъ, а полъ долженъ быть достаточно проченъ, чтобы публика не превалилась.

Берлинскій театръ по числу мѣстъ меньше новой парижской Оперы; дирекція его заявляетъ, что онъ глуховатъ, и приписываетъ этотъ недостатокъ низкости потолка сцены.

Вѣнскій оперный директоръ хвастается акустическими совершенствами своей залы; она глубже новой парижской залы, но значительно уже.

Къ сожалѣнію, въ изданіяхъ, вышедшихъ здѣсь по случаю открытія Оперы, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о русскихъ театрахъ. Сколько я могу судить по собственному впечатлѣнію, нашъ петербургскій Большой театръ самый звучный изъ всѣхъ тѣхъ многихъ театровъ, въ которыхъ мнѣ приходилось бывать. Московскій новый театръ въ этомъ отношеніи тоже весьма благопріятенъ для музыки; за то нигдѣ нѣтъ такого глухого театра, какъ нашъ Марининскій, построенный первоначально для цирка и, слѣдовательно, безъ особаго соблюденія акустическихъ интересовъ.

До сихъ поръ вечеромъ я только разъ попалъ въ оперную залу на представленіе „Фаворитки“, да другой разъ на маскарадъ. Мнѣ показалось, что зала глуховата, въ родѣ нашей марининской, хотя все-таки звучнѣе ея. Сравнительно съ сгорѣвшимъ театромъ въ улицѣ Лепелетье, Гарнье увеличилъ помѣщеніе въ ширину почти на одну пятую; глубина увеличена въ меньшей пропорціи, а высота еще въ меньшей. Старая зала была по звучности очень хороша; новая далеко ей уступаетъ. Гарнье увеличилъ залу въ ущербъ ея звучности. Въ этомъ отношеніи можно упрекнуть его въ нѣкоторой непоследовательности. Объемъ мѣстъ увеличенъ, но проходы оставлены тѣ-же узкіе, которыми отличаются вообще парижскіе театры. Кажднымъ мѣстечкомъ антрепренеръ воспользовался, чтобы набить залу какъ можно большимъ количествомъ посѣтителей во время удачныхъ представленій; стропонентамъ *) нѣтъ числа. Мѣста въ партерѣ до-

*) Это такого рода скамейки, которыя ставятся въ проходахъ. Когда публика усадется, то и эти проходы наполняются зрителями.

вольно широки, но чтобъ до нихъ добраться, когда рядъ занятъ, надо отдавить ноги большинству сидящихъ. Существующія въ иныхъ театрахъ сидѣнья на ресорахъ, поднимающіяся, когда зритель встаетъ, здѣсь не приняты, вѣроятно потому, что пружины часто ломаются.

Освѣщается зала большою люстрою да рядомъ свѣтящихся отверстій въ потолокъ, окружающихъ люстру. Освѣщеніе достаточное; дамы, впрочемъ, находятъ его слабымъ. Въ парадныхъ театрахъ публика привыкла видѣть дополнительное къ люстрѣ освѣщеніе посредствомъ канделябръ и жирандольей. Гарнье исключилъ всѣ эти дополненія, какъ ненужныя и неудобныя. Мнѣ кажется, онъ правъ: не для того-же существуетъ оперный театръ, чтобы дамы могли изощрять свое остроуміе насчетъ чужихъ туалетовъ. Для удовлетворенія подобной потребности никакое освѣщеніе не будетъ достаточнымъ. Вотъ что пишетъ самъ Гарнье по этому поводу:

„Германскія, а въ особенности итальянскія театральныя залы имѣютъ обыкновеніе, вромѣ люстры, устраивать другое освѣщеніе, которое точнѣе назвать иллюминаціею, — это такъ называемое à giorno. Во всѣхъ этихъ театрахъ существуютъ вокругъ каждаго яруса ложъ ряды жирандольей, освѣщаемыхъ свѣчами. Въ неаполитанскомъ Сан-Карло, наприимѣръ, это освѣщеніе великолѣпно и придаетъ залѣ особое оживленіе. Когда все это зажигается, то зритель имѣетъ передъ собою не простую спектакльную залу, а торжественное, праздничное помѣщеніе, покрытое, какъ ночное небо, массою звѣздъ, великолѣпный экранъ, изукрашенный всевозможными драгоценными камнями, блистательное вмѣстилище всѣхъ людскихъ богатствъ и всевозможной роскоши, оставляющее за собою декоративную обстановку самой залы совершенно на второмъ планѣ. Подобное пиротехническое украшеніе залы допускается только въ рѣдкихъ, праздничныхъ случаяхъ; на другой день послѣ такого освѣщенія зала представляется лицамъ, которымъ удалось присутствовать на парадномъ представленіи, еще болѣе темною и мрачною, чѣмъ обыкновенно. Впрочемъ, ихъ привилегированное положеніе, давшее имъ возможность попасть въ число избранныхъ, стоитъ имъ весьма дорого: такъ какъ передъ всякою ложею вышляется потокъ лишняго, черезчуръ яркаго свѣта, то взгляды зрителей вынуждены къ особому напряженію, чтобы проникать эту

свѣтящуюся атмосферу, которая утомляетъ зрѣніе и дѣлаетъ всѣ впечатлѣнія смутными. Для лицъ, сидящихъ въ креслахъ, спектакль при подобныхъ условіяхъ великолѣпенъ, но для тѣхъ, кто находится въ ложахъ, онъ до крайности утомителенъ. Зала при такомъ освѣщеніи дѣйствительно блистательна, но перенести спектакль можно только при помощи вѣровъ, разгоняющихъ черезъ чуръ густыя струи разливающагося свѣта“.

Вотъ почему Гарнье предпочелъ ограничиться одною люстрою. Въ видахъ санитарныхъ лучше, чтобы зала страдала недостаточнымъ освѣщеніемъ, чѣмъ излишнимъ.

Насчетъ формы театральной залы существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что она должна быть не совсѣмъ круглая, а выгнутая и нѣсколько продолговатая. Гарнье не придержался этого мнѣнія, а послѣдовалъ примѣру архитектора, строившаго сторгвную залу въ театрѣ улицы Лепелетъ. Зала Новой Оперы совсѣмъ круглая. Эта система постройки получила предпочтеніе передъ другими потому, что при ней возможно помѣстить большее число зрителей. Зала въ длину раздѣляется на четыре сектора: одинъ изъ нихъ открытъ и соединяетъ залу со сценою: прочіе три отдѣлены другъ отъ друга особыми ложами, помѣщенными между двумя колонами каждая. Куполъ совершенно круглый, соединенный у сцены съ продолговатымъ сводомъ, перерѣзывающимъ театръ надъ оркестромъ. Архитектурный приемъ, слѣдовательно, совершенно тотъ-же, что и въ старой Оперѣ. Но сходство на этомъ и останавливается. Характеръ украшеній совершенно другой.

Гарнье долго задумывался надъ цвѣтомъ обивки и драпировки. Въ большей части случаевъ залы бывають бѣлыя съ золотыми украшеніями, а цвѣтъ бархатной обивки ложъ красный. Но есть и исключенія: голубовато-сѣрый въ петербургскомъ Маріинскомъ театрѣ; въ Михайловскомъ въ Петербургѣ-же прежде была оранжевая обивка, театръ Фениче, въ Венеціи, и пражскій обиты бѣлою матеріею; а театръ Пергола, во Флоренціи, и варшавскій—сѣраго цвѣта. Гарнье совершенно откинулъ бѣлый цвѣтъ; новая зала имѣетъ оттѣнокъ цвѣта охры съ значительными золотыми украшеніями. Обивка не красная, а темно-малиновая.

Гарнье не покушился на украшенія. Если разсматривать отдѣлку залы въ подробностяхъ, то обиліе украшеній поразитъ наблюдателя. Нѣтъ, повидимому, ни достаточной сдержанности, ни

простоты; может показаться, что художественная сторона постройки от этого до известной степени страдает. Архитектор видимо исходил из того убѣжденія, что въ такомъ зданіи, какъ Опера, необходимо дать разыгратъ воображенію, совершенно исключивъ всякую строгость въ стилѣ. Онъ вполне достигъ этой цѣли. Но строгая критика сдѣлала Гарнье упрекъ въ томъ, что, преслѣдуя идеалъ великолѣпія, онъ упустилъ изъ виду строгія требованія безусловно-изящнаго вкуса.

Существующіе четыре яруса ложъ обставлены характерными украшеніями. Бель-этажъ декорированъ въ стилѣ Людовика XVI, а прочіе въ томъ стилѣ, который принято называть нео-греческимъ. Вообще украшенія балюстрадъ по величинѣ своей не совсѣмъ пропорціональны, а это придаетъ какой-то тяжелый видъ всей залѣ въ ея цѣлости. Театральный занавѣсъ представляетъ собою богатую малиновую драпировку, приподнятую съ одной стороны толстымъ золотымъ шнуромъ, съ такими-же кистями.

Ширина сцены при паденіи занавѣса равняется 15 метрамъ 60 сантиметрамъ. Глубина залы отъ занавѣса до среднихъ ложъ—25 метровъ 65 сантиметровъ. Ширина залы въ поперечномъ разрѣзѣ 20¹/₂ метровъ. Наконецъ, высота ея до купода 20 метровъ. При этихъ размѣрахъ, превосходящихъ всѣ существующіе театры, зала не производитъ сильнаго впечатлѣнія своею громадностью; это слѣдуетъ приписать тому, что вниманіе зрителя отвлечено ранѣе, чѣмъ онъ попадетъ въ самую залу. Особенную роль въ этомъ случаѣ играетъ великолѣпіе входной лѣстницы, которая дѣйствительно представляется чѣмъ-то необыкновеннымъ.

Если театральная зала, по величинѣ своей, и не оказывается первой въ мірѣ, то въ отношеніи величины сцены новому оперному театру положительно принадлежитъ пальма первенства. Театральные машинисты требовали отъ архитектора сцены особенно глубокой, и Гарнье поставилъ имъ сцену въ 27 метровъ длиной, но за этою сценою устроилъ еще коридоръ въ шесть метровъ, который, въ случаѣ надобности, можетъ служить удлиненію сцены. За этимъ коридоромъ находится такъ-называемое танцевальное фойе; двери изъ коридора въ это фойе открываются и тогда задній планъ сцены становится еще болѣе обширнымъ. Такъ-какъ это послѣднее простирается еще на 14 метровъ въ глубину, то сцена, въ случаѣ надобности, можетъ за-

нять собою пространство въ 47 метровъ, т.-е. около 25 сажень. Такой глубокой и обширной сцены нигдѣ не существуетъ. Кубическая масса воздуха, занимаемая сценой, также громадна. Подполья занимаютъ до пола пространство около 15 метровъ вышины; отъ пола до верхнихъ частей сцены около 45 метровъ, — слѣдовательно, вся вышина доходитъ до 60 метровъ. Высота башенъ парижскаго собора Богоматери едва на 8 метровъ превосходитъ эту цифру.

Внутреннія комнаты, такъ-называемыя сценическія службы, какъ-то: репетиціонныя залы, удобныя для пѣвицъ, пѣвцовъ и вообще первыхъ сюжетовъ, комнаты для хористовъ и корифеевъ, общія залы для пѣвцовъ и танцовщицъ, кладовыя для костюмовъ, для оружія и для всякихъ бутафорскихъ принадлежностей, которыхъ, при разнообразіи представленій, накопляется громадное количество, размѣщены удобно и въ большемъ порядкѣ.

Выше я упомянулъ о танцевальномъ фойе. Въ Парижѣ это помѣщеніе имѣетъ особое значеніе. Въ нашихъ императорскихъ театрахъ въ эти закулисныя залы никого изъ постороннихъ не пускаютъ, но здѣсь таковъ уже обычай, что во время балета, въ антрактахъ, многіе изъ зрителей приходятъ на сцену и присутствуютъ при томъ, какъ балетныя искусницы упражняются въ предстоящихъ къ выполненію антрша. Зала танцевальнаго фойе отдѣлана прекрасно. По стѣнамъ представлены въ медальонахъ портреты знаменитѣйшихъ танцовщицъ, а посреди ихъ четыре стѣнныхъ картины, представляющія различныя типы танцевальнаго искусства, какъ-то: танецъ при жертвенныхъ церемоніяхъ, военный, любовный и сельскій. Фойе, служащее для пѣвцовъ и пѣвицъ, менѣе разукрашено, потому-что публика рѣдко посѣщаетъ его. Комнаты для первостепенныхъ актрисъ и актеровъ расположены вдоль коридоровъ; для танцовщицъ онѣ устроены большаго размѣра, чѣмъ для пѣвицъ, — понятно почему! При этомъ танцовщицы помѣщены этажемъ выше; а пѣвицы и пѣвцы, во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій отъ холодныхъ переходовъ или сквозныхъ вѣтровъ, подлѣ самой сцены. Такихъ комнатъ 24 для мужчинъ и столько-же для женщинъ; для дамъ предназначена одна сторона театра, а для кавалеровъ противоположная. Для хоровъ и хордебалета устроены особыя залы, весьма обширныя, — ихъ нѣсколько; въ нѣкоторыхъ изъ

нихъ можетъ помѣститься до 60 человекъ. Но это еще не все. Кромѣ первыхъ сюжетовъ и хоровъ, при оперѣ состоитъ значительное число статистовъ, не поющихъ и не танцующихъ, но участвующихъ въ разныхъ шествіяхъ и церемоніяхъ; имъ тоже нужно мѣсто, гдѣ-бы они могли одѣться. Помѣщеніе это устроено на 36 женщинъ и на 200 мужчинъ. Прибавьте къ этому залы, гдѣ актеры ожидаютъ момента выхода своего на сцену; залы для хоровъ, ожидающихъ того же; кабинеты для директоровъ, режисеровъ, куаферовъ, помѣщенія для главныхъ машинистовъ, для завѣдывающихъ освѣщеніемъ, для тѣхъ музыкантовъ, которымъ приходится играть на сценѣ; для химика; мастерскую для исправленія аксессуаровъ, гирляндъ, цвѣтовъ, воздушныхъ колесницъ, царскихъ вѣнцовъ и т. п., залу для драгоценныхъ вещей, мастерскую для мытья нѣкоторыхъ предметовъ и для глаженья; другую для занимающихся выправленіемъ костюмовъ и т. д. Тутъ-же вы найдете и архивъ, и библіотеку, и особую сборную залу для музыкантовъ, и помѣщеніе для ихъ инструментовъ, и, наконецъ, обширную конюшню, со всѣми принадлежностями для лошадей, выводимыхъ на сцену. Довольно сказать, что въ зданіи существуетъ 2,531 дверь, а всѣхъ ключей отъ разныхъ замковъ—7,593.

Всѣ эти части зданія надо освѣтить, отопить и снабдить водою, и все это выполнено съ удобствомъ. Въ каждой комнатѣ есть кранъ, два и болѣе; во всѣхъ коридорахъ существуютъ мраморные умывальники. Зданіе снабжается водою не только изъ общаго парижскаго водопровода, но также и изъ специально для него устроеннаго. Когда выводился фундаментъ, то обиліе подземныхъ водъ весьма безпокоило Гарнье и онъ долженъ былъ принять рядъ специальныхъ мѣръ для отвода ихъ. Впослѣдствіи онъ воспользовался этими водами и устроилъ подъ самымъ зданіемъ колодцы, которые оказались какъ нельзя болѣе пригодными, потому что въ послѣднее время, при большихъ спектакляхъ, вошло въ обычай ставить на сцену фонтаны и водопады, требующіе большого количества воды.

Совершенно особую часть зданія составляетъ павильонъ, выстроенный для бывшаго императора. Предполагалось отдѣлать его съ невиданною роскошью и удобствомъ, но политическія перемены отстранили это предположеніе и павильонъ остался недобокон-

ченнымъ. Пока готова только одна ложа, но ннѣшній глава переходнаго правительства не имѣетъ отдѣльнаго входа и подъѣзжаетъ къ театру вмѣстѣ съ прочею публикою.

Точная цифра расходовъ на постройку еще не вполне опредѣлена. Архитекторъ удостовѣряетъ, что истрачено всего отъ 31 до 32 миліоновъ франковъ, но въ публикѣ говорятъ о 40 миліонахъ. При такихъ громадныхъ издержкахъ французамъ остается утѣшать себя тѣмъ, что если оперное зданіе удачно, то не въ цѣнѣ дѣло. Какъ-бы то ни было, но постройка эта, одна изъ самыхъ сложныхъ, которыя были предприняты въ послѣднее время; она поставила архитектора на высокое мѣсто между современными строителями и доставила ему репутацію, которую онъ сохранить втеченіи многихъ поколѣній.

Стиль Гарнье довольно трудно опредѣлить и подвести подъ которую-нибудь изъ извѣстныхъ категорій. Онъ заимствованъ по-немногу изъ всѣхъ извѣстныхъ стилей, исходящихъ отъ греческихъ первообразовъ. Все, что только придумано искусствомъ втеченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій, все, что создалъ архитектурный гений многихъ вѣковъ,—все это было изучено творцомъ новаго театра и лучшее примѣнено. Знатоки именно за это дѣлаютъ Гарнье упрекъ, уличая его въ излишнемъ электизмѣ, въ неумѣніи создать собственные типы и въ недостаточной выдержкѣ. Но въ мнѣніяхъ знатоковъ всегда есть доля педантизма; публика вообще смотритъ на дѣло безъ предвзятыхъ принциповъ, съ чисто-популярной точки зрѣнія; съ этой точки зрѣнія зданіе не только вполне удовлетворяетъ, но въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ даже восхищаетъ. Электическое начало, которое преслѣдовалъ архитекторъ, при извѣстной ловкости и достаточно строгомъ вкусѣ, сдѣлало постройку средоточіемъ самыхъ разнообразныхъ красотъ архитектурнаго искусства. Если строитель и увлекался въ подробностяхъ требованіями своего вѣка, придавая, на примѣръ, всѣмъ профилямъ каминовъ, канделябровъ и другихъ украшеній стрѣльчатый, угловатый характеръ, то это слѣдуетъ приписать тому, что онъ старался изъ каждаго рода матеріаловъ извлечь все, что сообразно съ его частными свойствами. Мрамору нельзя придавать тѣхъ рѣзкихъ видовъ, которые пригодны для бронзы и вообще метала. Если характеръ украшеній, отличающій всѣ аксесуары, узорчатый, то украшения эти всѣ сдѣланы изъ

металлическихъ матеріаловъ, болѣе легко поддающихся тонкому рѣзцу. Нѣкоторымъ излишествомъ этихъ украшеній архитектору обязанъ вкусу времени, увлекающагося особымъ стилемъ возрожденія, который знатоками называется нео-греческимъ. Какъ-бы ни былъ высокъ творческій геній художника, однако онъ не можетъ не отдать должной дани модѣ, господствующей въ тотъ моментъ, когда зданіе строится. Прислушайтесь, чѣмъ особенно дорожатъ теперь собиратели рѣдкостей и любители коллекцій, и сравните тѣ предметы, которые оплачиваются такими громадными суммами на разныхъ распродажахъ, съ нѣкоторыми изъ украшеній, допущенныхъ въ новомъ зданіи: вы увидите, что и Гарнье находился подъ вліяніемъ той общей тенденціи, которою отличается господствующій теперь вкусъ. Говорятъ, что онъ не упускалъ рѣшительно ни одной подробности, все самъ рисовалъ, все самъ объяснялъ, все самъ заказывалъ; иногда не вѣритса, чтобы одинъ человѣкъ могъ не растеряться въ томъ лабиринтѣ потребностей, которыя ему приходилось удовлетворять силою своего воображенія!

Къ истраченнымъ 35—40 миліонамъ на постройку зданія слѣдуетъ прибавить цѣнность земли подъ театромъ, которая должна быть оценена не менѣе, какъ въ 10 миліоновъ франковъ; да на декораціи, костюмы и прочія принадлежности асигновано еще 2½ миліона франковъ. Стоимость театра, такимъ образомъ, придется опредѣлить въ 50 миліоновъ франковъ.

Выше было сказано, что, независимо отъ частныхъ посѣщеній до открытія театра, я осматривалъ оперное зданіе какъ во время представленія въ театрѣ, такъ и во время перваго бывшаго тамъ маскарада. Въ послѣднемъ случаѣ времени было достаточно для подробнаго осмотра.

Входъ, переднюю залу, лѣстницу, окружающій ее перистиль и два фойе я уже описалъ въ подробности, и въ день маскарада нашелъ ихъ въ томъ-же видѣ, безъ всякихъ лишнихъ украшеній. Ходъ въ залу проведенъ изъ середины балкона. Для той массы публики, которая въ эту ночь нагрянула въ оперу, ходъ этотъ былъ узковатъ. Публика толпилась, толкалась и съ трудомъ двигалась съ мѣста. По счастью, здѣсь въ самыхъ нравахъ болѣе дисциплины, чѣмъ у насъ. Среднимъ входомъ публики только входила въ залу, а выходила боковыми, изъ бенуаровъ.

Если-бы было допущено, какъ у насъ, движеніе взадъ и впередъ, то дѣло не обошлось-бы одними разорванными дамскими нарядами, а, пожалуй, кого-нибудь и придавили-бы.

Сцена обращена въ обширную палатку, затянутую газовой матеріею, съ зеркальными стѣнами. Танцевальное фойе составляетъ задній планъ этой палатки, занятый въ бѣльшей своей части оркестромъ. Все это пространство освѣщено шестнадцатью люстрами, и, несмотря на это, освѣщеніе далеко не удовлетворительно. Можетъ быть, это происходило отъ массы углекислаго газа, занесеннаго многочисленной толпою въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Маскарадъ этотъ, первый въ новомъ театрѣ, затѣянъ былъ съ благотворительною цѣлью, и потому въ весьма широкихъ размѣрахъ. Публики было даже слишкомъ много; но, по словамъ парижанъ, маскарадъ не удался, а не удался онъ потому, что публика скучала. Отчего-же это могло произойти? Нашему петербургскому взгляду не привыкать-стать къ медленно двигающейся и зѣвающей массѣ народа, которая всегда составляетъ принадлежность нашихъ маскарадовъ. Но здѣсь требованія совсѣмъ иныя. Начать съ того, что для парижанъ преобладаніе численности некрасиваго пола надъ красивымъ было уже впечатлѣніемъ неприятнымъ. Такъ-какъ маскарадъ былъ устроенъ подъ патронатствомъ г-жи Мак-Магонъ, то приняты были всевозможныя мѣры, чтобы устранить тотъ элементъ, который олицетворяетъ собою веселую, хотя и нѣсколько скандальную сторону оперныхъ баловъ. Надѣялись, что свѣтскія дамы, убѣжденныя, что на этотъ разъ не будетъ допущена полусвѣтская публика, воспользуются случаемъ, чтобы хотя подъ маскою отдать дань богу веселья, поклоненіе которому, въ силу условныхъ приличій, обставляется все болѣе и болѣе узкими рамками. Однакожь, вышло иначе. Время теперь не то. Домино, маска, маскарадъ, интриги, свиданія—все это относится къ нравамъ былой эпохи, которыхъ воскресить нѣтъ возможности. Хорошее дамское общество теперь совсѣмъ не ѣздитъ въ маскарады. Еще въ ложу приличная дама изрѣдка пріѣдетъ изъ любопытства, чтобы посмотреть; но въ залу она спустится не иначе, какъ въ сопровожденіи кавалера. Иначе поступить ей невозможно. При нынѣшнемъ направленіи мужчины, посѣщающіе маскарады, отвѣкли имѣть дѣло съ честною женщиною! Въ разговорѣ съ маскою прямыя и даже черезчуръ

рѣзкія выраженія составляютъ какой-то шикъ, который можетъ оскорбить непривычный слухъ! Поэтому понятно, что дамы забираются въ ложахъ и ограничиваются тѣмъ, что смотрять...

Впрочемъ, и смотрѣть-то нечего! Какой интересъ для глазъ могутъ представить эти волны двигающихся черныхъ шляпъ, надрывнутыхъ на сморщенные брови и скучающія фізіономіи?

Въ двухъ-трехъ мѣстахъ затѣвались кадрили. Но все шло вяло, безжизненно. Вокругъ собирается, разумѣется, толпа любопытныхъ. Толпа эта стоитъ на ципочкахъ; зрители лѣзутъ чуть не другъ на друга, чтобы полюбоваться странными существами, рѣшающимися танцовать на дубличномъ балу. По воспоминанію о прежнихъ оперныхъ балахъ, какой-то оригиналь надѣлъ себѣ фальшивый носъ и сталъ во все горло звать Галанзье, директора Новой Оперы. Однакожь, его выходка не произвела никакого впечатлѣнія, — публика на него только посмотрѣла съ любопытствомъ и даже съ удивленіемъ! Черезъ какихъ-нибудь четверть часа онъ исчезъ.

Впечатлѣніе одно: публика скучаетъ. А скучаетъ она оттого, что слишкомъ много мужчинъ... И зачѣмъ это столько мужчинъ?.. Какъ-то невольно припоминается восклицаніе Калхаса, жреца Юпитерова: все цвѣты, одни цвѣты... и зачѣмъ это столько цвѣтовъ?

Въ четыре часа залы стали пустѣть съ особою быстротою. Публика расходилась; только и слышались восклицанія:

„Какая тоска! Торжество не удалось!..“

Черезъ два дня, въ тотъ самый вторникъ, который здѣсь слыветъ жирнымъ (*Mardi gras*), въ подобіе нашей масляницъ, я пошелъ въ другой маскарадъ, въ Комическую Оперу. Контрастъ полнѣйшій: шумъ, гамъ, крикъ, остроты, пляска—видно, что людямъ весело!..

Алонимъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Наша статистика и новый приѣмъ г. Минейко. — Рабочій возрастъ архангельской губерніи, ея интеллектуальное богатство и землѣдѣльческія силы. — Народное образованіе архангельскаго края и петербургской губерніи. — Промышленное слабосиліе. — Нищета и немощи. — Безсиліе архангельской интеллигенціи, промышленный регрессъ края и скорбное молчаніе мѣстныхъ статистиковъ.

Въ бахмутскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи есть плантація, въ которой лѣтъ тридцать производится опыты степного лѣсо-разведенія; между прочимъ, въ ней дѣлаются и метеорологическія наблюденія. Втеченіи пятнадцати лѣтъ, изо дня въ день, почти изъ часа въ часъ, записывались температура, направленіе вѣтровъ, высота барометра и т. д. Но вотъ на сѣздѣ метеорологовъ въ Парижѣ порѣшено рассмотреть существующіе вообще способы и приемы метеорологическихъ наблюденій, ввести въ нихъ единство и порядокъ и принять ихъ повсюду для всѣхъ послѣдующихъ наблюденій. А что-же съ тѣми наблюденіями, которыя дѣлались ранѣе? Всѣ они оказались научно бесполезными, а десятки и сотни лѣтъ труда пропали даромъ, послуживъ лишь для того, чтобы убѣдить людей науки, что трудъ ихъ нигуда не годился. Русская великоанатольская плантація была, конечно, счастливѣе другихъ наблюдательныхъ пунктовъ: она трудилась пятнадцать лѣтъ, тогда-какъ Парижъ, Лондонъ, Вѣна работали даромъ двѣсти лѣтъ. Я привожу этотъ фактъ для того, чтобы показать, во-первыхъ, на-сколько наша умственная зависимость отъ Европы облегчаетъ намъ науку; а во-вторыхъ, фактъ этотъ важенъ еще и потому, что указываетъ на медленность умственного роста и на зависимость понятій и идей отъ опыта, который вырабатывается рядомъ долгихъ и кропотливыхъ трудовъ.

То, что случилось съ метеорологами, повторяется и во всѣхъ отрасляхъ опытныхъ знаній, повторилось на нашихъ глазахъ и на русской статистикѣ. Статистическія изслѣдованія начались у насъ уже давно, а наши официальные статистическіе сборники существуютъ едва-ли не полстолѣтія. У насъ есть массы статистическихъ изслѣдованій, монографій, десятки тысячъ памятныхъ книжекъ, и весь громадный трудъ ихъ составленія должна постигнуть та-же судьба, какая постигла метеорологическія наблюденія великоанатольской плантаціи. Весь этотъ трудъ имѣетъ чисто-отрицательное значеніе; онъ служитъ лишь для того, чтобы при послѣдующихъ изслѣдованіяхъ поступать именно не такъ, какъ мы поступали до сихъ поръ. Основнымъ статистическимъ матеріаломъ служили у насъ официальные данныя, т.-е. показанія уѣздныхъ полицейскихъ управленій и валовыя цифры по цѣлымъ уѣздамъ. Конечно, эти цифры составлялись не самими полицейскими управленіями, а были основаны на показаніяхъ волостныхъ правленій. Въ показаніяхъ-же правленій главную роль играло усмотрѣніе волостного писаря. Исторія русской статистики представляетъ весьма курьезные факты. Такъ Александру Гумбольдту во время его путешествія по Россіи были сообщены исправниками оренбургской губерніи такія изумительныя данныя о растительности края, что творцу „Космоса“ оставалось только усомниться въ законахъ природы. Полицейскіе чины, показавшіе въ вѣдомостяхъ, что въ лѣсахъ оренбургской губерніи растутъ бананы, померанцы и другія тропическія чудеса, сдѣлали это, чтобы не подвергать себя отвѣтственности за то, что въ ихъ уѣздахъ нѣтъ всего того, о чемъ ихъ спрашивалъ Гумбольдтъ.

Несмотря на то, что официальный путь собиранія статистическихъ данныхъ даетъ не только огульныя, но и совершенно невѣрные данныя, у насъ, кромѣ этого статистическаго источника, не существуетъ никакихъ другихъ, и когда приходится говорить о статистикѣ всей Россіи, внѣ официальныхъ источниковъ о ней говорить невозможно. Наши частныя изслѣдованія — капля въ морѣ и отличаются такой-же произвольностью и односторонностью, какъ и всѣмъ извѣстныя волостныя статистики. Частныя изслѣдованія составлялись большею частью не прямо, путемъ непосредственнаго собиранія свѣденій, а преимущественно сравнительнымъ методомъ и критическимъ сопоставленіемъ официальныхъ данныхъ. Вотъ почему,

если вы возьмете для сличенія такъ-называемыя самостоятельныя изслѣдованія частныхъ статистиковъ и официальныя изслѣдованія, то ни въ однихъ изъ нихъ не встрѣтите сходныхъ показаній. Несмотря на то, что мы занимаемся статистикой полстолѣтія, у насъ нѣтъ ни постоянныхъ органовъ для собиранія статистическихъ матеріаловъ, не выработано точной системы и приѣма, и, не владѣя органической статистической основой, не создавъ источниковъ изслѣдованія, мы пока ограничиваемся средними выводами. Проще говоря, статистическія данныя сочиняются нашими волостными писарями, составляются наобумъ, затѣмъ группируются въ валовые выводы центральными полицейскими управлениями и въ такомъ видѣ поступаютъ въ статистическіе комитеты. Но статистическіе комитеты вовсе не основные статистическіе источники, они не больше, какъ критическія инстанціи, въ которыхъ произвольный статистическій матеріалъ волостныхъ писарей подвергается такой-же произвольной, глазомѣрной критикѣ, на-столько некомпетентной и несвѣдущей, что она можетъ замѣтить только крайнія несообразности. Какой-же научный выводъ и точный результатъ можетъ быть извлеченъ изъ пятидесятилѣтнихъ русскихъ статистическихъ изслѣдованій, когда нельзя ручаться за вѣрность ни одной цифры и когда единственная гарантія заключается въ томъ, что васъ не ожидаютъ встрѣтить очевидныя нелѣпости и бросающіяся въ глаза несообразности, въ родѣ оренбургскихъ банановъ и помаранцавъ.

Архангельскій комитетъ попытался недавно поступить нѣсколько иначе; минуя огульную волостную статистику, онъ задумалъ воспользоваться подворными описями волостныхъ правленій. Въ этихъ описяхъ, какъ извѣстно, введенныхъ палатами государственныхъ имуществъ и удѣломъ, отмѣчаются всѣ домохозяйства, число душъ каждой семьи, количество скота, занятія отдѣльныхъ членовъ и разныя свѣденія, касающіяся сельскаго хозяйства и промысловъ. Начиная, такимъ образомъ, снизу, архангельскій статистическій комитетъ рисковалъ, конечно, меньшими ошибками, чѣмъ при собираніи огульныхъ цифръ, изобрѣтаемыхъ волостными писарями. Такъ-какъ семья есть основная ячейка общества, то, конечно, самымъ правильнымъ будетъ собираніе посемейныхъ свѣденій. Затѣмъ ужъ отъ статистиковъ будетъ зависѣть группировать тѣмъ или другимъ образомъ основныя посемейныя показанія и дѣлать выводы по селеніямъ, волостямъ, уѣздамъ, губерніямъ, полосамъ и т. д. Архангельскому комитету

стоило не малаго труда организовать этотъ новый порядокъ собиранія данныхъ. Приходилось постоянно руководить писарей и провѣрять ихъ описи посредствомъ мѣстныхъ священниковъ, мировыхъ посредниковъ и секретаря статистическаго комитета. Впрочемъ, содѣйствіе волостныхъ правленій и толковитость ихъ превзошли ожиданія статистическаго комитета и всѣ требованія программы были не только ими выполнены, но были доставлены даже такія показанія и объясненія, которыя не входили въ число вопросовъ.

Но однихъ добрыхъ намѣреній въ статистикѣ, какъ и въ жизни, еще недостаточно. Есть отдѣлы или, вѣрнѣе, пробѣлы, которыхъ не заполнить никакое статистическое усердіе. При подворномъ записываніи вы можете узнать совершенно точно о числѣ душъ семьи, лѣтахъ, занятіяхъ, промыслахъ, доходахъ, расходахъ, но затѣмъ остаются еще такія отрасли народнаго хозяйства, о которыхъ точнаго понятія нельзя получить при подворномъ изслѣдованіи. Такихъ пробѣловъ останется надолго еще наша земледѣльческая промышленность. Статистическія данныя, напримѣръ, о хлѣбопашествѣ архангельской губерніи могли-бы считаться только тогда точными, когда были-бы извѣстны пространства засѣваемыхъ полей. А въ архангельской губерніи межевыхъ съемокъ и измѣреній крестьянскихъ полей никогда не дѣлалось и точное количество пахотныхъ и сѣнокосныхъ полей нивому неизвѣстно. Этого мало. Для точныхъ выводовъ о сельскомъ хозяйствѣ, кромѣ пространства засѣваемыхъ полей, нужно знать пространство полей по почвѣ и качествамъ, нужно знать въ точности климатическія условія разныхъ мѣстностей и различныя системы дѣйствующаго хозяйства. Пока все это не будетъ извѣстно, общіе выводы всегда будутъ произвольны и гадательны, всегда будутъ лишены научной солидности и будутъ годиться лишь для поверхностныхъ, общихъ умозаключеній. Такимъ образомъ, одна изъ важнѣйшихъ, основныхъ отраслей русскаго экономическаго существованія стоитъ пока въ архангельской губерніи внѣ всякой возможности точнаго изслѣдованія. Никакое личное усердіе, никакая личная энергія не помогутъ заполнить этотъ основной пробѣлъ, потому-что причина его лежитъ въ обстоятельствахъ, неустраимыхъ, можетъ быть, еще на долгое время. Итаетъ, оговаривается, что мы не можемъ имѣть у себя такой статистики, какая на Западѣ, во-первыхъ, потому, что не располагаемъ основными мѣстными средствами для собиранія данныхъ, что огульный спо-

собъ собиранія, какой существовалъ до сихъ поръ, сводить къ нулю всѣ статистическіе выводы, дѣлавшіеся до сихъ поръ; что многіе изъ отдѣловъ народнаго экономическаго быта не поддаются статистическому изслѣдованію даже при самой высокой энергіи собирателей, и, наконецъ, что самый способъ и пріемъ, существовавшій до сихъ поръ, имѣеть лишь отрицательное значеніе, и что всѣ будущія статистическія изслѣдованія должны быть организованы совершенно инымъ образомъ. Слѣдовательно, все, что дѣлалось до сихъ поръ, дѣлалось нами для того, чтобы убѣдиться въ непригодности подобнаго труда, что мы переживали только подготовительный статистическій моментъ и что для научной статистики у насъ еще не наступило настоящее.

Въ предисловіи къ статистическому описанію архангельской губерніи, давшему намъ поводъ высказать общій взглядъ на состояніе русской статистики, составитель описанія говоритъ, что, представляя статистическій очеркъ сельскаго населенія и его промышленности, онъ избѣгалъ дѣлать какіе-нибудь выводы и заключенія, боясь, чтобы они не были преждевременными и мало основательными. Для выводовъ требуется цѣлый рядъ наблюденій и среднихъ величинъ, выведенныхъ изъ статистическихъ данныхъ за многіе годы; настоящей-же трудъ есть первый опытъ собранія данныхъ по извѣстному пріему. „Конечно, говоритъ г. Минейко, — я могъ-бы найти многія данныя другимъ путемъ, собранныя за предшествующіе періоды, но довольно трудно сопоставлять и сравнивать данныя, достовѣрность которыхъ сомнительна и которыя, бывъ собраны по совершенно иной программѣ, не могутъ отвѣчать на многіе вопросы, какіе-бы имѣлись въ виду для разрѣшенія путемъ сравненія“. Нужно соглашаться, что болѣе безотрадную мысль рѣдко приходится встрѣтить. Надо имѣть слишкомъ много умственного мужества, чтобы послѣ пятидесятилѣтнихъ статистическихъ опытовъ и послѣ той массы статистическихъ выводовъ и обобщеній, которая уже успѣла проникнуть въ публику и сложилась въ общіе взгляды на извѣстныхъ стороны народнаго экономическаго быта, сказать той-же публикѣ: „забудьте все, что вамъ говорилось, забудьте все, что вы знаете; всѣ цифры, которыя вамъ давались, — ложь, и всѣ выводы изъ нихъ невѣрны. Статистики у насъ нѣтъ, она начинается только сегодня. То, что мы вамъ даемъ, не болѣе, какъ голыя цифры, цифры мертвыя, безразличныя, цифры, которыя получаютъ смыслъ только

тогда, когда, рядомъ изслѣдованій многихъ послѣдующихъ лѣтъ, будутъ къ нимъ присоединены новыя подобныя-же цифры, а до тѣхъ поръ забудьте статистику“. Ужь не правъ-ли Людерсъ, который говорилъ, что статистика есть масса жи и пустяковъ, что она служитъ игрушкой для произвольныхъ сужденій и для оправданія того, что нужно оправдать? Что-же остается дѣлать, если нѣтъ точныхъ цифръ и невозможны научные выводы? Что-же возможно? Мы не обвинимъ г. Минейко въ преднамѣренномъ лукавствѣ, и если ему нужны такіе научные выводы, которые служатъ непреложными основаніями для законовъ общественной статистики и динамики, мы возражать ему не будемъ; но мы можемъ сдѣлать ему другое возраженіе и показать, что кромѣ научной, кабинетной статистики, творящей законы, есть еще другая, наглядная, глазомѣрная статистика, статистика тѣхъ живыхъ фактовъ и явленій жизни, которую можетъ читать, наблюдать и понимать каждый. Для этой статистики не нужна готовая система и выработанный приемъ, и человекъ съ готовыми, сложившимися нравственно-соціальными понятіями, читая живую книгу этой живой статистики, не ошибется никогда ни въ общихъ, ни въ частныхъ выводахъ. Если бы общественныя понятія формировались только изъ статистическихъ цифръ, для которыхъ, по словамъ г. Минейко, есть только будущее, человечество сидѣло-бы вѣчно на берегу моря, ждало-бы погоды и должно было-бы отказаться отъ всякихъ точныхъ, руководящихъ представленій на свое настоящее. Въ томъ-то и дѣло, что идея явилась раньше цифры, и жизнь съ ея стремленіями сложилась путемъ бессознательнаго мышленія прежде, чѣмъ явились первыя попытки отыскать ея законы. Пусть статистика творить и подписываетъ безукоризненно-точные цифры, ея кропотливая, кабинетная работа не должна закрывать отъ насъ самой книги жизни и тѣхъ попытокъ къ ея чтенію, отъ которыхъ никогда не откажется ни одинъ живой человекъ.

Несмотря на то, что г. Минейко не позволяетъ дѣлать выводовъ ни себѣ, ни другимъ и проситъ Россію подождать еще полстолѣтія, пока статистическіе комитеты организуютъ подворную статистику, мы, на основаніи тѣхъ-же данныхъ, которыми г. Минейко пользоваться не позволяетъ, попытаемся уловить нѣкоторыя черты общей картины Россіи. Прежде всего мы обращаемъ вниманіе на отношеніе возраста. Намъ не особенно интересуется процентъ

стариковъ и старухъ, несмотря на то, что изобиліе людей стараго возраста во всякомъ случаѣ служитъ признакомъ хорошихъ социальныхъ условій, ибо указываетъ на то, что люди миновали счастливо періодъ трудовой жизни, не захирѣли, не сломились, не умерли преждевременно; но мы тѣмъ не менѣе обратимъ вниманіе читателя на одно выдающееся обстоятельство. Въ архангельской губерніи наиболѣе выгодный процентъ стариковъ и старухъ падаетъ на уѣзды промышленные и самый невыгодный достается на долю уѣзда шенкурскаго, преимущественно земледѣльческаго. Неужели промысловая жизнь болѣе благоприятствуетъ достиженію глубокой старости, чѣмъ земледѣльческій трудъ? Выводъ этотъ положительно противорѣчитъ всему тому, что извѣстно о вліяніи отхожихъ промысловъ и вообще промышленнаго труда на здоровье и жизнь населенія. И дѣйствительно, просматривая цифру другихъ уѣздовъ, мы находимъ, что въ промысловыхъ мѣстностяхъ численность рабочаго населенія въ возрастѣ полномъ силъ слабѣе уѣздовъ непромысловыхъ. Такъ холмогорскій уѣздъ разнится отъ кемскаго почти на $7\frac{1}{2}\%$; въ онежскомъ уѣздѣ смертность мужскаго рабочаго населенія тоже значительно, и причиною этого отхожіе промыслы.

Гораздо важнѣе отношеніе трудового возраста къ остальнымъ возрастамъ. Этимъ возрастомъ вообще принято считать отъ 18 до 60 лѣтъ. Такъ-какъ пора эта составляетъ періодъ наивысшаго развитія умственныхъ и физическихъ силъ, то понятно, что чѣмъ благоприятнѣе въ странѣ численное отношеніе рабочаго возраста къ другимъ, тѣмъ и страна владѣетъ наибольшими культурными и промышленно-производительными средствами. Европа частью только поэтому и находится въ болѣе благоприятныхъ отношеніяхъ, чѣмъ Россія, что въ ней больше, чѣмъ у насъ, людей въ возрастѣ полнаго развитія силъ. Конечно, и другія причины, чисто-культурнаго свойства, вліяютъ на качества производительныхъ силъ, но во всякомъ случаѣ основнымъ вліяющимъ качествомъ будетъ все-таки количественное отношеніе возрастовъ. Посмотримъ-же на это отношеніе сравнительно съ другими государствами. Въ архангельской губерніи дѣтей до 15 лѣтъ считается на 1,000 душъ 358; вообще въ Россіи—384. Подростковъ отъ 15 до 18 лѣтъ въ архангельской губерніи—77, въ Россіи—61; рабочихъ отъ 18 до 60 лѣтъ въ архангельской губерніи—502, въ Россіи—501. Во Франціи дѣтей до 15 лѣтъ считается 303 на 1,000, а рабочихъ и полуробо-

чихъ—597, въ Бельгіи дѣтей—322, рабочихъ и полурабочихъ—585. Изъ этихъ цифръ видно, что и въ архангельской губерніи, и вообще въ Россіи существуетъ избытокъ дѣтей и избытокъ стариковъ, сравнительныя цифры которыхъ мы, впрочемъ, не приводимъ для краткости. Что-же касается до возраста полной физической и интеллектуальной силы, то хотя архангельская губернія представляетъ въ этомъ отношеніи цифры болѣе благопріятныя, чѣмъ Россія вообще, но все-таки менѣе благопріятныя, чѣмъ Франція и Бельгія. Если въ Европѣ возрастъ наибольшаго развитія силъ является повсюду преобладающимъ, у насъ онъ, по выводу академика Буняковскаго, составляетъ только 50%, а есть губерніи, гдѣ онъ составляетъ и меньше половины, какъ, напримѣръ, самарская губернія.

Если, такимъ образомъ, по самому количеству производительныхъ силъ мы не занимаемъ особенно выгоднаго мѣста, то, можетъ быть, восполняемъ это качествомъ силъ? Статистика архангельской губерніи говоритъ, что по мѣрѣ того, какъ уѣзды отдаляются отъ губернскаго города, въ нихъ постепенно падаетъ грамотность и образованіе. Наибольшую грамотностью отличается архангельскій уѣздъ, гдѣ общее число грамотныхъ составляетъ 12%, а наименьшею — уѣздъ кемскій, гдѣ ихъ всего 4%. Затѣмъ проведите отъ интеллектуальнаго центра архангельской губерніи, города Архангельска, радіусы, и простымъ расчетомъ разстояній вы совершенно безошибочно опредѣлите законъ распредѣленія образованности, дѣйствующей въ обратномъ отношеніи, т. е., чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Женщины какъ-будто не хотятъ подчиниться этому общему закону и приводятъ, конечно, въ смущеніе архангельскихъ статистиковъ. Такъ, въ архангельскомъ уѣздѣ одинъ грамотный приходится на 4,8 муж. и на 23,1 женщинъ, въ шенкурскомъ на 7,7 муж. и на 160,1 женщинъ, а въ кемскомъ на 13,7 мужчинъ и 89,6 женщинъ. Ясно, что отдаленность отъ центра образованности не служитъ причиною уменьшенія грамотности, а должны существовать и какія-нибудь другія обстоятельства. Судя по цифрѣ учащихся, архангельская губернія не находится въ положеніи особенно благопріятномъ для полнаго развитія своихъ производительныхъ и интеллектуальныхъ средствъ, и пока не приростутъ ея образовательныя средства, едва ли можно ожидать, чтобы въ этомъ обширномъ краѣ удались попытки, какъ піонеровъ промышленности, въ родѣ г. Сидорова,

такъ и тѣхъ лицъ, которыя еще и до сихъ поръ заботятся объ архангельскомъ краѣ какъ-бы въ ущербъ другимъ мѣстностямъ Россіи.

Нужно согласиться, что архангельскому краю посчастливилось въ радѣтеляхъ. Чуть-ли не со временъ Іоанна Грознаго начались заботы объ архангельцахъ и нигдѣ административное вмѣшательство не обнаруживало большей заботливости о мѣстныхъ жителяхъ. И дѣйствительно, по своему географическому положенію, по естественнымъ богатствамъ и по пространству архангельская губернія — не губернія, а край, нѣчто напоминающее Сибирь и какъ-бы напрашивающееся на исключительно-самостоятельное и своеобразное развитіе. Въ земледѣльческомъ отношеніи архангельская губернія не можетъ ничѣмъ быть и ничѣмъ никогда не будетъ. Въ Россіи нѣтъ другой губерніи, въ которой-бы количество пахотныхъ земель было такъ ничтожно. Наибольшее количество пашень находится въ шенкурскомъ уѣздѣ и составляетъ менѣе полу-десятины на душу, а въ мезенскомъ приходится ея всего 251 сажень или $\frac{1}{6}$ десятины на человѣка. Луговъ и пашень въ архангельской губерніи на-столько-же мало, какъ и пахотной земли, и мезенскій уѣздъ занимаетъ опять послѣднее мѣсто. Самое большее количество луговъ, сѣнокосовъ и пастбищъ выпадаетъ на уѣздъ архангельскій, но и въ немъ ихъ меньше десятины на душу. Мы обращаемъ на это обстоятельство вниманіе нашихъ географовъ. Во всѣхъ учебникахъ географіи вы найдете необыкновенно смѣлыя указанія на обширные поемные луга, пастбища и выгоны сѣвернаго края и на его подавляющее своей численностью скотоводство. Но увы! въ дѣйствительности этого ничего не оказывается. Тамъ на каждого человѣка приходится среднимъ числомъ немного больше $\frac{1}{4}$ коровы, $\frac{1}{7}$ лошади и $\frac{1}{2}$ барана. Нельзя сказать, чтобы это количество было Богъ знаетъ какимъ благополучіемъ, а если обратить вниманіе на то, что молочная пища все-таки главная пища нашего населенія, что при обиліи дѣтей $\frac{1}{4}$ коровы на человѣка или корова на семью — вовсе не богатство Ротшильда, то становится совершенно понятнымъ, почему верещагинскія иллюзіи и затѣмъ послѣдовавшее общее увлеченіе Россіи, пожелавшей обратиться въ одну обширную швейцарскую сыроварню, совершенно непримѣнимы къ архангельской губерніи. Ни сыровареніе, ни овцеводство, ни скотоводство никогда не найдутъ въ ней обширнаго приложенія и

никогда не будутъ служить основой экономического быта. Архангельскому краю придется всегда зависѣть преимущественно отъ средствъ промышленныхъ и отъ развитія и культуры промышленныхъ способностей. Насущный хлѣбъ архангельскаго края не въ его землѣ, а въ его умѣ, а между тѣмъ косность края зависѣть исключительно отъ умственной отсталости населенія. Если-бы втеченіи трехъ столѣтій, со времени Іоанна Грознаго, просвѣтительныя заботы объ архангельскомъ край были вдвое энергичнѣе, онѣ все-таки разбились-бы объ мѣстный умственный застой. Исторія правительственныхъ и частныхъ заботъ и промышленныхъ попытокъ могла бы составить огромный томъ, и мы нѣсколько недоумѣваемъ, почему, при всей ихъ неуспѣшности, ни разу никто не выяснилъ вопроса, отъ чего зависѣли неудачи и отъ чего можетъ исключительно зависѣть успѣхъ. Мы не пишемъ исторіи этихъ заботъ и попеченій, но чтобы быть яснѣе, мы укажемъ читателю на одинъ фактъ. Въ послѣднее время опекуны архангельскаго края обнаружили особенно шумную энергію и хлопотливую дѣятельность для развитія въ немъ торговаго флота. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что успѣхъ своихъ заботъ опекуны приписываютъ своей личной энергіи. Въ такомъ случаѣ мы имъ напомнимъ о Петрѣ Великомъ. Конечно, энергія Петра Великаго была неизмѣримо сильнѣе энергіи С. С. Лашкарева, гг. Сидорова, Латкина, Крузенштерна, взятыхъ даже въ десятой степени. Петръ налагалъ чудовищные штрафы, грозилъ мучительными казнями, беспощадно строгими указами повелѣвалъ уничтожать староманерныя суда и строить новыя по голандскому образцу, и несмотря на то, староманерныя суда продолжали строиться и на нихъ плаваютъ еще цѣлая половина Россіи. Съ 1799 года адмиралтействъ - коллегія, дѣйствуя въ петровскомъ духѣ, приняла такія мѣры, что, казалось-бы, ни одному староманерному судну въ архангельской губерніи оставаться было невозможно. Было повелѣно составить чертежи судовъ, избрать выгоднѣйшія мѣста, построить на нихъ верфи, для надзора за производствомъ работъ дать подмастерьевъ, а если ихъ нельзя найти, то хотя тимермановъ. Для поощренія судостроенія правительство освободило отъ платежа пенныхъ денегъ населеніе кемскаго, онежскаго и сѣверной части мезенскаго уѣздовъ. Но вотъ черезъ четыре года мѣщане, купцы и крестьяне нѣкоторыхъ волостей кемскаго уѣзда заявили, что по даннымъ имъ чертежамъ они строить судовъ не могутъ, потому

что ни по размѣрамъ, ни по конструкціи суда эти не соотвѣтствуютъ условіямъ мѣстныхъ водъ. Конечно, въ этой неудачѣ можно обвинить администрацію, но развѣ не въ той-же мѣрѣ будетъ справедливо обвинить и мѣстную интеллигенцію, мѣстныхъ строителей, мѣстныхъ судовладельцевъ и мѣстныхъ рабочихъ? Не знаемъ, кого еще слѣдуетъ винить больше—администрацію-ли, дававшую готовые образцы, или мѣстное населеніе, рабски принимавшее эти образцы и несмѣвшее вводить въ нихъ перемѣны и дѣлать новыя приспособленія. Конечно, адмиралтействъ-колегія могла-бы поступить лучше, но, съ другой стороны, и она была права, когда, не считывая на умственные способности коснаго населенія, требовала отъ него безпрекословнаго повиновенія. Но не было виновато и косное населеніе въ томъ, что оно не могло думать самостоятельно,—и вотъ потребовался компромисъ. Адмиралтействъ-колегія разсмотрѣла чертежи вновь, измѣнила и исправила ихъ и приказала адмиралтейскому управленію посылать на архангельскія верфи знающихъ мастеровъ, которые должны были учить неопытныхъ строителей. Въ 1829 году повелѣно было присылать изъ Архангельска и другихъ портовъ Бѣлаго моря черезъ годъ одного воспитанника въ петербургское училище торговаго мореплаванія. Въ 1835 году правительство для руководства судовладельцевъ выслало новыя чертежи различныхъ мореходныхъ судовъ, но поморы отъ постройки ихъ отказались, частью по новости дѣла, а частью и потому, что такіа суда обходились дороже. Наконецъ, по представленію мѣстнаго управленія, учреждены въ Архангельскѣ и въ Кеми шкиперскіе курсы, въ которыхъ ученики, между прочими предметами, должны были знакомиться съ корабельною архитектурой, вооруженіемъ судовъ, и упражняться въ практическомъ плаваніи на судахъ разной конструкціи. Эти факты должны убѣдить ревнителей торговаго флота, что ихъ теперешніе успѣхи зависятъ вовсе не отъ ихъ энергіи, а отъ того роста, который совершился уже въ мѣстномъ населеніи, и отъ той школы, которую прошло мѣстное промышленное развитіе. Безъ спеціальныхъ техническихъ знаній невозможна никакая промышленность, а спеціальныя знанія никогда не достигнутъ успѣха, если они не будутъ имѣть прочной опоры въ общемъ образованіи. Итакъ, весь вопросъ въ общемъ образованіи. Этимъ мы все не думаемъ высказывать какую-нибудь новую мысль; мы скорѣе хотимъ заявить недоумѣніе, что подобная простая мысль не вошла

еще въ общее сознаніе послѣ двухсотъ лѣтъ постоянной заботливости поднять промышленный уровень архангельскаго края. Тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ г. Минейко о грамотности въ архангельской губерніи, даютъ такую печальную картину мѣстнаго образованія, что если развитіе губерніи поставить въ зависимость отъ школы, то увѣ! утечетъ много воды прежде, чѣмъ дождешься отъ архангельской губерніи промышленныхъ успѣховъ. Средній процентъ учащихся составляетъ въ ней 1,52. Цифра эта указываетъ на такую крайнюю недостаточность средствъ для народнаго образованія, что вопросъ, когда, наконецъ, грамотность охватитъ весь край, когда она изъ простой грамотности превратится въ образованіе, является вопросомъ чисто-астрономическимъ, въ непроглядную даль котораго не заглянетъ даже самое смѣлое умственное око. Трудности народнаго образованія зависятъ въ архангельской губерніи, между прочимъ, отъ необыкновенной разбросанности населенія, которая въ нѣкоторыхъ уѣздахъ доходитъ до того, что деревни отстоятъ другъ отъ друга на большемъ разстояніи, чѣмъ въ иныхъ губерніяхъ города. Впрочемъ, статистическое описаніе констатируетъ утѣшительный фактъ, хотя и не особенно выдающійся, но указывающій, что народъ относится къ своему умственному образованію вовсе не такъ равнодушно, какъ въ этомъ увѣряютъ насъ „Московскія Вѣдомости“. Изъ разчета, сдѣланнаго г. Минейко, оказывается, что число учащихся вообще по губерніи превышаетъ на 40% официальную цифру учащихся въ сельскихъ училищахъ, подвѣдомственныхъ учебному надзору. Если эти обѣ цифры вѣрны, то изъ сопоставленія ихъ остается заключить только то, что официальныя средства народнаго образованія кажутся народу недостаточными и потому въ губерніи существуютъ еще частныя средства.

Чтобы низкій уровень народнаго образованія архангельской губерніи не показался читателю мѣстной особенностью, мы ему напомнимъ еще разъ общій законъ распредѣленія образованія по радіусамъ отъ центра къ окружности. Общимъ центромъ просвѣщенія для всей Россіи служить, конечно, Петербургъ: онъ высокая точка русской цивилизаціи, онъ главный источникъ русскаго просвѣщенія, и, конечно, свѣтъ, которымъ онъ сіяетъ, можетъ служить безошибочнымъ мѣриломъ для опредѣленія силы и размѣра свѣта, мерцающаго на нашихъ окраинахъ. Посмотримъ-же на свѣтъ просвѣщенія, который изливается изъ народныхъ училищъ петербургской губерніи.

Съ 1 іюля 1874 года попеченіе объ удовлетвореніи потребностей народа въ начальномъ образованіи возложено на предводителей дворянства и на училищные совѣты. О результатахъ, которые обнаружатъ въ будущемъ эта мѣра, мы не беремся предсказать и скажемъ лишь о томъ положеніи, въ какомъ находятся учителя, ученики и училища въ ближайшихъ къ Петербургу уѣздахъ. Прежде всего бросается въ глаза недостатокъ матеріальныхъ средствъ петербургскихъ училищъ. „Неприглядны сельскія школы, грустна обстановка ихъ, говоритъ корреспондентъ „Русскаго міра“, которымъ мы пользуемся: — войдите въ любую—васъ поразитъ духота и скученность дѣтей, которыя сидятъ въ разныхъ направленіяхъ и положеніяхъ, за разнокалиберными столами. Выйти изъ-за стола можно или ползкомъ между ногъ товарищей, или по скамьѣ, толкая товарищей въ спину. Въ иныхъ нѣтъ ни стола, ни стула для учителя, ни классной доски. Въ другихъ некуда и поставить ихъ. Въ весьма немногихъ училищахъ есть шкафъ для книгъ и учебныхъ пособій, а есть и такія школы, въ которыхъ совсѣмъ не имѣется учебныхъ пособій. Наемная крестьянская изба зачастую не можетъ вмѣстятъ въ себѣ всѣхъ учащихся и потому они приходятъ въ школу или по отдѣленіямъ, или въ разное время дня, или поденно. Тамъ, гдѣ позволяютъ средства, школы, конечно, нѣсколько въ иномъ видѣ, и такое счастливое исключеніе досталось собственно на долю петербургскаго уѣзда“. А много-ли такихъ счастливыхъ исключеній даже въ петербургскомъ уѣздѣ? У насъ есть свѣденія о земскихъ школахъ новгородской губерніи. И онѣ не отличаются особенными достоинствами по своей матеріальной обстановкѣ. Конечно, по закону „радѹсовъ“, новгородскія школы и должны быть хуже петербургскихъ, но не нарушается-ли констатируемый нами законъ, если новгородскія школы не лучше архангельскихъ? А между тѣмъ вѣшняя, матеріальная бѣдность—бѣда легко поправимая, она зло какъ-бы непосредственно подчиняющееся волѣ и энергіи распорядителей. А что сдѣлать съ недостаткомъ учителей, на который всѣ жалуются? Если вы помните отвѣтъ Карла Великаго рыцарямъ, то, конечно, согласитесь, что интеллигенцію нельзя творить по произволу. Народнымъ учителемъ долженъ быть человѣкъ высокой нравственности, солиднаго общаго и элементарнаго образованія и практически знакомый съ педагогическими приѣмами. Но развѣ такіе учителя создаются легко? Мы знаемъ одну земскую учительскую се-

минарію и, конечно, не сдѣлаемъ ошибки, если обобщимъ ее. Въ это семинарію воспитываются деревенскіе парни отъ 16 до 19 — 2 лѣтъ. Такъ-какъ основы будущаго характера устанавливаются вплодь къ 7 лѣтамъ и такъ-какъ впечатлѣнія перваго дѣтства и перво-молодости опредѣляютъ весь будущій нравственный складъ чело-вѣка, то едва-ли 16-лѣтній деревенскій парень, взятый прямо изъ крестьянской избы, представляетъ именно тотъ пригодный матерьялъ, изъ котораго могъ-бы создаться идеальный народный учитель. Земство нѣкоторыхъ губерній, учреждавшихъ у себя учительскія семинаріи, мечтало выпускать изъ нихъ пророковъ, и изъ первыхъ-же выпусковъ убѣдилось, что пророки не создаются такъ легко, а тѣмъ менѣе цѣлыми массами. Мы понимаемъ, когда увлекаются зеленые гимназисты, и мы надъ ними не смѣемся; но когда мечтаютъ земскіе представители, это еще менѣе смѣшно, потому что слишкомъ грустно. Высокая нравственность или развитіе высшихъ понятій нравственнаго порядка и знаній законовъ человѣческой души, т. е. всѣхъ тонкихъ психологическихъ процессовъ учащагося ребенка, составляютъ, конечно, первое и главное основаніе хорошаго деревенскаго педагога. Быть техникомъ легко, потому что для этого нужна только память; владѣть множествомъ фактическихъ знаній въ исторіи, географіи, пожалуй даже и политической экономіи тоже нетрудно; но знать законы человѣческой души и владѣть нравственными понятіями высшаго порядка — нѣтъ, это не географія и не исторія! Въ постепенномъ ряду человѣческихъ знаній психологія, какъ и социологія, являются послѣдними только потому, что въ основѣ ихъ лежитъ множество простыхъ, менѣе сложныхъ знаній и законовъ, и чтобы овладѣть этими знаніями, нужно, кромѣ громадной массы подготовительныхъ свѣденій, обладать сильной наблюдательностью и сознаніемъ своихъ личныхъ психологическихъ процессовъ, т. е. высшимъ развитіемъ. А если идеальный сельскій учитель долженъ удовлетворять подобнымъ требованіямъ, то понятно, что 16-лѣтній деревенскій парень, оторванный отъ сохи, ужъ никакъ не приобрететъ въ три года семинарскаго курса тѣхъ знаній и того развитія, которыя не всегда даются и въ 40 лѣтъ жизни. Ясно, что о Песталоцци, Дистервегахъ и Фребеляхъ нашему земству мечтать не приходится, не только потому, что ихъ нельзя создавать никакими школами, но еще и потому, что если-бы у насъ явились подобные люди, для нихъ нашлось-бы дѣло на другихъ

поприцахъ, на которыхъ, можетъ быть, нужны еще болѣе люди высшаго нравственнаго порядка. Понятно, что не мечтая о невозможномъ, нужно довольствоваться тѣмъ, что даетъ жизнь, и выбирать лучшее изъ худшаго, т. е. хорошую посредственность. Но и хорошая посредственность, при тѣхъ матеріальныхъ условіяхъ, при которыхъ находится наша сельская школа, пожалуй тоже идеаль недостижимый. Имѣя дѣло съ обыкновенными людьми, а не съ энтузіастами и пророками, нужно имъ и дать то, что-бы удовлетворило ихъ обыкновенность. Но развѣ вся обстановка сельской жизни представляетъ хотя что-нибудь удовлетворяющее человѣка обыкновеннаго, если, не будучи энтузіастомъ, онъ смотритъ на свои обязанности съ обыкновенной, практической точки зрѣнія? Корреспондентъ, которымъ мы пользуемся, замѣчаетъ, что непригодность и скудность помѣщеній сельскихъ школъ и ихъ одуряющая свѣжаго человѣка атмосфера положительно парализуютъ всякую энергію. „Присоедините ко всему этому, говоритъ онъ,—неприглядность деревень, безсодержательную въ нихъ жизнь, среди невѣжественной массы, нерѣдко совершенное отсутствіе мало-мальски образованной личности,—и вы согласитесь, что немного найдется такихъ натуръ, которыя обрекутъ себя среди безвыходнаго одиночества труда на такой скудной новинѣ. Нужно родиться въ этой средѣ, не видѣть, и не сознавать ничего лучшаго, мало того—нужно закалить себя въ певзгодахъ, чтобы выносить подобную жизнь въ трудѣ непрерывномъ, расслабляющемъ и почти неблагодарномъ. Зная все это, конечно, нельзя ни мечтать, ни идеальничать, ни предъявлять невозможныхъ требованій, и, имѣя дѣло съ обыкновенными людьми, дѣйствующими въ скудной обстановкѣ, нельзя требовать отъ нихъ ничего необыкновеннаго. Нужно быть проникнутымъ римскими понятіями о долгѣ, чтобы заниматься зимою въ избѣ, нетопленной по нѣсколькимъ дней, и жить въ коморкѣ безъ печи, на 10-рублевомъ жалованьѣ въ мѣсяцъ. Мы знаемъ случаи, когда ни учителя, ни дѣти не въ состояніи заниматься въ школѣ, потому что дрожать отъ холода и коченѣютъ. Какое ужъ тутъ писаніе, когда изъ оледенѣлой руки падаетъ перо!“ Корреспондентъ говоритъ, „что въ большей части случаевъ дѣло кончается тѣмъ, что сначала ученики, а потомъ и учащіе, кто отъ холода, кто отъ голода, получаютъ тифъ, а уцѣлѣвшіе ждуть, и, имѣя желаніе учиться и научиться, теряютъ дорогое время“. И при всемъ томъ, при всей безотрадности обста-

новки нашей деревенской школы и при недостаткѣ деревенскихъ учителей, результаты народнаго образованія или, вѣрнѣе, народной грамотности оказываются вообще болѣе благопріятными, чѣмъ это можно было ожидать. Причину этого нужно искать въ томъ, что самъ народъ уже начинаетъ сознавать необходимость школы и проникается стремленіемъ къ образованію, противъ котораго внѣшнія препятствія оказываются не на-столько сильными, чтобы парализовать пробуждающееся народное сознаніе. Если хотите, тутъ примѣшивается нѣсколько идеализмъ, примѣшивается „нѣчто“, чего не допускаетъ г. Минейко, приглашающій насъ еще полстолѣтіе собирать мертвыя цифры, воздерживаясь отъ выводовъ и обобщеній. Идея идетъ впереди цифры, и народъ, не дожидаясь вывода, путемъ чистой наглядности и на глазомѣръ понимаетъ, на-сколько безъ знаній ему нельзя обходиться въ своемъ трудномъ экономическомъ положеніи. Но не преувеличивая ни сознанія народа, ни теперешнихъ успѣховъ образованія, мы должны все-таки констатировать тотъ фактъ, что если архангельская и другія губерніи будутъ такъ-же прогресировать съ своей народной школой, какъ до сихъ поръ, и нашъ умственный народный капиталъ будетъ помѣщаться въ школу, какъ нынче, изъ 2^о%, то двойное приращеніе будетъ совершаться, увы! въ 50-лѣтніе періоды. На этотъ выводъ мы-бы просили обратить вниманіе какъ тѣхъ, кто не желаетъ торопиться, такъ и тѣхъ, кто слишкомъ торопится.

Въ „Статистическомъ описаніи“ мы находимъ любопытные факты, какъ-бы служащіе продолженіемъ и подтвержденіемъ того, что мы говорили выше. Въ томъ видѣ, какъ слагалась до сихъ поръ исторія поколѣній, судьба настоящаго, его цвѣтъ и духъ зависѣли всегда отъ поколѣнія дѣйствующаго; а это возрастъ отъ 30 до 60 лѣтъ. Дѣйствующее поколѣніе знаетъ то, что оно знаетъ, и хочетъ дѣлать только для себя; поэтому все, что стоитъ внѣ его, не пользуется особенной полноправностью и должно склониться передъ его правящей силой. Мы и дѣтей воспитываемъ по своимъ личнымъ понятіямъ, какъ-бы желая повторить себя въ нихъ, а не формируя ихъ для нихъ, для ихъ будущаго. Да кто его и знаетъ? Новое гуманное отношеніе къ дѣтямъ, кинувшееся въ крайность, составляетъ достояніе немногихъ, составляетъ достояніе интеллигенціи, но не народа и не тѣхъ, кто окруженъ суровой дѣйствительностью, небезопасностью и всеуправляющимъ экономическимъ

фактомъ. Простому человѣку сантиментальничать некогда, и нѣжное чувство чадолюбія въ его суровой жизни не можетъ занимать перваго мѣста. Вотъ почему деревенское дитя занимаетъ въ народныхъ отношеніяхъ совсѣмъ не то мѣсто, какое занимаетъ дитя интеллигенціи. Крестьянинъ раститъ себѣ въ ребенкѣ будущаго помощника, будущія рабочія руки. Онъ раститъ ихъ въ суровой средѣ, на спартанской постной похлебкѣ, среди лишеній, въ идеализма, стараясь извлекать изъ этой силы какъ можно раньше и какъ можно больше экономической силы. Интеллигенція возмущается безсердечностью и жестокостью народа, и, проникаясь гуманнѣмъ чувствомъ, она повсюду, начиная съ Англіи и кончая Россіей, издаетъ законы, оберегающіе дѣтскія силы отъ преждевременной эксплуатаціи и истощенія. Но не жестокость причиной того, что народъ относится, повидимому, слишкомъ практически къ своимъ подрастающимъ дѣтямъ. Не законъ научилъ интеллигенцію беречь дѣтей и не законъ научить народъ уберечь дѣтскую рабочую силу. Было-бы возможно—было-бы иначе; а если этого нѣтъ, значить и нельзя.

Статистическое описаніе архангельской губерніи сообщаетъ весьма любопытныя цифры отхожихъ промысловъ. Процентное отношеніе уходящаго населенія къ наличному составляетъ 8,2%. Конечно, немного. Но если этотъ небольшой процентъ мы разложимъ на болѣе живыя, говорящія цифры, то окажется вотъ что: мужчинъ, уходящихъ на промыслы, 13,553, женщинъ 3,866, дѣтей 2,236. Это цифры уходящаго населенія вообще, т.-е. какъ на долгосрочныя, такъ и на кратковременныя отлучки. Какъ среднія цифры, онѣ, конечно, недостаточно ясны, и роль дѣтей въ отхожихъ промыслахъ будетъ виднѣе изъ тахімум'овъ. А вотъ что говорятъ они: въ ломоносовской волости холмогорскаго уѣзда отлучающееся населеніе составляетъ 29,6% и въ томъ числѣ дѣтей 314 человѣкъ, а это составляетъ слишкомъ 7-ю часть всѣхъ дѣтей, отлучающихся по паспортамъ въ цѣлой губерніи. Мохченская волость, мезенскаго уѣзда, высылаетъ изъ себя 947 человѣкъ и въ томъ числѣ 329 дѣтей. Что значать отлучки дѣтей и какъ онѣ должны неблагоприятно на нихъ дѣйствовать, читатель увидитъ изъ описанія путешествія архангельскихъ покрученниковъ на Мурманскій берегъ. Путешествіе на Мурманскій берегъ, на разстояніи многихъ сотъ верстъ, сопряжено съ такими трудностями,

которыя можетъ преодолѣть только самая крѣпкая натура. Путешествіе начинается съ первыхъ чиселъ марта, цѣлыми толпами, и въ томъ числѣ мальчики отъ 7 до 15 лѣтъ, пѣшкомъ, среди пустыхъ тундръ. Отъ Кандаляши до Колы селеній уже нѣтъ, а есть только допарскія станціи, состояція изъ одной избы, да и ихъ-то всего 4 на разстояніи болѣе 200 верстъ. Изнуренные и иззябшіе путники, застигнутые мятелю, продолжающеюся по нѣскольку дней, должны останавливаться въ голой тундрѣ и ложиться на снѣгъ, прикрываясь какии-нибудь навѣсомъ, но и достигнувъ станціи, они очень часто не могутъ пользоваться ея удобствами. Если сошлось нѣсколько партій, то все, что не выѣстилось въ избы, должно располагаться на снѣгу въ тундрѣ. Этобы еще ничего, но большею частью къ холоду присоединяется голодъ; промышленники могутъ брать съ собою продовольствія столько, сколько въ силахъ унести; поэтому они должны экономничать продовольствіемъ, и не накапливаютъ, а, напротивъ, истощаютъ свои силы. Въ отчетѣ комитета по изслѣдованію этого промысла въ 1871 году говорится, между прочимъ, что „ослабивъ свои силы продолжительнымъ путешествіемъ, рабочіе являются въ свои становища предрасположенными къ будущимъ болѣзнямъ. По прибытіи на мѣсто они должны еще очистить свои промысловыя избы отъ льда, снѣга и грязи. И эти-то избы, большею частью ветхія, темныя, сырыя, построенныя изъ самаго плохого лѣса, служатъ единственнымъ пріютомъ для рабочаго. На пространствѣ какиихъ-нибудь 3—4 квадратныхъ сажень скучиваются отъ 10 до 15 и 20 человѣкъ рабочихъ, располагаясь въ рядъ по нарамъ, окружающимъ стѣны избы. Послѣ тяжкаго перехода рабочіе часто принуждены бывають по недѣлѣ и больше оставаться въ бездѣйствіи за непогодами; а этотъ отдыхъ въ нездоровомъ мѣстѣ, послѣ тяжелыхъ трудовъ, обыкновенно окончательно подрываетъ организмъ, и тогда-то является широкое поле для горячки, тифа, скорбута и прочихъ болѣзней. Въ избахъ нѣтъ никакой возможности отдѣлится здоровыхъ отъ больныхъ; въ той-же кучѣ помѣщаются и дѣти, и, конечно, все это выѣстѣ только усиливаетъ зараженіе и болѣзнь. Съ наступленіемъ промысловаго времени рабочіе отправляются въ море, гдѣ съ утра до ночи въ своей легкой, непродохраняющей отъ простуды одеждѣ стоятъ подъ сильнымъ вѣтромъ. Наживка постоянно замерзаетъ и они принуждены спускать ее въ мѣшкахъ для оттаи-

ванья въ море, а холода стоятъ нерѣдко такіе, что пока наживщикъ успѣетъ вынуть и насадить наживку, она снова замерзаетъ и руки его покрываются толстымъ слоемъ льда. Нерѣдки и случаи, когда разгулявшаяся непогода заставляетъ промышленниковъ бросить работу и искать спасенія на какомъ-нибудь голомъ островѣ или-же въ первой щели дикаго берега. Бываютъ случаи, что эти бури держатся по нѣскольку дней, не позволяя выйти изъ своего убѣжища, и тогда промышленнику приходится переносить не только холодъ, но и голодъ. Поэтому неудивительно, что мурманскій промыселъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ условія, которыя неизбѣжно влекутъ за собою различныя эпидеміи. По свидѣтельству врачей, Мурманъ, а отъ него по сосѣдству и кемскій уѣздъ, почти постоянно изъ года въ годъ посѣщаются различными эпидемическими болѣзнями, какъ возвратная и тифозная горячки. Такъ въ 1865, 1866, 1868 годахъ свирѣпствовала тамъ тифозная горячка, а въ 1867, 1870 и 1871—возвратная. Родиной этихъ заразительныхъ болѣзней служить Мурманъ, откуда зараженные промышленники разносятъ ихъ осенью по своимъ деревнямъ. Каково-же положеніе дѣтей и на-сколько сильное поколѣніе можетъ вырасти, если 7-ми-лѣтніе ребятишки должны совершать геркулесовскіе подвиги среди лишеній и труда, которые едва подъ силу даже взрослымъ? Отвѣтъ вы найдете, конечно, въ дарвиновскомъ законѣ, но отъ того, что все слабое должно вымирать и что, вслѣдствіе этого, уменьшается процентъ трудовыхъ силъ отъ 18 до 60 лѣтъ, едва ли есть какой-нибудь выигрышъ. Въ послѣднее время правительство обратило вниманіе на этотъ вопросъ и изъ Петербурга командировается каждое лѣто медикъ на мѣсто промысловъ. Мѣра эта въ настоящее время едва-ли можетъ привести къ какимъ-нибудь существеннымъ результатамъ. Нельзя отрицать того, что присутствіе медика можетъ быть полезнымъ въ моментъ нужды въ медицинской помощи, но въ сущности его помощь не предупреждающая и нисколько не вліяющая на тѣ коренныя условія и причины, которыя такъ вредно вліяютъ на здоровье промысловаго населенія. „Между тѣмъ, замѣчаетъ г. Минейко,—эти промыслы заслуживаютъ самой дѣйствительной поддержки и вниманія общества, хотя-бы ужь изъ-за того, что продукты, ими доставляемые, служатъ одной изъ главнѣйшихъ статей продовольствія для населенія всего сѣвернаго края“.

Послѣ такого замѣчанія можно было-бы ожидать, что г. Ми-

нейко для поддержки промысловъ такой важности дѣйствительно обратитъ на нихъ вниманіе общества и скажетъ объ нихъ все то, что сказать возможно. Правда, г. Минейко въ предисловіи говорить, что не намѣренъ повторять того, что писалось ранѣе объ архангельскомъ краѣ, но мы находимъ справедливѣе замѣчаніе Кольба: „хорошее слово скажи, и еще разъ скажи“. Если г. Минейко, какъ и многіе изъ современныхъ положительныхъ русскихъ людей, считаетъ научными и серьезными только мертвыя кабинетныя цифры о числѣ рождающихся и умирающихъ и о движеніи населенія, то зачѣмъ-же онъ, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, роняетъ какъ-бы ненарокомъ теплую мысль и живое слово; зачѣмъ онъ самъ заговорилъ о промыслахъ архангельскаго края, для которыхъ у него нѣтъ точныхъ цифръ, и зачѣмъ онъ самъ заставляетъ дѣлать выводы изъ неточнаго? А между тѣмъ какого богатого матерьяла коснулся г. Минейко и какую превосходную экономическую картину онъ могъ-бы нарисовать, если-бъ не положилъ въ основу своего изслѣдованія принципа самовоздержанія! Изъ раскинутыхъ у г. Минейко свѣденій мы узнаемъ, что морскіе промыслы вообще не отличаются вѣрностью заработка. Такъ погорѣловская волость отправила въ 1872 году на промыселъ 97 человекъ и изъ нихъ 67 получили по 10 р. 40 к., а 30 человекъ не выручили ничего. Изъ изслѣдованій г. Данилевскаго о звѣриномъ промыслѣ въ Бѣломъ морѣ извѣстно, что количество сала, отправляемаго за-границу архангельскими конторами, очень колеблется, такъ что, напримѣръ, въ 1845 г. было отправлено 15,509 пудовъ ворвани, въ 1854—5,402, а въ 1849—68,453. Еще мы узнаемъ, что промысловая выручка первыхъ рукъ отличается большею частью самымъ ничтожнымъ размѣромъ, и если Петербургъ платитъ очень дорого за рябчиковъ, глухарей, куроцатокъ и горностаевъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ карманы архангельскихъ охотниковъ текли золотыя рѣки. Въ архангельской губерніи охотой занимается одна 25-я часть населенія, и средняя выручка составляетъ 12 р. 90 к. на охотника. Цѣны на мѣстахъ поражаютъ своей ничтожностью. Горнотай продается за 35 коп., голубой песець 75 коп., олень съ мясомъ отъ 2 до 4 руб., пара соленыхъ гусей 15 к., пудъ пера 4 руб., пудъ семги 3 р. 50 к. Сельдь при обильномъ уловѣ и наступающихъ оттепеляхъ продается по 25 к. за возъ, въ которомъ считается до 12,000 сельдей. Въ

Сорокъ и сосѣднихъ деревняхъ, въ 96 коптильняхъ, коптятъ около 20,000,000 штукъ и продажная цѣна такой сельди 1 руб. за 1,000. Возь крупныхъ навагъ, отъ 4 до 4^{1/2} тысячъ штукъ, продается отъ 8 до 10 руб. Если, сообразивъ эти цѣны съ цѣнами, существующими въ Петербургѣ или Москвѣ, вы изумитесь, что получаете продукты архангельскихъ промысловъ необыкновенно дорого, то, во-первыхъ, подумайте, черезъ сколько посредствующихъ рукъ проходятъ всѣ эти наваги, семги, сельди и т. д. прежде, чѣмъ попадутъ вамъ въ ротъ, и сколько-же къ этимъ посредствующимъ рукамъ должно прилипать, если, примѣръ, 1,000 копченыхъ селедокъ, продающаяся на мѣстѣ въ коптильняхъ за 1 руб., продается въ Петербургѣ отъ 10 до 15 руб.! Знаменитая соловецкая сеledка, та самая, которая во время крымской войны продавалась у насъ повсюду за королевскую, продается на мѣстѣ отъ 40 до 50 к. за боченокъ. Мы ограничиваемся только короткими указаніями и хотѣли лишь навести читателя на мысль о распредѣленіи и о размѣрѣ вознагражденія, которое приходится на долю перваго производителя и всѣхъ тѣхъ послѣдующихъ посредниковъ, которые сближаютъ его съ потребителями. Вопросъ этотъ, конечно, еще на долго останется для насъ вопросомъ чисто-теоретическимъ, и мы не ошибемся, если скажемъ, что его практическое разрѣшеніе лежитъ много дальше вопроса о всеобщемъ народномъ образованіи. Мы напомнимъ читателю извѣстный афоризмъ, высказанный у насъ, когда экономическое мышленіе занимало насъ больше, чѣмъ теперь: „оттого-ли мы бѣдны, что глупы, или оттого глупы, что бѣдны?“ Вѣра въ панацеи и въ мгновенно дѣйствующія лекарства для насъ кончилась; теоретическій пылъ простылъ, иллюзіи и самообольщеніе никого уже не увлекаютъ и само себя провѣряющее общественное сужденіе требуетъ теперь факта. Вотъ почему въ подобныхъ изслѣдованіяхъ, какое предпринялъ г. Минейко, мы-бы желали побольше экономическаго содержанія, побольше данныхъ, которыя-бы очерчивали точно картины народнаго экономическаго быта, а этого-то именно и недостаетъ у г. Минейко. Такъ, примѣръ, въ вопросѣ о бобыляхъ, г. Минейко, выписавъ рядъ цифръ, дѣлаетъ изъ нихъ слѣдующій выводъ: „Относительно числа бобылей мезенскій уѣздъ, вмѣстѣ съ онежскимъ, представляетъ minimum 3,3 (на 1,000) сравнительно съ кемскимъ, гдѣ ихъ maximum 9“. Развѣ можно назвать это выводомъ, когда въ немъ повторяются только цифры, приведенныя выше въ таблицѣ? Или, замѣчая, что

въ отношеніи числа вдовъ и сиротъ самое неблагоприятное явленіе представляетъ онежскій уѣздъ, г. Минейко говоритъ, что причину этого должно искать въ господствующихъ тамъ промыслахъ. Конечно, это такъ, но одной короткой фразы для насъ еще слишкомъ мало. Нѣтъ, вы разложите ее на основныя понятія, разложите, такъ-сказать, химически вопросъ объ имущественной несостоятельности на элементы, и тогда мы овладѣемъ не только полнымъ представленіемъ объ этомъ вопросѣ, но и выяснимъ себѣ свои собственныя силы въ отношеніи того или другого его разрѣшенія. Есть человѣческія состоянія и общественныя положенія, которыя, подчиняясь какимъ-то невѣдомымъ намъ законамъ, получаютъ роковой характеръ, и передъ силой этого рока оказывается ничтожной какъ единоличная, такъ и коллективная воля. Къ такимъ явленіямъ принадлежитъ фактъ, указанный Кетле, о постоянно правильномъ числѣ писемъ безъ адресовъ. Намъ остается лишь замѣтить этотъ фактъ—и только. Въ законѣ смертности, гдѣ главнымъ агентомъ является природа, которою человѣкъ еще до сихъ поръ не овладѣлъ, да и долго еще не овладѣетъ, мы опять встречаемся съ подобнымъ-же роковымъ и неустранимымъ закономъ. Но кромѣ подобныхъ роковыхъ состояній, лежащихъ внѣ воли и средствъ человѣка, потому что до нихъ не доросло еще человѣческое знаніе, есть вопросы легко разрѣшимые и положительно доступные нашимъ силамъ даже въ настоящее время. Г. Минейко говоритъ, что въ архангельской губерніи считается 12,298 вдовъ и 2,691 сирота. Развѣ цифры эти подвигаютъ насъ хоть на одинъ шагъ впередъ? Общій-ли законъ смертности причиной такого количества безпріютныхъ одиночекъ, тотъ самый законъ, который дѣйствуетъ, напримѣръ, въ обезпеченной интеллигенціи, или-же усиленное вдовство и сиротство архангельской губерніи зависитъ еще отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ? Отчего зависитъ цифра бобылей, домохозяевъ, неимущихъ скота, и нищихъ? Въ санитарномъ, экономическомъ и промышленномъ отношеніяхъ представляетъ-ли архангельская губернія какую-нибудь обособленность сравнительно съ другими губерніями Россіи или-же она опутана такими роковыми путями, что никакія практическія административныя мѣры не въ состояніи помочь ей неустранимому, стихійному состоянію? Мы думаемъ, что г. Минейко стоялъ на пути къ разрѣшенію этого вопроса, и если-бъ онъ отдался изслѣдованію голыхъ фактовъ, фактовъ правдивыхъ, точ-

ныхъ, не окрашенныхъ никакой односторонней тенденціозностію, если-бы, какъ и теперь, онъ воздержался отъ всякихъ страстныхъ выводовъ и говорилъ-бы просто, но за то и не пропуская ничего, его изслѣдованіе получило-бы чисто-общественный характеръ и было-бы такъ-же драгоценно, какъ извѣстный трудъ высочайше утвержденной комисіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ Россіи.

Климатъ и почва архангельской губерніи ставятъ ее въ исключительное положеніе, потому что населеніе ея не можетъ прокармливаться собственнымъ хлѣбомъ. Единственное исключеніе составляетъ шенкурскій уѣздъ, да и тотъ только при благопріятномъ урожаѣ производитъ себѣ хлѣба на годъ. Другіе уѣзды, при такихъ-же благопріятныхъ условіяхъ, производятъ хлѣба только на извѣстное число мѣсяцевъ: холмогорскій на 9, онежскій и пинежскій отъ 5 до 7, мезенскій и кемскій отъ 3 до 5, а есть въ губерніи и такія мѣстности, гдѣ вовсе не существуетъ хлѣбопашества. Крестьяне очень хорошо знаютъ этотъ расчетъ, и потому запасаются заблаговременно хлѣбомъ, привозимымъ весною къ архангельскому порту изъ вятской губерніи. Крестьянинъ рассчитываетъ, конечно, на условія благопріятныя и какъ-бы игнорируетъ случайности, измѣняющія его средній расчетъ, а эти-то случайности играютъ въ архангельской губерніи роль не только очень важную, но и должны дѣйствовать подъ давленіемъ постояннаго закона, который можетъ быть опредѣленъ приблизительно. Главное зло хлѣбопашеству причиняютъ морозы, когда зерно не выспѣваетъ и получается только солома для скота. Въ послѣднее тридцатилѣтіе такими злополучными годами были 1843, 1845, 1852, 1855, 1856, 1857, 1862, 1863, 1864, 1865, 1867 года.

Подобное положеніе губерніи уже съ прошлаго столѣтія обратило на себя вниманіе правительства, и кромѣ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, указомъ 1764 года возложена на торгующее купечество обязанность изъ отправляемаго за-границу хлѣба оставлять пятую часть въ портахъ, такъ чтобы въ мѣстныхъ складахъ находилось постоянно не менѣе 50,000 четвертей. Хлѣбъ этотъ продавался нуждающимся по цѣнѣ, въ которую онъ обходился торгующимъ съ доставкой. Подобный налогъ, падавшій исключительно на отдѣльныхъ лицъ, конечно, долженъ былъ вызвать недовольство, и, ссылаясь на стѣсненіе заграничной торговли, купечество просило разрѣшенія устроить въ Архангельскѣ общественный запасный ма-

газинъ съ постояннымъ складомъ 400,000 пудовъ муки. На устройство магазина купечество просило у правительства заимообразно 250,000 руб., съ разсрочкой платежа на нѣсколько лѣтъ. Ходатайство было уважено и въ Архангельскѣ учрежденъ большой хлѣбный магазинъ, названный впоследствии дирекціей. Дирекціей завѣдывала городская дума и заготовка хлѣба на случай голода производилась лицами торговаго званія. Подобная мѣра была признана правительствомъ, вѣроятно, наиболее практичной и дѣйствительной, потому что заготовка хлѣба въ голодные года черезъ купцовъ продолжалась и до послѣдняго времени. Хотя дирекціонный магазинъ и оградилъ архангельское купечество отъ внезапныхъ запрещеній вывоза хлѣба, но мѣстнаго населенія отъ неурожаевъ не обезпечилъ. Такъ въ 1810 году внезапно послѣдовало высочайшее повелѣніе задержать до 100,000 четвертей хлѣба, предназначеннаго къ заграничному отпуску. Но какъ дирекція была мѣрой крайней, для случаевъ исключительныхъ и внезапныхъ, то въ началѣ нынѣшняго столѣтія открыты въ губерніи сельскіе запасные магазины, а въ концѣ 50-хъ годовъ, въ мѣстности, гдѣ не существуетъ хлѣбопашества или гдѣ оно существуетъ въ незначительныхъ размѣрахъ и гдѣ крестьяне затрудняются покупать хлѣбъ у частныхъ лицъ, учреждены постоянные склады хлѣба для продажи. Мѣра эта оказалась самой благотѣльной. Впрочемъ, нашъ вопросъ собственно не объ этихъ мѣрахъ. Мы за этими мѣрами видимъ безсиліе мѣстнаго населенія и недостатки его промышленныхъ и экономическихъ производительныхъ силъ, вслѣдствіе чего оно находится въ постоянной зависимости отъ внѣшней заботливости. На сколько производительныя средства народа стояли ниже его потребностей и на сколько онъ былъ безпомощенъ въ борьбѣ за существованіе безъ внѣшней поддержки, говоритъ очевидно всего долгъ народа за сѣдненное имъ казенное продовольствіе. За хлѣбъ, выданный крестьянамъ въ ссуду, считалось на нихъ долгу ко времени учрежденія палаты государственныхъ имуществъ 560,000 р. асигнаціями. Во время крымской войны, когда блокада бѣломорскихъ портовъ отняла отъ архангельскаго края всѣ его промышленныя заработки, нищета населенія обнаружилась въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, что безъ поддержки правительства значительной части населенія угрожала положительно голодная смерть. Затѣмъ начались неурожай и потребовались новыя пожертвованія со стороны казны.

Несмотря на то, что долгъ крестьянъ за продовольствіе взыскивался довольно энергически, въ 1872 году долговая недоимка губерніи составляла 619,548 руб. Цифра эта будетъ еще понятнѣе читателю, если мы ему покажемъ отношеніе ея къ годовому окладу крестьянскихъ повинностей. Напримѣръ, въ сюземской волости недоимки и долгъ составляютъ 37 р. 73 коп., а окладъ 11 р. 73 к. на рабочую душу. Въ яковлевской волости холмогорскаго уѣзда недоимка и долгъ 54 р. 50 к., а окладъ 12 р. 69 к. Въ пинежскомъ уѣздѣ, не представляющемъ особыхъ крайнихъ *minim*'овъ и *maxim*'овъ, недоимка и долгъ равны 17 р. 75 к., а окладъ 11 р. 14 к. Цифры эти краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій указываютъ на то, что ни сельское хозяйство, ни промыслы не заключаютъ въ себѣ для населенія края обезнечивающихъ его средствъ. Мѣстныя производительныя силы положительно подавлены и парализованы естественными препятствіями, которыхъ народъ побѣдить еще не въ состояніи. И приходя къ такому выводу, мы не можемъ воздержаться отъ вопроса—отчего мѣстная архангельская интеллигенція, отличающаяся, повидимому, и достаточнымъ отчизнолюбіемъ, и умственнымъ средствомъ, и энергіей труда, не разложитъ своего основнаго экономическаго вопроса на составные элементы и не только не дастъ общихъ выводовъ, но не даетъ даже и частныхъ цифръ, знакомящихъ съ основными подробностями?

Какъ ни печально, но отвѣтъ на этотъ упрекъ мы читаемъ въ отвѣтѣ г. Совѣтова, сдѣланнаго имъ засѣданію с.-петербургскихъ сельскихъ хозяевъ 18-го января. Докладчикъ говорилъ о рабской зависимости сельскихъ хозяевъ отъ погоды, онъ указывалъ на тѣ атмосферическія аномаліи, которыми отличался прошедшій годъ. Конечно, объясненіе академика Вильде, что температура европейскаго материка, завися отъ направленія циклоновъ и антициклоновъ (морскія теченія), не можетъ предупредить голодныхъ годовъ, потому что законъ, управляющій морскими теченіями, еще неизвѣстенъ, но этимъ мы еще не можемъ оправдывать своего невниманія къ метеорологіи и недостатку людей, которые-бы могли посвятить свои умственныя силы на изслѣдованіе подобныхъ вопросовъ. Теперь уже положительно извѣстно, что самарскій неурожай произошелъ не отъ истощенія почвы или небрежной обработки полей, а исключительно отъ причинъ климатологическихъ; а между тѣмъ у насъ не существуетъ ни климатологическихъ изслѣдованій, ни изслѣдованій эко-

номическихъ, ни изслѣдованій промышленныхъ и торговыхъ. А пока этого не случится, вся наша экономическая жизнь будетъ идти ошупью, путемъ случайныхъ поправокъ и замазыванія прорѣхъ, которыя мы создаемъ сами своимъ собственнымъ невѣденіемъ.

Если, такимъ образомъ, причины ненормальныхъ отношеній производительныхъ средствъ народа и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ промышленности нужно искать въ недостаткѣ интеллектуальныхъ средствъ, то упрекомъ этимъ можно меньше всего бросить въ народъ. Не къ архангельскимъ поморамъ мы обратимся съ вопросомъ, почему на нихъ лежатъ неоплатныя недоимки и почему ихъ производительныя средства слабѣе ихъ самыхъ ограниченныхъ, нищенскихъ потребностей, — мы обратимся съ вопросомъ къ г. Минейко и спросимъ его, что сдѣлала архангельская интеллигенція, чтобы овладѣть хотя теоретически силами подавляющей архангельской природы. Пока не разрѣшится вопросъ, поставленный подобнымъ образомъ, мы только будемъ путаться въ цифрахъ и будемъ не господами, а рабами ихъ. Припомните, что Гете сказалъ о статистикѣ: „Man sagt oft: Zahlen regieren die Welt. Das aber ist gewiss, Zahlen zeigen, wie sie regiert wird“.

Въ томъ видѣ, какъ г. Минейко даетъ свои цифры, онъ не больше, какъ скорбная лѣтопись малосилія архангельскаго края. Все, что ни читаете въ нихъ, говоритъ вамъ постоянно о суровой, неокружимой природѣ, о бѣдной почвѣ, о холодномъ, парализующемъ климатѣ, и, что печальнѣе всего, о необыкновенно слабо прогрессирующемъ развитіи внутреннихъ производительныхъ силъ. Даже физическая немощь архангельцевъ имѣетъ свой особенный архангельскій характеръ. Оставляя въ покоѣ слѣпыхъ, хромыхъ и безрукихъ, — хотя неоспоримо немощные послѣднихъ двухъ категорій должны находиться въ прямой зависимости отъ мѣстныхъ промысловъ, — мы обратимъ вниманіе читателя на слабыхъ отъ рожденія, глуповатыхъ, сумасшедшихъ и больныхъ икотю. Въ числѣ архангельскихъ немочей икота занимаетъ первое мѣсто и составляетъ 32% общей немощности. Въ пинежскомъ уѣздѣ больныхъ икотю считается 489 человекъ, въ мезенскомъ 405, а процентъ отношенія всѣхъ немощныхъ къ населенію въ первомъ уѣздѣ 3,65, а во второмъ 2,47. Цифра сумасшедшихъ самая слабая изъ всѣхъ, но зато глуповатые и слабые отъ рожденія составляютъ 23% всего числа немощныхъ. Любопытно, что число слѣпыхъ соотвѣтствуетъ

проценту глуповатыхъ, а въ холмогорскомъ и пинежскомъ уѣздахъ преобладаютъ слабые отъ рождения. Первое обстоятельство г. Минейко объясняетъ вліяніемъ климатическихъ условій, потому что самое значительное число слѣпыхъ и глуповатыхъ приходится въ мезенскомъ уѣздѣ на Печорскій край, а въ кемскомъ на корельскія волости, пограничныя съ Финляндіей. Не отрицая вліянія климата на состояніе умственныхъ способностей населенія, мы можемъ возразить г. Минейко, что суровый климатъ только въ такомъ случаѣ обнаруживаетъ вліяніе, когда противъ суровости нѣтъ средствъ бороться. Извѣстно, что суровый климатъ Исландіи и Канады совсѣмъ не обнаруживаетъ ничего подобнаго на энергическое и обеспеченное населеніе этихъ мѣстностей; слѣдовательно, оставляя въ сторонѣ вопросъ о климатѣ, нужно формулировать выводъ г. Минейко нѣсколько иначе; а въ такомъ случаѣ мы скажемъ, что вуровый климатъ лишь въ такомъ случаѣ обнаруживаетъ вредное сліяніе на нравственный и физическій организмъ когда ни внутреннія силы организма, ни внѣшнія условія быта не въ состояніи успѣшно противодѣйствовать естественнымъ климатическимъ условіямъ. Въ этой формулѣ лежитъ совсѣмъ иной внутренній смыслъ, чѣмъ въ выводѣ г. Минейко. По его выводу, климатъ заключаетъ въ себѣ нѣчто роковое и неустранимое, но нашему же онъ зависитъ вполне отъ способныхъ къ противодѣйствію силъ человѣка. Но въ томъ-то и бѣда, что въ архангельскомъ краѣ оказывается слишкомъ мало этихъ силъ, и вотъ почему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда архангельскому краю приходится сталкиваться съ производительными силами другихъ мѣстностей, онъ уступаетъ имъ всегда первое мѣсто. Уже, кажется, архангельскій край не обиженъ водой, не обиженъ ни морскими звѣрями, ни рыбой, ни лѣсными богатствами, ни дичью, а между тѣмъ маленькая Норвегія, которой-бы, казалось, гораздо ближе и удобнѣ имѣть дѣло съ Европой, держитъ архангельскій край въ своихъ рукахъ и, стыдно сказать, снабжаетъ его рыбой и солью. Такъ, въ архангельскому порту привозилось изъ Норвегіи трески, сайды, палтусины въ 1835—44 годахъ 110,800 пудовъ, въ 1864—73—454,472 пуда, а съ русскаго берега въ первый періодъ только 98,865 пудовъ; количество же привезенной рыбы во второй періодъ даже вовсе неизвѣстно. Любопытно здѣсь не только наше русское производительное безсиліе, но даже и безсиліе статистическое, потому что намъ гораздо

лучше извѣстно то, что привозить въ Архангельскъ Норвегія, чѣмъ то, что привозимъ мы сами. Вообще къ Архангельску было привезено изъ Норвегіи 577,428 пудовъ рыбы, а съ русскаго берега 403,234 пуда или на 174,194 пуда менѣе. Если мы допустимъ, что данныя г. Минейко изъ памятной книжки архангельской губерніи за 1850 годъ и не совсѣмъ точны, хотя officialный ихъ характеръ даетъ имъ достаточную силу авторитета, то мы все-таки не можемъ допустить такую въ нихъ невѣрность, чтобы онѣ поколебали общій выводъ о перевѣсѣ норвежскаго привоза надъ туземнымъ архангельскимъ. На-сколько Норвегія постоянно подавляетъ архангельскій край, можно видѣть еще рѣзче изъ сравненія числа приходящихъ къ Архангельску судовъ. Такъ въ періодъ 1837—46 годовъ пришло изъ Норвегіи 94 судна, а въ 1863—74—246 судовъ. Изъ приморскихъ-же мѣстъ пришло въ первый періодъ 861 судно, а во второй — 688, т. е. число норвежскихъ судовъ увеличилось въ 10-лѣтіе на 142, а число русскихъ судовъ уменьшилось на 173. Какія-же этому причины, г. Минейко, и что дѣлать архангельскому краю? То, что вы воздерживаетесь отъ всякихъ общихъ выводовъ и даете только голыя цифры, конечно, служить признакомъ научной осторожности, но, съ другой стороны, недостатокъ вторыхъ и поясняющихъ цифръ, конечно, тоже не составляетъ статистической заслуги и является пропускомъ, который нельзя оправдывать ни съ научной, ни съ не научной точки зрѣнія. Г. Минейко говоритъ съ гордостью, что его цѣлью было дѣлать не выводы, не заключенія, на что такъ легко пускаются многіе, вооруженные самымъ ничтожнымъ запасомъ данныхъ, но что онъ поставилъ себѣ задачей изслѣдованіе на первый разъ самаго качества представляемыхъ данныхъ, оцѣнку достовѣрности ихъ, изысканіе тѣхъ приемовъ, которые могутъ быть употреблены впоследствии для достиженія большей ихъ опредѣленности и вѣрности. Итакъ, г. Минейко вмѣсто цифръ даетъ приемы, онъ гордится своей математической точностью и свои цифры считаетъ азбукой науки.

„Не изучивъ ее, кто можетъ ручаться, что мы будемъ вѣрно читать понятія, изображенныя этой азбукой?“ спрашиваетъ г. Минейко. Ахъ, г. Минейко, и вы, остальные русскіе статистики! проглядите еще разъ всѣ свои труды и кропотливо собранныя цифры, положите руку на сердце и признайтесь искренно, что вы гордитесь совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ вамъ гордиться. Не дѣлай-

те выводовъ и обобщеній, если вы ихъ дѣлать не въ состояніи, — ихъ никто отъ васъ и не требуетъ. Не [недостаткомъ обобщеній] страдаютъ ваши труды, но страдаютъ недостаткомъ цифръ и вѣчными повтореніемъ ихъ въ тѣхъ сухихъ и неподвижныхъ формахъ, которыя создали для васъ ваши предшественники, — страдаютъ рутиной, отъ которой вы отступить не смѣете. У васъ просто мало цифръ, нѣтъ живыхъ цифръ, и потому для объясненія вашихъ общихъ итоговъ никогда не найдешь у васъ вторыхъ, объясняющихъ и руководящихъ указаній. Подобная статистика, при самыхъ непогрѣшимыхъ приемахъ и точныхъ математическихъ цифрахъ, никогда не будетъ живой и жизненно-руководящей наукой.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

Чужое преступленіе. Часть II. (Гл. I—VIII.)	<i>П. Лытнева.</i>
Голодь. Стихотвореніе	<i>В. И. Славянскаго.</i>
Законъ и жена. Романъ. (Гл. XIX—XXIX.)	<i>Уильки Колинза.</i>
Искушеніе. Стихотвореніе. (Изъ К. Рюгге.)	<i>А. Михайлова.</i>
Общественное образованіе въ Цюрихъ. (Статья первая.)	<i>Эль Трио.</i>
Безпокойный. Стихотвореніе.	<i>Цетра Бикова.</i>
Развитіе европейской мысли XVI — XIX вѣка. (Ст. вторая.)	<i>С. Ставрѣна.</i>
** Стихотвореніе.	<i>Омулевскаго.</i>
Дѣятельность земства и его литература. (Окончаніе.)	<i>Д. Л. Мордовцева.</i>
Вторая имперія и французская пресса. .	<i>А. Михайлова.</i>
Тоска по родинѣ. Стихотвореніе. (Изъ Ф. Коппе.)	<i>М. Н.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Безсиліе творческой мысли.	<i>Н. Языкова.</i>
Князь Бисмаркъ. Биографическій очеркъ. (Продолженіе.)	<i>Э. Трио.</i>
Научная хроника	<i>П. Граціоми.</i>
Вэверъ-паша и его экспедиція въ централь- ную Африку	
Гоголевскій періодъ.	<i>С. Ставрѣна.</i>
Новыя книги.	
Парижскія письма	<i>Анонима.</i>
Внутреннее обозрѣніе.	

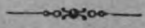

сы времени. Иннокентія Болдонова и Рихарда-Августа-Карла Фербнндера. Изданіе газеты „Сибирь“. Иркутскъ. 1874.—**Таперича надо будшой риформъ дѣлать!** Мурзы Ахмета Ишанбаева. Казань. 1874.—**Исторія неба.** К. Фламаріона. Перев. М. Лобачъ-Жученко. Съ рисунками Бенета. Спб., 1875. — **Очеркъ жизни и дѣятельности Іоанна-Генриха Песталоцци (1746—1827).** Составилъ по Морфу, Зейфарту и другимъ Николай Михайловъ. Изд. жур. „Грамогій“. 1874.

XVIII. ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. АПОНИМА.

XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Наша статистика и новый пріемъ г. Минейко. — Рабочій возрастъ архангельской губерніи, ея интеллектуальное богатство и земледѣльческія силы. — Народное образованіе архангельскаго края и петербургской губерніи. — Промышленное слабосліе. — Нищета и немощи. — Безсиліе архангельской интеллигенціи, промышленный регрессъ края и скорбное молчаніе мѣстныхъ статистиковъ.

ТОЛЬКО - ЧТО ВЫШЕЛЪ ОТДѢЛЬНЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ И ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

РОМАНЪ П. ЛѢТНЕВА:

ВНѢ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИНТЕРЕСОВЪ

изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р.

РОМАНЪ ЛУИЗЫ АЛЬКОТЪ:

АМЕРИКАНКА.

Цѣна безъ перес. 1 р. 20 к. Съ перес. 1 р. 50 к.

На всѣ изданія Редакціи журнала „Дѣло“ уступается подписчикамъ на этотъ журналъ 20%.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1875 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1875 ГОДУ

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по
Надеждинской улицѣ, д. № 39) и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова,
на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи
Ольхиной, и въ Книжномъ Магазинѣ
для Иногороднихъ, на Невскомъ, въ д.
Льенигова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловьева,
на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алек-
сѣева; а также въ книжномъ магазинѣ
А. А. Васильева, на Страстномъ буль-
варѣ, въ д. Шамардина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	15 „ 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества —
20 р.; Франція и Данія — 21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція
и Греція — 22 р.; Швейцарія — 23 р.; Италія — 24 р.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ гг. казначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 121